Н. Кабузан

Русские в мире

РОССИЯ

В ЦИФРАХ

И ДОКУМЕНТАХ

Russian Academy of Sciences
Institute of Russian History

V. Kabuzan

Russians of the World

The dynamics of size and settling (1719-1989)
The formation of ethnic
and political borders of the Russian people

Russian Baltic Information Center "BLITZ"
Publishing House

St. Petersburg
1996

Российская Академия наук

Институт российской истории

В. Кабузан

Русские в мире

Динамика численности и расселения (1719–1989)
Формирование этнических
и политических границ русского народа

Издательство Русско-Балтийский
информационный центр "БЛИЦ"

С.-Петербург
1996

Художник
Н.С. Каштанова

Перевод на английский язык вступительной статьи
Бетси Лаупи

Institute of Russian History at the Russian Academy of Sciences and the Russian Baltic Information Center BLITZ would like to extend their sincerest gratitude to their dear friend Mr. W. Edward Nute. Without his help and contribution, this edition would never have existed.

Институт Российской истории Российской Академии Наук и Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ выражают глубочайшую признательность своему другу г-ну Эдварду НЬЮТУ, без моральной и финансовой поддержки которого это издание не увидело бы свет.

ISBN 5–86789–022–8

© Кабузан В.М., 1995
© Институт российской истории РАН, 1995
© Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1995

От редактора

«Русские в мире...» В.М.Кабузана — одна из тех работ, о которых по праву можно сказать, что они призваны формировать новое русское государственное мышление, историческую идеологию России. Вряд ли широкий читатель станет взахлеб читать сотни страниц цифр и всевозможных таблиц. Но даже просмотрев вступление и заключительные разделы каждой из главок, он почувствует, как за сухими процентами и промилле бьется раненное сердце народа, льется горячая человеческая кровь... Научные исследования принято писать «без гнева и пристрастия», без оглядки на политику. Но люди — не атомы и не животные. При описании даже косвенных следствий трагических событий человеческой истории политика вторгается в кабинет ученого зачастую помимо его воли.

Простейший пример. Как оценить размеры «белой» эмиграции и русской послевоенной эмиграции, число «ди пи» российской квадратуры круга (да простится мне печальный каламбур)? До самого недавнего времени российским исследователям приходилось работать с официальными советскими данными, с трудами историков стран социалистического лагеря и наиболее известных западных авторов. Но по разным причинам, как правило, политического свойства не только советские, но и вполне, казалось бы, респектабельные западные данные бывают неубедительны. В главке «Русские в „дальнем" зарубежье» рассматриваемой работы мы узнаем, что «в США в 1920 г. было зарегистрировано 732 тыс. чел., которые отнесли себя к русским», в 1930 — более 1 млн., в 1959 г. — 780 тыс., а в 1980-е годы снова около 1 млн., причем в 1980 г. зарегистрировано 2,8 млн. чел., «русского происхождения». Как это понимать? Почему после Второй мировой войны, когда, как всем известно, многие «перемещенные лица», да и представители «старой» эмиграции уезжали за океан, русских там стало меньше, чем до войны? И каким образом 780 тыс. чел. 1960-х годов через 20 лет размножились в 3,5 раза? Неужели еврейская эмиграция из чувства ностальгии в настолько массовом порядке записывалась в «русские по происхождению»? Конечно, нет. Просто в период маккартизма в США сложилась трагическая для русских ситуация, когда их одновременно могли подозревать и в симпатиях к советской власти, и, наоборот, в сокрытии сотрудничества с гитлеровцами во время войны. В этих условиях многие сочли за лучшее не называть себя русскими, но так как прямая фальсификация происхождения по американским законам трактовалась бы как введение в заблуждение правительства США и влекла за собой высылку из страны (с достаточной долей вероятия — в СССР), получил распространение официальный эвфемизм «русские по происхождению» (мы, мол, татаре, украинцы, немцы, цыгане, но с русской родословной). Позднее, на гребне «диссидентской» волны быть русским стало безопасно, а порой и престижно, и численность их сразу возросла. Но единожды назвав себя не настоящим русским, а всего лишь «русским по происхождению», признаться, что соврал, по тем же иммиграционным законам было уже нельзя.

Естественно, все это делает почти невозможной точную оценку размера русской эмиграции и повышает ценность еще одного пласта источников: трудов представителей самой эмиграции (конечно, тоже не беспристрастных). К сожалению, большинство этих исследований до недавнего времени было почти недоступно для наших специалистов. Более того, даже сейчас многие из них почти неизвесны, ибо были изданы крайне малыми тиражами в периодике или небольшими брошюрами. Так, помимо используемой В.М.Кабузаном работы С.Максудова «Потери населения СССР» (Вермонт, 1989) следует упомянуть хотя бы известную статью И.Курганова «Три цифры» (Москва, журнал «Посев» № 2, 1993) и брошюру многолетнего председателя Народно-Трудового Союза российский солидаристов (НТС) В.Д.Поремского «Политическая миссия русской эмиграции» (Франкфурт-на-Майне, издательство «Посев», 1954).

В рамках заявленной темы трудно избежать и некоторых межнациональных проблем.

Еще один пример. Трагические события истории стоят за сухими цифрами «прямой физической убыли» казахов в двадцатые и тридцатые горы нашего века. Это басмаческое движение и геноцид западных, прежде всего мангышлакских казахов, частично руками казахов восточных (используя межплеменные противоречия). К сожалению, «мертвые хватают живых», и сегодняшняя напряженность в отношениях русских с казахами и близкородственными им киргизами — в значительной мере следствие тех лет.

Таковы только некоторые мысли, появляющиеся при внимательном чтении этой книги, которая, хочется верить, станет важным подспорьем не только для наших историков, но и для политиков.

Ростислав Евдокимов

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ. ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ

Цель настоящего исследования — изучение динамики численности и размещения русского этноса в XVIII–XX вв. на территории Российской империи, СССР и России в ее современных рубежах и в других регионах мира. Мы ставим своей целью не только установить динамику численности русского этноса, но и проследить, как формировались политические и этнические границы русского государства и русского этноса и как в результате преобразований 20 — начале 90-х годов XX в. многие русские этнические территории оказались за пределами русских областей и русского государства. Важнейшие административно-политические реформы были проведены без учета интересов населения. Огромное государство (СССР) распалось без какого бы то ни было референдума или даже простого опроса жителей. В результате политические и этнические границы большинства этносов оказались несовмещенными во многих случаях. Это стало не исключением, а скорее правилом и привело уже к целому ряду межэтнических конфликтов, в ряде регионов бывшего СССР. А новые конфликты назревают во многих других регионах.

Именно поэтому анализ движения русского этноса предполагается провести в границах как Российской империи конца XIX в., так и тех государственных образований, которые здесь возникли после 1917 г.

Установление динамики численности и территориального размещения русского населения на территории России и бывшего СССР, а также за их пределами в XVIII–XX вв. связано с большими трудностями как из-за несовершенства российской и советской статистики, так и из-за частых изменений внутренних и внешних границ. Учесть все административно-территориальные преобразования исключительно трудно. Это возможно лишь в случае реконструкции условных неизменных границ за весь период на определенную условную дату. А для этого необходим анализ по каждому отдельному населенному пункту. Но поскольку их в России на начало XVIII в. было уже почти 500 тыс., такая работа непосильна отдельным исследователям. Однако за большие отрезки времени это возможно со значительной долей точности.

Историография по рассмотренной проблеме располагает сравнительно небольшим числом работ. В опубликованной в 1851 году видным русским статистиком П.И.Кеппеном работе «Этнографическая карта Европейской России» не выделены ареалы восточнославянских этносов: русских, украинцев и белорусов[1]. Впервые это было сделано в исследовании видного картографа и статистика второй половины XIX в. А.Ф.Риттиха. По материалам полицейского исчисления 1867 г. им определена численность и размещение русского и других этносов в Европейской части России (включая Царство Польское и Финляндию) по уездам и составлена превосходная «этнографическая» карта[2].

В конце XIX — начале XX вв., несмотря на перепись 1897 г., подобная работа в общероссийском масштабе не проводилась.

В советский период по данной проблеме появился целый ряд работ. Однако долгое время публиковались труды, в которых анализировался этнический состав по материалам опубликованных переписей 1897–1989 гг[3]. Этому в немалой мере способствовало укоренившееся представление о том, что «систематические данные о национальном составе населения страны в XVIII — XIX вв. отсутствуют»[4].

Однако именно в этот период был создан частично опубликованный в 90-е годы комплекс работ В.М.Кабузана и С.И.Брука об этническом составе населения России в целом и русского этноса в частности в XVIII — начале XX вв[5]. Эти исследования не являлись сквозными. Они не анализировали изменения в численности и процесс формирования русской этнической и государственной территории за весь период с рубежа XVIII в. по конец 80-х годов XX в. на сопоставимой территории. Тем самым исключалась реальная возможность показать, как многие старинные русские этнические территории, где русский этнос абсолютно преобладал уже в начале XVIII в., оказались в составе иных государственных образований, хотя здесь ныне проживает 40 млн. этнических русских и более 50 млн. русскоязычных жителей[6]. Не была на должном уровне проведена работа по определению влияния воспроизводства населения, миграционных и этнических процессов на изменения в численности и географическом размещении русского этноса. Подобные исследования никогда не признавались у нас актуальными. В 70–80-е годы XX в. основное внимание уделялось исследованию так называемого «советского народа» как единого и неделимого целого[7]. Поэтому печатание работ по отдельным этносам считалось несвоевременным и неактуальным. С середины 80-х годов печатание новых работ о «советском народе» также неожиданно прекращается. Более того, в изданном в 1988 г. справочнике «Народы мира»[8] ему не было отведено ни одной строки. Тем не менее, конкретные исследования по этнической статистике по-прежнему не считаются у нас актуальными и дело здесь, видимо, в том, что погоду у нас продолжают делать авторы теории «советского народа». Особенно трудно издавать какие бы то ни было исследования о русском этносе. Основополагающих «товарищей» пугает удручающая картина передачи нашим ближайшим соседям огромных территорий, населенных почти исключительно русскими, которые подвергаются теперь различным видам дискриминации. Они предпочитают ничего об этом не знать, видимо, наивно думая, что правда об этом может не дойти до массового читателя.

* * *

Первые весьма несовершенные попытки учета населения в России предпринимались с конца XV в. До середины XVI в. население учитывалось так называемыми писцовыми описаниями. С середины XVI в. по 1717 г. жители регистрировались общегосударственными подворными переписями (1646, 1678–1679, 1710 и 1717 гг.). Анализ материалов подворного учета населения России проведен Я.Е.Водарским[9]. Из его трудов можно сделать вывод о том, что в середине XVII в. большая часть русского этноса расселялась в местах его исконного формирования (Центрально-Промышленный, Северный, Озер-

ный и часть Центрально-Земледельческого региона). К сожалению, автор этих работ не ставил своей задачей, определить этнический состав населения России в XVII в. и даже выразил сомнение в осуществимости такого исследования, хотя многочисленные источники свидетельствуют о том, что это возможно. Видимо, самой настоятельной задачей российских исследователей теперь является установление численности и ареалов русского этноса (да и других народов страны) в XVII в. по источникам, введенным в оборот Я.Е.Водарским.

С 1719 г. на смену подворным переписям пришли так называемые ревизии — подушные исчисления подавляющей части населения России (по I–II ревизиям 1719–1744 гг. и по VI за 1811 г. только мужского пола). Всего в стране было проведено десять ревизий (1719–1858 гг.). Кроме ревизий население России учитывалось церковным учетом (православного — с 1737 г., а других исповеданий — с 20–30-х годов XIX в.), а также разного рода полицейскими исчислениями (камеральные описания, кибиточные переписи и т.д.). Так регистрировались жители Польши, Финляндии, Закавказья, Казахстана.

С 30-х годов XIX в. в России предпринимаются попытки организации административно-полицейского учета всего населения, а с 1858 г. этот учет окончательно заменяет ревизии (были проведены общеимперские исчисления, в 1858, 1863, 1867, 1870, 1883 и 1896 гг.). Административно-полицейский учет, регистрирующий наличное население империи, просуществовал до 1918 г.

Кроме того, во второй половине XIX в. в отдельных частях страны (Прибалтика, Костромская, Иркутская губернии и др.) и в наиболее крупных городах (Москва, Петербург, Варшава, Одесса, Рига, Ревель и др.) проводились однодневные научноорганизованные переписи. Что касается Финляндии, то здесь, независимо от статистики России, с 1865 г. регулярно проводились научные переписи населения (в 1865, 1880, 1890 и далее через каждые десять лет).

Лишь в 1897 г. в стране была впервые проведена общероссийская однодневная (по состоянию на 28 января), перепись населения (исключая Финляндию, где ее провели 31 декабря 1900 г.). И, наконец, в 1916 г. в России (кроме оккупированных территорий) была осуществлена перепись сельского, а в 1917 г. — сельского и городского населения[10].

В советское время в СССР и России было проведено восемь научно организованных переписей населения. Все они регистрировали как национальность, так и родной язык населения (в последних трех сверх того присутствовал и вопрос о свободном владении другим языком народов СССР). Следует отметить, что в последние годы благодаря усилиям группы специалистов Института Российской истории РАН (в первую очередь В.Б.Жиромской) были введены в оборот материалы засекреченных ранее переписей населения 1937 и 1939 гг[11].

Особый интерес представляют переписи населения стран Нового Света и особенно Канады и США, где с конца XIX в. поселилось довольно значительное число русских (а еще больше — уроженцев Российской империи, отнесших себя к русским). Их подробный обзор и данные о численности русских за период с конца XIX в. по 60-е годы XX в. приводятся в обстоятельном исследовании М.Я.Берзиной[12], а также в коллективной монографии о населении мира[13]. За XVIII — начало XX вв. и на 1983 и 1987 гг. такая работа проделана в исследованиях С.И.Брука и В.М.Кабузана[14]. Сведения о миграциях как внутри России, так и между Россией и другими государствами мира представляют для исследователей в области этнической статистики особый интерес. Они объясняют, как в результате переселенческого движения изменяются ареалы расселения народов мира и, в частности, русского этноса.

* * *

Рассматривая весь комплекс сохранившихся источников, следует отметить, что в XVIII в. ревизии (I–V за 1719–1795 гг.), как правило, фиксировали отдельно различные этносы империи[15]. Ревизии первой половины XIX в. (VI–X за 1811–1858 гг.) постепенно перестали фиксировать этническую принадлежность жителей России[16].

Начиная с 40-х годов XIX в. в губернаторских ежегодных отчетах (составляемых на основании данных ревизского, церковного и текущего административно-полицейского учетов) сведения об этническом составе появляются снова (в графах «инородцы» и частично «иноверцы»). В ряде регионов империи производятся специальные исчисления этнического состава населения: в Прибалтике, Бессарабии, Поволжье)[17].

В 50-е годы XIX в. (1857–1858 гг.) по инициативе русского ученого П.И.Кеппена духовенством (приходскими священниками) по всей империи были собраны подробнейшие сведения (по отдельно взятым населенным пунктам) об этническом составе, сословно-классовой принадлежности и вероисповедании жителей, включая и русских[18].

Во второй половине XIX — начале XX в. этническая принадлежность населения России фиксировалась текущим административно-полицейским учетом (общероссийским — в 1867 г. и региональными исчислениями, зафиксированными в отчетах губернаторов), а также переписями 1897 и отчасти 1916 и 1917 гг.[19]. В отличие от дореформенного периода, этнический состав учитывался теперь на основании языковой принадлежности. Это искажало подлинную численность ряда этносов и, в частности, несколько завышало численность русских. Поэтому местная администрация нередко дополнительно регистрировала национальный состав по происхождению, как это было принято ревизиями (например, численность обрусевшей мордвы).

Наконец, переписи 1920 — 1989 гг. учитывали, как уже отмечалось, и язык и этническое самосознание. Перестала фиксироваться только конфессиональная принадлежность населения (кроме переписи 1937 г.).

Взятые за большой отрезок времени все указанные источники позволяют определить абсолютную и относительную численность русских с нача-

ла XVIII в. до наших дней и выявить наиболее существенные изменения в темпах их прироста и характере расселения.

Зарубежные материалы (американская, канадская, латиноамериканская статистика) также содержат разнообразные сведения о населении по языку, национальности и происхождению (особенно канадская).

1. Кеппен П.И. Этнографическая карта Европейской России. СПб., 1851; он же. Об этнографической карте Европейской России. СПб., 1851.

2. Риттих А.Ф. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб., 1875; он же. Этнографическая карта Европейской России. СПб., 1875.

3. Шибаев В.П. Этнический состав населения Европейской части Союза ССР. Л., 1930; Козлов В.И. Национальности СССР. М., 1982; Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967; Народы Европейской части СССР. М., 1964; Современные этнические процессы в СССР. Изд. 2-е. М., 1977; Этнические процессы в СССР. – Этнические процессы в современном мире. М., 1987; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986; Чистов К.В. Русские – народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988, с. 381–389.

4. См.: Ковальченко И.Д. География населения России в XVIII – начале XX века. – Историческая география СССР. М., 1973, с. 200.

5. Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990; он же. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. М., 1992; он же. Народы России во второй половине XIX – начале XX в. (1858–1917 гг.). Численность и этнический состав. Рукоп. монографии. М., 1978; Брук С.И., Кабузан В.М. Русские в мире. Вып. 2. М., 1991.

6. Речь об этом пойдет ниже в последних разделах настоящей работы.

7. См.: Калтахчян С.Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1960; Ким М.П. Советский народ – новая историческая общность. М., 1972; Закономерность формирования советского народа как новой исторической общности. М., 1975; Советский народ – новая историческая общиость людей. М., 1978; Дашдамиров А.Ф. Советский народ – первопроходец в строительстве коммунизма. – Советский народ – строитель коммунизма. Фрунзе, 1977; Развитие советского народа – новой исторической общности. М., 1980; Дробижева Л.М. Духовная общность народов СССР. Историко-идеологический очерк межнациональных отношений. М., 1981; Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981; Федосеев П.Н. Новая социальная и интернациональная общность. Правда, 1982, 9 апреля и др.

8. См.: Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988.

9. Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М., 1973; он же. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977.

10. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963; он же. Изменения в удельном весе и территориальном размещении русского населения России в XVIII –

первой половине XIX в. – Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1977; он же. Измеиения в размещеиии населения России в XVIII –первой половине XIX в. М., 1971; он же. О достоверности учета населения России (1858–1917 гг.) – Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982; он же. Народы России в XVIII веке..; он же. Народы России в первой половине XIX в...; он же. Народы России во второй половине XIX – начале XX в...; Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990; Гапоненко Л.С. Кабузан В.М. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916–1917 гг. как источник определеиия численности населения России накануне Октябрьской революции. – История СССР. 1961, № 6; Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. – 1917 г.). –История СССР, 1980, № 3.

11. Статистический ежегодник: 1918–1920 гг. – М., 1921, с. 8–22 (табл. 2. Население России по переписи 1920г.); Шибаев В.П. Этнический состав населения Европейской части Союза ССР. Л., 1930; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. I–LVI. М., 1928–1933 (основные тома: Т. IX. РСФСР. – М., 1928; Т. V. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. – Дагестанская АССР. Киргизская АССР. – М., 1928; Т. XII. Украинская ССР. – М., 1928; Т. XVII. Союз Советских Социалистических Республик. Народность. Родной язык. – М., 1929); Госкомстат России. Фонд «Перепись 1939 г.», д. 41, 42; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Сводный том. М., 1962 (и тома по всем республикам I–XV); Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М., 1973; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. IV. Национальный состав населения. Ч. I–IV. М., 1983; Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Краткие итоги. М., 1992 (фактически 1994).

12. Берзина М.Я. Формирование этиического состава населения Канады (этностатистическое исследование). М., 1971; она же. Этнический состав населения США. Краткий историко-статистический обзор. – Национальные процессы в США. М., 1973.

13. Численность и расселение народов мира. М., 1962, с. 303–305, 319–323, 343, 345, 346.

14. Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986; Брук С.И. Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. М., 1991; Кабузан В.М. Миграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX в. (1720-е годы – 1917 г.). М., 1993. Рукоп. монографии.

15. Основные источники – поуездные перечневые ведомости: I ревизия: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), ф. 248, оп. 17, д. 1106, л. 24; оп. 7, д. 479, л. 357–360; оп. 19, д. 1248, 1808, 1810, 1812, 1813, 1814; II ревизия: РГАДА, ф. 273, оп. 15, д. 78, л. 1–23; ф. 259, оп. 1, д. 3630, л. 5–45; оп. 58, д. 5958, л. 254–258; ф. 248, оп. 58, д. 2667, л. 83–107; оп. 39, д. 2885/405, л. 4–495; оп. 40, д. 3317, л. 411–413; III ревизия: РГАДА, ф. 259, оп. 1, д. 3573, л. 187–188; ф. 248, оп. 58, д.

3630, л. 904, 905; IV–V ревизии: РГАДА, ф. 248, л. 58, д. 4338–4342; Центральный государственный исторический архив в С.-Петербурге (далее – ЦГИА России), ф. 571, оп. 9, д. 1–8, 1859–1863, 1881–1886.

16. ЦГИА России, ф. 571, оп. 9, д. 14–49 (VI–VIII ревизии), 50–53 (IX ревизия), оп. 6, д. 1060, 1080 (X ревизия).

17. Анализ источников по этническому составу населения России XVIII – 50-х годов XIX в. Кроме названных выше работ см.: Кабузан В.М. Источники для составления карт этнического состава населения России XVIII – первой половины XIX в. – Историческая география России. Вопросы географии. Сборник статей. М., 1970, с. 126–132.

18. Архив Российской Академии наук (РАН), С.-Петербургское отделение, ф. 30 (П.И.Кеппен), оп. 2. д. 2–84.

19. Более подробно характеристику источников и литературы за 1897–1917 гг. см.: Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма.., с. 74–80.

THE GOALS AND TASKS OF RESEARCH. HISTORIOGRAPHY. A DESCRIPTION OF THE SOURCES

The goal of the current research is the study of the dynamics of the number and distribution of Russian ethnic commonalities from the XVIII–XX centuries in the territory of the Russian Empire, USSR, Russia in her contemporary borders, and in other regions of the world. We set as our goal not only to establish the dynamics of the number of Russian ethnic commonalities, but also to trace how the political and ethnic borders of the Russian state and Russian ethnic commonalities formed. In addition, we seek to fix how it happened that many Russian ethnic territories turned out to be outside Russian domains and the Russian state as a result of the reforms from the 1920's to the beginning of the 1990's. The most important administrative-political reforms were carried out without taking the interests of the population into account. The large government (USSR) divided without any referendum or even a simple survey of the inhabitants whatsoever. As a result, both political and ethnic borders of the majority of ethnic commonalities in many cases turned out to be incompatible. This became not an exception, but more like a rule and already has led to a whole series of ethnic conflicts in many regions of the former USSR. New conflicts have come to a head in many other regions.

Therefore an analysis of the movements of Russian ethnic commonalities is supposed to be conducted both within the borders of the Russian Empire at the end of the XIX century, and in other state formations that cropped up here after 1917.

The confirmation of the dynamics of the number and territorial distribution of the Russian population in the territory of Russia and the former USSR as well as outside her borders in the XVIII to the XX centuries encounters large difficulties stemming from both imperfections in Russian and Soviet statistics, and frequent changes of internal and external borders. To account for all of the administrative-territorial reforms is exceptionally difficult. It is possible only in the case of the reconstruction of provisional unchanging borders for an entire period on a specific prearranged date. For that, one needs an analysis of every separate populated area. Insomuch as there were already almost 500 thousand of them in Russia as of the beginning of the XVIII century, such a job is exhausting for individual research. However it is possible over a longer period of time with significantly more accuracy.

The historiography regarding the examined problem has a comparatively small amount of work at its disposal. In «Etnograficheskaia karta Evropeiskoi Rossii» [Ethnographic Map of European Russia] by the prominent Russian statistician P.I. Keppen, areas of east slavic ethnic commonalities (Russians, Ukrainians, and Belorussians), are not set apart[1]. It was done for the first time in the research of the prominent cartographer and statistician from the second half of the XIX century – A.F. Rittikh. Using police calculations for the year 1867, he defined the number and distribution of Russian and other ethnic com-

monalities in European Russia (including the kingdom of Poland and Finland) according to district. Thus, an excellent «ethnographic» map was compiled[2].

Despite the census of 1897, similar work on a Russian-wide scale was not undertaken from the end of the XIX to the start of the XX centuries.

A whole series of work on the given problem appeared in the Soviet Period. However for a long time works were published, wherein the ethnic composition was analyzed according to materials in published censuses from 1897–1989[3]. This, to a considerable degree contributed to the notion taking root that «systematized data about the national composition of the population of the country in the XVIII–XIX do not exist.»[4]

However the series of works by V.M. Kabuzan and S.I. Bruk was created precisely in this period. Its subject matter touched upon the ethnic composition of the population of Russia as a whole and Russian ethnic commonalities in particular from the XVIII to the start of the XX century, and was partially published in the 90's[5]. These studies were not thorough. They did not analyze the changes in the number and the process of the formation of Russian ethnic and state territories for the entire period from the edge of the XVIII century to the end of the 1980's in the compared areas. Thus, this eliminated the practical possibility of showing how it happened that many old Russian ethnic territories turned out to be part of other state formations. These territories were where Russian ethnic commonalities absolutely predominated already in the beginning of the XVIII century and where more than 40 million ethnic Russians and more than 50 million Russian language speakers live nowadays[6]. Work was not undertaken on the proper level to define the influence of the population's birth rate, migratory and ethnic processes on the changes in the numbers and geographic arrangement of Russian ethnic commonalities. Such research here was never considered necessary. In the 1970's and 80's the focus of attention was the research of the so-called «Soviet people» as an entire and undevisable whole[7]. Therefore the printed work on individual ethnic commonalities was considered to be at an inopportune time and irrelevant. Starting in the mid 1980's, printed work on the «Soviet people» also unexpectedly ceased. What is more, in the reference book «Narody Mira» [Peoples of the World][8] which was published in 1988, not one line was devoted to it. Nevertheless, specific research on ethnic statistics here is considered to be untimely as before and the point here, apparently, is that the authors of the theory of the «Soviet People» continue to «pull the strings» here. It is especially difficult to publish any research about Russian ethnic commonalities whatsoever. The depressing picture of the transfer of huge territories to our nearest neighbors frightens the «commrades» in the Kremlin. Moreover, these areas are populated almost exclusively by Russians who are nowadays subject to various forms of discrimination. They prefer not to know about it, apparently naively thinking that the truth might not reach the mass readers.

***

The first extremely imperfect attempts to record the population in Russia were undertaken from the end of the XV to the middle of the XVI century. Population was taken into account by so-called scribe's descriptions. From the middle of the XVI century to 1717, inhabitants were registered by state-wide household censuses (1646, 1678-1679, 1710, and 1717). I.E.Vodarsky analyzed the materials from the household registration of the Russian population.[9] From his work one can come to the conclusion that in the middle of the XVII century, a large part of the Russian ethnic commonalities settled in places where they originally formed (Central-Industrial, northern, Lake, and a part of the Central-Farming region). Unfortunately, the author of these works did not designate his task as defining fice, censuses of nomadic populations, etc...). The inhabitants of Poland, Finland, Transcaucasus, and Kazakhstan were registered in such a way.

From the 1830's attempts were made in Russia to organize administrative-police registration of the entire population, and from 1858, inspections replaced these registrations for good (empire-wide calculations were conducted in 1858, 1863, 1867, 1870, 1883, and 1896). The administrative-police calculations, which registered the available population of the empire, existed until 1918.

Moreover, in the second half of the XIX century one-day scientifically organized censuses were conducted in individual parts of the country (Baltic, Kostroma, and Irkutsk Provinces), and in the larger cities (Moscow, St.Petersburg, Warsaw, Odessa, Riga, Revel, and so forth). As far as Finland is concerned, since 1865, the scientific censuses of the population were regularly conducted independently from Russian statistics (in 1865, 1880, 1890, and so on every ten years).

Only in 1897, (on January 28) was the first general Russian one-day census of the population taken (excluding Finland, where it was taken on December 31, 1900). Finally in 1916, a census of the rural population was taken in Russia (except occupied territories), and in 1917 — a census of the urban population[10].

During the Soviet period eight scientifically organized population censuses were taken in the USSR and in Russia. All of them recorded both nationality and native language of the population, (in the last three, in addition, a question about mastery of another language of peoples of the USSR was given). It is worth noting that thanks to the efforts of a group of specialists from the Institute of Russian History RAS (first and foremost V.B. Zhiromskaia) classified materials of earlier censuses for 1937 and 1939 were put into circulation[11].

Of particular interest are the censuses of the population of the countries of the new World, and especially Canada and the USA. Since the end of the XIX century, a fairly significant number of Russians have settled here (and still more natives of the Russian Empire who consider themselves as Russians). A detailed survey of them and data about the number of Russians during the period from the end of the nineteenth century to the 1960's are cited in the thorough research of M.Ia.Berzina[12], and also in the collective monograph about the population of the world[13]. During the XVIII to the beginning of the XX century and for 1983

and 1987, such work was done in the research by S.I.Brukh and V.M.Kabuzan[14]. Information about migration both within Russia and between Russia and other governments of the world presents particular interest to researchers of ethnic statistics. They explain how areas of settlement of the peoples of the world, and specifically Russian ethnic commonalities, change as a result of migratory movements.

***

Upon examining the whole series of surviving sources, it is worth mentioning that in the XVIII century (I–V for 1719–1795) as a rule various ethnic commonalities of the empire were recorded separately[15]. Audits from the first half of the XIX century (VI–X during 1811–1858) gradually ceased to record ethnic affiliation of the inhabitants of Russia[16].

Starting in the 1840's, in the annual gubernatorial reports (which were compiled on the basis of the data from audits, church and routine administrative-police reports) information about ethnic composition appears once again (in the columns for «aliens» and «of another faith»). In a series of regions in the empire special calculations were made on the ethnic composition of the population: in the Baltics, Bessoarabia, and Povolzhie)[17].

In the 1850's (1857–1858) by the initiative of the Russian scholar P.I.Keppen, extremely detailed information was gathered (by separate populated area) by clergymen (parish priests) about the ethnic composition, class affiliation, and faith of the inhabitants, including Russians[18].

In the second half of the XIX to the start of the XX centuries, the ethnic affiliation of the population was recorded by a current administrative-police inspection (Russian-wide in 1867, and regional calculation recorded in the reports of the governors), and also in the census of 1897, and partly in 1916 and 1917[19]. As opposed to the period before reforms, the ethnic content was taken into account now on the basis of language affiliation. This mispresented the genuine number of Russian ethnic commonalities and, in particular, somewhat overstated the number of Russians. Therefore, the local administration in places often registered in addition national composition according to ancestry, as was always done in inspections (for example, the number of russified Mordvins).

Finally, the censuses of 1920–1989, as was already noted, took into account both language and ethnic consciousness. Only religious affiliation of the population ceased to be recorded (except for the census of 1937).

All of the indicated sources which cover large spans of time allow one to determine the absolute and relative number of Russians from the beginning of the XVIII to today and discover the most substantial changes in the pace of their growth and nature of their settling.

Foreign materials (American, Canadian, Latin American statistics) also contain varied information about population according to language, nationality, and ancestry (especially Canadian).

I. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О РУССКОМ ЭТНОСЕ. ЯЗЫК, РЕЛИГИЯ, ТЕРРИТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО ЭТНОСА. РУССКИЕ ЗА РУБЕЖОМ БЫВШЕГО СССР

1. Общие сведения о русском этносе

Прежде чем приступить к детальному анализу движения русского этноса в дореформенный, пореформенный и советский период и исследовать миграционные, этнические процессы и характер воспроизводства всего населения и русского этноса, необходимо хотя бы бегло рассмотреть ряд общих принципиальных положений.

Русский этнос (самоназвание — русские; в XIX — начале XX в. употреблялся также этноним великорусы или великороссы)[1] на протяжении многих веков составлял основное ядро русского многонационального государства. По последней в истории СССР демографической переписи 1989 г. русские составляли несколько более половины населения СССР (50,8%), и являлись основным этносом России (бывшей РСФСР). Общая численность русских в СССР — 145155,5 тыс. чел., в том числе в РСФСР — 119875,0 тыс. чел. За пределами России проживало 25289,6 тыс. чел. этнических русских и 36536,0 тыс. чел. русскоязычных жителей (см. табл. 1–2).

Русские расселялись по всей территории Советского Союза — от берегов Баренцева, Белого и других морей Северного Ледовитого океана на севере до побережья Черного и Каспийского морей на юге. На западе, в Калининградской области, русские поселения выходят к Балтийскому морю, на востоке — к побережью Тихого океана.

В районах своего исконного расселения (большинство областей Европейской части России) русские составляют свыше 95% всего населения. Доля русских превышает половину населения в шести из 16 автономных республик России (Бурятской, Карельской, Коми, Мордовской, Удмуртской и Якутской), в четырех из пяти автономных областей — ныне субъектов Российской Федерации (Адыгейской, Горно-Алтайской, Еврейской и Хакасской) и в восьми из десяти автономных округов (кроме Агинского, Бурятского и Коми-Пермяцкого)[2]. А в целом, во всех национальных образованиях на территории России русские составили 45,7% всего населения (11806 тыс. чел.), русскоязычные — 52,4% (13527 тыс. чел.), а так называемое коренное население — 37,8% (9761,6 тыс. чел.).

Довольно высока доля русских также в населении ряда бывших союзных республик: Казахской (38%). Здесь в восьми (из 17) областях русских значительно больше, чем казахов. В трех областях они составляют абслютное большинство. В Северо-Казахстанской они достигали 62,1% всего населения (русскоязычное — 72,8%), в Восточно-Казахстанской — 65,9% (72,8%) и в Карагандинской — 52,2% (68,2%). Ныне в Казахстане казахи составляют 39,7%, русские — 37,8%, а русскоязычные — 47,4% всего населения. В состав этого государства попали территории, где казахи никогда не составляли абсолютно-

го большинства и где проживали иные этносы. При образовании республики в ее состав включили из Томской губернии 42% территории бывшего Змеиногорского уезда и из Тобольской — 11% — Ишимского уезда[3]. Здесь после уничтожения Джунгарского государства в середине XVIII в. расселились русские и с тех пор абсолютно преобладали. Земля Уральских казаков возникла в конце XV — начале XVI вв. После ухода калмыков в 1771 г. русские казаки абсолютно преобладали здесь до 1801 г., когда Павел I разрешил поселиться в этих местах рядом с казаками казахам (так называемой Букеевской Орде). До этого границей между русской и казахской этническими территориями была река Урал. И хотя русских в Казахстане почти столько же, сколько и казахов, а русскоязычные достигают половины всего населения, тогда как казахи лишь 40%, русский язык не является здесь государственным, а русское и вообще русскоязычное население весьма слабо представлено во всех органах власти. Это уникальный случай в истории человечества.

Очень много русских на Украине — 22,1% (11356,0 тыс. чел.), так как в ее состав вошли Крымская республика, где украинцев всегда было мало, и значительная часть бывшей Донской области (в Луганскую и Донецкую области). Русскоязычных жителей на Украине более 17 млн. чел. (33% всего населения). Тем не менее и здесь русский язык не признан государственным.

В Латвии русские составляли в 1989 г. — 34% всего населения (905,5 тыс. чел.), в Эстонии — 30,4% (474,8 тыс.), в Киргизии — 21,5% (916,6 тыс.). Но и здесь положение русских тяжелое. В Прибалтике (кроме Литвы) для них крайне затруднено получение гражданства этих государств, хотя в северо-восточной Эстонии (бывшая Нарвская область) и южной Латвии (часть бывшей Латгалии) русский этнос преобладал уже в далеком прошлом.

В Армении, Азербайджане, Грузии, Таджикистане, Узбекистане, Литве и Туркмении доля русских не достигает 10% (в Армении — всего 1,6%).

Не только в республиках, автономных областях и округах, но практически во всех областях и краях бывшего СССР русские образуют значительные группы, по крайней мере в несколько десятков тысяч человек. Исключение составляли Ташаузская область Туркмении (7,3 тыс. русских) и Хорезмская область Узбекистана (12,2 тыс.), а также три автономные области — Нагорно-Карабахская — 1,9 тыс. русских, Юго-Осетинская — 2,1 тыс. и Горно-Бадахшанская — 3,2 тыс. чел.

Следует отметить, что уже в 80-е годы в закавказских и среднеазиатских республиках происходило снижение не только доли, но и абсолютной численности русских (в закавказских республиках это снижение началось еще в 60–70-е годы). Связано это не столько с разницей в естественном приросте у русских и основных народов упомянутых республик, сколько с обратными миграционными процессами русских[4] (до начала 1960-х годов основные миграционные потоки русских были направлены в эти республики, а также в восточные регионы страны) или даже бегством русских из этих республик в результате обострения межнациональных отношений. Только в 1981–1987 гг. механический отток достиг в Казахстане 690 тыс., в Узбекистане — 750 тыс., в Азербайджане — 300 тыс., в Таджикистане — 215 тыс., на Украине —

200 тыс., в Грузии — 150 тыс., в Киргизии — 160 тыс., в Туркмении — 130 тыс. чел. и т.д.[5]. В 1989–1992 гг. по далеко не полным данным, в Россию прибыло около 1 млн. мигрантов из других республик, составивших так называемое «ближнее зарубежье». В 1989 г. в России осело 160 тыс., в 1990 г. — 300 тыс., в 1991 г. — 115 тыс., в 1992 г. — 350 тыс. чел. Из Казахстана в Россию в эти годы вернулось 206 тыс., из Узбекистана — 201 тыс., из Таджикистана — 110 тыс., из Азербайджана — 134 тыс. чел. и т.д.)[6]. Процесс этот приобретает необратимый характер и в условиях, когда в России смертность значительно превышает рождаемость (в 1993 г. — почти на 0,8 млн. чел.), способствует сохранению в ней абсолютной численности населения. Тем более, что в последние годы в Россию стали переезжать на постоянное жительство граждане «коренной национальности» других государств СНГ (армяне, грузины, украинцы и т.д.). В 1993 г. миграционный баланс в России составил положительную величину — 234 тыс. чел., хотя только в Германию в этом году выехали почти 210 тыс. чел.[7]. Однако представляется противоестественным, когда в Россию едут русские из русских же этнических территорий, которые в 20-е годы XX в. по воле «вождей мирового пролетариата» оказались за пределами России.

В целом, расселение русских на территории бывшего СССР отличается сложной конфигурацией, которая возникла в результате длительного миграционного процесса, совместного проживания в одних регионах с другими народами, процессов естественной ассимиляции и этнического разделения (как например, с белорусами и украинцами в отдаленное время).

2. Язык и языковые особенности у различных этнографических групп русских

В результате миграций и заселения новых территорий с иноязычным коренным населением, русские оказались в разнообразных естественно-исторических условиях, к которым они вынуждены были адаптироваться, усваивая традиционные навыки и в определенной степени язык и культуру местного населения. Образовались своеобразные этнографические группы русских, весьма различающиеся в зависимости от территории проживания. Наиболее четко выделяются северные и южные великоруссы; между ними находится обширная переходная (среднерусская) группа. Еще в начале XX в. различия в языке, фольклоре, обычаях, материальной культуре между этими историко-культурными группами прослеживались очень четко. В настоящее время эти различия у сельского населения сглаживаются, а у городских жителей обнаруживаются лишь при специальном исследовании[8].

Характерные севернорусские черты быта и культуры и северный (окающий) диалект прослеживаются на территории от бассейна реки Волхов на западе до реки Печоры на востоке. Южнорусские черты и южный (акающий) диалект преобладает у населения на территории от бассейна р. Десны на западе до Пензенской области на востоке и примерно от р. Ока на севере до бас-

сейна р. Хопер и среднего течения р. Дон — на юге. Среднерусская группа занимает центральные районы — часть Волго-Окского междуречья (Московская область, южные части Владимирской, Тверской, Нижегородской областей, север Рязанской, Калужской и Пензенской областей). Особыми подгруппами следует считать русских Среднего Поволжья (близки к среднерусскому населению), русских запада — Псковская, Смоленская и части соседних областей (переходная группа между среднерусским и белорусским населением), русских юго-востока (от бассейна р. Хопер до бассейна рек Кубань и Терек) — главным образом бывшие области Войска Донского, восточная часть Новороссии, Кубанская, Терская области (переходная группа между южнорусскими и украинцами) и русских северо-востока Европейской части бывшего СССР и Северного Урала.

Имеются и более мелкие субэтнические группы русских. Таковы северные группы (поморы, заонежане, каргополы и др.), группы центральных регионов (ильменские поозеры, псковичи, мещеры, тудовляне и др.), южные группы (полехи, горюны, сахны и др.), локальные группы Поволжья и Сибири (старообрядческие «поляки», каменщики, семейские, а также затундренные крестьяне, расселенные небольшими гнездами деревень по низовьям рек между Енисеем и Леной, русскоустьинцы — в устье р. Индигирка, колымчане — по р. Колыма, марковцы — на берегах среднего Анадыря, камчадалы —на Камчатке и др).

Определенным своеобразием отличаются группы русских в Средней Азии и в Закавказье (в последнем регионе много молокан). В Сибири помимо отмеченных выше групп, было принято различать старожилов, поселившихся здесь в XVII — первой половине XIX в. и новоселов (или «российских»), мигрировавших сюда преимущественно после 1890 г.

Социальными и культурными особенностями отличались и казаки, сложившиеся как военное сословие в XV — начале XX вв. в бассейнах рек Дон, Днепр, Кубань, Терек, Урал, в низовьях Волги, а также в Казахстане, Сибири и на Дальнем Востоке. Они составляли «войска» — Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское[9].

За пределами бывшего СССР ныне живет около 3 млн. русских, преимущественно в США, Канаде и ряде других стран. Это в основном потомки эмигрантов, уехавших из России в конце XIX — начале XX вв., а частично и лица других национальностей, отнесшие себя к русским на новых местах (евреи, украинцы, белорусы).

В антропологическом отношении у русских наблюдается довольно много различий. Все русские относятся к большой европеоидной расе. В северных областях преобладает атлантобалтийская раса северных европеоидов, в центре — восточноевропеоидный тип среднеевропейских форм, на северо-востоке — восточнобалтийский тип беломорско-балтийской расы, на юге фиксируются средиземноморские элементы южных европеоидов, а также примесь монголоидных признаков (последняя прослеживается и в ряде других регионов).

Русские говорят на языке восточнославянской подгруппы славянской группы индоевропейской семьи языков. Русский язык тесно связан с родственными ему белорусским и украинским языками (появлению древнерусского языка предшествовало общеславянское единство племенных диалектов). Русский язык — язык русской нации принадлежит к числу наиболее распространенных языков в мире. Он является одним из официальных и рабочих языков ООН. По данным переписи населения СССР 1989 г. его назвали родным 144,8 млн. этнических русских (99,8% их общего числа) и 18,7 млн. представителей других национальностей. Кроме того, 69,8 млн. чел. из числа других национальностей бывшего СССР заявили о свободном владении (62,0%). Таким образом, в 1989 г. еще совсем недавно общее число свободно владеющих русским языком на территории бывшего СССР составило 233,3 млн. чел. или 81,3% всего населения страны.

Тем более драматичны последствия распада СССР для русского языка за пределами современной России. Хотя русскоязычные составляют почти половину жителей Казахстана (47,4%), более 40% Латвии (42,5%), более трети в Эстонии (35,2%), на Украине (33,2%) и в Белоруссии (32,2%), около четверти в Киргизии (25,6%) и Молдавии (23,8%) нигде здесь русский язык не был признан вторым государственным.

Ныне он является таковым лишь в Таджикистане (русскоязычных — 9,7%) и Абхазии (18,1%), где русских и русскоязычных жителей сравнительно немного. Правда, в последние годы русский язык признан официальным в Луганской и Донецкой областях и в г. Одессе на Украине. В целом же подобная дискриминация языка большая редкостть в истории человечества, особенно если речь идет о регионах, где на этом языке говорит относительное или даже абсолютное число жителей.

В основе русского национального литературного языка лежит говор Москвы. Современный литературный язык начинается с творчества А.С.Пушкина. Однако почву для него подготовили такие выдающиеся просветители как М.В.Ломоносов, В.К.Тредиаковский, Д.И.Фонвизин, Г.Р.Державин, А.Н.Радищев, Н.М.Карамзин, К.Н.Батюшков и др.

В XVIII — начале XIX в. получила распространение светская письменность (в 1708 г. произошло разделение гражданской и церковно-славянской письменности). Современный русский алфавит — вариант кириллицы. Его употребление было введено реформой Петра I и несколько изменено после Октябрьского переворота. К 1940 г. подавляющее большинство народов бывшего СССР при проведении реформы письменности приняло кириллицу в ее русском варианте. Арабская, старомонгольская, древнеуйгурская и латинская письменности уступили место алфавитам на русской графической основе. Латинской графикой пользовались только литовцы, латыши, эстонцы, карелы,-русские немцы и евреи (идиш). Грузины и армяне, а отчасти ассирийцы и евреи (иврит), продолжали пользоваться своими традиционными алфавитами[10]. В 90-е годы отмечается отказ от алфавита на русской графической основе (в Молдавии, республиках Средней Азии и др.).

3. Характеристика религии

До конца X в. восточные славяне придерживались традиционных «языческих» верований. В 988 г. в Древнерусском государстве было официально введено христианство в его греко-православной форме. Однако проникновение его в народные массы происходило постепенно в течение последующих столетий при сохранении пережитков прежних языческих культов.

Уже в XIII — XIV вв. православная церковь боролась с возникавшими отклонениями от официальной религии (ересями). В XVII в. в ней произошел раскол. Противники церковной реформы патриарха Никона, стремившегося к централизации церкви, стали называться старообрядцами. Они объединили большое число группировок (два основных направления — поповцы и беспоповцы имели различные течения, толки, согласия). Наиболее известные группы беспоповцев — поморцы, федосеевцы, спасовцы, филиповцы. В XVII в. возникли также первые секты так называемых духовных христиан (духоборов, хлыстов, молокан, субботников) нестарообрядческого характера, которые были распространены среди крестьян и городских низов.

Великороссийское население почти целиком состояло из лиц православного исповедания и старообрядцев. Среди украинцев и белорусов было немало католиков и униатов. В 50 губерниях Европейской России в конце XVIII — начале XIX в. православное население достигало 79% (во всей тогдашней России 75%). На территории Правобережной Украины (особенно в Волынской губернии) и Белоруссии (особенно в Минской, Гродненской и Виленской губерниях) проживало около 2 млн. униатов и было немало католиков украинцев и белорусов. В 1834 г. доля православного населения в Европейской России повысилась до 84%, в 1858 г. до 85,6% (во всей России до 74%). Это было связано с переходом всех униатов Белоруссии и Украины в православие в 1833–1838 гг. К 1897 г. удельный вес православных снизился в Европейской России — до 84%, а по всей империи — до 70%[11]. По всей стране это связано с включением в ее состав новых территорий, населенных преимущественно магометанами, протестантами и отчасти евреями. В Европейской части России небольшое понижение было обусловлено переходом некоторого числа крещеных татар назад в магометанство, притоком в страну иноконфессиональных мигрантов и различным уровнем естественного прироста в разных этноконфессиональных группах.

4. Территория формирования русского этноса

Ядро русской этнической территории исторически сложилось на Восточно-Европейской равнине, в верховьях рек Волга и Западная Двина. Многочисленные иноэтнические элементы, особенно финно-угорские, балто-литовские, а также тюркские, были вкраплены в славянскую среду еще в глубокой древности. Позже, в период господства на Руси татаро-монголов, происходило подселение татар на русской этнической территории (в районах Костромы, Ярославля, Касимова и т.д.). В центре расселения восточных славян, а затем русских, финно-угорское население быстро ассимилировалось и исчезло

(меря, ведь, весь егонская и др.) или их численность резко уменьшилась и сокращалась затем в течение всего анализируемого нами периода. Значительная же часть татарского населения, сплоченного конфессиональной принадлежностью (магометан), сохранилась до наших дней. И теперь почти 70% татар России проживает за пределами Татарстана, где они, в свою очередь, не достигают и половины всего населения. А в XVIII в. удельный вес их здесь был еще ниже, так как именно тогда татары ассимилировали в этом регионе большое число чувашей.

Расширение этнической территории русских, как правило, происходило по мере расширения политической территории русского государства. Некоторое исключение из правил здесь являли собой старообрядцы, которые стремились покинуть Русское государство. Они уходили на земли соседней Речи Посполитой, Турции, Австрийской монархии. Однако быстро расширяющаяся территория Российской империи постоянно настигала их. Исключение составили русские старообрядцы, поселившиеся в Добрудже, на Буковине, в Анатолии, то есть на землях, не вошедших в состав России. Однако численность таких старообрядцев осталась небольшой. Основные же их поселения в Восточной Белоруссии (на т.н. «Ветке»), на Черниговщине, в Латгалии к концу XVIII в. оказались в составе Российской империи. Эмиграция же православного русского населения в страны Нового Света стала заметным фактором лишь с конца XIX в. В пределах политических границ России наибольшее число русских мигрантов оседало в незаселенных или редкозаселенных регионах.

С возвышением Москвы с начала XIV в. происходит постепенное сплочение вокруг нее населения северо-востока и севера Руси. В основном однонациональное Великое княжество Московское стало объединять в едином государственном образовании соседние с ним русские земли. В XIV — начале XV вв. началось складывание централизованного Русского государства, объединившего в этот период Московское, Владимиро-Суздальское, Новгородское, Смоленское, Муромо-Рязанское и часть Черниговского княжеств[12].

Расширение территории русских на север, северо-запад и северо-восток началось со второй половины XV в., когда в состав Московского государства вместе с Новгородскими землями вошли «Пермь Великая» (верховья Камы), «югорские» и «вогульские» княжества. Это стало возможным после окончательного освобождения Русского государства от монголо-татарского ига в 1480 г.

Дальнейшее расширение территории России в этом направлении было связано с успешной борьбой за выход к Балтийскому морю в конце XVII — начале XVIII вв. и основанием здесь новой столицы Российской империи — Санкт-Петербурга (1703 г.). Наряду с населенной в основном русскими Ингрией в состав России здесь в 1721 г. вошли Эстляндия и Лифляндия, где основную часть жителей составляли эстонцы и латыши, а господствующие экономические и политические позиции принадлежали немцам.

Продвижение русских на юг осуществлялось в ходе освобождения от власти Золотоордынского хана и вытеснения кочевников из степных районов Причерноморья. Сюда на опустевшие земли в XIV–XV вв. перемещалось на-

селение из более северных районов (служилые люди для защиты границ, бежавшие от помещиков крестьяне, составившие основную массу зарождающегося здесь казачества). Позднее в XVI–XVIII вв. русские расселялись в Среднем (в основном до 30-х годов XVIII в.) и Нижнем Поволжье, на Дону и Северном Кавказе (преимущественно со второй половины XVIII в.) — от р. Хопер до р. Терек, а также в Прикаспии.

На Северном Кавказе и особенно в Новороссии (Екатеринославская, Херсонская, Таврическая губернии и области Бессарабская и Донская) русская миграционная волна сомкнулась с украинской. И если на Северном Кавказе великороссийский этнический компонент численно опередил украинский (в 30-е годы XX в.), то в Новороссии отмечалась обратная картина. В Новороссии удельный вес русских был значителен, но повышался он с 30-х годов XVIII в. медленнее, чем украинский. В целом в этом регионе русские составляли по I ревизии 11% всего населения), по III (1762 г.) — 13,3%, по V (1795 г.) — 19,5%, по X (1858 г.) — 21,6%, в 1897 г. — 29,8%, в 1917 г. — 30,7% и в 1989 г. — 40,0%. Украинцы же в 1719 г. — достигали 8% всего населения, в 1762 г. — 20%, в 1795 г. — 54%, в 1858 г. — 44%, в 1897 г. — 42,9%, в 1917 г. — 44,8% и в 1989 г. — 44,6%.

Новороссия была одним из тех немногих регионов бывшей Российской империи, где в ходе интенсивного заселения украинский миграционный поток превозмог русский. Ныне — основная часть Новороссии, в том числе и населенная в основном русскими Таврида, входят в состав Украины. Однако, как отголосок прошлого, в украинской части Новороссии рускоязычное население по переписи 1989 г., составило 53,2% общего числа жителей (все население — 22 960,8 тыс. чел., в т.ч. русских и русскоязычных — 12217,6 тыс. чел.). Русскоязычные жители составили в Крымской области 82,8% (этнические русские — 67,1%), в Донецкой — 67,9% (43,6%), в Луганской — 64,2% (44,8%), в Одесской — 47,3% (27,4%) и Запорожской — 49,4% (32,0%). Относительно немного их (от 30 до 40%) было в Кировоградской, Херсонской, Николаевской и Днепропетровской областях.

Русское население Сибири начало формироваться с XVI в. прежде всего из выходцев из северных регионов России (Севера и Северного Приуралья). Процесс этот был длительным, хотя массовое заселение Сибири резко уменьшилось к середине XVII в. Оно вновь усилилось в 40-е годы XIX в., а на первое место по темпам переселенческого движения этот регион выходит в 80-е годы XIX в., опередив Северный Кавказ (в Томскую область стало прибывать больше переселенцев, чем в Кубанскую). Еще более переселение в Сибирь усилилось после сооружения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в 1897–1903 гг. В пореформенные годы усилилось переселенческое движение в Казахстан и отдельные районы Средней Азии. Уже в XVIII в. в Сибири преобладало русское население и она превращается в русскую этническую территорию (кроме части Восточной Сибири, где якуты и буряты преобладали на территории их исконного проживания).

Приток русского населения в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию и Казахстан был значителен до 70-х годов XX в. и в годы Советской

власти, что было связано с индустриализацией экономических регионов и освоением новых земель для нужд сельского хозяйства. После окончания Отечественной войны 1941–1945 гг. началось исключительно интенсивное переселение русских мигрантов в Прибалтику, Западную Украину и Белоруссию, в Калининградскую область, Западную Карелию (бывшая Выборгская губерния, вошедшая в Ленинградскую область), на Курилы и Южный Сахалин. Поскольку немцы, финны и японцы были депортированы с занимаемых ими территорий, русские фактически заселяли пустые земли. Поэтому Калининградская область, запад Ленинградской и большая часть Сахалинской областей стали русской этнической территорией с почти однородным населением.

Возрос удельный вес русских в республиках Прибалтики. Русское население, весьма значительное с XVII в. в Латгалии и на северо-востоке Эстонии, после 1945 г. стало преобладающим. Лишь на Западной Украине и Белоруссии с плотным и однородным украинским и белорусским населением (после истребления гитлеровцами евреев и депортации большей части поляков) удельный вес русских не превышал 5%.

Об общих масштабах переселения русских на новые земли за пределами РСФСР после формирования ее государственных границ в пределах СССР можно судить по следующим данным. В 1926 г. здесь жило 6219 тыс. чел. этнических русских, в 1979 г. — 23875 тыс., то есть их численность увеличилась в 3,8 раза (за это время общая численность русских в СССР возросла только в 1,7 раза). К 1989 г. за пределами РСФСР жило уже 25289 тыс. чел. этнических русских или почти 20% их общей численности в стране.

Таким образом формирование политических и этнических границ России и русского этноса было тесно взаимосвязано. Сначала шло собирание русских этнических территорий (в основном до середины XVI в.). Затем политические границы страны расширялись быстрее, чем этнические. Русский этнос в основном заселил и освоил пустынные, малозаселенные территории Сибири, Северного Казахстана, а также Северного Кавказа и части Новороссии. Однако теперь уже в результате совместного освоения рядом этносов русские потеряли (перестали быть преобладающим этносом) часть Новороссии, территорию Западного Казахстана.

В 20-е годы в результате «коммунистического» размежевания весьма значительные русские этнические территории отошли к соседним государственным образованиям (в основном в состав Украины, Казахстана, а также Латвии и Эстонии). Однако и теперь в составе СССР продолжалось (в основном до 70-х годов) заселение русскими территорий теперь уже соседних республик в составе СССР. Особенно сильный миграционный поток шел на Украину, в Казахстан и государства Прибалтики. И наконец с 70-х годов начинается обратное движение населения в Россию, которое в 90-е годы после распада СССР приобретает массовый характер.

Результатом миграционных процессов и политического размежевания стало расчленение русской этнической территории и включение значительной ее части в состав соседних независимых государств, где русские, часто коренные

жители и потомки первопроходцев, превратились в людей второго сорта без политических прав и признания за их языком статуса государственного.

Вообще к концу XVII в. русские составляли почти три четверти всего населения страны (в существующих тогда границах)[13]. Еще три столетия назад Россия была сравнительно однородной в этническом отношении страной, хотя и в этот период на левобережной Украине преобладали украинцы, в ряде регионов Поволжья — народы этого региона (татары, удмурты, марийцы и др.), в Восточной Сибири — ее коренные народности.

В XVIII–XX вв. границы Российской империи претерпели сильные изменения. В XVIII в. в ее состав вошли Прибалтика, Крымское ханство, Белоруссия, Литва, Правобережная Украина и значительная часть остальной Новороссии (Северное Причерноморье). Из этих территорий только Крымский полуостров был в основном заселен русскими после массового ухода отсюда крымских татар в 70–80-х гг. XVIII в., в начале 60-х годов XIX в., на рубеже XX в. и в период сталинских депортаций. Остальные регионы были плотно заселены, и численность русских здесь была невелика[14]. В XIX в. в пределах России оказались Финляндия, Бессарабия, Царство Польское, Закавказье и Средняя Азия. Кроме того в 1858–1860 гг. России был возвращен временно утраченный в XVII в. Дальний Восток. Из этих земель русский этнос освоил и сделал частью своей территории только Дальный Восток, где, однако, очень высоким был удельный вес украинцев.

В начале XX в. Россия потеряла Южный Сахалин и приобрела Урянхайский край, составляющий ныне республику Тува. По существу почти все рассмотренные территории были густо заселены. Здесь формировалась этническая территория Литвы, Белоруссии, Латвии, Эстонии, Молдавии, Финляндии и нескольких республик Закавказья и Средней Азии.

В результате в границах бывшей Российской империи происходит резкое уменьшение доли русского этноса в общем населении страны (44,3% по данным первой всеобщей переписи населения России 1897 г.). Аналогичная картина наблюдалась в Австро-Венгрии. Здесь в австрийской части империи немцы насчитывали в 80-е годы XIX в. — 37%, а в 1890–1910 гг. — 36% всего населения. Правда, доля следующих за ними по численности чехов была гораздо меньшей (23%).

После революции 1917 г., гражданской войны и военной интервенции сильно изменились внешние границы страны. Образовались новые самостоятельные государства: Финляндия, Эстония, Латвия, а также Польша, в состав которой были включены значительные части Западной Белоруссии и Западной Украины. Румыния оккупировала Бессарабию. В состав Турции вошла часть Закавказья — Карская и часть Батумской области. Отчасти это был объективно естественный процесс обретения независимости. Правда, государственные границы новых образований изначально не совпадали с этническими. Так, Польша захватила обширные земли, населенные украинцами и белорусами. На территории северной (Хотинский район) и частично южной Бессарабии проживало преимущественно украинское население. При этом никаких референдумов или опросов здесь не проводилось. Все эти преобразования

лишь в небольшой мере коснулись русской этнической территории. Так, Финляндии была уступлена на севере Печенгская область, издавна освоенная русскими (7% бывшего Александровского уезда Архангельской губернии), а также передано 5% территории Петроградского уезда Петроградской губернии.

К Латвии и Эстонии отошли довольно значительные части бывшей Псковской земли и Ингерманландии (Петербургской губернии)[15]. Эти земли подверглись интенсивной эстонской и латышской колонизации в основном с 40-х годов XIX в.

Эстонии от Петербургской губернии было передано 5% земель Гдовского и 7% Ямбургского (г. Нарва с окрестностями) уездов. По эстонской переписи 1922 г. здесь проживало 107,5 тыс. чел., среди которых было учтено 53,5 тыс. русских (49,3%) и 46,9 тыс. эстонцев (43,7%)[16]. Частично эти земли в 1941 и 1944 гг. были возвращены России, хотя Эстония заявила о своих претензиях на них. На остальной части (в основном Нарвский район) и теперь абсолютно преобладают русские. Так, в Нарвском районе они составляют 77%, в Йыхвинском — 55%, в Силламяэском — 90,2% всего населения. От бывшей Псковской губернии к Эстонии отошло 32% земель Псковского уезда — Печерский район, где эстонцев 12% от всего населения. Ныне он возвращен России и входит вновь в Псковскую область.

Латвия получила 29% земель Островского уезда Псковской губернии, но ныне они возвращены России и вновь входят в Псковскую область (Пыталовский район), составляя яблоко раздора с Россией. В состав Латвии вошла и Латгалия, на части территории которой преобладали русские и которая может считаться по крайней мере с XVII в. русской этнической территорией. Так, здесь в Даугавпилском районе русские составляют 51%, а латыши — 23% всего населения.

Среди остальных земель интерес представляет бывшая Виленская область. Здесь уже с середины XIX в. преобладали поляки. Тем не менее в 1939 г. она была передана Литве, а около 200 тыс. поляков депортировано в Польшу.

Территория СССР в своем завершенном виде сформировалась в 1939–1945 гг. В 1939 г. Западная Украина была воссоединена с основной частью Украины, а Западная Белоруссия — с Белоруссией. В состав СССР вошли Литва, Латвия и Эстония. В 1940 г. после возвращения СССР Бессарабии была образована Молдавская ССР. В 1940 г. в состав Украины вошла Северная Буковина, а в 1945 г. — Закарпатская область. В 1944 г. к СССР отошла Тува, а в 1945 г. — Калининградская область.

Конечно, прибалтийские республики фактически были захвачены СССР и лишены своей независимости. Но были в этом процессе объективно и положительные, прогрессивные явления. Среди них на первом месте следует назвать завершение объединения всех земель Белоруссии и Украины в составе единых государственных образований. Ведь до этого украинцы и белорусы постепенно на протяжении веков потеряли на Западе очень большие свои этнические территории. Теперь этот процесс был приостановлен.

Республики Прибалтики сохранили свою этническую территорию. Литва даже возвратила себе земли, фактически в этническом отношении перестав-

шие быть литовскими, опираясь только на заселенность их литовцами в прошлом (Виленскую и Клайпедскую области).

Россия возвратила себе большую часть отданных ранее государствам Прибалтики русских земель. Кроме того, русские в эти годы заселили Калининградскую область, Курилы и Южный Сахалин, что расширило русскую этническую территорию. В целом же все рассмотренные процессы привели не только к расширению земель, занимаемых русским этносом, но и к уменьшению его доли в общем числе жителей страны. Этому способствовали не только рост территории СССР, но и тот факт, что показатели естественного прироста у русских по сравнению с другими народами СССР были невысокими.

А в целом, завершая рассмотрение этого длительного периода, следует сказать, что совместно с другими народами России и бывшего СССР русские успешно заселяли Казахстан, Новороссию, Южное Приуралье, Закавказье и т.д. Небольшое русское население возникло в Польше, Белоруссии, Финляндии, Средней Азии, на Правобережной Украине, а после 1939 г. — в Украинской Галиции. Однако последние территории имели свое довольно густое население и удельный вес русских оставался здесь небольшим. Это были этнические территории других этносов, включенных в состав России и СССР.

Одновременно с этим на русской этнической территории селились представители других народов (карелы в XVII в. — в Тверской, Ярославской и других губерниях; немцы — в Поволжье в XVIII в. и крупных городах — в XVIII–XIX вв., евреи в 20–30-х годах XX в. и т.д.), что привело к снижению удельного веса русских в регионах их исконного проживания.

5. Русское Зарубежье

В начале 90-х годов XX в. СССР распался. Поэтому кроме существовавшего до этого «дальнего» зарубежья, появляется так называемое «ближнее» зарубежье, то есть территории бывших республик СССР, которые обрели независимость и где проживало большее, меньшее или даже преобладающее русское или русскоязычное население.

Внутри вновь созданной России возникли инонациональные субъекты федерации на местах ранее существовавших автономий разного рода (автономные республики, автономные области, национальные округа). Степень их самостоятельности различна, да и само право на существование в современных границах нередко весьма сомнительно. Так, например, в Карелии карелы составляют лишь 10% ее населения, русские — 74%, а русскоязычные — почти 90%. Карелы преобладают лишь в 3-х районах из 18. Интересно, что русские преобладали здесь и в начале XVIII в. И тут речь, естественно, идет не о праве карел на свою государственность, а о необходимости иметь эту государственность в своих этнических границах. Подобные данные можно привести и по другим субъектам федерации. В Чечне русские доминируют на бывшей Сунженской линии (в Сунженском районе их 79%, в Шелковском — 71%, в Наурском — 83%, в Гудермесском — 75%), в Татарии — примерно в половине районов, хотя в свою очередь, только 30% татар России живет в Татарии.

Мы считаем вполне оправданным включить все эти автономии по отношению к русской этнической территории в состав так называемого «внутреннего» зарубежья, по крайней мере в политическом смысле, так как фактически большая часть территории этих образований является обычной русской этнической землей. Таким образом, ныне русские за рубежом своей политической территории (то есть земель, входящих в состав обычных областей в составе России) проживают: а) в дальнем зарубежье; б) в «ближнем» зарубежье и в) во «внутреннем» зарубежье.

Русские в «дальнем» зарубежье

До 90-х годов XX в. существовало только дальнее русское зарубежье, то есть размещение этнических русских и русскоязычных жителей в других государственных образованиях мира.

До конца XIX в. этнические русские проживали почти исключительно на территории Российской империи. Мы уже отмечали выше, что лишь небольшие группы русских-старообрядцев поселились в XVIII–XIX вв. на территории Австро-Венгрии (на Буковине) и Османской империи, а затем Румынии (в Добрудже).

В 1831 г. небольшое число русских старообрядцев осело в Восточной Пруссии (на той ее территории, которая ныне входит в состав Польши), однако к 1870 г. большая их часть вернулась обратно в Россию[17].

В период с 1828 по 1856 год в устье Дуная, принадлежавшем тогда России, поселилось значительное число русских-старообрядцев. По переписи 1859 г. здесь было зарегистрировано 8,5 тыс. так называемых липован (по имени одного из руководителей религиозной секты Филиппа). В 1930 г. липован в Румынии было 57,2 тыс. чел. В настоящее же время число русских там достигает 11,5 тыс. чел.[18]. Это, по-существу, была первая эмиграционная волна этнических русских с ярко выраженной конфессиональной окраской.

Вторая волна возникает в конце XIX в., когда русские начали переселяться в Америку (в США, Канаду, Аргентину, Бразилию и другие страны). Однако по своим масштабам эта волна сильно уступала миграционным потокам из России других народов империи: евреев, поляков, украинцев, немцев, литовцев. Всего за пределами страны (в границах СССР 80-х годов) к 1917 г. расселилось менее 200 тыс. русских (среди них преобладали украинцы, относившие себя к русским). Однако официальные данные различных стран указывали и гораздо более высокие цифры русских эмигрантов, так как значительная часть еврейских, польских и немецких иммигрантов из России в Америке также относила себя к русским. Это позже делали и их потомки.

В первые послереволюционные годы территорию нашей страны покинуло около 2 млн. чел., среди которых уже преобладали этнические русские (3-я волна). Основная масса этих политических мигрантов (так называемая белая эмиграция) осела в Польше (1 млн. чел.), Германии (560 тыс.), Франции (175 тыс.), Латвии (12 тыс.) и др.[19]. Интересно, однако, что последующие переписи населения в странах Европы показали здесь очень небольшое число русских мигрантов.

Новая, четвертая, волна эмиграции русских имела место во время II мировой войны и в 1947–1951 гг., когда из СССР в Европу, а затем из Европы в Америку и Австралию выбыло около 130 тыс. русских, украинцев и белорусов (так называемые «перемещенные лица»)[20].

В 1970–1980 — годы из СССР за рубеж выезжали преимущественно евреи, немцы, армяне и греки[21]. Русских среди мигрантов этого периода было немного. Характерной особенностью миграционного процесса этого времени явился четко выраженный переход от так называемой политической миграции к переселениям по чисто экономическим или преимущественно экономическим мотивам. Приход к власти в России «демократов» с их непродуманным волюнтаристским комплексом реформ привел к резкому ухудшению качества жизни для абсолютного большинства населения, к начавшемуся с 1991 г. вымиранию русского этноса. Это не могло не стимулировать усиления эмиграции, хотя и в этот последний период из России уезжают в первую очередь люди, имеющие свою «историческую прародину» (в ФРГ, Израиль, Грецию). В 1992 г. из России в ФРГ выбыло 196 тыс., а в 1993 г. — 207 тыс. этнических немцев. В 1994 г. в Израиле было учтено 500 тыс. евреев, прибывших из России[22]. Выезд же русских на утраченную русскую этническую территорию в «ближнее» зарубежье сделался невозможным из-за притеснений, которые испытывают русские на этих землях.

В результате отмеченных выше волн эмиграции значительное число русских (по самосознанию) оказалось в Америке (в основном — в Северной). В США в 1920 г. было зарегистрировано 732 тыс. чел., которые отнесли себя к русским (0,7% населения этой страны), в 1930 г. — более 1 млн. (0,9%), в 1959 г. — 780 тыс. (0,4%) и в 1979–1989 гг. — 1 млн. чел. (0,4%).

В Канаде русские составляли в 1900 г. — 20 тыс. чел. (0,4% общей численности жителей страны), в 1920 г. — 100 тыс. (1,1%), в 1930 г. — 88 тыс. (0,8%), 1959 г. — 119 тыс. (0,7%), в 1980 г. — 1990 г. 50 тыс. (0,2%).

В целом за рубежом (за пределами границ бывшего СССР 80-х годов) в 1719 г. — проживало всего 0,1 тыс. русских, в 1795 г. — 0,6 тыс. в 1858 г. — 43,3 тыс. В 1900 г. их число оценивалось в 400 тыс. (около 300 тыс. в Царстве Польском, 20 тыс. в Канаде, небольшое число — в Румынии, Австро-Венгрии, США).

К 1920 г. за пределами современных границ СССР расселялось 1,1 млн. человек, относивших себя к русским (1,4% всех русских в мире). При этом в указанное число не включено большое число лиц, участвовавших в так называемой «белой эмиграции», которая далеко не полно зарегистрирована зарубежными переписями населения. Кроме того, часть т.н. «белой эмиграции» проживала в Прибалтике (особенно много в районе Вильно), Бессарабии и т.д.

С учетом этой волны российской эмиграции численность русских за рубежом в начале 20-х годов составила не менее 2,5 млн. чел. (или более 3% всего русского населения мира).

Ныне русских в странах «дальнего» зарубежья насчитывается около 1,5 млн. чел. Если же учитывать этническое происхождение мигрантов, то это

число, бесспорно, возрастет в несколько раз. Так, например, ценз США зафиксировал в 1980 г. 2,8 млн. чел. русского происхождения. Видимо, всех русских по происхождению в зарубежном мире ныне расселено около 4 млн. чел.[23]. И это число теперь будет быстро увеличиваться.

Русские в «ближнем» зарубежье

Еще в XVII в. русские начали заселять отдельные территории, включенные ныне в состав современного «ближнего зарубежья». Мы уже отмечали, что в начале XVIII в. русские составляли большую часть жителей исторической провинции Новороссии, заселили земли Уральского казачьего войска и т.д.

Тем не менее, в 1719 г. на землях нынешнего «ближнего» зарубежья проживало примерно 100 тыс. этнических русских, в конце XVIII в. — более 400 тыс., в 1917 г. — 5,8 млн. чел. Ныне в странах «ближнего» зарубежья проживает 25,3 млн. этнических русских, что составляет 18% общего населения на этих территориях. В Казахстане на долю русских приходится почти 38% всего населения, в Латвии — 34%, в Эстонии — 30%, на Украине — 22%, в Киргизии — 22%. Минимальна доля русских в Армении — 1,6%.

Мы уже отмечали, что в 8 областях Казахстана, в Крыму, бывшей Нарвской области Эстонии, Двинском районе Латвии и ряде других территорий русские составляют абсолютное большинство населения и были таковым большинством уже в отдаленном прошлом. Поскольку после распада СССР сложившиеся в коммунистический период политические границы были сохранены в неприкосновенности, речь может идти лишь о создании для русских в этих государственных образованиях достойных условий жизни: придании русскому языку статуса государственного, предоставлении гражданства стран проживания и приобретении прав национально-культурной автономии. По состоянию на 1989 г. почти 37 млн. чел. на этих землях считали русский язык единственным родным, что составляло 26,3% всего населения этих государств. В Казахстане русский язык признавали родным 47,5% всего его населения (казахов там — 39,7%), в Латвии — 42,5% (латышей — 52%), в Эстонии — 35,2% (эстонцев — 61,5%), на Украине и в Белоруссии — по 33%, в Киргизии —26%, в Молдавии — 23%.

Ныне в большинстве этих республик роль русского языка в условиях гонений на него и закрытия многих русских школ быстро снижается, так как русские и русскоязычные жители не чувствуют поддержки России и не могут начать массовое переселение в вымирающую Россию, так как их там не ждут и помощь вряд ли окажут. В связи с этим вспоминается, что в годы первой мировой войны в России было трудоустроено около 7 млн. беженцев, после поражения Германии в годы второй мировой войны в Германию было депортировано более 10 млн. немцев и это не приводило к возникновению непреодолимых проблем.

Как это ни прискорбно, но подарив соседям огромные, населенные в основном русскими регионы, наше «демократическое» правительство обязано

теперь позаботиться о приеме и достойном устройстве на новых местах не менее 37–40 млн. беженцев, и в условиях отрицательного естественного прироста, это единственная возможность сохранить хотя бы на теперешнем уровне население России (148 млн. чел.), а в ее составе — удельный вес русских (около 81%).

Русские во «внутреннем» зарубежье.

Территория так называемого «внутреннего» этнического зарубежья представляет из себя разного рода этнополитические образования, возникшие в 20–30-е годы XX в. на землях современной России. Их характерной особенностью является пестрый этнический состав, а нередко и абсолютное преобладание великороссийского компонента. Интересно и то, что в процессе формирования этих субъектов Российской Федерации в их состав вошли обширные чисто или почти чисто русские этнические территории, причем в значительной мере они таковыми являлись и на рубеже XVIII в.

Учитывая взаимоограничивающие принципы права наций на самоопределение и уважения территориальной целостности государства, можно не подвергать какому-либо сомнению правомочность создания и функционирования этих этнополитических образований. Однако беда в том, что при формировании их политических рубежей к ним были присоединены нередко преобладающие в этническом отношении русские земли. И такая ситуация в неизменном виде сохранилась после распада СССР. В новом государственном образовании — Российской Федерации эти субъекты федерации получили необоснованно широкие политические и экономические привилегии, а интересы и права русских как внутри этих образований, так и во всем государстве — России — были ущемлены. По нашему мнению все эти субъекты федерации имеют полное право на существование, должны существовать, если этого желают их народы. Однако они бесспорно должны функционировать лишь в рамках своих этнических рубежей. В 1719 г. на территории этих нынешних субъектов федерации проживало 0,8 млн. русских, что составляло 33,6% их населения. В 1926 г. здесь уже жило 5 млн. русских (37% общего населения). И, наконец, по переписи 1989 г. на этих территориях проживает 11,8 млн. русских (46% общего населения) и 13,5 млн. (52,4% общего населения) — русскоязычных жителей. Коренное же население насчитывает 9,8 млн. или 37,8% всех жителей.

В Бурятии русские достигают 70% (русскоязычные — 75%), в Карелии — 74% (79%), в Коми — 58% (73%), в Мари — 47,5% (54,5%), в Мордовии — 61% (65%), в Удмуртии — 59% (69%), в Якутии — 50% (59%), в Адыгее — 68% (72%), в Еврейской автономной области — 83% (94%) и т.д.

1. В пореформенный период существовал и другой смысл этнонима «русские». Под ними подразумевались три восточнославянских этноса: великороссы, малороссы и белорусы.

2. Здесь и далее названия национально-территориальных образованнй приводятся на момент учета населения, то есть на 11 января 1989 г.

3. Административно-территориальный состав СССР на 1 июля 1925 г. и 1 июля 1926 г. в сопоставлении с довоенным делением России М., 1926.

4. Подробный анализ этих процессов будет рассмотрен ниже в соответствующих разделах работы.

5. См.: Население СССР. 1987. Статистический справочник. М., 1988, с. 8–15, 110–126.

6. Аргументы и факты. № 38–39. Октябрь 1992 г., с. 7; № 19 (708), май 1994 г., с. 11.

7. Вечерняя Москва, № 122 (21267) от 4 июля 1994 г., с. 1; Иностранец, № 1 (29) от 12 января 1994 г., с. 18.

8. Чистов К.В. Русские – народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988, с. 381–389; Бромлей Ю.В., Гурвич И.С. Козлов В.И. Этнические процессы в СССР. – Этнические процессы в современном мире. М., 1987, с. 109–110.

9. Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967.

10. Мусаев К.М. Алфавиты языков народов СССР. М., 1966, с. 5–22.

11. Hassel G. Statistischer Abriss der Russischen Kaiserthums. №ürnberg, 1807, S. 114–118; Hassel G. Statistischer Umriss der sämtlichen Europäischen Staaten. Bd. 1, Heft 2, Weimar, 1824, S. 5–9; Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863, Вып. 2, с. 214–232; Статистический ежегодник России. 1916 год (год 13). Вып. 1. М., 1918, с. 58–63.

12. Любавский М.К. Образование основной территории великорусской народности. Л., 1929; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

13. Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. – 1917 г.) – История СССР., 1980, № 3, с. 77–80.

14. Подробные статистичеаские данные, характеризующие ход этого процесса, будут прнведены ниже в соответствующих разделах работы. Здесь мы бегло характеризуем лишь генеральные тенденции анализируемого явления.

15. Административно-территориальный состав СССР на 1 июля 1925 г. и 1 июля 1926 года в сопоставлении с довоенным делением России. М., 1926, с. 60–65.

16. Winkler W. Statistisches Handbuch der europäischen №ationalita ten. Wien, 1931, S. 166–167.

17. Кузнецов Ю.П. Сообщение о старообрядцах в Пруссии. – Известия Русского географического общества. СПб., 1872, т. XIII, с. 222.

18. Мошнин Н. Придунайская Болгария – Славянский сборник. СПб., 1877, с. 353; Козлов В.И., Руденский Н.Е. Этнические процессы в зарубежной Европе. – Этнические процессы в современном мире. М., 1987, с. 199.

19. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1981, с. 17–18; Мухачев Ю.В. Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982, с. 41; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население... М., 1986, с. 117–119; Брук С.И., Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. М., 1991, с. 54; Lorimer F. The population of the Soviet Union. History and prospects. Geneva, 1946, p. 39; Kulischer E. Europe on the move: war and population changes. 1917–1947. №.Y., 1948, p. 53–55.

20. Марианьский А. Современные миграции населения. М., 1966, с. 66.

21. Heifman S. Eine Alternative zur Sprachschwund: deutsche Auswanderung in Komparativer Sicht. – Die Deutschen in der UdSSR in Geschichte und Gegen wart. Baden-Baden, 1990, S. 267–271.

22. Благов К. Выезд из бывшего СССР все же растет. – Иностранец, 12 января 1994 г., № 1 (20), с. 18.

23. Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1966, с. 185, 286, 581, 703.

II. РУССКИЙ ЭТНОС В XVIII в. (1719–1795 гг.)

1. Внутренние миграции в дореформенной России (20–50-е годы XVIII в.). Земледельческие миграции в России в период роста и укрепления феодально-крепостнических отношений (1719–1762 гг.)

В 20-х – 50-х годах XVIII в. в период между I (1719 г.) и III (1762 г.) ревизиями народы России и в первую очередь русские продолжали процесс заселения и хозяйственного освоения новых территорий страны: Среднего и Нижнего Поволжья, Новороссии, Южного Приуралья, Центрально-Черноземного региона. Легальное переселенческое движение помещичьих крестьян и вольная миграция государственных крестьян на окраины имела большое народнохозяйственное значенье. Осваивая совместно южные и восточные регионы, крестьяне различной этнической принадлежности не только увеличивали продовольственные ресурсы страны, но и вступали в тесные контакты между собой и с коренным населением осваиваемых территорий. В результате – формировалось многонациональное население многих окраинных регионов империи. В частности, шел быстрый процесс расширения этнической территории русского народа, так как он принимал самое активное участие в миграционном движении.

Материалы I–III ревизий позволяют проанализировать изменения в общей численности, этническом, сословно-классовом и географическом размещении населения России.

В период с I по II ревизию (1719–1744 гг.) численность, сословно-классовый состав и национальный состав населения России изменялись крайне неравномерно. Все население России за 25 лет выросло только на 16,2%, что было связано в первую очередь с частыми войнами и огромной смертностью среди российских солдат. Пониженным (по сравнению со средним по стране) оказался общий прирост в великороссийских регионах: Центрально-Промышленном (на 1,6%), Северном (прирост на 5,2%) и Нижнем Поволжье (на 9,7%). Невысоким он оказался также в Финляндии (на 3,6%), Прибалтике (на 3,6%), Северном Кавказе (на 1,8%). Не последнюю роль в этом играл отток населения за пределы регионов, а также пониженный естественный прирост.

Самый низкий в тогдашней России общий прирост отмечался в Центрально-Промышленном регионе. В Ярославской и Владимирской губерниях была зарегистрирована общая убыль населения. Между I и II ревизиями из Московской губернии (в границах до реформы 1775 г., то есть из почти всего Центрально-Промышленного и северной части Центрально-Земледельческого регионов) мигрировало более 350 тыс. чел. (8,4% населения, учтенного I ревизией)[1]. Это была весьма существенная величина, характеризующая механическую убыль жителей. Особенно много переселенцев выбыло из Московской (85,3 тыс. чел.), Калужской (54,2 тыс.), Рязанской (34,9 тыс.) и Тульской (34,1 тыс.) провинций.

Переселенцы оседали, в первую очередь, в соседнем Центрально-Земледельческом регионе, на Среднем и Нижнем Поволжье, что способствовало росту здесь удельного веса русского, особенно частновладельческого населения. Так, в будущей Саратовской губернии в Аткарском уезде в эти годы было основано 55 новых населенных пунктов, а население выросло с 1 до 9 тыс. чел.[2].

В Северном регионе с I по II ревизию невысокий общий прирост населения также был вызван низким естественным приростом и оттоком жителей в Сибирь и на Северное Приуралье. Только в 1719–1727 гг. из региона бежало 14,1 тыс. душ м.п. (около 28 тыс. чел.)[3].

Хотя в первой половине XVIII в. прирост населения в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе был невысок, приток жителей в северные их части начался уже в 30-е годы. Так, хотя в целом население Нижнего Поволжья с I по II ревизию выросло лишь на 10%, в Саратовском уезде прирост составил 75%, в Дмитриевском — 55%, а в Петровском — 144%. Сохранилась переписная книга Петровского уезда по II ревизии, которая позволяет проследить, как он заселялся в 20 — начале 40-х гг. XVIII в.[4]. По I ревизии здесь существовало только 7 населенных пунктов. Ко II ревизии было основано еще 16 селений и прибыло 3 тыс. чел. переселенцев, в основном из Центрально-Промышленного региона. Все они были русскими. В Астрахань из «верховых городов» к 1746 г. прибыло 3560 душ м.п. Это были в основном русские и было учтено 112 чел. украинцев, 100 — поляков, 100 — греков, 29 — персов, 27 — калмыков, 6 — шведов и т.д.[5]

Повышенный прирост населения в 20 — начале 40-х годов XVIII в. отмечался в Смоленской губернии (Северо-Запад), в Центрально-Земледельческом регионе (на 18%), Северном Приуралье (на 19%), в Сибири (на 27%), Озерном регионе (на 28%), на Левобережной Украине (на 30%), в Южном Приуралье (на 34%), Среднем Поволжье (на 38%) и в Новороссии (на 54%). В Центрально-Земледельческом регионе в большинстве губерний прирост был низок. Однако в Тамбовской губернии он оказался высоким (на 34%), так как она привлекала мигрантов из соседних губерний (Тульской, Рязанской, Владимирской и др.).

В Сибири население увеличивалось в основном за счет высокого естественного прироста, так как приток сюда мигрантов из Европейской России с начала XVIII в. замедлился. В Озерном регионе наблюдался приток новоселов в Петербургскую губернию. В 1715–1725 гг. сюда было переведено из Московского, Рязанского, Костромского и других уездов 24 тыс. чел.[6] Повышенный прирост населения Левобережной Украины в значительной мере был обусловлен тем, что в 30-е годы здесь была создана так называемая Украинская Линия — цепь укреплений для защиты этих территорий от набегов татар и турок. Из Воронежской и Курской губернии сюда было переведено 12,3 тыс. чел. русских однодворцев[7]. Особенно быстро заселялось Южное Приуралье. В 30-е годы здесь проживало 240, а по II ревизии в 40-е годы — 323 тыс. чел. Ревизоры, проводившие II ревизию в Среднем Поволжье, обнаружили, что отсюда в Южное Приуралье бежало 54,3 тыс. душ м.п., учтенных I ревизией[8].

Однако максимальный прирост населения в России в 20-40-е годы XVIII в. наблюдался в Новороссии. Регион еще не стал тогда основной заселявшейся территорией страны, а население его было еще незначительным (I ревизия — 79,9 тыс. II — 123,4 тыс. чел.)[9]. Переселенцы шли сюда в основном из соседних украинских регионов: Малороссии, Слободской и Правобережной Украины. В 1734 г. на прежние места жительства из Крыма возвратилось более 10 тыс. чел. запорожских казаков[10].

Таким образом, в 20–40-е годы XVIII в. народы России принимали активное участие в заселении и хозяйственном освоении новых территорий. Никакой эмиграции из страны тогда не было. Русские, украинцы, народы Поволжья в значительном числе переселяются из Центра (в основном из Центрально-Промышленного региона, Среднего Поволжья, Малороссии и северных частей Центрально-Земледельческого региона) в Новороссию, Южное Приуралье и Тамбовскую губернию Центрально-Черноземного региона. Что касается притока иностранцев, вызванного петровскими реформами, то он не был тогда еще массовым. Иностранцы (главным образом, немцы) направлялись в города, где и растворялись в массе преобладающего русского населения.

Со II по III ревизию (1744–1762 гг.) в России действовали те же демографические тенденции, что и в 20-х — начале 40-х годов. Несколько возрастают показатели прироста населения. За 18 лет оно возросло на 16%. Высоким оказался прирост в Новороссии (на 140%), Северном Приуралье (на 27%), Сибири (на 23%), Южном Приуралье (на 21%). В остальных он был или близок к среднему по стране или даже уступал ему.

Очень низким оказался прирост на Северном Кавказе (на 1,2%), Левобережной Украине (на 10%) и в Северном регионе (на 10%). Северный Кавказ тогда еще не стал регионом притока переселенцев из Центра и отличался пониженным естественным приростом. Что касается Левобережной Украины, то пониженный общий прирост был здесь обусловлен массовым оттоком жителей в соседнюю Новороссию. Резко снизился прирост населения в Среднем Поволжье (1719–1744 гг. — на 38%, 1745–1762 гг. — на 13%). Переселения из Центра сюда ослабели, а отток мигрантов в Южное Приуралье и Нижнее Поволжье — увеличился, особенно из Казанской губернии.

При проведении III ревизии переписчики не обнаружили на месте 42,2 тыс. душ м.п. (в Казанской провинции — 4,1 тыс., в Пензенской — 15,7 тыс., в Свияжской — 10,8 тыс., в Симбирской — 5,3 тыс., в Вятской — 3,4 тыс., в Пермской — 2,9 тыс. душ м.п.)[11]. Бесспорно, основная часть их выбыла в соседнее Южное Приуралье и Нижнее Поволжье. В Центрально-Земледельческом регионе прирост населения в 1744–1762 гг. был умерен (на 17,6%). Однако в Воронежской губернии в эти годы число жителей выросло на 107,3%. Во второй половине XVIII в. до конца 60-х годов южные окраины России не подвергались нападению татар и турок, что ускорило их заселение. В освоении Воронежской губернии активное участие приняли как русские переселенцы из северных частей Черноземного Центра, так и украинцы соседней Слободской Украины, причем приток последних в 50-е годы усилился, что повысило удельный вес украинцев в губернии с 30,3 до 44,6%. В целом же, в губернию

прибыло около 210 тыс. чел. Максимальный прирост дали в основном южные и юго-восточные уезды, наименее освоенные и заселенные. Так, прирост жителей в Новохоперском уезде оказался равным 404,4, в Павловском — 316,4%, в Усердском — 260,2%, в Острогожском — 160,8% и т.д.

В 30–50-е годы быстро росло население Южного Приуралья, Северного Приуралья и Сибири. В Оренбургской губернии между II и III ревизиями отмечается приток мигрантов — 47 тыс. душ м.п., причем среди новоселов преобладали русские (57,3%). За ними следовали татары (17,5%), чуваши (14,9%), мордва (6,4%), марийцы (2,6%) и удмурты (0,2%). При этом в Уфимскую провинцию шли в основном татары (русских было 21,4%). Максимальное число переселенцев дали Казанский (17%), Симбирский (17%) и Свияжский (4%) уезды. Большинство выходцев из Казанской губернии были татарами. Русские же преобладали среди мигрантов Симбирского, Пензенского и Саранского уездов[12]. Население Сибири и Северного Приуралья росло в основном за счет высокого естественного прироста[13].

Однако максимальный прирост (на 140%) отмечался в Новороссии. В ее освоении большую роль начали играть иностранные иммигранты, которым рядом специальных законов было разрешено мигрировать в Россию[14]. В середине 60-х годов XVIII в. в Новороссию прибыло 12 тыс. волохов, 2 тыс. сербов, 1 тыс. поляков и большое число украинцев[15]. Это было первое в истории страны значительное по абсолютным цифрам иммиграционное движение в Россию.

В целом с 1745 по 1762 гг. в заселяемые регионы из Центра страны, Среднего Поволжья и Левобережной Украины выбыло около 440 тыс. чел. (в Воронежскую губернию — 210 тыс., в Новороссию — 104 тыс., в Южное Приуралье — 94 тыс., в Саратовскую губернию — 30 тыс. чел.). Среди мигрантов абсолютно преобладали русские.

Иммиграция из-за рубежа стала заметной только с 50-х годов в XVIII в. Первоначально она направлялась в основном в Новороссию (около 30 тыс. чел.). Эмиграция же не получила еще заметного распространения. Лишь русские старообрядцы переселялись в Белоруссию и на Правобережную Украину. Однако с 60-х годов XVIII в. они начали возвращаться обратно. А оставшиеся там в 70–90-е годы вновь оказались в пределах Российской империи.

Подведем итоги.

С 1719 по 1763 гг. население России выросло на 34,6% (с 15737,9 до 21175,5 тыс. чел.). Слабый прирост отмечался в Центре (Центрально-Промышленном регионе) — на 14%, в Северном регионе — на 16%, в Финляндии — на 23%, Прибалтике — на 25%, в Нижнем Поволжье — на 29%, Северном Кавказе — на 3% и на Северо-Западе — на 34%. В эту группу вошли российский Нечерноземный Центр, Север, Прибалтика, Смоленская губерния, Финляндия (Выборгская губерния) — регионы старого освоения с наиболее развитыми феодально-крепостническими отношениями. Среди них Центрально-Промышленный регион характеризовался заметным отливом населения. Все эти регионы отличались и пониженным естественным приростом

жителей. В эту группу вошли также Северный Кавказ и Нижнее Поволжье — территории, которые еще не стали объектом интенсивного заселения.

Повышенный прирост отмечался в Озерном регионе (на 43%), в Центрально-Земледельческом регионе (на 38%), на Левобережной Украине (на 43,4%), в Северном Приуралье (на 51%), Среднем Поволжье (на 56%), Сибири (57%), Южном Приуралье (62%) и Новороссии (271%). Прирост населения в Среднем Поволжье, Озерном регионе и на Левобережной Украине к концу рассматриваемого периода резко замедлился, так как их заселение к середине XVIII в. почти завершилось и они сами стали выталкивать мигрантов в соседние регионы. В остальных же регионах прирост, напротив, повысился. Они превратились в заселяемые территории империи, где происходило расширение или сужение этнических территорий, занимаемых народами России. Противоречивое состояние было присуще Центрально-Черноземному региону. В то время как заселение северных и частично центральных губерний здесь завершилось уже к XVIII в., его юго-восточные и южные губернии (Воронежская, Тамбовская) продолжали интенсивно осваиваться.

К концу 30-х годов XVIII в. ускорился процесс заселения и хозяйственного освоения народами России, в первую очередь русскими, новых территорий: Южного Приуралья, Нижнего Поволжья (Саратовская губерния), Воронежской и Тамбовской губерний Центрально-Черноземного региона, Новороссии. В Воронежскую губернию, Новороссию и Саратовскую губернию устремились, кроме русских, большие группы украинских мигрантов, в Тамбовскую — преимущественно русских. Всего в 20-х — начале 60-х годов XVIII в. на окраины страны из Центрально-Промышленного, северной части Центрально-Земледельческого регионов, Левобережной Украины и Среднего Поволжья выбыло не менее 850 тыс. мигрантов.

Эмиграция за рубеж в эти годы не получила развития, а иммиграция была невелика. Это были главным образом выходцы из Турции и Австрийской империи, которые с 50-х годов начали заселять Новороссию (около 30 тыс. чел.), а также из германских земель, которые в основном размещались в городах России.

2. Изменения в численности и размещении русского этноса в Российской империи в 20—60-х годах XVIII в.[16]

Этнодемографические процессы в 20—40-е годы

К началу XVIII в. в России проживало 8,1 млн. русских. — Это было почти все русское население страны. За пределами границ современной России тогда размещалось не более 60 тыс. этнических русских: на Украине в границах Новороссии (поселения однодворцев в районе Бахмута) и в современном Казахстане на р. Урал, где поселились уральские казаки. В Центрально-Промышленном регионе почти все население состояло из русских (около 98%). В Центрально-Земледельческом, Северном, Озерном регионах и Северном Приуралье русские достигали 90% общего числа всех жителей.

На остальной территории, которая относилась к заселяемой, доля русских была значительно меньшей: В Среднем Поволжье они составляли примерно 60% общего числа жителей. В Сибири русских было несколько более 60%, причем они уже преобладали в Западной Сибири (около 80% всего населения). В Смоленской губернии они достигали 40% всех жителей, а в Новороссии 15%.

На территории Нижнего Поволжья, Северного Кавказа, Южного Приуралья, Прибалтики и Закавказья русские почти отсутствовали. Прибалтика и Закавказье, как и значительная часть Новороссии, еще не входили в состав России. А сколько-нибудь значительное миграционное движение русских на территорию Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Южного Приуралья развернулось только с 20-х годов XVIII в.

Интересно и то, что в 1678 г. в Сибири жило не более 2% всех русских на территории будущей империи, а в Европейской России — 98%. В этой же последней почти половина всех русских размещалась в Центрально-Промышленном регионе (47,8%). В Озерном регионе жило 11%, Северном — почти 8%. Это были территории исконного размещения русского этноса, где тогда жило более двух третей всех русских. В еще заселяемом Центрально-Земледельческом регионе тогда проживало 20% всех русских, а в Северном Приуралье — 3%.

В Среднем Поволжье, заселенном в основном в XVII в. размещалось около 6% русских. Здесь около 40% достигали представители других коренных народов (татары, чуваши, мордва и др.). На Северо-Западе (в Смоленской губернии) жило тогда около 1% всех русских, а в Новороссии — лишь 0,3%. На Смоленщине уже тогда протекали активные этнические процессы, в ходе которых белорусскоязычное коренное население, в условиях отсутствия сколько-нибудь заметных миграций, постепенно переходило на русский язык, сохранив свое великороссийское этническое самосознание. Завершился этот процесс (в Краснинском уезде) только в начале XX в.

В Новороссии русские тогда жили на территории Земли Войска Донского и севере будущей Екатеринославской губернии (в районе Бахмута). Русский этнос тогда занимал здесь значительно большие территории, так как границы донского, в основе своей великороссийского, казачества, проходили по реке Кальмиус (с запорожскими казаками) и Лугани (на севере). Позже эти территории в основном вошли в состав Украины (Донецкой и Луганской областей), так как подверглись интенсивной украинской колонизации преимущественно во второй половине XVIII в.

Уже к 1719 г. в численности и размещении русского этноса на территории всей Российской империи произошли заметные изменения. В начале XVIII в. более 99% всех русских размещалось на землях нынешней России. На современной Украине и в Казахстане их было очень мало (около 100 тыс. чел.). На территории же нынешней России I ревизия (1719 г.) зарегистрировала 11,1 млн. русских. По II ревизии численность русских в империи поднялась до 12,7 млн., а III — 14,6 млн. чел. В 1719 г. русские составляли в границах

нынешней России около 83% всего населения, а в рубежах бывшего СССР – 42,7%.

В рубежах нынешней России после русских самыми многочисленными этносами (более 200 тыс. чел.) были тогда: татары (418 тыс. или 3,1% общего числа жителей), белорусы (347 тыс. или 2,6%), украинцы (263 тыс. или 2,0%), чуваши (218 тыс. или 1,6%) и калмыки (200 тыс. или 1,5%). Остальные 6% пришлись на долю других этносов (см. табл. 9).

К 1719 г. доля русских, проживающих в Сибири, поднялась до 3%, понизившись в Европейской России до 97%. Резко снизилась доля русских, размещающихся в Центрально-Промышленном регионе (с 47,8 до 40,8%), на Севере (с 7,9 до 4,6%) и Озерном регионе (с 11,0 до 9,4%). Слабый естественный прирост и отток жителей отсюда на окраины были, как указывалось выше, причинами этого явления.

Сильно повысилась доля русских (ко всему русскому населению России) в Центрально-Земледельческом регионе (с 20,9 до 25,2%), в Среднем Поволжье (с 5,7 до 8,4%), Северном Приуралье (с 3,3 до 5,0%) и Северо-Западе (с 1,0 до 1,5%). Появляется довольно значительное русское население на землях, заселение которых развернулось лишь с рубежа XVIII в.: в Нижнем Поволжье (0,9%), Южном Приуралье (0,2%), на Левобережной Украине (0,4%) и Новороссии (прирост с 0,3 до 0,7%).

Самое многочисленное русское население проживало в Центрально-Промышленном регионе (I ревизия – 4,5 млн., III – 5,1 млн. чел.). Табл. 5 показывает, что русское население составляло более 97% всех жителей этого региона[17]. Во Владимирской и Костромской губерниях практически все жители были русскими, в Ярославской русских было более 99%. Здесь в Пошехонском уезде проживало небольшое число карел, а в Романовском – татар. В Московской губернии русских также было более 99%, но было учтено незначительное число татар и украинцев, а в Калужской (русских 99,7%) – карел (Медынский уезд).

Удельный вес представителей других народов России был заметен в Нижегородской (русских около 97%) и Тверской (русских 85%) губерниях. В Нижегородской губернии в Нижегородском и Арзамасском уездах проживала вместе с русскими мордва. В Тверской губернии довольно многочисленными были карелы (в Новоторжском, Кашинском и Бежецком уездах) и тудовляне-белорусы (в Ржевском уезде по I ревизии – 11%, по II – 12,3%).

В Северном регионе русские в первой половине XVIII в. достигали 92% общего народонаселения (в Архангельской – почти 95%, в Вологодской – 91%). В Вологодской губернии почти 9% населения приходилось на коми-зырян. В Архангельской – в Мезенском уезде почти 43% всех жителей приходилось на долю коми-зырян и ненцев, а в Кольском – около половины всего населения составляли саами (лопари). Они жили в пограничных со Швецией погостах на еще не размежеванной территории (в основном в Нявдемском погосте), которая в 1825 г. была большей частью передана Швеции (теперь входит в состав Норвегии). В 1921 г. на территории, где проживало коми-зырянское население, была создана автоном-

ная республика Коми. В 1762 г. здесь проживало 50,3 тыс. чел., из которых русских было 6 тыс. или примерно 12%.

Центрально-Земледельческий регион также был заселен в основном русскими (около 90% всего населения). В Тульской губернии русские составляли почти 100% общего числа жителей, в Рязанской — более 99% (здесь в Касимовском уезде проживали татары: I ревизия — 17%, III — 16% населения). В Орловской русских также было почти 99%. Здесь в Трубчевском (I ревизия — 7%, III — 14%) и Брянском (I ревизия — 2,6%, III — 2,6%) уездах жили украинцы. Хотя Орловская губерния на большом протяжении граничила с Малороссией (Стародубским полком), губернская граница здесь на большом протяжении являлась и этнической, а немногочисленное украинское население переселилось сюда уже в XVIII в.

В Тамбовской губернии русских было около 95%. Здесь в Кадомском и Темниковском уездах проживали татары и мордва.

В Воронежской и Курской губерниях кроме русских (около 70% всех жителей), проживало немало украинцев (примерно 30%). В Воронежской губернии в северо-восточной части жили русские, а в юго-западной — украинцы. Украинцы составляли абсолютное большинство в Острогожском полку (I ревизия — 89,6%, II — 93,2%), а также в Валуйском уезде (I ревизия — 38,5%, II —54,6%). Кроме того значительные группы украинцев были зафиксированы в Воронежском, Павловском, Усердском, Верхососенском, Романовском, Хоперском и Палатовском уездах. В Курской губернии русские и украинцы проживали чересполосно. Хотя общая тенденция уменьшения удельного веса украинцев по мере продвижения на северо-восток сохранилась и тут, все же украинское население зафиксировано повсюду. Абсолютно преобладало оно в уездах, примыкающих к Малороссии и Слободской Украине. В Хотмыжском уезде украинцев по I ревизии было 71,6%, а по II — 72,4%, в Путивльском — 66,9 и 65,2%, в Судженском — 63,2 и 55,5%, в Новооскольском — 41,5 и 60,1%, в Миропольском — 56,8 и 55,0%, в Каменском — 54,2 и 79,2%. Частично эти территории в начале 20-х годов XX в. были включены в состав Украины.

В Северном Приуралье русских было около 91%. Кроме русских здесь жили удмурты (5%), марийцы (2%), коми-пермяки (1%) и татары (1%). В Вятской губернии доля русских была меньшей (85%), а в Пермской — большей (96%). В Вятской губернии значительными национальными группами являлись удмурты (9%) и марийцы (5%). Первые проживали в Слободском уезде (I ревизия — 48,9% населения, II — 39,2%). Марийцы же размещались преимущественно в Уржумском (28,5%), Яранском (I ревизия — 29,5%, II — 45,1%) и Царевосанчурском (I ревизия — 32,9%, II — 25,9%) уездах. В созданных в 1920 г. Марийской и Удмуртской автономных республиках в первой половине XIX в. проживало немало русских. В республике Мари они составили по III ревизии 19% всего населения (марийцы — 74,5%). В Удмуртии русских было по I ревизии — 41,2%, по III — 47,4% (удмурты достигали 39,7%). В Пермской губернии удельный вес национальных меньшинств был меньшим. Около 2% жителей ее составляли коми-пермяки, примерно 1% —

татары. В Кунгурском уезде проживало небольшое число татар и марийцев, а в Соликамском и Чердынском — коми-пермяков.

В Сибири уже к 20 гг. XVIII в. можно говорить о преобладании русского населения (I-II ревизии — около 67% населения). Правда, данные о коренных жителях Сибири первой половины XVIII в. неполны. Особенно это касается 20-х годов. Как и следовало ожидать, наиболее высоким процент русских был в примыкающей к Европейской России Тобольской губернии (более 80%). В Томской он превышал 70%, а в Восточной Сибири не достигал и 45%. Кроме русских, в Тобольской губернии проживало немало хантов (5%) и татар (7–9%). Нерусское население преобладало только в двух северных уездах — Сургутском и Березовском. В Томской губернии наиболее значительными этническими компонентами были ханты (7%), тунгусы (2%) и татары (12%). Русские, однако, составляли большую часть жителей почти всех уездов. Лишь в Нарымском уезде доминировали ханты, а в Мангазейском — тунгусы и ненцы. В Иркутской губернии русские составляли большинство только в южных уездах (Иркутском и Илимском). В Селенгинском уезде доминировали буряты, в Нерчинском — буряты и тунгусы, в Якутском — якуты.

Особое положение занимает Озерный регион. Русские достигали здесь 90% жителей. Среди национальных меньшинств следует выделить карел (около 4,5%), финнов (3%), ижору (1%) и вепсов (1%). Псковская губерния обладала почти чисто русским населением (99%). Лишь в Псковском и Опочецком уездах, граничащих с Лифляндией, проживало небольшое число эстонцев, а в Островском и Псковском — латышей. Эстонцы и латыши начали в значительных количествах переселяться в Псковскую губернию только в XIX в., что и изменило этнический состав населения пограничных частей губернии. В Новгородской губернии русских было 95%. Здесь жили также карелы (4%) и вепсы (1%). Однако их удельный вес нигде не был высок. В северной Олонецкой губернии на долю русских приходилось несколько более 75% населения. Карел здесь было около 20%, а вепсов — 3%. В Олонецком уезде карелы составляли около трети жителей. На территории созданной здесь в 1922 г. Карельской республики русские в середине XVIII в. составляли 65,1%, а карелы — только 29,3%, хотя в Олонецком уезде карел было почти 59% (русских 33%). В Петербургской губернии удельный вес русских оказался самым низким в регионе (около 70%). Финны составляли почти 20% жителей. Однако русские преобладали во всех уездах, кроме Ямбургского, где, в основном, на территории бывшей Нарвской области, было немало ижоры и финнов.

Левобережная Украина была населена почти исключительно украинцами. Русскими здесь была заселена часть Мглинской сотни Стародубского полка. Кроме того, некоторое число русских было размещено на Слободской Украине. Русское население здесь складывалось, с одной стороны, из служилых людей, поселенных здесь еще в конце XVI — начале XVII вв. до прихода сюда украинцев, а с другой — из постоянно прибывающих сюда беглых из центральных частей страны. Русские преобладали в Чугуевском уезде (I ревизия — 86,6%, II — 87,7%) и были численно значительны в Волыновском,

Алешенском и Недригайловском. А в целом русские в регионе составляли 2% всего населения.

Национальный состав жителей региона Среднее Поволжье был весьма пестрым. Русские составляли здесь около 60% общего народонаселения (I ревизия — 50,7%, II — 65,6%). В 20-е годы XVIII в. русские уже составляли подавляющую часть жителей Пензенской (I ревизия — 80,6%, II — 84,4%) и Симбирской (соответственнно 65,4 и 73,2%). И лишь в Казанской губернии русские имели только относительное большинство (I ревизия — 42,2%, II — 45,7%). Русские преобладали во всех уездах Пензенской губернии и их процент повсюду возрастал. Наименее высок он был в Инсарском (I ревизия — 53,8%, II — 75,1%), Керенском (соответственно 65,9% и 76,1%) и Наровчатском (67,9 и 81,3%) уездах. В Инсарском уезде жило много мордвы, в Керенском — мещеряков и мордвы. Татары в небольшом числе расселялись во многих уездах, но больше всего их было в Пензенском, Саранском и Верхнеломовском уездах. В Симбирской губернии русские достигали трех четвертей жителей. Русские преобладали здесь во всех уездах. В самой северной Казанской губернии русские не составляли большинства. Здесь жило большое число татар, чувашей, марийцев и немного удмуртов и мордвы. Русские преобладали лишь в двух уездах. В Кокшайском их было по I ревизии 57,5%, а по II — 60,9%, а в Казанском соответственно 54,0% и 54,9%. На территории будущего Татарстана русские составляли по II ревизии 48,1% общего народонаселения (татары 31,7%, а чуваши 12,9%).

В Южном Приуралье удельный вес русского населения благодаря интенсивному притоку мигрантов быстро рос. Если по I ревизии русских здесь было 10,5%, то по II уже 35,1%. В Оренбургской губернии русские уже преобладали в 20-е годы XVIII в., но в Уфимской их почти не было.

На территории Новороссии русские в 20-е годы XVIII в. проживали на землях Войска Донского и в будущей Екатеринославской губернии. На Херсонщине, в Тавриде и Бессарабии их не было вовсе. В Войске Донском в начале XVIII в. практически все жители были русскими. Исключительно мощная украинская переселенческая волна хлынула сюда уже во второй половине века.

На землях будущей Екатеринославской губернии ситуация была иной. Здесь в 20–50-е годы отмечается сокращение абсолютной численности русских и быстрый рост украинцев. В результате эта преимущественно русская этническая территория стала украинской. В 1719 г. русские достигали здесь 80,4% всего населения, в 1744 г. — 19,6%, а в 1763 г. — 9,2%. Удельный же вес украинцев повысился с 19,6% в 1719 г. до 80,4% в 1744 г. и 82,8% в 1763 г.

Учитывая важность протекающих здесь этнических процессов, остановимся на их анализе несколько подробнее.

На землях Бахмутской провинции будущей Екатеринославской губернии (ныне Донецкая область Украины) между I и II ревизиями население выросло лишь на 9,9%. Дело в том, что именно она подверглась в 1736 г. сильному татарскому набегу, в результате которого «в слободах обывателей мужеска и женска полу многое число взято в полон и побито и стоячий и молоченный

хлеб весь без остатка пожжен и скот отогнан»[18]. Характерно, что от татар сильно пострадали однодворческие поселения провинции. Если по I ревизии русских-однодворцев здесь проживало 6841 душа м.п., то по II ревизии только 3551[19]. Пострадало и население соседних украинских слобод. Так, в Шульгиной слободе в 1732 г. значилось 562, а в 1745 г. — 205, в Нижней Боровинке соответственно 608 и 267 душ и т.д. Однако если приток русского населения в провинции временно прекратился в начале XVIII в., то переселение сюда украинцев из соседней Слободской Украины в значительных масштабах началось именно с начала 30-х годов XVIII в. и набеги татар смогли лишь временно затормозить этот процесс. Царские власти в 1736 г. приняли безуспешные меры к ослаблению украинского переселенческого движения на новые земли, так как это снижало боеспособность слободских полков. 11 февраля 1736 г. был опубликован указ, который воспрещал принимать на поселение украинцев в местах, «где до переписи 1732 г. малороссийских поселений не было, ...а ежели впредь в тех и других отдаленных местах кто малороссиян учнет принимать и вновь селить, с таких брать штрафа за всякую мужеска пола душу по 5 рубли. А тех вышедших малороссиян в тех отдаленных местах и в казенных городах класть в оклад против великороссиян и брать те деньги с тех сел и слобод, где ныне живут»[20]. Новые переселенцы — украинцы, прибывшие сюда после татарского набега, с избытком восполнили убыль и изменили этнический состав населения. По I ревизии 1719 г. в Бахмутской провинции было зарегистрировано украинцев 1753 души м.п., в 1732 г. — 3385 душ, в 1738 г. — 2586, а в 1745 г. — 5730 душ[21]. Кроме того, в 1734 г. в основном на земли будущей Екатеринославской губернии (в Кодацкую и Самарскую паланки) возвращается более 10 тыс. душ м.п. запорожских казаков[22]. Наконец, много украинских крестьян, выходцев из Малороссии, поселилось на примыкающих частях Земли Войска Запорожского (в слободах Николаевке — Рудевой, Орловщине, Котовке и др.)[23].

На Земле Войска Донского среди абсолютно преобладающего русского населения с 30-х годов XVIII в. появляются украинские переселенцы. Однако массовый характер украинская миграция на Дон приобретает только в 80–90-е годы XVIII в. после введения в Левобережной Украине более тяжелых феодально-крепостнических порядков центральной России. Если по I ревизии почти все население на Дону состояло из русских, то в 40-е годы здесь было зарегистрировано значительное число беглого украинского «поданного», то есть закрепощенного населения (2,4% всех жителей, а в 60-е годы — 28,7%).

Подведем итоги. В результате различного уровня естественного прироста в отдельных частях страны и мощного миграционного движения из Центра на юг и юго-восток России в первой половине XVIII в. произошли значительные изменения в численности, географическом размещении и удельном весе русского этноса. В целом в Российской империи в границах 20-х годов XVIII в. отмечается небольшое сокращение удельного веса русских (1719 г. — 70,8%, 1744 г. — 69,7%, 1763 г. — 69%), хотя в большинстве регионов он существенно вырос. Сокращение отмечалось в Новороссии, Сибири, Смоленской губернии, Центрально-Промышленном регионе и Северном Приуралье. В Сиби-

ри это объясняется скорее всего неточностью учета коренного населения в 20-е годы XVIII в. В Новороссии сокращается даже абсолютная численность русских и они превращаются в этническое меньшинство. В остальных регионах это вызывалось оттоком русского населения и слабым естественным приростом. Удельный вес русских быстро рос в регионах, где их численность была невелика, куда шла мощная волна русских мигрантов из Центра (в Южном Приуралье, Нижнем Поволжье, Северном Кавказе). Однако в анализируемый период эти регионы далеко еще не стали русской этнической территорией.

Этнодемографические процессы в 40 — начале 60-х годов (1744—1762 гг.)

Абсолютная численность русских в России со II по III ревизию выросла на 14,9% (с 12717 до 14610 тыс. человек), а по Европейской России — на 14,6% (с 12326 до 14123 тыс. человек), в то время как все население тогдашней России увеличилось на 15,8% (с 18291 до 21176 тыс. чел.). В результате удельный вес русских упал с 69,9 до 69,5%, а по Европейской России — с 69,7 до 69,2%.

Это было вызвано более низким естественным приростом в центральных и северных регионах (Центрально-Промышленный, Северный), где проживало более 45% великорусского народа. Причины, отрицательно влиявшие на темпы прироста населения в центре и на севере в 20-х — начале 40-х годов XVIII в., еще в большей мере проявились во второй половине 40-х —начале 60-х годов XVIII в. Феодально-крепостнический гнет в эти годы еще более усилился (удельный вес частновладельческого населения вырос с 50,6 до 53,0%), сказывалось отрицательное влияние рекрутских наборов и т.д.

Из-за продолжавшегося переселения русского крестьянства на окраины и различий в темпах естественного прироста в разных частях страны, а также из-за миграции других народностей России, удельный вес русского населения понизился в Центрально-Промышленном, Центрально-Земледельческом, Озерном регионах, в Среднем Поволжье, на Левобережной Украине и в Новороссии. Одновременно с этим он вырос в Северном Приуралье, Южном Приуралье и в Смоленской губернии.

Таким образом, сохранилась старая тенденция возрастания доли русских на заселяемых окраинах при некотором падении ее в центральных частях страны. Исключение составляют, во-первых, Озерный регион, Среднее Поволжье и Левобережная Украина, где процент русских понизился, а во-вторых, Северное Приуралье и Смоленская губерния, где он вырос.

Центрально-Промышленный регион, оставался основной территорией размещения великорусского населения, хотя доля русских здесь ко всем русским страны существенно снизилась (1678 г. — 47,8%, 1719 г. — 40,8%, 1744 г. — 36,0%, 1762 г. — 35,2%). В целом в регионе процент русских снизился незначительно (I ревизия — 97.7%, II — 97,5%, III — 97,4% населения региона). В 50—60-х годах естественный прирост здесь повысился, а отток жителей в соседние регионы, видимо, упал. Ни Среднее Поволжье, ни Цент-

рально-Земледельческий регионы — традиционные территории расселения из Нечерноземного центра — не дают материалов об интенсивном заселениии их из этого региона в 50-х — начале 60-х годов XVIII в. Небольшое снижение процента русских в регионе между II и III ревизиями произошло потому, что в Нижегородской и Тверской губерниях, где национальные меньшинства составляли значительную прослойку, население возросло сильнее, чем в губерниях чисто русских.

В Центрально-Земледельческом регионе со II по III ревизию удельный вес русских снизился с 90,7 до 87,4% (с I по II ревизии был прирост с 90,6 до 90,7%). В северных Рязанской и Тульской губерниях, где почти все население состояло из русских, процент их не изменился. В Орловской и Курской доля русских немного повысилась. Иная картина наблюдалась в южных и юго-восточных губерниях — Воронежской и Тамбовской, давших максимальный прирост. Здесь удельный вес русских сократился и весьма значительно: в Воронежской губернии с 69,7 до 55,1%, а в Тамбовской — с 95,7 до 92,6%. Это произошло исключительно благодаря мощному переселенческому движению сюда украинцев с территории Слободской Украины и частично Малороссии. Это обстоятельство обеспечило повышенный прирост по всему Черноземному центру и обусловило весьма слабый прирост на Левобережной Украине (10%). В самом деле, удельный вес украинцев в Воронежской губернии со II по III ревизию вырос с 30,3 до 44,6%. В Тамбовской губернии по II ревизии украинцы составляли 0,25%, а по III — 3,0% всех жителей. Со II по III ревизию украинское население в регионе выросло на 64% (с 303 до 497 тыс. чел.).

Своим исключительно высоким приростом многие уезды Воронежской губернии обязаны украинским переселенцам. По II ревизии в Острогожском полку, украинцы составляли 93,1%, по III — 96,2%, а их численность выросла с 44,3 до 119,2 тыс. чел.; в Валуйском уезде на долю украинцев приходилось по II ревизии 54,6%, а по III — 68,5%. По II ревизии украинцев было немного в Павловском, Усердском и Хоперском уездах, по III — они составляли здесь абсолютное большинство. Таким образом, на части территории Воронежской губернии в 40–50-е годы расширяется ареал украинского этноса и часть этих земель в 1918–1924 гг. отошла к Украине.

В Тамбовской губернии абсолютная численность и удельный вес украинцев (22,8 тыс. чел. или 3% населения) были невысоки. Так, по III ревизии их доля была заметной в Добренском (24,6%) и Козловском (7,2%) уездах. Мощное переселенческое движение украинцев в Новороссию в 50-х — начале 60-х годов еще более снизило здесь долю русских. Мы уже отмечали, что на территории будущей Екатеринославской губернии русские составляли в 1719 г. — 80,4% населения, в 1744 г. — 19,6%, в 1762 г. — 9,2% (I ревизия — 14,4 тыс., II — 8,2 тыс., III — 7,1 тыс. чел.).

Иная ситуация наблюдалась на землях будущей Херсонской губернии. В 20–40-х годах XVIII в. здесь отсутствовало постоянное русское население. В 50-х годах царские власти пригласили сюда на льготных условиях русских раскольников, которые еще на рубеже XVIII в. бежали на Правобережную Украину и в Белоруссию. Они были поселены в окрестностях Елисаветградской кре-

пости. По III ревизии в Херсонской губернии их было уже 7,4 тыс. чел. или 9,6% ее населения. На Землю Войска Донского в 50-х — начале 60-х годов XVIII в. также прибыло много украинцев из Слободской Украины. Поэтому удельный вес русских здесь снизился с 97,6 до 71,3%.

В Озерном регионе небольшое снижение доли русских, по всей вероятности, вызвано неточностью учета (с 90,4 до 89,4%), так как для этого не усматривается никаких объективных причин. Небольшое падение удельного веса русских со II по III ревизию отмечено и в Среднем Поволжье, где в 20–40-х гг. процент их быстро возрастал (I ревизия — 59,7%, II —65,6%, III — 65,4%). Это показывает, что интенсивное переселение в этот регион русских помещичьих крестьян прекращается. В 50-е — 60-е годы наблюдается интенсивный отлив населения из региона в соседнее Южное Приуралье и Нижнее Поволжье. Этот процесс затронул все народы Среднего Поволжья, но в разной степени. В результате миграций и различий в темпах естественного прироста снизился удельный вес русских, татар и чувашей и вырос у мордвы, удмуртов и марийцев. В остальных регионах доля русских повысилась.

В Смоленской губернии, Северном регионе и Сибири это было обусловлено в первую очередь более высоким естественным приростом на территории проживания русских, а также миграционными процессами. В Смоленской губернии русские составляли по II ревизии 37,7%, по III — 41,4%. В Северном регионе эти показатели составили 92,1 и 92,6%, в Сибири — 63,8 и 64,2%.

В Сибири в разных ее частях отмечались различные тенденции. В Тобольской губернии удельный вес русских повысился с 81,6 до 82,9%, в Томской — с 71,9 до 79,6%, а в Иркутской — снизился с 34,1 до 33,6%. Сибирский исследователь А.Д.Колесников показал, что в Западной Сибири в XVIII в. население быстро увеличивалось главным образом благодаря повышенному естественному приросту. Переселенческое же движение сюда было невелико. Лишь небольшие партии новоселов оседали в Западной Сибири, переходя из Северного Приуралья и Северного региона. В Восточной же Сибири русских было немного и темпы естественного прироста у них были ниже, а переселения крестьян почти не отмечалось. Это были земли наименее благоприятные для земледелия и удаленные от Европейской России.

На территории Северного (с 92,1 до 92,6%) и Южного (с 35,2 до 39,6%) Приуралья и Северного Кавказа (с 5,1 до 7,0%) удельный вес русских увеличивался в первую очередь благодаря миграционному движению. Однако тогда этот приток еще не был особенно значительным.

Таким образом, в целом в 20-х — начале 60-х годов XVIII в. русские составляли абсолютное большинство населения на территории современной России (около 84%). В границах бывшего СССР русские составляли примерно 43% всего населения, а тогдашней Российской империи — около 70%. Причем здесь его удельный вес в эти годы немного понизился (I ревизия — 70,7%, II — 69,5%, III — 69,0%) в связи с более низким естественным приростом в регионах преимущественного проживания русского этноса.

Различный уровень естественного прироста и миграционные процессы постоянно понижали долю русских в центральных регионах страны и быстро

повышали их в основных заселяемых регионах (Сибири, Нижнем Поволжье, Северном Кавказе, Южном Приуралье, отчасти Центрально-Земледельческом регионе и Северном Приуралье). Однако в 20-х — начале 60-х годов русская этническая территория несколько сократилась. Новые осваиваемые регионы: Северный Кавказ, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье еще не были настолько заселены, чтобы русский этнос стал там преобладающим. Это было делом будущего. Русский этнос возобладал лишь на террритории будущей Оренбургской губернии Южного Приуралья, в Симбирской губернии Среднего Поволжья. Однако одновременно с этим именно в 50-х — начале 60-х годов были утрачены значительные территории в Новороссии (Екатеринославская губерния) и на юго-западе Центрально-Черноземного региона (части Воронежской и Курской губерний). Мощный приток сюда украинских мигрантов привел к тому, что они стали здесь основным этническим компонентом и сохранили большую часть этих территорий затем во второй половине XVIII — начале XX в., так что они входят теперь в состав Украины.

3. Миграционные процессы в России в 60–70-х годах XVIII в. (1762–1781 гг.)

Вторая половина XVIII в. (с 60-х годов) была для России тем переломным периодом, когда в недрах еще господствовавшего феодально-крепостнического способа производства усилились ростки нового, капиталистического строя, что обусловило постепенное разложение феодализма. В 60–90-е годы этот процесс набирал силу. Феодальная система была еще достаточно сильна. Отличаясь незаурядной гибкостью и приспособляемостью к требованиям времени, она все в большей и большей степени открывала простор для развивающегося капитализма, хотя тем самым и создавала предпосылки для ее ликвидации в будущем.

Начало разложения крепостнической системы отчетливо прослеживается в сфере народонаселения. Именно во второй половине XVIII в. крепостничество постепенно перестало расширяться вширь и вглубь и стремилось удержать свои позиции. Именно с III ревизии в России отмечается процесс постепенного снижения удельного веса частновладельческого населения (при его росте в абсолютных цифрах). Это было в первую очередь связано с пониженным естественным приростом населения, расселяющегося в основном в районах распространения крепостничества. Однако нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что царизм с конца XVIII в. уже не практиковал массовых раздач помещикам незакрепощенного люда на окраинах, и практика искусственного вливания в разряд частновладельческого населения новых категорий крестьянства начала сходить на нет.

III ревизия являлась тем историческим моментом, когда удельный вес крепостного крестьянства в общегосударственном масштабе достиг своего максимума и составил 49,7% населения страны в границах 20-х годов XVIII в. (50,1% — по всей империи). Затем он начинает постепенно снижаться с некоторыми колебаниями (IV ревизия — 47,0%, V — 48,2%)[24].

Однако во второй половине XVIII в. уменьшается не только удельный вес крепостного крестьянства, несмотря на то, что крепостничество в своем наиболее рафинированном виде расширилось на Левобережную Украину и Новороссию. С 80-х годов крепостничество перестало распространяться вширь, в новые осваиваемые регионы страны. Последней его жертвой стала Новороссия, где в 70–80-е годы XVIII в. помещикам были розданы за бесценок или даже бесплатно огромные земельные владения. Территории, которые начали интенсивно заселяться с 80-х годов XVIII в. (Таврическая губерния, Северный Кавказ, а отчасти Нижнее Поволжье и Южное Приуралье), уже не знали такого засилья частновладельческого землевладения; здесь расселяли преимущественно государственных крестьян.

Уменьшение доли закрепощенного люда в населении России объективно способствовало повышению темпов прироста всего населения империи и, в первую очередь, русских. Дело в том, что крепостное население страны было в основном русским. По I ревизии среди закрепощенного люда русские составляли 76,6%, украинцы – 14,0%, белорусы – 3,3%, а по V ревизии (1795 г.): русские – 72,4%, украинцы – 16,7%, белорусы –3,6% (в тех же границах)[25]. В то же время по мере успехов Генерального и местных межеваний самовольный захват помещиками новых земель с последующим переводом туда крепостных крестьян из Центра стал сначала весьма затруднительным, а затем и вообще невозможным. Это явилось определенным препятствием на пути быстрого заселения окраин.

Во второй половине XVIII в. с III по V ревизию, в России ускорились темпы движения населения, особенно между III и IV ревизиями (1762–1781 гг.). В границах 20-х годов XVIII в. население страны выросло на 22,6% (с 21361,8 до 26195,7 тыс. чел.), а среднегодовой прирост превысил 1%.

Естественный прирост жителей тогда равнялся 10,9‰ (см. табл. 14). 60–70-е годы были благоприятными для роста населения. В эти годы в России не отмечалось ни одного повсеместного неурожая, а недороды местного значения охватывали сравнительно небольшие территории. Эпидемия чумы 1771 г. затронула также относительно небольшую часть страны (Украину, Новгородскую и Белгородскую губернии и Московский уезд). Наконец, в этот период Россия вела войну только с Турцией, а в рекруты было взято 438 тыс. чел., то есть меньше, чем в предшествующий период.

Пониженные темпы прироста населения в 60–70-е годы отмечались на Северном Кавказе (на 4,4%), Севере (на 13,5%), в Центрально-Промышленном регионе (на 14,7%), в Прибалтике (в Лифляндии на 16,1%, в Эстляндии – на 21,3%), на Левобережной Украине (на 17,7%), в Новороссии (на 19,9%) и в Озерном регионе (на 22,6%).

Повышенным приростом населения характеризовались Нижнее Поволжье (на 39,0%), Северное Приуралье (на 35,8%), Южное Приуралье (на 34,0%), Сибирь (на 32,0%), Финляндия (на 25,9%), Центрально-Земледельческий регион (на 25,7%) и Смоленская губерния (на 25,2%).

Рассмотрим ход этого процесса и определим роль миграций в общем движении жителей этих регионов[26]. Северный Кавказ и в 60–70-е годы не стал

еще объектом интенсивного заселения, а среди проживающих здесь русских казаков, татар и ногайцев естественный прирост был понижен. Невысоким приростом характеризовался и Северный регион. Притока мигрантов сюда не было. Более того, небольшое число жителей уходило отсюда в Сибирь. По имеющимся данным, с 1762 по 1782 г. в Иркутскую губернию Восточной Сибири добровольно прибыло 1867 душ м.п. переселенцев, в том числе из Северного региона 1138 душ или 61% (из Вологодской — 744, из Архангельской — 394)[27]. Продолжался уход населения и в Северное Приуралье. Основной причиной слабого роста населения Северного региона был невысокий естественный прирост. Он был здесь тогда самым низким в России (5,5‰). По той же причине лишь немногим выше прирост населения в Центрально-Промышленном регионе. А вот число жителей Левобережной Украины слабо росло благодаря массовой миграции отсюда преимущественно в соседнюю Новороссию.

Весьма своеобразным оказалось положение Новороссии. В 60–70-е годы это был регион весьма интенсивного заселения. В этом процессе принимали участие украинцы Левобережной и Правобережной Украины, русские-однодворцы и дворцовые крестьяне Центрально-Земледельческого региона, а также зарубежные выходцы (в основном молдаване из Молдавского княжества и русские-раскольники из Речи Посполитой). Во всяком случае в будущих Херсонской (прирост жителей на 146,1%) и Екатеринославской (на 116,8%) губерниях рост населения был исключительно высоким.

Однако мы имеем возможность рассмотреть движение населения с 60-х годов XVIII в. всего региона в рубежах XIX в., то есть с Бессарабией и Тавридой. Это стало возможным благодаря обстоятельному исследованию молдавского историка П.Г.Дмитриева, который определил численность населения Молдавского княжества, включая и будущую Бессарабию, по «переписи» русской администрации 1772–1774 гг.[28]. В Бессарабии прирост населения в 70-е годы был невысок, а население Крымского ханства в 60–70-е годы сокращается более чем вдвое (с 450 до 152 тыс. чел.) в связи с эмиграцией в Турцию татар и ногайцев[29]. Точную цифру этих эмигрантов установить невозможно, так как отсутствует надежная статистика (до начала эмиграции население ханства определяется в 300–600 тыс. чел.)[30] По существу это была первая массовая эмиграция из России, осуществленная по политическим мотивам. Не желая принимать русское подданство, значительная часть татар и ногайцев в конце 60-х — начале 70-х годов XVIII в. выехала в единоверную Турцию. Вероятно, общая численность покинувших Крым составила не менее 200 тыс. чел. Об этом свидетельствуют турецкие переписи начала XIX в., в ходе которых в Европейской Турции (в основном, в провинции Румелия) было зарегистрировано 275 тыс. татар[31]. Таким образом, к концу 60-х годов XVIII в. в Крымском ханстве жило около 450 тыс. чел., из которых в 70-х — начале 80-х годов в Турцию уехало 200 тыс., а на земле соседней, созданной в начале XIX в., Екатеринославской губернии поселилось 30 тыс. (греков, армян и грузин). В Крыму в 1783 г. оставалось немногим более 150 тыс. чел.[32] Это и обусловило невысокий общий прирост населения Новороссии в 60–70-х годах XVIII в. всего на 19,9%.

В Екатеринославской губернии население с III по IV ревизию выросло с 77 до 167 тыс. чел. В этом числе на долю переселенцев пришлось не менее 78 тыс.[33]. В основном это были уроженцы соседней Левобережной Украины, однако сюда вошли и 4 тыс. русских дворцовых (так называемых, волостных) крестьян Севского уезда Белгородской губернии (прибыли в 1772–1773 гг.). В числе переселенцев оказалось более 31 тыс. греков, армян, молдаван и грузин, вышедших в 1778 г. из Крыма.

По Херсонской губернии есть данные о 43 тыс. чел., прибывших из-за рубежа (все население здесь увеличилось с 1763 по 1782 гг. с 77 до 190 тыс. чел.). В 1765–1768 гг. сюда из Правбережной Украины переселилось 14 тыс. русских-старообрядцев[34]. В 1764 г. оттуда же и из Молдавии въехало более 10 тыс. чел. (5 тыс. русских, 4 тыс. украинцев, 1 тыс. молдаван)[35]. Наконец, в 1771–1773 гг. из Молдавии перешло почти 17 тыс. чел., преимущественно молдаван, а в Херсонском уезде в 1776 г. разместилось почти 2,5 тыс. чел. «арнаутов»[36] и вербованных казаков»[37]. Это, конечно, лишь часть общей миграционной волны, причем особенно неполны сведения о численности внутренних переселенцев-украинцев. Сохранились данные об уровне естественного прироста на землях будущей Херсонской губернии за 1774–1777 и 1781 гг. За счет превышения рождаемости над смертностью население ее в эти годы выросло на 10 тыс. чел. Это значит, что за 20 лет с 1762 по 1782 гг. оно не могло благодаря естественному приросту увеличиться более чем на 40 тыс. чел.[38] Таким образом, в общем приросте, составляющем 113 тыс. чел., около 73 тыс. приходится на долю механического прироста.

В Земле Войска Донского и в Бессарабии механический прирост можно определить примерно, исходя из предположения, что естественный прирост здесь равнялся среднему по стране (22,6‰). Тогда размеры миграции составят в Войске Донском 17, а в Бессарабии 11 тыс. чел. В целом же во всей Новороссии — около 180 тыс. чел.

Невысокий естественный прирост и отток жителей в соседние регионы определили пониженный прирост населения в Среднем Поволжье и Озерном регионе. Казанская и Симбирская губернии Среднего Поволжья выделяли значительное число мигрантов для Южного Приуралья, из третьей губернии этого региона — Пензенской — переселенцы устремлялись преимущественно в Нижнее Поволжье. В 1762–1781 гг. в Симбирскую губернию из других прибыло 5,4 тыс. душ м.п., а убыло 9,4 тыс. душ м.п.[39]

В Озерном регионе при слабом естественном приросте, в быстро растущий Петербург въезжало много мигрантов, в основном крестьян, из соседних губерний страны. С 1764 по 1782 гг. число жителей в городе выросло с 149,7 до 184,5 тыс. чел., в том числе за счет естественного прироста на 12,1 тыс., и механического — на 22,7 тыс. чел. А всего с 1764 по 1796 гг. число жителей здесь увеличилось на 69,6 тыс. чел. (с 149,7 до 219,3 тыс. чел.), в том числе за счет естественного прироста — на 19,4 тыс., и механического — на 50,2 тыс. чел.[40]

В Смоленской губернии с III по IV ревизии прирост населения оказался высоким (на 25,2%). И это было вызвано почти исключительно превышением

рождаемости над смертностью. Повышенный прирост отмечался и в Центрально-Черноземном регионе (на 25,7). Его южные и юго-воостоные окраины продолжали привлекать новоселов из Нечерноземного Центра и Левобережной Украины. Так, Воронежская губерния приняла в эти годы не менее 160 тыс. земледельческих мигрантов (в условиях, когда естественный прирост здесь примерно соответствовал общему по стране). Однако на севере региона (Тульская, северо-западная часть Орловской и большая часть Рязанской губернии) прирост был низок. Земли эти были заселены еще в XVIII в., а удельный вес крепостного крестьянства был здесь одним из самых высоких в России.

Быстро и только за счет естественнного прироста росло население Финляндии. На территории Шведской Финляндии в середине XVIII в. был организован церковный учет естественного движения жителей. В Выборгской же губернии (или русской так называемой «старой» Финляндии) ситуация была иной. Здесь население росло медленно. В Выборгской губернии с III по IV ревизию население увеличилось всего на 11,6%, а в шведской в эти же годы — на 31,3%. Показатель воспроизводства населения был здесь во второй половине XVIII в. очень высок, значительно превышая соответствующие показатели соседних государств. Так, в 1751–1800 гг. естественный прирост (на 1000 чел.) составил в Швеции — 6,2‰, в Дании — 2,8‰, в Норвегии — 7,4‰, в Эстляндии —7,8‰, а в Финляндии — 13,2‰ (в 70-е годы даже 15,1‰)[41] В России показатели воспроизводства в этот период были ниже —10,5‰.[42]

Высоким приростом характеризуется Сибирь (на 32,0%). Здесь быстрее увеличивалось население в Томской (на 54,2%) и Тобольской (на 31,6%) губерниях. В Иркутской прирост был ниже (30,2%). В Енисейской (21,2%) и Якутской (19,9%) — уступал среднему по стране. А.Д.Колесников показал, что в XVIII — начале XIX в. население Сибири росло преимущественно за счет повышеннного естественного прироста[43].

В 60–70-е годы сильно выросло население Северного Приуралья. Сюда прибыло много мигрантов из Среднего Поволжья, Центрально-Промышленного региона и русского Севера. Ревизские списки населенных мест начала 80-х годов XVIII в. отражают процесс интенсивного образования новых селений и в Вятской, и в Пермской губерниях[44]. Для примера укажем, что в Котельническом уезде Вятской губернии из 2207 населенных пунктов, существовавших к 1781 г., более 1000 было основано после 1762 г.

Быстро росло население Южного Приуралья (на 34%). С 1762 по 1781 гг. сюда прибыло 61,2 тыс. новоселов. На долю русских среди них приходилось только 29,0%, татар — 48,1%, чувашей — 13%, мордвы — 9,2%, а марийцев и удмуртов было немного[45]. Эти цифры весьма красноречивы. Они показывают, что в 60–70-х годах Южное Приуралье заселялось преимущественно нерусскими народностями Среднего Поволжья и Северного Приуралья (до 70% всех новоселов). Значение Центра и Севера теперь было невелико.

Однако самым высоким уровнем прироста характеризуется Нижнее Поволжье (см. след. раздел работы). В южной Астраханской губернии население рос-

ло медленно. Отсюда в начале 70-х годов в Джунгарию откочевало 200 тыс. калмыков[46]. В Саратовской же губернии прирост достиг 44,3%. Здесь тогда поселилось 85 тыс. новоселов, в основном русских и украинцев. Однако заметная роль принадлежала и немецким колонистам.

Остановимся хотя бы коротко на немецкой иммиграции в Россию в 60-е годы XVIII в., так как она изменила этнический состав жителей региона и, в частности, повлияла на удельный вес русских. Начало ей положили указы, поощрявшие приток в страну иностранцев. Манифест 4 декабря 1762 г. дозволял «иностранцам... выходить и селиться в России»[47]. Указ от 9 июня 1763 г. разрешал иностранцам, переселяющимся в Россию «строить и содержать по их законам церкви там, где они поселиться пожелают»[48]. Однако «вспоможение и денежную ссуду» могли получить только те из них, которые «переселялись на постоянное житие и вступали в подданство Российской державы»[49]. В 1764–1766 гг. осуществлялся перевод в Россию (в Нижнее Поволжье) немецких колонистов. Если по III ревизии (1762 г.) их здесь еще не было, то по IV (1782 г.) было учтено уже 28,2 тыс. чел. Немецкие колонисты тогда сыграли решающую роль в увеличении населения Камышинского (поселено 17,3 тыс. чел.), Саратовского (5,5 тыс.) и Вольского (5,4 тыс.) уездов Саратовской губернии[50]. В 1762–1774 гг. их было переселено на Волгу 31,9 тыс.чел., которые основали 101 колонию. Однако тяжелые условия жизни и потери в ходе крестьянской войны, привели к сокращению числа немецких переселенцев к IV ревизии на 4 тыс. чел.

Немецкие колонисты пришли в основном из Рейнской области (28% общего числа), Гессена (17,8%), Пруссии (11%), Эльзаса (7%),Вюртемберга и Бадена (10%), Саксонии (13%), прочей северной Германии (18%)[51]. Таким образом, подавляющая часть немецких колонистов направлялась в Россию из юго-западных немецких земель. Однако большая часть немецких мигрантов заселяла в это время восточные окраины Германии. В 60–80-е годы XVIII в. в Восточной Пруссии и смежных с нею землях (будущие округа Познанский, Бромбергский и др.) было основано около 900 новых немецких поселений[52]. А всего восточнее Эльбы в 1640–1786 гг. поселилось более полумиллиона немецких мигрантов[53].

В целом, в Нижнее Поволжье, Южное и Северное Приуралье, Новороссию и южную часть Центрально-Земледельческого региона в 60–70-е годы переселилось не менее 490 тыс. чел., из которых более 60 тыс. являлись выходцами из-за рубежа (германских государств, Турции, Австрии). Однако одновременно из России за границу выехало около 400 тыс. исконных обитателей (калмыков и татар). Основными регионами земледельческой миграции на окраины страны оставались Нечерноземный Центр, Левобережная Украина, северные части Черноземного Центра и Среднее Поволжье. Эмигрировали же за рубеж народности окраин, нежелающие терпеть усиления здесь русского влияния.

4. Воспроизводство населения России в 60–70-е годы XVIII в.

Как известно, учет естественного прироста в России был организован в 30-е годы XVIII в. Первоначально он касался лишь православного населения. В 60-е годы XVIII в. аналогичный учет был создан для лиц лютеранского исповедания и лишь в конце 20-х годов XIX в. для лиц других исповеданий[54]. Однако в XVIII в. ревизский учет позволяет установить размеры естественного прироста учитываемого ревизиями населения.

Сохранившиеся источники позволяют проделать работу по изучению воспроизводства населения России по отдельным городам и уездам. Однако эта грандиозная работа является уделом будущего. Табл. 14 позволяет исследовать, каким был естественный прирост в 1761–1781 гг. между III и IV ревизиями по крупным регионам. В ходе составления этой таблицы были обработаны погубернские статистические показатели, которые также используются нами в настоящем разделе исследования.

В первой половине XVIII в. естественный прирост в России был относительно невысоким. В Европейской России среди православного населения он составил в 1738–1748 гг. 10‰. При этом среди населения отличалась исключительно высокая рождаемость (53,6‰) и смертность (43,6‰)[55].

В 1762–1781 гг. между III и IV ревизиями естественный прирост в России (в нынешних границах) составил 11,8‰. Он оказался здесь более высоким, чем в Европейской России (10,8‰) и во всей империи (10,9‰). В целом в этот период население в России росло быстрее, чем в первой половине XVIII в. Во второй половине XVIII в. прирост населения во многих государствах Европы оказался более низким. Так, в Дании он составил всего 2,8‰, в Швеции — 6,2‰, в Норвегии — 7,4‰, в Пруссии — 8,0‰. И лишь в Финляндии он оказался более высоким (13,2‰).

В границах современной России максимальный естественный прирост отмечался в Нижнем Поволжье (19,5‰), Западной Сибири (14,7‰), Восточной Сибири (15,1‰), Северном Приуралье (14,0‰) и в Центрально-Черноземном регионе (12,6‰). Это были, как правило, окраинные плодородные интенсивно заселяемые регионы. Здесь лишь в Южном Приуралье уровень воспроизводства населения оказался невысоким (10,5‰). Именно в этих регионах доля незакрепощенного государственного крестьянства в общем числе жителей оказалась наибольшей. В Нижнем Поволжье она составила более 40%, в Западной Сибири — 70%, в Северном Приуралье — около 70% и лишь в Центрально-Земледельческом регионе — около 30%[56]. Дело в том, что уровень воспроизводства у закрепощенного люда в 1767–1781 гг. оказался более низким и составил 8,5‰ (все население — около 11‰).

В Центрально-Земледельческом регионе в северных крепостнических губерниях уровень воспроизводства населения был низок и уступал среднему по России. Так, в Орловской губернии он составил всего 10,6‰ (у крепостных 10,5‰), в Рязанской — 11,3‰ (у крепостных — 9,7‰), в Тульской — 11,6‰ (10,6‰). И одновременно в Курской — он составил 14,9‰ (у крепостных — 11,5‰), а в Воронежской — 18,4‰ (у крепостных даже

выше — 19,2‰). Самым низким естественный прирост был в Северном регионе (5,5‰), за которым следовали Центрально-Промышленный (7,1‰), Озерный (8,2‰), Южное Приуралье (10,5‰), Смоленская губерния (11,2‰) и Среднее Поволжье (9,3‰). Таким образом, кроме Южного Приуралья, это были давно заселенные крепостнические регионы с неблагоприятными почвенно-климатическими условиями.

5. Миграционные процессы в России в 80-х — первой половине 90-х годов XVIII в.

Миграции внутри Российской империи

В 80–90-е годы XVIII в. прирост населения замедляется. С 1782 по 1795 год. число жителей империи выросло на 12,5%. В эти годы в стране не было массовых эпидемий или повсеместного голода. Столь низкие показатели были обусловлены, в первую очередь, усилением крепостнического гнета и продолжающимися раздачами государственных и дворцовых крестьян частным владельцам в основном в центральных и западных регионах. В конце 70-х годов XVIII в. крепостнические отношения были распространены на территории бывшего Войска Запорожского, а в 1783 г. крепостнический гнет в его классической форме утверждается на Левобережной Украине. Пониженный естественный прирост у частновладельческого крестьянства снижал и общий прирост всех жителей страны. Четко прослеживается закономерность: чем выше в регионе, губернии или уезде удельный вес закрепощенного люда, тем ниже там уровень воспроизводства населения.

Однако нельзя недооценивать и роль миграции, особенно бегства крестьян от своих притеснителей. Следует помнить и то, что в 80–90-х годах XVIII в. Россия воевала с Турцией (1787–1791 гг.) и Швецией (1788–1790 гг.) и за 13 лет (с 1782 по 1795 гг.) в рекруты было взято почти 650 тыс. чел.

Минимальный и пониженный прирост между IV и V ревизиями отмечался на Левообережной Украине (на 1,3%), в Прибалтике (на 4,3%), Озерном регионе (на 4,6%), Центрально-Промышленном регионе (на 5,8%), Северном регионе (на 6,8%), Среднем Поволжье (на 10%), Правобережной Украине (на 10,2%) и в Центрально-Земледельческом регионе (на 11,6%).

Повышенный прирост был в Финляндии (на 14,7), Северном Приуралье (на 15,8%), Сибири (на 15,9%), Белоруссии (на 17,9%), Южном Приуралье (на 37,5%), Нижнем Поволжье (на 43,9%), Северном Кавказе (на 51,3%) и в Новороссии (на 86,4%).

Следует иметь в виду, что с 80-х годов XVIII в. мы располагаем уже гораздо более полными данными губернских казенных палат (созданных после 1775 г.) о миграционном движении. Эти материалы сохранились в погубернских и общероссийских окладных книгах[57]. На основании этих источников составлена таблица 13, в которой приводятся сведения о заселении ряда регионов империи в 80-е годы XVIII — 50-е годы XIX вв. (между IV и X ревизиями). Мы видим, что в 1782–1795 гг. в окраинные регионы вселилось около 320 тыс. чел. Рассмотрим подробнее, как изменялась в эти годы числен-

ность населения в отдельных регионах и губерниях страны и каково было влияние миграций на этот процесс.

На Левобережной Украине число жителей почти не увеличилось (общий прирост — всего 42,3 тыс. чел.). В Харьковской губернии прирост населения оказался значительным (19,1%), но в Малороссии отмечалась его абсолютная убыль (на 4,4% с 2511,6 до 2400,9 тыс. чел.). Харьковская губерния и в конце XVIII в. располагала незаселенными землями. Поэтому уход жителей отсюда был умеренным. Лишь полное закрепощение «поданных поселян» привело к оттоку мигрантов в Землю Войска Донского[58]. По данным 1793 г. из Харьковской губернии в станицы Войска Донского бежало 26,5 тыс. душ м.п. помещичьих крестьян[59]. В Малороссии убыль была обусловлена огромной миграцией в соседнюю Новороссию. Этому способствовали ликвидация угрозы со стороны турок и татар (после ликвидации в 1783 г. Крымского ханства), наличие незаселенных массивов черноземных земель, а также установление в Малороссии в 1783 г. крепостного права.

На массовый отлив населения из Левобережной Украины в 80-х годах XVIII в. обратил внимание украинский историк В.Дубровский. По собранным им данным из 9 уездов Полтавской и 4 — Черниговской губерний в 1782–1792 гг. бежало 20,7 тыс. чел. помещичьих крестьян, из которых 87% поселились на землях Новороссии[60]. Между IV и V ревизиями население Малороссии уменьшилось на 66,5 тыс. чел., несмотря на положительный естественный прирост[61]. Хотя русское законодательство запрещало укрывать беглых, Г.А.Потемкин, тогдашний наместник Новороссии, сознательно не принимал мер к розыску крестьян, так как это способствовало более быстрому ее заселению[62].

В Прибалтике прирост в 80–90-е годы XVIII в. также был понижен. Население региона увеличивалось почти исключительно благодаря невысокому естественному приросту. По расчетам эстонского историка Х.Палли коэффициент воспроизводства в Эстляндии составил в 1781–1790 гг. — 4‰, а в 1791–1800 г. — 11,5‰[63]. Ревизии не отмечали сколько-нибудь заметных миграций в регионе. Не было тогда и притока сюда русских переселенцев. На показатели воспроизводства населения Прибалтики решающее влияние оказывал феодально-крепостнический и национальный гнет. Удельный вес закрепощенного люда был не только высок, но и увеличивался до конца XVIII в. В Лифляндии на его долю приходилось по IV ревизии — 71,6%, а по V — 75,0%, в Эстляндии соответственно 84,6 и 85,8% всего населения.

Резко понизился прирост жителей в Озерном регионе. Еще в 60–70-е годы он находился на среднем по стране уровне (22,6%), а в 80–90-е годы снизился до 4,6%. Значительный прирост отмечался только в Петербургском (на 20,1%) и смежном с ним Софийском (на 36,6%) уездах. В 1782–1795 гг. механический прирост в Петербурге составил 22,7, а естественный — только 12,1 тыс. чел.[64]. В ряде уездов число жителей уменьшилось. Перечневая ведомость IV–V ревизий по Петербургской губернии позволяет установить причины этого явления[65]. У податного населения уход в другие губернии превысил приход (убыль 14,1 тыс., а прибыль 13,2 тыс. душ м.п.). В рекруты в

1782–1795 гг. было взято 7,1 тыс. чел. (4% жителей, учтенных IV ревизией). Рождаемость значительно превзошла смертность (родилось 60,3 тыс., а умерло 39,9 тыс. душ м.п.), однако выселения и рекрутские наборы «съели» значительную часть этого прироста.

В Центрально-Промышленном регионе прирост лишь немногим превысил уровень Озерного региона (был равен 5,8%). Только в Московской губернии он оказался повышенным (18,2%). Как показывают окладные книги IV ревизии (за 1783–1793 гг.) заметного миграционного движения в регионе в эти годы не наблюдалось[66]. Это означает, что слабый общий прирост был обусловлен пониженным уровнем воспроизводства.

Низкий прирост был зарегистрирован и в Северном регионе (на 6,8%). Частновладельческое крестьянство было здесь немногочисленно (около 23%). Однако неблагоприятные природно-климатические условия приводили к тому, что естественный прирост был невысок. Отмечалась и небольшая миграция жителей в Сибирь и Северное Приуралье[67].

Пониженный прирост зарегистрирован и в Среднем Поволжье (на 10%). Это вытекало из его географического положения. В 80–90-е годы регион продолжал принимать активное участие в заселении Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Даже неполные данные окладных книг IV ревизии свидетельствуют об оттоке отсюда жителей. С 1784 по 1793 гг. численность учтенного податного населения Казанской губернии сократилась на 3,6 тыс., Симбирской — на 1,9 тыс., а Пензенской — на 0,4 тыс. душ м.п.[68], хотя здесь зафиксированы только официально дозволенные переселения.

В Среднем Поволжье на ревизскую душу приходилось более 6 десятин пашенной и покосной земли, то есть значительно больше, чем в центральных губерниях России. Качество ее в основном также было более высоким. Удельный же вес частновладельческого населеня был ниже, чем в Центре (40%). Поэтому, лишь непрекращающийся отток жителей уже с рубежа XVIII в. замедлял темпы прироста населения. Уходило преимущественно коренное население (татары, чуваши, мордва, марийцы), так как русские помещики, пользуясь незавершенностью Генерального межевания, нередко отбирали у него землю[69].

И в 80–90-е годы сохраняется противоречивость Центрально-Земледельческого региона. Общий прирост здесь был близок к среднему по империи (11,6% к 12,5%), однако различия между отдельными губерниями оставались значительными. В то время как в северных и северо-западных губерниях население росло слабо (в Орловской прирост на 2,6%, Тульской — на 4,7%, Рязанской — на 6,9%), в южных и юго-восточных прирост сохранялся высоким (в Воронежской — на 34,1%, Тамбовской — на 17,9%, Курской — на 15,2%).

Причины этого не изменились. В северных губерниях уже давно отсутствовали свободные для заселения земли, продолжался уход мигрантов в соседние губернии и уезды и был более низок уровень естественного прироста. Удельный же вес закрепощенного люда здесь оставался весьма высоким (по всему региону по V ревизии 56%, а в Тульской губернии — 80%, в Рязанской —

70%, в Орловской — 60% и одновременно с этим в Курской — 45%, в Воронежской — 35%, в Тамбовской — 50%).

При проведении Генерального межевания в 70-х — начале 80-х годов XVIII в. в Воронежской губернии на ревизскую душу м.п. в среднем приходилось 8,8 десятин пашенной земли, 18,2 десятин всей удобной (без леса), в Тамбовской соответственно 6,3 и 11,3 десятины, в Орловской — 5,8 и 6,9 , в Тульской — 5,5 и 6,3, в Курской — 5,0 и 6,4, в Рязанской — 4,9 и 5,9 десятин[70]. Южные губернии региона даже к концу XVIII в. располагали еще гораздо большими резервами земли и притом лучшего качества. В Воронежской губернии население оседало в Новохоперском, Бобровском и Острогожском уездах. И одновременно с этим жители губернии выселяются в Новороссию и на Северный Кавказ[71].

В Тамбовской губернии происходит смещение сельского населения с севера на юг и юго-восток (в Тамбовский, Борисоглебский и Кирсановский уезды) и далее за пределы региона в Нижнее Поволжье, на Северный Кавказ и, в несколько меньшей мере, в Новороссию. В конечном счете это расширяло территорию русского этноса. В 1782–1795 гг. из Тамбовской губернии в Саратовскую официально перешло 6,7 тыс. душ м.п., а в Кавказскую — 2 тыс.[72]

Курская губерния имела повышенную плотность населения и характеризовалась интенсивным миграционным движением в соседние регионы. В заселении Северного Кавказа, в превращении его в неотъемлемую часть России она с середины 80-х годов XVIII в. играет решающую роль. В 1783–1794 гг. отсюда в Кавказскую область убыло 7,6 тыс. душ м.п. и в Новороссию в 1783 и 1787 гг. — 3,8 тыс. душ м.п. легальных переселенцев[73].

В Финляндии в 60–90-х годах XVIII в. действуют те же тенденции, что и ранее. В то время как население Выборгской губернии за счет воспроизводства увеличилось всего на 5,1%, в Шведской Финляндии — на 16,7%. Никакого притока переселенцев в регион или из него не было.

Темпы прироста на Северном Приуралье (на 15,9%) снизились, хотя и превышали средние по стране. Сюда, как и ранее, шли переселенцы Среднего Поволжья и Северного региона. По-прежнему заселяются в основном южные и юго-восточные уезды, примыкающие к Южному Приуралью и Среднему Поволжью.

В Сибири в эти годы прирост был почти таким же, как в Северном Приуралье (15,9%). Приток мигрантов из Центра оставался невысоким, ссыльных также было немного, и население региона продолжало увеличиваться, главным образом, за счет высокого естественного прироста[74]. Повышенный прирост по тем же причинам отмечался и в Смоленской губернии Белорусско-Литовского региона (на 17,9%).

Число жителей Южного Приуралья и в 80–90-е годы XVIII в. быстро росло (прирост на 37,5%). Данные окладных книг IV ревизии показывают, что учтенное IV ревизией население к началу V ревизии за счет механического прироста увеличилось на 15,4 тыс. душ м.п.[75]

В 80-х — первой половине 90-х годов XVIII в. продолжалось и усилилось заселение Нижнего Поволжья. Прирост по региону составил 43,9%. Как и ра-

нее, осваивалась преимущественно Саратовская губерния (прирост 49,6%). В Астраханской – население росло несравненно медленнее (прирост – 16,6%). Заселялись в первую очередь приволжские уезды. Самый высокий прирост был зарегистрирован в Камышинском (на 82,9%), Вольском (на 79,7%), Саратовском (на 67,3%), Петровском (на 59%) и Царицынском (на 47,8%) уездах. Если в 60-е годы значительную часть новоселов составляли немецкие колонисты, то теперь почти все мигранты были русскими и, отчасти, украинцами.

По данным окладных книг IV ревизии в Саратовскую губернию официально переселилось около 21 тыс, душ м.п. из соседних губерний (в основном Тамбовской и Пензенской)[76]. Из Тамбовской прибыло 7 тыс. душ м.п., среди которых оказалось 3 тыс. однодворцев, 1,6 тыс. дворцовых, 2 тыс. экономических крестьян и 150 душ ясачных мордвинов[77]. Большая часть мигрантов перешла в губернию в 1788–1793 гг., так как в эти годы было временно запрещено заселять Новороссию и Северный Кавказ из-за войны с Турцией, а для Саратовской губернии «яко губернии внутренней» было сделано исключение[78]. Интересны данные о переселенцах, прибывших в губернию в 1794 г. Всего здесь тогда осело 1,3 тыс., душ м.п. (прибыло 1,6 тыс., а убыло 0,3 тыс. душ м.п.). Купцов прибыло 113 (убыло 106 душ). Мещан прибыло 107 (убыло 103), экономических крестьян – 201, дворцовых крестьян – 917 и помещичьих крестьян – 290 душ м.п.[79]. Экономические и дворцовые крестьяне перешли в Камышинский уезд из Пензенской губернии. Все помещичьи крестьяне осели в Хвалынском уезде, причем 1230 душ прибыло из Симбирской губернии[80].

В соседней Астраханской губернии в движении населения разных уездов наблюдаются сильные различия. В Астраханском число жителей в 1782–1795 гг. выросло на 119,9%, в Красноярском – на 70%, а в Енотаевском и Черноярском уездах отмечается убыль соответственно на 84,1 и 62,5%. Они вызывались перекочевками и последующими перечислениями калмыков и татар из ведомства одних уездов в другие. Одновременно осуществлялось заселение губернии выходцами из соседних регионов. С 1782 по 1795 гг. здесь поселилось 7,5 тыс. душ м.п.[81]. Больше всего новоселов прибыло в Астраханский уезд (4,5 тыс. душ м.п.).

С 80-х годов начинается интенсивное заселение Северного Кавказа и превращение этого региона в русскую этническую территорию. Во-первых, это было переселение на Ставрополье гражданского (главным образом крестьянского) населения и, во-вторых, это был приток казаков, которые размещались на границах Кавказской области. Кроме того, с 1792 г. начинается перевод бывших запорожских казаков в низовья Кубани, где на месте незаселенного Фанагорийского уезда Таврической области возникает Земля Войска Черноморского. В этой части Северного Кавказа формируется островок чисто украинской этнической территории. С IV по V ревизию население Кавказской области увеличилось на 357,2%. Нигде в России оно не росло так быстро. И этому область всецело обязана крестьянскому переселенческому движению (см.табл. 15).

Заселение Северного Кавказа было дозволено рескриптом Екатерины II от 22 декабря 1782 г.[82]. Он был сформулирован недостаточно четко и поэтому не только в 1783 г., но даже в 1784 г. переселенческое движение не получило размаха. Лишь 17 декабря 1784 г. был опубликован Сенатский указ, который предписал всем казенным палатам России заблаговременно уведомлять «начальство Кавказской губернии» о всех желающих туда переселиться. 18 декабря 1784 г. был издан новый Сенатский указ, который предоставил не только государственным и экономическим крестьянам, но и однодворцам право мигрировать на Кавказ[83]. Эти указы и положили начало заселению и хозяйственному освоению Ставрополья. С новоселов «для нужного их обзаведения на новых местах» не брали «податей и оброков» в течение полутора лет. По указу 9 мая 1785 г. для помощи переселенцам было велено отпускать «на каждый двор на основании оного по 20 рублей»[84]. Указ 19 августа 1785 г. разрешил вместо «положенных 20 рублей выдавать переселенцам скот и зерновой хлеб», так как многие из них, «не имея ни дворов, ни хлеба, часто принуждены и получа деньги... издержать оные на пропитание, ибо... приходящие столь скудны, что без помощи им большая часть померла бы»[85]. Срочная необходимость принятия таких мер вызывалась тем обстоятельством, что из мигрантов 1783–1785 гг. к началу 1786 г. умерло 1,4 тыс. душ м.п. (12,7% общего их числа)[86]. Всего в 1783–1794 гг. в Кавказскую область прибыло 25,3 тыс. душ м.п. (см. табл. 15).

С 1787 г. темпы переселенческого движения снижаются, а к середине 1788 г. почти сходят на нет. Дело в том, что в сентябре 1788 г. начались военные действия между Россией и Турцией, которые угрожали распространиться на Северный Кавказ. Поэтому указом от 24 февраля 1783 г. было велено «по настоящим военным обстоятельствам» прекратить переселения в южные губернии[87].

Рассмотрим губернии выхода и уезды водворения мигрантов, поселившихся в Кавказской губернии в 1783–1794 гг. (см. табл. 15). В 80–90-е годы Кавказская губерния заселялась преимущественно за счет переселения русских крестьян из Центрально-Земледельческого региона (70,4% всех новоселов). На первом месте находилась Курская губерния (30,2%), за которой следовали Воронежская (11,1%), Орловская (10,3%), Тамбовская (7,9%), Рязанская (3,8%) и Тульская (1,4%). Среди мигрантов доминировали однодворцы — выходцы преимущественно из Курской и Воронежской губерний (59,4%). Число выходцев с Украины (5,5%), разместившихся в Моздокском и Георгиевском уездах, было тогда невелико. Это объяснялось тем, что Левобережная Украина тогда играла ведущую роль в заселении Новороссии и Черномории. Лишь Слободская Украина выбрасывала небольшое число мигрантов, оседавших в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. Среди переселенцев 80–90-х годов XVIII в. только 2,9% приходилось на помещичьих крестьян. Они, в основном, расселялись в уездах более раннего освоения: Кизлярском и Моздокском. Смертность среди новоселов в первые годы была огромной. В 1783 г. она достигла 21,4% от общего числа переселенцев (из 22,1 тыс. умер-

ли 4,7). Самая высокая убыль отмечалась в Екатериноградском (37,6%), а минимальная — в Ставропольском (13,7%) уезде[88].

На Земле Войска Черноморского в 80–90-е годы XVIII в. отмечается полная смена этнического состава проживающего там населения. К началу 1783 г., по данным Ф.Лашкова, в низовьях Кубани кочевало около 100 тыс. ногайцев[89]. Однако после присоединения этой территории к России почти все они ушли за Кубань[90]. В 1785 г. здесь в г. Тамани оставалось только 248 душ м.п. татар[91]. Таким образом, на территории будущей Земли Войска Черноморского в 80-е годы отмечается процесс, противоположный тому, который имел место в соседней Кавказской губернии. Татары и ногайцы отсюда уходят, и земли эти превращаются в пустыню.

Вновь они начали заселяться лишь в 1792 г., когда территория эта была отдана бывшим запорожцам, а потом черноморским казакам. 1 ноября 1792 г. здесь было учтено 3847 душ м.п. казаков, а к 1 января 1801 г. проживало 32,6 тыс. чел. (23,5 тыс. душ м.п. и 9,1 — ж.п.)[92]. Все население тогдашней Черномории, как называлась иначе Земля Войска Черноморского, было украинским. Оно состояло либо из бывших запорожских казаков, прибывших сюда из Очаковской области, либо из выходцев из Малороссии или Новороссии. Около 9 тыс. запорожских казаков ушло первоначально в Турцию и осело в Добрудже, и лишь часть их вернулась в Россию в первой трети XIX в.[93]. В 1859 г. здесь осталось около 6 тыс. казаков[94]. Однако основная часть бывших запорожцев переселилась на Кубань, расширив здесь украинскую этническую территорию.

Население Новороссии в 80–90-е годы XVIII в. выросло на 86,4%. Никогда в течение XVIII–XIX вв. ни в одном регионе России, включая и саму Новороссию, не отмечалось такого стремительного роста абсолютного числа жителей. Последняя четверть XVIII — начало XIX вв. явились тем кульминационным периодом, когда бескрайние степи Новороссии были в основном заселены, когда здесь возникла подавляющая часть ее населенных пунктов. И хотя основную часть мигрантов в этом регионе составили украинцы, роль других народов империи (русских, греков, немцев, евреев) в деле ее колонизации также была достаточно весомой. Этот огромный регион осваивали многие этносы страны.

Самый высокий прирост между IV и V ревизиями был зарегистрирован в Екатеринославской (на 173,4%), Херсонской (на 79,8%) губерниях и на Земле Войска Донского (на 87,5%). Более скромный, хотя и значительный прирост был в Таврической (на 36,3%) и в Бессарабии (на 50,9%). Это не удивительно. Таврида вошла в состав России лишь в 1783 г. Она уже располагала значительным населением, а освоение ее материковых частей развернулось позже. Что касается Бессарабии, то она тогда входила в состав Турции, на полях ее в 60–90-х гг. XVIII в. неоднократно велись военные действия во время русско-турецких войск. Это не благоприятствовало ни ее заселению, ни высокому уровню воспроизводства населения.

Максимальный прирост был зафиксирован в Екатеринославской губернии. Сюда уходила в те годы большая часть переселенцев и беглых из смежной

Малороссии. Громадный прирост отмечался, как и ранее, на бывших запорожских землях. Так, население Александровского уезда выросло на 879,9%. Павлоградского — на 374,4%. Медленее росло число жителей в более освоенных уездах бывшей Бахмутской провинции (Бахмутский и Славяносербский) — на 56,9%. Невысоким приростом, уступающим среднему по стране, характеризовались Мариупольский и Ростовский уезды (на 11,5%). Это не удивительно. Лучшие земли здесь в конце 70-х годов были пожалованы грекам и армянам, в связи с чем приток новых переселенцев сюда ослабел. По данным окладных книг с 1783 по 1795 гг. в Екатеринославскую губернию из Малороссии и в меньшей мере из Курской и Харьковской губерний прибыло 26,8 тыс. душ м.п. новоселов[95]. Фактически, учитывая огромную армию беглых из Малороссии, их было, конечно, больше.

На втором месте, почти вдвое уступая Екатеринославской губернии, находилась Земля Войска Донского. После введения на Левобережной Украине крепостного права большое число «подданных малороссиян» Харьковской губернии, спасаясь от крепостничества, ушло на соседние земли донских казаков. Здесь они заселили смежные территории, на которых в начале XIX в. возник Миусский округ[96]. Это переселение увеличило численность украинского населения на Дону с IV по V ревизию с 44 до 101 тыс. чел. обоего пола. Всего на Дон в эти годы переселилось 32 тыс. чел. обоего пола. А на части территории донских казаков возобладал украинский этнический компонент. Сейчас это часть Донецкой и Луганской областей Украины.

В Херсонской губернии с IV по V ревизию население выросло на 79,8%. В северных уездах, образованных на месте бывшей Елисаветградской провинции (Елисаветградский, Ольвиопольский и Александрийский), прирост равнялся 49,8% и снизился по сравнению с 60–70 годами XVIII в. почти в три раза. Это было связано с тем, что эти территории к 80-м годам были уже довольно плотно заселены и сами выбрасывали переселенцев, в соседние Херсонские и Очаковские степи. Прирост населения в последних был высок (на 191,2%). Освоение их развернулось только с 1792 г., когда они вошли в состав России. По официальным данным в Херсонскую губернию с 1783 по 1795 гг. переселилось 27,4 тыс. душ м.п.[97].

В Таврической губернии прирост числа жителей в 80–90-х годах XVIII в. был гораздо меньшим (на 36,3%). Заселение ее только начиналось. Оно было почти приостановлено в годы русско-турецкой войны 1788–1791 гг. И все же в 1783–1795 гг. сюда прибыла почти четверть всех мигрантов 1783–1858 гг. (22 тыс. душ м.п. или 24,2% общего числа). Беглых здесь было выявлено мало. Темпы заселения особенно выросли с начала 90-х годов, когда поражение Турции в войне стало очевидным[98].

Внешние миграции в России 80–90-х годов XVIII в. не получили еще распространения. Продолжался лишь небольшой приток иммигрантов из Германии в города России и в Новороссию. Эмиграция из России также была незначительна. Уход крымских татар почти прекратился. Можно сказать, что в эти годы окраинные регионы России заселялись почти исключительно внутренними российскими переселенцами.

Таким образом, за 33 года с 1762 по 1795 гг. население России в границах 20-х годов XVIII в. увеличилось на 37%. На окраины страны переселилось не менее 800 тыс. чел. В большинстве центральных, северных и северо-западных регионов прирост числа жителей был невысоким и уступал среднему по стране. Самым низким он оказался в Левобережной Украине (на 19,6%). Этот прирост, почти вдвое уступающий среднему по стране, был вызван в первую очередь сильнейшим оттоком населения в Новороссию. В результате число жителей в Черниговской губернии сократилось на 1,8%, в Харьковской — увеличилось лишь на 28,5%. И только в южной, Полтавской, отдельные уезды которой заселялись во второй половине XVIII в., прирост был равен 34%.

В Северном (прирост 21,1%) и Центрально-Промышленном (на 21,3%) население росло крайне медленно в силу пониженного естественного прироста. Ни в одной губернии этих регионов общий прирост не поднимался до среднероссийского уровня. Самый высокий отмечался в Московской губернии (34,8%), но и там он уступал среднему по империи.

Низкий прирост был зарегистрирован в Прибалтике (в Лифляндии — 24,6%, в Эстляндии — 28,0%) и в Озерном регионе (28,2%). В последнем, в Петербургской губернии, где быстро росло население Петербурга, темпы увеличения численности жителей оказались более высокими (39,8%), однако в соседней Олонецкой губернии население почти не росло (прирост 6,7%).

В Среднем Поволжье (32,5%) и Смоленской губернии (32,9%) прирост был несколько выше и приближался к среднему по стране (37%). В Среднем Поволжье естественный прирост был повышен, но на общий рост населения отрицательно влияло миграционное движение в соседние малоосвоенные регионы: Южное и Среднее Приуралье, Нижнее Поволжье и даже на Северный Кавказ.

Особенно сильный отток шел из Казанской (в Южное Приуралье) и Пензенской (в Нижнее Поволжье) губерний. Переселялись в первую очередь коренные жители (татары, чуваши, мордва, марийцы). Они находились в лучшем экономическом положении, чем подавляющая часть русских жителей Центра, Севера и Северо-Запада: в подавляющей массе не были закрепощены и получили все права государственных крестьян. Даже само налоговое бремя и рекрутчина оказались менее тяжелыми в этом удаленном от Центра регионе. Однако возможность уйти от национального и конфессионального гнета, переселиться на прекрасные черноземные земли, побуждала жителей региона уходить на юг или юго-восток. Недаром на территории нынешней Татарии с 1719 по 1763 гг. доля татар упала с 38,8 до 31,7%, а русских повысилась с 41,2 до 48,8% общего народонаселения.

В Смоленской губернии во второй половине XVIII в. прирост населения был близок к среднему по империи.

В следующих восьми регионах страны прирост населения оказался повышенным: в Центрально-Земледельческом (на 40,1%), Финляндии (на 44,4%), Северном Приуралье (на 57,3%), Сибири (на 53%), Северном Кавказе (на 57,9%), Южном Приуралье (на 62,7%), Нижнем Поволжье (на 100%) и Новороссии (на 123,4%).

В Центрально-Земледельческом регионе южные и юго-восточные губернии и во второй половине XVIII в. продолжали привлекать внимание переселенцев[99]. В северных же губерниях общий и естественный прирост были невысокими[100]. Однако именно южные губернии региона уже во второй половине XVIII в. играли видную роль в заселении соседних регионов страны. В целом же именно Центрально-Земледельческий регион сыграл решающую роль в расширении территории проживания русского этноса во второй половине XVIII в. Благодаря усилиям мигрантов этого региона русское население возобладало к началу XIX в. на Северном Кавказе и сохранило свои позиции в Нижнем Поволжье. В заселении Нижнего Поволжья и Северного Кавказа Центрально-Земледельческий регион сыграл примерно ту же роль, что Левобережная Украина в деле заселения Новороссии украинцами.

В Финляндии прирост населения в 60–90-х годах XVIII в. был выше, чем в Земледельческом регионе. При этом в Выборгской губернии число жителей увеличилось только на 17,3%. Однако в Шведской Финляндии оно увеличилось на 53,1% исключительно за счет высокого естественного прироста (в 1751–1800 гг. — 13,2%). Это в значительной мере вызывалось отсутствием здесь феодально-крепостнических отношений.

В Сибири прирост оказался еще выше (на 53%). В Западной Сибири он был выше (61,3%), чем в Восточной (41,6%). Население Западной Сибири увеличивалось преимущественно благодаря высокому естественному приросту. Земельные просторы и отсутствие крепостного люда сыграли в этом решающую роль. Однако у аборигенов Сибири естественный прирост был ниже, чем у русских, а в Охотском Приморском Управлении, населенном в основном аборигенами, число жителей с 1762 по 1795 гг. сократилось на 35,1% (из-за эпидемии оспы). Северное Приуралье в XVIII в. оставалось заселяемым регионом. По числу осевших новоселов оно уступало Южному Приуралью или Нижнему Поволжью, но все же постоянно привлекало мигрантов из Среднего Поволжья и Северного региона.

На Северном Кавказе действовали две противоречивые тенденции. Кавказская область с середины 80-х годов XVIII в. начинает интенсивно заселяться русскими переселенцами и по темпам движения населения выходит на первое место в стране. В 1762–1795 гг. общий прирост по области достиг 437,5%. С другой стороны, в низовьях реки Кубань, на Земле Войска Черноморского (создано в 1792 г.) в 80–90-х годах отмечается резкая убыль численности населения, и вместо 100 тыс. ушедших отсюда ногайцев здесь поселяется только 33 тыс. украинцев — бывших запорожцев и других выходцев из Левобережной Украины и Новороссии.

Южное Приуралье заселялось в 60–90-х годах XVIII в. весьма интенсивно (прирост на 62,7%). Переселенцев привлекали смежные со Средним Поволжьем уезды (Бузулукский, Бугульминский, Мензелинский). В отличие от первой половины XVIII в., когда основную массу мигрантов составляли русские, во второй половине на первое место выдвинулись коренные народности Среднего Поволжья (татары, чуваши, мордва, марийцы).

Население Нижнего Поволжья в 60–90-е годы XVIII в. увеличилось на 100% (в Саратовской губернии — на 115,8% и Астраханской — на 38%). Ведущую роль в заселении региона сыграли русские переселенцы из Центрально-Земледельческого региона (в основном из Тамбовской губернии) и Среднего Поволжья (из Пензенской губернии); украинцы — выходцы из Слободской Украины и иностранные немецкие колонисты. Среди русских и украинцев было много помещичьих крестьян, которые расселялись в основном в северных и северо-западных уездах (Хвалинском, Кузнецком, Сердобском, Аткарском и Балашевском). Грандиозны темпы заселения Новороссии в 60–90-х годах XVIII в. Общий прирост составил 123,4%. В большинстве губерний региона темпы прироста были велики (в Екатеринославской — на 492,7%, в Херсонской — на 342,5%, в Земле Войска Донского — на 152,6%, в Бессарабии — на 98,5%). Снизило общие показатели сокращение населения в Тавриде (более чем на 30%), в связи с уходом части татар и ногайцев в Турцию в конце 60-х — начале 80-х годов XVIII в.

Всего в XVIII в. на окраинах Российской империи поселилось не менее 1,7 млн. чел., главным образом выходцев из Центральных регионов империи (в 20–30-е годы XVIII в. — более 400 тыс., в 40–50-е — 440 тыс., в 60–70-е — около 490 тыс. и в 80-е — середине 90-х годов — 320 тыс. чел.). Это способствовало изменению ареалов расселения ряда этносов страны.

Иммиграция в Россию

Иммиграция в Россию в XVIII в. не получила еще развития. В основном это был приток немецких колонистов из различных германских земель, а также переселения из Турции и Австрийской монархии (преимущественно в Новороссию). Вся иностранная иммиграция в Россию в XVIII в. не превысила 100 тыс. чел. В ее составе на первое место следует поставить немецкую (около 40 тыс. чел.), которая повысила удельный вес немцев в России. До 60-х годов немцы проживали в основном в Прибалтике.

В 60-е годы начинается переселение немецких колонистов в Нижнее Поволжье на земли Саратовской губернии. По IV ревизии они составили в регионе 4,1% (28,2 тыс. чел.), а по V — 3,8% (37,2 тыс.) населения. В Саратовской губернии среди преобладающего русского населения на долю немцев приходилось по IV ревизии 5%, а по V — 4,4% ее жителей. Расселились они в трех уездах: Камышинском (34,3% всех жителей), Вольском (9,4%) и Саратовском (7,9%). В 60–90-х годах, вследствие усилившегося притока русских и украинцев удельный вес немцев постепенно понижается. Однако они начали осваивать и другие уезды губернии. В Камышинском уезде по V ревизии немцев было уже 24,6%, в Вольском — 6,2%, в Саратовском — 4,9%. Они появляются в Аткарском (2,7%) и Царицынском (2,4%) уездах.

В Центрально-Земледельческом регионе небольшое число немецких колонистов разместилось в Острогожском уезде Воронежской губернии (IV ревизия 279, V — 418 чел.). На Левобережной Украине они основали ряд селений в Борзенском уезде Черниговской губернии (по V ревизии — 1,3 тыс. чел.).

Численность немецких колонистов в 80–90-х годах быстро увеличивалась в Новороссии (III ревизия — 0,01%, IV — 0,03%, V — 0,4% ее населения). Приглашены они были в 1786 г. Это оказались меннониты (сектанты-анабаптисты голландского происхождения). Им даровали свободу вероисповедения, освобождение от рекрутской и постойной повинностей, десятилетнюю льготу от податей, пособие деньгами, хлебом, лесом и т.д. Каждая семья получала надел, равный 65 десятинам земли[101]. Всего в 1789 г. в Екатеринославский уезд прибыло 228 семейств прусских меннонитов, которые в начале 1790 г. построили 8 колоний. Кроме того, в 1789 г. прибалтийские колонисты основали селение Ямбургское. В 1793 г. в уезде их проживало 485 душ м.п. и 479 душ ж.п.[102]. С этого и начинается земледельческая немецкая колонизация Екатеринославской губернии. По V ревизии здесь проживало 2,8 тыс. чел. немецких колонистов, в том числе в Екатеринославском уезде — 2,2 тыс. В Херсонской губернии немцы по III ревизии достигали 0,1%, а по V — 0,8% ее жителей. Большая их часть расселялась в Тираспольском уезде (2,4 тыс. чел. или 3,8% жителей). На территории Российской империи (с Царством Польским), то есть в границах конца XIX в., уже к началу века немецкое население составляло 0,6% ее жителей (около 250 тыс. чел.), иными словами, немцев стало больше, чем молдаван, башкир, марийцев, коми-зырян и многих других коренных народов страны.

Численность выходцев из Турции и Австрии, водворившихся в России в XVIII в., не превысила 60 тыс. чел. Это были в основном молдаване, русские-старообрядцы, сербы и т.д.

Эмиграция из России

Эмиграция из России в XVIII в. была значительна. Она стала заметной в конце 60-х — начале 80-х годов XVIII в. и превысила 400 тыс. чел. С территории, вошедшей в состав империи, эмигрировали калмыки (200 тыс.), татары и ногайцы (200 тыс.), запорожские казаки (10 тыс.) и небольшое число русских старообрядцев, которые ушли в Турцию (особенно в Добруджу) и отчасти на земли Австрийской монархии (в Галицию и на Буковину).

Участие России в заселении азиатского континента (Сибири) в XVIII в. не было значительным. По подсчетам русского статистика Ю.Янсона европейское население в других частях света на рубеже XIX в. простиралось до 9505,0 тыс.чел. (в Северной Америке 6690,0 тыс., в Южной Америке — 2407,0 тыс., в Африке — 110,0 тыс. чел.)[103]. К этому следует добавить 820 тыс. русских, учтенных в Сибири по V ревизии 1795 г[104]. Тогда общее число европейцев за пределами Европы составит 10325,0 тыс. чел., а русских в их числе будет 7,8%.

Таковы общие замечания о движении населения в России в XVIII в. Именно тогда расширилась территория, занимаемая русскими и украинцами и усилилось миграционное движение народов Среднего Поволжья в Южное и Северное Приуралье, а также в Нижнее Поволжье. Иностранные иммигранты приняли заметное участие в заселении Новороссии (в основном молдаване) и

Нижнего Поволжья (немецкие колонисты), хотя иностранная колонизация играла подчиненную роль в деле заселения и хозяйственного освоения окраин страны. Эмиграция же из пограничных регионов (Новороссия, Нижнее Поволжье) была велика и не идет ни в какие сравнения с иммиграцией. Баланс миграций составил в XVIII в. отрицательную величину, превышающую 300 тыс. чел.

6. Изменения в численности и расселении русского этноса в Российской империи в 60-90-х годах XVIII в.

Рассмотрим теперь, как изменялись численность, удельный вес и географическое размещение русского этноса во второй половине XVIII в. между III (1762) и V (1795 г.) ревизиями.

Удельный вес русских на неизменной территории в границах 20-х годов XVIII в. по существу не изменился. С III по IV ревизию он немного повысился (с 68,6 до 68,9% всего населения), а с IV по V — снизился до первоначальной величины (68,6%). По всей же территории страны, включая приобретения, он снизился с 63,2 до 48,9%, так как границы России во второй половине XVIII в. весьма расширились. Это свидетельствует о том, что падение удельного веса русских в сопоставимых границах во второй половине XVIII в. прекратилось, а в 60–70-е годы наблюдался даже небольшой подъем. Мы уже отмечали, что это объясняется значительным подъемом уровня естественного прироста в центральных и северо-западных регионах в 60–80-е годы, то есть на территории основного проживания великороссийской народности. 60–70-е годы — период, предшествующий крестьянской войне под предводительством Е.И.Пугачева, характеризуется некоторым подъемом уровня естественного прироста и падением удельного веса крепостного крестьянства.

В 80-х — середине 90-х годов удельный вес русских в стране немного снижается, так как темпы естественного прироста в центральных великороссийских регионах в период нового укрепления здесь феодально-крепостнических отношений вновь понижаются. Однако к этому времени численность русских в окраинных регионах возросла настолько, что уже смогла влиять на изменение удельного веса русского населения. Действительно, в 1795 г. в окраинных регионах проживало уже 2,2 млн. чел. русских жителей (в границах современной России), что составило 11,2% всех русских (см. табл. 6). Сверх того в пределах других государств, созданных на месте СССР в 1991 г., в 1795 г. проживало более 400 тыс. русских (см. табл. 1).

В 60–90-х годах XVIII в. русские составляли большую часть населения в следующих регионах: Центрально-Промышленном (III ревизия — 96,8%, V — 96,2%), Озерном (соответственно 92,7% и 92,1%), Северном (90,5% и 91,3%), Северном Приуралье (83,6% и 84,0%), Нижнем Поволжье (67,4% и 70,7%), Сибири (64,2% и 68,9%), Среднем Поволжье (64,7% и 63,7%) и на Северном Кавказе (14,9% и 53,1%). Мы видим, что в большинстве этих регионов процент русского населения в 60-х — середине 90-х годов XVIII в. увеличился. Исключение составляют лишь Центрально-Промышленный, Озерный

регион и Среднее Поволжье. Однако здесь проживало около половины всего русского населения страны (III ревизия — 52,9%, V — 47,6%), что и определило некоторое снижение удельного веса русских в целом.

В Центрально-Промышленном регионе процент русских фактически ее изменился во Владимирской, Калужской, Ярославской и Костромской губерниях. Здесь, как и ранее, почти все жители были русскими. В Московской губернии небольшое снижение удельного веса русских объясняется притоком в Москву лиц нерусской национальности из других частей страны и из-за рубежа.

В Нижегородской губернии доля русских несколько снижается при одновременном росте ее у мордвы, марийцев и татар. Снизилась доля русских в Тверской губернии, что было связано с быстрым ростом численности карел, не состоявших в крепостной зависимости. Ту же картину можно наблюдать и в соседнем Озерном регионе, где в 60–90-х годах XVIII в. возрастает удельный вес финнов, немцев, ижоры и снижается — русских.

В Среднем Поволжье ситуация оказалась более сложной. Здесь доля русских повысилась в Казанской, но снизилась в Пензенской и особенно в Симбирской губерниях. Это было связано с тем, что из Казанской губернии в 60–90-х годах отмечался большой отток коренного населения (чувашей, татар и др.) в соседние Южное и Северное Приуралье. Естественный прирост у нерусского населения губернии, в основном государственного крестьянства, был, видимо, выше, но интенсивная миграция его из губернии оказала решающее влияние на изменения в численности и удельном весе народов губернии. В соседних Пензенской и Симбирской губерниях ситуация была иной. Отсюда преимущественно в Саратовскую губернию Нижнего Поволжья в 60–90-х годах уходило немало, главным образом, русского населения. Это и понизило здесь его удельный вес.

В остальных регионах удельный вес русских повысился, а территория, где они составляли абсолютное большинство — расширялась. Особенно на общем фоне выделяется Северный Кавказ. Он начал успешно заселяться лишь в 80-е годы XVIII в., однако за короткое время сюда из Центра прибыло много русских переселенцев и одновременно за Кубань ушли кочевавшие здесь ногайцы. Все это и привело к тому, что удельный вес русских в регионе между IV и V ревизиями повысился на 38,2% и к началу XIX в. русские составляли здесь абсолютное большинство (53% всех жителей).

На втором месте по показателям прироста русского населения стоит Сибирь (на 4,8%). Как уже отмечалось, переселения сюда во второй половине XVIII в. не были значительны, роль ссыльных в деле заселения региона была невелика. Решающую роль в деле быстрого роста населения Сибири и русских в частности сыграл повышенный естественный прирост у последних. Повысилась доля русских на Камчатке, в Томской, Иркутской, Енисейской губерниях. И лишь в Якутской области она незначительно понизилась. Впрочем, здесь тогда русских было мало (III ревизия — 4,0%, V — 3,5%).

На землях Нижнего Поволжья удельный вес русских с 1762 по 1795 гг. повысился с 67,4 до 70,7%. В Саратовской губернии он даже несколько снизился

(с 1762 г. — 79,7%, в 1782 г. — 74,8%, в 1795 г. — 76,5%), так как в 60-х годах в губернии поселилось около 30 тыс. немецких колонистов и возрос приток украинцев из Слободской Украины. Однако уже в 80-е годы переселения сюда иностранных выходцев прекратились, приток русских возрос и их доля повысилась. В соседней Астраханской губернии размещались в основном русские, однако и к началу XIX в. они составляли здесь лишь около трети всего населения (32,9%).

В Северном Приуралье, которое заселялось представителями разных народностей, удельный вес русских почти не изменился. Повысился он в Северном регионе, главным образом благодаря более высокому приросту русского населения в Архангельской губернии, где практически не было закрепощенного люда. Наконец, повысилась доля русских в Центрально-Земледельческом регионе. В чисто великороссийских Рязанской и Тульской губерниях положение в эти годы не изменилось. В Орловской процент русских немного снизился благодаря притоку украинцев из соседней Малороссии. Но зато в южных и юго-восточных губерниях, заселение и хозяйственное освоение которых продолжалось и во второй половине XVIII в., доля русских повысилась весьма значительно (в Воронежской и Тамбовской губерниях). Кроме того она повысилась, правда, умеренно и в Курской губернии (на 1,5%), видимо, благодаря усилившемуся оттоку отсюда украинцев в Новороссию. Эти данные позволяют сделать вывод, что во второй половине XVIII в. интенсивность притока украинских переселенцев в Центрально-Черноземный регион падает и ведущую роль в деле заселения осваиваемых частей региона вновь играют русские переселенцы. Украинцы в эти годы в больших количествах перемещаются в Новороссию. Это объяснялось, по нашему мнению, надеждой освободиться там от крепостной зависимости или возможного закрепощения. И хотя мечты эти для многих так и не оправдались, в XVIII в. они стимулировали повышенный приток мигрантов в этот южный плодородный регион.

Рассмотрим теперь, как изменялся удельный вес великорусского населения в тех регионах, где они не составляли абсолютного большинства во второй половине XVIII в. В 60–90-х годах к таким регионам принадлежали Южное Приуралье (III ревизия — 39,0%, V — 40,2%), Смоленская губерния Белорусско- Литовского региона (III — 42,9%, V — 47,2%), Новороссия (III — 16,0%, V —19,1%), Левобережная Украина (III — 3,9%, V — 5,2%), Прибалтика (соответственно 1,2% и 1,1%), Финляндия (0,03% и 0,07%) и Правобережная Украина (IV ревизия — 0,01%, V — 0,1%). Удельный вес русского населения возрастал здесь почти повсеместно, но абсолютная численность русских, за небольшим исключением, была невелика. Больше всего русских проживало в Смоленской губернии. Доля их здесь с III по V ревизию повысилась с 42,9 до 47,2%, главным образом, вследствие более высокого прироста в населенных русскими уездах.

В Южном Приуралье к концу XVIII в. русские достигли 40,2% всех жителей (в Оренбургской губернии — 65,3%, в Уфимской — 24,6%). В Бузулукском, Челябинском и Троицком уездах они численно преобладали, но во мно-

гих северных и центральных уездах русских было еще мало (Белебейский, Бирский, Верхнеуральский, Стерлитамакский, Бугульминский).

На территории Новороссии удельный вес русских с III по V ревизию также вырос и в конце XVIII в. они составляли здесь примерно пятую часть (19,5%) жителей. Это было связано с расселением здесь русских старообрядцев, дворцовых крестьян и однодворцев. Однако в 80–90-х годах приток сюда украинцев из соседних Левобережной и Правобережной Украины настолько увеличивается, что удельный вес русского населения вновь начинает снижаться (III ревизия — 13,3%, IV — 22,2%, V — 19,5%). Абсолютная же численность быстро росла (III ревизия 115,9 тыс. чел., V — 308,3 тыс.). Преобладание русских сохранилось в регионе лишь в Земле Войска Донского, хотя и здесь их процент падал (III ревизия — 71,3%, IV — 77,1%, V — 64,5%). В конце XVIII в. украинцы уже преобладали в Донецком округе и составляли все население Миусского. Здесь отмечается значительное расширение украинской этнической территории.

В Херсонской губернии и Бессарабии русских тогда было очень немного. В Екатеринославской губернии ситуация в общем изменилась мало (III ревизия — 9,6%, IV — 13,1%, V — 11,2%). Больше всего их проживало в уездах старого освоения — Славяносербском (по V ревизии — 23,9%), Бахмутском (V ревизия — 17,0%), Ростовском — (23,0%).

В Таврической губернии в 80–90-х годах русские достигли 6% населения. Ни в одном уезде они не преобладали, но в материковом — Днепровском — на их долю по V ревизии — приходилось 24,8% всех жителей. В уездах Крымского полуострова татары в 90-е годы достигали 88% всех жителей. На втором месте находились русские (1792 г. — 6,4%, 1795 г. — 6,9%). Украинцев на Таврическом полуострове было мало (1792 г. — 0,7%, 1795 г. — 1,3%). Крымский полуостров принадлежал к тем частям Новороссии, где украинское население всегда было немногочисленно (см. табл. 10).

Несколько повысился удельный вес русских и на Левобережной Украине (5% по V ревизии). Однако это произошло в основном не в результате заселения этого региона русскими во второй половине XVIII в., а из-за массового отлива отсюда украинцев в Новороссию. В Харьковской губернии это были потомки русских служилых людей, поселенных здесь в XVII в. до массового притока сюда украинских мигрантов. Удельный вес русских был тут равен по III ревизии 9,1%, по IV — 10,0%, по V — 11,0%. Больше всего их проживало в Змиевском уезде (34,3, всех жителей по V ревизии), Старобельском (21,3%) и Изюмском (10,9%). В Полтавской губернии, которая заселялась до конца XVIII в., русских было мало и их процент уменьшался. Больше всего их было в Константиноградском уезде, куда вошла часть населенной русскими в 1731 г. Украинской линии. По V ревизии русское население достигало здесь 11,0%. В Черниговской губернии русские (в основном старообрядцы) проживали в северной части (в Стародубском и Новозыбковском уездах). В остальных регионах (Прибалтика, Финляндия и Правобережная Украина) русского населения во второй половине XVIII в. почти не было.

Таким образом, мы видим, что в 60–90-х годах XVIII в. удельный вес русского населения почти не изменился. Его понижение во второй половине XVIII в. приостановилось. В центральных и северо-западных регионах процент русских в эти годы сокращается вследствие пониженного естественного прироста и частично миграций. Зато на окраинных он повсеместно растет, а на Северном Кавказе в результате мощной переселенческой волны русские составили к концу XVIII в. больше половины проживающего там населения. На окраинах, в меньшей мере опутанных феодально-крепостническим гнетом и располагающих более благоприятными природно-климатическими условиями, быстрее развивались ростки новых, капиталистических отношений, быстрее росло население. Продолжается смещение русских (главным образом, из Центрально-Черноземного региона и Среднего Поволжья) в новые заселяемые регионы: Северное и Южное Приуралье, Северный Кавказ и Нижнее Поволжье.

В меньшей мере русские участвуют в заселении и хозяйственном освоении Новороссии (преимущественно Земли Войска Донского, Екатеринославской и Таврической губерний). Здесь среди мигрантов доминировал украинский этнический компонент. Украинцы компактно заселили часть Земли Войска Донского, превратив его в украинскую этническую территорию.

* * *

Подведем общие итоги за весь XVIII в. Между I и V ревизиями с 1719 по 1795 год. все русское население в Российской империи увеличилось на 80,8% (с 11128 до 20118 тыс. чел.). На территории России в ее современнных границах русское население выросло на 78,3% (с 11058 до 19713 тыс. чел.), а его удельный вес снизился с 84,1 до 81,6% общего народонаселения. В границах же бывшего СССР доля русского этноса в XVIII в. повысилась с 42,7 до 44,8% всего населения. Иными словами, удельный вес русских падал на основной территории их проживания, включенной в границу современной России. В границах же всего СССР он довольно быстро повышался. Это вызывалось как пониженным естественным приростом в Центре, регионах исконного проживания русского этноса, так и миграцией русских на земли нынешнего «ближнего» зарубежья. Так, если в начале XVIII в. в «ближнем» зарубежье проживало менее 100 тыс. русских (0,6% общего их числа), то в 1795г. — более 400 тыс. или 2% (см. табл. 1).

В 1719 г. русские составляли только 0,9% всего населения Украины, а в конце века — 2,4%. В Белоруссии в 1719 г. русских было очень мало, а в 1795 г. — 1,2% всего населения, в Казахстане соответственно 1,2 и 5,6%. В Прибалтике русских в 1719 г. почти не было, а в 1795г. их доля в общем населении достигла в Латвии 3,1%, в Эстонии — 0,9% и в Литве — 0,1%. Как показывает табл. 4, в 1719 г. в границах современной России проживало 99,4% всех русских бывшего СССР. А в 1795 г. — 96,9%. На Украине в 1719 г. жило всего 0,5% всех русских, а в 1795 г. — 2,4%.

Шел мощный процесс перемещения русских на окраины России и далее на земли теперешнего ближнего зарубежья. (См. табл. 6). В Европейской России в 1678 г. жило 98,1% всех русских, в 1719 г. — 97,1%, в 1782 г. — 96,2%, в 1795 г.– 94,3%. И все же удельный вес Сибири в XVIII в. оставался невысоким (1678 г. — 1,9%, 1795 г. — 4,1%). Население, в том числе и русское, перераспределялось на основной европейской части страны (см. табл. 6).

Коренными территориями русского этноса являлись Центрально-Промышленный, Северный, Озерный регионы и отчасти Центрально-Земледельческий регион. В первых трех в 1678 г. проживало две трети всего русского этноса, в 1719 г. — несколько более половины (54,8%Изменения в численности в 60—90-е годы), в 1782 г. — около половины (46,6%), а в 1795г. — несколько более 40% (43,4%). Именно в этих регионах был постоянно самый невысокий естественный прирост, оказывающий решающее влияние на рост населения этих крепостнических регионов. Отток отсюда в XVIII в. был относительно невысок и не мог оказать решающего влияния на общее движение населения. Среди этих регионов следует выделить Центрально-Промышленный, где ситуация оказалась особенно неблагоприятной. В 1678 г. здесь размещалась почти половина всего русского этноса (47,8%), а в 1795 г. — меньше трети (30,3%). В Северном регионе доля русских среди всех русских империи упала более чем вдвое (с 7,9 до 3,6%). В Озерном ситуация была более благоприятной (в 1678 г. — 11,0%, в 1795 г. — 9,5%).

Среди регионов, где доля русских во всем русском населении несколько снизилась, было Среднее Поволжье. В 1678 г. здесь жило 5,7% всех русских, в 1719 — 8,4% (за счет притока мигрантов), однако к 1795 г. доля русских здесь упала до 7%.

В Центрально-Земледельческом регионе проживала четверть всех русских империи. До 80-х годов доля их здесь росла (1678 г. — 20,9%, 1782 г. — 26,2%), однако затем этот рост приостановился. В регионе естественный прирост был высок. Однако с 60-х годов XVIII в. регион этот выбрасывал много мигрантов для заселения Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Новороссии.

Быстро росла доля русских в заселяемых регионах: Северном Приуралье (1678 г. — 3,3%, 1795 г. — 8,1% всех русских), Новороссии (соответственно, 0,3% и 1,5%), Смоленской губернии (1,0 и 2,4%). В Нижнем Поволжье в 1678 г. русских почти не было, в 1719 г. они достигли здесь 0,9% всех русских империи, а в 1795 г. — 4,5%. В этом отношении регион обогнал Смоленскую губернию и Северный регион. В Южном Приуралье и на Северном Кавказе русских в 1678 г. также почти не было, а в 1795 г. они составили здесь соответственно 1,3% и 0,6% всех русских. Другими словами, произошло фактически перераспределение великороссийского населения. К концу XVIII в. большая его часть жила в заселяемых регионах и в первую очередь в Центрально-Земледельческом, Северном Приуралье, Нижнем Поволжье, Новороссии.

По отношению ко всему населению удельный вес русских в России вырос с 40,9 до 43,2%, а в империи — с 42,7 до 44,8% (см. табл. 5). В Центрально-Промышленном регионе, Земледельческом Центре и Северном регионе, где проживало особенно много русских, доля их в XVIII в. немного снизилась. Однако здесь русские повсюду доминировали. Это была основная и старинная территория, где сформировался русский этнос. В Центрально-Промышленном регионе доля русских с I по V ревизию снизилась с 99,7 до 96,2%, в Северном регионе — с 92,0 до 91,3%, в Центрально-Земледельческом регионе — с 90,6 до 87,4%. Минимальным удельный вес русских оказался в Воронежской (I ревизия — 69,4%, V — 62,1%) и Курской (соответственно 69,5 и 73,2%) губерниях, где в южных и юго-западных уездах расселилось много украинцев и которые оказались частично позже потерянными для русского этноса. Снизилась доля русских и в Северном Приуралье (I ревизия — 90,8%, V —84,0%), но русские доминировали здесь фактически повсюду. В остальных регионах процент русских в XVIII в. вырос. Как правило, это были заселяемые территории.

Исключение представляют Озерный регион и Среднее Поволжье. В Озерном регионе удельный вес русских вырос в XVIII в. с 89,4 до 92,1% в силу исключительно сильного притока мигрантов в столичный Петербург. Только в 1764–1795 гг. механический прирост здесь составил 50,3 тыс. чел. Среднее Поволжье до середины XVIII в. являлось еще заселяемым регионом. Здесь в Казанской губернии русский этнос не составлял большинства (I ревизия — 42,2%, V — 40,3% всего населения). Ведь именно здесь позже возникли субъекты России: Татария и Чувашия.

В Сибири русские составляли в XVIII в. почти 70% всего ее населения. В Западной Сибири русские абсолютно доминировали (I ревизия — 83,1%, V — 85,5%). В Восточной же они еще были в меньшинстве, хотя их доля и здесь быстро повышалась (I ревизия — 44,0%, V — 47,3%). Здесь на землях Енисейской губернии русские составляли уже абсолютное большинство (82%). В Иркутской доля русских также в XVIII в. сильно возросла и почти достигла 60% (I ревизия — 49,5%, V — 58,1%). В Забайкальской области у русских появилось относительное большинство (I ревизия — 33,8%, V — 48,8%). Мало русских было еще в Якутии, на Камчатке. Совсем не стало после временного включения в состав Китая русских на Дальнем Востоке.

В Нижнем Поволжье процент русских повысился настолько, что оно стало русской этнической территорией (I ревизия — 33,0%, V — 66,7%). Здесь лишь в Астраханской губернии, где кочевали калмыки, русский этнос был в меньшинстве (I ревизия — 5,7%, V — 32,9%).

В Южном Приуралье русских в начале XVIII в. было еще мало (10,5%), а к концу их удельный вес поднялся до 40,2%. Они преобладали в Оренбургской губернии. В будущей Уфимской их в начале века почти не было, а в конце они достигли 25% всего населения.

Даже в Новороссии за счет расселения во всех ее частях процент русских повысился с 15,6% в 1719 г. до 19,5% в 1795 г. Однако они утратили большинство на землях будущей Екатеринославской губернии (I ревизия —

80,4%, V — 11,2%). В Земле Войска Донского их доля также резко снизилась, хотя в целом они сохранили большинство (I ревизия — 100%, V — 57,9%). Здесь на землях будущего Миусского и Донецкого округов к концу века украинцев стало больше, чем русских. Зато с другой стороны, русские поселились в Таврической области (V ревизия — 6,1%, украинцев — 12,5%) и стали вторым этносом после татар в Крыму. Появились они и в Херсонской губернии. Однако в Новороссии, в отличие от других регионов, русская миграционная волна оказалась намного слабее украинской. Поэтому в этом регионе русские сохранили большинство только в Земле Войска Донского (за счет переселений XVI–XVII вв.) и находились на первом месте среди переселенцев на Крымском полуострове.

На Северном Кавказе в целом русских было мало (1719 г. — 0,7%, 1795 г. — 6,9% всего населения). Однако они составляли половину жителей Кавказской губернии. Регион этот с 80-х годов начал быстро заселяться и превращаться в русскую этническую территорию.

Повысился удельный вес русских в Смоленской губернии (с 36,5 до 47,2%) за счет более быстрого роста числа жителей в великороссийских уездах.

На территории Левобережной Украины русских в XVIII в. было мало (I ревизия — 2,2%, V — 5,2%) и это не был регион, куда они мигрировали.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что в XVIII в. значительно расширилась территория проживания русского этноса (кроме Новороссии, где ряд территорий был заселен украинцами, а также Центрально-Земледельческого региона). Произошло сильное смещение населения из регионов формирования русского этноса на окраины, где русские вместе с другими народами России заселяли пустынные, неосвоенные земли.

Таблица 9 показывает, что в России в ее нынешних границах удельный вес русских ко всему населению упал с 82,8 до 80,1%. Это связано в первую очередь с более низким естественным приростом на территории основного проживания русского этноса, а также с миграциями, в ходе которых более 400 тыс. русских в конце XVIII в. осталось за границами нынешней России.

Удельный вес татар в России в XVIII в. не изменился (3,1%), так же как и карел (0,6%). Снизилась доля чувашей (с 1,6 до 1,4%), башкир (с 1,3 до 0,8%), белорусов (с 2,7 до 2,5%) и калмыков (с 1,5 до 0,4%). Одновременно сильно повысился процент украинцев (с 2,0 до 3,8%) и их численность по V ревизии превысила 900 тыс. чел.

1. РГАДА, Ф. 248. Оп. 22. Д. 10/1626. Л. 60–114.

2. Подъяпольская Е.П. О поместном землевладении и колонизации в районе Аткарского уезда. — Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском университете. Саратов, 1927. Т. 11. С. 168–179.

3. Анисимов Е.В. Материалы Комиссии Д.М.Голицына о подати (1727–1730 гг.). — Исторические записки. № 91. М., 1973. С. 344–345.

4. РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 2631. Л. 1–371.

5. РВИА. Ф. 24. Оп. 119. св. 26. Д. 5. Л. 71–75.

6. Жуковский, полковник. Военно-статистическое обозрение. Саикт-Петербургская губерния. Т. III. Ч. I. СПб., 1851. С. 9.

7. РГАДА. Ф. 905. Оп. 1. Д. 58. Л. 73.

8. РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 13/1629. Л. 195.

9. Не считая здесь жителей Крымского хаиства, число которых в 40-е годы XVIII в. оценивалось в 400 тыс. чел. (Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. – Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). Т. 24. 1896. С. 52–53.

10. Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 1. Одесса, 1850. С. 220.

11. РГАДА. Ф. 259. Оп. 19. Д. 23. Л. 262–290.

12. РГАДА. Ф. 259. Оп. 19. Д. 23. Л. 586–603; Ф. 248. Оп. 58. Д. 58/3629. Л. 203–205.

13. Колесиников А.Д. Русское население Западиой Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1977. С. 52.

14. Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерииии) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.). М., 1976, С. 83–100.

15. Там же. С. 104–105.

16. См. табл. 1, 4–6, 8, 9 Приложеиий к монографии: Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. ... С. 54–147.

17. См. дополнительно: Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке... С. 84–87.

18. ПСЗ-1. Т. X. № 7251. С. 145–146.

19. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 45. Л. 234–235.

20. ПСЗ-1. Т. IX. № 6891. С. 745–748; РГАДА. Ф. 248. Оп. 58. Д. 5958. Л. 9–10.

21. РГАДА. Ф. 248. Оп. 58. Д. 1117. Л. 269–375; Оп. 7. Д. 469. Л. 608; Ф. 259. Оп. 1. Д. 59/3630. Л. 5–45.

22. Скальковский А.А. Опыт статистического описаиия Новороссийского края. Одесса, 1850. Ч. 1. С. 220.

23. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 35. Л. 164–172.

24. Кабузаи В.М. Измеиения в размещении иаселения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. С. 11–12, 83–118.

25. Кабузан В.М. Крепостное население России в XVIII – 50-х годах XIX в. (Числеиность, размещение, этнический состав). М., 1988. Рук. монографии. С. 83–86, 220–226.

26. Значение естественного прироста в общем движении населеиия будет рассмотрено в следующем разделе работы.

27. РГИА России, Ф. 558. Оп. 2. Д. 43. Л. 337–350.

28. Дмитриев П.Г. Народонаселение Молдавии (По материалам переписей 1772–1773, 1774 и 1803 гг.). Кишинев. 1973. С. 85.

29. Переселившиеся в конце 70-х годов в соседнюю Екатеринославскую губернию греки, армяне и грузины остались в пределах одного региона.

30. Более подробно об этом см.: Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. – ИТУАК. Т. 24. 1896. С. 52.

31. Hassel G. Umriss der sämtlichen europäischen und vornehmsten aussereuropäischen Staaten. Weimar, 1824, Heft 3, S. 6–7.

32. РГАДА. Гос. Архив. Р. XVI. Д. 962. Л. 182–234; Скальковский А.А. Занятие Крыма в 1783 году. – Памятная книжка Таврической губернии. Вып. 1. Симферополь. 1867. С. 10–17.

33. РГАДА. Гос. Архив. Р. XVI. Д. 797. Ч. III. Л. 1–35; Д. 588. Ч. 10. Л. 178–179.

34. РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 3011. Л. 187–188; Оп. 67. Д. 5991. Л. 582. 702–844; РГВИА. Ф. 23. Оп. 121. Св. 35. Д. 1248. Л. 94–998.

35. ГРАДА. Ф. 248. Оп. 67. Д. 5991. Л. 102.

36. Арнаутами в России в XVIII в. называли албанцев.

37. Полонская-Василенко Н.Д. Из истории Южной Украины в XVIII в. Заселение Новороссийской губернии (1764–1775). – Исторические записки. Т. 13. 1942. С. 158.

38. РГАДА. Гос.Архив. Р. XVI. Д. 794. Ч. 4. Л. 486–487; Д. 796. Ч. 3. Л. 307–308; Д. 404. Ч. 4. Л. 48–48 об.; Д. 588. Ч. 9. Л. 587.

39. РГАДА. Ф. 248. Оп. 58. Д. 770/4341. Л. 351.

40. Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922. С. 1–2, 12–14.

41. Палли Х.Э. О развитии народонаселения Эстонии в сравнительно-историческом плане. – Известия АН ЭССР. Общественные науки. Таллин. 1974. С. 363.

42. Миронов Б.Н. Воспроизводство населения и урбанизация. Европейские стандарты и русский вариант XVIII–XIX вв. – Проблемы взаимодействия социальной структуры и воспроизводства населения в России и СССР. Тезисы докладов и сообщений VI Всесоюзной конференции по исторической демографии. Таллин. 17–20 октября 1988 г. М., 1988. С. 55; Он же. Русский город в 1740–1860 годах: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 250.

43. Колесников А.Д. Указ. соч. С. 133.

44. РГАДА. Гос. Архив. Р. XVI. Оп. 1. Д. 777. Ч. 1. Л. 249–485; Ф. 439. Оп. 1. Д. 748. Л. 1–349.

45. РГИА в Петербурге. Ф. 558. Оп. 2. Д. 293. Л. 17–200.

46. Брук С.И., Кабузан В.М. Миграция населения в России в XVIII – начале XX века. Численность, структура, география. – История СССР. 1984. № 4. С. 45.

47.ПСЗ-1. Т. XVI. № 11720 от 4 декабря 1762 г. С. 120–127.

48. Там же. № 11853 от 9 июня 1763 г. С. 287–289.

49. Там же. № 11896 от 12 августа 1763 г., С. 355.

50. РГАДА, Гос. Архив. Р. XVI. Д. 918. Ч. 2. Л. 170–203; Доклад министра внутренних дел России за 1802 год. – Санкт-Петербургский журнал, 1804. № 1. С. 92.

51. Hempel G. Die deutschen Kolonisten in Samarischen und Saratowischen Gouwernement. Baltische Monatsschrift. Bd. 12. Riga, 1865, S. 438.

52. Mitteenzwei J. Fridrich II von Preussen. Berlin, 1980, S. 75–78.

53. Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России. М., 1909. С. 18.

54. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963. С. 79–80; Он же. Феодально-крепостиическая система и воспроизводство населения в России в XVIII – XIX веках. – Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: вопросы комплексного изучения. Сб. статей. М., 1990. С. 26–33; Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы... С. 7–9, 259–260.

55. Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 250.

56. Кабузан В.М. Государственные крестьяне России в XVIII –50-х годах XIX в. – История СССР. 1988. № 1. С. 72.

57. РГИА России в Петербурге, Ф. 558. Оп. 2. Д. 1–282; Оп. 571. Оп. 9. Д. 18, 24–53.

58. РГАДА. Ф. 248. Оп. 58. Д. 288/4850. Л. 809–814.

59. РГИА России в Петербурге. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 146. Л. 399.

60. Дубровський В. Селянські втечі на Левобережній Україні наприкінці XVIII ст. (1782–1792 рр.).Чернігів і Північне Лівобереіжжя. Огляди, развідки, матеріяли. Київ, 1928. С. 395–398.

61. РГАДА. Ф. 248. Оп. 58. Д. 288/4859. Л. 626–627.

62. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959. С. 156–157.

63. Палли Х.Э. Воспроизводство населения Эстонии в XVIII–XIX вв. – Сб.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 224.

64. Статистический сборник по Петрограду... С. 1–2, 12–14.

65. РГАДА. Ф. 248. Оп. 58. Д. 128/4859. Л. 122–122 «г».

66. РГИА России в Петербурге. Ф. 571. Оп. 9. Д. 1886 (1783 г.), 1881–1882 (1784 г.), 1863 (1787 г.), 1882 (1791 г.), 1861 (1793 г.).

67. С 1784 по 1793 гг. численность податного населения Архаигельской губернии понизилась с 85 до 81,6 тыс. душ м.п. (РГИА России в Петербурге, Ф. 571. Оп. 9. Д. 1861, 1862).

68. Там же.

69. В Пензенской губернии Генеральное межевание было произведено в 1782–1795 гг., в Казанской – в 1793–1803 гг., в Симбирской – в 1798–1821 гг.

70. РГИА России в Петербурге. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 11. Л. 101–102.

71. В 1783–1794 гг. из Воронежской губернии в Кавказскую область официально убыло около 3 тыс. душ м.п. (РГИА России в Петербурге. Ф. 558. Оп. 2. Д. 46. Л. 210–489).

72. РГИА России в Петербурге. Ф. 558. Оп. 2. Д. 266. Л. 9–15; Д. 46. Л. 210–489.

73. РГИА России в Петербурге. Ф. 558. Оп. 2. Д. 40. Л. 1–103; Д. 46, Л. 210–489.

74. Колесников А.Д. Указ. соч. С. 336–337.

75. РГИА России в Петербурге. Ф. 558. Оп. 2. Д. 160. Л. 9–15, 23–28.

76.Там же. Д. 211. Л. 5–9.

77. Там же. Д. 266. Л. 9–15.

78. ПСЗ-1. Т. XXII № 16631 от 24 февраля 1788 г., С. 1035.

79. РГИА в Петербурге, Ф. 558. Оп. 2. Д. 210. Л. 260–284.

80. Там же.

81. РГА России в Петербурге. Ф. 558. Оп. 2. Д. 46. Л. 210–245.

82. ПСЗ-1. Т. XXI. № 15619. С. 720.

83. Там же. № 16114. С. 270–271.

84. Там же. Т. XXII. № 16194. С. 390.

85. Там же. № 16629. С. 675.

86. Петербургское отделение Института отечественной истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 485. Л. 30.

87. ПСЗ-1. Т.XXII, № 16631. С. 1035.

88. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 567. Св. 124. Л. 25-35; РГАДА. Ф. 248. Оп. 58. Д. 4640. Л. 358-364.

89. Лашков Ф. К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX столетия. – ИТУАК. № 53. 1916. С. 159.

90. Мы рассматриваем их в составе лиц, покинувших Крымское ханство в конце 60-х – начале 80-х годов XVIII в.

91. РГАДА. Гос. Архив. Р. XVI. Д. 962. Л. 229–230.

92. РГИА России в Петербурге. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 368. Л. 1.

93. Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. I–II. Одесса, 1850. С. 221.

94. Мошнин Н. Придуиайская Болгария. – Славяиский сборник. Т. 2. СПб., 1877. С. 38.

95. РГИА России в Петербурге. Ф. 558. Оп. 2. Д. 40. Л. 1–103; Д. 41. Л. 4–18, 22, 36, 114–117, 121–144, 376–390.

96. РГАДА. Ф. 248. Оп. 58. Д. 288/4859. Л. 809–814.

97. Там же. Ф. 558. Оп. 2. Д. 40. Л. 1–103; Д. 41. Л. 8–18, 22, 114–117, 121–144, 376–390.

98. ГРАДА. Гос. Архив. Р. XVI. Д. 962. Ч. 2. Л. 183–233; Ч. 4. Л. 84–87; Р. X. Оп. 3. Д. 59. Л. 1–18; РГИА России в Петербурге. Ф. 558. Оп. 2. Д. 262. Л. 25–26; Д. 263. Л. 12–16.

99. В Воронежской – население в 1762–1795 гг. выросло на 54,3%, в Тамбовской – на 50,8%, в Курской – на 46%.

100. В Тульской – население увеличилось на 27,8%, в Рязанской – иа 33,1%, в Орловской – на 31,6%.

101. Писаревский А.Г. Из истории иностраниой колонизации в России в XVIII в. М., 1900. С. 290–338.

102. РГВИА, ВУА. Д. 18727. Ч. 1. Л. 1–53.

103. Янсон Ю. Сравнительная статистика России и западно-европейских государств. Т. 1. Территория и население. СПб., 1878. С. 406.

104. РГВИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1255. Л. 229–234, 293.

III. РУССКИЙ ЭТНОС В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (1795–1858 гг.)

1. Миграционные процессы в России в первой половине XIX в. (1795–1858 гг.) в период кризиса и разложения феодально-крепостнического строя

Общее движение населения в конце XVIII – 50-х годах XIX в. Естественный прирост

Первая половина XIX в. была для России периодом краха, разложения и распада феодально-крепостнических отношений, приведшего в 1861 г. к утверждению в стране капиталистического строя. Гибкость и приспособляемость феодализма при отсутствии в империи сильной и сплоченной буржуазии и многочисленного рабочего класса приводили к тому, что в различных районах процесс разложения старого строя и укрепления позиций нового протекал поразному. На многих окраинах, где феодализм был слабее, где удельный вес крепостного сословия оказался ниже, а дворянское землевладение не получило массового распространения, капиталистические отношения развивались быстрее; здесь был выше коэффициент воспроизводства жителей, сюда устремлялись потоки мигрантов. К числу этих осваиваемых и в XIX в. районов принадлежали Новороссия, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье, Северный Кавказ и Сибирь.

С рубежа XIX в. удельный вес частновладельческих крестьян повсюду быстро снижается. Ни о каком распространении феодализма вширь уже нет и речи. С 1795 г. по 1858 г. (с V по X ревизии) доля закрепощенного люда России (в границах середины XIX в.) снизилась с 48,2 до 35,1%. Процесс этот протекал устойчиво, постоянно, без колебаний (V ревизия – 48,2%, VIII – 42,4%, IX – 38,1%, X – 35,1% всего населения). Особенно быстро этот удельный вес стал снижаться с 30-х годов XIX в. В этот период уменьшается даже численность закрепощенного люда (VIII ревизия – 11447 тыс., IX – 11384 тыс., X – 11338 тыс. душ м.п.).

Мы не разделяем мнения о том, что крепостное крестьянство накануне отмены крепостного права в России вымирало. Глубинные процессы, приведшие к сокращению доли (а с 30-х годов и численности) частновладельческих крестьян, были гораздо сложнее. Очень много закрепощенного люда получило свободу (через каналы рекрутчины, выкупа на волю и т.д.)[1]. Однако данные церковного учета свидетельствуют, что в первой половине XIX в. с середины 20-х годов показатели воспроизводства в России постепенно снижаются (в 1821–1830 гг. – 15,2‰, 1831–1840 гг. – 12,0‰, 1841–1850 гг. – 10,3‰ – см. табл. 16) и что этот процесс охватил в первую очередь Северный, Северо-Западный и Центрально-Промышленный районы. С другой стороны, в Центрально-Земледельческом районе и Южном Приуралье естественный прирост оставался самым высоким в стране, причем с 1800-х годов в Южном Приуралье он даже обгоняет Центрально-Земледельческий район и

выходит на первое место в Европе (см. табл. 14). В целом, однако, в современных границах России естественный прирост в первой трети XIX в. оставался максимальным в истории страны (1804–1810 гг. — 17,0‰, 1811–1820 гг. — 14,5‰, 1821–1830 гг. — 17,5‰).

Снижается общий и естественный прирост в Белорусско-Литовском районе. Невысоким он был и на Левобережной Украине (особенно в 1831–1860 гг.: 1831–1840 гг. — 9,0‰, 1841–1850 гг. — 7,5‰, 1851–1860 гг. — 10,9‰). Что касается заселяемой Новороссии, то здесь уровень воспроизводства населения повышается со второго десятилетия XIX в., когда основная часть переселенцев успела акклиматизироваться на новых местах (в 1811–1820 гг. — 21,5‰, 1821–1830 гг. — 17,5‰, 1831–1840 гг. — 20,0‰). Таким образом, при общем снижении естественного прироста населения процесс этот охватил в основном районы старого освоения: Север, Северо-Запад, Белоруссию, Литву и Центрально-Промышленный район. Частично он временно распространился и на Левобережную и Правобережную Украину. На окраинах же и в Поволжье естественный прирост оставался высоким. В Новороссии и Южном Приуралье его показатели даже возросли в 30-е годы XIX в. Иначе говоря, естественный прирост оказался повышенным в районах нового освоения, где было еще много свободных земель, где доля крепостного населения была невысока и где проживали главным образом нерусские народности, включенные в состав государственных крестьян. Из табл. 16 видно, что в Европе показатели воспроизводства населения также снижаются в 30-50-е годы (1821–1830 гг. — 9,6‰, 1831–1840 гг. — 7,4‰, 1841–1850 гг. — 6,9‰), но что в России естественный прирост был гораздо выше, чем в Европе. Этому Россия была всецело обязана тем окраинным районам (и Земледельческому центру), где феодально-крепостнический гнет был слабее, а необъятные земельные массивы открывали простор для успешного экстенсивного хозяйства (рост посевов при сохранении невысоких урожаев).

Российской империи первой половины XIX в. свойственны высокие темпы миграционного движения на окраины (главным образом из Левобережной Украины, Центрально-Черноземного района и Среднего Поволжья). Всего в первой половине XIX в. (1795–1858 гг.) в основные районы заселения мигрировало не менее 3,3 млн. чел. (см. табл. 13). Основную часть переселенцев составили государственные крестьяне, которые получали на новых местах от 8 до 15 десятин земли на ревизскую душу. Из 3,3 млн. мигрантов на долю частновладельческих крестьян пришлось не более 350 тыс. чел. Это значит, что в первой половине XIX в. в общей массе переселенцев на окраины закрепощенный люд составлял менее 10% всех легальных мигрантов. В Новороссии их оказалось среди узаконенных переселенцев 32,2% (101,9 к 316,6 тыс. душ). В Саратовской они составили 36,2%, в Оренбургской — 16,2%, в Ставропольской губернии и Земле Войска Черноморского их почти не было. Отсутствовали они и среди сибирских новоселов.Все это свидетельствует о том, что крепостные крестьяне в условиях предреформенной России в совершенно недостаточной мере могли воспользоваться возможностями переселиться на новые места.

В конце XVIII – начале XIX вв. показатели естественного прироста населения в России были невысоки. Минимальный прирост отмечался в конце XVIII в. (в 1796–1799 гг.), а также в 1801, 1807 и 1808 гг. С начала XIX в. показатели воспроизводства возросли (максимальный естественный прирост был в 1802–1806, а также в 1809–1810 гг.)[2].

В 1801–1810 гг. коэффициент воспроизводства православного населения, в Европейской России составил даже 16,6‰ (а во всей России – 16,0‰) – самый высокий показатель за весь XIX век. В других странах Европы он был в эти годы гораздо ниже: во Франции – 4,0‰, в Швеции – 3,0‰, в Норвегии – 2,3‰, в Финляндии – 11,4‰, в Англии – 13,6‰ (см. табл. 16). Однако неблагоприятные 1796–1799 гг. привели к тому, что абсолютная численность населения на территориях, где проводились V и VI ревизии (1795–1810 гг.), выросла лишь на 13,8% (с 37526 до 42706 тыс. чел.). Пониженный прирост в этих условиях, видимо, следует объяснять непрекращающимся состоянием войны с Францией и огромными рекрутскими наборами. Только с 1800 по 1810 гг. в рекруты было взято более 500 тыс. чел. Сильного же голода или эпидемий в это время в стране не наблюдалось.

С VI по VII ревизию за 4 года (в 1811–1814 гг.) на той же территории абсолютная численность охваченного ревизиями населения выросла всего на 56 тыс. чел. обоего пола (с 42706 до 42762 тыс. чел.). Невысокий прирост был вызван в первую очередь резким снижением естественного прироста в губерниях, подвергшихся нашествию наполеоновских войск; он в 1811–1814 гг. у гражданского населения составил 1,1 млн. чел. и был понижен, но население росло почти повсеместно. В 1812 г. он снизился до 290 тыс. чел., а в 1813 г. – был отрицательным (около 3 тыс. чел.)[3]. В рекруты в 1811–1815 гг. было взято около 760 тыс. чел. – рекордное за всю историю дореформенной России количество, причем военные потери были огромны.

С VII по VIII ревизию (1815–1834 гг.) прирост населения возрастает. За 19 лет число жителей увеличилось на 10011 тыс. чел. (с 42762 до 52773 тыс. чел.) или на 23,4%. Последствия нашествия армии Наполеона были в основном преодолены. Период этот нельзя признать благоприятным. В 1820–1821 гг. в стране свирепствовал голод, в 1829–1831 гг. в ряде южных и юго-западных губерний России распространилась эпидемия холеры, от которой погибло более 100 тыс. чел. Однако с другой стороны, в эти годы Россия не вела изнурительных войн, а в рекруты было взято около 1 миллиона чел., что составляет относительно меньшую величину, чем в предшествующий период. Данные церковного учета показывают, что показатели естественного прироста были высоки в 20-е годы, особенно в первой их половине. В 1821–1830 гг. коэффициент естественного прироста в России повысился до 15,2‰ и намного превосходил аналогичные показатели в Европе (см. табл. 16). Снижение отмечается в 30-е годы под влиянием неурожаев, эпидемии холеры и т.д.

Между VIII и IX ревизиями прирост населения резко снижается и достигает самого низкого в XIX в. уровня. На территории, охваченной ревизиями, прирост за 16 лет (1834–1850 гг.) составил 10,3% (с 52773 до 58162 тыс. чел.

обоего пола). Табл. 16 показывает, что воспроизводство населения в стране в 1831–1840 гг. равнялось 12‰, а в 1841–1850 гг. — 10,3‰. В 1844–1850 гг. по этому показателю Россия уступала Норвегии, Финляндии и находилась на уровне Англии. 30–40-е годы были весьма неблагоприятным периодом в демографической истории России. На страну обрушились частые и охватывающие большие территории недороды, а в 1839 и 1843 гг. Россию постиг сильнейший голод.

Холерные эпидемии также ощущались с максимальной силой именно в эти годы, поразив губернии и Нечерноземного, и Черноземного Центра, Запад (Виленскую и Гродненскую губернии), Северо-Запад, Нижнее Поволжье, Украину, а также южную часть Оренбургской губернии. Во время первой эпидемии (преимущественно в 1833–1838 гг.) погибло более 240, а во второй (1847–1850 гг.) — 800 тыс. чел. обоего пола[4]. Сплошная безграмотность, отсутствие врачебной помощи в дореформенных деревнях были не последними причинами высокой смертности от эпидемий. Даже в 1858 г. в стране на 100 тыс. чел. сельского населения приходился один врач, на миллион человек — одна больница[5]. Сильнейшая эпидемия холеры способствовала понижению воспроизводства населения и во всей Европе (в 1831–1840 гг. — 7,4‰, в 1841–1850 гг. — 6,9‰). В 30-е годы от холеры погибло в Австрии — 386,8 тыс. чел. (в том числе в Галиции — 150,9), в Венгрии — 240 тыс., в Пруссии — 55,1 тыс. В 40-е годы от холеры умерло в Австрии более 400 тыс. чел. (в Галиции — 300 тыс.), в Пруссии — 100 тыс. чел.[6].

Именно холерная эпидемия и усиление крепостнического гнета привели в России к резкому понижению естественного прироста. В Европе это понижение оказалось меньшим (с 9,6‰ в 1821–1830 гг. до 7,4‰ в 1831–1840 гг. и 6,9‰ в 1841–1850 гг.). Особенно невысоким в России в 1841–1850 гг. естественный прирост оказался в Озерном (4,11‰) и Центрально-Промышленном (7,1‰) районах, в Нижнем Поволжье (6,9‰) и Правобережной Украине (7,0‰). Эпидемия холеры пришла с юга (из Персии и Турции). Поэтому в удаленных районах демографическая ситуация оказалась более благоприятной. Так, в Западной Сибири коэффициент естественного прироста остался равным 23,1‰, в Южном Приуралье — 19,0‰, в Северном Приуралье — 13,9‰. Он даже повысился в эти годы в самых неблагоприятных районах: Белорусско-Литовском (с 6 до 9‰) и Северном (с 9 до 10,7‰). В современных границах России естественный прирост равнялся в 1821–1830 гг. — 17,5‰, а в 1831–1840 гг. — 13,5‰. В 1841–1850 гг. он снизился до 10,0‰.

В 50-е годы XIX в. темпы прироста населения в России снова возрастают. В 1851–1858 гг. (с IX по X ревизию) число жителей на территории, охваченной ревизиями, выросло почти на 10% (с 53169 до 63724 тыс. чел.), а коэффициент естественного прироста поднялся до 11,5‰ (в границах современной России до 12,0‰). И это несмотря на Крымскую войну и рекрутские наборы (900 тыс. чел.). В 50-е годы XIX в. в стране сокращается влияние крепостничества на процесс воспроизводства. Страна жила ожиданием грядущих перемен к лучшему. Наступает пора гласности и борьбы с бюрократией. И в усло-

виях общественного подъема воспроизводство населения в Европейской России в 1851–1860 гг. сразу поднялось до 11,9‰ (с 9,1‰ в 1841–1850 гг.).

В этом процессе растет значение заселяемых районов (Северный Кавказ, Нижнее Поволжье, Новороссия, а также Южное Приуралье и Сибирь). Естественный прирост здесь был выше. Переселенческое движение преимущественно государственных крестьян (а до 30-х годов и иностранных колонистов) на эти окраины постоянно нарастало. Между VIII и IX ревизиями (1834–1850 гг.) сюда прибыло за 16 лет 950 тыс. чел., а между IX и X (1851–1858 гг.) за 7 лет — примерно 320 тыс. чел. (см. табл. 2). В результате удельный вес населения этих районов повысился с 16,4 в 1795 г. до 26,4% в 1858 г.

В 1851–1860 гг. максимальный естественный прирост отмечался в Западной Сибири (19,9‰), Новороссии (16,1‰), Южном Приуралье (15,8‰) и Нижнем Поволжье (14,5‰). Низким он оставался в Озерном (6,5‰), Северном (6,2‰), Прибалтийском (7,9‰), Центрально-Промышленном (8,0‰) районах, в Восточной Сибири (7,5‰), Царстве Польском (4,2‰), в Белоруссии и Литве (10,8‰).

В целом по стране учтенное ревизиями население с 1795 по 1858 гг. выросло на 41,4%. Значительно выше среднего по стране прирост оказался на Северном Кавказе (на 77,4%), в Южном Приуралье (на 71,7%), в Новороссии (на 67,2%), на Нижнем Поволжье (на 61,5%), в Сибири (на 60,8%), в Северном Приуралье (на 53,6%) и в Финляндии (на 47,4%). Несколько выше среднего он был также в Царстве Польском (на 43%) и в Среднем Поволжье (на 42,6%). Пониженный прирост отмечался в Центрально-Земледельческом районе (на 39,2%), на Правобережной Украине (на 34,5%), в Северном районе (на 31,5%), на Левобережной Украине (на 31,2%) и Центрально-Промышленном районе (на 21,1%).

Миграционные процессы в России. Иммиграция немцев и армян

Максимальным приростом в первой половине XIX в. характеризовался Северный Кавказ. В 1795–1858 гг. число жителей здесь увеличилось на 342,9%. На рубеже XIX в. было учтено 210 тыс., а в 1858 — 930 тыс. чел. обоего пола. С 1796 по 1858 гг. на Северный Кавказ переселилось из внутренних районов страны 514 тыс. чел. (см. табл. 2). Естественный прирост достиг здесь 204 тыс. чел.; таким образом, в общем движении населения не только в конце XVIII в., но и в первой половине XIX в. решающую роль сыграло миграционное движение.

С V по VII ревизию (1796–1815 гг.) число жителей Северного Кавказа выросло на 18,2% (в Земле Войска Черноморского на 24,7%, а в Кавказской губернии — на 15,6%). Это был один из самых высоких показателей в стране. В Кавказскую губернию с 1796 по 1815 гг. переселилось 56 тыс. чел. Подавляющая часть мигрантов (около 70%) осела в Ставропольском уезде, за которым следовал Георгиевский (около 20%)[7]. Данные о губерниях выхода новоселов, сохранились за 1799–1810 гг., однако в эти годы учтено 72,7% всех

переселенцев 1796–1810 гг. На долю Центрально-Земледельческого района приходилось 92,6% всех перешедших на жительство на Ставрополье, причем большая часть (66,8%) – на Курскую губернию. В 1811–1815 гг. почти все переселенцы опять-таки прибыли из Орловской, Курской и Воронежской губерний и поселились преимущественно в Ставропольском уезде.

В 1796–1815 гг. сильно выросло число жителей Земли Войска Черноморского (с 32,6 до 297,3 тыс. чел. обоего пола). В течение 1809–1811 гг. сюда прибыло из Полтавской и Черниговской губерний 41,6 тыс. чел.[8] (73,4% новоселов пришлось на долю Полтавской, а 21,6% – Черниговской губернии). Однако смертность среди переселенцев была огромной, что понизило показатели роста населения. По сведениям М.Дебу в 1794–1817 гг. смертность в Земле Войска Черноморского превысила рождаемость (родилось 18,6 тыс., а умерло 23,7 тыс. душ мужского и соответственно 17,7 и 17,1 тыс. женского пола). В результате число жителей уменьшилось на 4,4 тыс. чел.[9]. Причина этого явления была та же, что и в соседней Кавказской губернии. Новоселы не могли быстро освоиться в малярийной необжитой местности и, не получая достаточной поддержки от властей, с большим трудом и ценой огромных жертв привыкали к новой жизни. Всего в 1796–1811 гг. на Северный Кавказ переселилось около 100 тыс. чел. обоего пола.

Между VII и VIII ревизиями поток переселенцев на Северный Кавказ не уменьшился. В Кавказскую область с 1816 по 1834 гг. прибыло около 90, в Черноморскую – 50, а всего 140 тыс. чел.[10]. Заселение Кавказской области в 1816–1824 гг. велось в ограниченных размерах. В 1812 г. был опубликован указ, по существу, воспретивший дальнейшие переселения на Кавказ[11]. С 1816 по 1824 гг. в области легально въехало только 4,1 тыс. душ м.п., причем власти следили за тем, чтобы указ 1812 г. выполнялся. Когда в 1820 г. произошло оживление в темпах заселения Ставрополья (прибыль 965 душ м.п.), министр финансов потребовал, чтобы «являвшиеся из губерний кореннные поселяне не были здесь допускаемы к водворению»[12]. Это сократило число переселенцев (в 1821 –204, в 1822 – 188, в 1823 г. – 314, в 1824 г. – 46 душ м.п.).

Лишь с 1825 г. наступает очередной этап в истории освоения Северного Кавказа. Указом 22 марта 1824 г. было вновь дозволено переселение государственных крестьян в окраинные многоземельные районы России, к которым относилась и Кавказская губерния[13]. Право на переселение получили государственные крестьяне малоземельных губерний, в которых на ревизскую душу приходилось менее 5 десятин земли. Миграция разрешалась в губернии, где новоселы могли получить на каждую ревизскую душу от 8 до 15 десятин удобной земли. Переселенцы должны были передавать остающимся односельчанам свои земельные угодья, за что «последние оказывали им «пособие в переходе» и уплачивали за них все подати в продолжение трех лет, считая с 1 января следующего за переселениєм года». На новых местах прибывшие освобождались от уплаты податей и «отправления всяких повинностей», включая и рекрутскую на три года. Это оживило темпы заселения Ставрополья. С 1825 по 1855 гг. сюда прибыло 40 тыс. ревизских душ м.п. Общее же число

всех наличных переселенцев между VII и VIII ревизиями достигло 105,8 тыс. чел.[14]. Как и ранее, почти все мигранты расселялись в Ставропольском уезде (92,7%) и были уроженцами Центрально-Земледельческого района. Лишь с середины 20-х годов начинает возрастать роль Левобережной Украины и Новороссии.

В Земле Войска Черноморского в 20-х — начале 30-х годов естественный прирост оставался низким и население росло в основном за счет переселений. Между VII и VIII ревизиями за 13 лет (кроме 1821–1824 гг.) естественный прирост составил 6,3 тыс. чел.[15]. Малочисленное Черноморское Войско не могло эффективно обороняться от набегов горцев. В 1821 г. в нем проживало только 72,4 тыс. чел. Поэтому 19 апреля 1820 г. было принято решение «Об умножении Черноморского Войска переселением на земли оному войску принадлежащие 25 тыс. малороссийских казаков»[16]. В результате в Черноморию прибыло 48,4 тыс. чел., из которых на долю Полтавской губернии пришлось 24,7 тыс., а Черниговской — 23,7 тыс. чел.[17].

Между VIII и IX ревизиями заселение Северного Кавказа продолжалось. В 1836–1850 гг. в Кавказскую (с 1847 г. — Ставропольскую) губернию прибыло около 170 тыс., а в Черноморию — 14 тыс. чел.[18]. Как и ранее, новоселы шли из многих центральных губерний страны. Снижается роль Центрально-Черноземного района в заселении Ставропольской губернии. С 40-х годов она принимает преимущественно выходцев из Левобережной Украины. На Землю Войска Черноморского в 1849–1850 гг. въехало 14,2 тыс. переселенцев (из Полтавской губернии — 6,2 тыс., из Харьковской — 1,3 тыс., из Черниговской — 6,7 тыс. чел.). В 50-е годы (1851–1858) миграция на Северный Кавказ не прекращается. В Ставропольскую губернию прибыло 54 тыс., в Черноморию — 34 тыс. чел.[19].

Таким образом, всего с 1795 по 1858 гг. на Северный Кавказ прибыло около 520 тыс. мигрантов. Большая их часть направилась на Ставрополье (370 тыс.). В Черномории осело около 150 тыс. чел. почти исключительно из Левобережной Украины. Ставрополье же до 40-х годов заселялось главным образом уроженцами Центрально-Черноземного района, а затем — жителями Левобережной Украины. Показатели воспроизводства населения в районе тогда соответствовали общероссийским (см. табл. 5 и 16) из-за высокой смертности среди новоселов (в 1831–1840 гг. — 10,1‰, в 1841–1850 гг. — 10,5‰, в 1851–1860 гг. — 12,0‰).

На втором месте в России по показателям прироста жителей находится Южное Приуралье (Оренбургская губерния). С V по X ревизию население района выросло с 778 до 2695 тыс. чел. (на 246,5%). Однако в отличие от Северного Кавказа определяющую роль в этом процессе сыграл естественный прирост. На его долю приходилось почти 78% общего прироста. С 1796 по 1858 гг. в район переселилось более 439 тыс. чел., а на естественный прирост осталось 1480 тыс. чел. Миграциям способствовали благоприятные почвенно-климатические условия, невысокий удельный вес крепостного населения и частновладельческого землевладения. Доля закрепощенного люда здесь понизилась в течение первой половины XIX в. с 16,9% по V ревизии до 9,3% — по

X. Всей удобной земли (с лесом) на ревизскую душу приходилось в районе по V ревизии 71,6 десятины, а по X — 22,1 десятины[20].

Наиболее значительные приливы мигрантов в Южное Приуралье отмечались в 1807–1809, 1829–1836 и в 1844–1849 гг. Среди них преобладали государственные крестьяне. На долю помещичьих пришлось только 17%. На первом месте по интенсивности заселения находился Бузулукский уезд, за которым следовали Оренбургский и Верхнеуральский.

Среди перешедших в Оренбургскую губернию крестьян, особенно в конце 20-х — первой половине 30-х годов XIX в., было много самовольных. Они даже преобладали, но были приравнены в правах к легальным переселенцам. Большинство прибывших в Южное Приуралье мигрантов являлось уроженцами Центрально-Земледельческого района, Среднее Поволжье осталось на втором месте. Из 120,7 тыс. переселенцев конца 20-х — начала 30-х годов 90,9 тыс. составили выходцы из Центрально-Земледельческого Центра (из Тамбовской губернии — 40,4 тыс., из Воронежской — 20,6 тыс., из Курской — 20,1 тыс., из Рязанской — 6,4 тыс., из Тульской — 1,6 тыс., из Орловской — 1,9 тыс.); из Среднего Поволжья прибыло 25,2 тыс. чел. (в том числе из Пензенской губернии — 24,1 тыс.)[21]. Если в 1762–1781 гг. естественный прирост в районе находился на уровне всей страны (10,5‰), то в 1804–1840 гг. он вышел на первое место в империи (см. табл. 14). Да и в 40–50-е годы Южное Приуралье уступало только Западной Сибири.

На третьем месте по приросту населения находится Новороссия. С V по X ревизию оно выросло на 203,8%. Удельный вес закрепощенного люда в районе был ниже, чем в среднем по империи. Между V и X ревизиями он снизился с 33,4 до 27,6%. Расположенные в Новороссии порты, быстро растущий экспорт хлеба способствовали распространению здесь товарного земледелия. Задолго до реформы 1861 г. наряду с принудительным трудом тут широко применялся труд наемных рабочих с использованием машин. Новороссия превращалась в район земледельческого капитализма в России с более высокой агротехникой земледелия и повышенной урожайностью.

Естественный прирост в районе был повышен (кроме 1804–1810 гг., когда он равнялся всего 7,5‰)[22]. Особенно высоким он был в 1811–1840 гг. (в 1811–1820 гг. — 21,5‰, в 1821–1830 гг. — 17,5‰ и в 1831–1840 гг. — 20,0‰). В 40–50-е годы он оказался невысоким, главным образом, в связи с эпидемией холеры.

Значение миграционных процессов в общем приросте населения оказалось здесь большим, чем в Южном Приуралье. В 1796–1858 гг. на долю миграций в районе приходилось 40,4%, а естественного прироста — 59,6% в общем приросте. Всего в 1796–1858 гг. в Новороссию прибыло 1300,2 тыс. чел., что составило 41,1% общего числа переселенцев, направившихся в заселяемые районы страны (см. табл. 13).

Максимальный приток новоселов отмечался в Херсонской (371,6 тыс. чел. или 11,5% общего их числа) и Бессарабской (319,5 тыс. или 9,9%) губерниях, а минимальный — в Таврической (127,5 тыс. чел. или 3,9%). В Екатерино-

славской (256,1 тыс. или 7,9%) и Земле Войска Донского (255,5 тыс. чел. или 7,9%) разместилось примерно равное число мигрантов.

Основную массу новоселов составляли государственные крестьяне, уроженцы внутренних губерний страны. Однако немало среди них было и зарубежных выходцев (немцы, болгары и др.), которые вселились в Новороссию в основном в первой четверти XIX в. Это была вторая значительная по размерам волна иммиграции в Россию. Остановимся на ее анализе.

Переселение немецких колонистов в степи южной Новороссии началось в 1803 г. Колонисты первоначально прислали своих депутатов Циглера и Штутера, которые подали царю ходатайство с просьбой о разрешении им разместиться в Новороссии на тех основаниях, на которых в 60–90-х годах XVIII в. селились в России все иностранные выходцы. Александр I удовлетворил их просьбу[23].

В 1803 г. «для водворения переселяющихся в Новороссийский край иностранцев» из Екатеринославской и Херсонской казенных палат было отпущено 20 тыс. руб.[24], а в октябре того же года градоначальнику Одессы Э.И.Ришелье (с 1805 г. — генерал-губернатор Новороссийского края) было предписано расселить прибывающих в Россию из Германии колонистов в окрестностях Одессы и в других местах губерний Херсонской, Екатеринославской и Таврической[25]. С конца 1803 г. в Херсонской, а затем и в Таврической губерниях ежегодно водворяется немало немецких колонистов. Первоначально они селились на основании правил 1763 г., по которым иностранцам предоставлялись: свобода вероисповедания, свобода от рекрутской повинности, право заведения фабрик и вольной торговли, льгота на 30 лет в платеже податей, пособия для обзаведения хозяйством и поземельный надел в 60 десятин на каждую семью.

20 февраля 1804 г. были опубликованы новые правила «о приеме и водворении иностранных колонистов»[26]. Они допускали в Россию только таких переселенцев, «кои в крестьянских упражнениях или в рукоделии примером служить могли», а также являлись «хорошими и достаточными хозяевами». Каждый взрослый мужчина должен был «вывести с собой не менее 300 гульденов». Число въезжающих ограничивалось 200 семействами в год. Иностранных колонистов рекомендовалось направлять в Новороссию, расселяя их по возможности ближе к портовым городам. Колонисты получили льготу от уплаты податей и отправления повинностей на 10 лет, им выдавалось на хозяйственное обзаведение до 300 руб. в год с возвратом этих денег по прошествии льготного срока в течение 10 лет». Всем им выделялся надел в 60 десятин на каждое семейство. Эти указы облегчали положение колонистов и способствовали их притоку в Россию. О таких льготах отечественные переселенцы тогда не могли и мечтать. Они не получали от казны никакого пособия и не пользовались никакими льготами.

До 60-х годов XIX в. в Новороссию переселилось более 70 тыс. немецких колонистов. Основная их часть разместилась в Херсонской губернии (50 тыс. чел.). В Таврической и Бессарабской губерниях водворилось по 8,3 тыс. чел., а в Екатеринославской — около 2 тыс. Кроме того, в районе поселилось 130

тыс. болгар, греков, гагаузов и др.[27]. Основная масса их прибыла сюда до начала 20-х годов, так как переселение земледельцев-иностранцев в Россию было прекращено указом от 5 августа 1819 г.[28]. С 25 октября 1819 г. русским миссиям за рубежом было запрещено выдавать паспорта «переселяющимся в Россию и в Царство Польское иностранцам»[29]. Это вызывалось как истощением резервов казенной земли, так и экономическими причинами (переселение внутренних мигрантов обходилось намного дешевле).

По существу с 20-х годов значительное переселение в Россию иностранных колонистов отмечалось только в 30–60-х годах (на Волыни) и в 1854–1863 гг. (в Самарскую губернию). Чтобы определить абсолютную численность немецких земледельческих мигрантов, отметим, что в 1800–1870 гг. на Правобережную Украину из Царства Польского, Пруссии и Австро-Венгрии иммигрировало 36 тыс. немецких колонистов, из которых 29,9 тыс. разместилось в Волынской, 3,3 тыс. — в Подольской и 2,1 тыс. — в Киевской губерниях.

48,3% переселенцев вышли из Царства Польского; 25,3% — из Пруссии, 20,9% — из Австро-Венгрии и только 5,5% из других государств (германских княжеств, Голландии, Франции, Швейцарии и т.д.)[30]. Кроме того, в 1815–1818 гг. 2 тыс. колонистов из Вюртемберга разместились в Грузии[31]. Таким образом, общее число немецких земледельческих иммигрантов в России может быть определено в 114–115 тыс. чел., а с учетом первой переселенческой волны 60–80-х годов XVIII в. (около 36 тыс.) в 145–150 тыс. чел. Видный западногерманский исследователь К.Штумп оценивает численность всех немецких колонистов, прибывших в Россию, только в 100 тыс. чел.[32]. Его выкладки безусловно являются приуменьшенными. Благодаря иммиграции и высокому естественному приросту численность немецкого населения в России с 1796 по 1858 гг. увеличилась на 254,4% (с 237,1 до 840,3 тыс. чел.). Кроме того, в 1828–1860 гг. в России осталось на жительство почти 90 тыс. неземледельческих немецких мигрантов.

В Новороссии абсолютная численность немцев выросла более чем в 25 раз (с 5,5 до 138,8 тыс. чел. обоего пола). В Таврической губернии в конце XVIII в. немцев почти не было. По VII ревизии (1815 г.) они составляли здесь уже 2,4%, по VIII (1834 г.) — 3,9%, по IX (1850 г.) — 5,1% и по X (1858г.) — 6,3% всего населения. Почти все немецкие колонисты поселились в Мелитопольском уезде. В начале XIX в. их здесь не было, по VII ревизии доля немцев в уезде равнялась 8,1%, по VIII — 13,8% и по X — 13,7%. В течение 1804–1858 гг. они основали в уезде 87 колоний.

На втором месте стоит Херсонская губерния. По V ревизии немцы составляли здесь 0,8%, по VII — 3,5%, по VIII — 3,7% и по X — 3,9%. Подавляющая часть их была сконцентрирована в Тираспольском (около 18% общего народонаселения) и в Одесском (около 12%) уездах. В Бессарабии немецкие колонисты поселились только в 1814–1817 гг.[33]. По VII ревизии их удельный вес здесь составлял 2,1%, по VIII — 2,2%, по X — 2,3%. Немецкие поселения были расположены в Бендерском уезде[34]. В Екатеринославской губернии немецкое население достигало по V ревизии — 0,6%, по VIII — 2,2% и по

X — 2,3%. Расселялось оно в основном в Александровском (6%) и Новомосковском (7%) уездах.

Кроме земледельческой миграции много немцев прибывало в Россию для торгов, промыслов, научной деятельности и т.д. Как показывает табл. 17, в 1828–1860 гг. баланс миграции из Германии в Россию составил +88,5 тыс. чел., а из Австрии — +57 тыс. Хотя среди этих мигрантов было немало поляков, бесспорно, что главную их часть составляли именно немцы. Благодаря переселенческому движению и высокому естественному приросту немецкое население по численности переместилось в Российской империи в первой половине XIX в. с 13 на 11 место, и по X ревизии в количественном отношении они уступали только русским, украинцам, белорусам, полякам, литовцам, латышам, евреям, татарам, финнам и казахам. Среди немецких переселенцев преобладали выходцы из Южной Германии. Особенно многочисленны были уроженцы Вюртемберга. В 1800–1820 гг. отсюда в Россию приехало 21,7 тыс. чел. (15,7 непосредственно в Новороссию и 6 тыс. в Герцогство Варшавское, составившее с 1815 г. основную часть Царства Польского).

В первой половине XIX в., наряду с Россией, немецкие переселенцы активно заселяют восточные окраины Пруссии. Так, в 1816–1849 гг. все население Пруссии выросло на 5982,0 тыс. чел., в том числе за счет иммиграции из германских земель — на 1045,8 тыс. или на 17,5%[35]. Эмиграция из Пруссии в США тогда была невелика (в 1816–1849 гг. убыло 16 тыс. чел.).

На четвертом месте среди регионов России по темпам прироста населения стоит Нижнее Поволжье. С V по X ревизию число жителей в этом районе увеличилось на 160%. Максимальный прирост отмечался в первой трети XIX в. С V по VII ревизии (1795–1815 гг.) он достигал 41,6%, а с VII по VIII (1816–1833 гг.) — 43,8%. С середины 30-х годов в районе понижается естественный прирост, уменьшается приток мигрантов и население растет уже медленнее (с VII по IX ревизию — на 10,2%, а с IX по X — на 15,8%). Естественный прирост в Нижнем Поволжье был высок в 60–70-е годы XVIII в. (19,5‰). В 1804–1830 гг. он немногим превышал общероссийский уровень, а в 40-е годы снизился до 6,9‰ (лишь в Озерном районе он был еще ниже — 4,1‰). В 50-е годы отмечается небольшой подъем.

Нижнее Поволжье по своим природным условиям не было однородным. Оно объединяло чисто земледельческие пространства с черноземными землями (в основном в Саратовской губернии) с территорией, где вследствие обилия солончаковых почв и засух, население могло заниматься лишь скотоводством и добычей соли, а также рыболовством (Астраханская губерния). Нижнее Поволжье к началу XIX в. уже располагало значительным населением (1347,6 тыс. чел.). В первой половине XIX в. оно увеличивалось преимущественно за счет высокого естественного прироста.

В Саратовской губернии с V по X ревизию число жителей выросло на 157,0% (с 850 до 2184 тыс. чел. обоего пола). Несмотря на то, что число мигрантов (около 300 тыс. чел.) было значительно, роль переселений в общем движении населения стала подчиненной. На их долю приходилось около пятой части всего прироста (21,7%). Переселяются преимущественно государст-

венные крестьяне из соседних районов: Центрально-Черноземного и Среднего Поволжья (особенно из Тамбовской губернии). Иностранная иммиграция сошла почти на нет. Подавляющая часть новоселов заселила заволжские уезды — Царевский, Новоузенский, Царицынский и Николаевский. С 80-х годов XVIII в., когда эти земли начали интенсивно осваиваться, и по 1858 г. население здесь выросло в 18 раз.

В Астраханской губернии прирост оказался выше, чем в Саратовской (на 176,8%). Численность жителей изменялась здесь крайне неравномерно. С V по VII ревизию увеличение на 91,2%. Между VII и VIII ревизиями прирост был равен всего 17,3%, а с VIII по IX — происходит сокращение на 7,1%. однако с IX по X — в 50-е годы, вновь отмечается повышенный прирост — на 32,9%. Масштабы миграционного движения в Астраханскую губернию в первой половине XIX в. были невелики. Лишь на рубеже XIX в. сюда прибыло почти 130 тыс. казахов из соседней Малой Киргизской Орды[36]. Всего в Нижнее Поволжье в первой половине XIX в. переселилось более 430 тыс. чел. (в Саратовскую около 300 тыс., а в Астраханскую губернию более 130 тыс. чел.).

На пятом месте по показателям прироста населения находилась Сибирь: с 1796 по 1858 гг. оно выросло на 155,4% (с 1188,2 до 3033,8 тыс. чел.), в том числе в Восточной Сибири — на 158,4% (с 515,6 до 1332,7 тыс.), а в Западной Сибири — на 152,9% (с 672,7 до 1701,1 тыс. чел.). В ином положении оказался Дальний Восток. К середине XVII в. здесь насчитывалось 41 тыс. жителей, а к середине XIX в. всего 17,7 тыс.[37].

Очень быстро увеличивалось население Сибири в начале XIX в. С V по VII ревизию (1796–1815 гг.) прирост составил 58,9% (с 1188,2 до 1887,3 тыс. чел.). С VII по VIII ревизию (1816–1834 гг.) почти за такое же время он был равен только 22,3%. С VIII по IX ревизию (1835–1850 гг.) он достиг 17,3% (с 2306,6 до 2706,6 тыс.), а с IX по X (1851–1858 гг.) — на 12,2% (с 2706,6 до 3033,8 тыс. чел.). Высокие темпы движения населения были обусловлены повышенным естественным приростом[38]. Соотношение естественного и механического (за счет ссыльных и свободных переселенцев) прироста в общем движении населения Сибири демонстрирует табл. 10. Из нее видно, что в первой половине XIX в. решающую роль в росте населения играл именно процесс воспроизводства. На его долю приходилось почти три четверти общего прироста жителей района.

Табл. 14 и 19 показывают, что в начале XIX в. (с V по VII ревизии) в Сибири отмечался исключительно высокий естественный прирост. Она не пострадала в годы Отечественной войны 1812 г. Табл. 16 показывает, что в Восточной Сибири естественный прирост вообще был понижен, однако в Западной оказался исключительно высоким, что и определило общие показатели по всему району. В Западной Сибири в 1762–1781 гг. естественный прирост был самым высоким в империи (16,5‰). В первой половине XIX в. он еще более повысился. И лишь в 40–50-е годы уровень воспроизводства населения здесь снижается так же, как и в других частях империи. Однако в Западной Сибири размеры этого снижения не были такими сильными. Поэтому и в эти годы

она осталась на первом месте в стране (1841–1850 гг. – 23,1‰, 1851–1860 гг. – 19,9‰).

В начале XIX в. (между V и VII ревизиями) доля механического прироста в общем приросте не достигала и 5%. В Сибирь прибывали в основном ссыльные. В Иркутской губернии в 1801–1813 гг. разместилось более 24 тыс. ссыльных[39]. В Томской губернии в 1803–1805 гг. их было водворено 7196 чел.[40]. Они в основном селились в Нерчинском, Верхнеудинском и Томском уездах. В прочих губерниях ссыльных тогда размещали мало. Между VII и VIII ревизиями число жителей Сибири выросло на 22,3%. Механический прирост составил 33,7% всего прироста. Число остальных переселенцев оставалось небольшим (около 19 тыс. чел.). Тем не менее значение механического прироста в 20-е годы XIX в. возросло.

Табл. 19 показывает, что в 1816–1834 гг. в Сибирь прибыло почти 120 тыс. ссыльных. Приток их особенно усилился с середины 20-х годов (в 1824 г. – 12,1 тыс., в 1825 г. – 11,8 тыс., в 1827 г. – 11,9 тыс., в 1828 г. – 11,4 тыс. чел. обоего пола и т.д.). Положение ссыльных было тяжелым. С 1813 г. они стали распределяться по старожильческим селениям. В течение 10 лет их освобождали от уплаты налогов. Однако устраиваться на жительство они должны были сами без какой бы то ни было казенной ссуды и иной формы помощи[41]. В 1823 г. был создан Тобольский приказ о ссыльных, который ведал их учетом и распределением по всей Сибири. Данные приказа позволяют судить об абсолютной численности ссыльных, их составе, губерниях выхода и водворения. Из 80,4 тыс. ссыльных, прибывших в Сибирь в 1825–1833 гг. (кроме 1826 г. и 1830г.)[42], большая часть разместилась в Томской (25,1 тыс. чел. или 31,3%) и Енисейской (25,0 тыс. чел. или 31,1%) губерниях. На долю Тобольской пришлось 20,1% (16,1 тыс.), а Иркутской – 17,6% 14,1 тыс. чел.). Увеличение притока ссыльных с середины 20-х годов XIX в. было связано с опубликованием в 1823 г. указа о ссылке в Сибирь «всех бродяг, поступающих дотоле в крепостные работы»[43]. Среди ссыльных было мало женщин, что понижало общий уровень естественного прироста. Так, например, среди 83,7 тыс. чел., сосланных в Сибирь в 1824–1831 гг., было только 10,8 тыс. женщин (12,9%). Ссыльные прибывали из всех губерний Европейской России.

Количество легальных мигрантов было в 20-е годы XIX в. еще невелико. Они расселялись в многоземельном Южном Приуралье и Нижнем Поволжье и не доходили до Сибири. В 1816–1834 гг. здесь осело около 19 тыс. крестьян. Они заселили южные уезды Тобольской и Томской губерний (Тюкалинский, Якуторовский, Курганский).

Ситуация начинает меняться в 30–40-е годы XIX в. Одновременно с продолжающимся притоком ссыльных усиливается миграционное движение крестьян из центральных губерний страны. Сибирь вновь, теперь надолго, превращается в район интенсивного заселения. Это было связано как с огромными экономическими возможностями Сибири, так и с истощением резервов свободных казенных земель в других районах империи. Экстенсивная система хозяйства требовала все новых и новых территорий. Исключение составлял

Северный Кавказ, являющиеся до конца XIX в. основным заселяемым районом страны. Характерно, что в 30–40-х годах XIX в. на механический прирост в Сибири пришлось около 60% общего прироста населения. Доля ссыльных в нем составила 34,9%, а легальных свободных переселенцев — 23,3%. Таким образом, приток ссыльных остался на уровне 20-х годов XIX в., а удельный вес легальных переселенцев вырос и в 40-е годы даже вышел на первое место. Естественный же прирост понизился. Так, в Тобольской епархии в 1837, 1839 и 1844 гг. показатель смертности был выше среднеимперского, а в 1836 г. — равным ему.

Ссыльные и в 30–40-х годах размещались в основном в Восточной Сибири (Енисейской и Иркутской губерниях). Легальные же переселенцы, естественно, устраивались преимущественно в более благоприятных для земледелия уездах Тобольской и Томской губерний. По данным окладных книг VIII ревизии и губернаторским отчетам в Сибири в 1834–1850 гг. поселилось около 93 тыс. переселенцев, в том числе в Тобольской губернии — 72 тыс., в Томской — 18 тыс., в Енисейской — 2 тыс. и в Иркутской — 1 тыс. чел.

Частично сохранились данные о губерниях выхода переселенцев второй половины 40-х годов XIX в., когда по согласованию между министром государственных имуществ и генерал-губернатором Западной Сибири было решено поселить здесь, начиная с 1845 г., до 15 тыс. крестьян из малоземельных губерний[44]. В 1846–1850 гг. в Тобольской губернии было водворено около 24 тыс. крестьян, прибывших из Европейской России. Это составило 34% всех переселенцев 1834–1850 гг. О 17,5 тыс. чел., т.е. четвертой части переселившихся, сохранились сведения о губерниях их выхода[45]. Подавляющая часть этих крестьян прибыла из Псковской губернии (87,7% всех мигрантов — 15,2 тыс. чел.). На втором месте находилась Смоленская губерния (6,6% — 1,1 тыс. чел.), затем шли Курская (4,6% — 0,8 тыс.), Орловская (1,6% — 0,3 тыс. чел.) и Черниговская (32 чел.). Отсюда ясно, что в 40-е годы XIX в. Западная Сибирь заселялась в основном за счет крестьян северо-западных и западных губерний. Удельный вес мигрантов из Центрально-Черноземного района был невелик (6,2%), а Украина еще не приняла заметного участия в освоении района, если не считать ссыльных из украинских губерний. Из губернаторских отчетов следует, что переселенцы 40-х годов XIX в. заняли преимущественно Курганский уезд Тобольской губерниии.

С IX по X ревизии население Сибири за 8 лет увеличилось на 12,2%. Это был высокий прирост. В 50-е годы в Сибири наблюдался повышенный естественный прирост. Сюда прибыло много ссыльных и вольных переселенцев. Впервые в истории района количество ссыльных и легальных переселенцев почти сравнялось. Быстрее всего в эти годы росло население Томской губернии (+17,6%). Затем шли Енисейская (+14,2%), Иркутская (+9,1%) и Тобольская (+8,4%). В общем приросте населения района естественный прирост составил 66,4%, а механический — 33,6%. Роль механического прироста понижается. Однако именно в 50-е годы XIX в. Сибирь приняла более трети (34,1%) всех мигрантов, устремившихся на окраины и вышла на первое место в империи (в Новороссию в эти годы прибыло 27,4%, на Северный Кавказ —

27,3%, в Нижнее Поволжье — 4,1%, в Южное Приуралье — 7,1%). Большая часть переселенцев разместилась в Тобольской губернии (40,8 тыс. чел.). В Томскую прибыло 14,2 тыс. Известны губернии выхода 17,5 тыс. чел. обоего пола, водворенных в Тобольскую губернию в 1853 и 1858 гг. Это составляет 42,9% всех новоселов 1851–1858 гг. Основная часть их прибыла из Белоруссии — 38,5%. (из Смоленской губернии — 4,1 тыс., из Витебской — 2,6 тыс.). На втором месте находится Центрально-Черноземный район — 38,1% (из Орловской губернии — 3,5 тыс., из Курской — 2,7 тыс., из Рязанской — 0,2, из Воронежской — 0,2, из Тамбовской — 0,1 тыс. чел.). На третьем месте стоит Центрально-Промышленный район — 19,3% (из Калужской губернии — 3,3 тыс. чел.). Кроме того, 0,5 тыс. чел. прибыло из Черниговской губернии, 0,2 — из Пензенской. По сравнению с 40-ми гг. XIX в. отмечается расширение числа губерний выхода переселенцев. В окладной книге за 1853 г. приводятся данные об уездах водворения переселенцев в Тобольской губернии в 40-х — начале 50-х годов XIX в. С 1845 по 1853 гг. сюда прибыло 28,4 тыс. ревизских душ м.п. Большая часть (45,1%) их поселилась в Курганском уезде. Затем следовали Ишимский (21,2%), Омский (15,4%), Тарский (10,4%) и Ялуторовский (7,9%)[46].

В Томской губернии поселилось около 14 тыс. чел. В «Списках населенных мест» Томской губернии за 1859 г. приводятся сведения об уездах водворения и губерниях выхода крестьян, пришедших сюда в 1852–1866 гг. Тогда сюда переселилось 20,6 тыс. чел., из них 13,6 тыс. (65,9%) в 1852–1858 гг.[47] Подавляющая часть переселенцев прибыла из Черноземного Центра — 63,4% (из Тамбовской губернии — 5,6 тыс., из Воронежской — 4,9 тыс., Орловской — 1 тыс., Курской — 1 тыс., Рязанской — 0,3 тыс. чел.). Из Пензенской губернии переселилось 2,8 тыс., Оренбургской — 2,1 тыс., Калужской — 1,6 тыс., Смоленской — 1 тыс. чел. и т.д. Оседали мигранты преимущественно в Мариинском (37,8%), Томском (32%) и Каинском (29,6% общего числа) уездах.

Таким образом, уже в дореформенные годы начинают формироваться основные направления миграционных путей, по которым Сибирь заселяется в пореформенный период. Почти 520 тыс. свободных и подневольных крестьян, переселившихся в Сибирь в 1796–1858 гг. (около 15% всех мигрантов, выбывших на окраины), сыграли важную роль в деле хозяйственного освоения этого тогда еще слабо заселенного района.

На шестом месте по показателям прироста населения находится Северное Приуралье. С V по X ревизию число жителей выросло в нем на 115,7% (в Вятской губернии — на 117,7%, в Пермской — на 113,7%). В начале XIX в. население района росло медленно (с V по VII ревизии за 20 лет — на 20,6%). Отчеты Вятского и Пермского губернаторов показывают, что в эти годы не было значительного притока или оттока жителей. Небольшое миграционное движение шло в соседнюю Оренбургскую губернию и в Западную Сибирь[48]. Решающую роль в увеличении числа жителей района играл естественный прирост. Он был особенно высоким в 1762–1781 гг. (14,0‰). В 1804–1810 гг. (17,5‰) и в 1821–1830 гг. (17,5‰). В 40–60-е годы происходит резкое сни-

жение (см. табл. 14). С VII по IX ревизию прирост жителей в районе значительно вырос (с VII по VIII — на 29,4%, а с VIII по IX — на 25,3%). Естественный прирост в России оказался более высоким, чем в Северном Приуралье только в 1815–1820 гг., а потом уступал ему[49].

На седьмом месте по темпам прироста населения стоит Финляндия. В 1796–1858 гг. оно выросло здесь на 90,1% (по всей империи — на 84,4%). Прирост в Финляндии был выше, чем в соседних районах России: Северном (на 51,6%), Озерном (на 45,9%) и Прибалтийском (на 46,4%). Табл. 16 показывает, что в 1801–1810 гг. коэффициент естественного прироста в Финляндии равнялся 11,4‰, а в Эстонии — 7,3‰, в 1811–1820 гг. соответственно 11,0‰ и 9,2‰, в 1821–1830 гг. 13,8‰ и 12,3‰ (в Европе 9,6‰), в 1831–1840 гг. — 5,2‰ и 7,4‰ (в Европе — 7,4‰), в 1841–1850 гг. — 12,0‰, 4,3‰ и 6,9‰ и в 1851–1860 гг. — 7,3‰, 6,0‰ и 7,3‰[50].

На следующем месте по приросту жителей стоит Царство Польское. С начала XIX в. по 1856 г. численность его населения увеличилась на 75,3%, что превосходит средние показатели по России в границах 20-х годов XVIII в. (прирост на 70,6%), но уступает приросту по всей территории (+84,4%).

В первой трети XIX в. население Царства Польского росло быстро (между V и VII ревизиями прирост был равен 28,4%, а между VII и VIII ревизиями — 26,3%). Это был наиболее благоприятный для роста населения период в истории российской Польши. Тогда не наблюдалось ни эпидемий, ни сильного голода. Александр I даровал Польше самую передовую в Европе конституцию, которая соблюдалась в первые годы. Крестьянство получило личную свободу. В 1810 г. коэффициент воспроизводства населения на землях Царства Польского составлял 12,2‰, в 1816–1830 гг. — 15,4‰[51]. (В России он был в эти годы ниже: в 1811–1820 гг. — 13,5‰, в 1821–1830 гг. — 15,2‰). Это тогда был один из самых высоких показателей в Европе.

В 30–40-е годы прирост составил только 10,8% (коэффициент естественного прироста в 1831–1840 гг. — 11,2‰, в 1841–1850 гг. — 8,5%). Это было вызвано эпидемиями холеры 1831, 1847 и 1848 гг. и неурожаями 1831 и 1845–1850 гг. Отрицательное влияние на прирост населения Царства Польского оказало восстание 1830–1831 гг. В результате его неудачи много поляков эмигрировало за границу (в Австрию, Францию, Швейцарию и т.д.). С 1829 по 1831 гг. число жителей Царства Польского уменьшилось на 376 тыс. чел. (в 1829 г. было 4138, в 1831 г. — 3762 и в 1832 г. — 3915 тыс. чел.)[52]. С 1819 по 1838 гг. удельный вес поляков-католиков в Царстве Польском снизился с 81,3 до 79%. Одновременно повысилась доля евреев (с 8,6 до 10,5%) и немцев (с 4,2 до 4,9%)[53].

В 50-е годы Царство Польское находилось в бедственном положении. Неурожаи 1850–1855 гг. и холерная эпидемия начала 50-х годов привели к тому, что в 1851–1856 гг. число жителей уменьшилось на 2,4% (в 1850 г. было учтено 4811, в 1852 г. — 4813, в 1854 г. — 4798, в 1855 г. — 4674, в 1856 г. — 4697 тыс. чел.). Таким образом, с 1851 по 1852 гг. количество жителей уменьшилось на 39 тыс. чел., в 1853 г. — на 15 тыс., в 1854 г. — на 124 тыс. чел.[54] и лишь с 1855 г. начало увеличиваться. В 1851–1860 гг.

коэффициент воспроизводства населения составил в Царстве Польском всего 4,5‰[55]. Межконтинентальная же эмиграция из Царства Польского в страны Нового Света в первой половине XIX в. была незначительна.

На следующем месте по показателям общего прироста жителей стоит Среднее Поволжье. Его население увеличивалось в первой половине XIX в. быстрее, чем по всей стране в рубежах 20-х годов XVIII в. (74,2% к 70,6%). В Казанской (прирост на 80,3%) и Симбирской (на 75,1%) губерниях прирост был выше общероссийского, а в Пензенской (на 65,8%) — ниже. Население района увеличивалось преимущественно благодаря повышенному естественному приросту. Миграции же были невелики. Исключение представляла Пензенская губерния, откуда жители уходили теперь не столько в соседнюю Саратовскую, сколько в более удаленную Оренбургскую и даже Томскую губернии. Данные окладных книг VII — IX ревизий демонстрируют интенсивность миграционных процессов.

Баланс миграций составил в губернии отрицательную величину — 30 тыс. душ м.п. (убыло — 38,3 тыс., прибыло 8,4 тыс.). В общей массе переселенцев в 1815–1854 гг. оказалось 47,4% помещичьих и 42,20% государственных крестьян[56]. В 1856–1859 гг. из губернии убыло 6, а прибыли 0,7 тыс. душ м.п., причем среди выехавших государственные крестьяне составили 79%[57]. Рассмотрим, как росло число жителей районов с невысоким и пониженным общим приростом населения. Прирост в Центрально-Земледельческом районе в первой половине XIX в., был уже ниже среднего по России (64,5% к 70,6%). Противоречивость же района сохраняется. В Воронежской (увеличение на 106%) и Тамбовской (на 83,5%) губерниях прирост оставался высоким. Однако в Тульской (на 30%) и Орловской (на 54,2%) население увеличивалось медленно.

Хотя миграционные процессы в районе в первой половине XIX в. протекали интенсивно, естественный прирост оказывал решающее влияние на движение населения. Он значительно превосходил среднеимперские показатели (см. табл. 14). Данные церковного учета свидетельствуют, что в 1804–1830 гг. естественный прирост был наиболее высок в Воронежской и Тамбовской губерниях, а в остальных он был гораздо ниже. В 30–50-е годы общие показатели воспроизводства населения в районе снижаются. Однако преимущества Воронежской и Тамбовской губерний сохраняются[58]. Если в 1821–1830 гг. естественный прирост в районе равнялся 22,1‰, то в 1831–1840 гг. он понизился до 14,0‰, а в 1841–1850 гг. — до 11,9‰.

Повышенному приросту населения в Воронежской и Тамбовской губерниях по-прежнему способствовали многие обстоятельства. По уровню обеспеченности землей высокого качества они находились на первом месте в районе. При проведении Генерального межевания в 70-х — начале 80-х годов XVIII в. в Воронежской губернии на ревизскую душу м.п. в среднем приходилось 8,8 десятин пашенной и 18,2 десятин всей удобной земли (без леса). В Тамбовской — соответственно 6,3 и 11,3 десятины. В Орловской — 5,8 и 6,9; в Тульской — 5,5 и 6,3; в Курской — 5,0 и 6,4; и в Рязанской — 4,9 и 5,9 десятин[59]. В 1858 г. на ревизскую душу приходилось удобной земли в Воронежской губер-

нии — 6,9 десятин, в Тамбовской — 6,3, в Орловской — 5,4, в Рязанской — 5,6, в Тульской — 4,7 и в Курской — 3,8 десятин. Таким образом, Воронежская губерния и теперь была обеспечена землей почти вдвое лучше, чем Курская или Тульская. В Рязанской, Тульской, Курской и частично Орловской губерниях уже к началу XIX в. не было свободных земель.

Удельный вес частновладельческого населения в Воронежской губернии был самым низким в районе (V ревизия — 35,5%, X —28,5%). Вслед за ней шли Курская (V ревизия — 46,2%, X —40,8%), Тамбовская (V — 49,1%, X — 41,7%), Рязанская (V —68,7%, X — 57,6%) и Тульская — (V — 79,8%, X — 70,6%). Обеспеченность землей и высокий удельный вес крепостного населения продолжали оказывать отрицательное влияние на показатели воспроизводства жителей, в первую очередь, в северных губерниях района.

В первой половине XIX в. Центрально-Черноземный район сыграл решающую роль в заселении Северного Кавказа (Ставропольской губернии), Нижнего Поволжья (Саратовской губернии) и Сибири (Тобольской и Томской губерний). Данные окладных книг V — X ревизий за 1796–1854 гг.[60], а также губернаторские отчеты с 1804 г. содержат лишь сведения о размерах и направлениях легального миграционного движения (ревизских душ). Тем не менее и они характеризуют тенденции протекавших тогда процессов.

Из табл. 20 видно, что в первой половине XIX в. баланс миграций в Центрально-Земледельческом районе дал отрицательную цифру — 253 тыс. душ м.п. (около 500 тыс. душ обоего пола). С учетом нелегальных переселенцев, которые были обнаружены в местах прибытия (Оренбургская, Саратовская, Ставропольская и др. губернии), а также не положенных в подушный оклад мигрантов (не учтенных в окладных книгах) район покинуло не менее 850–900 тыс.чел. Если бы все они не выселились, то общий прирост населения здесь остался бы повышенным.

Окладные книги VII — IX ревизий позволяют определить сословный состав переселенцев (см. табл. 21). Здесь учтено почти 80% общего числа легальных переселенцев 1816–1854 гг. Среди лиц, окончательно покинувших район, преобладали государственные крестьяне. На их долю пришлось 73% (частновладельческих крестьян было только 25,6%). В Воронежской губернии почти все переселенцы состояли из государственных крестьян, в Курской — на их долю приходилось 80,5%, в Тамбовской — 66,8%, в Орловской — 54,4%. И лишь в Рязанской и Тульской доминировали помещичьи крестьяне (соответственно 47,6 и 75,2%). Прибывали же в район преимущественно частновладельческие крестьяне (более 70% всех новоселов). В Рязанской губернии их оказалось 92,7%, в Орловской — 90%, в Тульской — 83,6%, в Тамбовской — 88%, в Воронежской — 55,9%. И только в Курской крепостные крестьяне дали 40,8%, а государственные — 52,6%.

Еще ниже был общий прирост на Правобережной Украине. С V по X ревизию население увеличилось здесь на 52,6%. Быстрее число жителей росло в Киевской губернии (на 69,5%), Подольская занимала промежуточное положение (на 52%), а в Волынской прирост составил только 36%. Характерной особенностью Правобережной Украины был пониженный естественный прирост

и слабое миграционное движение. Естественный прирост сильно уступал общеимперскому. Приток мигрантов из-за рубежа был невелик. С 1800 по 1871 гг. на Правобережную Украину прибыло в основном из Царства Польского, Пруссии и Австрии 44,1 тыс. чел. (в Киевскую губернию 3,3 тыс., в Подольскую — 4,1 тыс., и в Волынскую — 36,7 тыс. чел. обоего пола). Среди иммигрантов наиболее существенным оказалось число немцев и поляков (в Волынскую губернию)[61].

Отрицательное влияние на движение населения в 30–40-х годах XIX в. (между VIII и IX ревизиями) оказала эпидемия холеры, от которой погибло 97 тыс. чел.[62]. На прирост населения тормозящее влияние оказывал и общий кризис феодально-крепостнической системы России. Удельный вес крепостного крестьянства достигал в районе 60% (V ревизия — 72,3%, X — 55,1%).

Примерно на таком же уровне находился Северный район. За анализируемый период число жителей увеличилось в нем на 51,6%. Невысокий прирост вызывался рядом факторов. Следует помнить, что это был район малоплодородный, с холодным климатом. К началу XIX в. на ревизскую душу в Вологодской губернии приходилось всего 2,7 десятин пахотной и 3,7 десятин освоенной удобной земли[63]. Это было намного меньше, чем в любой губернии даже Центрально-Промышленного района, не говоря уже о других, более благоприятных для жизни районах. Не лучше было положение и в соседней Архангельской губернии. Миграции не оказывали на движение населения почти никакого влияния.

Невысоким приростом населения в первой половине XIX в. характеризуется и Прибалтика. С V по X ревизию число жителей здесь увеличилось на 46,4% (в Эстляндии — на 42,3%, в Лифляндии — на 55,4%, в Курляндии — на 36,1%). Миграции в районе были ничтожны. Определяющее влияние на пониженное движение населения района оказал естественный прирост.

Слабо росло население и в соседнем Озерном районе. Повышенный прирост отмечался лишь в Петербургской губернии (на 70,6%). Он даже превышал средний по стране. Новгородская губерния стояла на втором месте (51,2%), Олонецкая — (прирост на 42%) — на третьем. Особое положение занимала Псковская губерния, число жителей которой выросло только на 12,6%. Это был один из самых низких приростов в империи (лишь в Витебской и Могилевской губерниях он оказался еще ниже).

Приток легальных земледельческих переселенцев был невелик. В 1815–1830 гг. превышение прихода над уходом составило только 1,7 тыс. ревизских душ м.п. (в Петербургской губернии прибыль на 3,6 тыс., в Новгородской — на 2,8 тыс., но в Псковской убыль на 4 тыс. и в Олонецкой — на 0,7 тыс. душ м.п.). В 1826–1842 гг. превышение прибыли над убылью равнялось 2,1 тыс. душ м.п. (в Петербургской — на 3,9 тыс., но в Псковской убыло 1,2 тыс., в Олонецкой — 0,5 тыс. и в Новгородской — 0,1 тыс. душ м.п.)[64]. В 40–50-е годы ситуация почти не изменилась. Исключение представляла только Псковская губерния, откуда в Курганский и Ишимский уезды Тобольской губернии в 1846–1847 гг. выбыло 15,2 тыс. чел. государственных крестьян[65]. Наряду с ревизским в Петербург шло много не учитываемого ревизиями люда

(дворян, военнослужащих, отставных чинов и т.д.), что и определило высокие темпы роста населения в этой губернии.

Решающую роль в движении населения района играл естественный прирост. Особенно низким он оказался в 30–50-е годы (1831–1840 гг. 6,05‰, 1841–1850 гг. — 4,1‰, 1851–1860 гг. — 6,5‰). В особенно тяжелом положении находилась Петербургская губерния. С 1804 по 1849 гг. за 45 лет смертность в ней превышала рождаемость в течение 30 лет, а в остальные годы рождаемость лишь незначительно превышала смертность[66]. И только приток мигрантов из других территорий в Петербург позволил этой губернии выйти на первое место в районе.

Интересны данные о росте всего населения Петербурга с учетом неподатного люда и временных жителей, состоящих на постоянном учете в сельской местности (т.е. роста наличного населения). В 1796–1858 гг. число жителей в Петербурге выросло с 219,3 до 500,5 тыс. чел. (на 281,2 тыс. чел.). Естественный прирост в связи с превышением смертности над рождаемостью дал отрицательную цифру — 159,1 тыс. чел. (родилось 673,3, а умерло — 832,4 тыс. чел.). Механический прирост одновременно достиг весьма внушительной цифры — 440,3 тыс. чел.[67]. Высокая смертность наблюдалась обычно среди огромной армии пришлого крестьянского люда. В 1804 г. в Петербурге было учтено 30,8 тыс. чел. дворовых людей (11,6% населения города) и 26,7% тыс. казенных крестьян (10%)[68]. В 1831 г. крестьяне уже составляли 48,1% жителей города (98,1 тыс. дворовые люди и 117,4 тыс. — крестьяне)[69]. В соседних губерниях района естественный прирост был выше.

Ниже, чем в Озерном районе, оказался общий прирост жителей Левобережной Украины. С V по X ревизию население увеличилось здесь всего на 45,3%. Максимальный прирост был зарегистрирован в Харьковской губернии (на 66%), а минимальный — в Полтавской (на 32,9%). Церковная статистика свидетельствует, что естественный прирост в районе был низким (особенно в Харьковской и Черниговской губерниях)[70]. Невысокий общий прирост был обусловлен в первую очередь все же чрезвычайно интенсивным миграционным движением отсюда на заселяемые окраины. Отмечается и дальнейшее снижение показателя естественного прироста в 30–40-е годы XIX в. (В 1831–1840 гг. — 9,0‰, в 1841–1850 гг. — 7,5‰). Это было вызвано, в первую очередь, тяжелым положением крепостного крестьянства, возросшим малоземельем и участившимися неурожаями. Частновладельческое крестьянство достигало на рубеже XIX в. 40,1%, а в 1858 г. — 36,1% населения района. Малоземелье было особенно ощутимо в Полтавской и Черниговской губерниях.

В Полтавской, например, к 40-м годам XIX в. в руках у государственных крестьян, составляющих 56% всего крестьянства, находилось только 27,8% земельного фонда (из 3732 тыс. десятин — 1037 тыс.). На каждую ревизскую душу у государственных крестьян приходилось лишь 2,5 десятин земли[71]. Официальной же минимальной нормой тогда считалось 8 десятин земли на ревизскую душу. Мы указали средние цифры. Фактически же к 40-м годам XIX в. у четверти государственных крестьян Полтавской губернии (у 105 тыс.

душ м.п. при общей численности — 415 тыс. душ) вообще не было своей земли[72]. Это и приводило к отливу жителей в соседнюю Новороссию и на Северный Кавказ. Кроме того, приобретает массовый характер временный уход на заработки в «Новороссийский край, на Дон и в Крым более 80 тыс. человек ежегодно»[73]. В Черниговской губернии положение мало отличалось от Полтавской. Харьковская же, особенно ее южные уезды (Купянский, Старобельский) была обеспечена землей гораздо лучше. Даже в середине XIX в. здесь на ревизскую душу м.п. приходилось более 4 десятин пахотной земли.

Частновладельческие крестьяне в районе имели больше земли, так как дворянство сумело здесь захватить основную ее часть. В Полтавской губернии частновладельческие крестьяне составляли около 44 % всего крестьянства, но обрабатывали 72% земельного фонда. На ревизскую душу у них приходилось 8,3 десятины земли[74]. Поэтому помещики Полтавской губернии не переводили своих крестьян в больших количествах в соседние многоземельные губернии. То же можно сказать и о других губерниях района. Значительные миграции помещичьих крестьян на юг совершались в основном самовольно.

На воспроизводство населения района в конце 40-х годов понижающее влияние оказала эпидемия холеры, унесшая 102,2 тыс. чел. обоего пола (в Полтавской губернии — 35,3 тыс., в Харьковской — 34,2 тыс., в Черниговской — 32,7 тыс. чел.)[75].

Определить размеры миграционного движения в районе затруднительно, так как официальные источники не регистрируют нелегальную переселенческую волну в местах выбытия. Это можно сделать по районам вселения. Мы указывали выше, что Новороссия и Земля Войска Черноморского в первой половине XIX в. заселялась преимущественно за счет выходцев из Левобережной Украины, причем в Новороссии осело 1330 тыс. чел., а в Черномории — 146 тыс., всего 1476 тыс. чел. обоего пола. По данным же окладных книг с 1804 по 1854 гг. из Левобережной Украины легально выселилось 154,6 тыс. душ м.п. или около 310 тыс. чел. обоего пола за вычетом вселившихся в район (см. табл. 22). За период с 1796 по 1803 гг. отсюда вышло еще около 60 тыс. чел. обоего пола[76]. Таким образом, общее число легальных мигрантов составило 370 тыс. чел. Сохранились также данные о количестве нелегальных переселенцев (беглых), учтенных в Новороссии в 1800 и в 1829–1831 гг., когда всем бежавшим было разрешено остаться на новых местах. В 1800 г. таких беглых, преимущественно из Левобережной Украины, было учтено около 30 тыс., а в 1829–1832 гг. — 43 тыс. душ м.п. или 140 тыс. чел. обоего пола[77].

Общую численность мигрантов, выбывших из Левобережной Украины в Новороссию и Черноморию можно определить в 510 тыс. чел. Число иностранцев (немцев, болгар), поселившихся в Новороссии, как указывалось выше, оценивается в 200 тыс. чел. Это означает, что в Новороссии и Черномории осталось еще 766 тыс. чел., о которых нет сведений о местах их выбытия. Часть их следует отнести к молдаванам, которые осваивали Бессарабию в первое время после ее включения в состав России (имеется в виду население запрутского Молдавского княжества), а также — к русским, прибывающим сюда преимущественно из Центрально-Земледельческого района. Однако бес-

спорно, что основную массу этого люда составляли именно беглые из Левобережной Украины, не учтенные поверками, которым удалось остаться на Юге. Видимо, их было примерно 400 тыс. чел. В результате получается, что в первой половине XIX в. Левобережную Украину покинуло около 900–950 тыс. чел. обоего пола и что легальные переселенцы составляли не более 40% общего числа лиц, мигрировавших отсюда.

Таблица 22 показывает, что Левобережную Украину покидали в основном государственные крестьяне (98,3% всей механической убыли). Прибывали же они в небольшом числе (13,7% всех водворившихся в районе). Это были, видимо, возвращенцы, которые так и не смогли закрепиться на новых местах. Помещичьи крестьяне как переселялись в район, так и уезжали из него. Среди вселившихся они составляли 73,8%, а в Харьковской губернии — даже 92,4%. Это не удивительно. Помещики владели в районе большей частью земли и переводили на нее крестьян из других мест. Для расселения же здесь государственных крестьян земли уже не было. У помещичьих крестьян Левобережной Украины существовала традиционная отдушина — нелегальное бегство в соседнюю Новороссию. Далеко не всегда это приводило к желанному освобождению, однако пользовались им широко. Среди учтенных нелегальных переселенцев начала XIX в., прибывших в Новороссию из Левобережной Украины, помещичьи крестьяне составили 37,9%[78]. В числе зарегистрированных нелегальных мигрантов конца 20-х годов XIX в. помещичьих крестьян оказалось уже 70% (29 тыс. душ м.п. к 42,4 тыс.)[79]. Они были вынуждены селиться на земле новороссийских помещиков и закрепощались новыми владельцами.

Невысоким приростом в первой половине XIX в. характеризовался Центрально-Промышленный район. С V по X ревизию число жителей в нем увеличилось на 35,4%. Прирост этот можно считать почти равным естественному, так как миграционное движение в районе в этот период было незначительным. С 1815 по 1830 гг. сюда прибыло 26,3 тыс., а убыло 37,0 тыс. ревизских душ м.п., а с 1826 по 1842 гг. соответственно 34,1 и 48,8 тыс. душ м.п.[80]. Естественный прирост здесь постоянно и значительно уступал среднему по стране. Особенно низким он оказался в 30–50-е годы (1831–1840 гг. — 9,0‰, 1841–1850 гг. — 7,1‰, 1851–1860 гг. — 8,0‰). В очень небольшом числе жители уходили почти из всех губерний. Исключение составляет лишь Московская, куда шел приток мигрантов.

Самый низкий за всю первую половину XIX в. прирост был зафиксирован в Ярославской (на 22,6%), Владимирской (на 25,9%) и Костромской (на 28%) губерниях. Ниже показателя прироста этих губерний опускалось лишь очень небольшое число губерний империи (Витебская, Могилевская, Смоленская, Псковская и Минская). Немного выше он оказался в Калужской (на 32%) и Нижегородской (на 38,8%) губерниях. И лишь в Московской и Тверской (прирост на 47,5% в каждой) положение оказалось более благоприятным.

Таким образом, в первой половине XIX в. население района росло почти также медленно, как и в XVIII в., когда за 76 лет с 1719 по 1796 гг. оно увеличилось на 36,8% (с 4640 до 6349 тыс. чел. обоего пола). Всего за 139 лет с

1719 по 1858 гг. общий прирост в районе составил 85,3%. В XVIII в. на него влиял отток частновладельческого населения. В начале XIX в. оказала свое отрицательное воздействие Отечественная война 1812 г., которая непосредственно велась в Калужской и Московской губерниях.

Постоянное понижающее влияние оказывали неблагоприятные почвенно-климатические условия, малоземелье и сильно возросший с начала XIX в. уход на отхожие промыслы взрослого мужского населения. Оно шло из сельских местностей в Москву и на промышленные предприятия Владимирской, Ярославской и Нижегородской губерний. В 1778 г. в Москве было учтено крестьян 53,7 тыс. чел., обоего пола (30,7% всего населения), а дворовых людей — 61,3 тыс. (35%). Они составляли 65,7% жителей Москвы[81]. В 1828 г. в Москве оказалось 55,5 тыс. дворовых людей (19,8%), 47,9 тыс. государственных крестьян (17,1%) и 50,2 тыс. помещичьих крестьян (17,9%). Таким образом, теперь крестьяне и дворовые люди достигали почти 55% жителей города[82].

Нельзя не учитывать того, что Центрально-Промышленный район являлся цитаделью крепостничества. По V ревизии частновладельческих крестьян здесь было около 70%, а по X — 60% всего населения.

Все это привело к тому, что население Центрально-Промышленного района росло вдвое медленнее, чем по всей стране в границах 20-х годов XVIII в. Среднегодовой естественный прирост равнялся здесь в 1844–1860 гг. (в %) 0,8%, в Центрально-Земледельческом — 1,3%, в Нижнем Поволжье — 1,7%, в Новороссии — 1,6% и т.д.[83]. В результате резко понижается удельный вес жителей Центрально-Промышленного района по отношению к общему народонаселению России (в границах 20-х годов XVIII в.). В 1719 г. здесь проживало около трети всего населения страны (29,5%), в 1795 г. — уже немногим более одной пятой (21,8%), а в 1858 г. — около одной шестой (16,9%). В 1897 г. в районе проживало уже только 13,8%, а в 1917 г. — 13,5% населения страны[84].

Однако самый низкий прирост в первой половине XIX в. был зафиксирован в Белорусско-Литовском районе. С V по X ревизию число жителей здесь выросло только на 27,7%, причем заметный прирост наблюдался лишь между VII и VIII ревизиями (на 27,2%), а в остальные периоды население либо убывало (с V по VII ревизию сокращение на 6,6%), либо увеличивалось крайне незначительно (с VIII по IX ревизию — на 3,1%, с IX по X — на 3,6%). Естественный прирост в районе сильно уступал среднему по стране. Особенно низким он был в 1811–1820 гг. (4,8‰), в 1831–1840 гг. (6,0‰) и в 1841–1850 гг. (9,0‰). До 40-х годов он оказался даже ниже, чем в Центрально-Промышленном районе.

Переселенческое движение в Белорусско-Литовском районе было весьма небольшим. Поэтому именно естественный прирост оказал решающее влияние на движение населения. Район характеризовался неблагоприятными почвенно-климатическими условиями, отсутствием свободных земель и частыми недородами. Кризис феодально-крепостнической системы

проявился здесь с наибольшей силой, так как к экономическому гнету добавлялся национальный (помещики в основном являлись поляками).

Отечественная война 1812 г. бесспорно оказала отрицательное влияние на воспроизводство населения. В 1812–1813 гг. смертность здесь повсеместно превышала рождаемость[85]. Однако было бы ошибочно полагать, что именно эта война сыграла решающую роль в снижении показателей воспроизводства населения. Она лишь обострила и углубила уже существующие кризисные явления. Церковная статистика свидетельствует о том, что естественный прирост в районе был низок уже с рубежа XIX в., а в 1807–1808 гг. смертность превышала рождаемость. В 1844–1860 гг. среднегодовой естественный прирост в районе составил только 0,70‰ (в Центрально-Промышленном районе он равнялся 0,76‰)[86].

Драматическая демографическая ситуация сложилась в Восточной Белоруссии (в Витебской и Могилевской губерниях), где за 63 года население почти не увеличилось (прирост равнялся в Витебской — 7,8%, в Могилевской — 11,4%). Нигде больше в России не отмечалось столь незначительного прироста. Данные церковной статистики показывают, что в 1804–1849 гг. (за 45 лет) смертность здесь превышала рождаемость в течение 15 лет.

Лишь немногим было лучше положение в Смоленской (прирост на 17%) и Минской (на 23,2%) губерниях. В Гродненской (прирост на 39%) и Виленской (на 55,7%) показатели воспроизводства населения были более высоки. В Виленской гораздо быстрее росло население литовских уездов. В Браславском оно увеличилось на 205%, в Ковенском — на 218%. Природно-климатические условия были здесь более благоприятными для проживания, а удельный вес частновладельческого населения — самым низким в районе.

Нам осталось проанализировать значительную армянскую иммиграцию в Закавказье с конца 20-х годов XIX в., так как это повлияло на долю русского этноса империи. Как известно, к началу XIX в. подавляющая часть армянского народа расселялась на территории Турции (1,6 млн. чел., в том числе в европейской части — около 100 тыс.). Помимо того в Персии было учтено около 70 тыс. армян, в Египте — 3 тыс., в Афганистане — 2,5 тыс. Почти 13 тыс. армян было зарегистрировано в Австрийской империи (в том числе в Галиции — 5,8 тыс., Венгрии — 1 тыс., Трансильвании — 5,5 тыс.)[87]. В России в начале 20-х годов было зарегистрировано 133 тыс. армян (в том числе в азиатской части около 107 тыс.). Таким образом, общая численность армян в мире в начале XIX в. не превышала 2 млн. чел., причем более 80% их расселялось на территории Турции.

В течение XIX–XX вв. произошли большие изменения в географическом размещении армянского народа. Во-первых, на протяжении XIX в. значительные территории, населенные армянами, вошли в состав Российской империи. Присоединение к России армянских земель, входивших в состав Персии, завершилось в концу 20-х годов XIX в. (Первоначально Карабах, затем в 1828 г. Эриванское и Нахичеванское ханства). Включение же в состав России турецких территорий, населенных армянами, началось в конце 20-х годов XIX в. (Ахалцих и Ахалкалаки вошли в 1829 г., Карсская область — в 1878 г.). Однако

большая часть армянских земель, входивших в состав Турции, так и не была воссоединена с Россией. Во-вторых, с конца 20-х годов XIX в. отмечается постоянный приток армянских мигрантов в Россию, сначала из Персии, а затем — Турции.

Отметим, как протекали эти процессы в первой половине XIX в. Массовое переселение армян в Закавказье произошло в конце 20-х — начале 30-х годов XIX в. В 1828–1830 гг. более 40 тыс. персидских, а в 1830 г. — около 85 тыс. турецких армян прибыло в Россию. Они были поселены на землях Елисаветпольской (в Шушенском уезде), Эриванской и Тифлиской губерниях (в Тифлисском, Борчалинском, Ахалцихском и Ахалкалакском уездах)[88]. Им было отведено более 200 тыс. десятин казенных земель и куплено более чем на 2 млн. руб. частновладельческих земель у азербайджанцев. Фактически армян прибыло гораздо больше (с неофициальными мигрантами) — около 200 тыс. чел.[89]. К началу переселения армян в Закавказье было немного (около 107 тыс. в Закавказье, 133 тыс. во всей России). В Карабахе они составляли 32,4% всего населения, в будущей Армянской области в 1828 г. — 30,7% (25,2 тыс. чел.), в Тифлисской губернии их было также мало (46,3 тыс.чел. или 25,4%). Благодаря миграции численность армян в 1834 г. поднялась в России до 303,5 тыс. чел., а в Закавказье — до 262,7 тыс. В Эриванской губернии их удельный вес возрос до 57,7%, в Елисаветпольской — до 24,1%.

Интересны данные о заселении армянами территории Армянской области в 1828–1830 гг. К началу 1828 г. здесь проживало 107,2 тыс.чел., из которых армян было 25,2 тыс. (23,5%), а азербайджанцев — 82 тыс. (76,5%). В 1828–1829 гг. сюда официально прибыло из Персии 35,6 тыс. чел., в из Турции в 1830 г. — 21,6 тыс.чел. армян. В 1830 г. их было тут 82 тыс. чел., что составило 50,1% всех жителей области[90]. Затем в 30–50-е годы XIX в. массовых переселений армян в Россию не проводилось. В небольшом числе они постоянно переселяются в Россию. Баланс миграций между Россией и Турцией составил в 40-е годы +4,8 тыс. чел., а в 50-е годы +26,8 тыс. чел. (см. табл. 17). К 60-м гг. XIX в. в России проживало уже более 530 тыс. чел. армян, из которых почти 480 тыс. — в Закавказье. Удельный вес армян здесь с 1834 по 1858 гг. повысился с 14,7 до 16,9%, а во всей империи — с 0,5 до 0,7%. В Эриванской губернии доля армян снижается (с 57,7 до 50,9%), однако в других губерниях района отмечается большой ее рост (в Тифлисской с 14,7 до 21,3%, Елисаветпольской — с 24,1 до 29,5%, Бакинской — с 4,7 до 5%).

Таким образом, за пределы Европы из внутренних губерний России в первой половине XIX в. (в 1795–1858 гг.) выехало в Сибирь около 520 тыс. чел., почти исключительно русских жителей, из которых более 67% (350 тыс.) пришлось на ссыльных. В США же в этот период мигрировало только 3,1 тыс. чел. (1,5 тыс. собственно из России и 1,6 тыс. — из Царства Польского). Эти данные не идут ни в какое сравнение с миграционной волной в страны Нового Света из других государств Европы. Таблица 23 показывает, что в 1801–1850 гг. из Европы в заморские страны выехало 3762,2 тыс. чел. На первом месте стояла Великобритания — 2513,4 тыс. чел., или 66,8% всех мигрантов. За ней шла Германия — 997,3 или 26,5%. Из прочих стран отлив тог-

да еще был невелик. Если мы включим в состав межконтинентальных миграций 1801–1860 гг. отток жителей из Европейской России, то общая цифра потерь Европы от выселений в эти годы составит 7591 тыс. чел. (7071,0 и 520 тыс. чел.). Тогда доля России в этом процессе достигнет 6,9%.

Выводы

Рассматривая в целом XVIII — середину XIX вв., можно сделать следующие выводы:

1. В XVIII — середине XIX вв. отмечается исключительно интенсивное заселение и хозяйственное освоение народами России окраинных слабозаселенных и малоосвоенных районов. В XVIII в. заселялись в первую очередь Среднее Поволжье, Центрально-Черноземный район, а также Новороссия, Северное и Южное Приуралье и Нижнее Поволжье. На окраины убыло не менее 1,5 млн. чел. (20–30-е годы XVIII в. — 400 тыс., 40–50-е годы — 440 тыс., 60–70-е годы — 340 тыс., 80–90-е годы — 320 тыс. чел.). Основными районами выселения первоначально были Центрально-Промышленный, Озерный и северная половина Центрально-Земледельческого района. С середины XVIII в. к ним присоединилось Среднее Поволжье.

Иммиграция в XVIII в. была невелика и не превысила 100 тыс. чел. (немецкие колонисты — около 40 тыс., молдаване, сербы — 60 тыс. чел.). Эмиграция же превзошла 400 тыс. чел. (крымские татары — около 200 тыс., калмыки — 200 тыс., запорожские казаки — 10 тыс. и небольшое число русских старообрядцев). Таким образом, баланс внешних миграций дал в XVIII в. отрицательную величину — около 300 тыс. чел. (выбыло в Джунгарию 200 тыс. калмыков и в европейскую Турцию несколько более 200 тыс. татар: прибыло 40 тыс. немцев в Нижнее Поволжье и Новороссию и 60 тыс. молдаван, сербов, арнаутов — в Новороссию). В результате заселяемые районы получили 1,5 млн. мигрантов и потеряли — 0,4 млн., а в целом все же приобрели 1,1 млн. новых жителей, преимущественно русских.

В первой половине XIX в. заселялись в основном Новороссия (особенно до 30-х годов XIX в.), Южное Приуралье, Нижнее Поволжье и Северный Кавказ (с конца XVIII в.). С 40-х годов к ним присоединяется Сибирь.

Новороссия заселялось преимущественно за счет украинцев Левобережной Украины. В конце XVIII и даже в первой трети XIX в. царские власти не раз принимали решение оставить здесь всех беглых (включая и крепостных), что ускорило процесс освоения района. Это диктовалось необходимостью быстрее заселить пограничный район, на который могла претендовать соседняя Турция. В таких условиях интересы отдельных феодалов-крепостников (преимущественно Левобережной Украины) приносились в жертву интересам всего государства. С середины 30-х годов XIX в. значение Новороссии как ведущего заселяемого района империи снижается, но только в 50-е годы Сибирь опережает ее и временно выходит на первое место в стране.

Второе и третье место по интенсивности заселения, в основном русскими, делят Северный Кавказ и Сибирь. Значение их последовательно увеличива-

лось. Так, в Сибирь в 1796–1815 гг. прибыло 3,6%, в 1816–1835 гг. — 13,4%, в 1836–1850 гг. — 24,5% и в 2851–1858 гг. — 34,1% всех мигрантов. На Северном Кавказе большая часть переселенцев водворялась в Кавказской (Ставропольской) губернии. Земля же Войска Черноморского не привлекала еще большого числа новоселов.

Нижнее Поволжье успешно осваивалось до 50-х годов XIX в., но особенно высокой его роль была в начале XIX в. Астраханская губерния почти не заселялась. Лишь на рубеже XIX в. сюда перешло более 120 тыс. казахов Букеевской орды, которые заняли земли, освободившиеся в 1771 г. после ухода отсюда в Джунгарию подавляющей части калмыков. В Саратовскую же губернию переселилось около 290 тыс. новоселов.

Южное Приуралье (Оренбургская губерния) особенно быстро заселяется до 50-х годов XIX в. В первой половине XIX в. здесь разместилось 440 тыс. чел. обоего пола крестьян. Это было в основном русское население, в силу чего удельный вес русских в районе вырос с 40,8% по V ревизии до 53,1% — по X.

Всего в пять интенсивно осваиваемых районов страны с V по X ревизиию мигрировало не менее 3,3 млн. чел. (в Новороссию 1,3 млн., на Северный Кавказ, в Сибирь и в Южное Приуралье по 0,5 млн., в Нижнее Поволжье — 0,4 млн.). Кроме того, в Закавказье прибыло около 200 тыс. армян. Всего 3,5 млн. чел. А в целом в XVIII — середине XIX вв. на окраины выбыло около 5 млн. чел.

2. Подавляющая часть переселенцев вышла из Левобережной Украины и центральных районов России (Центрально-Земледельческого, отчасти Центрально-Промышленного), а также из Среднего Поволжья. Новороссию осваивали преимущественно украинцы, выходцы из Левобережной Украины и, частично, западной Молдавии и Болгарии. Второстепенное значение имел приток русских (в основном из Курской и Воронежской губерний) на Дон, в материковую часть Таврической губернии, а также в Бахмутский и Славяносербский уезды Екатеринославской губернии. В Нижнее Поволжье шли в основном русские — выходцы из Центрально-Земледельческого района, а также казахи. На Северный Кавказ переселялись преимущественно русские из Центрально-Земледельческого района и украинцы — из Левобережной Украины. Южное Приуралье заселяли в основном русские Озерного и Центрально-Земледельческого района, а также Среднего Поволжья.

Иммиграция в первой половине XIX в. не была большой. В страну прибыло около 450 тыс. чел. (немцев — 115 тыс., армян — 200 тыс., болгар, гагаузов и греков — 135 тыс.). Немцы, болгары и греки заселяли в основном Новороссию, а армяне — Закавказье, а всего в XVIII — середине XIX вв. в Россию прибыло из-за рубежа около 550 тыс. чел. Эмиграция из России затронула преимущественно поляков Царства Польского (около 400 тыс. чел.). Однако позже многие из них вернулись на родину. В целом же в XVIII — середине XIX вв. из России эмигрировало до 700 тыс. чел. Два эти миграционные потока почти уравнялись и эмиграция превысила иммиграцию лишь на 150–200 тыс.чел.

3. Царизм не делал в своей миграционной политике различий между народностями страны. Различные народы империи принимали участие в заселении и хозяйственном освоении окраинных территорий, хотя большую часть переселенцев дали русские и украинцы. Неславянские народы России были включены в основном в разряд государственных крестьян. Это открыло перед ними сравнительно широкие возможности заселять окраины страны. Ими в должной мере воспользовались татары, мордва, чуваши, молдаване, а из иностранных выходцев — болгары, греки и армяне.

4. Крепостничество оказало отрицательное влияние на заселение окраин страны, особенно с конца XVIII в., когда здесь прекратилась в больших масштабах раздача земель частным владельцам. В XVIII в. крепостное крестьянство приняло весьма активное участие в заселении Центрально-Черноземного района, Среднего и Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Новороссии. В XIX в. ситуация меняется. Земли на окраинах помещикам теперь почти не отводятся. Да и удельный вес частновладельческого люда быстро падает, составляя в середине XIX в. около трети населения страны. Поэтому уменьшается и тормозящее влияние этого фактора. Тем не менее, для ряда районов крепостничество остается непреодолимым тормозом на пути миграции (Правобережная Украина, Белоруссия, Литва, Центрально-Промышленный, а отчасти и Центрально-Земледельческий район).

Если в XVIII в. на окраины мигрировало еще много закрепощенного люда, то в первой половине XIX в. туда переселяются преимущественно государственные крестьяне. Среди лиц, легально покинувших в 1804–1854 гг. Центрально-Земледельческий район (около 510 тыс. чел.), государственных крестьян оказалось 73,1% (помещичьих же только 25,6%). Еще более впечатляющими оказались цифры по Левобережной Украине — (государственных 98%, а помещичьих — 2%).

5. С начала XIX в. в общем миграционном движении ведущая роль принадлежит уже легальным, официально дозволенным переселениям. Лишь в ряде районов в отдельные годы стихийное миграционное движение (с большим числом частновладельческого люда) выдвигается на первый план (в 1800 и 1829 гг. — в Новороссии, в 1830–1832 гг. — Южном Приуралье).

6. Несмотря на высокие темпы переселенческого движения, решающую роль в приросте числа жителей играло воспроизводство их. В России оно было значительно выше, чем в целом в Европе и в большинстве европейских стран. Лишь в отдельных, особенно интенсивно заселяемых районах с небольшим населением миграции имели решающее значение в деле увеличения их народонаселения (Новороссия, Северный Кавказ в XVIII — начале XIX вв.). Обычно в районах интенсивного заселения (кроме самых начальных периодов, когда среди новоселов отмечалась высокая смертность) наблюдается и самый высокий уровень естественного прироста. Им были присущи относительная слабость феодально-крепостническго ига, благоприятные природно-климатические условия, а нередко и выгодное географическое положение. Во всяком случае именно в Новороссии, Южном Приуралье, Нижнем Поволжье,

южной части Центрально-Земледельческого района, в Сибири, куда шла подавляющая часть мигрантов, был и самый высокий естественный прирост. Именно этим районам Россия обязана высоким показателем воспроизводства населения.

7. В XVIII — середине XIX вв. народы Российской империи успешно заселяли и осваивали окраинные районы Европейской части страны. Эмиграция и иммиграция также, как правило, протекала в этих районах. В освоении частей света Россия тогда не играла заметной роли. Народами России осваивалась только Сибирь, и то преимущественно ссыльнопоселенцами. В первой половине XIX в. доля России в заселении новых частей света и Азии (Сибири) государствами Европы достигала примерно 7%.

2. Изменения в численности и расселении русского этноса в России в первой половине XIX в.

В течение первой половины XIX в. в численности и размещении русского этноса в Российской империи, а также в границах современной России и бывшего СССР произошли значительные изменения.

На территории бывшего СССР численность русских с 1795 по 1858 гг. увеличилась с 20118 до 34783 тыс. чел. или на 72,9%, а удельный вес повысился с 44,8 до 45,6%. Однако на территории России русское население возросло с 19713 до 33547 тыс. чел. или на 70,2%, а доля снизилась с 81,6 до 80,6%. Точно так же и на землях России в границах 20-х годов XVIII в. (I ревизии) удельный вес русских понизился с 68,5 до 67,3%. В начале XIX в. он упал незначительно (V ревизия — 68,5%, VII — 67,9%). Между VII и VIII ревизиями он даже повышался (с 67,9 до 68,0%), между VIII и IX оставался неизменным, но с IX по X ревизию вновь снизился с 68,0 до 67,3%.

Подобное снижение доли русского этноса в основном на землях, где он сформировался, было вызвано в первую очередь перемещениями значительных групп русского населения за пределы нынешних границ России, неизменных рубежей страны 20-х годов XVIII в., более высоким естественным приростом у нерусского населения окраин.

Действительно, за пределами нынешних границ современной России в 1795 г. размещалось 406 тыс. русских (2,0% их общего числа), а в 1858 г. уже 1236 тыс. чел. (3,6%). На землях современной Украины в 1795 г. проживало около 250 тыс. русских, а в 1858 г. уже 759 тыс. и удельный вес их тут за эти годы повысился с 2,4 до 4,5%. В Белоруссии численность русских между V и X ревизиями выросла с 40 до 69 тыс. чел., а доля с 1,2 до 1,5%. В Казахстане вообще в XVIII в. русских было 84 тыс. чел. (5,6% всего населения), а в 1858 г. — 237 тыс. (8%). В Латвии русские составляли в 1795г. — 3,1% (27 тыс.), а в 1858 г. — 5,7% всего населения (72 тыс.). В других республиках их в первой половине XIX в. было еще мало (см. табл. 1).

По отношению ко всему русскому населению в границах СССР и его республик (см. табл. 4) удельный вес русских в течение первой половины

XIX в. снизился в нынешней России (с 96,9 до 96,4%), остался неизменным на Украине (2,4%) и в Белоруссии (0,2%) и повысился в Казахстане (с 0,4 до 0,7%) и Прибалтике.

Основная часть русского населения была сконцентрирована в трех регионах: Центрально-Промышленном, Озерном и Северном. Здесь на их долю приходилось более 90% всего населения. По V ревизии в этих регионах проживало 43,5%, по VIII — 37,5% и по X — 34,4% всех русских империи. Тем не менее, в первой половине XIX в. снижается доля русского населения как для всех этих регионов, так и для каждого в отдельности.

В Центрально-Промышленном регионе на долю русских приходилось более 95% всего населения (1795 г. — 96,2%, 1859 г. — 95,4%). Во Владимирской, Ярославской, Московской, Калужской и Костромской губерниях русских было более 99%. И лишь на окраинах Нижегородской и Тверской их доля оказалась более низкой. В Нижегородской губернии русских было по V ревизии — 92,9%, по X — 87,6%, а в Тверской соответственно 83,2% и 85,2%. В то же время, в первой половине XIX в. прирост населения в этих губерниях оказался самым высоким. В Нижегородской губернии проживало немало мордвы, а в Тверской — карел и белоруссов. В Тверской губернии, единственной в регионе, удельный вес русских в первой половине XIX в. повысился. Здесь уже в дореформенный период отмечается ассимиляционный процесс. Белорусскоязычные жители Ржевского и Осташковского уездов постепенно забывают свой язык, превращаясь в русских. В Нижегородской губернии, напротив, доля русских понизилась за счет мордвы (прирост с 4,9 до 9,1%) и татар (с 1,8 до 2,7%). Это, отчасти, объясняется тем фактом, что в 50-е годы русская статистика стала ориентироваться не на этническое происхождение, а на язык населения.

Главным образом в силу пониженного естественного прироста удельный вес русских региона ко всем русским империи в первой половине XIX в. сильно понизился. Действительно, показатели воспроизводства составили в 1804–1840 гг. в регионе 15,0‰ (в России — 17,0‰), в 1811–1820 гг. соответственно 11,0 и 14,5‰, в 1821–1830 гг. — 11,3 и 17,5‰, в 1831–1840 гг. — 9,0 и 13,5‰, в 1841–1850 гг. — 7,1 и 10,0‰, в 1851–1860 гг. — 8,0 и 12,0‰. Он ни разу даже не приблизился к общероссийским показателям (см. табл. 14). Поэтому в 1795 г. в Центрально-Промышленном регионе проживало 30,3% всех русских империи, в 1815 г. — 27,7%, в 1834 г. — 25,9%, в 1850 г. — 24,5% и в 1858 г. — 23,6%. Если в конце XVII в. здесь жила почти половина всех русских страны, то в 1858 г. — менее четверти.

В Северном регионе удельный вес русских также превышал 90% (V ревизия — 91,3%, VIII — 90,8%, X — 90,1%). Однако и здесь он понизился в первой половине XIX в. В Архангельской губернии процент русских был меньшим и снизился сильнее (V ревизия — 89,2%, X — 86,7%). В Вологодской он был выше и понизился слабее (V ревизия — 92%, X — 91%). Миграция за пределы региона была незначительна и изменения в удельном весе русских вызывались главным образом более низким естественным приростом у

них. В Вологодской губернии в первой половине XIX в. быстрее росло коми-зырянское население (V ревизия – 8%, X – 8,3%). В Архангельской губернии также существенно увеличился процент коми-зырян и ненцев. Пониженный естественный прирост в регионе привел к тому, что доля русских здесь ко всему русскому населению империи с 1796 по 1858 гг. снизилась с 3,6 до 3,2%.

В Озерном регионе удельный вес русских с V по X ревизию снизился еще более резко (с 92,1 до 88,4%). Почти чисто русскими были Псковская и Новгородская губернии. В Новгородской – процент русских в эти годы даже повысился (V ревизия – 95,2%, VIII – 95,8%, X – 95,6%). Среди абсолютно преобладающего здесь русского населения в небольшом числе проживали карелы и чудь, которые подверглись сильному обрусению уже в дореформенный период.

В Псковской губернии русские составляли более 98% населения (V ревизия – 98,8%, VII – 98,2%, X – 98,2%), однако и здесь удельный вес их понизился. Это объясняется усилившимся притоком переселенцев – эстонцев и латышей – в Псковский, Островский и Опочецкий уезды. Однако массовый характер этот процесс приобрел уже в пореформенный период. Естественный же прирост в губернии был крайне низким (в 1804–1810 гг. – 8,9‰, в 1811–1820 гг. – 7,1‰, в 1821–1830 гг. – 12,3‰, в 1831–1840 гг. – 8,8‰, в 1841–1850 гг. – 3,5‰, в 1851–1860 гг. – 10,1‰).

В Петербургской губернии русское население достигало 80% (V ревизия – 86,5%, VIII – 77,5%, X – 78,9%). Удельный вес русских снижался в первой трети XIX в., а с VIII по X ревизию даже повысился. Это связано с усилившимся притоком русских в Петербург, а также ассимиляцией некоторых мелких народностей (ижоры, вепсов). В Олонецкой губернии русских было примерно три четверти (V ревизия – 78,6%, VIII – 78,2%, X – 76,3%). Падение удельного веса русских в Озерном регионе способствовало и снижению доли русских здесь ко всем русским в стране. В 1795 г. здесь размещалось 9,5% всех русских империи, в 1850 г. – 7,9% и в 1858 г. – 7,7%.

Вслед за рассмотренными регионами следует Центрально-Земледельческий и Северное Приуралье, где русских было около 86%. В Центрально-Земледельческом регионе в большинстве губерний русские составляли более 95%: в Тульской их было почти 100%, в Рязанской – 99%, в Орловской – 98%, в Тамбовской – 95%. В Курской и Воронежской губерниях доля русских была меньшей. Они проживали здесь вместе с украинцами. В Курской русских было около трех четвертей (V – 73,2%, VIII – 76,9%, X – 77,5%) и их удельный вес в первой половине XIX в. повысился и таким и оставался в пореформенный период (1897 г. – 77,3%, 1920 г. – 76,2%)[91].

Для этой губернии было характерно раздельное проживание русского и украинского населения. Украинцы занимали преимущественно южные уезды (Грайворонский, Новооскольский), а русские – северные (Щигревский, Фатежский, Льговский, Дмитриевский), причем сколько-нибудь заметная русская ассимиляция имела место лишь в уездах, где малочисленные украинцы были разбросаны среди преобладающего русского населения (в Курском,

Тимском, Обоянском), а в остальных эти народы проживали сплошными отдельными массами и мало общались между собой. Подполковник Дуброво и капитан Рельи, авторы «Обозрения Курской губернии» за 1847 г., отмечали, что «редко русские вступают в брак с малороссами и обратно; от этого надо полагать, что долго еще эти два племени не сольются совершенно»[92]. Рост доли русских в губернии объясняется, главным образом тем, что в выселении отсюда на окраины более активную роль играли уезды, населенные в основном украинцами. Все сказанное показывет, что сильный приток украинцев Слободской Украины в Курскую губернию, приведший к расширению здесь украинской этнической территории, теперь прекратился и этнические границы между русскими и украинцами определились.

В Воронежской губернии русские лишь немного превышали 60% (V ревизия — 62,1%, VIII — 62,8%, X — 61,7%), причем такое же отношение существовало и в конце XIX в. — начале XX в. (В 1897 г. доля русских равнялась 63,8%, а в 1920 г. —64,3%)[93]. В южных и, частично, центральных уездах проживало украинское население (они преобладали в Острогожском, Павловском, Валуйском, Бирюченском и Богучарском уездах), и лишь в двух уездах — Задонском и Нижнедевицком украинцев не было совсем. Ассимиляция в губернии в течение всего XIX в. также не получила широкого распространения[94]. Поэтому небольшое снижение удельного веса русского населения в первой половине XIX в. следует объяснять более низким естественным приростом в северных русских уездах, где в большей мере ощущался недостаток земли и феодально-крепостнический гнет (было шире распространено крепостничество).

В целом регион остался преимущественно русским. Естественный прирост здесь был высоким, но осуществлялся массовый отток мигрантов на окраины. В результате взаимодействия этих факторов удельный вес русских в регионе все же немного понизился. До 20-х годов XIX в. удельный вес русских региона ко всему русскому населению империи рос (V ревизия — 26,1%, VII — 26,3%), но затем начал снижаться (VIII ревизия — 25,9%, IX — 24,4%, X — 24,6%).

В Северном Приуралье русские составляли около 85% населения (V ревизия — 84,0%, VIII — 84,8%, X — 85,1%). Удельный вес их здесь в первой половине XIX в. повышался. В Пермской губернии русских было более 90% (V ревизия — 91,9%, X — 90,7%), а в Вятской — несколько менее 80% (V — 76,2%, X —79,7%).

В Вятской губернии уже в первой половине XIX в. наблюдался процесс постепенного обрусения коренного населения — удмуртов и черемисов (марийцев). Ф.Корнилов в описании Слободского уезда Вятской губернии писал, что «вотяки Слободского уезда, отделенные от своих сородичей, глазовских и других вотяков, русскими селениями... во многом утратили уже свою народность. Они до того обрусели, что не пользуются даже правом курения своего напитка — кумышки»[95].

В Пермской губернии наблюдалась та же тендеция. В первой половине XIX в. усилился процесс обрусения коми-пермяцкого населения. В.Хлопин в

статье о пермяках в середине XIX в. пишет: «Главная причина малочисленности пермяков в настоящее время есть постепенное и быстрое слияние этого племени с русскими. Пермяки живут частию в одних селениях с русскими, частию отдельно. Первые до того утратили свою национальную физиономию, что их очень трудно отличить от настоящих русских»[96]. Именно поэтому пермяки составляли в начале XIX в. около 4%, а в 1858 г. — 3% жителей Пермской губернии. Точно также в губернии понизился удельный вес марийцев (V ревизия — 0,6%, X — 0,5%). Однако одновременно с этим сильно повысилась доля татар и башкир, которые почти не подвергались ассимиляции. Именно быстрый рост татарского и башкирского населения сократил удельный вес русских в губернии. А в целом доля русских региона ко всему русскому населению в империи повысилась с 8,1 до 8,5% (см. табл. 6).

Около 70% всего населения Нижнего Поволжья составляли русские. В Саратовской губернии русские к концу анализируемого периода составляли более 77%, в Самарской — 68%, а в Астраханской — лишь около трети (37%). Нижнее Поволжье принадлежало к регионам весьма интенсивного заселения, однако в его освоении наряду с русскими принимали участие украинцы, немецкие колонисты и казахи Малой Орды. Тем не менее, удельный вес русских в первой половине XIX в. здесь повысился с 66,7 до 67,5%. В Саратовской губернии он повысился с 72,7 до 77,2% общего народонаселения, а в Самарской — снизился с 68,0 до 66,8%. Это было связано как с более интенсивным притоком в регион русских мигрантов, так и с ассимиляцией русскими национальных меньшинств.

Так, полковник Безносиков в «Обозрении Саратовской губернии» за 1847 г. указывает, что малороссияне забывают свой язык и перенимают чисто великороссийский и, оставляя свой прежний костюм, меняют его на одежду русских крестьян[97]. В «Списке населенных мест Саратовской губернии за 1859 г.» отмечается, что в «Сердобском уезде инородцы (мещера) совершенно обрусели и сохраняют только некоторые особенности в костюме», что «малороссы сильно обрусели», что «мордва чрезвычайно обрусела», а «чуваши более упорно схраняют свою народность». В Балашевском уезде «мордва чрезвычайно обрусела, забыла свой язык, и в настоящее время доживают немногие старики еще изредка между собою в задушевных беседах говорящие по-мордовски»[98].

В Астраханской губернии невысокий процент русских был связан с переселением туда на рубеже XIX в. большого числа казахов (так называемой Букеевской Орды), причем первое время казахи в больших количествах нередко откочевывали за Урал и возвращались обратно. Тем не менее, именно здесь в начале XIX в. отмечается резкое сокращение русской этнической территории. После откочевки в Джунгарию в начале 70-х годов XVIII в. большого числа калмыков здесь по реке Уралу сохранилось лишь немногочисленное русское по национальной принадлежности Уральское казачье войско. Граница с казахами проходила по р. Уралу. С 1801 г. она, после того как Павел I отдал эти земли казахской Букеевской

орде, переместилась на Волгу, хотя по реке Уралу и сейчас проживает много русских (34% всего населения Уральской области).

В Сибири доля русского населения в течение первой половины XIX в. выросла от 68,9 до 74,1%. Это было обусловлено более высоким уровнем прироста у русского крестьянства главным образом Западной Сибири, переводом в Сибирь большого числа ссыльных из Центра и усилившимся заселением этого региона с середины 40-х годов XIX в. Так, в Западной Сибири естественный прирост равнялся в 1804–1810 гг. 29,8‰ (в России — 17,0‰), в 1811–1820 гг. — 26,8‰, (14,5‰), в 1821–1830 гг. — 24,0‰ (17,5‰), в 1831–1840 гг. — 29,4‰ (13,5‰), в 1841–1850 гг. — 23,1‰ (10,0‰) и в 1851–1860 гг. — 19,8‰ (12,0‰).

Именно в первой половине XIX в. русский этнос стал преобладать в Восточной Сибири (1795 г. — 47,3%, в 1858 г. — 53,9% всего населения), несмотря на включение в ее состав Дальнего Востока. Русские стали доминировать в Забайкальской области (1795 — 48,8%, 1858 г. — 60,6%). Доля русских осталась невысокой на севере Восточной Сибири, мало или совсем непригодной для земледелия (в Якутии число русских достигло в 1858 г. — 3,8% всех жителей, в Камчатской области — 26,9%), а также в областях Дальнего Востока, заселение которых только началось. На Аляске русских было очень мало. Во всей Сибири с Дальним Востоком в 1858 г. русские составили уже три четверти всего ее населения. Повысился и удельный вес русских Сибири ко всему русскому населению всей страны с 4,1 до 6,5%.

В Среднем Поволжье в первой половине XIX в. удельный вес русских почти не изменился (V ревизия — 63,2%, X — 62,8%). Осталась той же и доля русских этого региона ко всем русским страны (7%).

Заселение региона в основном завершилось еще в первой половине XVIII в., население росло здесь за счет повышенного естественного прироста, примерно одинакого у всех этносов. Так, в 1804–1810 гг. естественный прирост в регионе составил 18,0‰ (в России — 17,0‰), в 1811–1820 гг. —16,0 (14,5‰), в 1821–1830 гг. — 18,0 (17,5‰), в 1831–1840 гг. — 16,0 (13,5‰), в 1841–1850 гг. — 8,9 (10,0‰) и в 1851–1860 гг. — 13,0 (12,0‰).

В Пензенской губернии русских было более 80% (V ревизия — 82,6%, X — 81,3%), хотя удельный вес их здесь и снизился. Это следует в первую очередь связать со значительным переселением отсюда русских крестьян в другие регионы: Нижнее Поволжье и Южное Приуралье. Наиболее многочисленное здесь этническое меньшинство (мордва) — уже в дореформенный период подверглось сильному обрусению. Капитан Деконский в «Обозрении Пензенской губернии» за 1847 г. подчеркивал, что проживающая здесь «мордва вся уже употребляет русский язык, говоря на нем чисто и правильно»[99]. Однако этот процесс не смог компенсировать механическую убыль русских.

В Симбирской губернии русских в первой половине XIX в. было несколько более 70% и за весь период процент их здесь почти не изменился, так как уровень естественного прироста всех проживающих в губернии народностей был примерно одинаков, а значительные переселения ушли в область преданий. Правда, и здесь протекал процесс ассимиляции мордвы, но не такими темпами, как в соседних Пензенской или Нижегородской губерниях. Авторы

«Списка населенных мест Симбирской губернии за 1859 г.» подчеркивали, что «мордва исстари значительно утрачивает свои племенные обычаи»[100].

В Казанской губернии русское население составляло примерно 40% (V ревизия — 40,3%, X — 42,3%). Это единственная губерния региона, где его было меньше половины, хотя оно численно значительно превосходило любую другую народность. Удельный вес русских повысился здесь в первой половине XIX в., что было связано в первую очередь с ассимиляцией части проживающей здесь мордвы, чувашей и вотяков.

На Северном Кавказе в первой половине XIX в. удельный вес русских повысился с 6,9 до 16,9% общего народонаселения. Русское население абсолютно преобладало в Ставропольской (V ревизия — 50,0%, X — 56,5%) и Черноморской (V ревизия — нет вовсе, X — 94,7%) губерниях. Общая численность русских в регионе выросла с 111 до 373 тыс. чел. (см. табл. 8). Удельный вес русских региона ко всем русским страны также вырос (V ревизия — 0,6%, VII — 0,7%, VIII — 0,9%, IX — 1,0%, X — 1,1%). Однако в Терской области доля русских в первой половине XIX в. оставалась небольшой (V ревизия — 5,6%, X — 13,7%), а в Кубанской области их не было вовсе. Здесь разместилось чисто украинское население. А поскольку население Земли Войска Черноморского росло быстрее, то на Северном Кавказе в 1858 г. украинцы численно превзошли русских (в 1795 г. здесь значилось 111 тыс. русских и 39 тыс. украинцев, в 1834 г. — 279 тыс. русских и 126 тыс. украинцев, а в 1858 г. 373 тыс. русских и 408 тыс. украинцев). Таким образом, к 50-м годам XIX в. на Северном Кавказе сформировалась преимущественно русская этническая территория (Ставропольская и Черноморская губернии), украинская этническая территория (Земля Войска Черноморского) и сохранилась земля преимущественного проживания кореных народов Кавказа (чеченцы, ингуши и др.).

Иные процессы наблюдались в Южном Приуралье (Оренбургская и Уфимская губернии). Как отмечалось, оно в первой половине XIX в. интенсивно заселялось русскими. Удельный вес русских здесь с V по X ревизию повысился с 40,2 до 47,5%. Еще в начале XVIII в. (I ревизия), русских здесь было не более 11%, но к середине XIX в. они составляли здесь уже почти половину числа всех жителей. В Оренбургской губернии их было почти 70%, но в Уфимской даже в 50-е годы XIX в. менее трети. Здесь проживали башкиры. Если в 1719 г. в регионе размещалось лишь 0,2% всех русских империи, то в 1858 г. — почти 3%.

В других окраинных регионах удельный вес русского населения был невелик. Однако в первой половине XIX в. он и здесь почти повсеместно повышался за счет земледельческого переселенческого движения и притока русских в города. Доля русских повысилась в Новороссии (V ревизия — 19,5%, X —21,6%), в Белорусско-Литовском регионе (V ревизия — 9,5%, X — 9,9%), в Левобережной Украине (V ревизия — 5,2%, X — 6,1%), в Прибалтике (V ревизия — 1,1%, X — 3,6%), в Финляндии (V ревизия — 0,3%, X — 2,1%), на Правобережной Украине (V ревизия — 0,1%, X — 0,6%).

На территории Средней Азии, Казахстана, Закавказья и Царства Польского русских на рубеже XIX в. было очень мало, а в 1858 г. они составили в

Средней Азии и Казахстане 1%, в Закавказье — 0,9%, в Царстве Польском — 0,1% всего населения.

В Новороссии русские абсолютно преобладали в Земле Войска Донского (V ревизия — 57,9%, X — 66,0%). Кроме того, их удельный вес сильно повысился в Таврической (V ревизия — 6,1%, X — 20,1%) и Херсонской (V ревизия — 1,8%, X — 16,9%) губерниях. На территории Крымского полуострова удельный вес русских с V по X ревизии повысился с 4,4 до 12,6% (украинцев с 1,3 до 4,0%). Здесь сохранилось преобладание татар, хотя их доля и снизилась с 87,6 до 73,2% (см. табл. 10).

В Белорусско-Литовском регионе русских было около 10%. В основном они жили в Смоленской губернии (47%). Кроме того, довольно много русских — старообрядцев было учтено в Витебской губернии (V ревизия — 3,8%, X — 5,5%). Процесс ассимиляции белоруссов широко развернулся уже во второй половине XIX в. К 1897 г. белоруссы в Смоленской губернии сохранились только в Краснинском уезде и удельный вес русских повысился до 91,7%, а к 1920 г. белорусское население исчезает и здесь и доля русских в губернии поднимается до 94,5%[101]. В Витебской губернии к 1897 г. удельный вес русского населения повысился до 13,3%, а к 1920 г. — до 32,6%, а в Велижском, Невельском и Себежском уездах русские составляли уже абсолютное большинство[102].

На Левобережной Украине русские составляли более 5% населения. Доля их была самой высокой в Харьковской губернии (около 11%). Это в основном потомки служилых людей, поселенных здесь в XVII в. В Змиевском уезде русские достигали 22% всех жителей. В Черниговской губернии русские достигали 6%. Они проживали преимущественно в северных уездах: Новозыбковском (30%), Стародубовском (22%) и Суражском (12%), где кроме того размещалось много белорусов. Во второй половине XIX в. (к 1897 г.) удельный вес русских в губернии повысился до 21,6%. Произошла полная языковая ассимиляция находящегося здесь белорусского и частично украинского населения. Ныне север бывшей Черниговской губернии входит в состав Брянской области России. В Полтавской губернии русских было около 1%. Они жили в Константиноградском уезде (примерно 13% населения) и в г. Кременчуге. Это были преимущественно потомки однодворцев Курской и Воронежской губерний, поселившихся здесь в 30-е годы XVIII в.

В Прибалтике доля русского населения в первой половине XIX в. увеличилась с 1,1 до 3,6%. Проживали они преимущественно в городах (Риге, Дерпте, Ревеле, Митаве).

В остальных регионах русских было мало. Исключение составляет Казахстан. Земледельческое (казачье) заселение его русскими по настоящему развернулось лишь с 40-х годов XIX в. В 30-е годы XIX в. русских здесь было еще мало (39 тыс. или 2,9% населения Казахстана) и они представляли из себя уральских казаков. В 1850 г. русских в регионе было 111 тыс. (7,6%), а в 1858 — 122 тыс. (7,4%). В 1858 г. русские достигали в Акмолинской области 5,7% всего населения, в Семипалатинской — 4,5%, в Семиреченской — 2,5% (см. табл. 5 и 11).

Таблица 9 показывает, что в первой половине XIX в. в границах современной России повысился удельный вес татар (с 3,1 до 3,9%) украинцев (с 3,8 до 4,9%), башкир (с 0,8 до 1,4%) и мордвы (с 1,4 до 1,6%). Снижается доля белорусов (с 2,5 до 1,8%), чувашей (с 1,4 до 1,2%) и некоторых других этносов. Процент русских повысился на территории СССР, но снизился в границах современной России.

Подведя общие итоги, можно отметить, что:

1. В первой половине XIX в. удельный вес русских на всей территории страны вырос с 44,8 до 45,6% при понижении его в центральных регионах.

2. Наблюдается мощный отлив русского населения на окраины, где его удельный вес существенно возрастает (Сибирь, Южное Приуралье, Новороссия, Казахстан, Кавказ). В этом процессе весьма активное участие принимают и другие народы империи (особенно украинцы, татары).

3. В границах России 20-х годов XVIII в. некоторое сокращение удельного веса русских отмечается только в начале XIX в. и в 50-х годах XIX в. В начале XIX в. это связано с тем, что именно великороссийские центральные регионы России особенно сильно пострадали в период Отечественной войны 1812 г., а также с тем, что именно в эти годы сюда переселилось около 130 тыс. казахов и выселилось до 75 тыс. русских.

4. В первой половине XIX в. отмечается резкое снижение доли русских, проживающих в центральных регионах России, ко всем русским империи. И одновременно она растет в окраинных заселяемых регионах. В Центрально-Промышленном регионе она снизилась с 30,3 до 23,6%, в Центрально-Земледельческоом — с 26,1 до 24,6%, в Северном регионе — с 3,6 до 3,2%, в Озерном — с 9,5 до 7,7%, в Белорусско-Литовском — с 2,4 до 1,8%. Доля эта осталась неизменной в Среднем Поволжье (7%) и на Левобережной Украине (0,9%). Повышение было зарегистрировано в Северном Приуралье (с 8,1 до 10,2%), Нижнем Поволжье (с 4,5 до 7,1%), на Северном Кавказе (с 0,6 до 1,1%), в Южном Приуралье (с 1,3 до 2,8%), Новороссии (с 1,5 до 2,5%) и Сибири (с 4,1 до 6,5%).

5. Абсолютное преобладание в первой половине XIX в. русские получили только в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (с 47,3 до 53,9%). Здесь доля русских ко всему населению выросла в Иркутской губернии (с 58,1 до 65,0%) и Забайкальской области (с 48,8 до 60,6%). На Северном Кавказе русские стали преобладать в Ставропольской (в 1858 г. — 56,5%) и в Черноморской губернии (94,7%). Сильно повысилась доля русских, не составив, однако, большинства, в Южном Приуралье (с 40,2 до 47,5%) и Новороссии (с 19,5 до 21,6%). В Войске Донском преобладание русских стало большим (с 57,9 до 66,0%). В Таврической губернии их доля возросла с 6,1 до 20,1%.

6. К числу утрат русской этнической территории следует отнести часть Астраханской губернии, которая после ухода в 1771 г. калмыков в Джунгарию была отдана казахам Букеевской Орды. Этническая граница с Урала переместилась на Волгу. Ныне это Уральская область Казахстана.

1. Более подробно см. Кабузан В.М. Крепостное крестьянство в России в XVIII – 50-х годах XIX вв. Численность, состав и размещение – История СССР, № 3. М., 1982. С. 67–85.

2. Корсаков С. Движение православного населения России с 1804 по 1849 гг. Вестник русского географического общества. 1852. Кн. 2. СПб. табл. к с. 180 (см. также табл. 14).

3. Корсаков С. Законы народонаселения в России – Материалы для статистики Российской империи. Т. 2. СПб. 1841. С. 219–222.

4. Павловская Л. Холерные годы в России. СПб. 1893. С. 7, 13–18; РГИА в С.-Петербурге. Ф. 869. Оп. 1. Д. 3. Л. 43–44.

5. Щапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения. Соч. Т. 2. СПб. 1906. С. 261–262.

6. Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика России..., СПб., 1873. С. 327–328; Hain J. Handbuch der Statistik des oësterreichischen Kaiserstaates. Bd. 1, Wien, 1852, S. 436.

7. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 558. Оп. 2. Д. 48. Л. 3–14, 38, 120–133, 135–149; Д. 5. Л. 97–98; Ф. 571. Оп. 9. Д. 1. Л. 45; Д. 3. Л. 145; Д. 59. Л. 505.

8. Бентковский И. Заселение Черномории с 1792 по 1825 гг. – Памятная книжка Кубанской области по 1861 год. Екатеринодар, 1881. С. 76–77.

9. Дебу И. О кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске с 1816 по 1829 гг. СПб., 1829. С. 397.

10. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 571. Оп. 9. Д. 18. Л. 153–154; Д. 24. Л. 182; Бентковский И. Указ. соч. С. 104.

11. ПСЗ-1, Т. XXII № 25140. С. 364.

12. Чекменев С.А. Заселение Ставрополья в конце XVIII и начале XIX вв. крепостными и государственными крестьянами – Сборник трудов Карачаево-Черкесского педагогического института. Вып. 1. Нальчик, 1959. С. 279.

13. ПСЗ-1. Т. XXXIX, № 29848. С. 227–232.

14. Фадеев А.В. Очерки развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 50–51.

15. Корсаков В.С. Движение православного населения с 1804 по 1840 гг. – Вестник РГО, 1852, № 6, кн. 2. СПб., С. 180; Короленко П.П. Записка, составленная канцелярией наказного атамана Черноморского казачьего войска о состоянии всего войска с 1 января 1825 по 1 января 1850 г. – Кубанский сборник, Т. VI. Екатеринодар, Пг., 1900. С. 43–44.

16. ПСЗ-1. Т. XXXVII, № 28241, С. 165–167.

17. Бентковский И. Указ. соч. С. 104.

18. РГИА в Петербурге. Ф. 571. Оп. 9. Д. 24. Л. 182–184; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 13. Л. 119; Д. 110. Л. 61; Д. 39. Л. 329; Оп. 5. Л. 82; Оп. 6. Д. 111. Л. 80; Д. 106. Л. 57; Д. 102. Л. 5. Д. 162. Л. 53, 72.

19. РГИА в С.-Петербурге, Ф. 571. Оп. 9. Д. 51–53; Оп. 6. Д. 1024. Л. 132–138; Д. 1080. Л. 9–22; Ярин Н. Описание Черномории – Кубанский сборник. Т. V. 1899. Екатеринодар. С. 18.

20. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 11. Л. 1–2.

21. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 865. Л. 220–221.

22. Яцунский В.К. Роль различий в уровне естественного прироста в географическнх сдвигах в размещении населения России в XIX–XX вв. — Историческая география России. Сб. 83. М., 1970. С. 59.

23. Материалы для оценки земель Херсонской губернии. Т. 1. (Одесский уезд), Херсон. 1883. С. 58.

24. ПСЗ-1. Т. XXVII, № 20827 от 30 июня 1803 г. С. 717–718.

25. Там же. № 20988 от 17 октября 1803 г. С. 932–934.

26. ПСЗ-1. Т. XXVIII, № 21163. С. 137–140.

27. Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII — первой половине XIX вв. (1719–1858 гг.). М., 1976. С. 166–167, 185–188, 282–286; Он же. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII — первая половина XIX в.). Кишинев, 1974. С. 29, 94–96, 147–151.

28. ПСЗ-1. Т. XXXVI, № 27912. С. 325.

29. Там же, № 27954, С. 362.

30. Чубинский П.П. Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования. Т. 7. СПб. 1872. С. 311–312.

31. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 490. Л. 417.

32. Stumpp K. Heimatbach der deutschen aus Russland. Stuttgart, 1964, S. 82.

33. ПСЗ-1. Т. XXXII, № 25522 от 22 января 1814. С. 734.

34. Кабузан В.М. Народонаселение Бессарабской области. С. 92–96.

35. Dieterici K.F. Vergleichung der Grunde der Vermehrung der Bevölkerung in preussiscgen Staate. In: Jahrbuch für Volkswirtschaft und Statistik. Berlin, 1858, S. 78.

36. ПСЗ-1. Т. XXVI, № 19773 от 11 марта 1801 г. С. 285.

37. Кабузан В.М. Как заселялся Дальнний Восток (вторая половина XVII — начало XX вв.). Хабаровск. 1976. С. 22, 41.

38. Колесников. А.Д. Русское население Сибири. С. 322–343.

39. Там же. С. 369–370. РГИА России. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 245. Л. 31–32, 203–309, 430.

40. Колесников А.Д. Указ. соч. С. 369.

41. Там же. С. 371.

42. Это составляет 62,2% всех сосланных в Сибирь в 1816–1833 гг.

43. Журнал Министерства внутренних дел. 1835. № 6. С. 385.

44. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 135. Л. 58.

45. Это данные за 1846–1847 гг. (РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 135. Л. 67–68; Д. 129. Л. 64–65).

46. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 571. Оп. 9. Д. 52. Л. 81.

47. Томская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Т. X. СПб., 1868. С. 49–50.

48. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 101. Л. 3, 4, 88, 132, 174.

49. Корсаков С. Указ. соч. С. 180.

50. Палли Х.Э. Воспронзводство населения Эстонии в XVIII–XIX вв. С. 224–225.

51. Borowski S. Popelation growth in the Polish territories. The population of Poland. Warszawa, 1975, p. 18, 33.

52. ЦГАНХ России. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1857. Л. 47–48.

53. Там же.

54. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2345. Л. 273, 390.

55. Busek J. Pogled na wzrost ludnosci siem polskiech w wieku XIX. Krakow, 1915, S. 26 (См. также табл. 14).

56. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 571. Оп. 9. Д. 17–54.

57. Сталь, полковник. Материалы для географии и статистики России. Пензенская губерния. Ч. 1. СПб. 1867. С. 303.

58. Корсаков С. Указ. соч. С. 180.

59. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 11. Л. 1–2.

60. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 571. Оп. 9. Д. 1860, 1883–1885. Л. 1–53.

61. Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции... С. 311–312.

62. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 369. Оп. 1. Д. 111. Л. 43–44.

63. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 11. Л. 1–2.

64. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX вв. (по материалам ревизии). М., 1971. С. 45–47.

65. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 129. Л. 64–65; Д. 135. Л. 57–58.

66. Корсаков С. Указ. соч. С. 180.

67. Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии 1922. С. 1–2, 13–14.

68. РГАДА, Гос. архив. Р. XVI. Оп. 1 (доп.). Д. 17. Л. 1–2.

69. Журнал Министерства внутренних дел, 1839. Ч. 21. № 1. С. 13.

70. Корсаков С. Указ. соч. С. 180; Яцунский В.К. Роль различий в уровне естественного прироста... С. 59–60.

71. Маркевич Н.О. О народонаселении Полтавской губернии. Киев. 1855. табл. 8.

72. Арандаренко, полковник. Обозрение состояния некоторых частей по управлению государственным имуществом в Полтавской губернии за 1843 год. – Журнал Министерства государственных имуществ. 1844. № 5. С. 197.

73. Там же, С. 199.

74. Маркевич Н.О. Указ. соч., табл. 8.

75. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 869. Оп. 1. Д. 111. Л. 43–44.

76. РГИА в Петербурге. Ф. 558. Оп. 2. Д. 155. Л. 67–89, 154–156, 535–537; Д. 154. Л. 109–116, 188–207, 210–232, 245–260.

77. РГАДА. Ф. 248. Оп. 58. Д. 4859. Л. 445; РГИА в С.-Петербурге. Ф. 571. Оп. 9. Д. 24. Л. 123–124, 142, 150, 156, 157; Ф. 1281. Оп. 11. Д. 168. Л. 43, 45, 146, 147.

78. РГАДА. Ф. 248. Оп. 58. Д. 28/4859. Л. 445.

79. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 571. Оп. 9. Д. 24. Л. 123–124, 149, 150, 156, 157; Ф. 1281. Оп. 11. Д. 168. Л. 43, 45, 143, 147.

80. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения. С. 45–47.

81. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1956. С. 124.

82. Журнал Министерства внутренних дел, 1832. Ч. 6. № 6. С. 60.

83. Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. – История СССР, № 1. 1957. С. 205.

84. В 1678 г. проживало 34,4% всего населени.

85. Корсаков С. Указ. соч. С. 180.

86. Яцунский В.К. Указ. соч. С. 205.

87. Hassel G. Umriss der sämtlichen europäischen... Staaten. Wiemar; 1823, Heft 1, S. 4–12.

88. Ходжабабян В.Е. Население Армении и его занятость (1828–1978). Ереван, 1979 (на арм. яз.); Шавров Н.И. Новая угроза русскому делу в Закавказье: предстоящая распродажа инородцам. В сб. Известия АН Аз.ССР. Серия истории, философии и права. Баку. 1988. С. 55.

89. Шавров Н.И. Указ. соч. С. 55.

90. Шопен И.П. О жителях русской Армении. СПб. 1840. С. 27.

91. Шибаев В.П. Этнический состав населения Европейской части Союза ССР. Л., 1930. С. 162–163.

92. Дуброво, подполковник, Рельн, капитан. Курская губерния. Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб. 1850. Т. XII. Ч. III. С. 43.

93. Шибаев В.П. Указ. соч. С. 140–141.

94. Ф. Никонов в статье о быте и хозяйстве украинцев Воронежской губернии в 60-х годах XIX в. приводит примеры русской ассимиляции украинцев в уездах с преобладающим русским населением. Он указывает на с.Ендовницы Воронежского уезда. См. Никонов Ф. Быт и хозяйство малороссов в Воронежской губернии. – Памятная книга Воронежской губернии на 1870–1871 годы. Воронеж, 1871. С. 246.

95. Корнилов Ф. Слободской уезд Вятской губернии в 1839 году. – Журнал МВД. Ч. IV. № 12. С. 415.

96. Хлопин В. Несколько слов о пермяках. – Географические известия, издаваемые в РГО. СПб. 1849. Вып. 1. С. 22–23.

97. Безносиков, полковник. Саратовская губерния. Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб. 1852. Т. V. С. 65.

98. Саратовская губерния. – Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1862. С. 37, 38, 40, 42.

99. Деконский, капитан. Пензенская губерния. – Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб. 1849. Т. XIII. Ч. IV. С. 10.

100. Симбирская губерния. – Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб. 1863. Т. XIX. С. 30.

101. Шибаев В.П. Указ. соч. С. 148–149.

102. Там же. С. 134–135.

IV. РУССКИЙ ЭТНОС ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (1858–1897 гг.)

Движение населения России в 1858–1897 гг.

В пореформенный период уровень воспроизводства населения в России сильно повышается. В 60–90-е годы среднегодовой прирост поднимается до 0,97% в границах 20-х годов XVIII в. и до 1,27% — по всей империи в рубежах конца XIX в.

Как показывают табл. 14 и 16, естественный прирост в Российской империи повысился с 11,5‰ (в 1851–1860 гг.) до 16,0‰ (в 1901–1910 гг.). А в границах современной России с 11,8 до 17,9‰. Уровень естественного прироста вырос в эти годы и в Европе (с 7,3 до 12,3‰), однако в России он повысился значительнее. Ни в одном другом государстве Европы во второй половине XIX в. не отмечалось столь высокого естественного прироста. Он был достигнут в основном за счет снижения смертности (1851–1860 гг. — 39,4‰, 1891–1900 гг. — 34,2‰). Падает и рождаемость (с 52,4‰ до 46,8‰), но не в такой мере. В других государствах Европы следует отметить Францию, население которой за счет воспроизводства во второй половине XIX в. росло крайне медленно (1851–1860 гг. — 2,4‰, 1891–1900 гг. — 0,7‰). Самым благоприятным во второй половине XIX в. в России был период с 1891 по 1900 гг. (14,5‰). Лишь Норвегия (14,0‰) и Нидерланды (14,1‰) тогда приближались к России по показателям воспроизводства.

Отмена крепостного права улучшила условия жизни в России (особенно у бывшего частновладельческого населения). И показатели воспроизводства выросли в таких крепостнических регионах как Белоруссия, Литва, Правобережная Украина (в Белоруссии и Литве естественный прирост в 1851–1860 гг. — 10,8‰, а в 1861–1870 гг. — 15,3‰, на Правобережной Украине соответственно 10,0 и 15,4‰). .

Благотворное влияние на этот процесс оказали отсутствие длительных войн (кроме, конечно, первой мировой, которая в короткое время резко обострила и демографическую ситуацию), а также сокращение сроков военной службы, особенно с 1874 г., когда в империи была введена всеобщая воинская повинность. Нельзя сбрасывать со счетов и укрепление торгово-экономических связей между различными районами, что ослабляло и даже сводило на нет отрицательное влияние местных недородов. Наконец, русская медицина (особенно земская) в пореформенные годы добилась несомненных успехов, что сократило смертность в России (в 1851–1860 гг. — 39,4‰, в 1871–1880 гг. — 36,4‰, в 1891–1900 гг. — 34,2‰), хотя она и оставалвсь самой высокой в Европе (там было в 1851–1860 гг. — 30,6‰, в 1891–1900 гг. — 25,9‰). В пореформенный период в стране уже не было таких сильных эпидемий чумы или холеры, как в XVIII — первой половине XIX вв.

В этот период в России снижается доля сельского населения, проживающего за чертой городов. Если на рубеже XIX в. (V ревизия) городское податное

население (купцы и мещане) составляло 4,2%, то в 1897 г. – 6,3% жителей империи. Однако живущее в городах население росло гораздо быстрее: IV ревизия (1782 г.) – 9,4%, X (1858 г.) – 9,7%, перепись 1897 г. – 13,4% жителей страны. Повысилась и доля крестьян, проживающих в городах: IV ревизия – 36,3%, 1897 г. – 43,5% населения городов. Ясно, что это были в основном отходники, преимущественно временные мигранты, которые устремлялись в города в поисках лучшей доли. Отсутствие «лимита» в капиталистической России усилило приток крестьян в города. С другой стороны, процент собственно городского податного населения почти не менялся во второй половине XIX в., составляя примерно 6% жителей страны. Бурный рост населения в условиях экстенсивного развития экономики (в первую очередь сельского хозяйства), недостаточного использования машин, удобрений и т.д. не мог не привести и привел к усилению миграционных процессов в пореформенной России.

Рассмотрим, как росла численность населения России во второй половине XIX в. как в результате естественного прироста, так и миграционных процессов (внутренней миграции, иммиграции и эмиграции).

1. Воспроизводство населения в России в 60–90-е годы XIX в.

Во второй половине XIX в. церковный учет естественного движения населения распространяется на всю империю, охватив все конфессии. Качество церковной статистики на окраинах, главным образом, кочевого мусульманского, ламаистского и иного населения было несравненно менее высоким, чем в центре страны. Однако и здесь достоверность ее повышалась по мере организации работы местных статистических комитетов.

И все же удовлетворительными сведениями церковного учета для 60–90-х годов XIX в. мы располагаем не для всей территории страны. Неплохо налаженный учет существовал в Европейской России, Царстве Польском, Финляндии, Западной Сибири. В Восточной Сибири, на Кавказе и в Средней Азии, где проживало многочисленное кочевое население и часть территории которых окончательно вошла в состав России только в 50–70-х годах XIX в. (Приамурье, Приморье, Восточный Казахстан, Туркестан, Западный Кавказ), в 60-е годы еще не была налажена регистрация естественного движения всех категорий населения. В Закавказье с 60-х годов надежные сведения о рождаемости, смертности и брачности имеются лишь по Тифлисской и Кутаисской губерниям. По всей же империи относительно надежные сведения о естественном приросте появляются лишь с 70-х годов XIX в.

Табл. 14 и 16 характеризуют изменения в уровне естественного прироста в районах России пореформенного периода. Несмотря на колебания, темпы естественного прироста в России неуклонно повышались (1861–1870 гг. – 12,5‰, 1871–1880 гг. – 13,5‰, 1881–1890 гг. – 14,5‰, 1891–1900 гг. – 14,5%). Возросли они и в Европейской России в целом (1861–1870 гг. – 12,5‰, 1871–1880 гг. – 13,9‰, 1881–1890 гг. – 14,5‰, 1891–1900 гг. – 14,6‰), и в большинстве ее районов. В границах современной России они со-

ставили соответственно 11,2‰, 12,1‰, 12,5‰ и 13,9‰. Характерно, что по всей империи показатели воспроизводства в 1891–1900 гг. оказались ниже, чем по Европейской России. Это было связано с пониженным естественным приростом у многих народов окраин (в Казахстане, Восточной Сибири, Закавказье). В Царстве Польском естественный прирост был высоким, а в Финляндии — значительно ниже среднего по империи. Таблица 16 показывает, что и в Европейской России, и во всей империи естественный прирост был выше, чем в Европе.

В Финляндии в пореформенные годы показатель воспроизводства населения снижается. В 1866–1868 гг. она переживает исключительно бедственный период своей истории, вызванный сильными неурожаями, когда смертность намного превысила рождаемость. С 1866 по 1869гг. число жителей этой страны за счет превышения смертности над рождаемостью уменьшилось на 107,6 тыс. чел. (с 1843,2 до 1735,6 тыс. чел.), в том числе в 1868 г. на 93,9 тыс. (родилось 43,8 тыс., а умерло 137,7 тыс. чел.)[1]. Поэтому естественный прирост здесь в 1861–1870 гг. составил всего 2,2%. В 70-е годы естественный прирост в Финляндии вновь был высок (14,8‰, а в Европейской России — 13,9‰). Но с 80-х годов XIX в. он начинает быстро понижаться (особенно невысоким он оказался в 1892 г. — 7,8‰).

В Европейской России самый высокий естественный прирост наблюдался во второй половине 80-х — первой половине 90-х годов XIX в. (14,8‰). В 1891–1900 гг. он достиг 14,6‰. Отрицательное влияние на общую картину оказал бедственный 1892 г., когда естественный прирост в Европейской России составил 5‰, был понижен в Финляндии (7,8‰) и Царстве Польском (11,6‰). С 1891 по 1895 гг. в южных и юго-восточных губерниях страны свирепствовала азиатская холера. В 1891 г. от нее погибло 175,6 тыс., в 1892 г. —360,9 тыс., в 1893 г. — 208,1 тыс., в 1894 г. — 215,1 тыс. и в 1895 г. — 193,7 тыс. чел.[2]. В 1892 г. превышение смертности над рождаемостью достигло в Самарской губернии — 49,7 тыс., в Воронежской — 35,8 тыс., в Саратовской — 34,4 тыс., в Казанской — 18,7 тыс., в Оренбургской — 15,5 тыс., в Симбирской — 14,3 тыс., в Астраханской — 12,8 тыс., в Уфимской — 11 тыс., в Московской — 10,7 тыс. чел. и т.д.[3]. Помимо холеры отрицательное влияние на естественный прирост оказал сильнейший неурожай 1891 г. и недород 1892 г.[4]. С 1893 г. в России уже собирались хорошие урожаи, не было массовых эпидемий и уровень естественного прироста стал повышаться и в целом в 90-е годы оказался самым высоким во второй половине XIX в.[5].

В границах современной России естественный прирост оказался более низким, чем в целом по империи или в Европейской России. Так, в 1861–1870 гг. он равнялся в границах современной России 11,2‰, во всей империи — 12,5‰ и в Европейской России — 12,5‰. В 1871–1880 гг. эти показатели были равны соответственно 12,1‰ и 13,5‰ и 13,9‰. В 1881–1890 гг. — 12,5‰, 14,5‰ и 14,5‰ и в 1891–1990 гг. — 13,9‰, 14,5‰ и 14,6‰. Характерно, что отдельные зарубежные государства Европы достигли или даже опередили Россию по уровню естественного прироста только в 70-е годы XIX

в. (в 1871–1880 гг. естественный прирост равнялся в России 13,9‰, в Великобритании и Норвегии — 14‰, в Финляндии — 14,8‰).

Очень низкими данными естественного прироста характеризовались во второй половине XIX в. Франция, Австрия и Швейцария. Во Франции абсолютная убыль населения отмечалась в годы Франко-Прусской войны, причем в 1871 г. она за счет превышения смертности над рождаемостью достигла 12,2‰ (родилось 866,4 тыс., а умерло 1131,3 тыс. чел.). Во второй половине XIX в. (1851–1900 гг.) за счет воспроизводства население Франции увеличилось на 3,6 млн. чел., а в Германии — на 25,3 млн. Если в середине XIX в. народонаселение Франции еще превышало число жителей Германии (во Франции — 35,8 млн. чел., в Германии — 35,3 млн.), то в 60-е годы в Германии проживало уже больше жителей, а в 1900 г. их число во Франции достигало лишь двух третей населения Германии (38,9 млн. к 60,6 млн. чел.)[6]. В России же естественный прирост тогда составил 62,1 млн. чел.

Табл. 16 показывает, что в России второй половины XIX в. наряду с районами повышенного уровня воспроизводства были и такие, где он был невысоким. Мы отмечали, что в империи, Европейской России и Царстве Польском естественный прирост во второй половине XIX в. повышался. В Сибири и на Северном Кавказе прослеживается та же тенденция, хотя в последнем районе до 80-х годов показатели воспроизводства были более низкими. Сибирь же с конца 70-х годов опережает и империю и Европейскую Россию. В разных частях Сибири уровень воспроизводства населения также был далеко неодинаков. В Восточной Сибири он хотя и быстро повышался, но оставался невысоким (1861–1870 гг. — 7,8‰, 1871–1880 гг. — 8,9‰, 1881–1890 гг. — 10,9‰, 1891–1900 г. — 14,0‰). На Дальнем Востоке прослеживается та же закономерность, но с 80-х годов уровень воспроизводства здесь резко повышается. Интенсивное заселение этого района после спада 70-х годов с новой силой развернулось с середины 80-х годов, и это вскоре дало свои ощутимые плоды, так как у новоселов наблюдался исключительно высокий естественный прирост.

В Западной Сибири естественный прирост не только последовательно повышался, но и опережал средний по стране. Лишь в начале 90-х годов здесь отмечается временный спад. Он был обусловлен эпидемией холеры в Тобольской губернии. В 1891 г. естественный прирост в ней равнялся 12,5 тыс. чел., в 1893 г. — 25,2 тыс., а в 1892 г. смертность превзошла рождаемость на 27,5 тыс. чел. В Томской губернии также прослеживается падение уровня естественного прироста, но не в такой мере. Он составил здесь в 1891 г. только 15,8 тыс. Однако в целом в 1891–1900 гг. естественный прирост в районе достиг 17,4‰.

На Кавказе необходимо раздельно рассматривать Северный Кавказ и Закавказье, так как тенденции демографических процессов были тогда здесь весьма различными. На Северном Кавказе показатели естественного прироста были весьма высоки и постоянно повышались (в 1891–1900 гг. — 19,0‰), значительно опережая средние по стране. Естественный прирост был особенно высок в Ставропольской губернии (1861–1870 гг. — 20,3‰,

1871–1880 гг. – 16,7‰, 1881–1890 гг. – 20,3‰ и 1891–1990 гг. – 20,4‰) и Кубанской области (соответственно: 21,3‰, 17,6‰, 23,1‰ и 22,3‰). В Терской же области и Черноморской губернии он, напротив, был понижен. У коренного населения района естественный прирост в дореволюционный период не достигал значительных величин, а в осваиваемой с 60-х годов Черноморской губернии (до 1897 г. – округ) у новоселов, особенно в начале 90-х годов, наблюдалась большая смертность (показатели воспроизводства равнялись здесь в 1871–1880 гг. – 10,4‰, в 1881–1890 гг. – 11,0‰ и в 1891–1900 г. – 11,4‰).

В Закавказье естественный прирост во второй половине XIX в. был весьма понижен (в 1871–1880 гг. – 10,0‰, в 1881–1890 гг. – 11,8‰, в 1891–1900 г. – 10,0‰). Груз феодальных пережитков, отсутствие необходимого медицинского обслуживания, тяжелые условия жизни повышали здесь уровень смертности. Лишь в Тифлисской и Кутаисской губерниях цифры воспроизводства населения приближались к средним по стране. Одновременно в Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской они оказались весомо пониженными, а население Дагестанской области вообще почти не росло (1871–1880 гг. – 6,5‰, 1881–1890 гг. – 3,3‰, 1891–1900 гг. – 0,0‰).

В Казахстане естественный прирост также был невысок, причем у переселенцев из центральных губерний он оказался значительно выше, чем у коренного кочевого населения, где медицинское обслуживание практически отсутствовало. В Средней Азии в 1881–1900 гг. естественный прирост был близок к среднему по стране (14,4‰ к 14,7‰). Однако и здесь в Закаспийской и отчасти Сыр-Дарьинской областях у кочевого населения в эти годы он был весьма невысоким (в Закаспийской – в 1881–1890 гг. – 2,9‰, в 1891–1900 гг. – 2,8‰, а в Сыр-Дарьинской соответственно – 4,1‰ и 6,1‰). Одновременно в земледельческой Ферганской области естественный прирост оказался весьма внушительным (в 1881–1890 гг. – 17,0‰, в 1891–1900 гг. – 16,0‰). В Самаркандской он равнялся в 1891–1900 гг. 14,5‰.

В Европейской России естественный прирост в различных районах также оказался далеко не одинаковым. Ниже среднего он был в Прибалтике (9‰) и ряде великороссийских районов (Центрально-Промышленном, Озерном, Северном, Северном Приуралье), а также в Среднем Поволжье. Самым низким в стране он был в трех районах: Прибалтике, Озерном и Центрально-Промышленном. В Прибалтике показатель воспроизводства в пореформенные годы и особенно в 90-е годы резко снижается (1861–1870 гг. – 8,9‰, 1871–1880 гг. – 11,0‰, 1881–1890 гг. – 8,9‰, 1891–1900 гг. – 8,1‰).

В Озерном и Центрально-Промышленном районах естественный прирост был понижен, по крайней мере, с рубежа XVIII в. В 80–90-е годы он проявляет явную тенденцию к повышению. В Озерном районе за счет отрицательного естественного прироста в Петербургской губернии (за счет Петербурга) население в отдельных губерниях даже уменьшалось и только приток мигрантов способствовал общему положительному приросту. В 1861–1870 гг. в Петер-

бургской губернии естественный прирост был отрицательным (–1,1‰), в 1871–1880 гг. — также (–1,5‰) и лишь с начала 80-х годов он стал здесь положительным (в 1881–1890 гг. — 3,0‰, в 1891–1900 гг. — 6,2‰). Решающую роль в этом сыграла высокая смертность в Петербурге. В 1859–1896 гг. она превысила рождаемость на 21 тыс. чел. В результате во всем районе уровень воспроизводства населения оставался очень невысоким (в 1861–1870 гг. — 4,9‰, в 1871–1880 гг. — 6,5‰, в 1881–1890 гг. — 8,9‰, в 1891–1900 гг. — 10,3‰).

В Московской губернии Центрально-Промышленного района естественный прирост также был низок, хотя абсолютной убыли не наблюдалось (в 1861–1870 гг. он равнялся 4,3‰, в 1871–1880 гг. — 2,8‰, в 1881–1890 гг. — 5,4‰ и в 1891–1960 гг. — 7,3‰). Очень низким воспроизводство населения было и в Ярославской губернии (1861–1870 гг. — 5,4‰, в 1871–1880 гг. — 5,6‰, в 1881–1890 гг. — 7,1‰ и в 1891–1900 гг. — 9,0‰). По всему району естественный прирост равнялся в 1861–1870 гг. — 16,4‰, в 1871–1880 гг. — 8,0‰, в 1881–1890 гг. — 10,0‰ и в 1891–1900 гг. — 11,0‰.

На уровень воспроизводства населения центральных и северо-западных губерний России большое влияние оказывали пережитки крепостничества, неблагоприятные природно-климатические условия и огромные размеры отходничества. Сотни тысяч людей, преимущественно мужчины в цветущем возрасте, надолго уходили на заработки из родных мест. Число отходников в России в 1828 г. достигало 550 тыс. чел., в 1845 г. — 1083,3 тыс., в 1860–1870 гг. в среднем в год — 1286 тыс., в 1881–1890 гг. — 4938 тыс., а к 1900 г. — 8873 тыс. чел.[7]. В Центрально-Промышленном районе в 1845 г. было учтено 247,9 тыс. отходников, в 1857 г. — 500 тыс., а к 1900 г. — более 1 млн. 200 тыс. чел. К концу XIX в. число их составило в Тверской губернии — 350 тыс., в Калужской и Костромской — по 200 тыс. чел. В Новгородской губернии Озерного района их значилось 150 тыс., а в Псковской — 100 тыс., в Олонецкой — 20 тыс.[8]. Среди отходников наблюдалась исключительно высокая смертность (как это видно на примере Петербурга и Москвы). Кроме того, они не принимали активного участия в воспроизводстве населения, что и понижало здесь естественный прирост.

В Северном районе, Северном Приуралье и Среднем Поволжье естественный прирост хотя и был понижен, но превышал показатели рассмотренных выше территорий. Крепостничество не пустило здесь глубоких корней, а размеры отходничества не были велики (в Симбирской губернии в 90-е годы уходило на заработки около 50 тыс., в Пензенской — 75 тыс., в Архангельской — 40 тыс. чел. и т.д.).

Высокими темпами прироста населения характеризуются Новороссия, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье, Белоруссия и Литва, Украина (Левобережная и Правобережная) и Центрально-Черноземный район. Новороссия, Нижнее Поволжье и Южное Приуралье и в пореформенный период принадлежали к числу заселяемых. Пережитки крепостничества не получили здесь

широкого распространения, а природно-климатические условия были лучшими в стране.

В Новороссии естественный прирост во второй половине XIX в. был очень высок. В 60-е (1861–1870 гг. — 20,2‰) и 80–90-е годы (1881–1890 гг. — 21,2‰, 1891–1900 гг. — 22,4‰) он был здесь самым высоким в империи. Небольшой спад отмечается лишь в 70-е годы. Самый высокий уровень естественного прироста был зарегистрирован в области Войска Донского (в 1861–1870 гг. — 20,6‰, в 1871–1880 гг. — 26,5‰, в 1881–1890 гг. — 22,8‰ и в 1891–1900 гг. — 20,6‰) и в Екатеринославской губернии (соответственно: 21,4‰, 21,2‰, 21,4‰ и 27.7‰). Минимальным в районе он оказался в Бессарабии (20,3‰, 11,0‰, 20,3‰ и 17,7‰).

В Нижнем Поволжье и Южном Приуралье темпы естественного прироста были ниже и постепенно снижались. Заселение их завершилось к 80-м годам XIX в.

Левобережная и Правобережная Украина во второй половине XIX в. также характеризуются повышенным уровнем воспроизводства населения, причем он быстро возрастал в 50–90-х годах. Несмотря на значительный отток жителей в Новороссию и на Кавказ, а также на возросшее отходничество (в 90-е годы из Киевской и Черниговской губерний уходило на заработки около 150 тыс. чел.), уровень естественного прироста здесь был не только высок, но постепенно повышался. Решающую роль в этом сыграло быстрое вступление этих районов на путь капиталистического развития, прирезки земли крестьянам в губерниях Правобережной Украины, благодатный климат.

Иная тенденция прослеживается в Центрально-Черноземном районе. Относительно высокий в 1851–1860 гг. уровень естественного прироста (13,5‰) снижается со второй половины 70-х годов, а в 1891–1900 гг. опускается до самого низкого в истории района показателя — 12,5‰ (только в холерные 40-е годы он был еще ниже — 11,9‰). Некоторую роль в этом сыграла эпидемия холеры, вновь поразившая в 90-е годы часть губерний района. Однако главной причиной следует считать воздействие пережитков крепостничества, усилившееся аграрное перенаселение, приведшее к отливу из района огромного числа мигрантов.

Своеобразное положение занимает Белорусско-Литовский район. В дореформенный период естественный прирост был в нем весьма невысок, особенно в Витебской, Могилевской и Смоленской губерниях. По показателям воспроизводства населения район находился на одном из последних мест в империи. В пореформенные годы ситуация изменяется коренным образом. Еще в 1851–1860 гг. естественный прирост здесь составлял лишь 10,8‰. В 1861–1870 гг. он поднялся до 15,3‰, в 1871–1880 гг. — 15,9‰, в 1881–1890 гг. — 15,9‰ и в 1891–1900 гг. — 17,1‰. В Могилевской губернии он в этот период соответственно достигал: 12,0‰, 31,2‰, 18,1‰, 22,5‰ и 22,6‰. В Виленской и Гродненской естественный прирост был ниже, хотя и превосходил средний по стране. В Ковенской же и Смоленской губерниях он и теперь уступал среднеимперскому. Ковенская губерния по тенденциям демографического развития (в 1871–1880 гг. естественный прирост равнялся

13,9‰, в 1881–1890 гг. — 11,1‰, в 1891–1990 гг. — 10,5‰) примыкала к соседней Прибалтике, а Смоленская — к Центрально-Промышленному району. Кроме Смоленской губернии сельское население района оказалось в благоприятных условиях. При освобождении крестьянство получило значительные прирезки земли, обусловленные поражением польского восстания в 1863 г. Район быстро вступил на путь капиталистического развития, порвав с пережитками крепостничества. Этого оказалось достаточно для повышения уровня естественного прироста. Отходничество не приняло здесь столь внушительных размеров, как в центральных районах империи. Из Витебской, Могилевской, Минской, Гродненской и Виленской губерний уходило на заработки в 1880-е годы — 137,6 тыс. чел., в 1890-е годы — 246,1 тыс., а в 1900-е годы — 385 тыс.[9] Из Ковенской отлив также не был высок (1880 г. — 11 тыс., 1890 г. — 16,5 тыс., 1900 г. — 45 тыс. чел.)[10], но имела место эмиграция в США (с 80-х годов XIX в.). И лишь из Смоленской губернии уходило больше отходников (в 1880 г. — 60 тыс., в 1890 г. — 78 тыс., в 1900 г. — 110 тыс. чел.)[11]. Миграция в окраинные районы империи из района также не была велика.

Таким образом, в 60–90-е годы уровень естественного прироста в России был самым высоким в Европе. Он неуклонно повышался, но на окраинах (Закавказье, Восточная Сибирь, Казахстан) был ниже, чем в Европейской России и Царстве Польском.

Самый высокий естественный прирост отмечался в быстрозаселяемых районах Европейской России (Новороссии, Нижнем Поволжье, Южном Приуралье). Высоким он был и на Северном Кавказе. Очень быстро показатель воспроизводства повышался в Сибири и на Дальнем Востоке. В 60–70-е годы он был тут еще ниже среднего по стране, а с 80-х годов опережает уровень империи и Европейской России. Большой приток мигрантов резко повысил естественный прирост. Мы видим, что в районах интенсивного заселения в пореформенные годы отмечается и высокий естественный прирост. На Украине (Левобережной и Правобережной) и в Литовско-Белорусском районе в пореформенный период естественный прирост быстро повышается (особенно в Литве и Белоруссии). Реформа 1861 г. расчистила здесь путь для быстрого развития капитализма.

В Центрально-Земледельческом районе, наоборот, повышенный в 60–70-е годы естественный прирост снизился в 80–90-е годы до сравнительно скромных показателей, так как реформа 1861 г. сохранила здесь массу пережитков крепостничества и предоставила крестьянству лишь часть той земли, которую оно имело до реформы. И отток мигрантов отсюда был исключительно высок, что дополнительно препятствовало повышению естественного прироста. Пониженный естественный прирост отмечался как в ряде центральных великороссийских губерний (Озерный, Центрально-Промышленный, Северный, Северное Приуралье), так и на национальных окраинах (Прибалтика, Казахстан, Средняя Азия, Закавказье, Среднее Поволжье).

Это были либо центральные районы, где реформа 1861 г. не расчистила в должной мере пути для успешного и быстрого развития капитализма, либо окраины, опутанные феодальными и дофеодальными пережитками. Характерно,

что все эти районы имели не только пониженный уровень воспроизводства населения, но и не принимали активного участия в заселении новых районов. Повсюду прослеживается общая закономерность: в районах притока переселенцев отмечается и высокий уровень воспроизводства и обусловлено это особенностями их исторического развития. Исключение представляют лишь отдельные районы (Украина, Белоруссия, Литва), где быстрое развитие капитализма создало условия для ускорения темпов воспроизводства населения.

Особняком стоят Прибалтика, Ковенская губерния Белорусско-Литовского района и Сувалкская — Царства Польского, где отмечался один из самых низких в России уровней естественного прироста, хотя на путь буржуазного развития они вступили раньше других частей страны. Это было обусловлено специфическими особенностями развития этих территорий (например, регулированием рождаемости, которое мало практиковалось в других частях империи, поздними браками, высоким отходничеством из ряда губерний и уездов и т.д.).

Таким образом, показатели воспроизводства населения в России были весьма неодинаковы в разных ее частях. Это оказывало сильное влияние на ход миграционных процессов. Население, как правило, уходило из аграрных районов со слабым развитием промышленности и высокой плотностью населения (Украина, Центрально-Земледельческий район). В местах же заселения и показатели воспроизводства оказались самыми высокими. Центральный и западные районы с довольно развитой экономикой и низким уровнем естественного прироста не играли заметной роли в миграционном процессе.

Вообще на общее движение населения влияли самые разные факторы и нередко трудно сказать, какие же из них были определяющими. Развитие капитализма не вело механически к ускорению процесса воспроизводства населения, о чем свидетельствуют Прибалтика, Ковенская и Сувалкская губернии. Существовал более сложный комплекс причин (близость районов заселения, природно-климатические условия, сложившиеся традиции демографического поведения, время вступления тех или иных районов на путь буржуазного развития и уровень их экономического развития и т.д.).

Таблица 5 показывает, что в большинстве буржуазных государств Европы естественный прирост во второй половине XIX в. был понижен и уступал российскому, а во Франции он был весьма понижен, по крайней мере, с конца XVIII в.

2. Внутренние и внешние миграции в России в эпоху капитализма (1859–1896 гг.)

Общая характеристика миграционных процессов в России во второй половине XIX в.

В условиях пореформенной России одним из узловых вопросов внутренней жизни оставался вопрос заселения и хозяйственного освоения окраин. В пореформенный период к ним относились Новороссия, Сибирь, Казахстан, Северный Кавказ и Заволжье. С 80-х годов XIX в. возрастает также значение эмиграционных и иммиграционных процессов. Переселения внутри страны и

эмиграция за рубеж были неразрывно связаны с усилившимся аграрным перенаселением. Не имеющие достаточных земельных наделов, испытывающие на себе гнет всевозможных пережитков феодально-крепостнического строя, лишенные возможности найти работу в городах крестьяне стремились уйти и уходили на слабозаселенные плодородные окраины в надежде организовать там собственное хозяйство. Жители же западных окраин империи во все возрастающих количествах уходят на заработки в соседние государства Европы (Германию, Скандинавские страны и др.), а также уезжают в Америку. Многие обращаются там к земледелию или превращаются в промышленных рабочих и остаются на постоянное жительство. Царизм в течение почти всей второй половины XIX в. всячески препятствовал миграции, защищая интересы землевладельцев, нуждавшихся в дешевой рабочей силе. В ряде случаев, однако, он вынуждал отдельные группы населения к эмиграции (крымские татары, горцы Западного Кавказа в 60-е годы XIX в., евреи — с 80-х годов XIX в. и т.д.).

Несмотря на противодействие властей, в условиях развивающегося капитализма миграционное движение в той или иной его форме ширилось по всей Европе, включая и Россию, и приобрело огромный размах, вынуждая администрацию задним числом узаконивать объективные факты реальной жизни. В дореволюционной историографии миграции рассматривались как благо для населения, причем в роли благодетеля выступало феодально-крепостническое или буржуазное государство, а также предприимчивые помещики и капиталисты. Огромен вклад народных масс в дело заселения окраин, ведущую роль в этом процессе играло стихийное народное переселенческое движение.

В советской историографии миграции населения трактовались односторонне, сначала как стихийный протест, результатом которого воспользовались крепостники, а затем как неизбежное зло, порожденное царизмом. Последний, стремясь разрешить аграрный вопрос в стране за счет самих крестьян, стимулировал переселения на окраины миллионов мигрантов из Европейской России, причем переселения сопровождались ущемлением интересов коренного населения окраин[12]. В советское время так и не было создано обобщающих исследований, в которых бы устанавливалась абсолютная численность мигрантов, направления миграционных потоков, места выхода и водворения их, социальный и этнический состав.

Явления эпохи империализма обычно автоматически опрокидывались в прошлое. На самом деле не только до, но и после реформы 1861 г. значительнейшая часть переселений, как правило, осуществлялась независимо, а нередко и вопреки интересам царизма. Обездоленные крестьяне устремлялись на окраины, не испрашивая ничьего разрешения. Лишь с рубежа XX в. царизм действительно перестает видеть в миграциях только неизбежное зло и пытается использовать их для спасения помещичьего землевладения, да и всего существующего строя. Правда, тогда, когда этого требовали интересы всего капиталистического общества в целом, царизм мог предпринимать быстрые и дорогостоящие акции, направленные на интенсификацию переселений. В 1860-е годы были затрачены немалые средства для быстрого освоения опус-

телого Западного Кавказа и Крыма, а в 80-е годы, когда возникла необходимость скорейшего заселения Приморья, нашлись средства для перевоза сюда морем из Европейской России больших партий мигрантов[13].

К сожалению, ни дореволюционные, ни советские ученые не привлекали для своих исследований в необходимой мере сведения об абсолютных размерах миграционных процессов, их направлениях и составе. Сбор материалов о числе земледельческих переселенцев в Сибирь и Среднюю Азию был организован лишь в 1896 г., когда при Министерстве внутренних дел создается Переселенческое управление[14]. Данные же о заселении других частей империи (Новороссии, Кавказе, Поволжье и др.) вообще не суммировались где-либо в централизованном порядке. Этим делом ведали губернские статистические комитеты. Поэтому сведения о движении населения этих окраинных территорий разбросаны по всевозможным обзорам губерний и областей, которые печатались с 70-х годов XIX в.

Переселенческое управление собирало и публиковало только данные (по годам) о числе земледельческих мигрантов, проследовавших в азиатскую Россию по суше. Здесь нет сведений о числе ссыльных, об отставных солдатах и горожанах, о количестве переселенцев, прибывших в Сибирь и на Дальний Восток морем или из-за границы. Более полные материалы, как правило, имеются в отчетах и обзорах губернаторов соответствующих территорий. Используя эти источники, можно исследовать внутренние миграционные процессы в пореформенной России, в «числе и мере», хотя не подлежит сомнению, что и здесь учтены не все переселенцы.

Как отмечалось, в дореформенный период с V по X ревизию (1796–1858 гг.) в России заселялись главным образом Новороссия, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье. В эти районы выбыло более 2,7 млн. чел.[15]. Кроме того, около 200 тыс. армян иммигрировало в Россию в 1828–1831 гг. из Персии и Турции. В Сибирь в те же годы прибыло почти 520 тыс. чел., среди которых оказалось 350 тыс. ссыльных и 170 тыс. свободных крестьян-переселенцев[16]. Это и было то число мигрантов, которые переселялись из Европейской России в азиатскую ее часть.

Эмиграция из России в дореформенный период была еще невелика. Баланс миграций русских подданных, официально зарегистрированный русской статистикой в 1828–1860 гг.[17], составил отрицательную величину, равную 222,4 тыс. чел. (см. табл. 17 и 24). Это были в основном крымские татары и ногайцы, которые начали покидать Россию в 1860 г. Здесь не учтены 400 тыс. польских эмигрантов, которые нелегально покинули Царство Польское в начале 30-х годов.

Приток иностранных подданных в Россию, первоначально относительно невысокий, начал возрастать с 50-х годов XIX в. Ранее это были земледельческие мигранты: немцы (115 тыс.) и болгары с греками (135 тыс.), а также армяне. В 40–50-е годы прибывали уже преимущественно неземледельческие мигранты в основном из Германии, Австрии и Персии.

В 1828–1860 гг. баланс миграций иностранцев в Россию дал положительную величину — 269,5 тыс. чел. (см. табл. 17 и 24). В 1828–1850 гг. приток

иностранцев еще был невелик (65 тыс. чел.), но в 50-е годы он повысился до 195 тыс. Более половины иммигрантов пришлось на долю выходцев из Германии (33,5%) и Австрии (21,3%). Среди других государств можно назвать Персию (21,3%) и Турцию (10,3%). Отсюда в Россию шли болгары, греки, армяне.

В пореформенные годы миграционные процессы в России интенсифицируются. Все большее число мигрантов устремляется на окраины империи, убывает за рубеж или переселяется в Россию. В общем миграционном движении в России пореформенного периода выделяются два периода:

а) до начала революции 1905–1907 гг. и проведения новой столыпинской аграрной политики;

б) в период осуществления этой политики и до Октябрьской революции 1917 г.

В сущности, первый период по состоянию источников (проведение в России крупных исчислений населения 1859, 1863, 1867 гг. и демографической переписи 1897 г.) удобнее рассматривать с конца 50-х годов по 1897 г., а в ряде случаев — по общепринятым в европейской статистике десятилетиям, т.е. с 1861 по 1900 год. Второй период легче анализировать с 1897 по 1917 гг. (между двумя переписями населения 1897 и 1917 гг.). Однако и здесь нередко анализ лучше проводить по десятилетиям (1901–1910 гг., и 1911–1920 гг.). Небольшое хронологическое отступление от принятой периодизации не влияет на общие выводы, но дает возможность подкрепить их данными общеимперской и европейской демографической статистики.

В 60–90-е годы XIX в. в переселенческой политике царизма можно выделить следующие этапы:

1) 60-е годы, когда действовали в основном еще тенденции дореформенного периода и заселялись те же районы (Новороссия, Северный Кавказ, Южное Приуралье). Эмиграция в страны Нового Света оставалась незначительной. Своеобразием этого периода следует считать оживление иммиграции в Россию из других стран Европы (в основном из Германии и Австрии), а также временное резкое увеличение эмиграции из России в Турцию мусульманского населения (в основном в 1860–1865 гг.);

2) 70-е годы — период ограничения каких бы то ни было переселений. Теперь ослабляется отток земледельческого населения из Европейской в Азиатскую Россию и другие окраинные районы Европейской России. Еще более усиливается иммиграция в Россию из европейских государств. Приобретает ощутимые размеры эмиграция из России в страны Нового Света (в основном в США). Эмигрируют преимущественно немцы, евреи и поляки;

3) 80–90-е годы — время, когда царское правительство вновь (как это было в дореформенный период) признает полезность внутренних земледельческих миграций на окраины экономически состоятельного крестьянства. Это вызвало оживление в заселении Сибири, Дальнего Востока и Казахстана. Усиливается эмиграционное и иммиграционное движение. Из России уезжают (поляки, евреи, литовцы). Иммигрируют, как и раньше, жители соседних ев-

ропейских государств (Германии, Австро-Венгрии), а также Персии и Турции. Новым следует считать усилившуюся сезонную миграцию главным образом жителей Царства Польского в Германию и Скандинавские страны. Усиливается и эмиграция евреев в Палестину и государства Европы.

Рассмотрим характер миграционных процессов по выделенным периодам.

Внутренние миграции в России в 60-е годы XIX в.

В 60-е годы XIX в. переселенческое движение в империи из Центра на окраины осуществлялось еще в соответствии с законодательством 40–50-х годов. Перевод помещичьих крестьян на новые земли почти прекратился в 50-е годы. Положение 29 февраля 1861 г. фактически исключало право бывших помещичьих крестьян на переселение[18]. Временнообязанные крестьяне должны были помещикам огромные суммы за свои наделы, однако отказаться от них и уехать на окраины они не имели права. Государственные же крестьяне до 1867 г. могли переходить на новые места на основании «Правил о переселениях» от 8 апреля 1843 г.[19]. Законным поводом к переселению по-прежнему признавалось малоземелье, когда в крестьянской семье приходилось менее 5 десятин удобной земли на ревизскую душу. Для заселения назначались губернии и уезды, где на ревизскую душу приходилось более 8, а в степной полосе — 15 десятин. На новых местах для новоселов в обязательном порядке заготовлялись на первое время продовольствие, засевалась часть полей, накашивалось сено для прокормления скота в первую зиму, заготовлялись орудия труда и рабочий скот. На эти цели выделялось на каждое семейство по 20 руб. Переселенцы освобождались от уплаты денег за перевоз через реки и от других подобных поборов. Со старых мест их должны были отпускать в удобное время года. Правила воспрещали возвращение переселенцев назад с пути следования или места нового водворения. Для возведения жилищ крестьяне получали на новых местах лес (по 100 корней на двор). Кроме того, им выдавали на каждую семью безвозвратно по 25 руб., а в случае отсутствия леса — по 35 руб. Новоселы получали ряд льгот: пятилетнюю — от воинского постоя, восьмилетнюю — от уплаты податей и отправления других повинностей, а также трехлетнюю — от рекрутской повинности.

В 1866 г. положение круто изменилось. Государственные крестьяне были переданы из состава ликвидированного Министерства государственных имуществ в ведение общекрестьянских учреждений, переведены на выкуп и лишены права пользоваться правительственными кредитами и льготами, предоставленными им законом 1843 г. Переселения совершались теперь за счет самих крестьян и дозволялись лишь в случае приобретения земли в районах водворения. Лишь немногие, наиболее зажиточные крестьяне могли осуществлять их. Многие бедняки по временным паспортам уходили в Новороссию, на Северный Кавказ, снимая в аренду у местного населения участки земли. Однако даже проживая здесь многие годы, они считались «иногородными» и не пользовались на новых местах никакими правами.

В России в 60-е годы XIX в. продолжались переселения крестьян из внутренних губерний главным образом в Новороссию, Южное Приуралье и Сибирь. С 60-х годов начинает заселяться Дальний Восток. Так в Новороссии положительный баланс миграции в 1859–1870 гг. составил 102 тыс. чел. Это число было бы большим, если бы не эмиграция в Турцию крымских татар в 1860–1862 гг.[20]. В Херсонской губернии он составил 88,9 тыс. чел., в Донской — 78,0 тыс., в Бессарабской области — 26,9 тыс., в Екатеринославской губернии — 17,2 тыс. Из Таврической же губернии эмигрировало 192,2 чел. На место убывающих прибыло из внутренних губерний страны (преимущественно из Воронежской, Полтавской и Курской) 48650 чел. и из-за границы — 34627 чел. В результате общая убыль составила 108,9 тыс. чел.

В Сибирь и на Дальний Восток мигрировало в 1859–1870 гг. (вместе с ссыльными, но за вычетом вернувшихся) — 129,4 тыс. чел. (по данным губернаторских отчетов). Из этого числа в Тобольской губернии осело 35,4 тыс. чел., в Томской — 28,2 тыс., в Приморской — 25,5 тыс., в Амурской — 14,4 тыс., в Енисейской — 14 тыс., в Иркутской — 11,9 тыс. чел.[21]. Больше всего новоселов прибыло в Западную Сибирь (Тобольскую и Томскую губернии), хотя легальное переселение разрешалось лишь в области Дальнего Востока.

24 марта 1861 г. были опубликованы «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях»[22]. В основу их были положены начала добровольного льготного переселения с правом приобретения земли в собственность. Правила предписывали:

1) всем поселявшимся в Амурской и Приморской областях отводить свободные участки казенной земли во временное владение или в полную собственность;

2) желающим селиться целым обществом, которое должно состоять не менее, чем из 15 семейств, отводить сплошной участок земли на пространстве не более 100 десятин на каждое семейство;

3) от вершин р. Уссури и по ее течению к морю такие участки предоставлялись в вечное и постоянное пользование всего общества;

4) в других местностях отведенные крестьянским обществам участки предоставлять в пользование на 20 лет бесплатно, однако ни продавать, ни отчуждать их не имели права.

Новые льготы переселенцам давал указ Сената от 24 апреля 1861 г. Все лица, переселившиеся на Дальний Восток за собственный счет, освобождались от отбытия рекрутской повинности на десять наборов. Кроме того, они не должны были платить подушную и лишь по истечении 20-летнего срока привлекались к уплате поземельной подати[23]. С небольшими изменениями эти правила действовали до 27 апреля 1901 г.

Хотя льготы, предоставляемые новоселам, были значительны, люди должны были добираться до Амура или Уссури за свой счет без помощи от казны. Не всем это удавалось. Сибирский публицист Н.М.Ядринцев справедливо отмечал, что «многие шедшие на Амур истощали энергию и средства и принуждены были оставаться в Восточной и Западной Сибири»[24]. Отчеты Амурского

губернатора показывают, что из получивших разрешение на переселение в Амурскую область в 1866–1871 гг., дошло до цели назначения менее трети (получили разрешение 8893 чел., а прибыли — 2720 чел. или 30,6%)[25]. Все недошедшие заселяли преимущественно Западную Сибирь как из-за «истощения средств», так и в связи с наличием здесь незанятых земель.

Кроме Новороссии и Сибири в 1860-х годах интенсивно заселялись Южное Приуралье и Северный Кавказ. В Южное Приуралье по данным губернаторских отчетов прибыло около 31 тыс. чел.

Весьма своеобразное положение занимает Северный Кавказ, где со второй половины 60-х годов усиливаются темпы заселения созданной в 1860 г. Кубанской области. Из табл. 5 видно, что в 1864 г. отсюда в страны Ближнего Востока убыло более 470 тыс. горцев Западного Кавказа (абазинцев, бжедухов и др.). На их место в основном переводятся казаки из губерний Левобережной Украины и области Войска Донского. Гражданское население не имело права переходить сюда (за исключением г. Ейска), и все переселенцы должны были записываться в Кубанское казачье войско. Лишь 23 декабря 1865 г. было опубликовано постановление о «приостановлении зачисления в Кубанское казачье войско лиц всех сословий»[26]. До 1868 г. в области расселялись только лица казачьего сословия и отставные солдаты. 28 апреля 1868 г. было дозволено лицам не войсковых сословий водворяться «в казачьих станицах»[27]. С этого времени начинается интенсивное переселение крестьян на Кубань (в 1868 г. механический прирост составил 3,9 тыс., а в 1870 г. — уже 27,1 тыс. чел.). В 1861–1866 гг. в области поселилось только 42 тыс. казаков. На опустелых землях водворилось более 86 тыс. казаков, однако большую часть из них составили выходцы из Кубанского войска, находившегося в пределах той же Кубанской области (более 44 тыс. чел)[28].

Таким образом, в 1859–1870 гг. приток переселенцев в Кубанскую область равнялся 73 тыс. чел. (в 1861–1867 гг. — около 42 тыс. казаков, в 1868 г. — 4 тыс. и в 1870 г. — 27 тыс. крестьян), а эмиграция горцев — 470 тыс. чел. В результате механическая убыль достигла 397 тыс. чел. В отличие от Новороссии эта огромная волна переселенцев-эмигрантов в 60-е годы не была компенсирована притоком новоселов. Число жителей Кубанской области сокращается (в 1864 г. — более 1 млн. чел., в 1866 г. — 564,9 тыс., в 1867 г. — 600 тыс., в 1868 г. — 604,3 тыс., в 1869 г. — 611,9 тыс., в 1870 г. — 608,1 тыс. чел.).

Одновременно с выселением на окраины России крестьянства усиливается его приток в города на заработки. В 1859–1870 гг. механический прирост в Петербурге составил 234,3 тыс. чел., а естественная убыль достигла 40 тыс. чел.[29].

По Москве мы располагаем аналогичными данными с 1867 г. В 1867–1870 гг. механический прирост равнялся здесь 54,2 тыс.чел.[30]. Бесспорно, что и в другие города империи (Варшава, Рига, Одесса, Ревель, Киев, Казань и др.) направлялись все возрастающие потоки мигрантов.

Районы выхода внутренних переселенцев в 60-е годы остались прежними. Это были преимущественно Левобережная Украина и Центрально-Земледель-

ческий район. Губернаторские отчеты, к сожалению, не дают полного представления о размерах этого движения. В местах прибытия учет мигрантов был качественнее, хотя также неполным. Однако и такие источники свидетельствуют о том, что из Полтавской губернии в 1859–1870 гг. выбыло 36,5 тыс., из Воронежской — 33,7 тыс., из Вятской — 25,2 тыс. чел. Сильный отток осуществлялся из Черниговской, Курской, Тамбовской, Орловской и других губерний.

Таким образом, несмотря на жесткие ограничения и в 60-е годы XIX в. продолжается стихийный процесс переселения значительных групп земледельческого и неземледельческого населения центральных районов России и Левобережной Украины на окраины и в города. Политика царизма могла замедлить, но не была в состоянии остановить этот процесс, в котором выражался активный протест народных масс против искусственно созданного аграрного переселения, не разрешенного реформой 1861 г.

Эмиграция из России в 60-е годы XIX в. Выезд крымских татар и ногайцев в 1860–1862 гг. Иммиграция в Россию

Остановимся на анализе эмиграционных и иммиграционных процессов в России в 60-е годы XIX в.

Уже с конца 50-х годов XIX в. эмиграция из России начинает превышать приток в нее иммигрантов (см. табл. 17, 25 и 26)[31]. Табл. 26 показывает, что в 1859–1870 гг. баланс миграции в России дал отрицательную величину — 288,5 тыс. чел. (в 1858–1860 гг. — 155,2 тыс. и в 1861–1870 гг. —183,4 тыс. чел.). Всего в Россию прибыло (за вычетом выбывших) 144,6 тыс. чел. иностранцев, а баланс миграции российских подданных дал отрицательную величину — 433,1 тыс. чел. Это было связано с эмиграцией из Российской империи около 200 тыс. татар и ногайцев Таврической губернии, уходом приблизительно 470 тыс. горцев Западного Кавказа (в 1864 г.), а также с эмиграцией поляков в 1864–1865 гг. в Западную Европу (Францию, Австрию, Англию).

Остановимся на эмиграции в Турцию крымских татар и ногайцев в 1859–1861 гг., так как о них в губернаторских отчетах сохранились подробные данные. Это была вторая массовая волна эмиграции татар и ногайцев из России.

Первоначально предполагалось переселить татар Крыма вглубь страны. Мысль о необходимости перевода татар, «живущих близ моря между Перекопом и Севастополем», в другие губернии России возникла у царской администрации в октябре 1854 г. «с целью удалить татар от театра войны и тем самым лишить неприятеля возможности приобретать у них разного рода довольствие»[32]. Реализована она была частично. В мае 1855 г. были выселены татары, живущие на 25-верстной полосе земли вдоль Черного моря между Перекопом и рекою Альмою, и временно размещены в Перекопском и Симферопольском уездах[33]. Это были внутреннние перемещения. Они привели к сокращению населения в Евпаторийском уезде и его росту в Перекопском и Симферопольском. Тогда же из временно оккупированной англичанами и французами части Евпаторийского уезда в Добруджу, являвшуюся тогда час-

тью входящей в состав Турции Болгарии, было вывезено около 15 тыс. крымских татар[34]. Это и явилось началом татарской эмиграции из России в Турцию.

Что касается дальнейшего переселения крымских татар и ногайцев вглубь России, то оно было приостановлено, так как против этого мероприятия выступил наместник Новороссийского края князь М.С.Воронцов. В 1856 г. он доказывал, что «в последние 60 лет горная и лесная часть Крыма за Салгиром, Альмою и Кагою и особливо южный берег сделали важные успехи в приращении государственного богатства»[35], исключительно благодаря проживающему там татарскому населению. Кроме того, в период Крымской войны, по утверждению М.С.Воронцова «только самое малое число татар предалось неприятелю, между тем как большинство осталось верно своему долгу и исполняло обременительные повинности»[36]. Министерство государственных имуществ также признало нецелесообразным выселять татар из Крыма. Вот его заключение: «все доныне предпринимаемые попытки русскими помещиками к водворению русских крестьян в Крыму были неуспешны и недействительны, а потому неосторожно и невыгодно было бы вывести татар из Крыма без убеждения в возможности заселить оставляемые ими земли русскими...»[37]. Поэтому власти отказались предпринимать радикальные меры к выселению татар из Крыма. Мусульманское население Таврической губернии во время Крымской войны надеялось, что в результате поражения России Таврида будет отделена от нее и войдет в состав Турции. Под воздействием турецкой пропаганды и фанатически настроенного духовенства после окончания войны, когда Крым остался в составе России, у татар и ногайцев создалось убеждение, что единственной возможностью избавиться от русского владычества является эмиграция в Турцию. Русские власти способствовали этому. Слухи о возможном выселении татар из Крыма получили широкое распространение в губернии и царские власти не предпринимали никаких мер для их пресечения. Выселенные в Симферопольский и Перекопский уезды татары не получили разрешения вернуться в свои дома на берегу Черного моря. Широкие массы татарского населения (включая дворянство и духовенство) надеялись обрести в Турции землю и свободу. Эти стремления были обмануты, но тогда на рубеже 60-х годов XIX в. сыграли решающую роль в массовой эмиграции татар и ногайцев. История Крыма была историей обезземеления основной массы татарского населения. Так, в начале XIX в. в руках татарских крестьян находилось около 600 тыс. десятин земли (30% всего земельного фонда). К 50-м гг. XIX в. размеры этих земель сократились наполовину, хотя численность татарского населения в этот период выросла с 137 до 242 тыс. чел. А в начале XX в. в руках татарских крестьян осталось только 149 тыс. десятин. В 60-е годы доля безземельных татарских крестьян составила 52%, а в начале XX в. — 64%[38].

Таким образом, основными причинами татарской эмиграции следует считать: 1) все возрастающее малоземелье и даже прямое обезземеливание; 2) несправедливая национальная политика царизма (ущемление национального достоинства, далеко неполное возмещение убытков, понесенных в годы Крым-

ской войны, выселение вглубь Крымского полуострова в 1855 г. без права возвратиться обратно и т.д.); 3) активная турецкая агитация, обещание всевозможных благ на новых местах.

К весне 1860 г. идея переселения в Турцию была окончательно принята большинством мусульманского населения Таврической губернии[39]. Особенно активными были ногайцы. В конце 1859 г. в ногайских селениях Бердянского и Мелитопольского уездов зазимовали 16 тыс. кавказских ногайцев, получивших уже разрешение на переселение в Турцию. Их пример увлек крымских татар и ногайцев и они взялись за ликвидацию своих хозяйств. Весной 1860 г. ногайцы, например, уже не засевали свои поля, а батраки нанимались на сроки не позже 15 апреля[40]. Подавляющая масса татар и ногайцев выбыла в Турцию в течение апреля — октября 1860 г. Турецкие власти разместили крымских татар в южной Добрудже, а кавказских и таврических ногайцев — в Малой Азии[41].

Отчеты Таврического губернатора за 1860–1862 гг. рисуют ход переселенческого движения из Таврической губернии мусульманского населения[42]. Всего в Турцию убыло 192,4 тыс. чел. (в 1860 г. — 165,6 тыс. или 86,1% всех эмигрантов, в 1861 г. — 24,9 тыс. или 13% и в 1862 г. — 1,9 тыс. или 0,9%). Подавляющая часть татарско-ногайских эмигрантов выбыла в 1860 г. Паспорта на переселение в 1860 г. получили 177 тыс. чел. (92% всех покинувших Тавриду), однако 11,4 тыс. чел. не успели уехать в 1860 г. и выбыли в следующем 1861 г. В опубликованных исследованиях люди эти без оговорок включаются в состав переселенцев 1860 г., что несколько искажает динамику этого процесса[43]. В течение 1860 г. выселиться успели, главным образом, наиболее подвижные полукочевые или недавно осевшие ногайцы материковой части Тавриды и татары Перекопского уезда. Как показывают табл. 20–22, к 1 января 1861 г. Россию покинули почти все татары и ногайцы Бердянского, Днепровского и Мелитопольского уездов. В Перекопском уезде численность татарского населения сократилась на 82,6% (с 32,5 до 5,6 тыс. душ м.п.). Убыль в других уездах Крымского полуострова оказалась менее значительной (в Феодосийском — на 48,4%, в Симферопольском — на 43,8%, в Евпаторийском — на 31%). В наименьшей мере эмиграционное движение коснулось Ялтинского уезда (сокращение с 15,9 до 11,7 тыс. душ м.п. или на 26,5%). Как показывает табл. 27, за счет убыли татар и ногайцев общая численность жителей губернии за 1860 г. снизилась на 93,3 тыс. чел. м.п. или на 25,6% (с 364,6 до 271,3 тыс. душ м.п.). Мусульманское же население за это время уменьшилось на 96,6 тыс. душ м.п. или на 59,7% (с 161,9 до 65,2 тыс. душ м.п.)[44].

В 1861 г. число жителей губернии увеличилось на 5,7 тыс. душ м.п.[45]. Численность же татар и ногайцев по данным отчета Таврического губернатора понизилась на 24 тыс. душ м.п. (см. табл. 21). Фактически же выбыло только 7,4 тыс. душ м.п. и 13,5 тыс. чел. обоего пола[46]. Чем же объясняются столь значительные расхождения в сохранившихся сведениях? С 1861 г. царские власти начинают ограничивать эмиграцию татар и ногайцев в Турцию, так как создается реальная угроза обезлюдения Крымского полуострова. Кроме того,

в 1861 г. возникает уже обратное движение татар из Турции в Крым. Они познали уже все «прелести» жизни за рубежом и сообщали неуспевшим уехать, что турки отвели татарам и ногайцам плохие земли, дурно с ними обращались и т.д.[47]. Поэтому часть уже получивших паспорта на выезд не воспользовалась ими и осталась на жительство в Таврической губернии. В отчете же Таврического губернатора за 1861 г. приводятся как данные о количестве фактических мигрантов (7,4 тыс. душ м.п.), так и сведения о количестве желающих выехать из России на основании выданных паспортов (24 тыс. душ м.п.). Таким образом, цифры, приведенные в табл. 21 за 1861 г. (на 1 января 1862 г.), являются скорее показателем тех возможностей, которыми располагало переселенческое движение татар и ногайцев в 1861 г. Характерно, что в 1861 г. больше всего стремящихся эмигрировать из России было в Симферопольском и Перекопском уездах. Из Ялтинского по-прежнему было мало желающих.

В 1862 г. из Таврической губернии выехало только 1011 душ м.п. (1917 чел. обоего пола). Это были остатки мощного ранее движения. Табл. 28 показывает, что к 1 января 1863 г. в Тавриде осталось около 57 тыс. татар м.п. (женского пола было 46,4 тыс. чел.). Это составляло 34,9% уровня 1860 г. (на 1 января 1860 г.), когда в губернии проживало максимальное для XIX в. количество татар и ногайцев. В уездах материковой части губернии (Бердянский, Днепровский и Мелитопольский) ногайское и татарское население практически исчезло. В Перекопском его осталось только 10,3% от уровня 1860 г., в Феодосийском — 39,8%, в Симферопольском — 57,3% и Ялтинском — 74,7%. В результате эмиграции татар и ногайцев из Таврической губернии только Симферопольский, Евпаторийский и Ялтинский уезды сохранили большую часть своего населения. В течение 1860–1862 гг. численность татар и ногайцев в губернии сократилась с 161,9 до 56,6 тыс. душ м.п. К 1 января 1863 г. в Таврической губернии осталось 103 тыс. чел. татар (56,6 тыс. душ мужского и 46,4 тыс. женского пола). Табл. 29 фиксирует численность татар и ногайцев, эмигрировавших из Таврической губернии в 1860–1862 гг., по уездам.

Ее данные подтверждают цифры, приведенные в табл. 27, 28. Мы видим, что подавляющая часть эмигрантов действительно вышла из Перекопского, Симферопольского, Феодосийского и Бердянского уездов. На долю прочих осталось 18,4% всех выселившихся из губернии. Если в Днепровском и Мелитопольском уездах уже некому было уезжать, то в Ялтинском и Евпаторийском татарское население не проявило особой склонности покидать родные места (см. табл. 28). Характерно также, что если в Ялтинском уезде татары вообще почти не подверглись влиянию эмиграционной кампании, то в Евпаторийском эмиграция продолжалась и в 1861 г., и в 1862 г., и по общему числу выселившихся уезд этот в 1861–1862 гг. находился на первом месте в губернии. В результате эмиграционного движения татары и ногайцы полностью покинули в Таврической губернии 784 селения (в Бердянском уезде — 68, в Мелитопольском — 9, в Перекопском — 278, в Симферопольском с Ялтинским — 20, в Евпаторийском — 196 и т.д.[48]. Начиная с 1863 г. численность

татар в Таврической губернии благодаря естественному приросту постепенно увеличивается. Как показывает табл. 28, к 1870 г. она достигает уровня 1861 г.

Немыслимые страдания обрушились на бедных татарских и ногайских мигрантов сразу же после того, как они покинули Россию. Только две трети их благополучно добрались до турецких берегов. Около 60 тыс. погибло в Черном море от качки, голода и крушения судов[49]. На новых местах турецкие власти не проявляли должной заботы об иммигрантах. Им отводили неудобные земли и в недостаточном количестве, плохо с ними обращались и т.д.[50]. Положение татар и ногайцев в России при всех его теневых сторонах оказалось лучшим. К сожалению, мытарства татар после их водворения в Турцию далеко не закончились. В 1878 г. после поражения Турции в войне с Россией северная Добруджа отошла к Румынии, а южная — к Болгарии. В результате этого более 40 тыс. татар, выходцев из Крыма (с детьми), были вынуждены вновь уйти в Турцию в ее новых границах[51].

В 1863 г. начинается обратное движение татар и ногайцев в Россию, однако численно оно было невелико. Царские власти были заинтересованы, чтобы возвращенцы поселились на помещичьих землях, так как там испытывалась большая потребность в рабочей силе. Крым представлял тогда неприглядную картину. Села обезлюдели, поля не обрабатывались, ценность земли упала с 20 до 3 рублей за десятину. Дошло до того, что власти были вынуждены послать для полевых работ трехтысячный отряд солдат[52].

Поскольку казенные земли Крыма были быстро заселены, царские власти разрешили возвращаться в Россию только: а) тем татарам, которые заключат договоры с помещиками о поселении на их землях или б) вызываемым своими родственниками и имеющим необходимость вернуться в Крым по имущественным обстоятельствам[53]. Таких охотников нашлось мало и почти все эмигранты навсегда остались за рубежом. В конце 60-х годов XIX в. в Болгарии (Дунайском вилайете) было учтено 80–100 тыс. татар и ногайцев, недавних выходцев из Таврической губернии[54]. Последующие переписи в Болгарии уже не показали наличия татар или ногайцев. Они либо слились с турками, либо выехали в Турцию. Переписи в 1927 и 1955 гг. не регистрировали в Турции ни татар, ни ногайцев. В 1935 г. количество татар составило здесь всего 16, а в 1959 г. — 10 тыс. чел.[55]. Это были уже немногочисленные остатки того большого числа татар и ногайцев (около 200 тыс. чел.), которые некогда выехали в Турцию.

Эмиграция российских подданных в Америку в 60-е годы была незначительна. Туда выехало, в основном в США, только 4,9 тыс. (в том числе из Польши 2 тыс. чел.)[56]. Эмигранты из России уезжали в соседние государства Европы и Азии.

Таблица 17 показывает, что с 60-х годов XIX в. набирает силу иммиграция в Россию подданных Германии и Австро-Венгрии. Баланс миграций с Германией составил в эти годы +271,1 тыс.чел., а с Австро-Венгрией +145,7 тыс. чел. Это был приток неземледельческого населения в основном в города империи.

Внутренняя миграция в России в 70–80-е годы XIX в.

В 70-е годы XIX в. миграционное движение в России усиливается. Особенно сильно возрастают переселения земледельческого крестьянского населения на окраины империи, хотя они по-прежнему считались незаконными. Поэтому мигранты не пользовались никакой поддержкой царской администрации. По приговору общины крестьяне могли приобретать земли в других частях России и, имея необходимые денежные средства, переселяться туда. Такое могли себе позволить лишь зажиточные хозяева. Шире практиковался отход по паспортам в многоземельные губернии и области Новороссии и Северного Кавказа, где отходники работали батраками, снимали землю в аренду или устраивались на работу на шахтах или промышленных предприятиях. Переселения в области Дальнего Востока в 1870-е годы почти прекратились. Зато усилился отток жителей Левобережной Украины и Черноморского центра в Южное Приуралье. В 1869, 1871 и 1876 гг. были утверждены положения «Комитета по устройству сельского состояния», которые разрешали миграцию в Оренбургскую, Уфимскую и Самарскую губернии безземельных крестьян и лиц, имевших так называемые дарственные наделы (четверть узаконенной нормы)[57]. В 1871–1881 гг. механический прирост достиг в Уфимской губернии 45 тыс.[58], а в Оренбургской — 25 тыс. чел.[59]. В Казахстане в Семипалатинской области он равнялся в эти годы — 15,6 тыс. чел., на Северном Кавказе — 247,7 тыс. (в Кубанской области — 175,3 тыс. и в Донской — 72,1 тыс.), в Сибири — 142,9 тыс. (в Тобольской — 92 тыс. чел., в Томской — 37 тыс., в Енисейской — 13,9 тыс.) и на Дальнем Востоке — 14 тыс. (в Амурской области — 12,5 тыс., в Приморской — 1,5 тыс. чел.)[60].

Таким образом, в 70-е годы XIX в. заселялись в первую очередь земли Северного Кавказа. Сибирь, Дальний Восток и Казахстан еще не превратились в основные осваиваемые районы страны.

В 80-е годы царское правительство было вынуждено облегчить условия переселения из центральных малоземельных губерний на окраины, хотя право на миграцию сохраняли зажиточные крестьяне, располагающие средствами на переезд и обзаведение необходимым на новых местах. 10 июля 1881 г. после завершения работы «Особого совещания сведующих людей для разработки вопроса о крестьянских переселениях» были утверждены «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли». Они активизировали заселение окраин, особенно Сибири, Дальнего Востока и Казахстана[61]. На основании этих «Правил» новоселам отводилось до восьми десятин земли на душу, за что надлежало платить оброчную подать. Допускался перевод временнообязанных крестьян, которые начали выкуп своих наделов и чье «экономическое положение вынуждало к переселениям»[62].

Для Дальнего Востока в целях его быстрейшего заселения были приняты особые законы. В 1882 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г.Анучин рекомендовал организовать перевоз мигрантов на Дальний Восток морем за казенный счет. Это предложение было принято, и, начиная с 1883 г., через Одесский порт в Южно-Уссурийский край направляются первые партии новоселов. Преимущество отдавалось жителям Левобережной Украины, особен-

но сильно страдавшим от малоземелья и перенаселенности[63]. Это было вызвано как высоким удельным весом в этих губерниях (Полтавской, Черниговской и Харьковской) помещичьего землевладения, так и сокращением размеров крестьянских наделов в связи с социальным расслоением в деревне и повышенным естественным приростом населения. Левобережная Украина, кроме того, была близка к южным портам, а отсутствие здесь развитой промышленности не позволяло обезземеленному крестьянству найти надежные источники существования.

1 июня 1882 г. были опубликованы специальные правила о казенном переселении в Южно-Уссурийский край, согласно которым из Европейской России ежегодно должны были переселяться 250 семей крестьян[64]. В 1883–1885 гг. в Южно-Уссурийский край на казенный счет было привезено морем 4698 чел.[65], на что было затрачено более 1 млн. руб.[66]. А всего к 1901 г. было перевезено более 55 тыс. чел.[67].

13 июля 1889 г. был опубликован новый закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли»[68]. В Тобольской и Томской губерниях, а также в Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской областях переселенцы получали государственную землю сразу в постоянное пользование. За эту землю они уплачивали поземельную подать и отбывали казенные и земские повинности. В законе впервые после 1843 г. говорилось о льготах и помощи новоселам. Они освобождались от уплаты казенных сборов и арендных платежей в Европейской России — на 2 года, за Уралом — на 3 года полностью, а в последующие три года получали отсрочку в отбытии воинской повинности. Однако закон объявлял беспощадную борьбу с самовольными мигрантами, которых предписывалось «возвращать обратно в административном порядке».

В начале 90-х годов XIX в. предпринимается попытка вновь ослабить миграционное движение (циркуляр от 22 февраля 1890 г. «О борьбе с самовольным переселением», распоряжение от 6 марта 1892 г. «О приостановлении легального переселения в Сибирь»). Однако циркуляр Министерства внутренних дел от 22 июня 1894 г. окончательно легализовал переселения в Сибирь и Казахстан[69]. Таким образом, в 80-е годы XIX в. миграции экономически состоятельного крестьянства на окраины вновь были признаны законными и полезными для государства. С 1893 г. переселенцам уже выдаются путевые пособия, оказывается врачебно-продовольственная помощь и устанавливается пониженный переселенческий тариф, равный трети стоимости проезда в вагонах четвертого класса[70].

Таблица 30 демонстрирует качество регистрации миграционных потоков органами текущего учета и переписью 1897 г. Несмотря на неполную сопоставимость этих материалов, можно все же придти к выводу, что перепись 1897 г. (по показателям о так называемых неместных уроженцах) гораздо полнее зафиксировала миграции, чем текущий учет 70-х — начала 90-х годов XIX в. Если регистрация новоселов в местах прибытия была организована в целом удовлетворительно, особенно на Кавказе (излишне учтено 0,34%), в Западной Сибири (недоучет 3,3% всех новоселов), в Казахстане и Средней

Азии (недоучет 16,3% мигрантов), то в районах выселения или большой неземледельческой иммиграции достоверность учета оставалась совершенно неудовлетворительной.

Текущий учет фиксировал только часть переселенцев, уходивших на окраины. В Прибалтике, где такой отток был невелик, он зарегистрировал 93,8% всех мигрантов, на территории Левобережной Украины — 41,1%, в Северном Приуралье — 29,5%, в Земледельческом центре —25,6%, в Среднем Поволжье — 23,1%.

Таким образом, только в Прибалтике размеры миграции были определены относительно полно. Дело в том, что текущий учет фиксировал, хотя и недостаточно полно, только легальное, официально дозволенное миграционное движение, которое тогда составляло лишь часть, притом меньшую, общего переселенческого потока. И лишь перепись 1897 г. показала реальные размеры миграции 70–90-х годов вообще, а текущий учет — только легальную их долю. Так, из Курской губернии по данным текущего учета выбыло 110,3 тыс. чел., а по показателям переписи в три раза больше — 349 тыс., из Полтавской соответственно — 181,2 тыс. и 347,6 тыс., из Воронежской — 91,4 тыс. и 341,9 тыс., из Рязанской — 24 и 291,6 тыс. и т.д.

В районах притока жителей в Европейской России самые полные данные оказались по Озерному району (85,5% от показателей переписи 1897 г.). В Южном Приуралье было зафиксировано 70,9% новоселов.

В Новороссии же текущий учет зафиксировал только 46,3% общего числа переселенцев, так как сюда с 1870-х годов прибывало много неземледельческого люда (для работы на шахтах и промышленных предприятиях), который не полно и не своевременно учитывался методами текущей регистрации.

Неудовлетворительными оказались данные текущего учета и в Центрально-Промышленном районе. По сведениям полицейской регистрации в 1870–1896 гг. механический прирост в районе достигал 423,8 тыс. чел., тогда как по данным переписи 1897 г. имелся отток, равный 265,2 тыс. чел. В сущности же фиксация механического движения в районе велась лишь в г. Москве (текущий учет зарегистрировал приток — 436 тыс. чел., а перепись — 510,5 тыс. чел.). В других губерниях и в сельской местности отток в города и на окраины практически не принимался во внимание, хотя по данным переписи 1897 г. он составил в Тверской губернии — 241,7 тыс. чел., в Калужской — 190,3 тыс., во Владимирской — 103,6 тыс. и т.д. Все это затрудняет использование данных текущего учета, которые могут привлекаться лишь для районов и губерний интенсивного притока земледельческих переселенцев.

Табл. 31 показывает (в основном по результатам переписи 1897 г.) размеры переселенческого движения на окраины в 1871–1896 гг. в основные районы вселения мигрантов. За эти годы из центральных районов выбыло (за исключением вернувшихся обратно) 3815,4 тыс. чел. Сибирь, выдвинувшаяся на первое место в 80-е годы XIX в., привлекла 30,1% всех мигрантов. Новороссия уступала Сибири (23,15%), однако и теперь сюда ушла почти четверть всех переселяющихся на окраины. Однако среди мигрантов здесь преобладали лица, прибывающие для работы на шахтах и промышленных предприятиях

(в основном в Екатеринославской губернии). Возросла (преимущественно за счет Кубанской области) роль Северного Кавказа (22,76% всех переселенцев), который почти сравнялся по значимости с Новороссией. Казахстан и Средняя Азия в 70–90-е годы XIX в. только начинали заселяться, хотя даже в этот период они приняли более 10% всех новоселов (в основном Акмолинская и Семипалатинская области Казахстана). Роль Южного Приуралья теперь снижается, и оно привлекло только 6,5% общего числа переселенцев (отметим, что в 30–40-е годы XIX в. их было 15,2%, в 50-е годы — 7,1%), Нижнее Поволжье характеризуется теперь умеренным отливом населения.

Особенно возрастает в пореформенный период роль Сибири. С середины 80-х годов XIX в. сюда устремляется основная масса внутренних земледельческих мигрантов. В 1871–1896 гг. здесь поселилось почти 1,1 млн. новоселов, что составило почти 30% лиц, мигрировавших на окраины (см. табл. 32). В первой половине XIX в. в ней оседало около 15% всех земледельческих переселенцев, что свидетельствует об ускорении освоения этого района. Почти две трети всех крестьян, прибывших в Сибирь и на Дальний Восток (18,25% всех мигрантов) разместились в Западной Сибири. Здесь ведущую роль играла Томская губерния (51,0% всех мигрировавших в район), где поселилось почти 600 тыс. новоселов, причем преимущественно с 1884 г. (до 1884 г. механический прирост не превышал 4 тыс. чел. в год, в 1884–1889 гг. он составлял в среднем ежегодно 20 тыс. чел., в 1890 г. прибыло 37,5 тыс. чел., в 1891 г. — 50,9 тыс., в 1896 г. — 61,1 тыс. и т.д.). Близкое число переселенцев приняла тогда только Кубанская область. В другой губернии Западной Сибири — Тобольской в 1870–1896 гг. разместилось небольшое число новоселов (8,8%). В Восточной Сибири можно назвать Енисейскую губернию (137 тыс. или около 12% лиц, поселившихся в районе), а на Дальнем Востоке — Приморскую область (150 тыс. или 13%).

В 70–80-х годах немалую часть переселенцев в Сибирь по-прежнему составляли ссыльные. Они преобладали в Иркутской (добровольные крестьяне в значительных количествах начали оседать лишь с 1898 г.), Енисейской (свободные переселенцы выходят на первое место с 1892 г.) и даже в Тобольской губернии (до 1891 г.). На Дальнем Востоке в 1871–1896 гг. селились в основном свободные поселенцы. Преобладали они и в Томской губернии. Из почти 600 тыс. мигрантов, прибывших сюда в 1871–1896 гг. ссыльных оказалось только 54 тыс. (8%). В Восточной Сибири в 1871–1896 гг., было водворено 219,5 тыс. мигрантов (5,7% общего их числа). Большую часть их составили ссыльные. Всего ссыльных в общей массе мигрантов оказалось тогда 26% (300 тыс.чел.).

Однако в пореформенный период существовали не только земледельческие мигранты, устремляющиеся на окраины империи. Во все возрастающих размерах переселенцев привлекали также быстро растущие города Европейской России.

Первое место по абсолютному числу прибывшего неземледельческого населения занимает Петербургская губерния (826,8 тыс. чел.), так как быстро развивающийся Петербург притягивал жителей ближайших и даже удаленных

губерний России. Так, по данным переписи 1900 г. в Петербурге было учтено пришлых крестьян из Тверской губернии — 116,4 тыс., из Ярославской — 83,5 тыс., из Новгородской — 50,8 тыс., из уездов Петербургской губернии — 49,5 тыс. чел. и т.д.[71]. В Московской губернии механический прирост равнялся 510,5 тыс. чел.[72]. Это также был в основном приток неземледельческого люда из соседних губерний района.

В Варшавской губернии механический прирост в 1871–1896 гг. достигал 193,5 тыс. чел., а в Петроковской — 200,4 тыс. В Варшаве он равнялся 215,5 тыс. чел. Приток мигрантов в быстро растущую польскую столицу усилился с конца 70-х годов (в 1878 — 23,3 тыс., в 1880 г. — 21 тыс., в 1885 —22,1 тыс. чел. и т.д.)[73]. В Петроковской губернии быстро рос промышленный центр Лодзь. В 50-е годы в нем проживало только 14,1 тыс. чел., а в 1897 г. — 197,1 тыс.[74]. В города Царства Польского шли преимущественно польские крестьяне, а также иммигранты из Германии. По переписи 1897 г. только в городах Петроковской губернии было учтено 24 тыс. немцев — уроженцев Германии[75].

Рассматривая территории собственно земледельческого освоения в России, следует в первую очередь назвать Томскую губернию (механический прирост — 595,1 тыс. чел.) и Кубанскую область (580,3 тыс., а по губернаторским отчетам — 755 тыс. чел.). Именно они приняли в 70–80-е годы XIX в. основную часть новоселов. Интенсивное заселение Томской губернии начало осуществляться только с 1884 г. В Кубанскую же область наиболее значительные переселения проводились в 70-е годы (в 1872 г. баланс миграции здесь составил 54,1 тыс., в 1874 г. — 27,6 тыс. чел. и т.д.). В Томскую губернию, как правило, мигрировали крестьяне, получающие здесь земельные наделы и пособия от казны, а в Кубанскую — батраки и арендаторы, поскольку переселенцам земля тут не отводилась. В Сибирь в 80–90-е годы шли в основном государственные крестьяне. Из 29304 семей, прибывших в Томскую губернию в 1887–1895 гг., оказалось 40,4% бывших государственных крестьян, 24,6% — помещичьих, 1,6% — удельных, 5,6% — горожан, а принадлежность 27,8% не была установлена[76].

Приток мигрантов в другие губернии и области был меньшим: в Херсонской водворилось 255,7 тыс. чел., в Екатеринославской и Донской — по 220 тыс., в Оренбургской — 178 тыс., в Ставропольской — 156,7 тыс., в Приморской — 149,7 тыс., в Енисейской — 137,1 тыс., в Таврической — 134,6 тыс., в Акмолинской — 119,1 тыс., в Тобольской — 101,4 тыс. чел.

Как показывает табл. 30, основными районами выхода мигрантов как сельских, так и отбывающих на заработки в города, являлись Центрально-Земледельческий район (выбыло 1655,3 тыс. чел.), Левобережная Украина (726,5 тыс.), Среднее Поволжье (435,4 тыс.), Белоруссия и Литва (363,8 тыс.), Северное Приуралье (284,7 тыс.) и Центрально-Промышленный район (265,2 тыс.). Всего Европейская Россия потеряла около 4 млн. чел., которые в подавляющей массе ушли в Сибирь, на Дальний Восток, в Казахстан и на Кавказ. Меньшая часть мигрантов перешла на жительство в города и окраинные

территории Европейской России (в Херсонскую, Таврическую, Петербургскую, Московскую, Варшавскую, Петроковскую губернии, область Войска Донского и т.д.). Губернии, давшие каждая более чем по 200 тыс. мигрантов, находились в основном в Центрально-Земледельческом районе и на Левобережной Украине.

Это была именно та территория, где земельная теснота достигла наибольших размеров (см. табл. 33). Здесь следует выделить Курскую губернию (механический отток составил 349 тыс. чел., а доля малоземельных крестьян достигала 8,2%), Полтавскую (соответственно 347,6 тыс. и 23,9%), Воронежскую (341,9 тыс. и 7,9%), Рязанскую (291,6 тыс. и 6,8%), Тамбовскую (257,2 тыс. и 8%), Вятскую (243 тыс.), Тверскую (241,7 тыс. и 2,4%), Черниговскую (293,1 тыс. и 16,7%), Орловскую (210,4 тыс. и 3,1%) и Тульскую (205,5 тыс. и 4,1%).

Направления миграции в пореформенные годы до конца XIX в. не претерпели особых изменений. В Новороссию по-прежнему прибывали преимущественно уроженцы соседней Левобережной Украины. Северный Кавказ заселялся выходцами из Центрально-Черноземного района и Левобережной Украины. В Сибирь, Казахстан и Южное Приуралье устремлялись в основном переселенцы из Центрально-Черноземного района и Северного Приуралья. Крупнейшие города России — Москва и Петербург — привлекали преимущественно мигрантов из соседних губерний Озерного и Центрально-Промышленного районов. Варшавская и Петроковская губернии заселялись в первую очередь за счет жителей соседних губерний Царства Польского. Прибалтийские губернии выбрасывали небольшое число мигрантов в соседний Озерный район (Петербургская, Псковская, Новгородская губернии) и в Белоруссию (Витебская и Могилевская губернии).

Мощное миграционное движение как и в дореформенный период (и даже в большей мере, чем в первой половине XIX в.) осуществлялось преимущественно стихийным путем, зачастую вопреки ограничительной политике царизма. Некоторая легализация переселений в 80-е годы способствовала оживлению процесса заселения Сибири, Дальнего Востока и Казахстана.

Межконтинентальная и сезонная внутриевропейская эмиграция из России в 70–90-е годы XIX в.

Баланс миграций России с зарубежными государствами в 70–90-е годы оказался благоприятным для нее. Как показывают табл. 17, 25 и 26, в эти годы из России (за вычетом вернувшихся) выбыло 1515 тыс.чел. российских подданных и въехало 2107,6 тыс. иностранцев и положительное сальдо миграций составило 592,6 тыс. чел. Империю тогда покидали российские подданные, устремлявшиеся преимущественно в страны Нового Света. Прибывали же (в основном из Германии, Австро-Венгрии, Персии и Турции) жители иностранных государств, причем их приток значительно перекрыл отток российских подданных.

В 70–80-е годы баланс миграции в России был положительным (70-е годы — 400 тыс., 80-е годы — 450 тыс. чел.), так как приток иностранцев был в эти годы особенно велик (70-е годы — 800 тыс. чел., 80-е годы — 900 тыс). В 90-е годы этот приток резко сократился (баланс миграций +465,6 тыс. чел.), а отток русских подданных напротив, возрос (более 700 тыс. чел.), и общий баланс миграций впервые в истории России оказался отрицательным (−256,6 тыс. чел.) (см. табл. 17).

В 70-е годы эмиграция подданных России за рубеж сразу возросла, хотя и не сделалась еще массовой. Если в 60-е годы в страны Нового Света выехало лишь 4,9 тыс. чел., то в 70-е — 68 тыс. (см. табл. 25, 26). Вырос и отрицательный баланс миграции российских подданных: 60-е годы — 196,2 тыс., а 70-е — 378,8 тыс. чел. (см. табл. 17 и 25). В 70-е годы российские подданные уезжали еще в основном в соседние государства Старого Света, а не в Америку.

Таблица 25 демонстрирует переселения из России в страны Нового Света. В 70-е годы в США из России прибыло 52,4 тыс. чел., в Канаду — 6,5 тыс., в Бразилию — 8,5 тыс., в Аргентину — 0,4 тыс., а Африку — 0,2 тыс. чел. Это составило около 2% общеевропейской миграции и лишь 18% российской эмиграции (68 тыс. к 378 тыс. чел.). Среди покидающих Россию тогда преобладали лица, временно отправляющиеся в основном в Европу, причем среди них было много поляков. В 70-е годы почти 77% всех российских переселенцев, мигрирующих в страны Нового Света, въезжали в США. Около 3/4 их приходилось на долю Европейской России (74,2%), Царства Польского — 24,8% и Финляндии — 1% (0,5 тыс. чел.). Основную массу этих эмигрантов составляли евреи, немцы и поляки. Проследим, как шло выселение их из России.

В 20-х — 60-х годах XIX в. заметного выезда евреев из России не отмечалось. Тогда шла лишь численно небольшая еврейская эмиграция в США из Германии (оттуда их въехало 50 тыс. при общих размерах эмиграции из страны 2567,7 тыс. чел.)[77]. Начало же еврейской эмиграции в Америку датируется 1654 г. В 1790 г. в США проживало 2 тыс. евреев, в 1800 г. — 5 тыс., в 1850 г. — 15,2 тыс., в 1860 г. — уже 150 тыс. чел.[78]. В 70-е годы XIX в. происходит быстрое расширение масштабов еврейской эмиграции из Европы в Америку, причем решающую роль в этом начинает играть Россия. Лишь с рубежа 80-х годов делается заметной еврейская эмиграция в Палестину, однако до 1920 г. она была еще невелика. Табл. 34 показывает, что уже в 70-е годы XIX в. среди прибывающих в США российских иммигрантов преобладали евреи (почти 42%). В США в эти годы прибыло всего 30 тыс. евреев (в том числе из России 75%, из Австро-Венгрии — 18%, из Румынии — 4%). К 1880 г. еврейское население США достигло уже 250 тыс. чел.[79].

В 1874 г. наступает черед немецкой эмиграции из России в США. Она была вызвана привлечением колонистов к отбытию воинской повинности. По данным губернаторских отчетов в 70-е годы в США выехало около 15 тыс. российских немцев (из Саратовской губернии — 7,1 тыс., из Самарской — 1,6 тыс., из Екатеринославской — 6,1 тыс.)[80]. К 80-м годам их численность здесь достигла 20 тыс. Они разместились на землях Канзаса, Небраски, Миннесоты

и Дакоты. В 1874–1879 гг. в Канаде в районе Ред-Ривер поселилось 7,5 тыс. меннонитов, выходцев из Таврической и Херсонской губерний[81].

Значительной оказалась и польская эмиграция в США. Начало ей было положено еще в XVII в. Она оказалась самой масштабной среди славянских народов. Поляки въезжали в больших количествах не только в США и Канаду, но и в страны Латинской Америки (в основном в Бразилию и Аргентину). Гарвардская энциклопедия этнических групп США выделяет следующие этапы Польской эмиграции в США:

1) 1608–1800 гг. , когда незначительное число поляков покинуло родину по различным причинам экономического, идеологического и религиозного характера;

2) 1801–1860 гг. — также малочисленный приток поляков в основном после подавления восстания 1830–1831 гг. в связи с ростом политического и национального сознания;

3) 1860–1914 гг. — когда в США прибыло максимальное число польских переселенцев, главным образом по экономическим и религиозным соображениям;

4) период после первой мировой войны, когда уезжали преимущественно лица, настроенные оппозиционно к польскому буржуазному правительству[82].

Во второй половине XIX в. польская эмиграция носила уже принципиально иной характер, чем более ранняя, связанная в первую очередь с идеологическими, национальными побуждениями, с идеей воссоздания независимой единой Польши. Теперь переселенцы приезжали в Америку «Za chlebem», хотя среди них попадались, конечно, и лица, иммигрирующие по политическим и иным неэкономическим причинам. С 70-х годов польская эмиграция за океан становится массовой.

Американская статистика с момента ее организации предпринимала попытку определить численность польских переселенцев. Польша выделялась как единое государственное образование. В графу «поляки» американские цензы вносили всех польских эмигрантов, прибывших из России, Германии и Австро-Венгрии[83]. Попытка учесть в США поляков по этнической принадлежности в числе иммигрантов, отделить их от представителей других этносов, живших по соседству с ними на родине, не могла быть полностью успешной. Так, в австрийской провинции Галиция, где статистикой регистрировались разговорный язык и вероисповедание жителей, весьма трудно было вычленить поляков из общей массы населения с польским разговорным языком (польским языком пользовались многие евреи и даже украинцы). В Германии поляки нередко регистрировались вместе с евреями. В России в число поляков могли попадать литовцы Сувалкской губернии и украинцы Люблинской и Седлецкой губерний римско-католического исповедания. Поэтому статистика США завышала общее число поляков за счет евреев, литовцев и украинцев.

По данным американской статистики число польских выходцев в США равнялось в 1860 г. — 7,3 тыс., в 1870 г. — 14,4 тыс. и в 1880 г. — 68 тыс. чел. (в том числе из России — 48,6 тыс.)[84]. Поляки преобладали тогда и сре-

ди российских иммигрантов, въезжающих в Канаду, Бразилию и Аргентину. Таким образом, в 60–70-е годы из России эмигрировали почти исключительно евреи, поляки и немцы. Численность выезжающих в страны Нового Света русских, украинцев, белорусов и представителей других этносов России была тогда незначительна.

Сезонная трудовая эмиграция из России в соседние страны Европы в 70-е годы не получила еще серьезного развития. В 1871 г. в Германии было учтено 14,5 тыс. чел. подданных России и Финляндии[85].

По результатам переписей 1880–1881 гг. в европеских государствах было зарегистрировано следующее число российских граждан: в Германии — 57,4 тыс., в Австрии —11,7 тыс., во Франции — 10,9 тыс., в Англии — 14,5 тыс. (в том числе 10,7 тыс. поляков), в Швейцарии — 2,0 тыс.[86].

В 80-е годы отток российских подданных за рубеж вырос, причем среди них уже преобладали лица, направляющиеся в Новый Свет. В 1881–1890 гг. баланс миграций этой категории населения дал отрицательную величину — 414 тыс. чел. В страны Нового Света выбыло 300,7 тыс. чел. В числе переселенцев в Америку оказалось 265,1 тыс., прибывших в США, 2,2 тыс. — в Канаду, 28,4 тыс. — в Бразилию, 4,1 тыс. — в Аргентину и т.д. (см. табл. 25).

В начале 80-х годов число эмигрантов было невелико. Перелом наметился с 1886 г. Среди эмигрантов не учитываются подданные Турции, которые в 1878–1882 гг. по специальному соглашению получили право покинуть отошедшую к России Карсскую область, в результате чего в Турцию ушло 98 тыс. чел.[87].

В 80-е годы из России уезжали в основном евреи. Из 265,1 тыс. чел., выехавших в США, они составили 154,4 тыс. или 58,2% (см. табл. 34). Абсолютные размеры еврейской эмиграции из России увеличиваются в 80-е годы. И без того тяжелое экономическое положение евреев ухудшается. Созданная в конце XVIII в. на территории бывшей Речи Посполитой так называемая «черта оседлости» не позволяла евреям свободно расселяться на всей территории Российской империи[88]. Реакция в общественно-политической жизни страны, наступившая в начале 80-х годов, затронула и национальную политику самодержавия. Начинается кампания решительной русификации нерусских народностей, причем в самом бесправном положении оказались евреи.

В 1882 г. были введены в действие «Временные правила» проживания евреев в сельской местности, сохранившие свою силу до февральской революции 1917 г. Они воспрещали им расселяться вне городов, приобретать собственность и даже арендовать там землю. В 1887 г. евреям сверх того было воспрещено жительство в г. Ростове-на-Дону и в Таганрогском уезде, в 1891 г. — в Москве и Московской губернии. В 1886–1887 гг. были изданы постановления, ограничившие им право поступать в гимназии и реальные училища на всей территории империи[89].

Эмиграция евреев из России сразу возросла после полосы еврейских погромов. Так, в 1882 г. в США выехало сразу 13 тыс. евреев[90]. С 80-х годов XIX в. приходит черед еврейской эмиграции в Палестину. Еще в 70-е годы

численность евреев здесь была незначительна (всего 25 тыс. чел., в том числе в Иерусалиме — 13 тыс.)[91]. Но затем стала быстро расти (в 1922 г. было учтено уже 83,8 тыс. чел.)[92].

Не прекращалась и немецкая эмиграция из России. К 1900 г. «в западной половине США жило более 50 тыс. русских немцев»[93]. Значительной оказалась и немецкая эмиграция в Канаду.

Весьма заметной в 80-е годы оказалась также польская эмиграция в страны Нового Света. Табл. 25 показывает, что в 1881–1890 гг. в США из «русской Польши» выехало почти 52 тыс. поляков. Абсолютная численность учтенных американскими цензами поляков — уроженцев «русской Польши» оказалась равной в 1880 г. — 48,6 тыс., а в 1890 г. — 59 тыс. чел. Это было то реальное число поляков, которое зарегистрировали в США за вычетом умерших и вернувшихся обратно в Старый Свет[94]. Кроме того, в этот период немало поляков переселилось в Бразилию и Аргентину. Таким образом, и в 80-е годы среди российских эмигрантов преобладали евреи, поляки и немцы, а число переселенцев среди других населяющих Россию народов оставалось небольшим.

Новым в 80-е годы XIX в. следует признать сезонную эмиграцию сельскохозяйственных рабочих в государства Европы (Германию, Данию, Швецию)[95]. Она была обусловлена экономическими процессами. В Германии в связи с бурным развитием экономики стала испытываться острая нехватка рабочих. Эмиграция отсюда в Новый Свет к концу XIX в. резко сокращается. И одновременно для работы на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве (особенно в восточных провинциях Пруссии) привлекается большое число рабочих из других стран Европы (Австрии, России, Италии, Голландии, Бельгии). В меньших масштабах подобные процессы наблюдались и в странах Скандинавии (Дании, Швеции).

Выезжали за рубеж главным образом страдающие от малоземелья крестьяне западных и юго-западных губерний России. Проезд их оплачивался работодателями государств въезда, а заработок был гораздо выше, чем в России (в Германии, например, заработная плата сельскохозяйственных рабочих примерно в полтора раза превышала существующую в западных и юго-западных губерниях России)[96]. Сезонная миграция сельскохозяйственных рабочих из России в Германию первоначально охватила польское население Царства Польского. В середине 80-х годов она была приостановлена, но затем с 1888 г. вновь разрешена. На русско-германской конференции 7 (19) ноября 1897 г. этот вопрос был решен окончательно. Положение Комитета министров от 12 марта 1897 г. разрешало жителям Варшавского генерал-губернаторства «сельского состояния, принадлежащих к одному из христианских исповеданий» выезжать в Германию «на сельскохозяйственные или иные, связанные с земледелием работы... сроком с 1 апреля по 15 декабря»[97]. Первоначально таких рабочих было немного. Табл. 35 показывает, что в 1890 г. в Германии на сельскохозяйственных работах находилось 17,3 тыс. жителей Царства Польского (из Италии в том же году прибыло 15,2 тыс. чел.)[98].

В 90-е годы XIX в. эмиграция из России в страны Нового Света и сезонная миграция российских сельскохозяйственных рабочих в соседние страны Европы сильно выросла. В 1891–1900 гг. баланс миграций российских подданных дал отрицательную величину 722,2 тыс. чел., а в Новый Свет их прибыло 692,8 тыс. чел. (см. табл. 17, 25). Переселенцы из России в Новый Свет уезжали главным образом в США (642 тыс. чел., в том числе из Европейской России — 454,9 тыс., из Царства Польского — 134,7 тыс. и из Финляндии — 52,4 тыс. чел.). В другие страны Америки выехало гораздо меньше переселенцев: в Канаду — 8,8 тыс., в Бразилию — 15,8 тыс., в Аргентину — 17,5 тыс., в Уругвай — 2,9 тыс., в Африку —5,5 тыс., в Австралию и Новую Зеландию — 0,3 тыс. (см. табл. 25).

Рассмотрим состав переселенцев и районы их расселения в США в 90-е годы. Американские цензы 1890 и 1900 гг. (см. табл. 37 и 39) показывают, что число российских переселенцев (лиц российского происхождения, учтенных цензами без умерших и вернувшихся обратно) быстро увеличивалось: в 1890 г. их насчитывалось 182,6 тыс., а в 1900 гг. — 578,1 тыс. — из России и еще 62,6 тыс. — из Финляндии.

Подавляющая часть этих лиц разместилась в штатах Северной Атлантики (в 1890 г. — 44,4%, а в 1900 г. — 56,3%, из Финляндии в 1900 г. — 8,6%). Здесь они в основном заселяли штаты Нью-Йорк, Нью-Джерси и Пенсильванию. Уроженцы Финляндии выезжали преимущественно в штаты Северо-Восточного центра (39,8% общего числа финских выходцев в 1900 г.): Огайо, Индиану, Иллинойс, Мичиган и Висконсин. Кроме того, можно назвать штаты Северо-Западного центра (Миннесоту, Небраску, Канзас, Айову, Миссури), где в 1890 г. осело 23,1%, а в 1900 г. — 11,3% всех российских выходцев.

Таблица 39 показывает, что в 1900 г. в 8 штатах США разместилось 75,6% всех российских уроженцев (485,3 тыс. из 642,2 тыс. чел., включая и Финляндию). На первом месте с большим отрывом от других стоит штат Нью-Йорк, где было зафиксировано 32,2% всех российский уроженцев (39% —Европейской России, 24,2% — Царства Польского и только 6,3% — Финляндии). Таким образом, в этом одном штате поселилось почти 40% выходцев из Европейской России. Кроме того, много уроженцев этой части империи водворилось в Иллинойсе (6,7% общего числа), Массачусетсе (6,4%) и Нью-Джерси (4,6%). У поляков штат Нью-Йорк находился лишь на втором месте (24,2% общего числа). На первом же стояла Пенсильвания, в которой разместилось 27,7% всех польских уроженцев России. На третьем месте был Иллинойс (11,1%). Уроженцы Финляндии к началу XX в. проживали главным образом в штатах Мичиган (29,8% общего числа) и Миннесота (16,9%).

Таблица 34 и 35 показывают, что в 1891–1900 гг. среди российских иммигрантов (642,2 тыс. чел.) в США евреи составляли 234,2 тыс. или 36,5%. По сравнению с 70–80-ми годами удельный вес еврейских переселенцев снижается (в 70-е годы было 42,9%, в 80-е — 38,2%), хотя абсолютная численность и растет (80-е годы — 154,4 тыс., 90-е — 234,2 тыс. чел.). Хотя доля евреев в

90-е годы и снижается, в общей массе еврейских иммигрантов в США она достигла максимума — 78,1% (234,2 тыс. к 300 тыс. чел.).

Заметным в 90-е годы оказался и приток в США жителей Финляндии (в основном финнов с небольшим числом шведов) — 52,4 тыс. чел. (см. табл. 25). Значительной оказалась и польская иммиграция в США из России. Число прибывших туда в 90-е годы лиц польской национальности превысила 130 тыс.чел. (см. табл. 25). Немецкая эмиграция из России в конце XIX в. была невелика. Если в 70-е годы в США выбыло 20 тыс. российских немцев, то в 80–90-е годы — несколько более 20 тыс. В 1899–1900 гг. туда выехало их 10,7 тыс. чел. (7% всей немецкой иммиграции в США).

Размеры так называемой «русской» иммиграции в США были невелики. В число «русских» американская статистика включала всех восточных славян. Среди них преобладали украинцы, выходцы из Новороссии и Правобережной Украины. В 1899–1900 гг. в США выехало 2,8 тыс. «русских» иммигрантов. Таким образом, в 70–80-е годы в США из России эмигрировали в основном жители Царства Польского, Прибалтики, Финляндии и в меньшей степени — Правобережной Украины и Новороссии.

Это и определяло национальный состав мигрантов. Среди них доминировали евреи. Из 959,5 тыс. чел., въехавших в США в 1871–1900 гг., на долю евреев приходилось 411,1 тыс. (42,8%). Поляков оказалось 199,5 тыс. чел. (20,8%) общего числа всех российских иммигрантов, финнов (с небольшим числом шведов) — 64,8 тыс. чел. (6,8%). Немцев, уроженцев Поволжья и Новороссии, насчитывалось 50 тыс. (5,2%). Литовцев было примерно 72 тыс. (7,5%). Особенно много их было среди выходцев из Ковенской, Сувалкской и Виленской губерний. Так, только в 1895–1900 гг. из Ковенской губернии в США эмигрировало 10 тыс. чел., среди которых бесспорно было много литовцев[99]. В числе прочих эмигрантов (162,1 тыс. чел. или 16,9% общего числа) находилось немало украинцев, русских и белорусов.

В Канаду в 70–90-х годах иммигрировало 18 тыс. российских уроженцев. Кроме того, сюда шли лица российского происхождения из США. Ценз 1901 г. учел здесь 31 тыс. выходцев из России, включая Царство Польское и Финляндию[100]. В их числе было 2,5 тыс. финнов, 20 тыс. «русских», среди которых были евреи и немцы. Особенно значительным оказался после 1882 г. приток в Канаду евреев. В 1881 г. здесь проживало 2,4 тыс. евреев, в 1891 г. — 6,4 тыс., в 1905 г. — 16,5 тыс. чел.[101], среди которых было почти 10 тыс. российских. Только в 1898–1900 гг. в Канаду из России выехало 6,3 тыс. евреев.

Количество немцев, уроженцев Нижнего Поволжья и Новороссии, достигло к началу XX в. 16 тыс. чел. В 1874–1879 гг. из России в США и Канаду выехало 7,5 тыс. чел. меннонитов[102]. Польских же иммигрантов в Канаде было мало. Ценз 1901 г. учел их здесь примерно 6 тыс. чел.[103], однако большая их часть прибыла из австрийской Галиции.

В Аргентину в 70–90-е годы XIX в. иммигрировало 22,5 тыс. российских подданных. До 90-х годов въезд их в эту страну был незначителен. До 1890 г. в Аргентину из России прибыло 5, а возвратилось обратно 3,8 тыс. чел. В 90-

е годы интенсивность иммиграции возрастает: въехало 17,5, а уехало 7 тыс. российских иммигрантов. К сожалению, аргентинская статистика не фиксировала этническую принадлежность переселенцев, указывая только государства, откуда они прибывали. По-видимому среди российских иммигрантов этих лет в Аргентине преобладали евреи. Дело в том, что в 1891–1892 гг. Комитет министров разрешил функционирование в России отделения колонизационного общества барона М.Гирша, которое обязывалось за свой счет переселять российских евреев в Аргентину[104]. И хотя эта эмиграционная волна оказалась слабой, в 90-е годы именно в ее составе из России выехала часть еврейского населения[105].

В Бразилию в 70–90-е годы мигрировало из России 53 тыс. чел., преимущественно жителей Царства Польского (см. табл. 25). Именно тогда много поляков России, Германии и Австро-Венгрии въехало в Бразилию. Эмиграционные службы европейских мореходных компаний распространили тогда среди населения слухи о «польском государстве, основанном в южной Бразилии, где всякий поляк и католик мог безвозмездно получить 50 моргов земли, двуэтажный дом и пару лошадей и сверх того освобождался в течение 10 лет от всяких налогов»[106].

В 90-е годы отмечается небольшая еврейская миграция в Палестину. Ей предшествовали многократные просьбы основанного в Лондоне «Еврейского колонизационного общества» (ЕКО) к русскому царю о разрешении еврейской эмиграции из России в Палестину. 8 мая 1892 г. царь подписал в Гатчине «Правила о деятельности в России ЕКО», согласно которым последнему разрешалось создавать в России комитеты «для организации переселения евреев в другие страны без права возвращения»[107]. И хотя отток евреев в Палестину оказался небольшим (с 1880-х гг. по 1914 г. он составил примерно 70 тыс. чел.)[108], деятельность общества получила большую известность в России.

В обзорах губернаторов еврейская эмиграция в Палестину отмечается с 90-х годов. Так, в обзоре Киевского губернатора за 1891 г. отмечается, что тогда в Америку и Палестину «выбыло более 3 тыс. евреев»[109]. Отмечается и отток евреев в Палестину из Волынской и Подольской губерний, но численно небольшой. О невысоких темпах еврейской миграции в Палестину в 1917 г. писал английский исследователь Д.Петтерсон[110].

Сезонная эмиграция российских сельскохозяйственных рабочих в другие страны Европы в 90-е годы сильно выросла. Если в 1890 г. из Царства Польского в Германию выехало только 17,3 тыс. рабочих, то в 1900 г. — 119,2 тыс. (см. табл. 36).

Иммиграция в Россию в 70–90-х годах XIX в.

Приток населения из стран Европы в Россию стал массовым уже в 60-е годы (баланс миграций дал положительную величину — 533 тыс. чел.). В 70–90-е годы он быстро нарастал (в 70-е годы — 778,3 тыс., в 80-е — 863,7 тыс.). И лишь 90-е годы дали спад (баланс миграций составил 465,6 тыс.

чел.). Всего в 70–90-е годы в России осталось на жительство более 2,1 млн. чел. иностранцев (см. табл. 17).

Более двух третей всех иностранцев, прибывших в Россию в 70–90-е годы XIX в., приходилось на выходцев из Германии (850,6 тыс. чел. или 40,6% общего числа) и Австро-Венгрии (613,7 тыс. или 29,4%). В 70-е годы из этих двух государств в Россию выехало (за вычетом убывших) 71,8% всех зарубежных иммигрантов (из Германии — 37,6%, из Австро-Венгрии — 34,2%). В 80-е годы доля этих государств в общем иммиграционном балансе повысилась до 86,6% (Германии — 50,9%, Австро-Венгрии — 35,7%). Но в 90-е годы в период ухудшения отношений России с Германией и Австро-Венгрией приток уроженцев этих государств снижается. Теперь они дали вместе только 33,5% (Германия — 25,4%, Австро-Венгрия — 8,1%) общего баланса миграции иностранных подданных в Россию.

Кроме Германии и Австро-Венгрии отмечается интенсивный приток в Россию иммигрантов из Персии и Турции. В 70–80-е годы эти два государства выделяли еще мало мигрантов. В 70-е годы в общем положительном балансе миграций в России на долю Персии пришлось 11,7%, а Турции — 6,8%, а в 80-е годы соответственно — 8,5 и 3,8%.

В 90-е годы картина меняется. Персия превращается в район массовой эмиграции в Россию рабочих на нефтеразработки Бакинской губернии[111]. В 1891–1900 гг. в общем положительном балансе миграции в Россию иностранных подданных на долю Персии пришлось 43%, и она выдвигается на первое место. Повышается и роль Турции (11,1%). Рассмотренные четыре государства составили в общем миграционном балансе: в 70-е годы — 90,3%, в 80-е — 98,9%, в 90-е — 87,6%.

Приток жителей из других государств Европы был слабым. Особенно бросается в глаза Франция. Положительный баланс миграции французских подданных в России составил в 70-е годы только 6,9 тыс., в 80-е — 4,1 тыс., в 90-е — 0,8 тыс. чел. Близкими к этим были цифры и по таким государствам как Италия, Швейцария, США, Великобритания, Китай, Япония, Румыния и т.д.

Заключение

Из табл. 17 видно, что общий положительный баланс миграций в России достигал в 70–90-е годы почти 600 тыс. чел. В 70–80-е годы он был положительным (70-е годы — 399,5 тыс., в 80-е — 449,7 тыс. чел.), а в 90-е — отрицательным (256,6 тыс. чел.). Приток иностранных подданных оставался весь этот период очень высоким (70–90-е годы — 2,1 млн. чел.).

Баланс миграций российских подданных был все время отрицательным (70–90-е годы — 1,5 млн. чел.). В 90-е годы он достиг особенно больших размеров (722,2 тыс. чел.), а приток иностранцев сократился. В результате общий баланс миграции составил в империи отрицательную величину — 256,6 тыс. чел.

Таким образом, во второй половине XIX в. народы России продлжают успешно заселять окраины страны (Сибирь, Дальний Восток, Кавказ, Казах-

стан). Именно сюда устремляются мигранты, среди которых преобладают русские и украинцы. Всего на окраинах поселилось почти 4 млн. чел. Основными районами выхода являлись Центрально-Земледельческий район, Левобережная Украина, Киевская губерния Правобережной Украины, Среднее Поволжье, Восточная Белоруссия и Северное Приуралье.

Западные части России (Правобережная Украина, Литва, Западная Белоруссия и Царство Польское), напротив почти не участвовали в этом процессе. Они приняли активное участие в освоении Нового Света и в сезонной земледельческой миграции преимущественно в соседнюю Германию.

Баланс миграции российских подданных в 60–90-е годы составил внушительную отрицательную величину — 1,7 млн. чел. В страны Нового Света тогда выбыло примерно 1,1 млн. чел. (в США — 964 тыс., в Канаду — 17,5 тыс., в Аргентину — 22,4 тыс., в Бразилию — 52,7 тыс., в Уругвай — 2,9 тыс., в Африку — 6,4 тыс., в Австралию и Новую Зеландию — 0,3 тыс. чел.). Кроме того, 200 тыс. крымских татар и ногайцев переселилось в Турцию, а более 450 тыс. горцев Западного Кавказа уехало в основном в Ливан и Сирию.

Главным регионом возрастающей российской эмиграции являлись США (90,4% общего числа). Около 43% выходцев из России в США составили евреи. Поляки дали почти 22% (201,5 тыс.), немцы — 5,2%, финны — 7%, литовцы — более 7%. Остальные 16% пришлись главным образом на долю украинцев, белорусов и русских. Среди сезонных рабочих доминировали поляки, за которыми следовали немцы.

Баланс миграций иностранцев в России дал в 60–90-е годы большую положительную величину — 2640,6 тыс. чел. Здесь доминировали уроженцы Германии (1121,7 тыс. или 42,4%) и Австро-Венгрии (759,4 тыс. или 28,8%). Кроме того, более 14,4% миграционного баланса (380,1 тыс.) пришлось на долю Персии и 7,9% (207,4 тыс.) — Турции. Всего эти четыре государства дали 93,4% (2468,6 тыс. чел.) общего миграционного баланса иностранцев в России.

А в результате все население России за счет механического прироста увеличилось почти на 930 тыс.чел. Складывалась парадоксальная ситуация. Россия из-за эмиграции своих граждан с середины XIX в. теряла часть своего населения, однако более мощный встречный поток иностранцев с лихвой перекрыл эту убыль и позволил увеличить народонаселение империи почти на 1 млн. чел.

В целом же во второй половине XIX в. в России взаимодействовали три различных по силе миграционных потока: 1. Выселение жителей Европейской России в Азиатскую Россию и на Кавказ (около 4 млн.чел.). 2. Эмиграция подданных России за рубеж (1,7 млн. чел.). 3. Приток иностранных подданных в Россию (2,6 млн. чел.).

3. Изменения в численности и размещение русского этноса в Российской империи во второй половине XIX в. (1858–1897 гг.)

И в пореформенный период самым многочисленным народом Российской империи оставался русский народ. Табл. 5 демонстрирует изменения удельного веса русских по регионам и губерниям во второй половине XIX в. Мы видим, что по всей империи доля русских понизилась с 45,9% в 1858 г. до 44,2% в 1897 г. В границах современной России она также в эти годы упала с 80,6 до 75,5% общего народонаселения.

Причиной тому в первую очередь был пониженный уровень естественного прироста в центральных губерниях и регионах России. Он объяснялся неблагоприятными природно-климатическими условиями, многочисленными феодально-крепостническими пережитками в этих регионах страны и огромными масштабами отходничества, когда сотни тысяч мужчин на долгое время уходили на заработки из родных мест в города или на земледельческие окраины. Так, в Центрально-Промышленном регионе естественный прирост в 1861–1870 гг. равнялся 6,4‰ (по всей России — 11,2‰), в 1871–1880 гг. — 8,0‰ (12,1‰), в 1881–1890 гг. — 10,0‰ (12,5‰) и в 1891–1900 гг. — 11,0‰ (13,9‰).

Надо однако иметь в виду, что мощное переселенческое движение из центра на окраины способствовало в конечном счете не только расширению русской этнической территории, но и приводило к более высокому уровню естественного прироста русского этноса за счет водворившихся в более благоприятных для жизни окраинных регионах.

В 1858 г. за границами нынешней России на территории, составившей ныне «ближнее зарубежье», проживало 1236 тыс. русских (3,7% их общего числа), а в 1897 г. уже 4501 тыс. (8,8%). Как показывает табл. 1 в 1858 г. на Украине проживало около 760 тыс. русских (4,5% всего населения Украины), а в 1897 г. — 2833 тыс. (9,6%). Это был очень мощный приток в основном на земле Новороссии, которая заселялась многими народами, но в первую очередь украинцами и русскими.

В Белоруссии в ее нынешних границах русских в 1858 г. было всего 69 тыс. чел. (1,5%), в 1897 г. — 414 тыс. (6,2%). В Казахстане в 1858 г. проживало 122 тыс. русских (7,4%), в 1870 — 244 тыс. (10,4%), а в 1897 г. — 505 тыс. чел. (12,5%). Кроме того, к концу XIX в. в ряде нынешних республик появляется значительное русское население, хотя еще в середине XIX в. его там было очень мало (в Грузии — 5,7% всего населения, в Азербайджане — 5,3%, в Армении — 4,8%, в Литве — 5,1%, в Латвии — 8,0%, в Эстонии — 3,9%, в Молдавии — 6,4%).

В пределах нынешней России русский этнос стал преобладать в Южном Приуралье (1858 г. — 47,5%, 1897 г. — 51,8% всего населения), в Смоленской губернии (1858 — 47,1%, 1897 г. —91,6%), на Дальнем Востоке (в Амурской области в 1858 г. —35,2%, в 1897 г. — 68,5%, в Сахалинской в 1858 г. еще не было, а в 1897 г. — 54,3%).

Русские почти догнали татар в Крыму и весьма значительно опередили украинцев, так что Крым фактически превращается в русскую этническую территорию к концу XIX в. В 1858 г. русские составляли здесь 12,6% всего населения, украинцы — 4,6%, а татары — 73,2%. В 1897 г. соотношение уже было следующим: русские — 33,5%, украинцы — 11,8%, а татары —35,5% (см. табл. 10).

Изменилось и распределение русского этноса по территории нынешней России и Российской империи (см. табл. 4–6). В 1858 г. в границах нынешней России проживало 96,4% всех русских, а в 1897 г. — 91,9%, по Украине соответственно 2,4 и 5,1%, в Белоруссии — 0,2 и 0,7%, в Казахстане 0,7 и 0,9%. В 1858 г. в Европейской России жило 93,4% всех русских, а в 1897 г. — 91,0%.

Основная часть русского населения во второй половине XIX в. продолжала проживать в трех регионах: Центрально-Промышленном, Озерном и Северном. Здесь русские составляли 90% всего населения. В конце XVII в. в этих регионах проживало 66,7% всех русских страны, в 1719 г. —54,8%, в 1795 г. — 43,6%, в 1859 г. — 34,5% и в 1897 г. —29,6%. Пониженный естественный прирост постоянно снижал долю этих регионов в общем русском населении страны и удельный вес каждого из них. В Центрально-Промышленном регионе в 1858 г. проживало 23,6%, а в 1897 г. — 19,0% всего русского населения, в Северном — 3,2 и 2,7% и в Озерном 7,7 и 7,9%.

В Центрально-Промышленном регионе на долю русских приходилось почти 97% его жителей. Между X ревизией (1858 г.) и переписью 1897 г. доля русских здесь возросла с 95,4 до 97,1%. Во Владимирской, Костромской, Калужской и Ярославской губерниях русских было более 99%, в Московской — около 98% и лишь в окраинных — Нижегородской и Тверской их доля была ниже. В Нижегородской русские составляли в 1858 г. — 87,6%, а в 1897 г. — 93,2%, в Тверской соответственно 85,2% и 92,8%. Такое значительное увеличение удельного веса русских (фактически русскоязычных) в этих двух губерниях, которое привело к росту его и по всему региону, объясняется ассимиляционными процессами, а также особенностями переписи 1897 г., которая принимала во внимание только родной язык переписываемого населения. В Нижегородской губернии проживало много обрусевшей, но сохраняющей еще свое этническое самосознание мордвы, которая в 1897 г. в основном попала в состав русских (в 1859 г. ее здесь было 9,1%, а в 1897 г. — 3,4%).

В Тверской губернии проживало немало карел и белорусов. В 1859 г. белорусы составляли 8,4% всего ее населения (в Ржевском и Осташковском уездах), а к 1897 г. они полностью обрусели (осталось 0,02%). Карелы же и в пореформенный период сохранили и свой язык, и свое самосознание (в 1859 г. — 6,2%, в 1897 г. — 6,7%).

Таким образом, реально протекавший в регионе процесс естественной ассимиляции (среди белорусов и, отчасти, мордвы), а также и некоторое преувеличение масштабов его переписью 1897 г., учитывавшей только показатель родного языка, привели к увеличению процента великороссийского этничес-

кого компонента. Доля русских здесь безусловно возросла, но масштабы этого роста были не так значительны, как это показала перепись 1897 г. (белорусы обрусели полностью, а часть мордвы и особенно карел сохранили свое самосознание). Последующие переписи (в частности, 1926 г.) показывают, что по национальности в 1858 г. и 1926 г. доля русских оставалась фактически неизменной (1858 г. — 95,4%, 1926 г. — 95,3%). Видимо, примерно такой она оставалась и в 1897–1917 гг., а последующее падение доли русских в регионе объясняется в первую очередь исключительно мощным притоком нерусского населения в Москву в 20–30-е годы XX в.

В Северном регионе удельный вес русских в пореформенные 40 лет равнялся 90,1% и не изменялся. В Вологодской губернии он немного повысился (с 91,1 до 91,4%), а в Архангельской, напротив, снизился (с 86,7 до 86,0%). Миграции в регионе были незначительны и небольшие изменения в удельном весе народов были вызваны некоторыми различиями в уровне естественного прироста. Последующие переписи показывают, что перепись 1897 г. достоверно учла этнический состав жителей региона, так как русский язык не получил еще широкого распространения у коми-зырян.

Ассимиляционные процессы тогда не получили в регионе большого развития и касались лишь небольших (малочисленных) народов. Так, в Архангельской губернии происходило обрусение лопарей (саами) Кольского уезда. В 1858 г. они составили 1,2%, а в 1897 г. — только 0,5% населения губернии. Об этом факте писал Н.Харузин, подчеркивая, что лопари не вымирали, а русели[112]. Ненецкое население Мезенского уезда Архангельской губернии, напротив, интенсивно ассимилировалось коми-зырянами.

Уже в середине XIX в. капитан Циммерман отмечал, что «ижемские самоеды Мезенского уезда до того привыкли говорить на зырянском языке, что почти забыли свой»[113]. Однако в 1859 г. еще учитывалось происхождение жителей и поэтому доля ненцев составила в губернии 1,9%, а в 1897 г., когда фиксировался лишь язык — 1,1%. Именно этим и объясняется столь высокий прирост доли коми-зырянского населения (1858 г. — 4,5%, 1897 г. — 6,7%).

Из сказанного следует, что великороссийский этнический компонент в течение II половины XIX в. смог ассимилировать в регионе лишь часть весьма небольшого по численности народа — саамов. А поскольку естественный прирост здесь был примерно одинаков у всех этносов, доля русских в регионе в 60–90-х гг. XIX в. практически не изменилась.

В Озерном регионе, где русские составляли примерно 89% населения, доля их в 1858–1897 гг. почти не изменилась (1858 г. — 88,4%, 1897 г. — 88,7%). Почти чисто русскими являлись Псковская и Новгородская губернии. В Новгородской процент русских вырос (в 1858 г. — 95,6%, в 1897 г. — 96,8%). Среди преобладающего русского населения в небольшом числе проживали карелы, вепсы, эстонцы, латыши, которые подвергались обрусению.

В Псковской губернии удельный вес русских снизился (в 1858 г. — 98,2%, в 1897 г. — 94,7%). Это объяснялось усиливающимся притоком переселенцев из соседней Прибалтики (эстонцев и латышей) в Псковский, Островский и Опочецкий уезды.

В Петербургской губернии русское население достигало 80% (1858 г. — 78,9%, 1897 г. — 82,1%). Повышение удельного веса русских в 1858–1897 гг. обусловлено усилившимся притоком русских в быстрорастущий Петербург, а также ассимиляцией некоторых малочисленных народностей (ижоры, чуди). Уровень естественного прироста в губернии был весьма низок (1861–1870 гг. — отрицательный — 1,1‰, 1871–1880 гг. — отрицательный — 1,5‰, 1881–1890 гг. — 3,0‰, 1891–1900 гг. — 6,2‰). До середины 80-х годов смертность в Петербурге превышала рождаемость. Однако механический прирост в 1859–1896 гг. достиг почти 1,1 млн. чел., причем большую часть его составляли выходцы из других великороссийских губерний (Тверской, Новгородской, Костромской, Ярославской и др.).

В Олонецкой губернии русских было примерно три четверти (1858 г. — 76,2%, 1897 г. — 78,5%). В течение второй половины XIX в. доля их выросла за счет карел и вепсов. Это было связано с тем, что в 1858 г. в состав карелов были включены обруселые чудь (вепсы)[114]. Перепись же 1897 г. учитывала только родной язык, в силу чего все обруселые представители нерусского населения фиксировались как русские.

В Центрально-Земледельческом регионе и Северном Приуралье русских было около 85%. В Центрально-Земледельческом регионе доля их выросла с 86,8 до 87,3%, а в Северном Приуралье — снизилась с 85,1 до 83,9%.

В Земледельческом центре русские составляли более 95% жителей в большинстве губерний: в Рязанской и Тульской их было свыше 99%, в Орловской — 99%, в Тамбовской — 95%. Проживавшее в Тамбовской и Орловской губерниях мордовское и украинское население почти полностью обрусело к концу XIX в.

В Курской и Воронежской губерниях доля русских, как и ранее, была ниже. Они проживали здесь вместе с украинцами, которые вплоть до середины XIX в. прибывали сюда из Левобережной Украины. Кроме того, в ходе осуществления губернской реформы 1775–1785 гг. украинские в этническом отношении территории (почти весь Острогожский полк Слободской Украины) оказались в составе Воронежской губернии.

В Курской русских было около трех четвертей (в 1858 г. —77,5%, в 1897 г. — 77,3%) и удельный вес их в течение второй половины XIX в. фактически не изменился. Для губерний характерно разделенное проживание русского и украинского населения. Украинцы занимали преимущественно южные (Грайворонский, Новооскольский, Путивльский), а русские — северные (Щигровский, Фатежский, Льговский, Дмитриевский уезды). Украинцы губернии к концу XIX в. сохранили свой язык.

В Воронежской губернии русские лишь немногим превышали 60% населения (в 1858 г. — 61,7%, в 1897 г. — 63,3%). В южных и, отчасти, центральных уездах проживало сплошное украинское население (в Острогожском, Павловском, Валуйском, Бирюченском и Багучарском).

Ассимиляционные процессы в губернии во второй половине XIX в. не получали распространения. Прирост же удельного веса русских к 1897 г. следует объяснить в первую очередь более сильными миграционными движениями на

Северный Кавказ и в Новороссию, из южных, населенных в основном украинцами, уездов. В 1874–1892 гг. пять этих уездов дали 63,2% всех официально зарегистрированных переселенцев. (Бирючанский —20,7%, Богучарский — 12,8%, Острогожский — 12,7%, Валуйский — 10,4%, Павловский — 7,0%), в то время как из русских (Воронежский, Новохоперский, Землянский и т.д.) отлив был невелик[115]. Это, в свою очередь, вызывалось большей земельной теснотой в южных украинских уездах. Если в конце XVIII в. это были еще малонаселенные территории губернии, то в пореформенный период именно здесь ощущалась максимальная нехватка земли. Даже по официальным данным в 80-х годах XIX в. малоземельные крестьяне составляли в Воронежской губернии 7,9% всех крестьян. В Павловском уезде их было 19,9%, в Бирюченском — 16,0%, в Острогожском — 10,7%, в Валуйском — 10,3%, а в великороссийских: Землянском — всего 1,9%, в Нижнедевицком — 3,2%, в Новохоперском — 2,8% и т.д.[116].

В Северном Приуралье русские составляли около 85% населения (1858 г. — 85,1%, 1897 г. — 83,9%). Доля их во второй половине XIX в. снизилась повсеместно (в Пермской губернии с 90,7 до 90,4%, а в Вятской — с 79,7 до 77,4%). В Пермской губернии тенденция эта была выражена слабее и русское население устойчиво превышало 90%. В Вятской картина была иной. Здесь доля русских снижалась постоянно (в 1719 г. —85,1%, в 1858 г. — 79,7%, в 1897 г. — 77,4%). Это объясняется коплексом причин. Во-первых, перепись 1897 г. точнее учла нерусское население (удмуртов, марийцев, татар). Во-вторых, в дореформенный период сюда переселилось много татар из соседнего Среднего Поволжья. В-третьих, в пореформенные годы именно из Вятской губернии шла массовая миграция русского населения в Сибирь (в Томскую, Енисейскую и Тобольскую губернии) в соседние Уфимскую и Пермскую губернии. Из Пермской же губернии отток был незначителен. В 1871–1896 гг. из Вятской губернии выселилось 243,3 тыс. чел., а из Пермской — 41,4 тыс. чел. В результате всех этих причин Северное Приуралье принадлежало к числу тех немногих регионов, где доля русского населения снижалась постоянно.

В Сибири и на Дальнем Востоке русские составляли три четверти всех жителей. Удельный вес их здесь постоянно увеличивался как за счет более высокого естественного прироста, так и благодаря притоку переселенцев из центральных регионов. В течение 1858–1916 гг. за счет повышенного естественного прироста население Сибири выросло на 60,2%, Дальнего Востока — на 57,9%, тогда как в среднем по империи оно увеличилось на 51,1%. Лишь в Восточной Сибири, где проживала большая часть коренного населения, уровень естественного прироста оказался пониженным. В 1859–1896 гг. в Сибирь (главным образом, Западную) переселилось 1277,9 тыс. чел. И хотя наряду с русскими туда шло много украинцев, белорусов, мордвы, татар и т.д. великороссийский этнический компонент в этом общем потоке явно преобладал.

В Западной Сибири удельный вес русских во второй половине XIX в. приближался к 90% (в 1858 г. — 90,1%, в 1897 г. —87,3%). Снижение их доли в 60–90-х годах XIX в. произошло потому, что в этой части региона поселе-

лось много украинцев. В 1719–1858 гг. украинское население в Западной Сибири почти отсутствовало. В 1719 г. русские составляли здесь 83,1%, а в 1859 г. — 90,1% (в Тобольской губернии удельный вес их вырос с 86,0 до 92,5%, а в Томской — с 77,0 до 86,5%). Однако в 1858–1897 гг. доля русских здесь снизилась, причем в Тобольской с 92,5 до 87,6% и в Томской с 86,5 до 86,3%. Украинцы составили в 1858 г. лишь 0,06% всех жителей Западной Сибири, а в 1897 г. — 4,1% (в Тобольской — 3,7%, в Томской — 5,1%).

В Восточной Сибири русских оказалось в 1858 г. — 56,1%, а в 1897 г. — 64,9%. Прирост доли их был очень высок: 1719 г. — 32,9%, 1858 г. — 56,1%, 1897 г. — 64,9%. В пореформенные годы с 1858 по 1897 гг. удельный вес русских повысился в Иркутской губернии с 65,0 до 72,8%, в Якутской области с 3,8 до 11,4%. И лишь в Енисейской губернии отмечалось снижение с 84,4 до 82,9%. Здесь происходит тот же процесс, что и в Западной Сибири. В 1858 г. здесь еще не было украинцев. А в 1897 г. их в Енисейской губернии было 3,8%. В целом к концу XIX в. русское население преобладало в Восточной Сибири повсеместно, кроме Якутской области.

На Дальнем Востоке, вошедшем окончательно в состав России лишь в 1858–1860 гг. удельный вес русских был меньшим, хотя и быстро увеличивался, причем наряду с русскими в Амурской и Приморской областях с 80-х годов XIX в. поселилось много украинцев. В 1859 г. русские составляли на Дальнем Востоке 51,6%, а в 1897 г. — 59,4% всего населения. В Забайкальской области их было более 60% (в 1858 г. — 60,6%, в 1897 г. — 65,5%), в Амурской области в 1858 г. русских было 35,2%, в 1897 г. — 68,5%, а в Приморской соответственно 36,6% и 40,0%. В 1858 г. украинцев в этих областях еще не было вовсе, а в 1897 г. их уже оказалось в Амурской области 17,5%, в Приморской — 19,3%. Это были в основном выходцы из Полтавской и Черниговской губерний, переселившиеся сюда в 80–90-х годах XIX в.

Таким образом, в Сибири и на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. еще более возросла доля русского населения, хотя в ряде губерний и областей, наряду с русскими поселилось много украинцев (в Приморской и Амурской областях, в Томской, Енисейской и Тобольской губерниях). Однако украинцы ни в одной области или губернии не стали преобладающим этносом. Коренное население осталось преобладающим только в Якутской и северных округах Приморской области, где с 1909 г. была создана Камчатская область.

В Нижнем Поволжье русские составляли около 65% населения (в 1858 г. — 67,5%, в 1897 г. — 65,4%). С 1719 г. процент их в регионе резко повысился. В начале XVIII в. край этот начал активно осваиваться русскими переселенцами и они составили здесь 33% общего народонаселения. В 60–90-е годы XIX в. доля русских в регионе понизилась за счет увеличения удельного веса татар (с 3,8 до 5,2%) и мордвы (с 4,4 до 5,9%). Видимо, перепись 1897 г. точнее зарегистрировала эти этнические меньшинства.

В Саратовской губернии русских было почти 77%, а в Самарской — 65%. В Астраханской же они оставались в меньшинстве. (1858 г. — 31,0%, 1896 г. — 40,8%). Здесь проживало много калмыков, казахов и украинцев.

В пореформенные годы темпы заселения губернии русскими ускорились (в 1871–1896 гг. прибыло 55,5 тыс. чел.). Кроме того, уровень естественного прироста у русских был выше, чем у казахов и калмыков. Это и привело к росту удельного веса русских и украинцев (с 6,1 до 13,3%).

На территории Среднего Поволжья удельный вес русских достигал 60% (1858 г. — 62,8%, 1897 г. — 59,8%). Как и в соседних регионах (Северном Приуралье и Нижнем Поволжье) доля русских здесь понизилась главным образом благодаря ее росту у татар и чувашей. Максимальный процент русских был в Пензенской губернии: 1719 г. — 80,6%, 1858 г. — 81,3%, 1897 г. — 82,9%.

В Симбирской губернии удельный вес русских достигал 70%. Он постоянно понижался (1719 г. — 65,4%, 1858 г. — 71,4%, 1897 г. — 68,0%). В Казанской губернии русских было 40% (1719 г. — 42,2%, 1858 г. — 42,3%, 1897 г. — 38,3%). Он также понизился в пореформенные годы. Чем же следует объяснять подобное явление? Уровень естественного прироста в регионе был невысок. С 1867 г. по 1917 г. за его счет население Казанской губернии выросло на 45,6%, Симбирской — на 47,6% и Пензенской — на 48,1% при среднем по империи —51,1%. Однако темпы естественного прироста у различных народов региона, видимо, были примерно одинаковы. Однако у татар и чувашей удельный вес вырос, а у русских — снизился. Очевидно, это следует объяснять несколько более точной регистрацией этнического момента по переписи 1897 г. Кроме того, во второй половине XIX в. из Среднего Поволжья происходит значительный отлив населения в Сибирь и соседние губернии смежных регионов. Всего в 1871–1897 гг. регион покинуло 435,4 тыс. чел. (Пензенскую 185,5 тыс., Симбирскую — 130,8 тыс. и Казанскую — 119,1тыс. чел.), причем в основном это были русские, что не могло не снизить их доли.

В Южном Приуралье русских к концу анализируемого периода оказалось почти 52%. Заселение его началось лишь на рубеже XVIII в., и в 1719 г. по первой ревизии русских здесь оказалось только 10,5%, хотя они уже преобладали на землях будущей Оренбургской губернии. К 1858 г. их удельный вес поднялся до 47,5%, а в 1897 г. — 51,8%. Тем не менее на землях Уфимской губернии они были этническим меньшинством. В XVIII–XIX вв. в регион прибыло много русских из соседнего Поволжья, Приуралья и Центра. Только в пореформенные годы в регионе разместилось 280 тыс. чел. Наряду с русскими в Южное Приуралье шли украинцы, татары, мордва, чуваши и т.д. Однако русские заселяли в первую очередь Оренбургскую губернию, а представители других народов империи — Уфимскую, где татар стало больше, чем коренных жителей — башкир.

На Северном Кавказе удельный вес русских и украинцев возрастал в течение XVIII–XIX вв. Это был регион интенсивного заселения, причем русские устремлялись преимущественно в Ставропольскую губернию и Терскую область, а украинцы — в Кубанскую область. Русские переселенцы прибывали в основном из Центрально-Черноземного региона (из Курской, Тамбовской, Воронежской и Орловской губерний), а украинцы — из Левобережной Ук-

раины (Полтавской и Черниговской). Направления миграционных потоков установились еще в 80–90-е годы XVIII в. и затем уже не претерпели существенных изменений. В начале XVIII в., на заре заселения региона русских в нем было не более 1%; к 1859 г. доля их здесь поднялась до 16,9%, а к 1897 г. — до 42,5%.

В 1719 г. русские проживали лишь на территории будущей Ставропольской губернии (около 23% населения). Земли Кубанской и Терской областей еще не входили в состав империи и были заселены ногайцами и другими горскими народами (черкесами, кабардинцами, шапсугами и др.). К 1859 г. удельный вес русских в регионе повысился до 16,9%, а в Ставропольской губернии — до 56,5%. Доля украинцев в губернии поднялась до 17,8%, а ногайцев — снизилась до 16,6%. Украинцы начали переселяться сюда в больших количествах с 30-х годов XIX в. В соседней Земле войска Черноморского (будущей Кубанской области) русских к 60-м годам XIX в. почти не было. Украинцы, начавшие заселять ее с конца XVIII в., составляли тут в 1859 г. — 35,1%, а остальное — горские народы.

В 1859–1896 гг. на Северном Кавказе произошли радикальные изменения в этническом составе. Около 500 тыс. чел. представителей горских народов Западного Кавказа и ногайцев покинуло эти земли и ушло в Турцию в 1860–1865 гг. Однако одновременно с этим более 900 тыс. чел. переселилось на Северный Кавказ из Центра и Левобережной Украины (в Кубанскую область — 619,1 тыс., в Ставропольскую губернию — 156,7 тыс., в Терскую область — 92,3 тыс.). Кроме того, у жителей Северного Кавказа с его благоприятными природно-климатическими условиями и отсутствием наиболее вопиющих феодально-крепостнических пережитков наблюдался в пореформенные годы самый высокий в империи и России в ее нынешних рубежах уровень естественного прироста.

В 1861–1900 гг. население нынешней России за счет естественного прироста увеличилось на 27746,1 тыс. чел., а Северного Кавказа на 1420,1, что составило 5,1%. В то же время в общем населении страны Северный Кавказ составлял в 1858 — 2,7%, а в 1897 г. — 3,1%.

В 60–70-е годы XIX в. естественный прирост в регионе еще не был очень высок. Он несколько превосходил уровень России (12,3‰ к 11,2‰), но уступал общеимперским данным (12,5‰). В самой России естественный прирост в эти годы был выше в российской Новороссии, Западной Сибири, Нижнем Поволжье и Центрально-Земледельческом регионе (см. табл. 14).

В 1871–1880 гг. естественный прирост на Северном Кавказе повысился до 14,4‰ (в России — 12,1‰, в империи — 13,5‰). В России тогда он был более высок в Новороссии, Западной Сибири, Южном Приуралье, Нижнем Поволжье и Центрально-Земледельческом регионе. В 1881–1890 гг. показатель естественного прироста в регионе повысился до 19,0‰ (в России — 12,5‰, в империи — 14,5‰). Теперь еще более высокий естественный прирост был зарегистрирован только в Российской Новороссии. И, наконец, в 1891–1960 г. естественный прирост на Северном Кавказе сохранился на уровне 19,0‰ (в России — 13,9‰, в империи — 14,5‰). Несколько более высоким

(20,6‰) он опять-таки остался в российской Новороссии. А за рубежами нынешней России он был более высок только в украинской Новороссии (24,7‰).

В 1858–1896 гг. доля русских на Северном Кавказе повысилась с 16,9 до 42,5% его народонаселения. В Ставропольской губернии она, однако понизилась (с 56,5 до 55,3%) в связи с чрезвычайно интенсивным притоком сюда украинцев (в 1858 г. их было 17,8%, а в 1897 г. — 36,6%). Зато в Кубанской области, где русских в 1858 г. почти не было, в 1897 г. удельный вес их достиг 43,2%. Наконец, в Терской области русское население в 1858 г. составляло 13,7%, а в 1897 г. — 29,0% всего населения. Мы видим, таким образом, что в течение 60–90-х годов XIX в. русские расселились по всей территории Северного Кавказа, хотя абсолютное их преобладание отмечалось лишь в Ставропольской губернии. Доля украинцев с 1859 г. по 1897 г. повысилась в регионе с 18,6 до 34,1%. В совокупности русские и украинцы достигали в 1858 г. одной трети, а в 1897 г. трех четвертей населения всего региона.

В других, преимущественно окраинных регионах удельный вес русских был невелик, однако и здесь в течение XIX в. и особенно во второй его половине он быстро возрастал как за счет земледельческого переселенческого движения, так и в связи с притоком русского населения в города.

В Новороссии доля русских с 1858 по 1897 гг. выросла с 21,6 до 29,8%, на Левобережной Украине — с 6,1 до 13,3%. В Белорусско-Литовском регионе — с 9,9 до 16,9%, в Прибалтике — с 3,6 до 4,8%, в Закавказье — с 0,9 до 4,7%, на Правобережной Украине — с 0,6 до 4,3%, в Царстве Польском —с 0,1 до 3,2%, в Казахстане — с 7,4 до 12,5%.

В Финляндии источники регистрируют резкое снижение доли русских: в 1859 г. — 2,1%, в 1897 г. — 0,4%. Однако это было вызвано не реальным сокращением численности русского населения, а изменениями методики регистрации этнического момента. В конце 50-х годов в Финляндии к русским относили всех православных жителей. Поэтому большое число православных карелов и финнов Выборгской губернии ошибочно попали в число русских, которых на самом деле в Финляндии было очень мало. В течение пореформенного периода переселенческого движения русских здесь не было. Лишь в городах проживало небольшое число русских. В этом отношении Финляндия представляет собой единственное исключение из общего правила.

В Новороссии удельный вес русских с 1858 по 1897 гг. повысился с 21,6 до 29,8%. В начале XVIII в. в северной части региона, принадлежавшей тогда России, их было примерно 90% (почти все жители будущей Екатеринославской губернии). В течение XVIII — первой половине XIX в. регион заселялся преимущественно украинцами, выходцами с территории соседней Левобережной Украины. Поэтому в 1858 г. здесь численно преобладали украинцы (44,7% всех жителей), а русских было 21,6%. Русские доминировали только на территории Донской области (66,0). В Таврической губернии они составляли 20,1%, в Херсонской — 16,9%, в Екатеринославской — 8,2%, и в Бессарабской — 3,7%. После украинцев русские были в регионе самым значительным этническим меньшинством. Следующие за ними молдаване достигали 14,2% жителей региона, татары — 6,0%, евреи — 4% и т.д.

К 1897 г. доля русских в регионе увеличилась до 29,8%, хотя они попрежнему преобладали только в Донской области (66,8%). Это объясняется, во-первых, усилившимся притоком русских мигрантов в Новороссию (в основном в города и на быстро растущие промышленные предприятия), а во-вторых, языковой ассимиляцией некоторой части украинцев в городах региона (особенно в Одессе, Херсоне, Екатеринославе, Николаеве и т.д.). В Екатеринославской губернии доля русских повысилась до 17,3%, в Херсонской — до 21,1%, в Таврической — до 27,9%, в Бессарабской — до 8,1%.

С 1859 по 1896 гг. в регион прибыло около 1 млн. мигрантов (в основном в Екатеринославскую и Херсонскую губернии и в Донскую область). В этом числе выходцев из центральных регионов России оказалось: в Екатеринославской — 21,3%, в Донской — 51,4%, в Таврической — 20,5%, в Херсонской — 10%. Уровень естественного прироста в регионе в 60–90-е годы оказался самым высоким в империи. В 1861–1870 гг. он составил 20,2‰ (в империи — 12,5‰, в современной России — 11,2‰), в 1871–1880 г. — 18,8‰ (13,5 и 13,1‰), в 1881–1890 гг. — 21,2‰ (14,5 и 12,5‰) и в границах 1891–1900 гг. — 22,4‰ (14,5 и 13,9‰).

Всего в 1861–1900 гг. за счет воспроизводства население региона выросло на 5980,2 тыс.чел., что составило почти 14% всего естественного прироста Европейской России. Особенно высоким естественный прирост оказался в Екатеринославской губернии Донской области. Поскольку показатели естественного прироста были примерно одинаковы у всех народностей региона, повышение здесь доли великороссийского этнического компонента следует объяснять возросшим притоком сюда русских и усилившейся ассимиляцией некоторой части украинского населения.

На территории Левобережной Украины русских было сравнительно немного, но их численность и удельный вес во второй половине XIX в. сильно увеличились. В 1719 г. русские составляли только 2,2% населения региона, в 1858 г. — 6,1%, в 1897 г. — 13,3%. В Полтавской губернии русских проживало мало. Это были или старообрядцы (в основном в Кременчугском уезде) или потомки однодворцев, поселенных здесь в 30-е годы XVIII в. (в Константиноградском уезде). В 1858 г. русские составляли 1%, в 1897 г. — 2,6%.

В Харьковской доля русских была несравненно более значительна, так как служилые люди из Центра начали селиться здесь на окраине русской земли еще в конце XVI — начале XVII вв. до массового перехода сюда украинцев, а затем — в конце XVIII — начале XIX вв. В 1719 г. русских здесь было 6,3%, в 1858 г. — 11,7%, а в 1897 г. — 17,7% всего народонаселения. Основная масса их проживала в Харьковском, Змеевском, Изюмском и Волчанском уездах.

В Черниговской губернии русские (совместно с белорусами) проживали в северной ее части (в Стародубском, Суражском, Новозыбковском, Мглинском и Новгородсеверском уездах). В 1858 г. они достигали 6,7%, а в 1897 г. — 21,6%. Теперь большая часть территории этих уездов входит в состав Брянской области России.

В Белорусско-Литовском регионе в 60–90-х годах значительно повысился удельный вес русских, преимущественно за счет языковой ассимиляции некоторой части проживающих здесь белорусов. Максимальный прирост наблюдался в Смоленской губернии (1859 г. — 47,1%, 1897 г. — 91,6%), где в течение 60–90-х годов в Смоленском, Рославском, Дорогобужском, Бельском, Поречском, Ельненском и Духовщинском уездах исчезает преобладающее здесь белорусскоязычное население. В 1897 г. белорусским по языку остался лишь Краснинский уезд.

В Витебской губернии удельный вес русских повысился с 5,5 до 13,3%. Основная их масса размещалась в Режицком и Себежском уездах. В Гродненской губернии русских было в 1858 г. — 0,3%, в 1897 г. — 4,6%. Они в основном размещались в украинскоязычном Брестском уезде. Однако немалую часть великороссов здесь составляли военнослужащие. Небольшое число русских жило в городах. В Минской губернии русских оказалось в 1859 г. — 0,5%, в 1897 г. — 3,9%. Больше всего их было зарегистрировано в Минском и Бобруйском уездах. В значительной мере это были потомки старообрядцев, поселившихся здесь в первой половине XVIII в. В Ковенской и Виленской губерниях доля русских повысилась соответственно с 2,2 до 4,5% и с 3,0 до 4,9%. Основная масса их (в основном старообрядцев и жителей городов) размещалась в Ковенском, Новоалександровском, Виленском и Дисненском уездах. Наименьший удельный вес русских был отмечен в Могилевской губернии (1858 г. — 2,0%, 1897 г. — 3,4%). Почти все они (в основном старообрядцы) были учтены в Гомельском уезде.

Таким образом, в Белорусско-Литовском регионе в 60–90-е годы XIX в. ускоряется процесс естественной ассимиляции части белорусского населения русским, в основном на пограничных этнических территориях. Земледельческого переселения сюда русских крестьян в 60–90-е годы не было. Единственное исключение представлял перевод в Ковенскую губернию небольшого числа русских крестьян в 1864 и 1876 гг. (в 1864 г. было поселено 1206, а в 1876 г. — 887 семей)[117].

На территории Казахстана русское земледельческое казачье, а затем и крестьянское население начало в значительных количествах селиться лишь в 40-х годах XIX в. В 1850 г. оно составляло здесь 7,6%, в 1858 г. — 7,4%, а в 1897 г. — 12,5% жителей региона (см. табл. 11). В 1871–1896 гг. в Казахстане поселились 327,8 тыс. чел. в основном русских крестьян и казаков, выходцев из Северного Приуралья и Центрально-Земледельческого региона.

Самый высокий удельный вес русских отмечался в Акмолинской и Уральской областях. В Акмолинской русских было в 1858 г. 5,7%, в 1870 г. — 24,9%, в 1897 г. — 25,5%. Они проживали преимущественно в Омском (50%), Петропавловском (37%) и Кокчетавском (1870 г. — 24,3%, 1897 г. — 30,9%) уездах. В Атбасарском и Акмолинском уездах русских тогда было еще мало. В Уральской области русские достигали в 1870 г. 24,2%, а в 1897 г. 24,9%[118]. Здесь они (в основном Уральские казаки) проживали преимущественно в Уральском (42%) и Гурьевском (15%) уездах.

В остальных областях русское население во второй половине XIX в. было еще немногочисленно. В Семипалатинской области оно равнялось 10% (1870 г. — 9,1%, 1897 г. — 9,5%), в Тургайской — в 1858г. — 3,0%, в 1897 г. — 6,7%, в Семиречинской — в 1858 г. 3,0%, в 1870 г. — 4,6%, в 1897 г. — 7,8% и, наконец, в Сыр-Дарьинской к 1897 г. русских стало 2,2%. В Семипалатинской области русские проживали преимущественно в Усть-Каменогорском (24%) и Семипалатинском (14%) уездах, в остальных их было мало.

Таким образом, к концу XIX в. значительное число русских было учтено в ряде уездов Акмолинской и Уральской областей. Основная же территория региона была слабо заселена и там кочевало казахское население (в 1858 г. — 92,6%, в 1870 г. — 87,6%, в 1897 г. — 78,9% жителей региона).

На территории Средней Азии в 60-х годах XIX в. русских еще не было, так как она вошла в состав империи только в 70–80-х годах. Переселения в 80–90-х годах сюда были невелики, и в 1897 г. русские составляли здесь 1,7% (в Закаспийской области 7,3%, в Самаркандской — 1,4%, в Ферганской — 0,5%). Всего в 80–90-х годах (по 1897 г.) в регион прибыло 73,4 тыс. мигрантов (54,0 тыс. в Закаспийскую, 15,1 тыс. в Самаркандскую и 4,3 тыс. чел. в Ферганскую области).

Кроме русских и украинцев в Среднюю Азию переселялись поляки, немцы, армяне, персы и т.д. Большая часть русских (28 тыс.чел. из 49 тыс.) разместилась в Ашхабадском и Мервском уездах Закаспийской области. В основном это было городское население. Приток мигрантов в Закаспийскую область начинается с 1881 г. (пришлые составили около 2 тыс. чел.)[119]. Однако первые русские земледельческие поселения появляются здесь только в 1881 г. и к 1895 г. русских крестьян в области оказалось 959 чел.[120]. Лишь в Мангышлакском уезде, гораздо ранее вошедшем в состав России и вошедшем первоначально в состав Уральской области, появилось два селения до 80-х годов (поселки Николаевский — в 1847 г. и Долгий — в 1876 г.).

Всего до 1897 г. в Закаспийской области возникло 17 русских населенных пунктов: в Мангышлакском — 2 (указаны выше), в Красноводском — 4 (Александровский — в 1892 г., Петровский —в 1894 г., Анненковский — в 1895 г. и Никольский — в 1896 г.) в Асхабадском — 9 (Михайловский — в 1888 г., Верхнескобелевский — в 1891 г., Самсоновский и Ванновский — в 1892 г., Дмитровский, Куропаткинский, Комаровский и Обручевский — в 1894 г., Рерберковский — в 1896 г.) и в Мервском — 2 (Алексеевский в 1892 г., Полтавский — в 1896 г.). В Тедженском уезде русских семейств в эти годы не появилось[121].

В Самаркандской области, созданной в 1886 г., хотя немалая ее часть входила в состав империи к 1870 г., русское население начало селиться лишь в 80-е годы. К 1888 г. здесь было учтено около 9,5 тыс. русских жителей. Значительное переселение сюда крестьян замечено в 1891–1896 гг., когда в область прибыло 6894 чел., в том числе из Центрально-Земледельческого региона 4370 или 68,9% (из Воронежской — 3426 чел., из Тамбовской — 473, из Курской — 471 чел.). Однако к 1897 г. только 1635 чел. разместилось в 8

населенных пунктах, а остальные осели в городах[122]. Почти все русские водворялись в Самаркандском уезде.

В Ферганской области, возникшей в 1876 г. из бывшего Кокандского ханства, русских было мало. В 1883 г. их было учтено 2388 чел., а по переписи 1897 г. — 8140 чел., причем в основном в Маргеланском уезде (3982 чел.). В сельской местности русских тогда почти не было. Первое земледельческое поселение — Покровское возникает только в 1893 г. в Андижанском уезде, а затем переводится в Ошский[123]. Наличие своего оседлого земледельческого населения и отсутствие значительных освоенных орошенных массивов земли привело к тому, что земледельческая миграция в Среднюю Азию не получила серьезного развития. Существовал в основном небольшой приток русских переселенцев в города.

В остальных регионах русских было мало и они проживали главным образом в городах. В Закавказье в 60–90-е годы доля их увеличилась с 0,9 до 4,7%, причем кроме притока в города, отмечалась и небольшая миграция русских крестьян (в значительной мере старообрядцев) в Бакинскую, Эриванскую и Елисаветпольскую губернии.

В Бакинской губернии удельный вес русских поднялся в 1858–1896 гг. с 2,7 до 9,4%. Основная часть их проживала в г. Баку и в 32 земледельческих поселениях Ленкоранского и Шемахинского уездов, первое из которых возникло еще в 1834 г. (в 1897 г. в Бакинском уезде было учтено 45,5 тыс., в Ленкоранском — 9,7 и в Шемахинском — 11,4 тыс. чел. русских). В Тифлисской губернии доля русских в эти годы повысилась с 1,1 до 8,8%. Три четверти из них проживали в Тифлисском (60,8% общего числа), Борчалинском (9,5%) и Горийском (6,2%) уездах. В Карсской области в 50–70-х годах русских не было, и территория эта входила в состав Турции. В 80-е годы сюда переселяются русские старообрядцы, украинцы из Херсонской и Екатеринославской губерний (в 1884 г.) и т.д. В 1897 г. русские достигли уже 7,7%, а украинцы — 1,8% населения области. Почти все русские поселились в Карсском уезде (91,3% общего числа). Точно также в Батумской области доля русских в 1897 г. достигла 6,9%. В Сухумской области их в 1897 г. оказалось 5,7%. В остальных частях региона русских было мало (в Дагестанской области в 1859 г. — 0,1%, а в 1897 г. — 3,1%, в Елисаветпольской соответственно 1,5 и 2,0%, в Эриванской — 1,5 и 1,9%, в Кутаисской — 0,5 и 0,9%). Закавказье не располагало большими массивами свободных земель, поэтому русские мигранты селились здесь преимущественно в городах. Лишь в Бакинской, Карсской и Тифлисской губерниях ими было основано небольшое число земледельческих поселений.

На территории Правобережной Украины русское население было немногочисленно. По V ревизии (1795 г.) в регионе было учтено только 4 тыс. чел. русских старообрядцев, поселенцев рубежа XVIII в. (в основном в Подольской губернии). К 1859 г. процент русских преимущественно за счет переселения их в города, поднялся до 0,6% (33 тыс. чел.). В 60–90-х годах XIX в. притока русских на Правобережную Украину не наблюдалось. Тем не менее

доля их здесь повысилась до 4,3%. Это следует считать результатом ассимиляционных процессов, протекающих в городах.

В Киевской губернии доля русских повысилась с 0,4 до 5,9% (с 6,8 до 209,4 тыс. чел.). Большая часть русских по языку жителей была зафиксирована в г. Киеве. В Киевском уезде (г.Киев) русские в 1897 г. составляли 26,6% всех жителей. Кроме того, русские проживали в Черкасском и Радомысльском уездах. В Подольской губернии доля русских с 1859 по 1897 гг. увеличилась с 0,8 до 3,2%, а в Волынской — с 0,7 до 3,5%. В Подольской губернии около 45% русского населения проживало в Балтском, Винницком и Подольском, а в Волынской — 52% — в Житомирском, Луцком, Дубенском и Кременицком уездах. Здесь большинство русских также находилось в городах.

Из сказанного видно, что на территории Правобережной Украины в крупнейших городах (Киеве, Житомире, Луцке, Дубно, Черкассах, Балте, Виннице и др.) в пореформенные годы распространилась естественная ассимиляция русскими некоторой части украинцев. Она охватила, по крайней мере, 350 тыс. чел. местного украинского населения, что позволило повысить в регионе долю русских по языку до 4,3% (413,3 тыс. чел.).

В Прибалтике удельный вес русских повысился в 1858–1897 гг. с 3,6 до 4,8%. Большая часть русских проживала в Лифляндской губернии, где на их долю приходилось в 1719 г. 0,6%, в 1859 г. — 4,2% и в 1897 г. — 5,2% жителей. Около 90% русских было сконцентрировано в двух городах — Риге (в 1897 г. в Риге и уезде — 69,3% всех русских жителей губернии) и Дерпте (20,2%). В Эстляндской губернии русские составляли в 1719 г. 0,4%, в 1859 г. — 2,2%, в 1897 г. — 5% ее населения. Около 90% их обитало в Ревельском (52,7%) и Везенбергском (42,6%) уездах. В Курляндии на долю русских приходилось в 1859 г. — 3,3%, а в 1897 г. — 3,8% населения. Более 88% их было учтено в 1897 г. в городах трех уездов: Добленском (18,9%), Гробинском (30,6%) и Иллукстском (39,5%). Характерной тенденцией пореформенного периода было увеличение притока русских в города Прибалтики и в первую очередь в Ригу и Ревель.

В Царстве Польском прирост удельного веса русских в 60–90-е годы оказался значительным: с 0,1 до 3,2%. Максимальное число и доля русских была зарегистрирована в Ломжинской (1867 г. — 0,2%, 1897 г. — 5,6%), Варшавской (соответственно 0,2% и 5,4%), Сувалкской (1,0 и 4,2%) и Люблинской (0,2 и 4,1%) губерниях. Если в 1859 г. в Царстве Польском проживало 6,3 тыс. русских, в 1867 г. — 10,8 тыс., то в 1897 г. — около 300 тыс. Русское население размещалось преимущественно в городах. В городах Варшавской губернии, например, в 1897 г. было учтено 35,2% (105,1 тыс. чел.) всех русских региона. Значительную часть их составляли военнослужащие, и доля постоянных жителей была гораздо меньшей.

Из сказанного можно сделать следующие выводы:

1) В 60–90-х годах XIX в. продожался процесс падения удельного веса русского населения. В неизменных границах России он снизился с 80,6 до 75,5%, а в рубежах СССР — с 45,9 до 44,3%. Усилившаяся естественная ассимиляция ряда народностей России не смогла приостановить этого процес-

са. Даже учет этнического момента в 1897 г. только на основании признака родного языка не смог существенно повлиять на изменение масштабов этого явления.

2) Главной причиной этого процесса, как и ранее, оставались пониженные (на уровне всей страны) показатели уровня естественного прироста в регионах преимущественного проживания великороссийского этнического компонента. Именно в Центрально-Промышленном, Озерном, Северном регионах, где в основном проживали русские (1858 г. — 34,5% всех русских империи, в 1897 г. — 29,6%), естественный прирост был весьма невысок. Петербургская, Ярославская, Московская губернии входили в число тех десяти, где цифры естественного прироста были самыми низкими в империи. Низким был прирост и в Среднем Поволжье (1858 г. — 7,0%, 1897 — 5,6% всех русских) и Северном Приуралье (соответственно — 10,2 и 9,2%). А ведь в этих пяти регионах было учтено в 1858 г. — 51,7%, а в 1897 г. — 44,3% всех русских империи. Аграрное перенаселение и связанное с ним массовое отходничество, неблагоприятные природно-климатические условия и пережитки крепостничества объясняют этот факт.

3) Смягчающее влияние на рассматриваемое явление оказывали переселения русских на окраины, в регионы, менее опутанные крепостническими пережитками и более благоприятные для жизни. Если в 1858 г. за пределами границ нынешней России проживало 1335,6 тыс. чел. (3,8% всех русских империи), то в 1897 г. — 4501,0 тыс. (8,1%). В 1897 г. на Украине проживали уже 5,1% всех русских империи, в Казахстане — 0,9%, в Белоруссии — 0,7%.

4) В течение 50–90-х годов удельный вес русских несколько снизился или остался почти неизменным в ряде северных и восточных регионов страны (Северный, Северное Приуралье, Среднее и Нижнее Поволжье). Здесь у нерусского населения отмечается более высокий уровень естественного прироста и, кроме того, происходит более заметный отлив в другие регионы именно русских переселенцев. В центральных и северо-западных регионах он несколько повысился (Центрально-Промышленный, Центрально-Земледельческий, Озерный регионы). Здесь усилилась естественная ассимиляция ряда мелких народностей (карел, мордвы, белорусов и др.). В окраинных регионах отмечается процесс резкого повышения доли русских (Сибирь, Дальний Восток, Северный Кавказ, Закавказье, Новороссия, Белоруссия и Литва, Левобережная и Правобережная Украина, Прибалтика, Казахстан, Средняя Азия и Царство Польское). Это было связано как с интенсивным заселением ряда этих регионов русскими (Сибирь, Дальний Восток, Южное Приуралье, Северный Кавказ, Казахстан, Средняя Азия), так и с усилившейся естественной русской ассимиляцией некоторой части местного населения (на Украине, в Белорусско-Литовском регионе). Во второй половине XIX в. отмечается расширение русской этнической территории. Русский этнический компонент стал преобладающим в Южном Приуралье (1858 г. — 47,5%, 1897 г. —51,8%), в Смоленской губернии

(1858 г. — 47,1%, 1897 г. — 91,6%), на Дальнем Востоке (1897 г. — 59,4%). В Амурской области русские составляли в 1858 г. — 35,2%, а в 1897 г. — 68,5%. Потерь же в этот период не было.

5) Эмиграция русских за границу империи была незначительна. На территории Буковины, Добруджи, Прусской Мазовии и т.д. проживало небольшое число русских старообрядцев. В Германии, Франции, Англии, Швейцарии находилось немного русских (эмигрантов и просто временно выбывших за рубеж на учебу, отдых и т.д.). Заметного влияния на демографические процессы в России этот отток за границу не оказывал.

1. Сборник сведений по Финляндским губерниям. СПб., 1892. С. 2–3.
2. Аленицын В. Население и прирост его в Европейской России в десятилетие 1891–1900 гг. — Ежегодник России. 1905 (год). СПб., 1906., С. 44–56.
3. Там же.
4. Там же. С. 51.
5. Там же.
6. Wirtschaft und Statistik. Jg. 4. Berlin, 1924, № 9, S. 280–284.
7. Рашин А.Г. К вопросу о формировании рабочего класса в России в 30–50-х годах XIX в. — Исторические записки, № 53, 1955.С. 145–148; Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию благосостояния сельского населения. Ч. 1. СПб., 1903. С. 226.
8. Там же.
9. Панютич В.П. О развитии отхожих промыслов в Белоруссии в эпоху капитализма (1861–1914 гг.). Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс. 1964. С. 640.
10. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 385–386.
11. Там же. С. 137–140.
12. См.: Тихонов В.В. Переселения в России во второй половине XIX в. М., 1978. С. 14–20.
13. См.: Новое слово. Кн. 9. СПб., 1897.
14. Фонд его отложился в РГИА в С.-Петербурге (Ф. 391. Оп. I–II) за 1861–1918 гг.
15. Брук С.И., Кабузан В.М. Миграция населения в России в XVIII — начале XX в. — История СССР. № 4. 1974. С. 49.
16. Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII — начале XX вв. (1796–1917 гг.). — История СССР. № 3. 1979. С. 26.
17. До 1828 г. систематического учета движения населения через границы не велось.
18. Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 52.
19. ПСЗ-II. Т. XVIII, № 16718. С. 235–240.
20. Подробнее об этом будет сказано ниже.
21. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII — начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк. М., 1985. С. 50–85.

22. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1315. Оп. 1. Д. 3. Л. 137–142.
23. Там же. Ф. 1315. Оп. 1. Д. 3. Л. 142 об.
24. Ядринцев Н.М. Сибирь как колоиия. СПб., 1892. С. 61.
25. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 310. Л. 12 об.
26. Там же. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 104. Л. 30.
27. Там же.
28. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 219–233.
29. Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922. С. 1–2, 13–14.
30. Статистический ежегодник. г. Москвы. Год 2. 1907–1910. Вып. 1. М., 1910. С. 43–49.
31. Между данными таблиц 17 и 26 имеются различия в числе учтенных эмигрантов, так как в первой из них не учтены эмигранты Западного Кавказа, выбывшие в Турцию. Они определены по расчетам военного министерства, так как в этом районе не существовало до середины 60-х годов русской гражданской администрации.
32. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2486. Л. 9–11.
33. Там же. Л. 11.
34. Мошнин Н. Придунайская Болгария. – Славянский сборник. Т. 2. СПб., 1877. С. 28.
35. РГАДА. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 2486. Л. 9.
36. Там же. Л. 10.
37. Там же. Л. 12.
38. Обзоры Таврической губернии за 1884–1990 гг. Симферополь. 1885–1901. Секиринский С.А. Сельское хозяйство и крестьянство Крыма и Северной Таврии в конце XVIII – начале XX вв. (1783–1917). Автореф. докт. диссертации. Львов, 1974. С. 18, 24.
39. Сергеев А.А. Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 году. ИГУАК, № 49. 1913. С. 200.
40. Там же. С. 202.
41. Там же. С. 216.
42. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 48 (отчет за 1860 г.). Л. 5–7; Д. 47 (отчет за 1861 г.). Л. 5–10; Оп. 4. Д. 58. Л. 6–7 (отчет за 1862 г.).
43. См.: Сергеев А.А. Указ. соч. С. 206–210.
44. Сергеев А.А. Указ. соч. С. 207–210.
45. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 38. Л. 6.
46. Там же. Оп. 6. Д. 47. Л. 5–10.
47. Сергеев А.А. Указ. соч. С. 213.
48. Скальковский А. О иогайских колониях Таврической губернии. – Памятная книжка Таврической губериии. Вып. 1. Симферополь, 1867. С. 434–437.
49. Сергеев А.А. Указ. соч. С. 205.
50. Там же. С. 213.
51. Richard Andree's. Allgemeiner Handatlas. Leipzig, 1881, S. 3, 64.
52. Сергеев А.А. Указ. соч. С. 213.
53. Там же.

54. Sax K. Geographisch-ethnographische Skizze von Bulgarien. – Mitteilungen der Kaiserlich-königlichen geographischer Gesellschaft. Neue Folge, Bd. 12, Wien, 1869, S. 457–459.

55. Численность и расселение народов мира. М., 1962. С. 55, 205.

56. См. табл. 25.

57. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 157–161.

58. Там же.

59. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 93.

60. Там же. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 219–223, 232–242, 277–284, 289–292, 305–315, 400–407.

61. Там же. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–262.

62. Скляров Л.Ф. Указ. соч. С. 60–61.

63. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 57. Л. 11–12.

64. Там же. Ф. 394. Оп. 1. Д. 45. Л. 259.

65. Там же. Ф. 391. Оп. 2. Д. 791. Л. 31 об. – 32.

66. Там же. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 57. Л. 12.

67. Там же. Ф. 391. Оп. 2. Д. 761. Л. 31 об. – 36; Ф. 1282. Оп. 3. Д. 232. Л. 9; Ф. 1284. Оп. 194. Д. 57. Л. 10.

68. ПСЗ-III. Т. IX. 1899. Ст. 6198.

69. Скляров Л.Ф. Указ. соч. С. 64–66.

70. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 101.

71. Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1901–1902 гг. СПб., 1905. С. 43.

72. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 72–75.

73. Труды Варшавского статистического комитета по 10 губерниям Царства Польского. Вып. 13. Варшава. 1896. С. 146–163.

74. Там же. Л. 154–157; РГИА в С.-Петербурге. Ф. 571. Оп. 4. Д. 755. Л. 364–368; Обзор Петроковской губернии за 1896 г. Петроков. 1897. С. 28; РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 759. Л. 1.

75. Wakar W. Raswoj terytoryalny narodowosi polskej. Czesz 2. Statystyka narodowosciowa Krolestwa Polskiego. Warszawa, 1917, S. 158.

76. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 188. Л. 76 об.

77. Берзина М.Я. Формирование этиического состава населения Канады (этностатистическое исследование). М., 1971. С. 146.

78. Harward Encyclopedia of American Ethnic Groupe. Cambridge (Mass.). London, 1980; p. 571–579.

79. Ibid., p. 571.

80. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 122–132; Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 81–87.

81. Богина Ш.А. Иммигрантское население США 1865–1900. Л., 1976. С. 23; Берзина М.Я. Формирование этнического состава населения Канады..., С. 135.

82. Harward Encyclopedia..., p. 790.

83. Урланис В.Ц. История американских цензов. М., 1938. С. 66.

84. Statistical Abstract of the United States. 1900. Washington, 1901, p. 400–401; Statistical Abstract..., 1910. Washington, 1911, p. 56–59.

85. Rauchberg H. Die Österreichischen Staatsangehörigen in Deutschen Reiche. Statistische Monatsschrift. Jg. 5. Wien, 1889, S. 363.

86. Статистика Российской империи. Сборник сведений по России за 1884–1885 гг. СПб., 1887. С. 57.

87. Масальский В.И. Очерк пограничной части Карсской области. – Известия Русского географического общества. Т. XXIII. Вып. 1. Спб., 1887. С. 21.

88. Евреи в России. М., 1906. С. 6.

89. Там же. С. 9, 19.

90. Harward Encyclopedia..., p. 579.

91. Nossig A. Materialien zur Statistik des judischen Stamme. Wien, 1887, S. 99.

92. Rocznik Statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. Rok 7. Warszawa, 1929, S. 615.

93. Богина Ш.А. Иммигрантское население США... С. 23.

94. Statistical Abstract of the United States. 1900. Washington, 1901, p. 400–401; Statistical Abstract... 1910. Washington, 1911, p. 56–59.

95. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 395. Оп. 1. Д. 2430. Л. 89 об.

96. Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции... С. 26.

97. Тудоряну Н.Л. Указ. соч. С. 38–46.

98. Inernational migrations..., p. 824–831.

99. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 385–386.

100. Берзина М.Я. Формирование этнического состава населения Канады... С. 80.

101. Там же. С. 146–147.

102. Там же. С. 135.

103. Там же. С. 76.

104. Соколов А.С. Российская трудовая эмиграция в Америку в последней четверти XIX в. – Советская этнография, 1982, № 2. С. 102.

105. Лапин Е. Настоящее и будущее еврейской колонизации в Аргентину. СПб., 1894. С. 25.

106. Тудоряну Н.Л. Указ. соч. С. 43.

107. Там же. С. 32.

108. Марианьский А. Современные миграции населения. М., 1966. С. 135–136; Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л.; 1929. С. 54–55.

109. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 385.

110. Паттерсон Д.Ж. С еврейским отрядом в Галлиполи. Пг., 1917. С. 90–91.

111. По Бакинской губернии в 1892 г. положительный баланс миграций равнялся 16,4 тыс. в 1893 г. – 12,7 тыс., в 1894 г. – 14,2 тыс., в 1895 г. – 16,1 тыс. чел. и т.д. В отчете Бакинского губернатора за 1898 г. зафиксирован приток сюда из Северной Персии 74646 чел. обоего пола «из-за имевшего там место неурожая» (РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 187).

112. Харузин Н. Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта. М., 1880, С. 88.

113. Циммерман, капитан. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Архангельская губерния. Т. II. Ч. 1. СПб., 1853. С. 166.

114. Олонецкая губерния. Список населенных мест 1858 г. СПб., 1879. С. 52, 95.

115. Бычковский Г.И. Выселение крестьян из Воронежской губернии в 1874–1892 гг. – Памятная книга Воронежской губернии на 1893 год. Воронеж, 1893. С. 94–95.

116. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 60–65.

117. Ковенская губерния за время 1843–1893 гг. Ковна, 1893. С. 68.

118. В 1858 г. в будущих Уральской и Тургайской областях насчитывалось 7,5% русских, но дать их раздельно не представляется возможным.

119. Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 год. Асхабад, 1897. Табл. Б.

120. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 408–443.

121. Обзор Закаспийской области за 1912–1914 гг. Асхабад, 1916, прил. 12.

122. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 414–422.

123. Обзор Ферганской области за 1898 год. Новый Маргелан, 1900. С. 20.

V. РУССКИЙ ЭТНОС В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (1897–1917 гг.)

В начале XX в. в России происходит дальнейшее возрастание показателей роста населения, прерванное только войной 1914–1918 гг. В 1901–1910 гг. естественный прирост в стране повысился до 16,0‰ — самого высокого уровня в Европе и в истории России XIX — начала XX в. Первая мировая война и последующие события 1918–1920 гг. привели к тому, что в 1911–1920 гг. рост воспроизводства населения в России упал до 3‰ (см. табл. 16).

В условиях быстрого увеличения народонаселения, обострившегося аграрного перенаселения и недостаточного развития экономики, в стране еще более выросли масштабы миграции. Общий баланс миграции дал теперь отрицательную величину — 1,3 млн. чел. У русских подданных он достиг 2,6 млн. чел., а у иностранцев составил положительную цифру — 1,3 млн. чел. За границу эмигрировало более 2,9 млн. чел., из которых в США — 2,5 млн. (86,2%). Размеры сезонной сельскохозяйственной миграции к началу мировой войны, превысили 350 тыс. чел., а в 1917/1918 гг. достигли 502 тыс. чел.

И все же внутренние миграции из Центра на окраины и теперь оказались более масштабными. В 1897–1916 гг. сюда въехало почти 5,3 млн. чел., в том числе в Сибирь 2,6 млн. (48,8%), в Казахстан и Среднюю Азию — 1,4 млн. (27,3%).

Все это говорит о необходимости обстоятельного анализа демографических процессов в России в начале XX в. Проследим, как росло население страны и установим место в этом процессе естественного прироста и миграций (внутренних и внешних), а также их влияние на изменения в этническом составе населения России и формирование этнических рубежей русского народа.

1. Воспроизводство населения в России в 1897–1916 гг. в эпоху империализма

В начале XX в. естественный прирост в России значительно повысился. Таблицы 14, 16 и 43 демонстрируют ход этого процесса. В 1901–1910 гг. в стране отмечается самый высокий в истории дореволюционной России естественный прирост (16,0‰), в том числе в границах современной России — 15,8‰. В Европейской России (16,2‰) он оказался более высоким, чем в среднем по стране. В Казахстане, Средней Азии и Закавказье, напротив, был ниже. В Западной же Сибири естественный прирост стал самым высоким в стране (22,3‰). В Финляндии он теперь был ниже, чем в империи (в 1901–1910 гг. — 13,2‰, а в 1911–1920 гг. — 8,1‰).

В 1911–1916 гг. естественный прирост в России понизился (14,0‰), а в границах современной России — 13,2‰. Первоначально в 1901–1910 гг. на этот процесс некоторое влияние оказала революция 1905–1907 гг., однако в 1906–1907 гг. естественный прирост в империи повышается, достигнув максимума в 1907 г. (18,1‰). Затем в 1908–1910 гг. происходит временный спад

(1908 г. — 16,3‰, 1909 г. — 15,2‰, 1910 г. — 14,1‰). Но в 1911–1914 гг. показатели воспроизводства вновь возрастают (максимум в 1911 г. — 17,0‰).

В годы первой мировой войны естественный прирост в России резко снижается: в 1915 г. — до 9‰ и в 1916 г. — 4,8‰ (в Европейской России соответственно 8,5‰ и 4,2‰). В Царстве Польском, на территории которого велись военные действия, в 1915 г. смертность превзошла рождаемость (естественная убыль — 0,4‰), а в 1916 г. естественный прирост оказался очень низким (2,3‰). В целом же в 1907–1914 гг. он в империи был примерно таким, как и в 1897–1906 гг. (17,6‰). Однако на окраинах даже в 1911–1916 гг. он оказался более высокии, чем в 1901–1910 гг. (в Казахстане и Средней Азии — увеличение с 12,8 до 14,0‰, в Новороссии — с 19,9 до 20,0‰). Наборы в армию на окраинах страны были невелики, а успехи медицины и повышение жизненного уровня способствовали повышению здесь показателей воспроизводства населения. Лишь в Закавказье, где велись военные действия, отмечается небольшой спад: с 10,9 до 9,3‰. В России и всей Европе происходит снижение и рождаемости и смертности, однако последняя изменялась быстрее, что и привело к повышению уровня воспроизводства населения. В 1891–1900 гг. рождаемость в Европейской России равнялась 49,2‰, а в 1901–1910 гг. — 46,8‰, а смертность — соответственно 34,2 и 30,3‰. И все же и по рождаемости, и по смертности Россия в XIX — начале XX в. находилась на первом месте в Европе.

Таблица 43 показывает, что с 1909 г. уже постоянно (кроме 1911 г.) естественный прирост в империи был выше, чем в Европейской России и, тем более, в границах современной России. На окраинах (Казахстан, Средняя Азия, да и Северный Кавказ) население растет теперь быстрее, чем в Европейской России. Однако эта новая тенденция не смогла оказать решающее влияние на общие данные с 1901 г. Это был начальный момент того важного в истории нашей Родины процесса, который отчетливо проявился уже в советский период, когда темпы естественного прироста на окраинах, в азиатских районах СССР и в Закавказье намного превзошли показатели Европейской части страны.

Таблицы 14 и 43 свидетельствуют, что в целом в 1911–1916 гг. среди европейских стран в Российской империи наблюдался самый высокий уровень воспроизводства населения. Если рассмотреть по годам данные по 12 государствам Европы, то за 20 лет с 1897 по 1916 гг. Россия находилась на первом месте в течение 12 лет и только 8 лет уступала первенство другим государствам. В 1898 г. Россию опережала Финляндия, Дания и Германия; в 1905, 1909–1910 и 1913–1914 гг. — Нидерланды. И только в 1915–1916 гг. вперед вышел уже ряд, в основном не воюющих государств. В 1915 г. это были Финляндия, Дания и Нидерланды, а в 1916 г. — Финляндия, Швеция, Дания, Нидерланды и Швейцария. 1915–1916 военные годы непоказательны. Не вызывает удивления, что нейтральные государства Скандинавии и Нидерланды опережали Россию. В первые годы войны естественный прирост в России оказался сравнительно высоким. В 1915 г. за счет окраин он был почти вдвое

выше, чем в бедственном 1892 г., и оказался более высоким, чем в ряде нейтральных стран (Швеции и Швейцарии). И, конечно, Россия существенно опередила другие воюющие государства. Коэффициент естественного прироста в 1915 г. был отрицательным во Франции (–6,9‰), в Германии (–1,0‰), в Австрии (–3,9‰), в Царстве Польском (–0,4‰). Небольших положительных величин он достигал в Англии (+6,1‰), Бельгии (+3‰) и Италии (+18,2‰)[1].

В 1916 г. отрицательный коэффициент естественного прироста отмечен почти во всех воюющих государствах (во Франции –8,0‰, Бельгии – 0,2‰, Германии – 4,6‰, Австрии – 6,0‰). Лишь в Англии (+6,7‰) и Италии (+0,6‰) он оказался положительным.

В 1917 г. в Российской империи уже был отрицательный показатель воспроизводства населения. По подсчетам Б.Ц.Урланкса смертность впервые опередила рождаемость на 600 тыс. чел. (родилось – 3,9 млн., умерло – 4,5 млн.) и естественная убыль составила 3,7‰[2]. Однако в других воюющих странах она оказалась гораздо более высокой (во Франции – 11,4‰, в Бельгии – 5,0‰, в Германии – 6,6‰, в Австрии – 8,5‰). Среди участвующих в войне государств положительный естественный прирост был только в Англии и Италии.

Такая же картина отмечается и в 1918 г. в Европейской России за счет огромного роста смертности. Естественный прирост составил отрицательную величину – 12,2‰ (по А.Я.Боярскому – 9,5‰ или более 2,4 млн. чел.)[3]. По сравнению с 1917 г. в стране выросли и рождаемость (с 29,1 до 34,7‰) и смертность (с 29,1 до 44,2‰), однако последняя увеличилась почти в два раза быстрее. Во Франции естественная убыль достигла 16,8‰, в Германии – 10,4‰, в Италии – 13,5‰, в Австрии – 12‰, в Бельгии – 9,5‰, в Финляндии – 6,6‰. Даже в Англии естественный прирост составил в 1918 г. всего +1,9‰. Он понизился и в Швеции (+2,3‰), а также Нидерландах (+7,4‰). И лишь в Дании и Норвегии оставался сравнительно высоким. В воюющих государствах Европы естественная убыль тогда достигла 2,5 млн. чел. (в Германии – 680 тыс., Франции – 620 тыс., Италии – 476 тыс., Румынии – 194 тыс., Венгрии – 192 тыс., Австрии – 77 тыс., Чехословакии – 63 тыс. чел. и т.д.)[4]. На территории бывшей Российской империи она равнялась почти 3 млн. чел.

В 1919 г. ситуация в Европе меняется коренным образом. Исключение составили советская Россия и другие части бывшей Российской империи. В Европе отмечается быстрое повышение уровня естественного прироста. Положительный коэффициент воспроизводства наблюдается в Бельгии (1,2‰), Англии (5,3‰), Италии (2,4‰). Отрицательные показатели были зарегистрированы только в Финляндии (–1‰), Франции (–6,7‰) и Австрии (–2,4‰). В Европейской части бывшей Российской империи естественный прирост понизился до отрицательной величины (–15‰)[5]. По сравнению с 1918 г. упала рождаемость (с 34,7 до 31,7‰) и еще более выросла смертность (с 44,2 до 46,7‰)[6]. На смену мировой войне в России пришла гражданская война, разруха, голод, эпидемии. И все это резко повысило смертность. Лишь немногим лучше оказался 1920 г. (естественная убыль – 12,1‰). Рождае-

мость, правда, выросла, но смертность осталась высокой (43,3‰)[7]. В Европе же в 1920 г. естественный прирост повсюду был положительным.

В целом в 1911–1920 гг. в России (в старых ее рубежах) коэффициент естественного прироста оказался ниже, чем во всей Европе: 3,0‰ к 3,5‰ (см. табл. 16). Тем не менее во Франции он был отрицательным (–7,0‰ при убыли числа жителей на 2,6 млн. чел.). В Бельгии он равнялся российскому (3,0‰ при увеличении населения на 198 тыс. чел.). Из воюющих стран естественный прирост был еще более высоким в Англии (+7‰ при увеличении населения на 2,9 млн. чел.), в Германии (+4‰ — на2,4 млн. чел.) и особенно в Италии (+14‰ — на 2,4 млн. чел.). В России же в 1911–1916 гг. население за счет естественного прироста увеличилось на 13,5 млн. чел. Однако огромная убыль жителей в 1917 — 1920 гг. привела к тому, что в 1911–1920 гг. естественный прирост в стране не превысил 5 млн. чел.

В годы мировой войны число жителей в стране (1915–1918 гг.) за счет превышения смертности над рождаемостью сократилось лишь на 1 млн. чел. (–1,7‰), то есть убыль была относительно невелика (см. табл. 44). Естественная убыль оказалась гораздо более значительной в большинстве других воюющих государств Европы и особенно во Франции (–14,5‰) , Германии (–5,5‰), Австрии (–7,2;), Венгрии (–5,3‰) и Чехословакии (–5,0‰). Значительная убыль отмечалась на территории Эстонии (–5,8‰). В Царстве же Польском превышение смертности над рождаемостью оказалось небольшим (–0,7‰).

Таким образом, в Российской империи во втором десятилетии XX в. первоначально естественный прирост был очень велик: в 1914 г. он составил 2837,8 тыс. чел., в 1915 г. — 1652,8 тыс., а в 1916 г. хотя и снизился, но достигал почти 1 млн. чел. Смертность начала превышать рождаемость в центральных и западных районах лишь с 1917 г. (в 1917 г. убыль населения на 600 тыс. чел.). В 1918–1920 гг. демографическая ситуация была уже диаметрально противоположной. Несмотря на отсутствие достаточно надежных источников, исследователи полагают, что в 1918 г. смертность превысила рождаемость на 3 млн. чел., в 1919 г. — на 2 млн. чел., в 1920 г. — на 3,8 млн. чел. Кризисные явления проявились в России позже чем в других странах Европы, однако благодаря интервенции, гражданской войне, разрухе, голоду, эпидемиям они дольше давали о себе знать, и население страны сокращалось до 1923 г.[8]. Однако в целом в 1911–1920 гг. за счет превышения рождаемости над смертностью население страны все же возросло примерно на 5 млн.чел. и коэффициент естественного прироста оказался лишь немногим ниже, чем во всей Европе и выше, чем в ряде воюющих государств. Особенно показательна в этом отношении Франция, где смертность превышала рождаемость не только в военные 1914–1918 гг., но и в 1900, 1907, 1911 и 1919 гг. (см. табл. 43). Франция была единственным государством Европы, где в 1911–1920 гг. за счет воспроизводства население уменьшилось на 2,6 млн. чел.

Естественный прирост в России по районам, губерниям и уездам можно анализировать только до 1917 г., так как именно до этого года в архивах сохранились подробные источники. Имелись они и за 1917 г., однако в начале

20-х годов были изъяты и отправлены в Москву, где до сих пор так и не обнаружены. В 1918 г. церковная статистика России была уничтожена. 18 декабря 1917 г. был утвержден «Декрет о гражданском браке и о ведении книг актов гражданского состояния». Предусматривалась обязательная регистрация браков, рождений и смертей в специальных книгах отделов записей браков и рождений. Однако удовлетворительная статистика воспроизводства населения была налажена только к 1923 г. (и то, в основном, в городах)[9]. Поэтому в указанный период приходится оперировать весьма неполными показателями и точные данные о характере демографических процессов в стране вряд ли удастся получить. В Европе же текущая статистика движения населения не прерывалась, включая Финляндию, Царство Польское и частично Прибалтику[10]. Последующие переписи позволили уточнить ход демографических процессов в 1914–1919 гг. в Эстонии[11]. На территории Литвы в 1915–1919 гг. была установлена только рождаемость, а смертность — лишь с 1920 г., в Латвии воспроизводство населения регистрируется с 1920 г.[12].

Таблица 14 показывает, что в России и в начале XX в. существуют большие районные различия в естественном приросте. Он по-прежнему очень невысок в Прибалтике, Озерном и Центрально-Промышленном районе, в Казахстане, Средней Азии, Закавказье, Северном районе, Северном Приуралье и Среднем Поволжье. Однако в 1901–1910 гг. по сравнению с 1891–1900 гг. в большинстве этих районов естественный прирост повышается. Особенно заметно это в Центрально-Промышленном районе (с 11,0 до 12,5‰), в Казахстане и Средней Азии (с 10,3 до 12,8‰), в Среднем Поволжье (с 10,6 до 17,4‰), в Центрально-Земледельческом районе (с 12,5 до 18,0‰), в Нижнем Поволжье (с 11,5 до 17,9‰), в Западной Сибири (с 17,4 до 22,3‰), на Северном Кавказе (с 19,0 до 22,2‰), в Южном Приуралье (с 17,3 до 21,3‰) и т.д.

В Центрально-Промышленном районе этому подъему способствовали Московская (с 7,3 в 1891–1900 гг. до 11,5‰ — в 1901–1910 гг.) и Нижегородская (соответственно с 11,8 до 15,9‰) губернии. Основной причиной улучшения демографической ситуации следует считать успехи медицины, приведшие к снижению смертности в городах и среди фабрично-заводского населения.

В Казахстане особенно повысился естественный прирост в Акмолинской (с 11,1 до 17,4‰) и Уральской (с 10,4 до 16,4‰) областях, что улучшило и показатели по всему району. Главной причиной этого следует считать интенсивное переселенческое движение из внутренних губерний (Левобережной Украины, Центрально-Земледельческого района и др.), так как у новоселов естественный прирост тогда был более высоким, чем у коренного казахского населения (см. табл. 45). Среднее Поволжье также имело в 1901–1910 гг. повышенный коэффициент естественного прироста (17,4‰). Особенно высокий прирост отличался в Пензенской (18,1‰) и Симбирской (19,0‰) губерниях.

В Прибалтике и Озерном районе и в 1901–1910 гг. уровень естественного прироста оказался незначительным. В Озерном районе естественный прирост составил в 1890–1900 гг. — 10,3‰, а в 1901–1910 гг. — 10,5‰. Петербургская губерния (за счет Петербурга) по-прежнему сохраняла один из самых низких показателей в империи (1891–1900 гг. — 6,2‰, 1901–1910 гг. — 7,8‰,

1911–1916 гг. — 8,0‰). В других губерниях района демографическая ситуация была лишь немногим лучше. В 1911–1916 гг. в большинстве этих районов показатели естественного прироста вновь понизились. Особенно заметно — в Прибалтике (с 6,9‰ в 1901–1910 гг. до 2,9‰ в 1911–1916 гг.), Северном Приуралье (с 15,4 до 10,5‰) и Среднем Поволжье (с 17,4 до 13,5‰). Резкое снижение в Прибалтике вызывается, в первую очередь, военными действиями, развернувшимися на территории района. В 1915 г. в Лифляндии смертность превысила рождаемость на 3,1 тыс. чел. (естественная убыль — 2,1‰)[13]. В Эстляндской же губернии естественный прирост хотя и понизился, но остался положительным (+2,8‰)[14]. В других районах также отмечается снижение естественного прироста в 1915–1916 гг., так как огромное число мужчин было призвано в армию (к началу 1917 г. — 14,5 млн. чел.)[15] и резко снизилось качество жизни.

Однако и теперь в ряде удаленных от театра военных действий районах естественный прирост повысился именно в 1911–1916 гг. (в Казахстане с 11,3 до 15,3‰, в Средней Азии с 13,9 до 17,7‰, в Новороссии — с 19,9 до 20,0‰). В Казахстане и Средней Азии военные призывы были относительно небольшими, так как не распространялись на коренное население.

В районах повышенного во второй половине XIX в. естественного прироста он в 1901–1910 гг. повысился еще более и достиг максимальных в истории России величин. На первое место выдвигаются Северный Кавказ (22,2‰), Новороссия (19,9‰), Западная Сибирь (22,3‰) и Южное Приуралье (21,3‰), то есть районы максимального притока мигрантов из центральных районов империи. Новороссия сохранила свое первенствующее положение (в 1901–1910 гг. —19,9‰, в 1911–1916 гг. — 20,0‰). На Северном же Кавказе и в Западной Сибири естественный прирост сильно повысился. Улучшилась демографическая ситуация в Нижнем Поволжье (с 11,5‰ в 1891–1900 гг. до 17,9‰ в 1901–1910 гг.), на Украине (Левобережной и Правобережной), в Южном Приуралье и Центрально-Земледельческом районе.

Лишь в двух районах повышенного во второй половине XIX в. естественного прироста демографическая ситуация в 1901–1910 гг. ухудшилась: на Дальнем Востоке (с 16,9‰ в 1891–1900 гг. до 15,9‰ в 1901–1910 гг.) и в Белорусско-Литовском районе (с 17,1 до 15,1‰). На Дальнем Востоке отрицательное влияние на процесс воспроизводства оказала русско-японская война (в 1903 г. естественный прирост достигал здесь 18,1 тыс. чел., в 1904 г. — 16,5 тыс., а в 1905 г. — 11,8 тыс.). В Белорусско-Литовском районе к началу XX в. возросло аграрное перенаселение. Нехватка земли и отсутствие развитой промышленности вызвали переселение крестьянства в Сибирь, отходничество его на заработки в соседние губернии Украины, в Новороссию и т.д., а также эмиграцию из Литвы и Западной Белоруссии в страны Нового Света.

В 1900 г. число отходников достигло в Ковенской губернии 45,4 тыс.чел., а к 1914 г. — 56 тыс., в Смоленской —соответственно 110 и 154,4 тыс. чел.[16]. В пяти других губерниях района (Витебской, Могилевской, Минской, Гродненской и Виленской) в 1900 г. уходило на заработки 385, а в

1910 г. – 580,2 тыс. чел.[17]. Из Ковенской губернии в 1895–1906 гг. эмигрировало 34,2 тыс., а вернулось обратно 1,2 тыс.чел., а в 1907–1912 гг. соответственно 31,9 и 13,7 тыс. чел.[18]. Из Гродненской губернии в 1902–1906 гг. выбыло в Америку 8,2 тыс. чел.[19] и т.д. Таким образом, в начале XX в. максимальный естественный прирост отмечался в относительно малозаселенных районах с большими резервами плодородных земель и повышенным притоком переселенцев.

Несколько меньшим, но также высоким естественным приростом характеризовались районы массового оттока населения (Центрально-Земледельческий, Левобережная и отчасти Правобережная Украина) на окраины страны или за рубеж (Белорусско-Литовский район, Царство Польское, Белоруссия и Литва). Именно эти районы сыграли решающую роль в заселении новых земель. Это позволяло хотя бы слабо смягчить кризис аграрного перенаселения, хотя в целом число переселенцев далеко не достигало уровня воспроизводства населения. В 1897–1916 гг. естественный прирост составил в империи 45,8 млн. чел., а миграции – 7 млн. (5,3 млн. внутренних и 1,3 млн. – баланс внешних миграций) или 15% от показателя воспроизводства населения.

В 1911–1916 гг. почти во всех районах Европейской России[20] уровень естественного прироста понижается. Процесс этот отмечается и на Северном Кавказе (с 22,2 до 20,0‰). Решающую роль в этом сыграло падение уровня воспроизводства населения в военные годы. Что же касается удаленных районов Сибири и Дальнего Востока, а также Казахстана, Средней Азии и Северного района, то здесь, невзирая на войну, естественный прирост либо вырос, либо снизился незначительно.

Таковы данные о естественном приросте в России в начале XX в. Страна занимала тогда первое место в Европе по уровню рождаемости, смертности и коэффициенту воспроизводства населения. В 1901–1910 и 1911–1916 гг. показатель воспроизводства в стране был исключительно высок (16,0‰ и 14,0‰), главным образом за счет интенсивно заселяемых районов. Лишь первая мировая война и события 1917–1920 гг. понизили его. И все равно в 1911–1920 гг. естественный прирост в России лишь немногим уступал общеевропейскому. Однако в границах современной России он был ниже, чем в Европейской России и во всей империи.

Лишь в Белоруссии, Литве, Латвии и Эстонии, а в 1911–1916 гг. в Молдавии он оказался еще более низким.

2. Внутренние и внешние миграции в России в эпоху империализма (1897–1916 гг.)

Внутренние миграции

Нарастание революционного кризиса в России в начале XX в. вынудило царские власти полностью отказаться от традиционной политики ограничения переселений. Правительство перешло к политике свободы переселений. Право на них теперь получали все желающие, независимо от их имущественного положения. Царизм сознательно поощрял переселения на окраины безземель-

ных и малоземельных крестьян. Таким путем господствующие круги России стремились ослабить накал классовой борьбы в центральных малоземельных губерниях и расширить базу для кулацкого землевладения. Предполагалось увеличить масштабы миграционного процесса до таких размеров, которые бы превзошли показатели высокого уровня воспроизводства населения. Поскольку безземельное неимущее крестьянство не имело необходимых средств для переселения в удаленные окраинные районы империи, ему предоставлялся ряд существенных льгот и привилегий. Новый курс переселенческой политики был окончательно оформлен законом от 6 июня 1904 г.[21] Он освобождал новоселов от круговой поруки и расширял льготы и пособия переселенцам (путевые пособия, врачебно-продовольственная помощь, пониженный переселенческий тариф за проезд по железной дороге; ссуды на обзаведение хозяйством, равные 100 руб., а в Приморье — 150 руб. и т.д.).

Русско-японская война вынудила правительство приостановить переселения, однако уже в 1906 г. они были возобновлены. Однако много переселенцев возвращалось обратно (в 1910 г. обратные переселенцы составили 36%, а в 1911 г. — 60% от всех мигрантов). Причины столь высокого удельного веса возвращенцев хорошо прослеживаются на примере Приморской области Дальнего Востока. Как показывают официальные источники, для обзаведения хозяйством на новом месте переселенец должен был иметь минимум 715 руб. Между тем, из 402 переселенческих семей, осевших в Приморье к 1911 г., только 21 семья располагала суммой от 500 до 1000 руб., тогда как 211 семей имели от 50 до 200 руб., а у 65 — вообще не было никаких средств[22].

Из обследованных в 1912 г. 5973 новоселов Приморской области совсем не имели на родине посева 1291 переселенец, имели его до 1 десятины 1525 и от 1 до 2 десятин — 1219. Из 5643 мигрантов не имели до переселения лошадей 2357, имели по одной лошади — 1324. Из 6042 новоселов совсем без денег прибыло 1346, привезли по 25 рублей — 670 и от 25 до 100 рублей — 1359[23]. Таким образом, более половины переселенцев не имели возможности обзавестись на новых местах хозяйством. Именно поэтому так много их возвращалось обратно, а остальные — пополняли огромную армию батраков. И это несмотря на то, что по новым правилам о переселении, утвержденным в 1908 г., предельная норма ссуды была доведена на Дальнем Востоке до 200 руб., а в остальных заселяемых местах — до 165 руб. В 1912 г. на территории Дальнего Востока она была повышена до 400 руб., а в других районах — до 250 руб. При заселении Дальнего Востока правительство преследовало не только экономические и внутриполитические, но и внешнеполитические — стратегические цели. Однако и выделяемых для этого денег переселенцам не хватало. Получалось, что правительство выделяло средства на переселение беднейшего населения Европейской России на окраины, но не обеспечивало его там всем необходимым для организации самостоятельного хозяйства. Поэтому новоселы были вынуждены или возвращаться обратно, или превращаться на новых местах в батраков, поставщиков дешевой рабочей силы. В сущности попытка освободить центральные губернии страны от взры-

воопасного, беднейшего элемента в условиях высокого естественного прироста была с самого начала обречена на неудачу.

И все же для окраин империи, куда в период империализма переселилось более 5 млн.чел., миграции были благом. Они способствовали быстрому развитию и укреплению там более прогрессивных капиталистических отношений. Миллионы крестьян-мигрантов вовлекали в русло хозяйственной деятельности огромные пустующие или слабо используемые массивы земель Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и на Северного Кавказа.

В конце XIX в. в большинстве губерний страны местные губернские статистические комитеты наладили учет движения населения, включая и миграционные процессы. В отчетах губернаторов и ежегодных печатных обзорах губерний и областей появляются регулярные сведения о переселениях на окраины, за рубеж и в крупнейшие города империи (Петербург, Москва, Одесса, Варшава, Кишинев, Тифлис и другие). Однако и теперь, если крестьянское миграционное движение на окраины регистрировалось более или менее полно (главным образом, в местах вселения), то приток жителей в города страны и вообще неземледельческие миграции фиксировались недостаточно качественно. Почти не регистрировались в России и эмиграционные процессы. И лишь по данным соответствующих служб государств, куда прибывали российские иммигранты (США, Канада, Бразилия, Аргентина), можно создать реальное представление об этом явлении. В целом по Российской империи в 1897–1915 гг. механический прирост с учетом внутренних перемещений населения составил +5,6 млн. чел., тогда как баланс внешних миграций дал отрицательную цифру — 1,3 млн., а российских подданных — 2,6 млн. (см. табл. 17). Этот прирост был мнимым и являлся следствием несовершенства статистики дореволюционной России[24]. Цифра эта получилась в результате того, что уходящие на заработки в города, а отчасти и переселяющиеся на окраины, регистрировались дважды — по месту прежнего и нового жительства.

Можно частично учесть приток населения в города. С 1897 по 1917 гг. механический прирост в Петербурге достиг 1050,0 тыс., в Москве — 833,4 тыс., в Одессе — 208,1 тыс., в Варшаве — 53,2 тыс. чел.[25]. Большой приток отмечался в Риге, Лодзи, Ревеле, Киеве, Кишиневе и т.д. Предстоит большая работа по учету темпов миграционного движения в города. Однако этот отлив в местах убытия в официальных источниках почти не фиксируется. Так, например, механический отлив из Новгородской губернии составил в 1897–1916 гг. — 3,6 тыс.чел., в Тверской зарегистрирован прилив — 1,8 тыс., в Ярославской — отток — 4 тыс. чел. и т.д.[26]. В то же время, перепись 1900 г. зарегистрировала в Петербурге 116,4 тыс. уроженцев Тверской, 83,5 тыс. — Ярославской, 50,8 тыс. — Новгородской губерний и т.д.

Таблица 31 показывает, что в 1897–1917 гг. на окраины России выбыло 5,2 млн. чел. Переселения довольно значительные в 1914 г. (выбыло 336,4 тыс. чел.), резко сократились в 1915 г. (выехало 28,2 тыс.) и сошли почти на нет в 1916 г. (11,2 тыс.)[27]. В 1915 г. специальным циркуляром Главноуправляющего землеустройством и земледелием переселения на окраины были приостановлены до окончания военных действий[28]. Выселяться продолжали только

лица, получившие разрешение на это до ввода в силу указанного циркуляра. В результате подавляющая часть мигрантов выбыла на окраины в 1897–1914 гг. В эти годы полным ходом продолжалось освоение и заселение земель в Европейской России и на Кавказе, хотя в Азиатскую часть страны устремлялось около трех четвертей (76,1%) всех мигрантов. На Кавказе тогда поселилось 18% всех переселенцев, а в Новороссии — 6%.

Львиная доля переселенцев разместилась в Сибири и на Дальнем Востоке — 2549,9 тыс. чел. Они в основном расселились в Западной Сибири (1726,2 тыс. чел.), что составило треть всех выбывших на окраины страны. В Томской губернии осталось 1470,1 тыс. чел. (28,1%), а в Тобольской — только 256,1 тыс. или 4,9% (см. табл. 25). За Западной Сибирью следовали Восточная Сибирь (456,5 тыс. чел. и 8,7% всех лиц, переселившихся на окраины) и Дальний Восток (367,2 тыс. или 7,0%). В Восточной Сибири основная часть переселенцев разместилась в Енисейской губернии (321 тыс. или 6,1%), а на Дальнем Востоке — в Приморской области (225 тыс. или 4,3%).

Далее по числу переселенцев следовали Казахстан и Средняя Азия (1428,9 тыс.чел. или 27,3% общего числа всех мигрантов). Заселялся в первую очередь Казахстан (1301,5 тыс.чел.), а в Среднюю Азию прибыло только 127,4 тыс. чел. обоего пола. В самом Казахстане подавляющая часть новоселов разместилась в Акмолинской области (731,2 тыс. чел.).

Затем следует назвать Кавказ (938,1 тыс. чел. обоего пола). Характерно, что в отличие от 70 — середины 90-х годов XIX в., когда заселялся преимущественно Северный Кавказ, в начале XX в. немалая часть мигрантов направилась в Закавказье (Бакинская губерния и Карсская область): на Северном Кавказе разместилось 507,1, а в Закавказье — 431 тыс.чел. В Закавказье большая часть новоселов осела в Бакинской губернии (281 тыс. чел. или 5,4%), Карсской области (57,5 тыс. чел. — 1,1%) и Черноморском оокруге (96,2 тыс. или 1,6%). На Северном Кавказе новоселы осваивали в первую очередь Кубанскую область (219,5 тыс. или 4,2%) и Ставропольскую губернию (53,1 тыс. или 1,1%). Если в Азиатскую Россию переселялось преимущественно земледельческое крестьянское население с получением на новых местах узаконенных земельных наделов, то в Закавказье шли главным образом переселенцы, которые не получали здесь земли. Немало мигрантов устремлялось также в города Закавказья и на нефтеразработки Бакинской губернии.

Новороссия занимает особое положение. С одной стороны, область Войска Донского и в начале XX в. продолжает привлекать земледельческое население (приток равнялся 240,4 тыс. чел. или 4,6%). В Екатеринославскую губернию по-прежнему прибывают крестьяне преимущественно Центрально-Черноземного района для работы на шахтах и промышленных предприятиях Донбасса. В Херсонской губернии много жителей оседает в быстрорастущих торговых городах, среди которых на первом месте находилась Одесса. С другой стороны, из Новороссии выселяются сельские жители на Кавказ, в Сибирь и в Казахстан (из Таврической губернии отток составил 103,3 тыс. чел., из Бессарабской 34,0 тыс. чел.). В целом баланс миграций для Новороссии и

в начале XX в. оставался положительным (6,1% всех выбывших на окраины или 318,9 тыс. чел.).

В Царстве Польском, как и ранее, быстро росло население Варшавской и Петроковской губерний за счет притока жителей из соседних губерний Царства (особенно Сувалкской и Ломжинской), а также из соседних государств (Германии и Австро-Венгрии). Миграции отсюда на окраины империи были незначительны. Зато больших размеров достигла эмиграция в страны Нового Света (главным образом из Сувалкской, Ломжинской, Плоцкой и Люблинской губерний) и сезонная сельская миграция в основном в Германию (преимущественно из Калишской, Петроковской и Плоцкой губерний)[29].

В центральных районах России усилился приток мигрантов в города (особенно Петербург, Москву).

Подавляющая часть внутриимперских переселенцев прибыла в следующие губернии и области: Томскую (1470,1 тыс. чел.), Петербургскую (1104,7 тыс.), Московскую (787,3 тыс.), Акмолинскую (731,5 тыс.), Петроковскую (476,3 тыс.), Енисейскую (321,0 тыс.), Бакинскую (281,0 тыс.), Тобольскую (256,1 тыс.), Донскую (240,4 тыс.), Приморскую (225,0 тыс.), Кубанскую (219,5 тыс.) и Варшавскую (201,1 тыс. чел.).

Мы отмечали, что сведения о губерниях выхода переселенцев неполны, так как здесь учтены не все мигранты (зарегистрировано лишь 3,5 млн. чел. или 68% общего их числа.). Однако районы и губернии оттока по ним определить можно. На первом месте, как и в 70–90-е годы, находится Центрально-Земледельческий район (720,5 тыс. переселенцев). Затем следуют Левобережная Украина (571,3 тыс.), Правобережная Украина (340,5 тыс.), Северное Приуралье (276,6 тыс.), Белорусско-Литовский район (274,4 тыс.) и Среднее Поволжье (200,6 тыс.). Таким образом, к числу традиционных районов массового выселения добавились два новых: Правобережная Украина (в основном Киевская губерния) и Белоруссия (преимущественно Витебская и Минская). Из Киевской на окраины выбыло 212,3 тыс. чел., из Витебской — 133,6 тыс., из Минской — 84,3 тыс. Роль других губерний этих районов в заселении окраин оставалась небольшой.

Самое значительное число внутрироссийских переселенцев дали Полтавская (285,4 тыс. чел.), Вятская (230,1 тыс.), Черниговская (221,5 тыс.), Киевская (212,3 тыс.), Орловская (207,4 тыс.), Воронежская (173,1 тыс.), Тамбовская (138 тыс.), Витебская (133,6 тыс.), Курская (133,1 тыс.), Самарская (122,7 тыс.) и Таврическая (103,3 тыс.) губернии.

Аграрное перенаселение достигло в земледельческих губерниях Центра огромных масштабов. В Полтавской губернии, занимавшей в 1897–1916 гг. первое место по числу земледельческих переселенцев на окраины, по подворной переписи 1900 г. безземельные и малоземельные крестьяне (с надслом до 4 десятин) составляли 52,5% сельского населения. На 311,2 тыс. крестьянских и казачьих дворов приходилось 2191,7 тыс. десятин удобной земли, а 4 тыс. собственников имели 886,3 тыс. десятин. В среднем на один крестьянский двор приодилось 7 десятин земли, а на одного помещика — 222 десятины, то есть в 31 раз больше[30].

По подсчетам советских исследователей аграрное перенаселение в России составило к началу XX в. — 23 млн. чел. (по другим подсчетам — от 9,2 до 12,2 млн.), а к началу 1913 г. — поднялось до 32 млн. (55,9% трудоспособного населения российской деревни)[31]. По официальным данным, к 1905 г. безземельные крестьяне составляли в Прибалтике — 80–81%, в Царстве Польском — 84%[32] и т.д.

Это показывает, что решающую роль в заселении новых территорий сыграли наиболее освоенные и охваченные аграрным перенаселением районы России. До реформы 1861 г. они являлись цитаделью крепостничества, а в пореформенный период в наибольшей мере были опутаны самыми живучими его пережитками. Среди внутренних мигрантов преобладали русские, около трети составляли украинцы, было много белорусов и жителей Поволжья. Участие уроженцев Прибалтики, Царства Польского, Северного, Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов, а также Западной Белоруссии и Правобережной Украины в этом процессе было невелико.

Миграции изменили удельный вес различных народов в заселяемых районах. Так, в Южном Приуралье доля русского населения составляла в 1858 г. — 47,5%, в 1897 г. — 51,8%, в 1917 г. — 54,3% всех жителей. В Прибалтике она соответственно равнялась 3,6%, 4,8% и 6,3%; в Новороссии — 21,6%, 29,8% и 30,7%; на Северном Кавказе — 16,9%, 42,5% и 46,9%; в Закавказье — 1,0%, 5,1% и 6,3%; в Казахстане и Средней Азии — 1,0%, 7,6% и 14,3%; в Сибири и на Дальнем Востоке — 74,1%, 77,0% и 77,6%[33].

Изменилось и расселение украинцев. В Нижнем Поволжье их оказалось в 1858 г. — 5,5% всего населения района, в 1897 г. — 6,5% и в 1917 г. — 6,4%; на Северном Кавказе соответственно 18,6%, 34,1% и 34,5%. В Казахстане и Средней Азии украинцев в 1858 г. почти не было, в 1897 г. они насчитывали 1,3% жителей этого района, а в 1917 г. — 7,1%. В Сибири и на Дальнем Востоке в 1858 г. украинцев было лишь 0,1%, в 1897 г. — 3,9% и в 1917 г. — 9,4%. В 1917 г. украинцы абсолютно преобладали в Приморской области (61% ее жителей), а в Амурской составляли 43,2%. В Акмолинской области Казахстана украинцы достигали в 1897 г. — 7,5% (русские — 25,5%), а в 1917 г. — 29,5% (русские — 27,2%).

Доля татар равнялась в Нижнем Поволжье в 1858 г. — 3,8%, в 1897 г. — 5,2% и в 1917 г. — 6,4%; в Среднем Поволжье соответственно 14,5%, 16,8% и 17,4%. Тогда же в связи с выселением татар из Таврической губернии удельный вес их в Новороссии понизился с 6% в 1858 г. до 1,9% в 1897 г. и 1,5% в 1917 г.[34].

Внешние миграции. Межконтинентальная и сезонная миграция. Эмиграция из России в 1897–1917 гг.

В начале XX в. в России выросла эмиграция в страны Нового Света и на заработки в другие государства Европы, и одновременно с этим вновь увеличился приток в нее иностранцев. Аграрное перенаселение выталкивало жителей империи не только на окраины, но и в другие государства и страны света. По сравнению с другими капиталистическими странами в России были самые

низкие цены на рабочую силу. Как отмечает Н.Л.Тудоряну, «в Германии заработная плата сельскохозяйственного рабочего примерно в полтора раза превышала существующую в северо-западных и юго-западных губерниях России, а в Америке — в 3 и даже 4 раза»[35]. Это привлекало промышленников и квалифицированных инженеров и даже рабочих в основном из Германии и Австро-Венгрии. Они занимались в России торгово-промышленной деятельностью, выгодно вкладывали здесь свои капиталы, используя исключительно дешевую российскую рабочую силу, дешевую землю, сырье и т.д. Однако по сравнению с Персией, Турцией или Китаем Россия была сравнительно развитой капиталистической державой. Из этих государств сюда прибывало немало неквалифицированной рабочей силы, сюда от религиозно-политического преследования уходили армяне, греки, болгары.

Однако в целом, как показывает табл. 17, общий баланс миграций в 1901–1915 гг. оказался для России отрицательным. Он составил 1,3 млн. чел., в том числе для российских подданных 2,6 млн. чел. Баланс миграции у иностранцев, напротив, дал положительную величину — 1,3 млн. чел.

Отрицательным общий баланс миграции сделался в России в 90-е годы (256,6 тыс. чел.). В начале XX в. этот показатель вырос до 851,1 тыс., а в 1911–1915 гг. — до 471,6 тыс. чел. Чистая убыль российских подданных в 1901–1910 гг. достигла 1559,1 тыс. чел., а в 1911–1920 гг. — 1014,9 тыс. Ее размеры возрастали с 60-х годов XIX в.

В 1901–1920 гг. из России в страны Нового Света эмигрировало более 2,9 млн. чел. (см. табл. 25), в том числе в США — 2,5 млн. (86,2%). Первая мировая война снизила размеры миграционной волны. Так, если в 1914 г. в США прибыло из России почти 256 тыс. иммигрантов, то в 1915–1920 гг. — только 58,8 тыс.

Табл. 25 показывает возрастание доли российских мигрантов в заселении Нового Света. До 70-х годов значение России в этом процессе было незначительно. В 1871–1880 гг. российские мигранты составили только 2%, в 1881–1890 гг. — 4%, в 1891–1900 гг. — уже 9,8%, в 1901–1910 гг. — 12,9% и в 1911–1920 гг. — 11,7% общего числа лиц, эмигрировавших из Европы. Небольшое снижение в 1911–1920 гг. было обусловлено сокращением российской эмиграции в 1915–1920 гг., тогда как из Испании и Португалии поток мигрантов оставался весьма высоким, а из нейтральных стран Европы снизился далеко не так сильно, как из России.

Рассмотрим направления миграционных потоков. В то время как центральные районы России, Приуралье, Поволжье, Левобережная и Правобережная Украина, а также Новороссия по-прежнему ежегодно выбрасывали сотни тысяч переселенцев в восточные и южные районы империи, западные губернии сыграли видную роль в миграционном движении за океан и весьма малую — в миграциях за Урал и на Кавказ. Царство Польское (главным образом, Сувалкская и Ломжинская губернии), Финляндия, Литва (Ковенская и Виленская губернии), а также Волынская губерния Правобережной Украины внесли свой весомый вклад в дело заселения США, Канады, Аргентины, Бразилии.

Таблица 25 показывает, что в 1831–1920 гг. из Царства Польского в США убыло 912,6 тыс. чел., из Финляндии — 242,4 тыс. Лиц польской национальности въехало в США в XIX в. 165 тыс., в 1901–1910 гг. — 433,4 тыс., в 1911–1920 гг. — 276,2 тыс. чел. Только из Сувалкской губернии эмигрировало в 1891–1903 гг. более 30 тыс. чел.[36].

Из Волынской губернии шла эмиграция как в Америку, так и в Азиатскую Россию. По данным 1910 г. отсюда в Америку выехало 5,3 тыс. чел., а в Сибирь — 8 тыс.[37] По подсчетам польских статистиков 30-х годов XX в. убыль от эмиграции составила в 1895–1913 гг. в Царстве Польском 747 тыс. чел., в Западной Белоруссии и Виленской губернии и части Волынской губернии, отошедших к Польше в 1920 г., — 446 тыс. чел.[38].

Таблица 46 демонстрирует этнический состав российских иммигрантов, прибывших в США из России в 1899–1920 гг. С 1899 г. статистика США, хотя и недостаточно полно, фиксирует национальность въезжающих в Штаты лиц.

Мы отмечали, что в 1820–1920 гг. из Российской империи в США эмигрировало 3490,5 тыс.чел., что составляет 10,5% всех иммигрировавших в эту страну в этот период. Всего в 1820–1920 гг. из России в США иммигрировало две трети всех росийских мигрантов (2335,6 тыс. чел. или 66,9%). Более четверти их составили выходцы из Царства Польского (26,1%) и менее одной десятой (7%) — жители Финляндии (см. табл. 25). Представление о национальном составе выходцев из России дают американские цензы (о числе и странах выезда «неместных уроженцев» — с 1850 г., а с 1900 г. — о лицах «недавнего иностранного происхождения», то есть с учетом самих мигрантов и их детей). Таблицы 34, 35 и 46 показывают, что в начале XX в. преобладающим элементом российской эмиграции оставались евреи. Своего пика еврейская эмиграция из России достигла в начале XX в. В 1901–1910 гг. в США прибыло 704,2 тыс. евреев, что составило 44,1% всех российских переселенцев (в 1891–1900 гг. была 36,5%). Доля российских евреев в общей массе еврейских эмигрантов в США составила 72,1%.

Из Австро-Венгрии в США в 1901–1910 гг. прибыло 15,7% общего числа всех еврейских переселенцев (152,8 тыс.), из Румынии — 4,8% (47 тыс.), из Великобритании — 4,4% (42,5 тыс. чел.). Доля же немецких евреев упала до 0,6% (5,7 тыс. чел.).

Абсолютное число евреев в США к началу 1900 г. превысило 1 млн. чел., а к 1910 г. — 2,3 млн. чел.[39]. Почти две трети всех еврейских иммигрантов, выезжающих в США из Европы размещались в штате Нью-Йорк (в 1899–1909 гг. — 638,2 тыс. чел. или 64,4% общего числа). На втором месте стоит Пенсильвания (10,2% — 101,1 тыс.чел.), а на третьем — Массачусетс (6,2% — 61,4 тыс.). Сюда въехал почти 81% еврейских иммигрантов. По цензу 1910 г. среди уроженцев России в США евреи составляли 52,3%, а среди лиц недавнего российского происхождения — 51,3% (см. табл. 38). В 1911–1920 гг. еврейская эмиграция из России идет на убыль. Она составила лишь около трети (35,7%) российской иммиграции в США и две трети (67,3%) всей еврейской иммиграции в эту сторону (см. табл. 34–35).

Всего в 1870–1920 гг. из России в США въехало почти полтора миллиона еврейских переселенцев. Это составило 41,5% всех российских иммигрантов США этих лет и 72,4% всех въехавших туда евреев. В 1920 г. в США проживало 4,3 млн. лиц «недавнего еврейского происхождения», из которых 3,1 млн. или 73,6% разместилось в штатах: Нью-Йорк (45,0%), Пенсильвания (9,6%), Иллинойс (8,1%), Массачусетс (5,3%), Нью-Джерси (5,3%), Коннектикут (2,2%), Мичиган (2,1%) и Миннесота (1,2%). В остальной части США их проживало только 26,4% (см. табл. 34).

Реэмиграция евреев в Европу была невелика. С 1908 г. (когда в США был налажен учет этнического состава реэмигрантов) она в среднем в год составляла 5%. Таким образом, еврейскую эмиграцию из России (да и из других государств Европы) нельзя причислить к трудовой и временной. Это была попытка найти в стране въезда свою вторую родину и подавляющая часть еврейских иммигрантов ее там нашла. Это объясняется особенностями руского законодательства по эмиграционным вопросам. В царской России вообще отсутствовало какое-либо эмиграционное законодательство, а поэтому и не велся систематический учет лиц, покидающих империю или въезжающих в ее пределы (отдельно для российских и иностранных подданных). Сама эмиграция считалась незаконной, однако разрешался временный выезд за рубеж по паспортам или временным билетам.

Лишь евреи получили право уезжать из страны по «Правилам» от 8 мая 1892 г. без права возвращения обратно[40]. Эти «правила» и закрывали двери перед еврейскими переселенцами, которые хотели бы вернуться в Россию. Все прочие российские эмигранты были вынуждены пользоваться бесплатными паспортами для выезда на сельскохозяйственные работы в Германию[41]. Однако получив право на выезд в эту страну, они затем отправлялись в Америку. Многие выезжали из страны без разрешения, тайно переходя границу и подвергаясь эксплуатации и поборам со стороны проводников и спекулянтов-вербовщиков[42]. Лишь с 1905 г.выезд российских подданных за границу был облегчен. «Добровольческий флот» и «Русско-Восточно-Азиатское пароходство» получили разрешение на сообщение с США через порт Либаву. Курляндскому губернатору было разрешено открыть отделение его Канцелярии, которое могло выдавать заграничные паспорта выезжающим независимо от того, где они имели постоянное жительство[43]. Это облегчило выезд из России в страны Нового Света.

С конца XIX в. возрастает еврейская иммиграция в Канаду. До 90-х годов евреев здесь было мало (в 1850 г. — 0,4 тыс., в 1871 г. — 1,1 тыс., в 1881 г. — 2,4 тыс., в 1891 г. — 6,4 тыс. чел.). К 1901 г. их число возросло до 16,5 тыс. чел., а к 1911 г. — до 76,2 тыс.[44].

В 1898–1900 гг. из России в Канаду выехало 6,3 тыс. евреев, в 1901–1910 гг. — 34,5 тыс. Это составило 50,2% всех российских иммигрантов в эту страну и 79,1% всех прибывших в Канаду евреев. В 1911–1920 гг. доля евреев в общей массе российских иммигрантов понизилась до 27,6% (без Финляндии — до 30,5%)[45]. В целом же в 1898–1920 гг. из России в Канаду переселилось 68,5 тыс. евреев (82,2% всех вънехавших сюда евреев и 40,5% всех

российских иммигрантов в эту страну). Таким образом, удельный вес евреев среди лиц, прибывших в Канаду из России, был очень высок (см. табл. 25).

Еврейская эмиграция из России в Палестину была в конце XIX — начале XX вв. невелика. В 1882–1914 гг. туда из Европы выехало примерно 70 тыс. еврейских мигрантов, большая часть которых вышла из России[46]. В Латинскую Америку до 1910 г. переселилось только 90 тыс. евреев[47].

Всего в XIX — начале XX вв. в США из Европы мигрировало более 2,5 млн. евреев, в том числе из России — 1,5 млн. (более 60%), а во все страны Нового Света их переселилось около 3 млн. чел. Это изменило ареалы их расселения. Если на рубеже XIX в. в Америке проживало только 0,2% всех евреев (около 5 тыс. чел.), то в начале XX в. — 14%. В России же благодаря высокому естественному приросту удельный вес евреев все время повышался (в 1815 г. — 38,4% всех евреев мира, в 1860 г. — 40,6% и в 1897–1917 гг. — 42,5%).

Немецкая иммиграция в США в начале XX в. не была значительна. Таблица 46 демонстрирует ход этого процесса. В конце XIX в. численность российских немцев в США не превышала 50 тыс. чел. В 1895–1920 гг. из России прибыло еще почти 150 тыс. лиц немецкой национальности (в 1901–1910 гг. — 90 тыс., в 1911–1920 гг. — 48,6 тыс. чел.). Среди российских иммигрантов в США немцы составили 5,6%. Таким образом, они принимали активное участие в переселениях из России. Иммиграция российских немцев в США упала в 1915 г. (было 2,2 тыс. чел.) и сошла почти на нет в 1916–1920 гг. Таблица 48 показывает, что миграционная активность немецкого населения в России была одной из самых высоких в Европе. Составляя в 1920 г. около 3% всего немецкого населения мира, российские немцы дали 13,6% общего числа всех немецких мигрантов, выехавших в США.

Относительно мало немцев выехало в начале XX в. в страны Нового Света из коренных немецких территорий. В Германии в 1920 г. проживало 70,3% немцев мира, а доля немецких мигрантов отсюда равнялась лишь 40,9%. В Австрии соотношение это было следующим: 9,9 и 11,1%.

Таблица 38 показывает, что по цензу 1910 г. в США проживало 121,6 тыс. немцев, выехавших из России и 245,2 тыс. лиц «недавнего российского происхождения». Они расселялись в США преимущественно в штатах Северо-Западного Центра (Миннесота, Небраска, Канзас, Айова, Миссури). Здесь тогда водворилось 50,6% всех российских немцев (61,5 тыс. чел.).

В 1920 г. немцев «недавнего российского происхождения» оказалось в США уже 303,5 тыс. (4% всех немцев США). А преобладали, естественно, лица германского (82,1%) и австрийского (5,6%) происхождения. Это было обусловлено тем, что в 40–80-е годы XIX в. большинство немцев прибыло в США из Германии (всего в 1820–1920 гг. — 5,5 млн.чел.). В отличие от российских немцев, которые предпочитали Северо-Западный центр, немцы Германии и Австрии размещались преимущественно в Средней Атлантике (25,9%) и Северо-Восточном центре (35,5%). Это было связано с тем, что переселенцы 40–80-х годов XIX в. шли в первую очередь в недостаточно освоенные штаты этих регионов (особенно в Нью-Йорк, Пенсильванию, Огайо,

Иллинойс, Висконсин). Российские немцы мигрировали в США позже и поэтому им пришлось размещаться уже в штатах Северо-Западного центра.

Больших размеров в начале XX в. достигла и польская иммиграция в США. По своим размерам она уступала только еврейской. Ценз 1890 г. учел в США 59 тыс. «русских» поляков (всего их там было 147,4 тыс. чел.). К 1900 г. число поляков — российских выходцев — сильно выросло и достигло 165 тыс. чел. (27,4% всех польских иммигрантов в США). Больше всего их прибыло тогда из Австро-Венгрии (288 тыс. или 47,7% общего числа). Несколько меньше — из Германии (24,9% или 150,2 тыс. чел.).

Таблица 39 показывает, что 84,5% всех российских поляков поселилось в США к 1900 г. в восьми штатах (Нью-Йорк, Пенсильвания, Иллинойс, Массачусетс, Нью-Джерси, Коннектикут, Мичиган, Миннесота). Больше всего их въехало в Пенсильванию (27,7%) и Нью-Йорк (24,2%). На этой же территории в 1900 г. размещалось также 85,8% немецких и 90,4% австрийских поляков. Российские лица польского происхождения также были учтены в 1900 г. в основном в штатах Иллинойс (18,4% общего числа), Пенсильвания (17,4%) и Нью-Йорк (17%).

В 1901–1910 гг. поляки выезжали в США уже преимущественно из России (433,4 тыс. или 49,6% общего числа). Снижается удельный вес немецких поляков (с 24,9% в XIX в. до 3,8% в 1901–1910 гг.), так как эмиграция из Германии в этот период почти прекращается. Приток же поляков из Австрии (провинции Галиция) остается высоким (46% общего числа). Подсчеты Варшавского статистического Комитета показывают, что основная часть российских поляков въехала в США из Ломжинской, Люблинской, Плоцкой и Сувалкской губерний Царства Польского[48].

Ценз 1910 г. зарегистрировал в США — 418,4 тыс. чел. российских поляков (26,1 общего числа уроженцев России). Лишь доля евреев оказалась более высокой (52,3%). Большая часть поляков была учтена в Средней Атлантике (в основном, в Пенсильвании и штате Нью-Йорк). Среди же лиц недавнего «российского» происхождения (1–2 поколения) поляков было 655,7 тыс. чел. (25,5% общего числа).

Во втором десятилетии XX в. польская иммиграция в США продолжалась и только первая мировая война почти свела ее на нет. В 1911–1920 гг. из России в США переселилось 276,2 тыс. лиц польской национальности (58,2% их общего числа). Иммиграция поляков из Германии снизилась до незначительной величины (11,1 тыс.чел. или 2,3%). И даже из Канады их выехало в эти годы больше (15,9 тыс.чел. или 3,4% общего числа).

Таблица 41 показывает, что среди лиц недавнего польского происхождения в 1920 г. в США почти 80% проживало в 8 указанных выше штатах и главным образом в Пенсильвании, Нью-Йорке и Иллинойсе.

Всего в XIX — начале XX в. (по 1920 г.) из Европы в Америку выехало почти 2 млн. поляков, в том числе из России — 44,8% (874,6 тыс. чел.). На втором месте находилась Австро-Венгрия, откуда в США прибыло 43,7% (853,5 тыс.чел.). Из Германии переселилось 10% поляков (около 200 тыс.) и из Канады 1,1% (21,1 тыс. чел.). Это была мощная миграционная волна из

Царства Польского, из западной части, населенной в основном поляками австрийской Галиции, а также из принадлежавших Германии Великого герцогства Познанского, Силезии, Западной Пруссии.

В другие страны Нового Света поляков переехало несравненно меньше. Следует остановиться на Канаде. В 1901 г. там было учтено лишь 6 тыс. поляков, в 1911 г. — 34 тыс. и в 1921 г. — 53 тыс. чел.[49]. Однако первые годы в большинстве это были уроженцы австрийской Галиции. В 1903–1910 гг. в Канаду прибыло 6,1 тыс. поляков (из Австрии — 1,9 тыс., из России — 4,1 тыс., из Германии — 0,1 тыс. чел.), а в 1911–1920 гг. — 26,1 тыс. (соответственно 13,9 тыс., 12,0 тыс. и 0,2 тыс. чел.)[50].

Определить масштабы польской иммиграции в страны Латинской Америки затруднительно даже в общем виде. Цифры числа поляков, выехавших в Бразилию и Аргентину, исчисленные украинским исследователем А.А.Стрелко, видимо, завышены. Он приводит следующие данные: число поляков в Бразилии к началу XX в. достигало 180,3 тыс., а в Аргентине — 68,9 тыс.чел.[51].

Расчеты А.А.Стрелко по Аргентине еще можно принять. С 1857 (начала учета миграций) по 1920 гг. в эту страну из России, Австро-Венгрии и Германии въехало 356,4 тыс. чел. (реэмигрировало 55,3 тыс.)[52]. Перепись 1914 г. зарегистрировала в Аргентине 94 тыс. выходцев из России и 27 тыс. — из Германии[53]. Вполне вероятно, что большую часть мигрантов (по крайней мере, российских) составили поляки. Аргентинские переписи только с 40-х годов XX в. регистрировали национальный состав населения. Они учли в 1947 г. 111 тыс. поляков, в 1959 г. — 120 тыс., в 1980 г. — также 120 тыс. чел.[54]. Это свидетельствует в пользу достоверности расчетов А.А.Стрелко.

Иное дело в Бразилии. В 1820–1920 гг. туда прибыло из государств, где проживали поляки, 319 тыс. чел. (из России — 107,6 тыс., из Германии — 131,5 тыс. и из Австро-Венгрии — 80,1 тыс.). По расчетам А.А.Стрелко, поляков здесь в начале XX в. было более 180 тыс. чел. Материалы позднейших переписей показывают, что такого числа поляков в Бразилии не было никогда. В 1950 г. их там насчитывалось 81 тыс. чел., в 1959 г. — 100 тыс., в 1980 г. — 120 тыс.[55]. Даже быстрая ассимиляция не могла привести в Бразилии к такому сокращению численности поляков.

Из сказанного видно, что поляков в Аргентине к 1920 г. могло быть примерно 70 тыс. чел., а в Бразилии — не более 80 тыс. чел. Из них около трети, судя по данным о притоке иммигрантов из России, могло въехать из Российской империи. Всего в Америке в 1920 г. проживало 2,6 млн. лиц польского происхождения, в том числе в США — 2487,0 тыс., в Канаде 53,0 тыс., в Аргентине — 70 тыс. и в Бразилии — 80 тыс. чел. Около 45% их являлись либо непосредственными выходцами из России, либо имели родителей, которые родились там.

Значительной оказалась литовская (с небольшим числом латышей) иммиграция из России в страны Нового Света. Таблица 46 показывает, что в 1899–1920 гг. в США прибыло 245,5 тыс. чел. литовцев (9,2% всех российских мигрантов въехавших в эту страну). Сокращение литовской иммиграции отмечается в 1915 г. (2,2 тыс. чел.), а затем в условиях военного времени она

сходит на нет. Литовские земли были оккупированы германской армией и выезд населения оттуда прекратился. До 1899 г. литовская эмиграция оценивается примерно в 55 тыс. чел. Она преобладала в составе переселенцев из Ковенской губернии Белорусско-Литовского района и Сувалкской губернии Царства Польского. Из последней — только в 1882–1898 гг. официально выехало около 41 тыс. чел.[56]. Не менее двух третей из них (около 27 тыс. чел.) составляли литовцы. Из Ковенской губернии в 1895–1900 гг. мигрировало 9,5 тыс. чел. (вернулось 1,5 тыс.), причем среди них также преобладали литовцы[57]. Кроме России небольшая часть литовцев выезжала в Новый Свет из германской провинции — Восточной Пруссии. Таблица 38 показывает, что в 1910 г. лиц литовского российского происхождения оказалось в США 204 тыс. чел. В 1899–1910 гг. из России в США прибыло 168,5 тыс. литовских иммигрантов. Если отнять эту цифру от 204 тыс. чел., то получится 36,5 тыс. чел., которые, видимо, приехали до 1899 г. Принимая во внимание, что часть мигрантов возвращалась обратно на родину, а какое-то число умерло на чужбине, следует оценивать названную выше цифру 55 тыс. литовских мигрантов, осевших в США в 60–90-е годы, вполне вероятной. Это опровергает другое существующее мнение, что уже к 1893 г. в США проживало 200 тыс. литовцев[58]. Это число было достигнуто только в 1910 г. после прибытия туда 170 тыс. новых литовских иммигрантов. Таблица 38 показывает, что основная часть российских литовцев разместилась в США в тех же штатах, где поселились поляки, «русские» и евреи. 41,9% всех литовцев было учтено цензом 1910 г. в штатах Средней Атлантики, а 30,1% — в Северо-Восточном Центре. только 1,8% общего их числа выехало из Германии. Таблица 41 показывает, что в 1920 г. в США проживало 336,6 тыс. лиц «недавнего» литовского происхождения. Больше всего всего их размещалось в Пенсильвании (27,2% общего числа), Массачусетсе (13,1%) и Иллинойсе (22,2%). Здесь обитало почти две трети всех лиц «недавнего» литовского происхождения. А всего в XIX —начале XX вв. в США прибыло более 300 тыс. литовцев. Часть из них возвратилась обратно на родину, часть умерла на чужбине. Но оставшихся с детьми насчитывалось в 1920 г. почти 340 тыс. чел. Нельзя не остановиться также на притоке небольшого числа литовцев в Канаду. Его начало можно датировать началом XX в. Ценз 1921 г. зарегистрировал в Канаде 2 тыс. литовцев[59]. В других же государствах Америки литовцы тогда учтены не были.

Финская миграция в Америку из России (Великого княжества Финляндского) была значительна, одновременно с финнами выезжали и проживавшие вместе с ними шведы. В 1901–1920 гг. из России в США переселилось 177,8 тыс. финнов и 14,5 тыс. шведов[60]. А всего в XIX — начале XX вв. в США из Финляндии переселилось 242,4 тыс. чел. Ценз 1910 г. показывет, что из России без Финляндии (в основном из Петербургской и Олонецкой губерний) в США въехало 6 тыс. финнов и проживало 9 тыс. финнов «недавнего» российского происхождения[61]. Из Великого княжества Финляндского в США въехало и проживало там в 1900 г. — 62,2 тыс. чел., в 1910 г. — 129,7 тыс. и в 1920 г. — 150,8 тыс. чел. Финские иммигранты размещались в основном в центральных Северо-Восточных штатах (1900 г. — 39,8% общего числа, в

1910 г. — 33,5% и в 1920 г. — 21,7%)[62]. Лиц финского происхождения в США было зарегистрировано в 1910 г. 197,5 тыс., а в 1920 г. — 265,5 тыс. чел.[63]. Особенно много их проживало в 1920 г. в штатах Мичиган (24,8% общего числа), Миннесота (22,1%) и Массачусетс (8,7%). Кроме США немало финнов въехало в Канаду. Таблица 25 показывает, что в 1901–1920 гг. сюда из российской Финляндии прибыло 23,1 тыс. финнов. В 1901 г. в Канаде проживало 2,5 тыс., в 1911 г. — 16 тыс. и в 1921 г. — 22 тыс. финнов[64].

Остановимся теперь на так называемой «русской» иммиграции в Америку[65]. Мы уже отмечали, что до конца XIX в. она была невелика. Табл. 46 показывает, что в 1899–1920 гг. размеры «русской» иммиграции в США составили 210,7 тыс. чел. (7,9% всей российской иммиграции). До 1907 г. общее число «русских» иммигрантов было невелико (в 1899–1906 гг. несколько более 2,6 тыс. чел. в год). В 1907–1914 гг. в среднем в год в США уже въезжало почти 23 тыс. чел. Больше всего их прибыло туда в 1911–1914 гг. (1911 г. — 17,6 тыс., 1912 — 21,1 тыс., 1913 г. — 48,5 тыс. и 1914 г. — 40,2 тыс. чел.). Эти данные показывают, что «русская» иммиграция в США делается заметной со второго десятилетия XX в., и, видимо, если бы не первая мировая война, то эта струя российской иммиграции превратилась бы в важный фактор в деле заселения США.

Ценз 1910 г. продемонстрировал относительно умеренные масштабы «русской» иммиграции в США. Всех уроженцев России тогда было зарегистрировано 1732,5 тыс., а лиц «недавнего российского» происхождения — 2781,2 тыс. (см. табл. 47). В числе российских уроженцев оказалось 838,2 тыс. евреев (по происхождению — 1317,2 тыс.), 418,4 тыс. поляков (по происхождению 655,7 тыс.), 137,0 тыс. литовцев (по происхождению 204,1 тыс.), 121,6 тыс. немцев (по происхождению 245,2 тыс.) и только 40,5 тыс. «русских» (по происхождению — 65,6 тыс.)[66]. Отдельно было зарегистрировано еще 3,4 тыс. украинцев (по происхождению 4,8 тыс.). Таким образом и в совокупности оказалось, что «русских» в США в 1910 г. проживало 44 тыс. чел. или 2,7% всех лиц российского происхождения. Эти цифры не сходятся с числом зарегистрированных иммигрантов. Их оказалось в 1899–1910 гг. — 77,5 тыс. чел. (см. табл. 45). Однако известно, что подавляющая часть «русских» в США составляла армию так называемых «трудовых рабочих», которые отнюдь не стремились остаться здесь на постоянное жительство и при первой же возможности возвращались на родину. Часть же умирала на чужбине. С 1908 г. статистика США регистрировала реэмиграцию по странам выбытия. В 1908–1910 гг. из США в Россию уехало 14,7 тыс. русских (36,6% прямых мигрантов). Это значит, что если бы удельный вес реэмигрантов оставался таким же в 1899–1907 гг., то на родину должно было выбыть 29 тыс. чел. Тогда в США в 1910 г. должно было оставаться около 49 тыс. чел., а с учетом неблагоприятной в первые годы естественной убыли это число могло равняться и 44 тыс. чел. Таким образом, американские цензы начала XX в. дают в общем верную картину числа «русских» уроженцев.

Ценз 1920 г. учел в составе уроженцев России в США 392 тыс. «русских» и только 55,7 тыс. украинцев (среди лиц «недавнего иностраного происхож-

дения» оказалось соответственно 731,9 тыс. русских и 95,5 тыс. украинцев). Из этих данных следует, что много украинцев в США зарегистрировано русскими. Прирост «русских» в США в 1911–1920 гг. оказался исключительно высоким (в 1910 г. — 0,3% всех лиц недавнего иностранного происхождения, а в 1920 г. — 20,1%). Он не соответствовал размерам «русской» иммиграции в США. Табл. 46 показывает, что в 1911–1920 гг. в эту страну въехало только 132,8 тыс. «русских» иммигрантов (выбыло обратно 63,7 тыс. или 48% от числа прибывших).

Это позволяет сделать вывод, что «русских» (то есть русских, украинцев и белорусов) из России в США переселилось и поселилось там немного. Ценз 1910 г. верно зарегистрировал это явление. В ходе же проведения ценза 1920 г. многие представители других этносов, прибывших из России (особенно евреев), назвала себя русскими. Более того, и в дальнейшем украинцы, белорусы и евреи, попавшие при регистрации в число «русских», как правило, продолжали идентифицировать себя с русскими. Даже американский ценз 1980 г., определяя этническое происхождение населения США, зафиксировал здесь 2,8 млн. лиц русского и только 0,7 млн. украинского происхождения. Фактически же число украинских мигрантов несоизмеримо превосходило число русских, не говоря уже о евреях[67]. Установить численность этнических русских, поселившихся в США в XIX — начале XX вв. (по 1920 г. включительно), не представляется возможным. Тем не менее, без значительной погрешности можно полагать, что она не превышала нескольких десятков тысяч. Подавляющая же часть тех, кто считал себя русскими (да и считает сейчас), в США относится к украинцам, белорусам и особенно евреям. Таблицы 38 и 41 показывают, что «русские» в США селились главным образом в штатах Средней Аталантики. В 1910 г. здесь было учтено более 60% всех «русских». В 1920 г. среди лиц «недавнего русского происхождения» почти три четверти (540 тыс. из 732) размещалось в восьми штатах США. При этом в Нью-Йорке их было учтено 35%. Здесь же проживало и более 45% всех евреев США, что еще раз показывает, что именно российские евреи увеличили численность «русских» в США. Говоря о «русских» или восточных славянах в США, нельзя не остановиться на украинской иммиграции в эту страну. Среди восточных славян именно украинцы принимали наибольшее участие в заселении Америки. Правда, подавляющая их часть выезжала из западноукраинских земель, входивших в XIX — начале XX вв. в состав Австро-Венгрии — Галиции, Буковины и Закарпатья. Украинская эмиграция из России, как отмечалось выше, не получила широкого распространения. Однако, поскольку основная масса переселенцев прибывала в Америку из западных и южных губерний Российской империи (Волынская, Подольская, Киевская, Екатеринославская, Херсонская), можно считать, что среди «русских» иммигрантов преобладали украинцы. Однако они регистрировались американской статистикой, как правило, как «русские». Поэтому в США в графе «украинцы» или «русины» учитывались почти исключительно мигранты из входящих в состав Австро-Венгрии украинских земель. Нельзя не отметить, что в советской историографии приводятся неточные данные о размерах украинской иммиграции в

США. Так, В.П.Свежинский утверждает, что только в 1899–1902 гг. в США прибыло 284,4 тыс. украинцев, а в Бразилии и Аргентине до 1917 г. разместилось 150 тыс. буковинских украинцев[68].

А.М.Шлепаков также приводит весьма преувеличенные показатели украинской иммиграции в США и Канаду в этот период (сооответственно 700 и 170 тыс. чел.), отнеся к украинцам, скорее всего, значительную часть польских иммигрантов[69]. Фактически украинские переселенцы из Австро-Венгрии в США в XIX — начале XX вв. (по 1920 г.) составляли 385 тыс. чел., а из всей Европы — 410 тыс. В Канаду тогда же въехало самое большее 130 тыс. украинцев[70]. Австро-Венгерская статистика показывает, что к 1901 г. из этой страны эмигрировало около 150 тыс. украинцев. Их миграция в США в заметных размерах началась с 1870-х годов. В середине 90-х годов (с 1894 г.) наступает черед украинской иммиграции в Канаду — из Галиции, а с 1903 г. — из Буковины. Тогда же отмечается выезд в основном буковинских украинцев в Аргентину и Бразилию. С 1880-х годов до начала XX в. в результате отрицательного баланса миграций Галицию покинуло более 100 тыс. украинцев. Однако американская статистика фиксирует их только с 1899 г. Из Закарпатья до 1900 г. выехало не более 10 тыс. украинцев[71], из Буковины — до 1914 г. — около 14 тыс. (в основном в США, в меньшей степени в Канаду, Аргентину и Бразилию)[72].

В 1899–1920 гг. из всей Австро-Венгрии в США переселилось 239,2 тыс. украинцев (в 1899–1900 гг. — 4,2 тыс., в 1901–1910 гг. — 140,5 тыс., в 1911–1920 гг. — 94,5 тыс.). Из закарпатских комитатов туда в 1899–1914 гг. выехало 56,4 тыс. украинцев (в 1899–1904 гг. — 17,5 тыс., в 1905–1907 гг. — 16,8 тыс. и в 1908–1914 гг. — 22,0 тыс.)[73]. В 1901–1910 гг. отрицательный баланс миграций украинского населения Галиции достиг 167,5 тыс. чел.[74]. Видимо, число украинских мигрантов было еще большим.

Всего же в 1899–1920 гг. в США иммигрировало 260,3 тыс. украинцев, главным образом из Галиции, в меньшей степени из Буковины, Закарпатья и России. Характерно, что украинская миграция в США из Австро-Венгрии достигла максимального уровня в 1910–1914 гг. (в 1910 г. — 27,4 тыс. чел., в 1912 г. — 20,9 тыс., в 1913 г. — 28,6 тыс. и в 1914 г. — 32,1 тыс. чел.). В связи с начавшейся мировой войной ее масштабы резко снизились и к 1916 г. она фактически сошла на нет. Реэмиграция же украинцев из США в Европу была незначительна. В 1908–1920 гг. обратно в Австрию уехало 19,6 тыс. украинцев или 7,5% от числа въехавших[75].

В Канаде русские по этнической принадлежности появились в 90-е годы XIX в. Это были духоборы, которые в числе 8–9 тыс. чел. переселились в провинцию Саскачеван в 1898–1899 гг.[76], а всего в эту страну из России в 70–90-х годах прибыло (без Польши и Финляндии) 17,5 тыс. чел. (см. табл. 25). В 1901–1920 гг. в Канаду иммигрировало собственно из России 105,7 тыс. чел. Канадские цензы (1901, 1911 и 1921 гг.) зарегистрировали там следующее число «русских» (этот этноним употребляется здесь в таком же смысле как и в США — всех восточных славян): в 1901 г. — 20,0 тыс. чел., в 1911 г. — 44 тыс., в 1921 г. — 100 тыс. чел.[77]. Только часть этих переселен-

цев могла в действительности быть отнесена к русским. М.Я.Берзина на основе тщательного анализа данных канадской переписи 1961 г. о языке и конфессиональном составе лиц русского происхождения в Канаде пришла к выводу, что из 119 тыс. чел., включенных статистикой в эту группу, только 70–80 тыс. чел. можно отнести к их числу[78]. По существу к русским безоговорочно можно причислить духоборов и часть православных. Нельзя считать русскими иудаистов или меннонитов. Видимо, не более половины так называемого русского населения Канады в начале XIX в. являлось таковым. Таблица 42 демонстрирует численность и размещение по отдельным провинциям «россйских» выходцев в Канаде по цензу 1911 г. Мы видиим, что они в основном сконцентрировались в Саскачеване (22,5% всех неместных уроженцев — 23,1 тыс. чел.), Манитобе (17,1% — 16,4 тыс.) и Западных провинциях (10,6% — 53,4 тыс. чел.).

Рассмотрим теперь украинскую миграцию в Канаду. Ее начало относится к 1894 г. С 1894 по 1900 гг. в Канаду из Галиции въехало 22,9 тыс. чел.[79]. Это были в основном украинцы, поляки и в небольшом числе — евреи. Канадская перепись 1901 г. зафиксировала в стране только 6 тыс. украинцев и столько же — поляков, видимо значительно недоучтя эти группы[80]. В 1901–1910 гг. число официально зарегистрированных украинских переселенцев, прибывших в Канаду, достигло 77,9 тыс. (поляков — 6,4 тыс.). В эти годы туда из Галиции эмигрировало 76,9 тыс. чел., а из Буковины в 1903–1910 гг. — 11 тыс.[81].

Интересно, что по данным канадской статистики в эту страну не въезжали украинцы Закарпатья. Видимо, они учитывались, как и прочие уроженцы Венгерского королевства, как венгры. Однако в 1901–1910 гг. в Канаду прибыло только 10 тыс. выходцев из Венгрии, а значит общий недоучет украинцев-закарпатцев был невелик.

В 1911–1920 гг. в Канаду эмигрировало из Австро-Венгрии 42,7 тыс. украинцев[82]. Общий же их приток с конца XIX в. не превысил 135 тыс. чел. В пользу верности этих данных свидетельствуют и результаты канадских переписей: в 1911 г. они показали там 75 тыс. украинцев, в 1921 г. — 107 тыс.[83]. Следует помнить, что какая-то часть их могла попасть в состав других этнических групп, какая-то реэмигрировала. Кроме того, с 1908 по 1920 гг. из Канады в США переселилось 8,1 тыс. украинцев[84]. В целом за рассматриваемый период в США въехало более 400 тыс. украинцев, в Канаду — 135 тыс., в Бразилию — 47,3 тыс., в Аргентину — 15 тыс.

До 1920 г. украинцы компактно проживали в небольшом числе штатов США. Так, в 1899–1909 гг. из 120 тыс. прибывших туда украинцев 99 тыс. (83%) поселилось в штатах Пенсильвания, Нью-Йорк и Нью-Джерси (соответственно 60,25 и 14 тыс. чел.)[85]. В Канаде подавляющая часть осела в провинциях Манитоба, Саскачеван, Альберта, Британская Колумбия и Онтарио.

Хотя из России в страны Нового Света выбыло почти 4 млн. чел. (около 8% всех эмигрантов из Европы), часть их по разным причинам потом возвратилась назад. Это было связано с тем, что представители отдельных народов России уезжали за границу в основном навсегда, искали и находили здесь

свою вторую Родину. Другие же отправлялись туда главным образом для заработков, временно, стремясь при первой же возможности возвратиться назад. Статистика США регистрировала возрастную и половую структуру иммигрантов, их специальность, грамотность, финансовое состояние.

Таблица 50 показывает, что среди российских иммигрантов в США особое место занимали евреи. В условиях экономического бесправия и погромов евреи стремились навсегда покинуть Россию. Поэтому они уезжали с детьми и стариками (эти группы составили в 1899–1910 гг. — 30,4% всех прибывших в США евреев). Женщин было среди них 43,3%, оказался высоким удельный вес лиц, имеющих специальность (67,1%) и занимающихся торговлей (5,3%). Неквалифицированная рабочая сила и прислуга достигали в числе евреев только 25%. И наконец лишь 8,3% из них реэмигрировали обратно в Россию. Очень мало в среде евреев оказалось и повторных эмигрантов (2,1%). За 1908–1920 гг. среди прибывших из России евреев реэмигрантов оказалось еще меньше — 4,8%. К евреям были близки по рассмотренным показателям немцы. Представители этих двух этносов, как правило, покидали Россию навсегда.

У поляков ситуация была иной. Детей у польских иммигрантов насчитывалось лишь 11,7%, ремесленников было только 6,3%, а торговцев — 0,1%. Однако у поляков было много женщин — иммигранток (30,5%). Значительно больше их возвращалось обратно (21,9%, а за 1908–1920 гг. — 22,6%), больше их повторно приезжало в США (6,9%), и самое главное — у поляков был огромный удельный вес сельскохозяйственных и неквалифицированных рабочих (93,2%). Таким образом, в среде польских иммигрантов преобладала сельская беднота, которая не имела квалификации и прибывала в Америку преимущественно на сельскохозяйственную работу. Однако большая их часть оставалась здесь навсегда. Обратно уезжали только 21,9%. В сходном положении оказались и финны с тем только отличием, что среди последних было гораздо больше грамотных и почти вдвое большее число повторно приезжало в США. То же можно сказать и о литовцах.

В ином положении оказались «русские» иммигранты. В 1908–1913 гг. реэмигранты насчитывали среди них более 29%, а в 1908–1920 гг. обратно уехала почти половина от прямых переселенцев в США (из России выехало 173,0 тыс., а вернулось 78,4 тыс. или 45,3%). Русские иммигранты отправлялись в США, как правило, для заработков (детей и стариков среди них было только 9,7%, женщин — 15%, ремесленников — 9,1%, торговцев — 0,9%). Лишь 4,1% русских иммигрантов повторно приезжали в США. Доля сельскохозяйственных и неквалифицированных рабочих и крестьян достигала у них 88%. Однако и у русских переселенцев около половины не возвращалось на Родину. В значительной мере это было связано с экономическим положением этих мигрантов. Многие из них влачили там жалкое существование и не имели средств для проезда на Родину. Существовали и трудности с получением необходимых документов, так как иммигранты находились в США по существу на нелегальном положении, поскольку самовольно уезжали из России. Даже Министерство внутренних дел России с 1890 г. признало необходимым выдавать российским реэмигрантам необходимые «проходные свидетельства»

(циркуляры от 22 ноября 1890 г. от 3 и 28 ноября 1911 г. и 17 января 1912 г.)[86].

Всего в 1908–1920 г. из России в США прибыло 1385,9 тыс., а реэмигрировало 250,7 тыс. чел. или 18,1%[87]. Если предположить, что доля убывших назад оставалась такой и в 80–90-е годы, то можно заключить, что из Америки в Россию в 1821–1920 гг. вернулось около 717 тыс. чел. Следовательно, в США нашли свою вторую Родину 3,3 млн. российских подданных (прибыло 3981,6 тыс. чел., а убыло 717 тыс. чел.). В США в 1920 г. насчитывалось 2,2 млн. уроженцев России и 4,2 млн. лиц российского происхождения (см. табл. 47). В Канаде в 1921 г. лиц российского происхождения было почти 200 тыс. чел.

Баланс миграций подданных России в 1821–1920 гг. оказался отрицательным и составил 4,5 млн. чел. (см. таблицу 17). Однако в это число, как отмечалось, входят не только эмигранты в страны Нового Света, но и переселенцы в другие государства Европы и Азии (татары и ногайцы — в Турцию, поляки в Германию, Англию и т.д.). По-видимому, доля реэмигрантов из США в Россию не достигала 18% в XIX в. В этот период в США выезжали преимущественно евреи, немцы и несколько меньше поляки, доля возвращенцев среди которых и была особенно велика (немцы — меннониты, евреи во времена погромов 80-х годов). И все же в любом случае потери России от эмиграции Российских подданных были значительны — 4,5 млн. чел. В США повышалась доля российских уроженцев в общей массе всех неместных уроженцев (1860 г. — 0,2%, 1870 г. — 0,3%, 1880 г. — 1,3%, 1890 г. — 3,5%, 1900 г. — 6,2%, 1910 г. — 13%, 1920 г. — 15,8%). Рос и процент лиц «недавнего российского происхождения» в составе этой категории населения США (1890 г. — 1,3%, 1900 г. — 4%, 1910 г. — 8,6%, 1920 г. — 11,4%). Это говорит о том большом вкладе, который российские переселенцы внесли в заселение стран Нового Света и, в первую очередь, США, однако этнических русских среди них было мало.

В начале XX в. большой размах получает сезонная миграция сельскохозяйственных рабочих из России в Европу и, в первую очередь, в Германию. Таблицы 36–36 а демонстрируют ход этого процесса. Мы видим, что в Германии российские сельскохозяйственные рабочие составляли основную массу всех сезонных мигрантов. Кроме России немало земледельческих рабочих прибывало сюда из Австро-Венгрии (в основном поляков, украинцев и венгров). Доля уроженцев других государств была невелика (из Голландии, Италии). В 1909–1912 гг. российские иммигранты из Германии достигли 40% общего их числа. В 1913 г. их было уже 55%. Но в 1914 г. в связи с началом войны осталось 46%. Среди сельскохозяйственных российских мигрантов преобладали выходцы из пограничного с Германией Царства Польского (поляки и немцы). Это были в основном уроженцы соседних с Германией губерний (Калишской, Сувалкской, Плоцкой). Число выходцев из других районов России (Белоруссии, Литвы, Северо-Запада) стало быстро увеличиваться с 1912 г. (1912 г. — 13,6 тыс., 1913 г. — 11,6 тыс. чел.), но оставалось небольшим (около 3% общего числа).

В годы первой мировой войны приток российских сельскохозяйственных рабочих в Германию еще более вырос. Призыв немецкого мужского населения в армию резко усилил потребность в рабочей силе. Одновременно сократился приток рабочих из Австро-Венгрии и Италии, которые также были участниками войны. В этих условиях сильно возрастает роль оккупированного Германией Царства Польского. В 1917 г. число сельскохозяйственных российских рабочих (почти исключительно из Царства Польского) перевалило за полмиллиона человек. В 1915–1917 гг. они составляли более 70% всех сельскохозяйственных рабочих в Германии. Их доля снизилась лишь в 1918–1919 гг. (соответственно 64,2 и 53,6%).

Среди сельскохозяйственных российских рабочих в скандинавских странах и во Франции также доминировали поляки — уроженцы Царства Польского. В Дании их число с 1908 г. приближалось к 4 тыс. ежегодно. С 1909 г. наступает черед сезонной миграции польских рабочих во Францию. Однако большой размах она приобретает только в 20-е годы XX в. В 1909–1913 гг. во Францию из Царства Польского ежегодно выбывало около 600 человек (см. табл. 36). Статистика Царства Польского регистрировала и численность лиц, выбывших в США временно на сельские работы. В таблице 36 такие данные приводятся за 1903–1904 и 1908–1913 гг. Это были в основном поляки, так как евреи уезжали отсюда навсегда, а немцев было мало. За рассматриваемые годы сельскохозяйственные рабочие составляли более 35% общего числа прибывших в США поляков (146,1 тыс. к 415 тыс. чел.). Эти цифры не вполне точны и сопоставимы (часть поляков прибывала в США из других частей России, далеко не все могли точно указать цель отъезда и т.д.). Однако ясно, что значительная часть польских мигрантов относила себя к временным сельскохозяйственным рабочим. Во всяком случае почти 23% российских поляков, прибывших в США в 1908–1920 гг., вернулись затем обратно.

Нельзя не остановиться также на эмиграции евреев из России в страны Европы. Весьма затруднительно определить ее характер и установить, была ли это постоянная или только временная миграция. Немецкая статистика отмечает приток российских евреев в Германию с 90-х годов XIX в. Перепись 1890 г. зарегистрировала здесь только 3,5 тыс. российских евреев. В 1905 г. их было учтено уже 13,2 тыс., а в 1910 г. — более 20 тыс. чел.[88]. Это было начало массового притока российских (в основном, польских) евреев в страны Европы.

Всего в 1901–1920 гг. баланс миграций российских подданных дал отрицательную величину — 2,6 млн. чел. (см. табл. 17). В это число вошли в основном мигранты в страны Нового Света, которые навсегда покидали Родину. Сезонные же мигранты в соседние государства Европы не всегда включались в эти цифры, так как они в конце каждого года должны были возвращаться обратно. Благодаря возросшему оттоку за рубеж российских подданных и притоку иностранцев меняется состав населения и его географическое размещение.

Иммиграция в Россию в 1897—1917 гг.

Остановимся на иностранной иммиграции в Россию. В 1901—1915 гг. баланс миграции иностранцев в Россию составил положительную величину — 1,3 млн. чел. (в 1901—1910 гг. —708 тыс., в 1911—1915 гг. — 543 тыс. чел.). Хотя интенсивность их притока снизилась по сравнению с 70—80 гг. XIX в., но все же сохранялась на высоком уровне (см. табл. 17). В Россию продолжали переселяться иностранцы из многих стран Европы и Азии. На первом месте по числу прибывших мигрантовв 1901—1915 гг. находилась Персия. Баланс миграций России с этой страной составил почти +409 тыс.чел. (32,7% общего числа). Это были в основном азербайджанцы южного Азербайджана, которые шли в основном в Бакинскую губернию и Закаспийскую область. Развивающаяся нефтедобывающая промышленность требовала значительной рабочей силы, которая и шла из южного Азербайджана. Баланс миграций в Бакинской губернии в 1901—1915 гг. составил почти +200 тыс. чел. Доля азербайджанцев в населении губернии с 1897 по 1917 г. повысилась с 58,7 до 60%. В Закаспийской области иранцы составляли в 1897 г. только 2,1% ее населения (8 тыс. чел.), а в 1915 г. — 4,8% (25,3 тыс. чел.).

Из других азиатских стран следует назвать Турцию (баланс миграций +166 тыс. чел. или 13,3% общего числа) и Китай (соответственно 117 тыс. или 9,3%). Приток армян в Россию в начале XX в. был огромным и далеко не исчерпывается официальными данными баланса миграций между Турцией и Россией. Все население России в 1897—1916 гг.выросло на 40,2%, Закавказья — на 29,6%; армянское: в России — на 69,5%, а в Закавказье — на 68,8%.

Максимальный прирост отмечался в Закаспийской области (на 207,1%), в Черноморской губернии (на 173%), в Терской области (на 150,5%), в Бакинской (на 143%) и в Тифлисской (на 108,6%) губерниях. Вряд ли показатель воспроизводства у армян был выше, чем у других народов Закавказья. В таком случае, у армян в 1897—1916 гг. население за счет превышения рождаемости над смертностью возросло примерно на 30% или на 352 тыс. чел. Это значит, что механический прирост у них в этот период составил не менее 460 тыс. (в 1897 г. армян в России было 1173,1, в 1916 г. — 1988,7 тыс. чел.). Реальная цифра может несколько отличаться от указанной нами, но очевидно, что в Россию в 1897—1916 гг. прибыло несколько сот тысяч армян (около 500 тыс.). Это повысило их долю в населении как всей России (с 0,9 до 1,2%) и Закавказья (с 19,5 до 23,5%), так и отдельных районов и областей. В Средней Азии в Закаспийской области удельный вес армян в эти годы повысился с 1,1 до 2,4%, а по всему району с 0,2 до 0,5%. На Северном Кавказе армяне составляли в 1897 г. — 0,8%, а в 1917 г. — 1,1% населения. В Закавказье, в Тифлисской губернии доля армян увеличилась с 20,1 до 27,5%; в Бакинской — с 6,9 до 9,9%, в Эриванской — с 53,2 до 59,8, в Елисаветпольской — с 33,3 до 36,4%, в Карсской- с 25,3 до 27,8%. В начале XX в. это был наиблее массовый приток из-за рубежа в Россию, в основном нелегальный, самовольный и очень неполно учтенный официальной статистикой.

Точно так же весьма примерны и сведения о китайской миграции в Россию. Недоучет касается, в первую очередь, сезонных китайских рабочих, которые

не всегда прибывали в Россию по специально оформленным билетам, а в зимнее время, как правило, покидали Россию (в основнм Приморскую и Амурскую области Дальнего Востока)[89]. В действительности их было гораздо больше (несколько сот тысяч), однако и имеющиеся данные свидетельствуют о возросшем притоке в Россию китайцев с начала второго десятиления XX в.

Данные о балансе миграций России со странами Европы, несомненно гораздо более качественные. Здесь не было такой необходимости нелегально переходить русскую границу в поисках работы. Сведения о притоке мигрантов в Россию из стран Европы можно считать достаточно надежными. Из большинства стран Европы приток был невелик, хотя баланс миграций во всех случаях был положительным. Так, в 1901–1915 гг. в России осталось подданных Болгарии — 7,9 тыс. чел., Румынии — 18,7 тыс., Франции — 8,8 тыс., Великобритании — 16,8 тыс., США — 6,1 тыс., Швейцарии — 1,8 тыс., Швеции — 5,2 тыс., Италии — 2,1 тыс. и т.д.

Понизилось значение Австро-Венгрии. Если в XIX в. баланс миграций между этой страной и Россией составил +800 тыс. чел. (20% всего баланса), то в 1901–1915 гг. — 11 тыс. чел. Упало, но сохранилось на высоком уровне место Германии. В XIX в. (с 1828 г.) положительный баланс миграции между Россией и Германией достиг почти 1,5 млн. чел. (35% всего баланса), а в 1901–1915 гг. он составил 252 тыс. чел. (20,2%).

Следует, однако, иметь в виду, что из Германии в Россию въезжали не только этнические немцы, но и поляки Герцогства Познанского, Силезии и Пруссии. Много немцев и поляков оставалось проживать в Царстве Польском (в Калишской, Радомской и Сувалкской губерниях), на Правобережной Украине (преимущественно в Волынской губернии), в Прибалтике, Петербурге, Москве, Одессе и т.д.

В значительной мере поэтому с 1897 по 1913 гг. численность немцев в Царстве Польском выросла с 407,7 до 740,6 тыс. чел., а удельный вес — с 4,3 до 5,6%[90]. В общем же населении империи доля немцев тогда не изменилась (1897 г. — 1,8 млн. или 1,4%, 1914 г. — 2,5 млн. или 1,4%). Это связано в первую очередь с немецкой эмиграцией из России. Только в США в 1899–1920 гг. выехало около 150 тыс. немцев (см. табл. 48). А ведь существовал еще отток их в Канаду, Бразилию и собственно Германию. Среди иммигрантов было много поляков. Поэтому миграционные факторы в XX в. уже не играли той решающей роли, которую они выполняли в XIX в. Немецкое население теперь увеличивалось в основном благодаря естественному приросту.

Итак, в начале XX в. в Россию продолжался приток иностранных подданных. В 1901–1915 гг. баланс миграций их в России составил положительную величину — 1,3 млн. чел. Фактически этот прирост был еще выше, так как регистрация рабочих (в основном сельскохозяйственных), приходящих в Россию на заработки из азиатских стран, была организована плохо и много их ускользало от регистрации. Особенно это касается таких стран как Персия, Турция, Китай. С учетом этого фактора можно считать, что положительный баланс миграции между Россией и другими странами в 1901–1915 гг. достиг 2 млн. чел. (дополнительно около 300 тыс. армян, 300 тыс. китайцев и какое-

то число азербайджанцев). Однако и учет оттока российских подданных был неполон. Не учтен в Российской статистике уход сельскохозяйственных рабочих из Царства Польского в 1914–1920 гг. (см. табл. 37).

В целом же регистрация российской миграции (в странах прибытия) более точна, чем иностранная иммиграция в Россию (особенно из азиатских стран). Отток населения из России можно считать близким к действительному, если использовать статистику государств въезда переселенцев. Что касается притока в Россию, то он нуждается в уточнениях и дополнениях. Можно считать, что из России в Новый Свет выбыло около 3 млн. чел., баланс миграций российских подданных дал отрицательную величину — 2,6 млн. чел., а иностранцев в России поселилось примерно 2 млн. чел.

Заключение

В XIX — начале XX в. баланс миграций России с другими государствами по официальным данным составил отрицательную величину — примерно 400 тыс. чел. (см. табл. 17). Фактически и приток, и отток были выше, но в целом эти две волны миграций взаимно почти погасили друг друга. Происходил отток населения из Российской империи за рубеж, в основном в страны Нового Света (США, Канаду, Бразилию, Аргентину). Это была преимущественно трудовая и нетрудовая миграция в страны Нового Света (более 4 млн. чел.), из которых 3,5 млн. или 87,7% пришлось на долю США. Переселялись в основном жители западной части России: евреи, поляки, литовцы, немцы.

Это была также сезонная, временная миграция российских подданных в соседние страны Европы (в основном, в Германию). Началась она в 80-е годы с относительно небольших цифр (несколько тысяч человек), но в годы войны достигла 500 тыс. чел. Среди сезонных мигрантов преобладали поляки, немцы, отчасти литовцы. Почти все сезонные мигранты к началу зимы возвращались на родину. Абсолютное большинство переселенцев, отправляясь на чужбину, руководствовалось экономическими соображениями. Нищета, низкие заработки на родине, отсутствие достаточных земельных наделов заставляли сниматься с места сотни тысяч человек и устремляться в чужие страны и континенты.

Население центральных и южных районов (в основном русские и украинцы) заселяло, в первую очередь, окраинные территории России (Сибирь, Дальний Восток, Кавказ).

Баланс миграций иностранцев в Россию составил положительную высокую величину — примерно 5 млн. чел. Особенно значительным оказался приток немецких мигрантов из Германии (1462,5 тыс. чел. или 35,2% общего числа), и Австро-Венгрии (827,3 тыс. или 20%). Из азиатских стран следует выделить Персию (844,8 тыс. или 20,3%) и Турцию (около 10%). Наплыв иностранцев в Россию снизился в 1891–1900 гг. (465 тыс. чел.), но в начале XX в. вновь повысился (в 1901–1910 гг. — 708 тыс., в 1911–1915 гг. — 543 тыс. чел.). Уже в 90-е годы XIX в. четко обрисовывается тенденция, проявившаяся полностью в начале XX в. Возрастает доля мигрантов, прибывших в Рос-

сию из азиатских стран (особенно из Персии и Турции), и снижается — из европейских стран (в наибольшей мере из Австро-Венгрии). Основными государствами, откуда в Россию шел поток мигрантов, были Германия и Персия. Однако если в 20–30-х годах XIX в. большая часть их прибыла из Германии, то с 90-х годов первенствующее положение занимает Персия. В целом тенденции миграционных процессов с 80-х годов XIX в. способствовали некоторому росту доли великороссийского этнического компонента в общем населении империи.

3. Изменения в численности и размещении русского этноса в Российской империи в начале XX в. (1897–1917 гг.)

В начале XX в. с 1897 по 1917 гг. удельный вес русских в Российской империи возрос с 43,5 до 45,9% (с 55755,9 до 76676,2 тыс. чел.). Это было первое существенное повышение доли великороссийского этнического компонента (см. табл. 5). Одновременно в границах современного СССР до его распада доля русских в этот период фактически не изменилась (1897 — 44,2%, 1917 г. — 44,3%), а в рубежах нынешней России отмечается существенное ее понижение с (75,5 до 72,4%).

Это было обусловлено, как отмечалось в предшествующих разделах настоящей главы, более низким уровнем естественного прироста на территории России в районах преимущественного проживания русских (см. табл. 14), а также усилившимися ассимиляционными процессами в отдельных регионах страны и переселением русских мигрантов на окраины империи за пределами нынешней России (см. табл. 1).

Уровень естественного прироста в России в начале XX в. повысился, хотя и не достиг показателей первой трети XIX в. и уступал среднему по империи. Минимальным он был в регионах основного проживания русских (Центрально-Промышленный, Озерный, Северный, Северное Приуралье). Гораздо более высоким естественный прирост оказался в российской Украине, а в 1901–1910 гг. — в Молдавии. В целом это привело к снижению доли русских на территории современной России.

Однако в 1897–1917 гг. на окраины империи переселилось 5,3 млн. мигрантов, среди которых преобладали русские. Это также способствовало понижению их удельного веса в границах современной России и росту их доли в рубежах империи. В 1897 г. в рубежах республик, созданных на территории бывшего СССР, проживало 4,5 млн. чел. (8,1% всех русских), а в 1917 г. — 7,7 млн.(10%).

Удельный вес русских в этот период почти не изменился на Украине, несколько снизился в Армении (с 4,8 до 2,2%), но зато резко повысился в заселяемых регионах.

В Казахстане доля русских возросла с 11,7 до 21,7% (с 0,5 до 1,3 млн. чел.), в Киргизии — с 2,6 до 10,7% (с 17 тыс. до 92 тыс. чел.), в Азербайджане — с 5,3 до 8,4% (с 0,1 до 0,2 млн. чел.), в Таджикистане — с 1,0% до 4,4% (с 8 до 45 тыс. чел.). В других республиках показатели прироста оказались

меньшими (см. табл. 1). В рубежах современной России процент русских вырос также в регионах интенсивного заселения: Южном Приуралье (с 51,8 до 54,0%), Озерном регионе за счет быстро растущего Петербурга (с 88,7 до 90,6%), Северном Кавказе (с 42,5 до 46,8%), Закавказье (с 0,9 до 4,7%), Сибири (с 76,9 до 78,2%).

Снижение же отмечалось в регионах, где уровень естественного прироста у русских был понижен и откуда шла их миграция на окраины (Центрально-Земледельческий регион, Северное Приуралье). Кроме того, нельзя не назвать и регионы, где понижение или повышение доли русских было мнимым и объяснялось изменением методики учета. Так, в 1897 г. доля русских в Царстве Польском составила 3,2%, а в 1914–1917 гг. — 1,3%, так как в первом случае перепись 1897 г. зарегистрировала здесь регулярную армию, а исчисление 1914 г. не учитывало военных. Это же можно сказать и о Финляндии. Наконец, этнические, ассимиляционные процессы (обрусение) активно протекали в Восточной Белоруссии, на севере Левобережной Украины (в Черниговской губернии) и в Новороссии.

На территории Белорусско-Литовского региона доля русских в 1897–1917 гг. повысилась с 16,9 до 23,7% (с 1960,7 до 3509,8 тыс. чел.). В Смоленской губернии удельный вес русских возрос с 91,6 до 97,0%. К 1917–1920 гг. здесь исчезает компактно проживающее белорусское население. Еще в 1897 г. Краснинский уезд был белорусским, а русские составляли всего 8,7% его жителей (8,9 тыс. чел.). В 1917–1920 гг. это был уже чисто великорусский уезд (99% жителей). В Могилевской — в 1897 г. русских было всего 3,5% (58,2 тыс. чел.), а в 1917–1920 гг. — 32,9% (785,8 тыс. чел.). В ряде уездов они теперь абсолютно преобладали (в Могилевском — 74,9%, в Гомельском — 46,5%, в Рогачевском —59,8%), в других — составляли внушительное этническое меньшинство (в Мстиславском — 34,7%, в Чериковском — 21,7%). В Витебской — доля русских в 1897–1917 гг. повысилась с 13,2 до 23,4% (с 198,0 до 440,7 тыс. чел.). Они превзошли белорусов в Велижском (1897 г. — 2,3%, 1917–1920 гг. — 44,3%), Невельском (соответственно 7,1% и 56,6%) и Себежском (47,1% и 50,3%) уездах, которые и вошли в состав России. В Витебском уезде удельный вес русских в эти годы вырос с 19,7 до 35,8%, в Режицком — снизился с 23,9 до 22,4%. В Минской губернии русских было меньше, хотя и здесь их удельный вес вырос с 3,9 до 7,6%.

В Западной Белоруссии и Литве прослеживается обратная тенденция. Доля русских тут в 1897–1917 гг. уменьшается (в Гродненской губернии с 4,6 до 0,3%, в Виленской — с 4,9 до 4,7%. И лишь в Ковенской отмечается небольшой прирост (с 4,5 до 4,9%). Это было вызвано, во-первых, тем, что текущий учет 1914–1917 гг. (а переписи здесь не проводилось) не зарегистрировал в этих местах регулярную армию, в составе которой преобладали русские; во-вторых, в западных губерниях шел процесс не обрусения, а ополячивания белорусского и литовского населения; и, наконец, в-третьих, к 1917 г. значительная часть этих территорий была оккупирована немцами и русское население в основном покинуло эти места. В целом же на территории нынешней Белоруссии доля русских в 1897–1917 гг. повысилась с 6,2 до 14,5% (с 414 до

1461 тыс. чел.), а в Литве — с 5,1 до 5,9% (с 139 до 175 тыс. чел.). Благодаря ассимиляционным процессам в начале XX в. в этом регионе отмечается значительное расширение русской этнической территории. Исчезает белорусское население в Смоленской губернии (в основном, в Краснинском уезде). Завершается процесс обрусения на части территории Могилевской и особенно Витебской губернии. Именно поэтому в 1897 г. в Белоруссии проживало 0,7% всех русских империи, а в 1917 г. — 1,9%.

В Черниговской губернии Левобережной Украины удельный вес русских с 1897 по 1917–1920 гг. повысился с 21,6 до 29,5%. Здесь на севере в начале XX в. фактически завершился процесс обрусения проживающих здесь белорусов и отчасти украинцев (Мглинский, Новозыбковский, Стародубский, Сурожский уезды). Теперь эти территории входят в состав Брянской области России. В Сурожском уезде еще в 1897 г. русские составляли 24,9% всего населения, а в 1917–1920 гг. — 98,9%, так как обрусели преобладающие здесь белорусы (в 1897 г. они составляли 69,4% всех жителей, а в 1917 — только 0,4%). В Мглинском уезде доля русских поднялась с 78,2 до 94,4% и т.д. Интересно, что удельный вес русских сильно вырос и в уездах, оставшихся в составе Черниговской губернии Украины. Так, в Новгородсеверском уезде русских было в 1897 г. — 4,3%, а в 1917–1920 гг. — 37,9%, в Глуховском — 4,2% и 21,0%.

В Новороссии доля русских в 1897–1917 гг. повысилась мало (с 29,8 до 30,7%). Ассимиляционные процессы здесь были наиболее интенсивными в Таврической губернии (прирост с 27,9 до 30,1%) и части Херсонской губернии. В части Херсонской губернии уже в 1897 г. преобладало русское по языку население. К 1917 г. его доля здесь повысилась с 36,8 до 43,4%. В Таврической губернии в материковой части преобладали украинцы. На полуострове в 1897 г. русскоязычное (188,3 тыс. чел. или 33,5%) и татарское (194,3 тыс. или 35,5%) население численно почти уравнялось. А в 1920 г. русские здесь уже превращаются в преобладающий этнос (русские достигли 44,1% общего народонаселения, татары — 25,9%, украинцы — 7,4%). Другими словами, в начале XX в. Крым уже являлся великороссийской этнической территорией и передачу его в состав других государственных образований без учета воли проживающего здесь населения вряд ли можно считать обоснованной.

Рост доли русских на заселяемых окраинах был наиболее заметен в Средней Азии и Казахстане. К концу XIX в. территории эти были освоены еще недостаточно. Если в 1871–1896 гг. здесь разместилось около 400 тыс. мигрантов из Европейской России, то в 1897–1916 гг. — более 1 млн. 400 тыс. чел. Большую их часть составили русские переселенцы из Центрально-Черноземного региона и Поволжья. В результате миграционных процессов и повышенного уровня естественного прироста среди переселенцев из Европейской России, доля великороссийского этнического компонента в целом по Казахстану и Средней Азии повысилась с 7,6 до 13,6%. В Уральской области русские составляли в 1897 г. — 24,9%, а в 1917 — 41,4% всего населения, в Акмолинской соответственно 25,5 и 27,2%, в Семипалатинской — 9,5% и 13,7%, в Семиреченской — 7,8% и 19,4%, в Тургайской — 6,7% и 16%. В ос-

тальных — прирост был невысок, а в Закаспийской и Самаркандской областях — незначителен. Если в 1897 г. в регионе было учтено 0,6 млн. русских, то в 1917 г. — 1,6 млн. Однако абсолютно преобладали русские еще на сравнительно ограниченной территории: в Уральском уезде Уральской области и на севере Акмолинской области. Наряду с русской миграцией в этот регион, больших размеров приобрела украинская миграция. Она шла почти исключительно в Казахстан (в 1897 г. в Казахстане были учтены 93,4 тыс. украинцев, в 1917 г. — 789,5 тыс., а в Средней Азии соответственно 8,2 и 12,0 тыс. чел.). Подавляющая часть украинцев разместилась в Акмолинской и Тургайской областях. В 1897 г. из 93,4 тыс. украинцев Казахстана — 55,7 тыс. проживало именно здесь (59,6%), а в 1917 г. из 789,5 тыс. — 643,5 тыс. (81,6%). На первом месте находилась Акмолинская область, где в 1897 г. проживало 51,1 тыс. украинцев, а в 1917 г. — 459 тыс. Если в 1897 г. они составляли 7,5% ее народонаселения, то в 1917 г. —29,5%. Украинцы численно опережают здесь русских, а в Кокчетавском уезде выходят на первое место (35,2%).

На Северном Кавказе удельный вес русских в 1897–1917 гг. повысился с 42,5 до 47,0% (с 1,6 до 2,7 млн. чел.). Они абсолютно преобладали в Ставропольской губернии (56,5%) и имели относительное большинство в Терской области (42,5%). В Кубанской области русские (44,9%) несколько уступали украинцам (47,3%). В 1897–1916 гг. на Северный Кавказ переселялось много русских и украинцев, причем последние шли преимущественно в Кубанскую область. В 1897–1916 гг. на Северный Кавказ прибыло 507,1 тыс. чел. мигрантов, в том числе в Кубанскую область около 220 тыс., в Терскую — 165 тыс. чел. В Терской области русские в 1917 г. доминировали в Пятигорском (1897 г. — 67,9%, 1917 г. — 77,5% населения), Сунженском (36,4 и 90,8%) и Кизлярском (52,5% и 66,0%) уездах, а в Кубанской — в Кавказском (50%), Лабинском (79%), Майкопском (60%) и Баталпашинском (43%) отделах. Другими словами, к 1917 г. на большей части Северного Кавказа сформировалась русская этническая территория, которая охватила Ставропольскую губернию, большую часть Терской и около половины Кубанской области. На части Терской области преобладали коренные народности Кавказа (чеченцы, ингуши, осетины), а на большей части Кубанской области (на территории бывшего Черноморского войска) сформировалась украинская этническая территория.

В Закавказье доля русских увеличилась с 4,7 до 6,2%. Переселение русских крестьян проводилось сюда в ограниченных масштабах, но приток в города и на нефтеразработки был значителен. Доля русских в 1897–1916 гг. увеличилась в Бакинской губернии с 9,4 до 14,2%. В Сухумском округе с 5,7 до 11,4%, в Елисаветпольской — с 2 до 4%. В 1897–1916 гг. в Бакинскую губернию переселилось около 281 тыс.чел. Однако в большинстве губерний и областей доля русских оставалась невысокой (в Кутаисской губернии, в Закатальском округе, Карсской области, Дагестане и т.д.). Из Армении в 1915–1917 гг. происходил отлив русских и доля их здесь упала с 4,8 до 2,2% общего народонаселения. Однако в Азербайджане (с 5,3 до 8,4%) и Грузии (с 5,7 до 7,5%) отмечался довольно высокий прирост.

В Сибири и на Дальнем Востоке доля русских выросла сравнительно умеренно (с 76,9 до 78,2%). В известной мере это было вызвано исключительно мощным притоком сюда украинских мигрантов преимущественно из Левобережной Украины и Киевской губернии Правобережной Украины. Если в 1897 г. украинцы составляли 4% населения региона, то в 1917 г. — более 9%. Они заселяли преимущественно Дальний Восток и Енисейскую губернию Восточной Сибири. В Западной Сибири доля русских в 1897–1916 гг. выросла с 87,3 до 88% за счет Томской губернии (прирост с 86,2 до 88,6%). Удельный вес украинцев здесь в эти годы вырос с 4,1 до 6,5%. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке удельный вес русских фактически не изменился. Прирост отмечался в Иркутской (с 72,8 до 77,7%) губернии, в Забайкальской области (с 65,5 до 70,3%) и на Сахалине (с 54,3 до 62,4%). Одновременно он упал в Енисейской губернии (с 83,0 до 81,9%), в Амурской (с 68,5 до 44,6%) и Приморской (с 40,0 до 30,8%) областях. Удельный вес украинцев в 1897–1916 гг. вырос в Восточной Сибири (с 1,9 до 5,2%) и особенно на Дальнем Востоке (с 5,9 до 22,7%). В Енисейской губернии доля украинцев повысилась в рассматриваемый период с 3,8 до 7,9%.

Дальний Восток осваивался лишь со второй половины XIX в. после его окончательного включения в состав России по условиям Айгуньского и Пекинского мирных договоров 1858–1860 гг. Украинские поселенцы начали расселяться здесь в значительных количествах лишь с 80-х годов XIX в. В 1897 г. их было на Дальнем Востоке около 6% (61,5 тыс. чел.), а к 1917 г. — почти 23% общего числа жителей (430 тыс. чел.). В Забайкальской области украинцев было мало. В Амурской — доля их с 1897 по 1917 гг. повысилась с 17,5 до 43,2% и они лишь незначительно уступали русским (44,6%). В Приморской же области украинцев было в 1897 г. 19,3%, а в 1917 г. — 48,2% и они стали преобладать почти повсеместно (доля русских упала с 40,0 до 30,8%). Основную массу переселенцев на Дальний Восток дали Полтавская, Черниговская и Киевская губернии[91].

Другими словами, в начале XX в. на Дальнем Востоке (в Приморской и на части Амурской областей) сформировалась отделенная от основной территории Украины украинская этническая территория, население которой перешло на русский язык, а затем и сменило свое этническое самосознание на русское — только в 30-е годы XX в. По переписи 1937 г. в Дальневосточном крае проживало 328,3 тыс. чел. украинцев, что составляло 14,4% его населения[92]. В 1939 г. украинцы составили 18,6% жителей Приморской области (168,8 тыс.чел.) и 17,4% — Амурской (78,2 тыс. чел.)[93]. Особое положение занимают Центрально-Промышленный и Озерный регионы.

В Центрально-Промышленном регионе повышение доли великороссийского компонента было вызвано продолжающимися ассимиляционными процессами (прирост с 97,1 до 97,8%). Особенно заметными они оказались в Тверской губернии, где удельный вес русских вырос с 92,8 до 96,8% за счет сокращения его у карел (с 6,7 до 2,4%). В остальных губерниях прирост был невысок, а в Нижегородской отмечалось даже понижение (с 93,2 до 92,6%) в связи с небольшим ростом доли мордвы и татар. Однако пониженный естест-

венный прирост (1901–1910 гг. — 12,5‰, 1911–1916 гг. — 11,5‰) привел к тому, что доля русских региона ко всем русским империи с 1897 по 1917 гг. снизилась с 19,0 до 18,1%.

Существенно вырос процент русских и в Озерном регионе (с 88,7 до 90,6%), где протекали одновременно и миграционные, и ассимиляционные процессы. С одной стороны, в Петербург из других губерний, регионов и из-за рубежа прибыло много мигрантов (в основном, русских). Механический прирост в Петербургской губернии составил в 1897–1916 гг. +1164,7 тыс. чел. В 1900 г. в Петербурге было учтено русских крестьян, прибывших из Тверской губернии — 172,1 тыс. чел. (в 1910 г. — 261,0 тыс.), из Ярославской — 114,4 тыс. (в 1910 г. —154,4 тыс.), из Новгородской — 73,6 (в 1910 г. — 106,7 тыс.), из Псковской — 61,9 (в 1910 г. — 106,7 тыс.), из Петербургской — 82,0 (в 1910 г. — 98,7 тыс. чел.)[94].

С другой стороны, шла естественная ассимиляция: в Олонецкой губернии доля финнов снизилась с 0,6 до 0,5%, вепсов — с 4,4 до 2,4%, карел — с 16,3 до 14,3%. В Петербургской губернии исчезают карелы и вепсы, доля финнов упала с 6,1 до 4,4%. В Новгородской — соответственно карел с 0,7 до 0,4%, вепсов — с 0,7 до 0,4%. В Псковской губернии исчезли финны. В результате в Олонецкой губернии процент русских вырос с 78,5 до 81,9%, в Петербургской — с 82,1 до 85,3%, в Новгородской — с 96,8 до 98,9, в Псковской — с 94,7 до 96%. И все же доля русских региона ко всем русским империи с 1897 по 1917 гг. снизилась с 7,9 до 7,3%. Это было обусловлено низким естественным приростом. В 1901–1910 гг. он равнялся 10,5‰ (в современной России 15,8‰), а в 1911–1916 гг. — 8,0‰ (13,2‰).

В других регионах, где доля русских немного снизилась, процесс этот не был выражен так отчетливо (в Центрально-Земледельческом — с 87,6 до 86,8%, в Северном Приуралье — с 83,9 до 83,1%). По всей вероятности, он вызывался оттоком отсюда прежде всего русских на окраины, а возможно, и более высоким естественным приростом у нерусского населения. Во всяком случае, падение удельного веса русских на территории нынешней России (с 75,5 до 72,4% общего народонаселения), сохранение неизменным их удельного веса в границ бывшего СССР (44,2–44,3%) и рост в рубежах бывшей империи (с 43,5 до 45,9%) находит свое логическое объяснение.

Из территории нынешней России шел мощный миграционный поток русских мигрантов на окраины, в значительной мере вошедшие ныне в состав других государств СНГ. Кроме того, в центре России отмечался пониженный естественный прирост. Усилившиеся ассимиляционные процессы не смогли переломить тенденцию падения удельного веса русского этнического компонента. В рубежах бывшего СССР доля русского этноса не изменилась. Сюда в 1897–1916 гг. перелилось много русских мигрантов и удельный вес русских сильно повысился особенно в Казахстане, Закавказье, Средней Азии, Латвии. Кроме того, естественный прирост здесь был, как правило, повышен у всех этносов. Особенно это касается Украины, а в 1911–1916 гг. Казахстана и Средней Азии.

Наконец, рост доли русских в границах бывшей Российской империи был в значительной мере обусловлен сильнейшей эмиграцией в основном с территории, не вошедшей позже в состав СССР (Царство Польское, Западная Белоруссия). Ведь в 1900–1920 гг. за счет эмиграции из империи отрицательный баланс миграций составил 1,3 млн. чел. (в 1900–1910 гг. — 851 тыс., в 1911–1920 гг. — 472 тыс. чел.). В то же время этот отток почти не коснулся нынешней России и шел преимущественно с земель Царства Польского, будущего Белостокского воеводства. Основную часть российских мигрантов составили евреи, поляки, немцы, литовцы. Так что отток весьма большого числа мигрантов с западных земель бывшей империи способствовал повышению доли русских в ее тогдашних рубежах.

В силу рассмотренного комплекса причин русская этническая территория расширилась за счет белорусского пограничья (в части бывшей Смоленской, Витебской, Могилевской и Черниговской губерний), а также в части Новороссии (в Крыму, части Херсонской губернии) и Северного Кавказа и Казахстана. Одновременно за счет мощной украинской миграции русский этнос в начале XX в. временно потерял Приморскую и часть Амурской областей и отдельные территории в Казахстане и на Северном Кавказе. Украинский этнос составил мощную конкуренцию русскому в деле заселения новых территорий. В XVIII в. украинская колонизационная волна пересилила русскую в Новороссии (за счет будущей Екатеринославской губернии и части области Войска Донского). В XIX — начале XX вв. украинский этнос возобладал в Приморской и части Амурской областей Дальнего Востока, где до 80-х годов XIX в. русский этнос абсолютно преобладал. В начале XX в. русский этнос уступил украинскому свои позиции в Акмолинской области Казахстана и Кубанской — Северного Кавказа. Ни один другой этнос империи не оказался в состоянии столь успешно противостоять русскому.

Даже на территории нынешней России украинский этнос составил в 1897 г. — 6,3% всего ее населения (4,1 млн. чел.), а в 1917 г. — 7,3% (6,4 млн.). В то же время доля татар в России снизилась с 3,3 до 3,1%, мордвы — с 1,5 до 1,3%, а удельный вес башкир (2%) и чувашей (1,3%) остался неизменным.

За пределами же Российской империи численность и удельный вес этнических русских до начала «белой эмиграции» были невелики. И лишь отнесение к русским большого числа евреев и украинцев повысило эти показатели. В 1910 г. по американскому цензу было учтено русских 91,3 тыс. чел., а в 1920 г. — 731,9 тыс. (см.табл. 41). Иными словами, численность русских за пределами Российской империи оказалась к концу анализируемого периода сильно завышенной, причем лица, отнесшие себя к русским, и их потомки в значительной мере продолжают считать себя русскими по происхождению и в настоящее время.

1. Урланис Б.Ц. Динамика населения России накануне Октября. — Ученые записки Всесоюзного заочного экономического института. М., 1957. Вып. 2. С. 131.

2. Там же.

3. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения СССР. Сб. статей. М., 1983. С. 250; Боярский А.Я. Население и методы его изучения. М., 1975. С. 226; Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 21, 25, 26, 86, 87.

4. Rocznik Statystyki Rzeczypospolitej Polskej. 1927. Rok V. Warszawa, 1927, s. 538–544; Statistik des Deutschen Reichs. Bd. 276. Berlin, 1922, S. VII–IX.

5. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 97–98; Максудов С. Потери населения СССР. Вермонт, 1989, С. 202.

6. Боярский А.Я. Указ. соч. С. 226–227.

7. Там же.

8. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны... С. 97–98.

9. Дробижев В.З. У истоков советской демографии. М., 1987. С. 36, 44.

10. Zagadnienie Polski demograficzne. Ruch naturalny ludnosci w latach 1895–1935. Warszawa, 1936, s. 18.

11. Unger-Sternberg R. Die Bevölkerungsverhältnissee in Estland, Lettlend, Litauen und Polen. Berlin, 1939, s. 18.

12. Rocznik Statystyki Rzeczypospolitej Polskej. 1927. Rok V., S. 538–541.

13. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 2703. Л. 30.

14. Там же. Д. 2851. Л. 2–4.

15. Китанина Т.М. Демографические процессы в России в период первой мировой войны и их социально-экономические последствия для русской деревни. – Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX вв.). Таллин, 1986. С. 226.

16. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 137–144, 385–386.

17. Панютич В.П. Указ. соч. С. 640.

18. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 385–386.

19. Там же. Л. 394–398.

20. Кроме Новороссии.

21. ПСЗ-III. Т. XXIV. 1904. Ст. 24701.

22. Сычевский Е.П. К вопросу о формировании рабочего класса в Приамурье. – Сб. статей по истории Дальнего Востока. М., 1958. С. 224.

23. Меншиков А.А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Т. V. Новоселы, наделенные по душевой норме. Владивосток. 1914. С. 37, 38, 43.

24. Оболенский (Ольминский) В.В. Указ. соч. С. 10, 107; Статистический ежегодник России. 1916 (год 13). Вып. 1. Пг., 1918. С. 122–123.

25. Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922. С. 1–2, 13–14; Статистический ежегодник города Москвы. Год II, 1907–1910. Вып. 1. М., 1910, год V, 1911–1913; Вып. IV. М., 1916; РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 163–164; Очерки о состоянии народного здравия... за 1896–1914 гг. Табл. 1. СПб., (Пг.), 1905–1916.

26. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 80–83, 149–152, 180–182.

27. Статистический ежегодник России. Год XI. СПб., 1915. С. 5–7; Год XII. СПб., 1916. С. 12–13; Год XIII. Вып. 1. Пг., 1918. С. 103.

28. Китанина Т.М. Указ. соч. С. 228.

29. Подробнее об этом см. ниже.

30. Скляров Л.Ф. Указ. соч. С. 113.

31. Анфимов А.М. Методика изучения социальной структуры деревни. – В кн.: Социально-экономические проблемы российской деревни. Ростов-на-Дону. 1980. С. 227; Островский А.В. О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России. – В кн.: Проблемы исторической географии России. Вып. 2. М., 1982. С. 175–181.

32. Тудоряну Н.А. Указ. соч. С. 23.

33. Брук С.И., Кабузан В.М. Миграция населения в России... С. 68. Более подробно об этом см. ниже.

34. Там же.

35. Тудоряну Н.Л. Указ. соч. С. 27.

36. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 394–398.

37. Новоселов П.М. Об эмиграции в Америку. Докладная записка статистика бюро волынской областной организации П.М. Новоселова об эмиграции в Америку. Житомир, 1912. С. 1–2.

38. Zagadnienia demograficzne..., S. 28.

39. Davis T. Juden und Deutsche. Wien, 1915, S. 30.

40. Тудоряну Н.Л. Указ. соч. С. 32.

41. Там же. С. 46–47.

42. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 95. Оп. 18. Д. 614. Л. 7; Д. 616. Л. 13, 23 об.: Д. 618. Л. 5–6 об.; Соколов А.С. Указ. соч. С. 98.

43. Тудоряну Н.Л. Указ. соч. С. 151–152.

44. Берзина М.Я. Указ. соч. С. 146.

45. В Финляндии евреев не проживало и переселенцы состояли из финнов и шведов.

46. Марианьский А. Современные миграции населения... С. 135–136; Ларин Ю. Евреи и антисемитизм... С. 54–55.

47. Nossig A. Materialien zur Statistik des Judischen Stamme. Wien, 1887, S. 99.

48. Труды Варшавского статистического Комитета. Вып. XXII. Варшава, 1906. С. 41; Rosznik Statystyczny Krolestwa Polskiego. Rok 1915. Warszawa, 1916, S. 49.

49. Берзина М.Я. Указ. соч. С. 70, 76–77.

50. The Canada Year Book. 1916–1917. Ottawa, 1917, P. 13; The Canada Year Book. 1913. Ottawa, 1914, P. 106–107; The Canada Year Book. 1921. Ottawa, 1922, P. 127; The Canada Year Book. 1922. Ottawa, 1923, P. 8.

51. Стрелко А.А. Славянское население в странах Латинской Америки. Киев., 1980. С. 20.

52. International Migrations..., P. 543, 546, 549–552.

53. Hübner O. Geographisch-Statistische Tabellen aller Länder der Erde. Ausgabe 67. Wien, 1924, S. 23.

54. Численность и расселение народов мира. М., 1962. С. 346; Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986. С. 595.

55. Численность и расселение народов мира... С. 343; Брук С.И. Указ. соч. С. 608.

56. Труды Варшавского статистического комитета. Вып. V, Варшава, 1891. С. 136; Вып. XXII. Варшава, 1906. С. 41; Эйдинтас А. Литовская эмиграция в страны северной и южной Америки в 1868–1940 гг. Вильнюс, 1989. С. 73.

57. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 385–386.

58. РГАОР Ф. 5799. Оп. 1. Д. 164. Л. 72; Соколов А.С. Указ. соч. С. 101.

59. Берзина М.Я. Указ. соч. С. 75, 173.

60. См. табл. 46.

61. См. табл. 38.

62. См. табл. 37.

63. См. табл. 41.

64. Берзина М.Я. Указ. соч. С. 76.

65. В состав «русской» иммиграции входят восточные славяне: русские, украинцы и белорусы.

66. Thirteenth Census of the United States. Taken in the Year 1910. Washington, 1913. P. 131; Statistical Abstract of the United States. 1921, P. 65.

67. Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986. С. 679.

68. Свежинський В.П. Аграрні відносини на західній Україні в кінці XIX – на початку XX сс. Львів, 1966. С. 114.

69. Шлепаков А.М. Українська трудова еміграція в США і Канаді (Кінець XIX – початок XX ст.). Київ, 1960. С. 51, 111.

70. Chmelar H. Höhepunkte der Österreichische Auswanderung. 1905–1914..., S. 22–23; International Migrations;.., pp. 461, 466–468, 483–489. Берзина М.Я. Этнический состав населения США. – В кн.: Национальные процессы в США. М., 1973, С. 42.

71. Мицюк О.З. Еміграції угро-русинів перед світовою війною. – В кн.: Науковий збірник товариства «Просвіта» в Ужгороді Річник XIII–XIV. Ужгород, 1938. С. 28–30.

72. Ботушаньский Е.М. Буковинська трудова еміграція в кінці XIX – на початку XX ст. – Історичні дослідження. Вітчизняна Історія. Київ, 1975. Вип. 1. С. 32.

73. Мицюк О. Указ соч. С. 28–30; Statistisches Handbuch der Tschechoslovakische Republik. Prag, 1920, Bd. 1, S. 27–29.

74. English K.R. Op. cit., S. 161–164.

75. International Migrations..., P. 494.

76. Берзина М.Я. Формирование этнического состава... С. 162–163.

77. Там же. С. 70, 76.

78. Там же. С. 164–165.

79. English K.R. Op. cit., S. 106, Chmelar H. Op. cit., S. 24.

80. Берзина М.Я. Формирование этнического состава... С. 76.

81. English K.R. Op. cit., S. 106; Chmelar H. Op. cit., S. 24.

82. Берзина М.Я. Формирование этнического состава... С. 76.

83. Там же. С. 70.

84. International Migrations..., P. 469.

85. Pflügl R. Die überseeische Österreichische Wanderung in den Jahren 1902–1909 – in; Statistische Monatsschrift. Neue Folge. Jg. 10, S. 355–357; Jg. 11, S. 578–579; Jg. 14, S. 308–313; Jg. 16, S. 365–366.

86. Тудоряну Н.Л. Указ. соч. С. 182–183.

87. International Migrations..., P. 497, 498; Тудоряну Н.Л. Указ. соч. С. 181.

88. Theilhaber G.A. Der Untergang der deutschen Juden. Munchen, 1911, S. 81.

89. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк. М., 1985. С. 133, 155, 156.

90. Wakar W. Roswoj terytorialny..., S. 8.

91. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв..., С. 96–156.

92. Всесоюзная перепись населения. 1937 г. ... С. 94.

93. Всесоюзная перепись населени 1939 г. ... С. 60–61.

94. Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начала XX века. Статистический анализ. Л., 1984. С. 102–103.

VI. РУССКИЙ ЭТНОС В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917–1989 гг.)

В советский период удельный вес русского этноса увеличивается вплоть до 60-х годов XX в. (в СССР в 1917 г. — 44,3%, 1926 г. — 46,9%, 1939 г. — 52,5%, 1959 г. — 54,7% всего населения), а затем начинает быстро падать (1979 г. — 52,4%, 1989 г. — 50,8%). Отмечается снижение уровня естественного прироста, в первую очередь у русских, прекращаются ассимиляционные процессы, русские беженцы покидают обжитые места, где они нередко являлись преобладающим этносом, и устремляются из новообразованных государств СНГ в Россию. Быстро сокращается русская этническая территория, так как в ходе «развода» стран СНГ русский этнос потерял многие земли, где он численно доминировал, только потому, что в условиях господства компартии, она передала многие чисто русские этнические территории в состав формирующихся в 20–30-е годы новых государственных образований. Результаты плебисцита 1991 г. о сохранении СССР были преданы забвению, а интересы населения бывшего СССР не были приняты во внимание. Развал СССР, если он был так необходим, все же требовал проведения референдума, в ходе которого можно было уточнить политические границы новых государств и привести их в соответствие с существующими этническими рубежами в зависимости от волеизлияния простого народа. Это сразу же погасило бы многие из пылающих ныне межэтнических конфликтов и привело бы в соответствие этнические и политические границы русского этноса, исправило невольные или сознательные ошибки правящего до этого в СССР режима. Как ни парадоксально, но в этом отношении ставшие во главе новых независимых государств руководители полностью остались в плену старых сталинских концепций. О правах личности, да и целых народов никто больше не упоминал и не упоминает.

Поэтому целью настоящей последней главы нашего исследования является, во-первых, установление тех причин, которые привели к падению удельного веса русских с 60-х годов и их абсолютному угасанию с 90-х годов (изучение естественного прироста, миграционных и ассимиляционных процессов в СССР в 20 — конце 80-х годов XX в.). Во-вторых, мы постараемся показать, какие русские этнические территории попали в состав иных политических образований. И, наконец, в-третьих, мы покажем, какой должна была бы стать этническая и государственная территория России, если бы воля населения позволила привести в соответствие этнические и политические границы. Отметим сразу, что к русской этнической территории мы относим земли, где русский этнос составляет абсолютное большинство, по крайней мере в последние 30 лет. Это означает, что территории, утраченные им в XVIII или XIX вв. (Новороссия) не могут считаться русскими. Это обусловлено тем, что в России и СССР не существует понятия «исторической провинции», принадлежащей тому или иному этносу.

В Европе ситуация совершенно иная. Там Судетская область, заселенная немцами еще в XII в., считается чешской, потому что она входила в состав

Богемского королевства. Там Эльзас и Лотарингия принадлежат Франции как самостоятельные исторические провинции, хотя они и населены немцами. Там область Валле-д'Аоста считается итальянской, потому что она всегда входила в состав Генуэзского княжества, а затем — Италии, хотя здесь всегда проживали французы. У нас предпочтение отдается все же этническому признаку. Так, Слободская Украина или Новороссия вошли в состав Украины, поскольку украинцы здесь численно преобладают, хотя в первую украинцы были допущены только в 30-е годы XVII в., а вторая была в основном отвоевана у турок в результате ряда войн, но затем заселена преимущественно украинцами. Однако этот признак, в общем наиболее предпочтительный, хотя и небесспорный, принимается во внимание далеко не всегда, особенно если это касается русского этноса (проблема Крыма, части Донбасса, северного Казахстана, Нарвской области и части Латгалии).

Как бы ни считали наши руководители, какие бы решения они ни принимали (а решения, принятые в Беловежской Пуще, мы считаем глубоко ошибочными), историю формирования русской этнической территории и движения русского этноса они знать должны. Только тогда станет ясно, насколько мудрыми и исторически обоснованными были их последние решения о сохранении политических границ преимущественно 20-х годов, не имеющих ничего общего с этническими рубежами.

1. Естественный прирост в России и СССР в 20–80-е годы XX в.

В конце 1917 г. старая система регистрации движения населения местным духовенством была упразднена. 18 декабря 1917 г. был утвержден Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния. Статья 14 этого декрета запрещала духовенству заниматься составлением метрических книг[1], хотя, судя по сохранившимся материалам, в ряде губерний духовенство еще и в 1918 г. занималось сбором и обработкой материалов о воспроизводстве населения (в Архангельской, Нижегородской губерниях).

Таблицы 51–53 демонстрируют естественный прирост населения на территории России СССР и в отдельных его регионах в 20–80-е годы XX в.

Мы видим, что по крайней мере с 1923 года естественный прирост населения в целом по СССР был значительно выше, чем в России. Лишь в отдельные годы он был ниже во всем Союзе. При этом в 20–50-е годы особых различий в уровне воспроизводства еще не наблюдалось. Табл. 52 показывает, что в 1926 г. среднегодовой естественный прирост в СССР составил 23,7‰, а в России — 23,2‰, в 1940 г. соответственно 13,2 и 12,4‰, в 1950 г. — 16,8 и 17,0‰, в 1960 г. — 15,8 и 17,8‰. В то же время в ряде республик бывшего СССР он уже в 20-е годы был гораздо выше. В Узбекистане в 1926 г. естественный прирост был понижен (16,6%), но, по крайней мере, с начала 40-х годов он был высок и быстро повышался (1940 г. — 20,4‰, 1950 г. — 22,1‰, 1960 г. — 33,8‰). Еще более высоким он оказался в Туркмении, Армении, Азербайджане. В Таджикистане он в 40–60-е годы был самым высоким в стране (1940 г. — 41,2‰, 1950 г. — 32,1‰, 1960 г. — 40,1‰). Минималь-

ным естественный прирост в 20–50-е годы был в Эстонии, Латвии, Литве и Молдавии. Ниже, чем в России, естественный прирост был также на Украине, а в Белоруссии — немного превосходил показатели России. Таким образом, уже в 20-е годы среднегодовой естественный прирост населения в республиках Средней Азии, в Казахстане и Закавказье превосходил средний по СССР и России.

В 60-е годы он достиг своего максимума, опережая очень существенно средний по стране (17,8‰ в СССР, 15,8‰ — в России и более 30‰ — в Средней Азии, Казахстане и Закавказье (кроме Грузии). В 70–80-е годы отмечается некоторое снижение естественного прироста в республиках Средней Азии, Закавказья, Казахстана, однако оно было сравнительно небольшим (за исключением Казахстана, Грузии, Армении и Таджикистана). В России и других республиках Европейской части СССР уровень естественного прироста понизился намного больше. При этом в Эстонии, Латвии, Литве, на Украине и в Белоруссии показатели естественного прироста оказались более низкими, чем в России, за счет более высокого прироста на национальных окраинах. В собственно русских регионах (Северо-Западном, Центрально-Промышленном, Центрально-Черноземном) естественный приост уже к 70-м годам был незначительным (см. табл. 53).

В то время как в Европейской России и в Сибири уже завершился переход к современному типу демографического поведения, характеризующемуся малодетной семьей, пониженной рождаемостью и невысокой смертностью, в Средней Азии процесс этот еще только начался. Следует отметить, что переход к современному типу демографического поведения начал намечаться в России и Европе во второй половине XIX —начале XX вв. В целом, до 1914 г. в Европе почти повсеместно повышается естественный прирост в основном за счет снижения показателей смертности. Резкое снижение естественного прироста отмечалось лишь во Франции (с 2,3‰ в 1851–1860 гг. до 1,2‰ в 1901–1910 гг.). Здесь новый тип демографического поведения утвердился уже в первой половине XIX в.

В России во второй половине XIX — начале XX вв. и рождаемость и смертность были самыми высокими в Европе. При этом до начала XX в. рождаемость здесь понижалась очень слабо (1851–1860 гг. — 52,4‰, 1881–1990 гг. — 50,4‰) и лишь в начале XX в. она, наконец, снизилась заметно (1901–1910 гг. — 46,8‰). Смертность же здесь уменьшилась существеннно (1851–1860 гг. — 39,4‰, 1881–190 гг. — 35,5‰, 1901–1910 гг. — 30,3‰). Иными словами, и в России в начале XX в. наметились тенденции перехода к новому современному типу воспроизводства населения.

В 1911–1916 гг. в основном за счет военных 1915 и 1916 гг. естественный прирост в России понизился до 14,0‰. В 1914 г. он составил 2,8 млн. чел., в 1915 г. — 1,7 млн., в 1916 г. — только 1 млн. чел. Однако, несмотря на войну, коэффициент естественного прироста 1911–1916 гг. оставался довольно высоким и соответствовал, в частности, показателям 70-х годов XIX в.

В целом же в 1911–1920 гг. естественный прирост жителей в Европе составил всего 3,5‰, а в Российской империи — 3,0‰. Это было обусловлено ис-

ключительно высокой естественнной убылью населения в нашей стране в 1917–1920 гг., равнявшейся почти 6 млн. чел.[2]. В 1917 г. коэффициент естественного прироста по весьма примерным расчетам составлял в России отрицательную величину — 2,8‰, в 1918 г.- 9,5‰, в 1919 г. — 15,0‰ и в 1920г. — 11,1‰[3].

В 1911–1920 гг. самый низкий в Европе среднегодовой естественный прирост был зафиксирован во Франции (среднегодовая убыль — 7,0‰). В Австрии он был нулевым, в России и Бельгии — уже достигал положительной величины (3,0‰), в Германии — 4,0‰, в Венгрии — 4,6‰. Самым высоким естественный прирост был в нейтральных государствах Европы: Швеции (7,7‰), Дании (11,9‰), Норвегии (11,6‰), Нидерландах (14,0‰), Швейцарии (6,4‰), Испании (9,6‰), Португалии (8,8‰), Греции (13,5‰).

В 20-е годы XX в. в Европе отмечается повсеместное повышение естественного прироста (с 3,5‰ в 1911–1920 гг. до 11,7‰ в 1921–1930 гг.). В большинстве стран, воевавших в первой мировой войне, естественный прирост населения в послевоенные годы резко повысился, хотя и не достиг уровня 1901–1910 гг. Особенно высоким он оказался в Болгарии (17,0‰), Польше (14,8‰) и Нидерландах (14,5‰). Отмечается повсеместное снижение смертности и еще больше —рождаемости.

В СССР естественный прирост населения оказался самым высоким за всю историю страны с начала XVIII в. и достиг 20‰. Он почти вдвое превзошел уровень всей Европы в целом (11,7‰). Притом в 1921–1922 гг. естественный прирост еще оставался отрицательным. Однако с 1923 г. отмечается резкое повышение естественного прироста и в России, и в СССР. Особенно высоким коэффициент естественного прироста оказался в 1926 г. (23,2‰ в России и 23,7‰ — в СССР), 1927 г.(соответственно 22,4‰ и 21,9‰) и 1928 г. (18,8‰ и 24,8‰). В 1929 г. отмечается его снижение. В 1931 г. население СССР увеличилось на 2,1 млн. чел., в 1932 г. — на 1,6 млн., в 1933 г. — оно уменьшилось за счет превышения смертности — на 1,6 млн. чел., в 1933 г. прирост составил 0,8 млн. чел.[4].

Рассматривая воспроизводство населения в России, СССР и Европе в годы Первой Мировой и гражданской войн, нельзя не отметить, что до 1918 г. демографическая ситуация была более благоприятной именно в России по сравнению с большинством воевавших государств Европы. В 1914–1916 гг. в России коэффициент естественного прироста, хотя и понизился, но не перешел в естественную убыль населения (главным образом, за счет демографической ситуации в окраинных регионах страны).

В большинстве стран Европы он уже в 1915 г.был отрицательным и оставался таким до 1919 г. Например, в Германии в 1915 г. естественная убыль равнялась 1,0‰, в 1916 г. — 4,0‰, в 1917 г. — 6,6‰, в 1918 г. — 10,4‰; во Франции в 1915 г. — 14,9‰, в 1916 г. — 14,9‰, в 1917 г. —11,4‰, в 1918 г. — 16,8‰.

С 1919 г., когда военные действия закончились, естественный прирост населения повысился и составлял теперь почти во всех европейских странах положительную величину. В Германии он равнялся в 1919 г. — 4,7‰, в Бель-

гии — 1,2‰, в Венгрии —7,8‰, в то время как во Франции и Австрии еще отмечалась естественная убыль жителей (соответственно — 6,7 и 2,4‰). С 1920 г. воспроизводство населения уже повсеместно в Европе измеряется положительными величинами.

В СССР, напротив, естественный прирост жителей сменился их естественной убылью с конца 1917 г., а самыми драматическими для демографических процессов оказались уже 1919–1922 годы. Резкое улучшение демографической ситуации произошло лишь в 1923 г. Именно это позволило французскому демографу графу Ф.Лоримеру придти к выводу о том, что «в 1915–1923 гг. русский народ испытал наиболее катастрофические изменения со времен монгольского нашествия в начале 13 века»[5].

Как уже отмечалось (см. табл. 52) в 20–30-е годы на восточных окраинах страны среднегодовой коэффициент естественного прироста был самым высоким. Выше среднего он был и в Белоруссии. В то же время очень низкий прирост был зафиксирован в республиках Прибалтики: в Эстонии в 1919–1920 гг. — 3,1‰, в 1921–1925 гг. — 4,1‰, в 1926–1930 гг. — 1,1‰, в 1931–1935 гг. — 1,9‰, в 1936–1940 гг. — 1,1‰. В Литве — соответственно 1,1‰, 12,7‰, 12,3‰, 10,9‰, 9,8‰; в Латвии в 1919–1920 гг. отмечалась естественная убыль населения — 2,6‰, а затем прирост стал положительным: в 1921–1925 гг. — 7,8‰, в 1926–1930 гг. — 5,9‰, в 1931–1935 гг. — 4,4‰ и в 1936–1940 гг. — 4,1‰. Здесь уже до 1917 г. полным ходом шел переход к новому типу воспроизводства населения. Теперь он завершился. Что касается европейской части СССР в целом и России в частности, то здесь небычайно высокий подъем уровня воспроизводства (в границах до 1939 г.) был обусловлен именно резкой убылью числа жителей в 1917–1922 гг. С 1924 г. на данной территории отмечалась исключительно высокая рождаемость (превосходила до 30-х годов 40‰, тогда как в Европе в целом она в 20-е годы не достигла и 30‰). Тем не менее рождаемость даже в эти годы уже не достигала уровня XVIII–XIX вв. (тогда она составляла в среднем 50‰ в 40-е годы XVIII в. — 54‰, с 1810 по 1900 гг. — около 52‰). Резкое и быстрое по времени сокращение показателей рождаемости в результате ее и регулирования (главным образом за счет огромного числа абортов) происходит в 30-е годы и распространяется, в первую очередь, на Украину, Белоруссию и значительную часть России.

Значительно снизилась и смертность. В 20-е годы (с 1923 г.) она уже лишь немногим превосходит 20‰ (лишь в 1925 г. почти достигла 30‰). В то же время в 30–40-е годы XVIII в. она превышала 40‰. С 70-х годов XVIII в. равнялась примерно 35‰, а с 90-х годов XIX в. — 30‰.

Однако по сравнению с другими государствами Европы смертность в нашей стране оставалась еще очень высокой. В Европе в 20-е годы среднегодовой коэффициент смертности населения не превышал 16‰. На уровне, близком к показателям смертности в России и СССР, стояли тогда Румыния (22,8‰), Испания (19,7‰), Португалия (19,5‰) и Польша (18,8‰).

Итак, в 20-е годы в России и СССР в целом отмечался самый высокий в Европе естественный прирост населения. В этом отношении еще сохраня-

ется тенденция XVIII — начала XX вв. Причем в этот период еще не было такого огромного разрыва в показателях воспроизводства между различными республиками СССР, хотя в азиатской части страны он был выше с начала XX в. По сравнению со 2-й половиной XIX —началом XX вв. в нашей стране понизились и рождаемость и смертность, хотя абсолютные их показатели остались весьма высокими.

На восточных окраинах отмечался быстрый рост рождаемости при некотором снижении смертности. Переход к новому типу воспроизводства населения по существу завершился в Прибалтике и развернулся на значительной части европейской террритории СССР. В целом же уже в 20-е годы намечается тенденция к снижению доли населения европейской части СССР и, в первую очередь, русских за счет более низкого уровня естественного прироста в этих регионах. И лишь интенсивные ассимиляционные процессы не позволили понизить удельный вес русских в общем населении России и СССР.

В 30-е годы в условиях индустриализации и коллективизации, когда усилились процессы, деформирующие семейные отношения, этот процесс ускорился. Именно в эти годы происходит дальнейшее падение уровня рождаемости и смертности. В европейской части СССР завершается переход к новому типу демографического поведения с невысокой рождаемостью, смертностью и малодетной семьей. В 1932 и 1934 гг. естественный прирост в СССР был очень низким (1,6 млн. чел. и 0,8 млн. чел.), а в 1933 г. отмечается абсолютная убыль (1,6 млн. чел.). однако и теперь на значительной части азиатской территории СССР наблюдаются противоположные процессы (особенно в Туркмении, Таджикистане, Киргизии, Узбекистане).

Коллективизация, расправа с кулачеством, массовые ссылки крестьянства на Север и в Азиатскую часть России и СССР, где среди спецпереселенцев отмечалась низкая ржаемость и исключительно высокая смертность, также способствовали снижению показателей воспроизводства населения. Ведь по имеющимся данным в 1937 г. число спецпоселенцев (с охраной) достигало 2,4 млн. чел., а в 1939 г. — 3,7 млн. чел.[6].

В послевоенные годы в СССР и России отмечается последовательно нарастающее снижение естественного прироста, а Россия в этом отношении устойчиво обгоняет всю страну. В 1951–1960 гг. естественный прирост в СССР составил 17,5‰, а в России — 12,8‰, в 1961–1970 гг. соответственно 11,7‰ и 9,2‰, в 1971–1980 гг. — 8,8‰ и 5,4‰ и лишь в 1981–1987 гг. отмечается некоторый подъем: 9,5‰ и 6,0‰. При этом подъем отмечается в годы перестройки. В 1981–1985 гг. он остался на уровне 70-х годов, а в 1986–1987 гг. отмечается подъем до 10,1‰. Эта «горбачевская петля» была обусловлена решениями тогдашнего правительства об организации помощи детям и матерям[7].

Характерно, что в послевоенные 50–80-е годы в СССР и России отмечается резкое снижение уровня родаемости (в 20-е годы более 40‰, 30-е — около 37–38‰, 50-е — около 25‰, 60–80-е — менее 20‰) и еще более быстрое падение уровня смертности (20-е годы — более 20‰, 30-е — около 20‰, 50–80-е — менее 10‰).

Переход к новому типу воспроизводства населения в странах Западной Европы в условиях высокого жизненного уровня и высокой плотности населения вполне объясним. Иное дело — в СССР и особенно России, где плотность населения относительно низка и имеется достаточно земельных площадей для заселения. В отличие от остальной Европы переход к новому типу воспроизводства был обусловлен у нас совершенно иными обстоятельствами: резким понижением качества жизни, утратой традиционных нравственных критериев, понижением ценности человеческой жизни вообще. Снижение показателей воспроизводства в основном было обусловлено угрожающим ростом бедности. Получилось, что в разных частях Европы различные в сущности факторы привели к сходным конечным результатам.

В России в ее нынешних границах в 20-е годы естественный прирост приближался к 20‰ — самому высокому показателю за весь XVIII–XX вв. В 70 — середине 80-х годов он приблизился к 6‰, значительно уступая средним по всему Союзу цифрам. Лишь на Украине, в Белоруссии и республиках Прибалтики демографическая ситуация оказалась еще более неблагоприятной.

Всплеск 1986–1987 гг. оказался вялым и непродолжительным. Тем не менее табл. 53 показывает, что демографическая ситуация улучшилась в коренных великороссийских регионах: Северном, Северо-Западном, Центрально-Промышленном, Центрально-Земледельческом и др. Однако в целом и в эти годы естественный прирост в России составил 6,7‰, а в СССР — 10,1‰. Это не могло не привести к снижению доли русского этнического компонента в общем населениии СССР и России. Снижался и удельный вес украинцев, белорусов, литовцев, латышей и эстонцев.

Однако затем в конце 80-х — начале 90-х годов в России происходит никем не предусмотренное, не запланированное обвальное падение показателей рождаемости и быстрый рост общего коэффициента смертности (см. табл. 51). Процесс этот прослеживается и по всему СССР (в 1988–1990 гг., за которые еще имеются небходимые данные), но не в такой мере. Уровень рождаемости упал в России в 1988–1992 гг. с 16,0‰ до 11,2‰, а смертности — повысился с 10,7 до 12,5‰. В 1993 г. смертность составила уже 20,0‰, что отбросило Россию на уровень 20-х годов XX в. Даже в 30-е годы, кроме отдельных неблагоприятных лет, показатель смертности оказался более низким. В результате в 1991 г. естественный прирост оказался незначительным — 0,7‰, а в 1992 г., когда смертность превысила рождаемость почти на 500 тыс. чел., он оказался отрицательным — 1,3‰. 1993 г. оказался еще более угрожающим. Естественная убыль составила 737 тыс. чел., баланс миграции дал положительную величину — 234 тыс. чел. «вынужденных мигрантов», а все население России с 1 января 1993 г. по 1 января 1994 г. сократилось с 148,9 до 148,4 млн. чел. Предсказанная Б.Хоревым в 1992 г. демографическая катастрофа разразилась.

Естественная убыль населения в России отмечается с ноября 1991 г. Тогда число умерших (впервые после войны) превысило число родившихся на 4 тыс. чел., в декабре — на 12 тыс. и т.д. Особенно обострилась демографическая проблема в великороссийском Центрально-Промышленном регионе, где

уже с 1990 г. отмечается естественная убыль. В сельской местности Нечерноземья естественный прирост уже с 1988 г. стал отрицательным[8]. Однако наибольшая естественная убыль населения отмечается в Москве. Здесь уже в 1989 г. впервые в послевоенные годы отмечается превышение смертности над рождаемостью, что было характерно для дореформенной Москвы. В 1991 г. естественная убыль достигла 27 тыс. чел., в 1992 — 51,6 тыс., в 1993 г. — 76,6 тыс. в январе 1994г. — 8,2 тыс.[9]. В 1993 г. в Москве естественная убыль достигла 10,4% общероссийской убыли, хотя в городе проживало около 6% населения России. Это показывает, что в Москве уровень естественной убыли значительно превышает общероссийский и наша столица по этому показателю стоит на первом месте в стране.

Видимо, начавшийся кризис растянется на все 90-е годы. Необходимы срочные меры, направленные на улучшение демографических показателй (стабильные цены, карточная система на основные продукты питания и товары первой необходимости, как в свое время это было сделано в Японии, как делается в Египте и т.д.)[10]. Однако нет никаких признаков возврата нашего демократического правительства хотя бы к законам 80-х годов по охране прав детей и помощи в их содержании и воспитании. В условиях, когда хлеб превратился в предмет роскоши, не приходится надеяться на какие-либо изменения в России в сложившейся демографической ситуации.

Никогда в истории России с 30-х годов XVIII в. не отмечалось случаев, когда в мирное время, в условиях отсутствия массового голода или эпидемий в течение нескольких лет отмечалось превышение смертности над рождаемостью. Причем нет никаких признаков преодоления этой негативной тенденции в ближайшем будущем. Напротив, все указывает на то, что она будет углубляться и расширяться. А поскольку демографическая катастрофа затронула в первую очередь центральные великороссийские регионы, происходит быстрое сокращение численности и удельного веса русского этноса в общем населении страны. Ничего подобного еще не было в истории нашей Родины. И при этом такое архиважное явление в истории России остается почти незамеченным. Ни государственные мужи, ни ученые специалисты не спешат ознакомить нашу общественность со сложившейся ситуацией. А ведь именно теперь вместо «возрождения великой России» происходит быстрое угасание великорусского этноса. То, что не смогли сделать режимы 20–80-х годов, успешно осуществляет наше демократическое правительство, причем ему невозможно уже переложить ответственность за происходящее на своих предшественников.

2. Миграционные процессы в СССР и эмиграция из СССР в 20–80-е годы

Введение, источники, постановка проблемы

Октябрьская революция радикально и надолго изменила характер миграционных процессов в стране. Во-первых, с территории, вошедшей в состав СССР в 20-е годы, практически прекратилась заокеанская эмиграция, а также сезонные перемещения жителей в соседние государства Европы. Во-вторых, в

1918–1922 гг. огромного размаха достигла политическая эмиграция различных категорий населения, не согласных с установлением советской власти, а также репатриация лиц, вынужденных в годы войны эвакуироваться во внутренние регионы страны. В-третьих, полным ходом продолжалась эмиграция (как сезонная, так и межконтинентальная) с тех территорий СССР, которые в 20–30-е годы не входили в его состав (Литва, Латвия, Западная Украина и Белоруссия). В-четвертых, продолжалась (особенно до 70-х годов) и притом весьма интенсивно миграция населения в восточные азиатские регионы СССР с их последующим хозяйственным освоением (Сибирь, Казахстан, Дальний Восток). В-пятых, в 30-е годы (и до середины 50-х) особый размах приобретает весьма специфическая, но исключительно действенная форма миграции — перемещение огромных масс спецпереселенцев (с их охраной) в северные и восточные регионы страны. Только с их помощью были освоены огромные территории, где фактически отсутствовало устойчивое земледелие и куда добровольная миграция в те годы вряд ли могла широко развернуться. Наконец, в-шестых, в основном с 70-х годов набирает силу эмиграция за рубеж, в первую очередь, представителей этносов, имеющих за рубежом свои государственные образования (евреев, немцев, греков), а также армян.

Историография проблемы довольно обширна. Уже в 20-е годы было опубликовано немало работ о «белой эмиграции», о беженцах в годы первой мировой войны, об эмиграции из западных регионов, не входивших до конца 30-х годов в состав СССР. Еще больше трудов было опубликовано по данной проблеме в 60–80-е годы.

Интересно исследование о движении населения в границах СССР за годы первой мировой войны и первых послереволюционных лет Л.И.Лубны-Герцыка. Он анализирует данные о численности и размещении беженцев из западных, охваченных войной регионов России, по состоянию на 20 декабря 1915 и 29 мая 1916 г.[11] В.Ц.Урланис проанализировал потери России в годы первой мировой войны.[12] Исключительную научную ценность представляют труды известных демографов А. и Е.Кулишеров[13]. Они на основе кропотливого исследования скупых и нередко противоречивых источников определили общие размеры и направления движения «белой» эмиграции, а также последующих переселений как внутри СССР, так и за его пределами (в конце 1930-х годов, в 40-е годы — так называемых перемещенных лиц). По нашему мнению именно эти авторы привели самую полную сводку о числе российских беженцев в Европе в начале 20-х годов (1,5–2 млн. чел.), о размерах внутренних миграций в СССР в 20-е годы, а также расчет численности перемещенных лиц в странах Америки в 40-е годы.

Бесспорный интерес представляет труд французского демографа Ф.Лоримера, где автор определяет (опираясь на работы Кулишеров) демографические изменения в России в 1914–1922 гг. и приходит к выводу о том, что в этот период русский народ испытал самые катастрофические потери населения со времен монгольского нашествия в начале XIII в.[14].

Особенно обширна литература о численности и составе лиц, покинувших Россию в годы революции и гражданской войны. Здесь следует отметить рабо-

ты ряда зарубежных авторов[15] (кроме рассмотренных трудов Кулишеров) и исследования советских историков[16].

Однако наибольшую значимость представляет обстоятельное исследование Ю.А.Полякова, в котором на основе проведенного источниковедческого анализа сохранившей литературы рассматриваются последние данные о размерах белой эмиграции в годы революции и граданской войны, о беженцах и их репатриации, о военных потерях и т.д. Автор оценивает масштабы белой эмиграции в 1,5–2 млн. чел., правильно полагая, что вопрос этот «...в силу его специфики не может быть полностью решен на базе источников, находящихся в СССР»[17].

Нельзя не остановиться в заключение на фундаментальном труде проживающего в США русского ученого С.Максудова[18], в котором он анализирует демографическую ситуацию в СССР в 20–50-е годы и особенно детально рассматривает потери населения. Автор был вынужден опираться исключительно на опубликованную литературу[19] и источники. Тем не менее, его выводы «о естественном приросте в СССР в 1913–1958 гг., о военных потерях, миграции» следует признать достаточно обоснованными.

* * *

Источники о механическом движении населения в СССР все еще недостаточно введены в научный оборот и хранятся главным образом в Российском государственном архиве Октябрьской революции (фонды Центрального статистического управления СССР — № 1562, и РСФСР — № 2449). За 60–80-е годы они опубликованы в специальном издании Государственного комитета СССР по статистике[20]. Особый интерес представляют для нас источники о механическом движении на западных территориях, вошедших в состав СССР в 1939–1940 г. Они широко известны за рубежом, но практически не использованы в отечественной историографии. Остановимся на их характеристике подробнее.

В Польше с начала 20-х годов был организован учет населения и определены его потери в результате миграций отдельно по бывшему Царству Польскому, Виленскому округу, другим частям Западной Белоруссии; части бывшей Волынской губернии, отошедшей к Польше, и Галиции, принадлежавшей до 1918 г. Австро-Венгрии. В специальных изданиях указывалось число лиц, выбывших после 1914 г. и не вернувшихся на родину до конца 1923 г. В Царстве Польском оно составило, согласно этим расчетам, 1322 тыс. чел., в Галиции — 338 тыс., на остальной Западной Украине, в Белоруссии и на Виленщине — 664 тыс. чел.[21].

В статистических журналах за 1921–1939 гг. приводятся ценные данные о масштабах сезонной и заокеанской эмиграции и иммиграции, о репатриации населения в Польшу в 1918–1924 гг., о количестве прибывших в Польшу из России эмигрантов в 1918–1922 гг. (4,1 млн. чел., в том числе 589 тыс. русских), о национальном и конфессиональном составе переселенцев по воеводствам (выделены интересующие нас Виленское, Новогрудское, Полесское,

Волынское, Львовское, Станиславское и Тарнопольское воеводства), что дает возможность определить размеры эмиграции с территории Западной Украины, Западной Белоруссии и Виленщины[22].

За 1918–1931 гг. эти источники детально обработаны в исследовании польского демографа А.Царихты[23]. Много интересных, хотя и кратких, данных об эмиграционных и иммиграционных процессах в Европе сообщает другой польский ученый А.Марианьский[24]. Особую ценность для нашей работы у него имеют сведения об обмене населением между Польшей, Чехословакией и СССР в 1945–1946 гг., а в 50-е годы — о числе «перемещенных лиц» (русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей и эстонцев), выехавших за океан в конце 40-х годов.

По Латвии сведения о сильном движении населения из России и СССР в Латвию в 1919–1924 гг. приводятся в специальном исследовании американских ученых, посвященном межконтинентальной миграции (более 220 тыс. чел.)[25]. Миграционные процессы в Литве (в границах до 1939 г.) за 1918–1940 гг. подробно исследованы в работе литовского ученого А.Эйдинтаса (в 1918–1921 гг. в Россию уехало 250 тыс. чел., а вернулось 215 тыс.; в 1920–1940 гг. за океан выехало 103 тыс. чел.)[26].

Поэтому, опираясь на источники и литературу, можно определить абсолютные размеры и направления эмиграционных потоков с территории, входившей в 40–80-е годы в состав СССР. Затруднения возникают только при определении масштабов и направлений этой эмиграционной волны в 60–80-е годы, так как у нас отсутствует или не опубликована статистика по этой проблеме. Однако данные о российских мигрантах по странам прибытия позволяют в значительной мере преодолеть этот недостаток отечественной статистики.

Миграционные процессы в России в годы первой мировой и гражданской войн (1918–1922 гг.)

В предыдущей главе были рассмотрены абсолютные размеры межконтинентальной миграции в России в годы первой мировой войны (за 1914–1920 гг.). Война привела к резкому спаду эмиграционного движения. По существу это были остаточные проявления тенденции мирного времени. За океан в годы войны, как правило, уезжали лица, которые уже были в пути, попали в нейтральные страны (Скандинавию, Голландию и т.д.) и не решались вернуться обратно.

Война вызывала миграции совершенно особого, специфического характера — движение беженцев от наступающих войск неприятеля с их последующим возвращением (только частичным) в родные места. Рассмотрим характер этого движения, так как оно хронологически предшествовало «белой эмиграции», ставшей заметной с конца 1917 г.

Эвакуация населения из районов, охваченных войной, началась уже в конце 1914 г. в связи с вторжением немецких войск в Царство Польское. В 1915–1916 гг. в результате военных неудач русской армией были оставлены Курляндия, Гродненская и часть Волынской губерний, и бегство населения

оттуда приняло массовый характер. В 1917 г. после оставления части Лифляндии и всеобщего наступления немцев по всему фронту эвакуация охватила фактически всю Прибалтику, Украину и Белоруссию.

Беженцам оказывалась материальная помощь, их устраивали на работу. Специальный «комитет Великой княгини Татьяны Николаевны» занимался этим вопросом и вел учет численности и размещения беженцев в стране. По опубликованным Л.И.Лубны-Герцыком данным к началу 1915 г. было зарегистрировано 0,9 млн. беженцев, на 2 декабря 1915 г. 2,7 млн., а на 29 мая 1916 г. — 3,3 млн. Основная их масса разместилась в Центральных губерниях империи (1915 г. — 45,1%, 1916 г. — 40,6%). В прифронтовых губерниях беженцев проживало в 1915 г. — 29,9% общего их числа, а в 1916 г. — 25,9%. На юге Европейской России в 1915 г. было зарегистрировано 13,3% всех беженцев, а в 1916 г. — 12,3%. На окраинах их оказалось немного (в Сибири в 1915 и 1916 гг. — около 80 тыс., в Средней Азии — 115 тыс., в Закавказье — 160 тыс. чел.)[27]. Максимальное число беженцев расселилось в Екатеринославской (175 тыс.), Самарской (142 тыс.), Саратовской (114 тыс.), Тамбовской (125 тыс,), Минской (110 тыс.) и Харьковской (117 тыс.) губерниях[28].

На начало января 1918 г. только в центре России числилось 3,3 млн. беженцев, затем их число возросло. К 1 января 1921 г. за рубеж выбыло 3,6 млн. беженцев[29]. Однако общее число беженцев и выселенцев уже во второй половине 1917 г. достигло 7421,4 тыс.чел.[30]. К 1 января 1921 г. еще далеко не все они покинули Россию. В 1918–1922 гг. в Польшу вернулось 4,1 млн. эмигрантов-беженцев, в том числе репатриантов (беженцев, возвращающихся на прежние места жительства) оказалось около 1 млн. чел., в Латвию прибыло 130 тыс. чел., в Литву — 215 тыс. и т.д.[31]. И все же значительное число беженцев так и не возвратилось в родные места. Часть их погибла, какое-то число вернулось нелегально без регистрации и т.д. Приведенные цифры не могут считаться достаточно точными. Они лишь отражают масштабы этого массового явления и свидетельствуют о том, что хотя немало беженцев не возвратилось к родным очагам, все же эта миграционная волна (в отличие от других видов миграций) не оставила достаточно заметного следа в России. Последующие переписи с 1926 г. не зарегистрировали здесь существенного возрастания доли поляков, украинцев, белорусов или жителей Прибалтики. Таблицы 54–55 демонстрируют темпы притока в Польшу репатриантов и эмигрантов в основном из России. Мы видим, что в качестве репатриантов в Польшу прибыло почти 1,3 млн. чел. В основном это были белорусы (38,9%), поляки (38,1%), русские (9,7%) и украинцы (9,8%). В числе репатриантов поляки преобладали в 1919 г. (50,0%) и 1920 (58%) годах. С середины 1921 г. на первое место по численности репатриантов вышли белорусы, которые разместились в белорусских воеводствах. В период с октября 1921 г. по конец 1922 г. из 333,4 тыс. чел. репатриантов 31,6% поселилось в Полесском воеводстве, 27,6% — в Белостокском и 23,8% — в Новогрудском[32].

Всего же в 1919–1923 гг. в губернии бывшего Царства Польского возвратилось 368 тыс. чел., в Западную Белоруссию, Украину и Виленскую область (без земель, отошедших к Польше от Австро-Венгрии) — 711 тыс.[33].

Однако механическая убыль населения на указанных территориях значительно превосходила число официальных репатриантов. Об этом свидетельствуют данные табл. 56. Мы видим, что даже в 1914-1918 гг. в Царстве Польском отмечалось хотя и незначительное, но все же положительное значение показателя естественного прироста, а в восточных регионах будущей Польши естественная убыль оказалась умеренной.

Поэтому общее сокращение численности населения за эти годы на 3,1 млн. чел. было обусловлено преимущественно его механической убылью. Это были и эвакуация, и наборы в армию, и большой отток рабочих на заводы в Германию, достигавшие в 1916–1918 гг. ежегодно 500 тыс. чел.[34]. И все же надо признать, что в 20-е годы более 1,5 млн. чел. по разным причинам так и не возвратилось официально на свою родину на территорию Польши.

Однако данные таблицы 55 показывают, что на территорию Польши в основном из России прибыло 4,1 млн. чел. временных мигрантов, среди которых репатриантов оказалось лишь около 1 млн. чел. В Польшу хлынул огромный поток, среди которого находилось около 0,5 млн. польских возвращенцев из Германии, находящихся там на временных работах, 65 тыс. немцев (в основном австрийцев). Очень много поляков выехало из России (Новороссии, Правобережной Украины). Находилось в этом числе и около 600 тыс. русских; среди них преобладали представители «белой эмиграции», которые затем в 1921–1922 гг. во время войны с Польшей бежали дальше в Европу (Германию, Францию и т.д.).

В Литву с 1918–1921 гг. вернулось 215 тыс. беженцев, но 35 тыс., выехавших в Россию в 1914–1915 гг., так и остались в России[35]. В то же время население Литвы в 1924–1923 гг. уменьшилось на 228,8 тыс. чел. Это подтверждает данные о том, что в Литву вернулась большая часть беженцев, общее число которых оказалось не очень значительным. Естественный прирост населения Литвы в годы войны, хотя и был отрицательным, но в абсолютных цифрах не очень большим. В 1915 г. в Виленской и Ковенской губерниях естественный прирост еще был положительным (соответственно 46,3 и 35,8 тыс. чел.). В 1916 г. он сменился убылью. Отмечалась она и в 1919 г., хотя и была небольшой. А в 1918–1919 гг. здесь родилось 74 тыс. чел., а умерло 99 тыс., в 1920 г. — соответственно 43,3 и 41,2 тыс. чел.[36].

Иная ситуацтия сложилась в Латвии. В 1914–1924 гг. сюда из России прибыло 220,5 тыс. чел. (обратно вернулось только 10 тыс.)[37]. В то же время население Латвии в 1914–1925 гг. уменьшилось на 530 тыс. чел. (с 2375 до 1845 тыс. чел.). Естественная убыль жителей наблюдалась здесь в 1915–1920 гг., но также не была большой (в 1915 г. убыль на 3,1 тыс. чел., в 1916 г. — на 6,0 тыс., 1920 г. — на 4,5 тыс. чел.). В 1915–1924 гг. в целом естественный прирост здесь был положительным (в 1921–1924 гг. — 53,2 тыс. чел.). Это значит, что по разным причинам около 300 тыс. жителей Латвии так и не вернулось на родину.

В Эстонии в 1914–1922 гг. численность населения уменьшилась на 127,6 тыс.чел. В 1915–1916 гг. рождаемость составила здесь 19,3‰, а смертность — 25,1‰ (в 1915 г. рождаемость превысила смертность на 1,5 тыс. чел., в 1916 г. — на 0,7 тыс., в 1919 г. — на 10 тыс., в 1920 г. — на 7 тыс.). В целом же за годы войны больше умерло, чем родилось, не более чем на 25 тыс. чел.[38]. Уезжали из Эстонии в основном русские. Невосполненный отток жителей отсюда, видимо, достигал 100 тыс. чел. Так, только в Таллине в 1917 г. русских было 40 тыс. чел. (25,6% всего населения), а в 1918 г. только 5,2 тыс. (4,9%)[39].

Итак, в целом в Польшу, Литву, Латвию и Эстонию в 1918–1924 гг. возвратилось около 2 млн. репатриантов, а общий отток населения из СССР составил не менее 5 млн. чел., в том числе около 700 тыс. русских, из которых большая часть вскоре ушла дальше в другие государства Европы.

Следует также учесть взаимный обмен военнопленными с Германией и Австро-Венгрией. Уже к 1 января 1918 г. оттуда в Россию возвратилось 3171,1 тыс. чел. русских пленных (из общего числа 3409,0 тыс. чел.) или 93% их общего числа. В другую же сторону из России к 1921 г. (в связи с договоренностью об отсрочке срока возвращения) выбыло 1409,6 тыс. чел. (из общего числа — 2260,0 тыс. чел.)[40].

До сих пор остается невыясненным до конца вопрос о размерах так называемой «белой эмиграции». Как справедливо отмечал Ю.А.Поляков, этот вопрос вряд ли может быть решен на базе источников, имеющихся в распоряжении исследователей в СССР. К тому же часть белых эмигрантов попадала в состав репатриантов, а некоторые таковыми и являлись. Тем не менее, большинство авторов пришло к выводу, что абсолютное число русских белых эмигрантов, в 1918–1922 гг. покинувших Россию, составило примерно 1,5–2 млн. чел.[41].

В августе 1921 г. по данным Лиги Наций в Польше российских эмигрантов насчитывалось 650 тыс. чел., в Германии — 300 тыс., во Франции — 250 тыс., в Югославии — 50 тыс., в Греции — 31 тыс., в Болгарии — 30 тыс., в Румынии — 100 тыс., в Финляндии — 19 тыс., в Турции — 11 тыс., в Египте —3 тыс. В это число входит 100 тыс. немецких колонистов, 65 тыс. латышей, 55 тыс. греков, 12 тыс. карел и т.д.[42].

Попытка учесть белых эмигрантов по статистике стран прибытия показала, что в Польше их оказалось к 1923 г. — 588,7 тыс. чел. (см. табл. 55). Почти все они прибыли туда в 1918 г. (321,3 тыс. чел.) и 1919 г. (234,5 тыс. чел.). Однако перепись 1931 г. учла в Польше только 140 тыс. русских (с репатриантами), намного меньше, чем было их здесь в 1897 г. (почти 270 тыс. чел.). В 1931 г. русские концентрировались преимущественно в Виленском (45,4 тыс. чел.), Белостокском (35,1 тыс.) и Волынском (23,4 тыс.) воеводствах.

Отмечался и обратный поток российских беженцев. В 1922 г. число казаков-возвращенцев составило 122 тыс. чел. К 1938 г. вернулось почти 200 тыс. чел.[43].

Тем не менее большая часть политических эмигрантов 1918–1924 гг. навсегда осталась на чужбине.

Миграционные процессы в 20–30-х годах на западных территориях, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг.

Хотя трудовая эмиграция из нашей страны фактически прекратилась в 20-е годы, она осталась весьма значительной с тех территорий бывшей Российской империи, которые вышли из ее состава (Польша, Финляндия, Литва, Эстония). В целом в 1921–1939 гг. эти территории выбросили за океан почти 750 тыс. чел.(в том числе в США — 518,5 тыс. или 69,1%). В 1921–1930 гг. отсюда выбыло 561,5 тыс. чел. (в США — 442 тыс. чел.)[44]. В основном эмиграция шла с территории Польши и Литвы. В 20–30-е годы много эмигрантов вернулось обратно в эти страны.

Из Литвы в 1920 — мае 1940 гг. по не совсем полным данным эмигрировало 102,5 тыс. чел. Из этого числа 30,9 тыс. (30,1%) выехали в США; 16,7 тыс. (16,3%) — в Аргентину; 24,9 тыс. (24,4%) — в Бразилию; 7,9 тыс. (7,8%) — в Канаду; 4,4 тыс. (4,3%) — в Уругвай; 7,2 тыс. (7,0%) — в Южно-Африканский Союз; 5 тыс. (4,9%) — в Палестину и 5,3 тыс. (5,1%) — в другие государства. По сведениям 1928–1939 гг., почти 59% от общего числа эмигрантов составили литовцы; 34% — евреи, 3,2% — русские; 1,3% —немцы, 0,5% — поляки и т.д.[45].

В Польше в начале 20-х годов сальдо миграций было положительным, так как туда шел мощный приток репатриантов-беженцев (в 1919–1923 гг. он составил в бывшем Царстве Польском — 368 тыс. чел., в Западной Украине, Западной Белоруссии и Виленском воеводстве — 711 тыс. чел., и в бывшей австрийской Галиции — 85 тыс. чел.). Однако в 1924–1938 гг. ситуация коренным образом изменилась. Отток населения теперь стал устойчиво превышать приток, хотя абсолютные цифры миграционного сальдо оказались не столь большими, как в предшествующий период. В 1924–1988 гг. баланс миграций на землях бывшего Царства Польского был отрицательным — 162 тыс. чел. (1924–1930 гг. — 135 тыс., 1931–1938 гг. — 27 тыс.). Западная Украина, Западная Белоруссия и Виленская область (без бывших австрийских владений) потеряли в результате эмиграции почти 109 тыс. жителей (1924–1930 гг. — 71 тыс., 1931–1938 гг. — 38 тыс.), а Галиция —254 тыс. (соответственно 223 и 31 тыс. чел.). Общая убыль от миграций достигла 520 тыс. чел.[46]. По всей же Польше в 1919–1938 гг. в заокеанской и сезонной миграции приняли участие 2057,9 тыс. чел., причем обратно вернулось 973,9 тыс. чел. (47,3%). За океан в эти годы выбыло 796,8 тыс. чел., а вернулось 222,4 5тыс. (27,9%)[47]. В 1926–1938 гг. туда уехало 449 тыс. чел., из которых на долю украинцев Галиции пришлось 115,0 тыс. чел. (25,6% общего числа), а украинцев других воеводств — 87,4 тыс. (19,5%).

Таким образом, в общей массе заокеанских эмигрантов 1926–1938 гг. украинцы достигли 45,1%. Основная их часть направлялась в эти годы в Канаду (46 тыс. чел., а в 1921–1930 гг. — 61,2 тыс.) и Аргентину (45,5 тыс. чел.)[48].

Интересны данные о воеводствах выезда и странах прибытия мигрантов с территории Польши, вошедших позже в состав СССР за 1927–1938 гг. (см. табл. 57). Мы видим, что общее число всех эмигрантов составило почти 465 тыс. чел. В этом числе четверть (24,9%) приходилась на долю сезонных, вре-

менных мигрантов, а три четверти — на выехавших на длительное время или навсегда. Максимальное число мигрантов дали Львовское (33,6% общего числа), Виленское (20,6%), Тарнопольское (14,3%) и Волынское (13,1%) воеводства.

Из Виленского — в соседние государства (в основном, в Латвию) шла сезонная миграция (76,1% всех таких эмигрантов вышли отсюда). Значительное число сезонных мигрантов направлялось на работу из Новогрудского (39,6%) и Львовского (17,2%) воеводств. Из остальных сезонная миграция была незначительна. Она направлялась в основном в Латвию (73,6%) и Германию (22,5%).

Несезонная миграция (за океан и во Францию) преобладала в общем числе мигрантов из воеводств Волынского (99,2%), Полесского (98,6%), Тарнопольского (97,0%), Станиславского (90,2%) и Львовского (82,2%). Франция сделалась страной вселения 30,8% всех несезонных мигрантов, в Аргентину их выбыло 22,7%, в Канаду — 20,2%, в Палестину — 8,3%. Львовское воеводство преимущественно выбрасывало эмигрантов во Францию (59,1% всех несезонных мигрантов). На втором месте по этому показателю стояло Тарнопольское воеводство (20,2%). Это было преимущественно польское население.

В Канаду шли преимущественно мигранты из Тарнопольского (38,9% всех несезонных переселенцев) и Львовского (13,7%) воеводств. Интересно, что уже на рубеже XX в. сложились устойчивые направления переселенческого движения из ряда поветов Тарнопольского воеводства (Бродского, Борщевского) в Канаду, которые существовали и в 20–30-е годы[49]. В Аргентину устремлялись в первую очередь жители Волынского (38,2%) и Полесского (34,6%) воеводств.

Въезд мигрантов происходил в Латвию и Эстонию. Баланс миграции этих государств в 20–30-е годы был устойчиво положительным, хотя и выражался в небольших абсолютных показателх (так, в Латвии в 1930–1935 гг. общий прирост населения составил 50,5 тыс. чел., в том числе естественный — 46,4 тыс., механический — 4,1 тыс. чел.).[50].

Миграционные процессы в СССР в конце 30-х — 80-х годах XX в.

Внешние миграции

В 40-е годы с территории СССР наблюдалась исключительно мощная эмиграция особого рода, вызванная Второй мировой и Отечественной войной 1941–1945 гг. и их последствиями. Огромное число людей по разным причинам оказалось на чужбине и так и не вернулось на родину. Это были «перемещенные лица» и немецкие репатрианты 1939–1946 гг.

Кроме того, с земель, отошедших к СССР (бывшая Выборгская губерния, острова Курильской гряды, южный Сахалин, часть Восточной Пруссии, Печенга), были депортированы практически все проживающие там жители. Наконец, в ходе окончательного установления западных государственных границ СССР с Польшей и Чехословакией был произведен обмен населением

между этими государствами. Часть поляков, чехов и словаков выехала в Польшу и Чехословакию, а в СССР было переселено много украинцев[51].

Всего немцами во время войны было вывезено для работы в Германию 4 млн чел. (из Украины — 2109 тыс. чел., Белоруссии — 374 тыс., России — 1184 тыс., Литвы — 37 тыс., Латвии — 249 тыс., Молдавии — 47 тыс. чел.)[52]. Многие угнанные погибли на чужбине. Возвращение выехавших на родину составило «особую» заботу советского правительства. К 1 сентября 1945 г. властями союзников были переданы советской стороне 2229 тыс.чел. (не считая вернувшихся из советской оккупационной зоны)[53]. Из числа 5,8 млн. военнопленных к 1945 г. в плену погибло 3,3 млн. (2 млн. умерло, а 1,3 млн. было уничтожено немцами), 800 тыс. было освобождено, а остальные использовались на производстве[54].

Всего к 1 января 1953 г. на родину прибыло 5458 тыс. чел.[55]. Однако часть беженцев предпочла не возвращаться. По неполным данным, в 1947–1951 гг. за океан убыло 141,1 тыс. жителей Прибалтики и 128,2 тыс. русских и украинцев, всего — 269,3 тыс. чел. Русских и украинцев уехало в США — 60,7 тыс. чел., в Австралию — 25,2 тыс., в Канаду — 23,2 тыс., в Аргентину — 4,4 тыс., в Бразилию — 6,4 тыс. и т.д. Из числа прибалтийских народов в США эмигрировало 77,5 тыс., в Австралию — 35,7 тыс., в Канаду — 21,3 тыс., в Аргентину — 1,4 тыс., в Бразилию — 1,4 тыс. и т.д.[56].

В Канаду выехало украинцев в 1941–1950 гг. — 22,8 тыс., в 1951–1960 гг. — 14,2 тыс.; русских — соответственно 3,7 и 6,0 тыс. Литовцев здесь было учтено в 1941 г. — 6 тыс., в 1951 г. — 16 тыс., в 1961 г. — 28 тыс. чел. Эстонцев насчитывалось в 1951 г. — 9 тыс., в 1961 г. — 14 тыс. чел., а латышей соответственно 7 и 14 тыс. чел.[57].

В 1939–1946 гг. отмечалось исключительно мощное немецкое эмиграционное движение с территории СССР. Начато оно было на основании серии договоров между СССР и Германией, заключенных в 1939 г., и в основном завершено после отъезда в Германию большой группы немцев в ходе всеобщего отступления войск гитлеровской коалиции с территории СССР в 1943–1944 гг. По подсчетам польского исследователя Я.Собчака, в Германию в 1939–1944 гг. из СССР (в его границах после Отечественной войны) выехало около 602 тыс. чел. этнических немцев. Это были жители Латвии и Эстонии (77,2 тыс. чел.), Литвы (51,1 тыс.), советской Галиции (104 тыс.), Волыни (67,5 тыс.), Белоруссии (43,9 тыс.), Северной Буковины (43,7 тыс.), Бессарабии (93,4 тыс.) и частично регионов, входивших в состав СССР до 1939 г. — Украины, Белоруссии, западных регионов России, временно оккупированных Германией (250 тыс. чел.)[58]. К этому нужно добавить 1157 тыс. немцев, покинувших нынешнюю Калининградскую область в 1944–1946 гг.[59].

Кроме того, из отошедшей к СССР Выборгской области в Финляндию в 1939 г. было выселено и ушло 424 тыс. финнов, в 1946–1956 гг. из южного Сахалина и Курильских островов выехало 295,8 тыс. чел. японцев[60].

Однако наиболее массовым оказался отъезд поляков в Польшу из западных регионов СССР (Западной Украины, Западной Белоруссии, бывшей Виленской области). Он не коснулся только польского населения Латвии и

СССР в границах до 1 января 1939 г. Польская эмиграция проходила в три этапа.

1) Отъезд в 1939–1944 гг. главным образом в период немецкой оккупации. Некоторая часть поляков выехала в Польшу (в ее современных границах) еще до начала Отечественной войны. Однако большая часть бежала от преследований украинских националистов.

2) Миграция поляков в 1945–1946 гг. до и после окончательного установления советско-польской государственной границы. В этот период из СССР выбыло 1526,1 тыс. чел. (из Западной Украины — 810,5 тыс., из Западной Белоруссии — 274,2 тыс., из Литвы — 178,0 тыс., из других западных регионов СССР — 263,4 тыс. чел., (в основном переселенцев, нередко вынужденных). В ходе этого принудительного выселения уехало почти все польское население Западной Украины. В Белоруссии же и Литве оно в значительной мере осталось на местах фактического проживания. На землях бывшей Галиции (современные Львовская, Тернопольская, Ивано-Франковская области) поляков почти не осталось, тогда как в 30-е годы их удельный вес приближался к 40%, а в ряде районов Львовской и Тернопольской областей они составляли абсолютное большинство жителей.

3) Выезд в 1955–1958 гг. поляков из Украины и Белоруссии, когда в Польшу выехало их 217 тыс. чел.

В целом перепись 1950 г. показала, что в Польше проживало 2136,0 тыс. чел., которые в 1939 г. находились в тех ее районах, которые позже отошли к ÑÑÑÐ[61]. Таким образом, всего в Польшу выехало не менее 2,3 млн. чел. польской национальности, не считая тех, кто убыл туда до 1945 г. и умер до проведения переписи 1950 г.

Видимо, общие размеры польской эмиграции (с некоторым числом польских евреев) приближалось к 2,5 млн. чел. Это была крупнейшая по своим масштабам эмиграция с территории СССР, происшедшая в советский период. Она радикально изменила этнические границы украинского, литовского, а отчасти и белорусского этносов на западных рубежах их расселения и сделала этнический состав Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы почти однородным, так как последующий приток сюда русских мигрантов оказался сравнительной небольшим и совершенно не сравнимым с результатами многовековой (с XIV в.) польской иммиграции сюда и с интенсивными ассимиляционными процессами. В обычных условиях на достижение подобных результатов необходимы целые столетия и еще неизвестен конечный результат. В условиях господства бесчеловечного коммунистического режима никто не спросил у нескольких миллионов поляков, хотят ли они такой участи, как и сами поляки не спросили этого у немцев или украинцев, проживавших на землях, отошедших к Польше в результате успешного завершения Второй мировой войны. Только в результате всех этих событий Львов превратился в украинский город, Вильно — в литовский Вильнюс, Штеттин — в польский Щецин, а Кенигсберг — в русский Калининград и т.д.

Остальная эмиграция из СССР в эти годы была численно невелика. В 1947 г. в Чехословакию выехало с территории Волыни 33 тыс. чехов (потом-

ков переселенцев 60–70-х годов XIX в.). Из Эстонии в Швецию в 1944 г. эмигрировало 6,5 тыс. шведов. А в целом из всей Прибалтики в страны Европы в 1941–1944 гг. выбыло 230 тыс. чел.[62].

Таким образом, в конце 30 — начале 50-х годов из СССР (в его послевоенных границах) эмигрировало более 5,5 млн. чел. (поляков — 2500,0 тыс., немцев — 1759,0 тыс., финнов — 424 тыс., японцев — 296,0 тыс., народов Прибалтики — 240 тыс., чехов — 30 тыс., перемещенных лиц в 1947–1951 гг. — 270 тыс.). Это очень большой показатель, однако по-нашему мнению, безусловно заниженный. Около 2 млн. чел. выехало с территории современной России, значительно расширив этнические рубежи русского этноса. Почти чисто русскими стали Калининградская область, северная часть Ленинградской области (бывшая Выборгская губерния), Курильские острова, южная часть Сахалина. Естественным путем достичь подобных результатов было невозможно. К Литве отошла ополяченная часть Виленской области и онемеченная часть Восточной Пруссии (Мемельский или Клайпедский округ). Западная Украина и Белоруссия превратились в почти однородные этнически регионы, где до этого доля поляков и евреев была весьма высока и постоянно росла. Простые люди никак не влияли на ход этого процесса, как не влияют на него теперь.

Наряду с оттоком населения из СССР наблюдался довольно заметный, хотя и сильно уступающий эмиграционному, приток иммигрантов в нашу страну жителей из ряда государств Европы (украинцев, армян и др.). Абсолютные размеры иммиграции не достигали и 1 млн. чел. (не считая здесь, разумеется, указанных выше вернувшихся военнопленных и граждан СССР, угнанных на работу в Германию).

Основной контингент иммигрантов 40–50-х годов составили украинцы западной части Восточной Галиции и Восточной Словакии, вынужденные выехать в СССР, так как территория их исконного проживания осталась за его пределами, главным образом, благодаря «исправлению» государственной границы между СССР и Польшей в 1946 г., когда входившие с 1939 г. в состав Украины районы Перемышля и Санока отошли к Польше. В 1945–1946 гг. в СССР с территории Польши было переселено 518,2 тыс. чел. (481 тыс. украинцев и 37 тыс. белорусов и небольшое число литовцев)[63]. Основная часть украинцев расселялась на той части бывшей Восточной Галиции, которая осталась за пределами нынешних границ Украины.

В XIX в. украинское население на этих землях быстро росло (1800 г. — 204 тыс., 1910 г. — 310,8 тыс.). В первой трети XX в. численность украинцев тут почти не изменилась (1910 —1930 гг. — 320 тыс. чел.), хотя удельный вес украинцев снизился[64]. Так, в Санокском повете украинцы составляли в 1857 г. 55,5%, а в 1931 г. — 48,1% всего населения, в Ярославском — соответственно 48,6 и 35,3%, в Перемышльском — 80,7 и 45,3%, в Цеховском — 72,9 и 51,2%, в Лисском — 74,4 и 73,1%.

Таким образом, даже в 30-е годы XX в. украинцы составляли абсолютное болшинство населения во многих поветах западной части Восточной Галиции. Особенно это касается лемков — субэтнической группы украинского народа, почти вся этническая территория которых в 1946 г. отошла к Польше, а сами

они были насильно депортированы в западные области Украины. Даже в 1931 г. лемки еще составляли в Лисском повете почти три четверти населения, а в Санокском — около половины. Государственная граница 1939 г. в гораздо большей мере соответствовала историческим рубежам украинского народа, чем граница, установленная в 1946 г.

В исследовании польского статистика А.Марианьского помещена весьма интересная карта пустых, оставленных украинцами земель западной части Восточной Галиции в 1945–1946 гг. (Криница, Санок, Перемышль, Любачев, Лиско и др.)[65]. Здесь наглядно показано, какие территории потерял украинский народ в результате выселения отсюда украинцев (из Жешувского воеводства выехало 267 тыс. чел., из Люблинского — 193 тыс., из Краковского — 20 тыс.)[66].

В первые послевоенные годы в СССР из Греции, Болгарии, Румынии, Сирии, Ливана и других стран прибыло 120 тыс. армян (в том числе 95 тыс. поселилось в Армении)[67]. Кроме того, 15 тыс. мигрантов приехало в СССР из Югославии и несколько десятков тысяч — из Маньчжурии (в 1940 г. там проживало почти 70 тыс. русских)[68]. Это была последняя заметная волна иммиграции в СССР, состоящая из белых эмигрантов и их детей.

В 70–80-е годы значительных размеров получили эмиграция из СССР евреев, немцев, армян, греков (с вынужденным спадом в результате запретительных мер советского руководства). Таблицы 58 и 59 показывают, что в 1951–1987 гг. из СССР выехало 500 тыс. эмигрантов, среди которых было 300 тыс. евреев, около 125 тыс. немцев, почти 60 тыс. армян. Почти две трети евреев выехало в Израиль и одна треть — в США. Особого размаха эмиграционные процессы приобрели в 70-е годы (выбыло около 350 тыс. эмигрантов).

Тенденция к выезду усилилась с 1988 г. В условиях возрастающей экономической нестабильности, распада СССР и быстрого нарастания межэтнических конфликтов как результата сохранения несправедливых политических границ 20–30-х годов отдельные этносы, в основном имеющие свои этнические ареалы вне пределов бывшего СССР, перешли к массовой эмиграции из СССР, а затем — стран СНГ. Отсутствие ясных перспектив на восстановление попранной автономии, нерешенность многих социальных и культурных проблем; наконец, нежелание проживать в стране, где смертность превысила рождаемость, привели к массовому отъезду немцев, евреев, греков, армян. Если немцы, евреи, армяне начали выезжать уже в 50-е годы, то греки — лишь в 80-е. Однако и их уехало более 70 тыс. чел.[69].

Усилился и отъезд народов, не имеющих за рубежом своей государственности. Это — новая тенденция современных миграционных процессов в СССР, а позже — странах СНГ. Здесь в первую очередь следует назвать армян. Разбросанные по всей территории Союза представители этого этноса предпочитают отъезд за рубеж возвращению в свою республику, с которой многих ничто не связывает (армян Азербайджана до их изгнания оттуда, Туркмении и т.д.).

В своем выступлении по Центральному телевидению СССР 26 ноября 1990 г. Председатель тогдашнего Совета Министров СССР Н.И.Рыжков сообщил, что на постоянное место жительства из СССР выехало в 1986 г. 4 тыс. чел., в 1987 г. — 29 тыс., в 1988 г. — 755 тыс. и в 1989 г. — 235 тыс. чел. По его заявлению число выехавших в 1990 г. должно достичь 400–500 тыс. чел. По данным советской прессы в 1989 г. из 235,5 тыс. мигрантов получили разрешение на выезд в Израиль 105,5 тыс., в Германию — 38,2 тыс., в США — 14 тыс. чел.[70].

Всего, таким образом, с 1951 по 1990 гг. из СССР выехало около 1,2 млн. чел., в том числе почти 700 тыс. евреев, 250 — 300 тыс. немцев, примерно по 100 тыс. армян и греков. Что же касается этнических русских-эмигрантов, то их число оставалось незначительным. В 1991–1993 гг. из бывшего СССР выехало в Германию более 700 тыс. этнических немцев[71].

* * *

Таким образом, в XIX — начале XX вв. в России число покинувших страну русских подданных (4,5 млн. чел.) было весьма значительным. В это же время в Россию на постоянное жительство прибыло 4,2 млн. иностранных подданных. В итоге эти два взаимных потока почти уравновешивали друг друга, не оказывая существенного влияния на общую динамику населения.

В результате этих миграционных процессов несколько менялся этнический состав жителей России: отмечалось некоторое уменьшение доли тех этносов, которые принимали наиболее заметное участие в выселении из России (литовцев, финнов) и во вселении в ее пределы (немцев, армян). Доля русских, не принимавших тогда заметного участия в эмиграции за рубеж, изменилась мало (1795 г. — 44,8%, 1847 г. 44,2%, 1917 г. — 44,3% всего населения в границах СССР 80-х годов XX в.). У ряда этносов исключительно высокий естественный прирост перекрыл негативное влияние эмиграционных процессов (у поляков, евреев).

В 20 — начале 50-х годов XX в. такое равновесие было коренным образом нарушено. Теперь эмиграция с территории СССР в ее последних, предшествующих распаду границах намного превышала по масштабам иммиграцию. Уехало более 8 млн. чел., а приехало около 1 млн. Да и те относились преимущественно к лицам, депортированным в новые границы СССР. Так, украинский народ, потерявший на западе часть своей этнической территории в связи с послевоенным «уточнением» границ между СССР и Польшей, лидирует по числу иммигрантов в СССР (из Польши прибыло почти 500 тыс. украинцев).

Это опять-таки не могло не повлиять на изменения в этнических границах и удельном весе народов СССР. В частности (наряду с комплексом других факторов), это способствовало росту доли русских как в составе населения СССР (1917 г. — 44,3%, 1939 г. — 52,5%), так и России (соответственно — 72,4% и 83,0%). Русский этнос в эти годы почти не принимал участия в эмиграционных процессах и активно заселял различные регионы бывшего СССР.

Наконец, в 60–80-е годы (с небольшим спадом в 70 — начале 80-х годов) баланс миграций в СССР становится устойчиво отрицательным. Принятие новых законов об эмиграции в сочетании с кризисом в экономике, усилившееся неравенство в уровне жизни в СССР по сравнению с рядом других стран, общее обострение социально-политической обстановки дает этому процессу новый импульс. Страну покидает около 2 млн. чел., а средства массовой информации начинают рассматривать этот тревожный симптом как благо, как естественное следствие успешной политики перестройки.

В начале 90-х годов в связи с распадом СССР, общим ухудшением социально-экономического положения в России (и еще больше в других странах СНГ), ростом преступности и отсутствием сколько-нибудь реальных попыток решения на справедливой основе межэтнических конфликтов эмиграция приобретает огромные размеры. Как уже отмечалось, в 1991–1993 гг. из бывшего СССР в Германию выехало более 800 тыс. этнических немцев. Не менее интенсивно уезжают евреи, греки, армяне. Едут все, кто может это сделать, кому есть куда уезжать. Русский этнос пока не принял активного участия в этом процессе. Благодаря сложившемуся политическому разграничению огромные пространства русской этнической территории оказались за пределами России. Но русских там не ценят, их всячески пытаются вытеснить оттуда и ехать им фактически некуда. Это должно бы способствовать росту доли русского этноса по крайней мере в границах современной России. Однако другой фактор — рост смертности, значительно превышающей рождаемость преимущественно у русских, намного перекрыл показатели иммиграции. Поэтому доля русских в общем населении СССР (1939 г. — 52,5%, 1989 г. — 50,8%) и России (соответственно — 83,0 и 81,5%) быстро падает. У нас нет официальных данных, но бесспорно, что в 1989–1994 гг. доля русского этноса повсеместно и сильно понизилась.

Внутренние миграции 20–80-х годов

Как и в досоветский период, в 20–80-е годы XX в. полным ходом шло заселение и хозяйственное освоение новых территорий на окраинах страны. Мы не располагаем за этот период столь же качественными и исчерпывающими источниками информации, многое еще не введено в научный оборот. Но основные тенденции внутренних миграционных процессов проанализировать можно.

В первой половине 20-х годов восточные регионы СССР стали местами вселения около 400 тыс. чел. (из них вернулось 127 тыс.). Мигранты устремлялись в основном в Сибирь (243 тыс.) и Казахстан (76 тыс. чел.)[72].

Во второй половине 20–30-х годов между переписями 1926 и 1939 гг. отмечалось возросшее переселенческое движение из центральных регионов страны на окраины. За пределы Украины в эти годы выбыло 2853 тыс. чел., из Белоруссии — 254 тыс., из Центрально-Черноземного региона — 3,7 млн., из Волго-Вятского — 1,5 млн. Из этого числа (8,4 млн. чел.) почти 4 млн. переселилось в восточные регионы, а около 1 млн. — в Северный регион[73]. Большой приток населения отмечался и в города страны. Так, в Московскую область (в основном, в Москву) прибыло из других регионов 3,5 млн. чел., в

Ленинградскую — 1,5 млн.[74]. Именно в конце 20–30-х годов происходит окончательное демографическое разрушение российского Центра с массовым выселением русского населения на окраины.

На Украине, несмотря на отток оттуда почти 3 млн. чел. (многих вынужденно) общий баланс миграций в 1926–1939 гг. оказался положительным (600 тыс. чел.)[75] из-за огромного притока русских переселенцев в города (в 1926 г. русских на Украине было 2,7 млн. чел., а в 1939 г. — 4,9 млн.)[76].

Для ряда регионов большую роль в деле изменения этнического состава населения и роста удельного веса русских сыграли спецпоселенцы. Создание лагерей этой категории населения и их ссылка в северные и восточные регионы начали производиться еще в 20-е годы. Перепись 1937 г. зарегистрировала в стране 2389,6 тыс., а 1939 г. — 3742,4 тыс. лиц, находящихся на поселении (с их охраной)[77]. При этом спецпоселенцы размещались в Сибири, на Дальнем Востоке, в районах Крайнего Севера Европейской части СССР, в Казахстане и др. регионах, куда в обычных условиях миграция не могла быть значительной по целому ряду причин и главным образом в силу неблагоприятных природно-климатических условий. Так, в республике Коми в 1939 г. было зарегистрировано почти 132 тыс. спецпоселенцев и удельный вес русских с 1926 по 1939 гг. повысился с 6,6 до 22,0% общего населения. Очень много оказалось здесь украинцев и представителей других народов СССР.

В Карелии спецпоселенцев в 1939 г. оказалось 157 тыс. чел. (33,5% всего населения) и доля русских поднялась с 1926 по 1939 гг. с 57,1 до 63,2%. В меньших масштабах спецпоселенцы влияли на изменения в этническом составе и расселении русского этноса и в других регионах СССР, способствуя росту их удельного веса.

В 1939–1950 гг. внутренние миграционные процессы были исключительно масштабными, но обстоятельно определить их количественные параметры невозможно. В первую очередь они складывались из лиц, эвакуированных в 1941–1942 гг. из районов, оккупированных немцами, а также из обычных переселенцев на окраины в 1939 — середине 1941 гг. и в 1946–1950 гг.

Общее число эвакуированных оценивается более чем в 12 млн. чел.[78]. Только с территории Украины было вывезено 1934,3 тыс. чел. При этом с Западной Украины удалось эвакуировать только 115 тыс. чел., так как она была очень быстро занята неприятелем. Более 70% всех эвакуированных (1375,8 тыс. чел.) пришлось на долю жителей восточных промышленных областей Украины (Киевской, Харьковской, Днепропетровской, Донецкой, Одесской, Запорожской и Ворошиловградской)[79]. Конечно, большая часть этих беженцев позже возвратилась на свое прежнее место жительства, но немало их осталось жить в новых местах.

В 1939–1959 гг. все население СССР выросло только на 9,5%, а на Дальнем Востоке — на 70%, на Урале — на 29%, в Казахстане — на 53%, в Западной Сибири — на 28%, в Средней Азии — на 30%, в Восточной Сибири — на 34%.[80]. Хотя на этих землях отмечался повышенный естественый прирост населения, приток переселенцев сюда также оказался фактором, влиявшим на общую динамику численности жителей.

В целом в 20–50-е годы еще отмечалось переселенческое движение по традиционным направлениям, сложившимся в пореформенный период в России. Из российского Центра и с Украины население уходило в восточные регионы европейской части Союза, в Сибирь, на Дальний Восток, в Казахстан, Среднюю Азию и Закавказье.

За 60–80-е годы XX в. статистики располагают более надежными данными о соотношении естественного и механического движения по республикам СССР. Механическое движение населения демонстрирует таблица 60. Мы видим, что в 60-е годы еще сохранялись традиционные маршруты переселений из центральной части СССР, из преимущественно великорусских регионов на национальные окраины. Основную часть мигрантов давала Россия. Отток шел также из Белоруссии, Грузии и Азербайджана. Мигранты прибывали на Украину, а также в республики Средней Азии и Казахстан.

Украина по числу прибывших занимает первое место (почти 530 тыс. чел.). Не менее мощный приток мигрантов на Украину происходил и в 50-е годы (в 1951–1960 гг. баланс миграций составил положительную величину, почти 550 тыс. чел. или 10,4% всего прироста населения республики)[81]. За Украиной по числу прибывших переселенцев следуют традиционные регионы их вселения: Казахстан (413,8 тыс. чел.), Узбекистан (413,5 тыс.). Довольно много мигрантов прибыло в Латвию (144,3 тыс.), и Армению (144,1 тыс. чел.). Армения в 60-е годы была единственной республикой Закавказья с положительным миграционным балансом. В РСФСР основной приток переселенцев шел на Северный Кавказ (897 тыс. чел.). На Украине заселялся Южный экономический район (582 тыс. чел.) и Донецко-Приднепровский (395 тыс.), в то время как в Юго-Западном баланс миграций был отрицательным (612 тыс. чел.).

В России мигранты уезжали с Урала (920 тыс. чел.), из Волго-Вятского региона (826 тыс.), Западной Сибири (788 тыс.), Центрально-Черноземного региона (496 тыс.)[82]. Таким образом, в 60-е годы несколько изменились направления миграционных потоков в России. Население покидало в эти годы не только Центр, но и Сибирь, и Урал. Переселенцы устремлялись в Казахстан, Среднюю Азию, Северный Кавказ, Южный регион Украины. Переселения спецпоселенцев с 60-х гг. утратили свое былое значение. Большинство лагерей и поселений было закрыто, а их обитатели — реабилитированы и уехали в основном к местам своего постоянного проживания.

В 70-е годы миграционные процессы характеризуются противоречивостью. Происходит ломка в направлениях традиционных потоков мигрантов. Впервые в истории нашей страны отмечается положительный баланс миграций в Россию (около 700 тыс. чел.), в основном на Северный Кавказ и Дальний Восток. Понизились темпы прироста числа переселенцев на Украине (положительный баланс миграций — 200 тыс. чел.) и в Узбекистане (150 тыс. чел.). Продолжился отток жителей из Грузии и Азербайджана и приток в Армению. Совершенно новым явлением в 70-е годы стал отток населения из бывших регионов традиционного заселения: Казахстана (отрицательный баланс

миграций — 560 тыс. чел.), Киргизии (100 тыс.) и Туркмении (10 тыс.). Отрицательным стал миграционный баланс и в Молдавии (31 тыс. чел.).

Итак, 70-е годы явились своего рода переходным периодом, когда ряд регионов, традиционно притягивавших мигрантов, перестал их привлекать. Более того, эти регионы сами стали выбрасывать большое число переселенцев. С другой стороны, Россия впервые за свою многовековую историю начинает привлекать переселенцев и имеет положительный миграционный баланс.

И, наконец, 80-е годы коренным образом изменили направления миграционных потоков, хотя СССР еще существовал и ничто, казалось бы, не предвещало его быстрый конец. Население теперь уезжало из всех регионов традиционного вселения. Приток мигрантов отмечался теперь только в России и всех республиках Прибалтики.

В сущности лишь Прибалтика продолжала притягивать в основном русских переселенцев. В Россию устремляется обратный поток жителей (преимущественно русских) из Казахстана, Средней Азии, Закавказья, Молдавии и даже Украины. В конце 80-х годов этот процесс еще более обостряется. Началось переселение жителей СССР в свои национальные республики, на территории расселения их предков. Еще до распада СССР прозвучал сигнал бедствия.

Распад СССР после референдума, подтведившего волю его граждан на реорганизацию, а не ликвидацию его, в общем, явился полной неожиданностью. Кроме Украины и руководства России другие республики не были к этому готовы и получили «независимость» свыше. Это чрезвычайно активизировало переселения в Россию в первую очередь русских мигрантов. В 1991–1992 гг. в Россию вернулось 532 тыс. иммигрантов, а в 1993 г. — 234 тыс., всего 766 тыс. чел.[83]. Основная масса переселенцев — русских шла из Казахстана (в 1991–1992 гг. баланс миграции был отрицателен — 108 тыс. чел.), Киргизии (57 тыс.), Таджикистана (62,5 тыс.), Грузии (48 тыс.), Азербайджана (44 тыс.), Узбекистана (93 тыс.). Примерно по 25 тыс. чел. вернулось из Молдавии, Литвы и Латвии. Из Эстонии вернулось около 20 тыс., из Армении — 9 тыс. чел. Таким образом, основная масса возвращенцев прибыла из Казастана и Средней Азии, хотя в большинстве областей Казахстана русские являются пока преобладающим этносом. А всего в 1989–1992 гг. в Россию вернулось почти 910 тыс. чел. (в 1989 г. — 160,6 тыс., в 1990 г. — 288 тыс., в 1991 г. — 114,2 тыс., в 1992 г. — 346,1 тыс. чел.). Больше всего иммигрантов прибыло из Казахстана (206 тыс.), Узбекистана (201 тыс.), Азербайджана (133 тыс.) и Таджикистана (110 тыс. чел.)[84].

Число иммигрантов из Прибалтики, несмотря на многочисленное там русское население и его дискриминацию, пока относительно невелико. А из Украины и Белоруссии возвращение русских фактически не наступило и можно надеяться, что события последних лет, повышение статуса русского языка здесь до уровня государственного, обещанного обоими, вновь избранными президентами, экономическое сближение сделают отток русских оттуда ненужным.

Возврат русских из ряда республик, где их удельный вес невысок, а условия жизни сильно отличаются от принятых в России, следует признать неизбежным. В условиях, когда смертность в России устойчиво превышает рождаемость, этот факт вряд ли можно считать негативным явлением. Дай Бог, чтобы этот приток превысил отрицательные показатели естественного прироста. В 1993 г. этого не произошло, и население России сократилось на 500 тыс. чел. Другое дело, что нельзя допустить ухода русских с их этнических территорий, где они составляют абсолютное большинство населения. Однако есть все основания полагать, что современные руководители России смирились с этим фактом, не вдаваясь в исторические подробности. Постольку наши демократические руководители признали на международном уровне незыблемость сталинско-хрущевских политических границ. Таким образом, как бы сами по себе отпадают, снимаются с повестки дня вопросы о государственной принадлежности Нарвской области, части Латгалии, Донбасса, Крыма, северного и восточного Казахстана.

Можно предположить, что в этих условиях хотя бы глубоко продуман и решен вопрос о русских и всех российских беженцах, которые начали возвращаться в Россию и будут теперь (раз их земли утрачены) идти туда во все возрастающих количествах. А ведь в максимуме речь идет о 37 млн. этнических русских и более 50 млн. русскоязычных жителей. Однако ничего этого не произошло. Пока судьба наших соплеменников, дерзнувших вернуться на свою историческую Родину, печальна. Они здесь никому не нужны и не получают сколько-нибудь удовлетворительной помощи. А ведь в военные 1914–1917 годы в России получили помощь и были трудоустроены почти 7 млн. беженцев. В 1945–1946 гг. в Германии нашли новую родину, кров и работу более 11 млн. чел., и возвращение туда этнических немцев не прекращено до сих пор.

Это еще раз ставит на повестку дня вопрос о русских за пределами нынешних политических границ России, о необходимости какого-то решения их судьбы, так как восстановление России в ее этнических границах так и не было признано не только первоочередной, но вообще необходимой задачей нынешнего российского руководства тогда, когда это еще было возможно. Недостаточно развитое этническое самосознание не позволяет русским (как это пытаются сделать сербы) создать за пределами современной России новые русские этнополитические государственные образования, хотя их могло бы быть не менее трех.

Заключение

Из всего сказанного можно вывести следующие тенденции демографических процессов.

1) Продолжался отлив за рубеж эмигрантов, особенно в 1918–1922 и 1939–1947 гг. (около 8 млн. чел.). В основном эмиграция осуществлялась по политическим соображениям и была, как правило, вынужденной. В 60 — на-

чале 90-х годов наступил новый этап эмиграции, когда политические, экономические и национальные факторы тесно переплелись.

2) Иммиграция (тоже нередко вынужденная) протекала преимущественно в конце 30-х — 40-х годах и достигла 1 млн. чел.

3) Кроме переселений 20–30-х годов с западных территорий СССР (Западная Украина, Западная Белоруссия, Виленская область) на заработки в Европу и еще больше — за океан, шла обычная преимущественно экономическая эмиграция (более 500 тыс. чел.).

4) Одновременно полным ходом шло переселение жителей центральных регионов СССР, преимущественно русских, на окраины. Оно протекало в чистом виде до 70-х годов. Заселялись Дальний Восток, Северный Кавказ, Казахстан, Средняя Азия, Сибирь. Продолжалось освоение Южного экономического региона Украины. Только в послевоенные годы на окраины выбыло более 5 млн. чел. К «чистому» миграционному движению добавились эвакуации 1914–1921 и 1941–1943 гг., в ходе которых часть вывезенных жителей осела на новых местах. К этим показателям следует присовокупить ссыльнопоселенцев (с охраной), число которых к концу 30-х годов достигло почти 4 млн. чел. С их помощью были освоены и заселены многие регионы Севера и Сибири.

В 70-е годы начался, а с 80-х годов приобрел всеобщий характер отток преимущественно русского и русскоязычного населения в Россию по существу из всех республик бывшего СССР. Особенно большой размах он приобрел из Казахстана, Узбекистана, республик Закавказья. Только в 1989–1993 гг. в Россию прибыло 1,2 млн. чел.

5) В составе эмиграционной волны за весь период ее существования славян (кроме поляков) и русских, в частности было немного. Что же касается внутренних переселений, то в их ходе русские играли решающую роль. Единственное исключение представляет «белая эмиграция» 1918–1923 гг., в составе которой преобладали этнические русские (1,5–2 млн. чел.).

6) С учетом ассимиляционных процессов в настоящее время в странах Дальнего Зарубежья русские составляют 1,3 млн. чел. (в том числе в США — 1 млн., в Бразилии — 60 тыс., в Канаде — 50 тыс., в Аргентине — 50 тыс., во Франции — 40 тыс., в Румынии — 35 тыс. и в Австралии — 20 тыс. чел.). Украинцев ныне там проживает 1750 тыс. чел. (в Канаде — 530 тыс., в США — 500 тыс., в Польше — 350 тыс., в Аргентине — 100 тыс., в Румынии — 55 тыс., в Бразилии — 50 тыс., в Чехословакии — 50 тыс., в Югославии — 40 тыс., в Австралии — 20 тыс.). Белорусов учтено 300 тыс. чел. (в Польше — 250 тыс., в Канаде — 20 тыс., в США — 10 тыс. чел.). Литовцев насчитывается 350 тыс. (в США — 280, Канаде — 30, Польше — 15, Аргентине — 10 тыс. чел.). Латышей — 70 тыс. (в Канаде — 25, Австралии — 20, США — 20 тыс. чел.). Эстонцев — 70 тыс. (в Канаде —25, в США — 20, в Швеции — 20 тыс. чел.)[85].

7) В странах СНГ русских по последней переписи 1989 г. — 25,3 млн. чел., в субъектах Российской Федерации — 11,8 млн., всего 37,1 млн. чел. Численность русскоязычных в составе населения стран СНГ и в государственных образованиях в составе России — 50,1 млн. чел.

Таким образом, за пределами русских областей и краев в государственных образованиях на территории бывшего СССР русские составляют 22,5% всего населения, а русскоязычные — 30,4%. По отношению ко всему русскому населению в бывшем СССР это составляет русских 25,6%, русскозяычных — 30,6%.

Другими словами, за пределами русских областей ныне живет больше русских, чем во всей Польше поляков (36,6 млн. чел.). А русскоязычных здесь больше, чем англичан в Великобритании (43,4 млн. чел.), французов во Франции (47,5 млн. чел.) и почти столько, сколько итальянцев в Италии (56 млн. чел.). Хочется надеяться, что такое большое количество этнических русских и особенно русскоязычных когда-нибудь еще сумеет постоять за себя и добьется признания своих прав.

3. Русский этнос в 20–80-х годах XX в.

Русские в СССР

На территории всего СССР с 1917 по 1989 гг. удельный вес русских повысился с 44,3 до 50,8% общего народонаселения (с 76,5 до 145,2 млн. чел.). Доля русских и численность быстро возрастали до 60-х годов (1917 г. — 44,3 %, 1926 г. — 46,9%, 1939 г. — 52,5%, 1959 г. — 54,7%), но затем начали падать (1979 г. — 52,4%, 1989 г. — 50,8%). Этому, как отмечалось выше, способствовали до 60-х годов ассимиляционные процессы и относительно высокий уровень воспроизводства, а также сравнительно небольшое число эмигрантов-великороссиян (в основном «белая эмиграция» начала 20-х годов и «перемещенные лица» 40-х годов). В этот период русские переселенцы осваивают новые регионы, принимают весьма активное участие во внутригосударственных миграционных процессах. До 70-х годов они устремляются в окраинные регионы, а с 70-х — начинают в основном перемещаться во внутренние регионы России. В целом именно в советский период сильно расширяется русская этническая территория, хотя значительная ее часть после 1991 г. оказалась за пределами России. Табл. 5 показывает, что в 1917–1989 гг. повышается удельный вес русских в Нижнем Поволжье (1919 г. — 65,9%, 1926 г. — 74,2%, 1989 г. — 82,8% всего населения), Южном Приуралье (с 54,0 до 62,1%), Прибалтике (с 6,3 до 31,9%), Новороссии (с 18,6 до 41,2%), на Северном Кавказе (с 46,9 до 68,6%), в Казахстане и Средней Азии (с 13,6 до 24,7%), причем собственно в Казахстане — с 20,2 до 37,8%, в Сибири — с 78,2 до 84,6%. Несколько меньший рост доли русских отмечался также в регионах Левобережной и Правобережной Украины. В Озерном регионе она осталась неизменной (89,1%), а в Центрально-Земледельческом — возросла (с 86,8 до 93,5%) в основном в связи с ассимиляцией здесь украинского этнического меньшинства (1917 г. — 86,8%, 1926 г. — 88,5%, 1979 г. — 96,2%,

1989 г. — 93,5%). Снижается процент русского населения в коренных великороссийских регионах: Центрально-Промышленном (с 97,8 до 92,9%) и Северном (с 90,8 до 83,1%), а также в Среднем Поволжье (с 60,8 до 54,6%), Северном Приуралье (с 83,1 до 81,0%), Белоруссии и Литве (с 23,7 до 18,5%) и Царстве Польском (с 1,3 до 0,1%). Фактически исчезло русское население и в Финляндии. Одновременно русские появились в Западной Украине (около 5%). Они заселили и стали преобладающим этносом в Калининградской области, на Южном Сахалине и Курильских островах.

Приведенные данные отражают процесс перемещения жителей из Центральных регионов России на новые места на окраинах. Обратный процесс 70 — начала 90-х годов еще не успел проявиться с должной силой. В течение 20–80-х годов превратилась в русскую этническую территорию Таврическая губерния Новороссии (1917 г. — 30,1%, 1926 г. — 33,5%, 1989 г. — 67,0%). На Северном Кавказе благодаря ассимиляции украинского этноса русские стали преобладать в Кубанской области (1917 г. — 44,9%, 1926 г. — 45,2%, 1989 г. — 85,1% всего населения) и вообще на всей территории Северного Кавказа в целом (1917 г. — 46,9%, 1926 г. — 59,4% по языку и 43,09% по национальности, 1989 — 68,6% по национальности). Здесь русские остались в убывающем меньшинстве лишь на территории Терской области (1917 — 42,5%, 1926 г. — 32,6%, 1989 г. — 27,3%). В Казахстане русский этнос стал преобладать в Акмолинской (1917 г. — 27,2%, 1926 г. — 32,5%, 1989 г. — 60,7%) и Семипалатинской (соответственно 13,7%, 30,4% и 50,4% всего населения) областях.

Наконец, русский этнос абсолютно возобладал на Дальнем Востоке. В Амурской и Приморской областях это было обусловлено как притоком новых мигрантов — русских, так и ассимиляцией многочисленного здесь украинского населения. В 1917 г. русские составляли в Амурской области 44,6%, а в 1989 г. — 86,8%, в Приморской — соответственно 30,8 и 86,5%. В Якутии и Камчатской области это было вызвано мощным притоком мигрантов (в т.ч. ссыльных). В 1917 г. русских в Якутии было 10,3%, в 1926 г. — 11,1%, в 1989 г. — 50,3%, а в Камчатской области сответственно 11,6%, 12,0% и 76,4%.

Таким образом, продолжающееся переселение русских на окраины и ассимиляционные процессы привели к тому, что в 20–80-е годы русская этническая территория расширилась за счет значительных территорий в Новороссии, Казахстане, Дальнем Востоке и Восточной Сибири. Отток русских из центра не изменял ситуации, так как доля нерусского населения здесь была невелика.

Уже в 40–50-е годы русская этническая территория расширилась за счет заселения новых земель: части Восточной Пруссии (Калининградская область) и Южного Сахалина и Курильских островов. Именно ассимиляционные процессы привели к тому, что с 1926 по 1937 гг. даже абсоолютная численность украинцев в России снизилась с 6,9 до 3,1 млн. чел. (см. табл. 9), а в Казахстане — с 0,9 до 0,6 млн. чел.).

Очень большие изменения претерпел в 20–80-е годы XX в. удельный вес русских разных регионов ко всем русским бывшего СССР. Эти данные еще более выпукло характеризуют процесс рассредоточения русского этноса по

территории СССР (см. табл. 6). Мы видим, что резко падает доля русских, проживающих в Центральных регионах страны, — территории, где сформировался русский этнос. Так, к началу XVIII в. в четырех регионах страны (Центрально-Промышленном, Центрально-Земледельческом, Северном и Озерном) проживало 87,6% всех русских, в 1719 г. — 80,0%, в 1917 г. — 46,8% и в 1989 г. — 35,1%. Иначе, если в 1678 г. здесь размещалось более трех четвертей всех русских, то к 1917 г. — около половины, а сейчас немногим более одной трети.

В Центрально-Промышленном регионе к началу XVIII в. размещалось около половины всех русских (47,8%), в 1719 г. — 40,8%, в 1917 г. — 18,1%, в 1989 г. — 17,6%. При этом нельзя не отметить, что снижение доли русских в этом регионе было бы гораздо большим, если бы не Москва, которая притянула к себе значительное население не только соседних губерний региона, но и других регионов России и всего Союза. В Центрально-Земледельческом регионе не было такого притягивающего к себе жителей города и падение доли русских здесь оказалось еще большим (1678 г. — 20,9%, 1719 г. — 25,2%, 1917 г. — 18,8%, 1989 г. — 8,8%). Быстро снижается доля русских на Севере и в Озерном регионе.

С другой стороны, быстро увеличивается процент русских среди всех русских страны на окраинах. Так, в Сибири и на Дальнем Востоке в начале XVIII в. жило всего несколько процентов русских империи, в 1917 г. — почти 10%, а в 1989 г. — около 18%. Очень быстро повысилась доля русских в общем числе русских Российской империи в четырех окраинных регионах: Новороссии, Средней Азии с Казахстаном, на Северном Кавказе и Южном Приуралье — 1719 г. — около 1%, 1917 г. — 15%, 1989 г. — 25,4%. Таким образом ныне четверть всех русских бывшего СССР размещается именно здесь. В Новороссии в начале XVIII в. проживало менее 1% всех русских, в 1917 г. — 6%, а сейчас — около 9%. В Казахстане и Средней Азии до 1917 г. русских было еще мало, однако с 1917 по 1989 гг. доля их здесь в общем русском населении страны поднялась с 2 до 8%. Точно так же в эти годы на Северном Кавказе удельный вес русских этого региона вырос с 3,6 до 5,0%, а в Южном Приуралье — с 3,9 до 4,2%. Среди других регионов нельзя не указать Прибалтику. Еще в 1917 г. здесь проживало лишь 0,2% всех русских империи, а в 1989 г. — почти 1%.

Если в 1678 г. русских в стране (до того и во всем мире) было всего 8,1 млн. чел., то в 1719 г. — 11,1 млн., в 1917 г. — 76,5 млн. и в 1989 г. — 145,2 млн. чел. Сокращения числа русских (как это отмечается последние три года) в течение сколько-нибудь продолжительного времени не отмечалось с рубежа XVIII в. Напротив, в силу положительного естественного прироста и непрерывных ассимиляционных процессов их число быстро росло. А интенсивное переселенческое движение быстро расширяло ареалы их проживания, увеличивало русскую этническую территорию. Начавшееся усыхание ее — явление нового, демократического этапа нашей истории, подлинное и глубокое изучение которого принадлежит будущему.

Рассмотрим теперь, как изменялись численность и расселение русских по отдельным республикам бывшего СССР, а внутри России еще и по субъектам федерации в 1917–1989 гг.

Русские в России

Удельный вес русских в границах современной России с 1917 по 1989 гг. повысился с 72,4 до 81,5% общего народонаселения (с 68,9 до 119,9 млн. чел.). Как и в СССР в целом, он рос до 60-х годов XX в., когда достиг своей высшей точки (83,3% — 97,9 млн. чел.). Тем не менее, уровень начала XVIII в. (84,1%) так и не был достигнут. Это было обусловлено более низким естественным приростом в регионах преимущественного проживания русских (тяжелый гнет рекрутских наборов, потери в частых войнах давили в первую очередь на русских), а также выселением их за пределы нынешних границ России. Если в 1719 г. русских на этих территориях почти не было (учтено всего 70 тыс. чел.), то в 1917 г. их здесь было зарегистрировано 7,7 млн. чел. (10% общего числа живущих в СССР), а в 1989 г. —25,3 млн. (17,4%). Другими словами, к концу анализируемого периода за границами нынешней России жила почти четверть всех русских. В 1719 г. в России жило 99,4% всех русских, в 1917 г. — 90% и в 1989 г. — 82,6%.

Как отмечалось выше, в большинстве регионов на окраинах России удельный вес русских существенно повысился (в Нижнем Поволжье, Южном Приуралье, Северном Кавказе, Сибири, Дальнем Востоке). В большинстве центральных регионов он снизился. Шел быстрый процесс обезлюднения Центральной России.

В 1918–1924 гг. в границах России возник целый ряд союзных республик, а в 30-х, сверх того, автономных областей и округов. Ныне — это суверенные субъекты федерации. Как показывают данные таблиц 1–3 и 61–62 в 1762 г. на территории этих образований проживало 0,8 млн. этнических русских (во всей бывшей империи 0,9 млн.), что составило 33,6% населения этих образований (5,9% всей империи).

В 1926 г. на этих землях в России жили уже 5 млн. чел. (36,9% населения этих образований), тогда как коренное население достигло здесь 6,3 млн. (46,3%). В 1939 г. русских на этих землях было уже 6,1 млн. чел. (35,7%), в 1989 г. — 11,8 млн. (45,7%), а коренных — 9,8 млн. (37,8%). Другими словами, ныне в государственных образованиях России русских значительно больше, чем так называемых «коренных» жителей.

Во всем же бывшем Союзе за границами русских областей русские составляли в 1926 г. — 12,5%, а русскоязычные —16,1% общего народонаселения (соответственно 10,9 и 14,0 млн. чел.). А по последней переписи русских здесь оказалось 22,5% (37,1 млн. чел.), русскоязычных — 30,4% (50,1 млн. чел.) Иными словами, в 1989 г. за пределами чисто русских областей проживало более четверти всех русских и около трети всех русскоязычных жителей бывшего Союза. По отношению же ко всем русским СССР, равным 100% за пределами современных русских областей было учтено в 1762 г. — 8,2% всех русских, в 1926 г. — 13,9% (русскоязычных — 16,5%), в 1939 г. — 16,7% и

в 1989 г. — 25,6% (русскоязычных —30,6%). Таким образом, по последней переписи за границами русских областей в государствах, возникших как за пределами России, так и внутри ее, размещалась четверть всех русских и почти треть всех русскоязычных жителей.

Это слишком большая величина, чтобы можно было позволить пренебречь ее интересами. И лишь неорганизованность русского и русскоязычного населения и специфическая (здесь невозможно подобрать другое академическое определение) политика нынешнего руководства России позволила дойти этому населению до существующего ныне состояния. В сущности, при соответствующем сплочении они вполне могут обойтись без российских властей. Во-первых, они в основном компактно проживают на большой территории (диаспора будет вынуждена уехать с мест своего проживания). Во-вторых, их больше, чем поляков в Польше (36,6 млн. чел.), а русскоязычных больше, чем англичан в Англии (43,4 млн. чел.) и французов во Франции (47,5 млн. чел.).

Разговоры о необходимости возвращения этой категории населения целиком в Россию явно неуместны. Обычно ссылаются на пример французов в Алжире. Но при этом забывают, что максимальное число французов в этом государстве в 1959 г. достигало 1 млн. чел., а удельный вес — 9,8%[86]. При таком соотношении действительно исход является единственным решением проблемы. Но если тот или иной этнос достигает половины и более общего числа жителей на большой территории, то вопрос о том, кому следует уходить, является в лучшем случае спорным. Исходы этнического большинства действительно имели место, но только в случае военного поражения какого-либо государства. В XX в. таковыми являлись Германия, Греция, Болгария. Немецкое население дважды (в 1919–1921 и 1944–1946 гг.) было вынуждено покинуть огромные заселенные ими территории (всего ушло около 15 млн. чел.), болгары были вынуждены в большом числе переселиться в Болгарию из утраченной ими Македонии, а греки — из европейской части современной Турции (регион Адрианополя и Константинополя). Но это было военное поражение. И то необходимость таких действий является спорной. А ныне в условиях мирного времени перемещать 37 млн. этнических русских и более 50 млн. русскоязычных с территорий, которые не вошли в состав России только по прихоти коммунистических руководителей нашего государства и последующих демократических лидеров по меньшей мере аморально. Русское должно отойти к России и за это надо бороться. Необходимо, чтобы все народы бывшего СССР создали свои политические границы в соответствии с их этническими рубежами. Переговоры могут и должны вестись только о районах смешанного проживания. Но таковых сравнительно немного. Во всяком случае Нарвская область, часть Латгалии, Крым, часть Донбасса (бывшей области Войска Донского) и северный и восточный Казахстан бесспорно являются частью России, как и весьма значительная часть территории современных субъектов федерации в России. Признание существующих границ нашим руководством крайне осложнило эту задачу, но никак не сняло ее с повестки дня. Ее и невозможно снять демократическими методами. Поэтому так интен-

сивно русское население вытесняется из Эстонии, Латвии и Казахстана, а на Украине предпринимаются огромные усилия к его украинизации (учитывая большую близость наших языков). К сожалению, у российского руководства нет четкой национальной политики. А сделанное невозможно охарактеризовать в академических выражениях. Ясно одно: русские ближнего и внутреннего (внутри России, в субъектах федерации) зарубежья должны сами начать борьбу за свои права. Надеяться им не на кого.

Рассмотрим, как изменялась численность и удельный вес русских на территории субъектов федерации в России (см. табл. 2–3). В середине XVIII в. русское население преобладало на землях нынешней Мордовии (русских в 1762 г. 69,7%), Татарии (относительное большинство — 48,1%) и Удмуртии (относительное большинство — 47,4%). В других республиках доля русских тогда еще была невелика (в Башкирии — 15,7%, Бурятии — 25,9%, Карелии — 26%, Коми — 11,9%, Мари — 18,7%, Чувашии — 12,9% и в Якутии — 4,0%). На Кавказе, в Калмыкии, Туве и Крыму русских тогда не было совершенно. А миграция немцев в Поволжье еще не началась. Таким образом, доля русских тогда оказалась высокой лишь на территориях раннего освоения, заселение которых началось еще в XVI в. и даже ранее (Мордовия).

Перепись 1926 г. показала, что в Башкирии доля русских поднялась почти до 40%, в Бурятии — до 53%, в Карелии — до 57%, Мари — 43,6%, Чувашии — 20%, Якутии — 10%, Удмуртии — 43,3%. В Крыму русские составили 42,3%, в Дагестане — 12,5%, Кабардино-Балкарии — 36%, Туве — 17,5%. Понизился процент русских в Татарии (до 43,1%), Мордовии (до 60,5%).

Несопоставимы показатели в Калмыкии, Коми, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Республике немцев Поволжья. В большинстве республик доля русского населения возрастала до 60-х годов, а затем начала снижаться. Это следует объяснять более низким естественным приростом у русских, а также прекращением притока сюда новых мигрантов из Центра и уходом ссыльнопоселенцев, преимущественно русских. Так, в 1920 г. русские составляли в Башкирии 36,3%, в 1926 г. — 39,8%, в 1939 г. — 40,6%, в 1959 г. — 42,4%, в 1970 г. — 40,5%, в 1979 г. — 40,3%, в 1989 г. — 39,3% всего населения.

В Бурятии русских оказалось в 1926 г. 52,7%, в 1939 г. —72,0%, в 1959 г. — 74,6% и в 1989 г. — 69,9% населения.

В Дагестане: в 1939 г. — 14,3%, в 1959 г. — 20,1%, в 1989 г. — 9,2%.

В Кабардино-Балкарии: в 1926 г. — 36,6%, в 1959 г. — 38,7%, в 1989 г. — 32,0%.

В Калмыкии: в 1939 г. — 45,7%, в 1959 г. — 55,9%, в 1989 г. — 37,8%.

В Северной Осетии: в 1939 г. — 37,2%, в 1989 г. — 29,9%.

В Татарии: в 1920 г. — 41,2%, 1959 г. — 43,9%, 1989 г. —43,2%.

В Туве: в 1926 г. — 17,5%, 1959 г. — 40,1%, 1989 г. —32,0%.

В Чечено-Ингушетии: в 1939 г. — 28,8%, в 1959 г. — 49,0%, в 1989 г. — 23,1%.

В Крыму: в 1920 г. — 44,1%, в 1939 г. — 49,6%, 1959 г. —71,4%, в 1989 г. — 67,0%.

Лишь в ряде республик на Севере и в Поволжье доля русских возрастала до конца анализируемого периода в связи с весьма интенсивными ассимиляционными процессами.

В Карелии русских было в 1920 г. — 43,9%, в 1939 г. —63,2%, в 1959 г. — 63,4%, в 1970 г. — 68,1%, в 1989 г. —73,7%.

В Коми русских оказалось в 1939 г. — 22,0%, в 1959 г. —48,4%, в 1989 г. — 57,7%.

В республике Мари русских в 1920 г. — 45,1%, в 1959 г. — 47,8%, в 1989 г. — 47,6%.

В Мордовии: 1920 г. — 60,0%, 1989 г. — 60,8%.

В Татарии: 1920 г. — 41,2%, 1939 г. — 42,9%, 1959 г. — 43,9%, 1989 г. — 43,2%.

В Удмуртии: 1926 г. — 43,3%, 1959 г. — 56,8%, 1989 г. — 58,8%.

В Чувашии: 1920 г. — 20,0%, 1959 г. — 24,0%, 1989 г. — 26,7%.

В Якутии: 1920 г. — 6,2%, 1939г. — 35,5%, 1989 г. — 50,3%.

Таким образом, в 20-х годах русские абсолютно преобладали только в 3 республиках, относительно — в 4 и не преобладали в 11. В 1959 г. русские уже доминировали абсолютно в 6 республиках, относительно — в 6 и не преобладали — в 6. Наконец, в 1989 г. они составляли абсолютное большинство в 7 республиках, относительное — в 1, и не преобладали — в 9.

Анализ данных о расселении русских в субъектах федерации показывает, что в состав их территории попали земли с абсолютным преобладанием русских, причем нередко уже с XVIII в. И здесь также абсолютно не ясно, почему они входят в состав других суверенных субъектов федерации. Последние должны охватывать территории с абсолютным или хотя бы относительным преобладанием этноса, давшего название государственному образованию. Рассмотрим в этом ракурсе размещение русского населения в субъектах федерации по отдельным небольшим районам.

В Чувашии коренное чувашское население абсолютно преобладает повсеместно кроме городов. Это та республика, политические и этнические границы которой не вызывают возражений.

В Карелии ныне русские составляют почти 74% всего населения, а карелы — около 10%. Уже в 1920 г. русские достигали здесь 44%, имея относительное большинство. Порайонный анализ показывает, что в Карелии карелы доминируют только в 3 регионах: Калевальском (59%), Олонецком (57%) и Пряжинском (43%, а русские — 28%). Зато в 11 районах абсолютно преобладают русские. Их особенно много в Петрозаводском (78%), Кемском (77%), Пудожском (71%), Медвежегорском (71%), Сортавальском (70%) и Беломорском (68%) районах. Иными словами, Карельская республика действительно может существовать, но в границах 3-х указанных районов. И как могут относиться к Карелии районы, где доля русских превышает 70% общего народонаселения?

В республике Коми русские составляют 57,7%, а коми — 23,3%. Кроме того, 8,3% приходится на долю украинцев. Коми абсолютно доминируют в 10 районах, русские — в 7, а в 3-х — население смешанное. Русских особенно много

в Усть-Цильмском районе (85,6%), в Ухтинском — 65,2%, в Воркутинском — 62,1% (украинцев — 17,5%, коми — 3,1%), Печорском (57,6%), Интинском (57,4%). Коми доминируют в Ижемском (83,2%), Сторожевском (81,0%), Удорском (85,3%), Усть-Кульмском (79,7%) и Летском (63,3%) районах.

В Татарии русских было в 1920 г. — 41,2%, в 1989 г. — 43,2% (татар соответственно 45,3% и 48,5%).

В 1920 г. русские особенно сильно преобладали в Казани (74,0%), Свияжском (68,1%), Елабужском (54,3%), Лаишевском (55,1%) и Спасском (53,4%) уездах. Татары доминировали в Тетюшском (77,2%), Мамадышском (62,4%), Арском (59,6%), Буинском (58,5%) и Бугульминском (57,9%) уездах. Ныне в 15 районах преобладают русские и в 30 — татары. В 7 — население смешанное. Русские наиболее многочисленны в Высокогорском (76,8%), Верхне-Услонском (79,6%), Зеленодольском (73,9%), Лаишевском (73,1%), Елабужском (72,9%), Новошешминском (72,9%), Казанском (62%), Пестречинском (62,6%) и ряде других районов. Доля татар была особенно высока в Тукаевском (97,8%), Яна-Юльском (92,9%), Сабинском (93,2%), Актанышском (87,6%), Азиакаевском (88,2%), Анастовском (82,5%), Балташинском (80,5%), Арском (77,6%), Дубаязском (76,9%), Муслюмовском (81,7%) и др. районах. Таким образом, в составе Татарии оказались как районы с доминирующим татарским населением, так и почти чисто великороссийские районы. И так было и в начале XVIII в., и в 20-е, и в 80-е годы XX в. Однако вопрос о приведении здесь в соответствие политических и этнических границ даже не ставится на повестку дня.

В Мордовии русское население уже на рубеже XVIII в. превышало 60% общего народонаселения. Ныне русские доминируют в 19, а мордва — в 8 районах. Удельный вес русских оказался особенно высоким в Помодановском (95,3%), Краснослободском (81,3%), Саранском (82,9%), Мельцанском (74,5%), Ельниковском (70,4%), Цурдашанском (68,5%), Инсарском (68,3%) и ряде других районов. Мордовское население сохраняло абсолютное преобладание в Атяшевском (63,3%), Кучугуровском (65,4%), Рыбкинском (60,6%), Дубенском (59,7%) и др. районах. А в целом мордва едва достигает трети всего населения республики (32,5%) и мордовская этническая территория занимает лишь небольшую часть земель этой республики.

В республике Мари удельный вес русского населения с 1920 по 1989 гг. повысился с 40 до 48% (марийского — снизился с 54 до 43%). Примерно в половине районов преобладают русские. Русских больше в Юринском (88,8%), Йошкар-Олинском (78,9%), Коммарском (66,9%), Оршанском (58,4%) и ряде других районов. Марийцев больше — в Моркинском (66,5%), Сернурском (66,2%), Раньгинском (59,3%), Ново-Таръянском (57,1%) и других районах.

В Башкирии этнический состав населения был очень пестрым. Особенности ее заселения в XVIII–XIX вв. привели к тому, что в 20–80-е годы XX в. русские составляли в ней около 40% всего населения, татары — 25%, башкиры — 20% и проживало еще немало марийцев, чувашей и мордвы. В ряде

районов представители этих этносов проживали совместно, так что ни один народ не имел сколько-нибудь сильного перевеса (Давлекатский, Благоварский, Благовещенский, Альшеевский и др. районы). Русские составляли абсолютное преобладающее большинство в Белорецком (73,6%), Будзякском (74,1%), Дуванском (73,9%), Покровском (72,6%), Мелеузовском (69,1%), Бирском (70,7%), Кумертауском (68,9%) и др. районах. Башкиры доминировали в Абзелимовском (70,9%), Татышлинском (64,1%), Бурзянском (81,5%), Илишевском (62,4%), Балтачевском (61,6%), Баймакском (60,7%) и др. районах. Татары преобладали в Стерлибашевском (55,7%), Кигинском (52,4%), Кушнеранковском (50,3%) районах. В Мышкинском районе основное население состояло из марийцев (55,5%). Получается, что Башкирия сама является регионом, созданным для формирования федеративного государства.

В Чечено-Ингушской республике до ее распада удельный вес русских увеличивался до 60-х годов (1959 г. — 49,0%). Реабилитация коренного населения и его возвращение на свою родину привели к тому, что здесь к 1989 г. сократилась и численность (1959 г. — 348 тыс., 1989 г. — 294 тыс.) и доля (с 49,0 до 23,1%) русских. Бесспорно, что ныне доля их здесь еще ниже. Тем не менее и здесь есть четко выраженные районы с абсолютным преобладанием русского (в прошлом казачьего) населения, на так называемой Сунженской оборонительной линии. В Сунженском районе русских около 80%, в Наурском — 83%, в Каргалинском — 72%, в Шелковском — 71%, в Гудермеском — 59%. Бесспорно, что Чечня имеет полное право на автономное существование в составе России. Но при чем здесь территория бывшей Сунженской линии? Образованные здесь районы должны вернуться в состав России, даже если чеченцам удалось изгнать отсюда русских.

В Северной Осетии доля русских с 1959 до 1989 гг. снизилась с 39,7% до 29,9%. Русское население здесь проживает в основном в городах, а в сельской местности —только в Моздокском районе (около 67% всего населения).

В Кабардино-Балкарии русские составляют около трети всего населения. Доля их высока в городах и двух населенных казаками районах: Прохладненском (90,3%) и Майском (86%).

В Дагестане русских немного (в 1989 г. — 9%). Их численность и доля здесь постоянно сокращается. Проживают они в основном в городах, нигде не составляя абсолютного большинства.

То же можно сказать и о Туве (русских около 100 тыс. — почти треть всего населения), Якутии, где русский этнос преобладает благодаря активному участию в разработке полезных ископаемых (50,3%). Преимущественно в городах проживают русские и в Калмыкии (около 38%).

В Бурятии русских 70%. Они преобладают во многих районах. А в Удмуртии (где их почти 60%) русские составляют большинство населения в половине районов. Таким образом, кроме республик Кавказа, где русские доминируют в городах и районах, возникших на местах казачьих линий, в большинстве республик русское население абсолютно преобладает. Это чисто русская этническая территория, которая в условиях суверенизации субъектов федерации

бесспорно должна отойти к русскому этническому массиву, еще не оформленному законодательным путем.

В конце 20–30-х годах в СССР в границах России возникло 15 автономных областей и автономных округов (только три из них были образованы в 1922 г.). Характерная их особенность — абсолютное и очень большое преобладание русских в общем населении (кроме Коми-Пермяцкого и Агинского Бурятского, где русских около 40%). С 1939 г. по 1989 г. удельный вес русских повысился в 9 образованиях и снизился — в 6 (см. табл. 3).

В Горно-Алтайской автономной области алтайцы преобладали в двух районах: Онгудайском (54,3%) и Улаганском (87,0%). В шести доминировали русские (Усть-Коксинский — 80,1%, Майминском — 87,6%, Турочакский — 76,3%, Шебалинский — 71,1%, Майминский — 87,6%, Элокмондарский — 69,9%, Усть-Канский — 53,9%). В Кош-Агачском районе казахи, русские и алтайцы составляли по трети всего населения.

Сложным оказалось расселение населения в Карачаево-Черкесской автономной области. Доля русских здесь до 1959 г. достигала половины всего населения, а к 1989 г. снизилась до 42,4%. Русские здесь преобладали в Зеленчукском (75,3%), Прегradненском (83,2%) и относительно домимнировали в Прикубанском (45,9%) районах. Карачаевцы имели большинство в Карачаевском (71,1%), Мало-Карачаевском (60,8%) и Усть-Джегутинском (47,1%) районах. Черкесским был Хабездский район (73,6%), а в Адыге-Хаблинском районе относительно преобладали ногайцы.

В Адыгейской автономной области русских было примерно 70%. Они составляли большинство в Майкопском (88,8%), Гиагинском (93,2%), Красногвардейском (83,7%) и Кашехабльском (56,1%) районах. В Теучежском (78,7%) и Шавченовском (54,2%) доминировали адыгейцы. В Октябрьском же их численность была равной (русских — 47,4%, адыгейцев — 47,0%).

Русские на Украине

В других республиках бывшего СССР удельный вес русских в 20–80-е годы сильно вырос. Особенно заметным этот процесс был на территории Украины. В XVIII–XIX вв. русские переселенцы принимали весьма активное участие в освоении незаселенных территорий Новороссии и Слободской Украины. Фактически эти пустующие земли осваивали представители различных этносов, но главную роль в этом сыграли украинцы и русские. Приток украинцев оказался большим. И на землях Новороссии и Слободской Украины возобладал украинский этнический компонент. Они стали частью украинской этнической территории со значительной долей русского населения. В этих регионах к Украине отошли и чисто русские террритории.

В пореформенные годы в городах Украины усилились ассимиляционные процессы. Какая-то часть украинцев перешла на русский язык, а затем и на великорусское этническое самосознание. В советский период сотни тысяч украинцев были причислены к кулакам и сосланы в различные регионы России (в основном на европейский Север и в Сибирь), а на Украину в города прибы-

ло много этнических русских. Ныне на Украине проживает самая многочисленнная русская община за пределами России, причем частично она расположена на русской этнической территории, то есть земле, где русские абсолютно преобладают и доминировали в прошлом.

Если в 1719 г. на Украине размещалось около 100 тыс. русских, что составило 0,9% населения Украины и 0,5% всех русских в границах СССР, то в 1989 г. здесь было учтено 11,4 млн. русских или 22,1% всех жителей Украины и 7,8% всех русских СССР. Прирост огромный. А русскоязычных на Украине к 1989 г. было 17 млн. чел. или более 33% населения этой страны. К сожалению, даже такого числа, и того, что русские раньше пришли на Слободскую Украину и вместе с украинцами осваивали Новороссию после ее включения в состав России, оказалось недостаточно, чтобы русский язык получил в этой стране статус второго государственного.

Русское население абсолютно преобладает в Крыму и частично в Донбассе на той его территории, которая до 1918 г. входила в состав области Войска Донского. В пределах целой области численность и удельный вес русских были максимальными в Донецкой области (1920 г. — 39,4%, 1989 г. — 43,4%, а русскоязычных — 67,9%), Луганской (соответственно — 31,8%, 44,8% и 65,5%), Харьковской (17,1%, 34,4% и 50,1%), Запорожской (в 1989 г. — 33,3%, русских и 52,4% русскоязычных). В этих областях русское население проживало преимущественно в городах. В районах русские составляли большинство: в Каменско-Днепровском районе Днепропетровской области (59,5%), Краснодонском (63,2%) и Станично-Луганском (74,9%) районах Луганской области; Староверовском (58,8%) и Чугуевском (55,9%) — Харьковской области; а также Путивльском (65,8%) Сумской области.

В Крымской области русские преобладали фактически повсеместно. Их удельный вес здесь рос до 60-х годов (1920 г. — 44,1%, 1939 г. — 49,6%, 1959 г. — 71,4%). Затем доля их снижается и в 1989 г. составляет 67,0% за счет роста процента украинцев (1920 г. — 7,4%, 1989 г. — 25,8%). Кроме того, отсутствовавшие здесь в 50-е годы крымские татары (сосланы в Узбекистан) составили в 1989 г. — 1,6%.

Таким образом русский этнос доминирует на Украине теперь в Крыму, пограничных районах Луганской и отдельных районах других областей (в основном потомки однодворцев, поселенных здесь в XVIII — начале XIX вв. на так называемой Украинской линии и в Слободской Украине). Что касается русскоязычных жителей, то они доминируют на значительной части бывшей Новороссии (Донецкая, Запорожская, Луганская, Крымская области) и Слободской Украины (Харьковская область).

Русские в Казахстане и Киргизии

В 20–80-е годы чрезвычайно сильно выросла доля русских в Казахстане и Киргизии. Хотя в этих регионах русские потеряли в политическом отношении огромные земли, которые бесспорно, остались русской этнической территорией, численность русских здесь до конца XIX в. была относительно невели-

ка. И вызывалось это тем, что заселялись совершенно пустынные земли. Уральские казаки уже в XVI в. осели по реке Уралу и проживали рядом с калмыками. После ухода калмыков в 1771 г. эти земли были переданы казахам (с 1801 г.), которые их заселили и превратили в казахскую этническую территорию с русским национальным меньшинством (около трети жителей Уральской области). Точно так же Восточно-Казахстанская область начала заселяться казахами в 60–70-е годы XVIII в. после разгрома китайцами Джунгарского государства, однако здесь русский этнический компонент возобладал, хотя политически эта территория была отдана Казахстану.

Тем не менее в целом по всему Казахстану в его современных политических границах до конца XIX в. русских было относительно немного (см. табл. 11–12). В 30-е годы XIX в. они составляли здесь 3%, в 1850 г. — около 8%, в 1870 г. — 10%, в 1897 г. — 13% всего населения (1834 г. — 39 тыс., 1897 г. — 500 тыс.).

Мощный приток добровольных и вынужденных (ссыльнопоселенцы) мигрантов и резкое сокращение абсолютного числа казахов (1917 г. — 3,9 млн. чел., 1926 г. — 3,6 млн., 1937 г. — 2,2 млн.) в первой половине 30-х годов радикально изменили этнодемографическую структуру Казахстана. Естественная убыль у казахов оказалась огромной (по всему СССР с 4 млн. в 1926 г. до 2,8 млн. в 1937 г. или на 1,2 млн. чел., а в Казахстане: с 3,6 до 2,2 млн., или на 1,4 млн. чел.). И это действительно была естественная убыль, вымирание целого большого народа по своим масштабам превышающее «голодомор» на Украине. Хотя число украинцев в СССР с 1926 по 1937 гг. уменьшилось на 4,8 млн. чел. (с 31,2 до 26,4 млн.), но это произошло все же в основном за счет ассимиляции огромного числа украинцев, главным образом в России, когда на Северном Кавказе почти все украинцы сменили свое этническое самосознание. То же произошло на Дальнем Востоке, в Центрально-Черноземном регионе и т.д. (в России в 1926 г. было 6,9 млн. украинцев, а в 1937 г. — 3,6 млн.).

На Украине эта убыль составила лишь 1 млн. (с 23,2 до 22,2 млн. чел.), причем в это число вошло и большое число спецпереселенцев. Украинцы появились в тех регионах, где их до этого фактически не было (в 1937 г. в Карелии — 22,1 тыс. чел., Коми — 6 тыс., в Москве и области — 156 тыс., в Ленинграде — 37 тыс. и т.д.). Иначе говоря, ни один этнос СССР не понес таких демографических потерь, как казахи, причем это была не ассимиляция, не миграция, а именно прямая физическая убыль, превышение смертности над рождаемостью.

В 1926 г. удельный вес русских в Казахстане поднялся до 20,6% (украинцев — до 14%). А в 30-е годы русские прревратились в преобладающий этнос. В 1939 г. русские составили 40%, казахи — 38%, украинцы — 11% населения республики. В 1959 г. доля русских поднялась до 43%, казахов — снизилась до 30%, а украинцев — до 8%. К 1989 г. удельный вес русских понизился до 38%, украинцев — до 5%, а казахов — вырос до 40%. Иными словами, казахское население в силу более высокого естественного прироста постепенно возвращает свои утраченные в 50–60-е годы позиции и превращается в господ-

ствующий этнос. Тем не менее и сейчас русские, украинцы, белорусы и немцы превышают 50% населения республики, а русскоязычные составляют 47,4% (7,8 млн. чел.). Тем не менее, Казахстан является одним из немногих во всем мире государств, где язык, который считается родным для почти половины его жителей, не имеет статуса государственного. Им является язык (казахский), который считает родным 6,5 млн. чел. (39,3% всего населения республики). Только инфантильность преобладающих этносов, для которых родным стал русский язык, может объяснить причину такого ненормального явления. Большинство оказывается не в состоянии защитить свои законные права.

Русский этнос абсолютно доминирует в трех областях Казахстана; в пяти он составляет относительное большинство и не преобладает в девяти из 17. Славянское же население в 1989 г. абсолютно преобладало в 7 областях и составляло около половины населения — в одной. Абсолютно русские доминировали в Восточно-Казахстанской области: 1926 г. — 45%, 1939 г. — 70,9% и 1989 г. — 65,9%. Славянское население равнялось в 1939 г. — 74,5%, а в 1989 г. — 68,7% общего числа жителей. Казахов здесь было относительно немного (1939 г. — 21,5%, 1989 г. — 27,2%). На втором месте стоит Северо-Казахстанская область. Здесь русские составляли в 1926 г. — 47,3%, в 1959 г. — 64,5% и в 1989 г. — 62,1% всего населения. Славян же здесь было в 1939 г. — 75,8%, а в 1989 г. — 71,2 общего народонаселения.

В Карагандинской области русских было в 1926 г. — 47,3%, в 1959 г. — 64,5% и в 1989 г. — 62,1%, а славян в 1939 г. — 57.7% и в 1989 г. — 62,9%. Русское население этих областей значительно превосходило казахское, а перевес славян воообще был подавляющим.

В пяти областях: Алма-Атинской (1926 г. — 18,3%, 1989 г. — 45,6%), Кокчетавской (соответственно 24,4 и 39,5%), Кустанайской (37,7% и 43,7%), Павлодарской (16,1% и 45,4%) и Целиноградской (14,8 и 44,7%) этот перевес был относительным. Однако и здесь повсюду перевес славян был абсолютным: в Алма-Атинской славян было в 1939 г. — 62,3%, а в 1989 г. — 50%, в Кустанайской — 51,4% и 61,2%; в Павлодарской — 54,3 и 55,9% и в Целиноградской — 63,5 и 58,1%. В остальных областях казахский этнос абсолютно или относительно (в Джамбульской — 48,9%, славян — 30,2% и Тургайской — соответственно 46,1% и 42,3%) преобладает.

Таким образом, в настоящее время существует реальная возможность создания почти чистого в этническом отношении казахского государства и выделения из его состава регионов с подавляющим преобладанием русского населения. Это можно было бы осуществить в результате объективного референдума, проведенного ООН. Автоматическое же включение этих территорий в состав суверенного Казахстана только потому, что так решила коммунистическая партия и «беловежские сидельцы», вряд ли оправдано.

В Киргизии русские в 1897 г. составляли лишь 2,6% всего ее населения (17 тыс. чел.). Однако затем сильное миграционное движение привело к тому, что в 1917 г. доля русских здесь поднялась до 11%, в 1926 г. — 12%, в 1959 г. — 30%, а к 1989 г. снизилась до 21,5%. В 80-е годы русское население здесь перестало увеличиваться, так как отток преимущественно русских мигрантов

достиг высоких показателей (в 1971–1980 гг. — 99 тыс., в 1981–1987 гг. — 162,5 тыс. чел.). Тем не менее, по переписи 1989 г. в республике проживало 917 тыс. русских (21,5% всего ее населения) и 1,1 млн. русскоязычных жителей (25,6%). В этом отношении Киргизия стоит на уровне Латвии. Русское население было многочисленно в городах республики: Бишкеке (б. Фрунзе), Пржевальске, Токмаке. В сельской местности оно, как правило, проживало вместе с украинским (украинцев было в 1926 г. — 6,5%, в 1939 г. — 9,4%, в 1989 г. — 2,5% всего населения). Так, в Калининском районе русские составляли 49,5%, а украинцы — 18,4%, в Сокулукском — соответственно 43,2% и 18,7%, в Панфиловском — 31,1 и 27,7%, в Кантском — 43,6 и 9,7%, в Ивановском — 45,1 и 8,0%. В Кызыл-Аскерском районе русское население достигало 57,2%, а в Джумгальском — 58,1%.

Тем не менее, русское население в Киргизии нигде не занимает значительной сплошной территории. К тому же начался его интенсивный отлив в Россию в силу искусственно созданного неприязненного отношения. Уже около половины русского населения покинуло эту негостеприимную республику. Видимо, в ближайшем будущем абсолютное большинство русских, украинцев, немцев покинут Киргизию. Остается лишь надеяться, что местные власти продумали целесообразность принимаемых решений.

Русские в Белоруссии

В Белоруссии удельный вес русских по национальности был относительно невысок. Русской миграции сюда до 1917 г. практически не было, а в более позднее время отмечался лишь небольшой приток в города. В целом из Белоруссии шел постоянный, хотя и небольшой по масштабам, отток населения в восточные регионы, а из западных губерний (Брестской, Гродненской) — за океан. Поэтому рост доли русских в Белоруссии в основном вызывался этническими (ассимиляционными) процессами. В их результате, часть белорусской этнической территории в силу естественных и длительных процессов оказалась в составе России (большая часть Смоленской губернии, части Витебской, Могилевской и Тверской губерний, север Черниговской). Уже в 1946 г. в результате волевых решений Белостокская область, где проживало около 200 тыс. белорусов, отошла к Польше. В качестве утешения Белоруссия получила Брестскую область, где еще в конце XIX в. проживали преимущественно украинцы.

На территории нынешней Белоруссии в конце XVIII в. проживало 40 тыс. русских, в основном старообрядцев (1,2% всего населения). В 1897 г. их удельный вес вырос до 6,2% (414 тыс.), в 1917–1920 гг. — до 14,5% (1,5 млн. чел.). В 1926 г. в результате возвращения части русскоязычных белорусов восточной Белоруссии в состав республики, доля русских упала до 5,9% (485 тыс.). Затем она медленно росла, составив 13,2% (1,3 млн. чел.). Русский язык получил в Белоруссии большое распространение, причем среди белорусов по национальности. В 1897 г. русскоязычные жители составляли 6,2% всего населения Белоруссии, в 1917 г. — 14,5%, в 1959 г. — 16,3%, в

1970 г. — 18,2%, в 1979 г. — 28,5% и в 1989 г. — 32,2%. Таким образом ныне треть населения Белоруссии говорит по-русски, а в Минске — 53,2%. Больше всего русских и русскоязычных проживает ныне (по переписи 1989 г.) в восточных губерниях, отошедших к России еще в 1772 г. В Витебской области их 15,2% (русскоязычных 36,1%), в Минской — 15,1% (35,6%), в Могилевской — 13,0% (30,8%).

В западных областях доля русских ниже: в Брестской — 10,1% (русскоязычных — 28,1%), Гродненской — 10,7 (27,1%) и в Гомельской — 12,6% (31,0%). По данным последних переписей видно, что современная русско-белорусская политическая граница одновременно является и этнической, и между этими двумя государствами не может быть никаких территориальных конфликтов. Конечно, если жители приграничных районов России не вспомнят о своем этническом поисхождении. Территориальные претензии теоретически возможны лишь на западных рубежах: белорусов к полякам и литовцам, украинцев — к белорусам. Но судя по событиям последних лет такая ситуация вряд ли возможна и теперь и в будущем. Между Россией и Белоруссией сложились, пожалуй, самые теплые, дружеские отношения в составе держав СНГ. Можно надеяться, что русский язык станет здесь вторым государственным, тем более, что вопрос этот касается не этнических русских, а русскоязычных белорусов, которые, наряду с белорусским, хотят знать русский язык и говорить на нем.

Русские в Прибалтике

Очень сильно повысилась доля русского населения в Латвии и Эстонии (см. табл. 1, 63). Еще в начале XVIII в. русские здесь почти отсутствовали. Даже в XIX в. удельный вес русских в этих республиках увеличился сравнительно умеренно. В Латвии русские составили в 1795 г. — 3,1%, в 1858 г. — 5,8%, в 1897 г. — 8,0%, в 1917 г. — 9,6% всего населения. Доля русских возрастала здесь благодаря механическому притоку жителей, в первую очередь, из других регионов империи. По расчетам латышского исследователя Б.Я.Межгайлиса, только в 1863–1913 гг. население Латвии за счет миграций извне возросло на 24%. Этому способствовало быстрое развитие промышленности, портов и торговли. В начале XX в. население Латвии за счет миграций увеличивалось более чем на 86 тыс. чел. в год[87]. Если в 1795 г. здесь было учтено лишь 27,4 тыс. русских, то в 1914–1915 гг. — 228 тыс. Около половины всех русских Латвии тогда проживало в Риге (в 1795 г. — 50,7%, в 1858 г. — 38,6%, в 1914 г. — 43,8%). Это были в основном торговцы, ремесленники, военнослужащие, представители администрации. Удельный вес русских в составе населения Риги рос до 30-х годов (1767 г. — 15,2% всего населения, 1834 г. — 29,9%), а затем начал уменьшаться в связи с притоком схода латышей из соседних сельских районов (1854 г. — 27,7%, 1867 г. — 25,1%, 1881 г. — 19,0%, 1914 г. — 19,3%)[88].

В сельской местности русское население было значительно в части Витебской губернии на территории Латгалии. Здесь в начале XX в. русские и бело-

русы преобладали в Двинском уезде (более 50%, а латыши составляли в 1834 г. — 52%, в 1897 г. — 39%, в 1917 г. — 40%). Немало их было учтено и в Режицком уезде, но здесь тогда абсолютно преобладали латыши (около 60%). В третьем уезде Латгалии — Люцинском латыши составляли примерно 65% населения.

В 1914–1939 гг. удельный вес русских не претерпел существенных изменений (небольшое снижение доли с 10,3 до 9,6%). Хотя процент многих других народов здесь в эти годы снизился (белорусов — с 4,2 до 1,4%, литовцев — с 2,3 до 1,4%, евреев — с 7,0 до 4,8%, эстонцев — с 0,8 до 0,4%, немцев — с 6,1 до 3,2%, поляков — с 4,4 до 3,6%). В Латвии в 20–30-е годы отмечается процесс естественной русификации белорусов (особенно в Латгалии). Именно благодаря этому доля русских здесь почти не изменилась.

В 1939–1989 гг. в Латвии отмечается все возрастающее падение доли коренного латышского населения (1939 г. — 74,9%, 1989 г. — 52,0%). И обусловлено это было мощным притоком преимущественно русского населения. Общие потери республики в народонаселении оказались настолько большими, что уровень 1914–1915 гг. (2374,6 тыс. чел.) был превзойден только в 1971 г. (2384,0 тыс. чел.), а уровень 1939 г. (1947,0 тыс.) был достигнут лишь в 1951 г. (1954,0 тыс. чел.). И это было обусловлено механическим приростом. Только в 1961–1987 гг. в республику прибыло (баланс миграций) более 300 тыс. преимущественно русских или русскоязычных новоселов.

Поэтому с 1939 по 1989 гг. удельный вес русских здесь вырос с 9,6 до 34,0% (русскоязычных — 42,5%). Повышается и доля белорусов (с 1,4 до 4,8%). Появляются украинцы (1989 г. — 3,5%). В результате — в Латвии сформировались две крупные общины: латышская (1989 г. — 52%) и русско-украинско-белорусская (42%). Между ними образуется прослойка — 6% (поляки, литовцы, евреи и др.). Русское население, как и ранее, концентрируется в Риге (1959 г. — 39,5%, 1970 г. — 42,8%, 1979 г. — 46,1% и 1989 г. — 47,8% всего населения). Здесь проживало около половины всех русских республики (1959 г. — 43%, 1970 г. — 44,4%, 1979 г. — 46,5%, 1989 г. — 47,6%).

Кроме того, русское население продолжало доминировать на значительной части Латгалии. В Даугавпилсском (Двинском) районе они составляют почти 51% населения (с украинцами и белорусами — 56%), в Зилупском — 55% (с белорусами — 71,4%), в Малтском — 50%. В Краславском районе русских —18,2%, но с белорусами — 51%. В Резекненском (Режицком) районе русские, украинцы и белорусы составили 47%, а латыши — 48%. Русские составили значительную прослойку населения и в районах крупных портовых городов. В Елгавском их 25% (с белорусами и украинцами — 30%), в Лиепайском (Либавском) — 34,3 (40,3%). Кроме части Латгалии русские в Латвии нигде не образовали сплошной этнической территории. Однако они в большем или меньшем числе повсюду разбросаны среди преобладающего латышского населения. В Латвии (и не только в Латгалии) этнический состав населения является очень пестрым. Ей свойственно совместное проживание на одной территории латышей, русских, украинцев, белорусов, литовцев, поляков и др.

Латышам присущ очень низкий естественный прирост (в 1950-е годы — 4,6‰, а по СССР — 17,0‰, в 1961–1970 гг. — 4,5‰ и 11,7‰, в 1971–1980 гг. — 2,1 и 8,8‰, в 1981–1987 гг. — 3,4 и 9,5‰). Он значительно уступал соответствующим показателям не только всего СССР в среднем, но и соседним Литве и даже Эстонии. В 1989 г. численность латышей была меньшей, чем в 1914 г. и даже в 1939 г. Это значит, что в случае изгнания отсюда всего нелатышского населения в Латвии останется меньше жителей, чем в начале XX в. (в 1914 г.). Особенно опустеют города, и Латвия превратится в одно из наименее населенных государств Европы. Из сказанного следует, что почти вся территория нынешней Латвии является латышской этнической территорией, где латыши составляют либо абсолютное, либо относительное большинство. Исключение составляла и составляет только часть Латгалии, где доминируют русские и белорусы.

В Эстонии этнодемографическая ситуация была подобна латышской. Здесь в течение всего XIX — начала XX вв. отмечается не только абсолютное преобладание эстонцев, но даже и некоторое увеличение их удельного веса (1795 г. — 84,8%, 1897 г. — 89,9%, 1914 г. — 89,8%, 1923 г. — 92,4%). Это было, в первую очередь, связано с относительно небольшим притоком сюда переселенцев. Эмиграция эстонцев за рубеж также была незначительна.

Процент русских здесь хотя и повысился (с 0,8% в 1795 г. до 4,2% в 1914 г.), но оставался небольшим. Русские проживали здесь в основном по берегам Псковского и Чудского озер и в Таллине (Ревеле). В Таллине в начале XIX в. проживало почти 18% всех русских Эстонии, в 1897 г. — 27%, в 1917 г. — 54,7%.

В 1917–1939 гг. в Эстонии отмечается абсолютное сокращение числа жителей (с 1011,2 до 965,7 тыс. чел.). Понижается удельный вес немцев, поляков, латышей, евреев. Однако удельный вес русских немного повысился (1915 г. — 4,2%, 1939 г. — 4,6% всего населения). Это было обусловлено более высоким естественным приростом. Эстонский исследователь Р.Н.Пуллат отмечает, что в 1923–1933 гг. в Эстонии естественный прирост у русских был в четыре раза выше общеэстонского (у русских — 6,5‰, а общеэстонский — 1‰)[89].

Великая Отечественная война нанесла Прибалтике огромный урон. Еще до начала войны отсюда в Германию выехало все немецкое население (последняя партия убыла в апреле 1941 г.)[90]. Воспроизводство населения здесь в годы войны было незначительно, а в 1944–1945 гг. оно, видимо, даже сокращалось. В 1941 г. в восточные районы СССР было выселено из Эстонии более 61 тыс. чел.[91].

В 1943–1944 гг. из Эстонии, Латвии и Литвы бежало в Германию 165 тыс., в Бельгию — 35 тыс., в Швецию —30 тыс. чел. Сверх того, в 1942–1943 г. из Эстонии в Швецию уехали все шведы (более 6 тыс. чел.). Общий отток населения из Прибалтики в эти годы достиг 240 тыс. чел., а всего в 1944 — начале 1945 гг. — 500 тыс. чел.[92].

С 1946 г. показатели воспроизводства возрастают и делаются положительными. Возвращаются эвакуированные жители, отмечается все возрастающий

приток переселенцев из других регионов страны. И одновременно проводится выселение части жителей, противящихся установлению здесь советской власти. На 1 января 1953 г. на спецпоселениях находилось около 200 тыс. чел. жителей Прибалтики, высланных в 1940–1951 гг. Около 60% их общего числа составили жители Литвы, 25% — Латвии и 15% — Эстонии[93].

И все же, благодаря притоку мигрантов из глубинных регионов России общее население Эстонии с 1939 г. по 1959 г. увеличилось с 1052,0 до 1196,8 тыс. чел., хотя число эстонцев уменьшилось с 965,7 до 892,7 тыс. чел. Здесь только в Таллин в 1945–1950 гг. прибыло на жительство почти 70 тыс. чел.[94]. В 1961–1970 гг. баланс миграций в Эстонии достиг положительной величины 92,6 тыс. чел., в 1971–1980 гг. — 59,9 тыс. и в 1981–1991 гг. — 23,8 тыс. чел.[95].

Поэтому в 1939–1989 гг. удельный вес эстонцев в республике снижается с 91,8 до 61,5% при небольшом сокращении даже абсолютной численности (с 965,7 до 963,3 тыс. чел.). Одновременно доля русских здесь повысилась с 4,6 до 30,3% (русскоязычных — 35,2%). Здесь появляются украинцы (1989 г. — 3,1%) и белорусы (1,8%). К началу 90-х годов в Эстонии сформировались две большие общины — эстонская (61,5%) и русскоязычная (35,2%), а доля прочих этносов была небольшой. Русское население размещается в основном в крупных городах (Таллине, Нарве, Тарту). В Таллине в 1959г. проживало 37,7% всех русских республики, в 1970 г. — 38%, в 1989 г. — 44%. А среди населения Таллина русские составляли в 1959 г. — 32%, в 1970 г. — 35%, в 1970 г. — 38% и в 1989 г. — 46,8%.

В других частях Эстонии русские доминируют в Нарвском районе (76,8% населения), Силламяэ (90%), Калласте (77%) и относительно в Йыхвинском районе (43%). Это земли, примыкающие к России и в значительной части входившие до 1919 г. в состав Ямбургского уезда Петербургской губернии. Русских здесь было много всегда. В остальных районах, в отличие от Латвии, отмечается полное и повсеместное преобладание эстонцев. Доля русских в сельских районах незначительна.

В Литве и демографическая и этнодемографическая ситуация коренным образом отличалась от той, которую мы наблюдали в Латвии и Эстонии. В целом она оказалась здесь наиболее благоприятной для литовцев. Естественный прирост здесь был гораздо выше, чем в других республиках Прибалтики, а сильного притока мигрантов из других регионов СССР не было. В досоветский период здесь до 1917 г. отмечается постоянное снижение удельного веса литовцев (1795 г. — 70,2%., 1914–1917 гг. — 53,5%). Это было обусловлено высокой эмиграцией литовцев за океан и быстрым ополячиванием части литовцев на территории так называемой Виленской области.

Доля русских здесь повысилась с 1795 по 1917 гг. с 0,1 до 5,9% общего народонаселения (с 1,5 до 174,6 тыс. чел.) главным образом за счет притока русских в города. Удельный вес поляков также вырос в эти годы с 9 до 10%, а белорусов снизился с 10 до 8%. В 1897 г. в Вильно проживало 22,3% всех русских Литвы, а в 1914 г. — 34,4%.

В 1914–1939 гг. в Литве сильно вырос удельный вес литовцев (с 53,5 до 72,3%) и понизился — русских (с 5,9 до 3,4%) при сокращении и их абсолютного числа (с 175 до 101 тыс. чел.). Фактически исчезли белорусы (1917 г. — 8%, 1939 г. — 0,7% всего населения), резко снизилась доля (с 15,9 до 9,1%) и численность (с 523 до 269 тыс.) евреев и т.д. В 1939 г. Литва превращается в государство, где литовцы составляют почти три четверти населения.

Этот процесс сохраняется и в советский период истории республики. Происходит бурный рост удельного веса (1939 г. — 72,3%, 1989 г. — 79,6%) и численности литовцев (соответственно — 2,1 и 2,9 млн. чел.). Приток жителей из других регионов СССР сюда не был велик. Истребление немцами евреев (1939 г. — 9,1%, 1959 г. — 0,9%) и переселение в Польшу почти 200 тыс. поляков способствовали этому. В республике почти исчезло немецкое население (1939 г.– 3%), хотя на отошедшей к Литве территории Клайпедской области преобладали немцы, которых также выселили в Германию (в 1925 г. немцы составляли здесь 94,0%, в 1927 г. — 84,1%, в 1930 г. — 82,3%, в 1932 г. — 80,7%, в 1935 г. — 81,1% и в 1938 г. — 87,3% всего населения)[96].

Одновременно с этим в Литве отмечается рост доли русских, украинцев и белорусов, хотя и не такими темпами, как в Латвии и Эстонии. Если в 1939 г. русские составляли 3,4% населения республики, то в 1989 г. — 9,4% (русскоязычные — 11,2%), белорусов было в 1939 г. — 0,7%, а в 1989 г. — 1,7% и украинцев (соответственно 0,0% и 1,2%). В сущности ныне в Литве существует три далеко неравнозначные национальные общины: литовская (около 80% населения), русско-украинско-белорусская (10,5%, а по языку 11,2%) и польская (8,5%). Литовское население преобладает в большинстве районов республики. Русские, украинцы и белорусы составляют значительный процент населения крупных городов (в Вильнюсе — около 36%, в Клайпеде — 32%, в Каунасе — 12%).

Из сказанного следует, что в XIX–XX вв. в Прибалтике сформировалось многонациональное население при усиленном преобладании коренных этносов. К началу Первой мировой войны литовцы составляли в своей республике 53,5% всего населения, латыши — 64,8%, а эстонцы — 89,8%. Слабый уровень естественного прироста и мощный приток мигрантов из других регионов СССР привели к тому, что в 1989 г. литовцы составляли в своей республике 79,6% (депортация поляков и истребление нацистами евреев, а также относительно невысокий приток жителей из других республик), латыши — 52%, а эстонцы — 61,5%.

Русские составили в Литве 9,4% (русскоязычные — 11,2%), в Латвии — 33,9% (42,5%) и в Эстонии — 30,3% (35,2%). На части территории этих республик издавна преобладали русские и белорусы (часть Латгалии — в Латвии, территория бывшей Нарвской области — в Эстонии). Русские доминировали и на частях бывших Псковской и Ленинградской областей, переданных в начале 20-х годов в состав Латвии и Эстонии. Лишь частично эти земли были возвращены России в 40-е годы, хотя и теперь на них претендуют Латвия (Пыталовский район Псковской области) и Эстония (Печорский рай-

он Псковской области, часть Ленинградской области). Население здесь и ранее и теперь почти чисто русское.

В 90-е годы после обретения республиками Прибалтики независимости, только Литва предоставила всем гражданам бывшей Литовской ССР права литовского гражданства, хотя ни русский, ни польский языки не стали государственными. И это можно, пусть с трудом, объяснить хотя бы тем, что указанные этносы вместе составляют только 17% жителей республики.

Совершенно иная ситуация сложилась в Латвии и Эстонии. Права граждан этих республик получила лишь небольшая часть так называемых некоренных жителей (лиц, проживавших здесь до 1940 г. и их потомков). Русские (и русскоязычные) этих республик в подавляющей массе были лишены гражданства, а русский язык не получил статуса государственного. Право на гражданство могут в Латвии получить лишь те русские, которые в 1940 г. составляли 10%, в Эстонии — 5% населения, а такая доля русских (по мнению руководителей этих республик) недостаточна, чтобы русский язык получил здесь статус государственного.

В сущности в этих республиках откровенно, открыто ущемляются права личности. И только безразличие властей России к этой проблеме не вызвало еще массового возвращения русских назад на родину предков. Они знают, что их там никто не ждет и они не могут рассчитывать на помощь и поддержку как в местах проживания, так и в России.

И все же приходится ожидать, что при таком ходе вещей в бывшем СССР в недалеком будущем около 40 млн. русских и более 50 млн. русскоязычных жителей будут вынуждены возвратиться на родину из стран ближнего зарубежья и субъектов Российской Федерации, в том числе и из регионов, где русский этнос преобладал уже в XVIII в. Это делается неизбежным, так как в момент распада бывшего СССР не было учтено мнение населения о том, в составе какого нового государственного образования оно хотело бы жить. Хотя широко известно, что сохраненные сталинско-хрущевские государственные границы далеко не соответствовали этническим рубежам бывшего СССР. Во всяком случае до распада СССР русские в Прибалтике еще как-то могли влиять на свою судьбу, а теперь их превратили в «безгласное сборище» никому не нужных людей.

Русские в Молдавии

В Молдавии до середины XIX в. русских было очень немного (в 1858 г. — 1,5% населения). Русские уже в XVIII в. селились в низовьях Дуная, которые оказались впоследствии в составе Украины и Румынии. К началу XX в. доля русских в Молдавии поднялась до 6,4%, к 1930 г. — до 9,4%. Как показывает табл. 64, Молдавия была многонациональной страной. Удельный вес доминирующего этноса составлял здесь в 30-е годы XX в. примерно две трети всего населения (67%). На втором месте находились украинцы (около 10%) и лишь на третьем —русские, за которыми следовали гагаузы, болгары и др.

В 50–80-е годы доля русских в Молдавии постоянно увеличивается и они в 1989 г. почти достигают уровня украинцев (русских стало 13%, а украинцев — 13,8% всего населения). Удельный же вес русскоязычных жителей был немного выше (в 1959 г. — 14,9%, в 1979 г. — 21,7% и в 1989 г. — 23,8% населения республики). Особенно много русских и русскоязычных жителей проживало на левобережной части республики, где в 20–30-е годы существовала отдельная Молдавская автономная республика в составе Украины. Русское население Молдавии увеличивалось в первую очередь за счет механического прироста из великороссийских регионов СССР (последний составил в 1959–1970 гг. — 60%, а в 1971–1979 гг. — 70% общего прироста русского населения)[97].

Русское население Молдавии было сконцентрировано в основном в Кишиневе (в 1834 г. — 21,8% всех русских Молдавии, в 1959 г. — 23,8%, 1970 г. — 26,4%, 1989 г. — 31,0%), в Бендерском уезде (русских — 41%, молдаван — 37%, украинцев — 12%) и на левобережье Днестра. Здесь (в границах начала 1940 г.) молдаване составляли 44%, украинцы — 27%, русские — 14% по данным переписи 1926 г. А в 1959 г. здесь молдаван было 42%, украинцев — 32%, русских — около 19% (см. табл. 65) , такое же соотношение здесь существует и поныне, когда в Рыбницком, Каменском, Дубоссарском, Тираспольском, Григориопольском и Слободзейском районах вновь сформировалась Молдавская Приднестровская республика. Здесь три языка признаны государственными: молдавский, украинский и русский и не произошло перехода графики письма с кириллицы на латинский шрифт.

В самой же Молдавии, несмотря на то, что молдаване составляют здесь только две трети населения, государственным языком признан только молдавский, что способствует выталкиванию из правобережной Молдавии в Приднестровье немолдавского населения, так как здесь созданы более гармоничные условия для проживания не только молдаван, но и русских, и украинцев.

Русские в Средней Азии

В Средней Азии русское население появилось только в пореформенные годы. В 1897 г. русские составили в Туркмении 3,0% населения, в Таджикистане — 1,0% и в Узбекистане — 0,9%, однако затем доля русских здесь сильно выросла, благодаря притоку неземледельческих мигрантов в основном в города региона.

В 1939 г. русских было в Туркмении — 18,6%, в Узбекистане — 11,7%, в Таджикистане — 9,1% общего числа жителей. В целом же здесь в это время было учтено 1,1 млн. русских (в том числе в Узбекистане — 744 тыс. чел.). К 1959 г. русские составили: в Узбекистане — 13,5% (с русским родным языком — 16,2%), в Таджикистане — 13,3% (по языку — 15,7%) и в Туркмении — 17,3% (по языку). Таким образом, процент русских здесь повсеместно вырос (кроме Туркмении). Русских было здесь уже 1,6 млн. чел. (с родным русским языком —почти 2 млн.). В 70-е годы в Средней Азии отмечается снижение удельного веса русского и русскоязычного населения (хотя абсо-

лютное число русских к 1989 г. увеличилось до 2,4 млн. чел., а русскоязычных — до 3 млн. чел.).

В Узбекистане доля русских упала до 8,3% (по языку — до 10,8%), в Таджикистане — до 7,6% (по языку — до 9,7%) и в Туркмении — до 9,5% (по языку — до 12,0%). Это было обусловлено тем, что у коренного населения Средней Азии показатели естественного прироста были несравненно выше, чем у русских, а также с начавшимся с 80-х годов сильным оттоком русских из Средней Азии. В 1981–1987 гг. баланс миграций дал в Узбекистане отрицательную величину — 746 тыс. чел., в Таджикистане — 215 тыс., в Туркмении — 134 тыс. чел. В 1979–1989 гг. сократилась абслютная численность русских (в Узбекистане на 13 тыс., в Туркмении — на 15 тыс., в Таджикистане — на 7 тыс. чел.). В конце 80 — начале 90-х годов (особенно после распада СССР) отток населения из Средней Азии еще более увеличился. В 1989–1992 гг. в Россию выбыло из Узбекистана — 201 тыс. чел., из Таджикистана — 110 тыс., из Туркмении — 25 тыс. чел. Наступило время массового отлива, даже бегства преимущественно русского населения из Средней Азии. В настоящее время численность русских здесь сильно уменьшилась. Непризнание русского языка в качестве государственного, дискриминация прав русских в этом регионе приводит к тому, что число русских здесь продолжает быстро сокращаться. Складывается впечатление, что власти среднеазиатских республик не очень заинтересованы в том, чтобы русские остались проживать в Средней Азии.

По нашему мнению, русское население должно само и как можно быстрее покинуть Среднюю Азию. Это — не русская этническая территория. Русское население размещается преимущественно в городах и нигде не составляет преобладающего большинства. В условиях, когда происходит выталкивание русских из Средней Азии, нет никакой необходимости защищать рубежи среднеазиатских республик и оказывать им какую бы то ни было экономическую помощь.

Русские в Закавказье

В Закавказье русское земледельческое население начало в значительных количествах селиться только в 30-е годы XIX в. В 1858 г. оно составило в Армении 1,1% населения, в Грузии — 1,0%, в Азербайджане — 0,9%. По переписи 1897 г. русские достигли в Грузии уже 5,7% общего числа жителей, в Азербайджане — 5,3% и в Армении — 4,8%. В 1939 г. доля русских в Армении составила 4%, в Грузии — 8,7%, в Азербайджане — 16,5%. Тогда русских в Закавказье насчитывалось около 900 тыс. чел., в том числе в Азербайджане — около 530 тыс., в Грузии более 300 тыс. и в Армении — около 50 тыс. Это говорит о большом притоке русских в Закавказье в 20–30-е годы XX в. В 1939 г. русские составляли в Баку 42,5%, в Тбилиси — 18,0%, в Ереване — 7,5%.

К 1959 г. удельный вес русских в Закавказье вырос только в Грузии (до 10,1%, а по языку — до 12,7%). Число русских здесь достигло 407,9 тыс. чел. В Армении же доля русских снизилась до 3,2% (по языку — до 4,0%), численность же несколько выросла (до 56,5 тыс. чел.). В Азербайджане отмечает-

ся снижение как относительной (с 16,5 до 13,5%), так и абслютной (с 528 до 501,2 тыс. чел.) численности русских.

В 60–80-е годы этот процесс принял в Закавказье всеобщий характер. В 1989 г. русские составили в Азербайджане 5,6% общего числа жителей, а число их снизилось до 392 тыс. чел. (доля же русскоязычного населения в 1959–1989 гг. сократилась с 17,3 до 7,6%). В 1971–1980 гг. баланс миграций составил в Азербайджане отрицательную величину — 96,4 тыс. чел., а в 1981–1987 гг. 298,6 тыс. чел. В 1989–1992 гг. только в Россию отсюда переселилось 133,4 тыс. чел.

В Армении процент русских в эти годы уменьшился с 3,2 до 1,6% (численность понизилась до 51,6 тыс. чел.). И это несмотря на то, что баланс миграций здесь оставался положительным (1974–1980 гг. — 85,2 тыс. чел., 1981–1987 гг. — 120,9 тыс. чел.). Даже в 1989–1992 гг. отсюда в Россию уехало всего 19 тыс. чел.

В Грузии доля русских в 1959–1989 гг. сократилась с 10,1 до 6,3% (численность — до 341 тыс. чел.). Отток населения отсюда был заметен уже с 60-х годов и в 1961–1987 гг. отрицательный баланс миграций составил 410 тыс. чел. В 1989–1992 гг. только в Россию отсюда уехало 73 тыс. чел.

Другими словами, с 60-х годов с территории Закавказья (кроме Армении, где русских было очень мало) идет мощный отток русских и их численность здесь постоянно сокращается. Видимо, вопрос о русских в этом регионе можно считать предрешенным. В ближайшем будущем их здесь останется очень мало, и России еще придется принять около 600 тыс. чел. Одновременно с русскими из Закавказья устремляется в Россию мощный поток коренных жителей Закавказья: азербайджанцев, грузин и армян, получивших странное канцелярско-чиновничье наименование — «лица кавказской национальности». Это, как правило, не несчастные беженцы, а бизнесмены, предприниматели, нередко представители различных мафиозных кланов.

Русские в столицах республик бывшего СССР

Таблица 7 показывает, что значительная часть русского и русскоязычного населения проживала в столицах республик бывшего СССР.

Даже по переписи 1989 г. русскоязычное население доминировало не только в Москве (93,5% общего числа жителей), но и в Алма-Ате (64,8%), Бишкеке (61,9%), Риге (58,7%). Русские по национальности составляли в этих городах соответственно 89,7%, 59,1%, 55,7%, 47,3%. В Таллине славянское население достигало 49,4%, а русское — 44,5% (эстонское — 46,8%).

В Москве — бывшей столице СССР и главном городе России — русские всегда являлись преобладающим этносом. Переселение сюда большого числа немцев, евреев, украинцев и лиц других национальностей привело к тому, что удельный вес русских здесь снизился с 97,5% в 1840 г. до 91,5% — в 1920 г. и 87,4% — в 1939 г. Однако к 1989 г. этот показатель увеличился до 89,7%.

В Риге русские стали селиться лишь с начала XVIII в. В 1767 г. они составили здесь лишь 15% общего числа жителей (славян, включая поляков, было

22%). В 50-е годы XIX в. доля русских возросла здесь до 27,7% (славян — до 33,2%). В конце XIX — начале XX вв., в связи с усилившимся притоком латышей в Ригу, доля русских упала до 19% (численность же достигла 100 тыс. чел.). Однако во второй половине 40–60-х годов XX в. новый приток переселенцев из центральных регионов страны необыкновенно сильно повысил тут долю русских — до 47%, а славян — почти до 60%. Рига превратилась в русскоязычный по-преимуществу город с относительным преобладанием русских.

В Таллине отмечался аналогичный процесс. В начале XIX в. русских было здесь не более 20%. К 1918 г. их доля повысилась до 26%. Отток русских в 20-е годы снизил их удельный вес к 1934 г. до 9%. Однако в 1989 г. русские уже составляли в Таллине 41,5%, а славяне — 49,4%, тогда как эстонцы — 46,8%.

В столичных городах Казахстана и Средней Азии русское и славянское население, напротив, быстро росло в 20–40-е годы, что было связано, в первую очередь, с быстрым развитием экономики. В этот регион из Центра перебрасывались целые промышленные предприятия с их рабочими и семьями этих рабочих. В 50–80-е годы отмечается уже быстрое падение доли и русского и русскоязычного населения. Процесс этот чрезвычайно ускорился в последние годы. Тем не менее русские и славяне и сейчас абсолютно преобладают в Алма-Ате и Бишкеке (Фрунзе).

В Ашхабаде, Душанбе и Ташкенте удельный вес русских быстро рос в первой половине XX в., но затем начал так же быстро снижаться. Ныне русские и славяне уже не составляют здесь абсолютного и даже относительного большинства, хотя пока еще превышают треть общего числа всех жителей. Так, в Ашхабаде русские составляли в 1939 г. — 61,9% (все славяне — 67%), а в 1989 г. — 32,3% (славяне — 35,5%) всех жителей. В Душанбе эти показатели равнялись соответственно 57,0 (63,0%) и 32,4 (36,4%), а в Ташкенте — 42,5 (45,7%) и 34,0 (37,5%).

В Баку русских в 1916 г. было 25,8%. В 1939 г. их доля здесь повысилась до 42,5% (всех славян — до 43,8%, азербайджанцы достигали только 29,2%). Однако в 1989 г. русские составляли здесь лишь 16,5% (славяне — 17,7%). В Тбилиси русских было в 1896 и 1939 г. — 18%, а в 1989 г. — только 10%, в Ереване — соответственно 8 и 2%. Другими словами, процесс падения доли и сокращения численности русских в столицах республик Закавказья протекал гораздо интенсивнее, чем в Средней Азии, и начался гораздо раньше.

В Киеве в конце XIX — начале XX вв. преобладали русские (1897 г. — 54,2%, 1917 г. — 49,5%, а украинцы — 16,4%). Бесспорно, это было в значительной мере украинское, но перешедшее на русский разговорный язык население. В 30–60-е годы доля русских здесь уменьшается. А в 1989 г. они составили в Киеве только 19,5% жителей. Киев превращается в украинский по этническому составу жителей город. В Минске удельный вес русских рос постоянно (1920 г. — 7,3%, 1939 г. — 12%, 1989 г. — 20%), но город всегда оставался преимущественно белорусским.

В Кишиневе в первой половине XIX в. основным этническим компонентом были молдаване (в 1834 г. — 41% всего населения, русских было 9%, славян

в целом — 28%). Затем доля молдаван тут стала уменьшаться (1861 г. — 20%, 1897 г. — 18%), причем растет удельный вес русских (соответственно 43,4 и 29,3%) и славян (60,0 и 52%). С 20-х годов в городе вновь неуклонно растет доля коренного населения (1930 г. — 40,7%, 1989 г. — 51,0%). Однако и в 1989 г. русские составили в городе 25%, славяне — 40%.

В Вильнюсе с конца XIX в. по 1989 г. удельный вес русских практически не изменился (около 20%). Однако доля славян здесь в эти годы упала с 55 до 47%, а литовцев — выросла с 2 до 51%. Дело в том, что в Вильнюсе до конца 40-х годов быстро рос удельный вес поляков (1897 г. — 31%, 1909 г. — 38%, 1931 г. — 66% общего числа жителей). Однако в 40-е годы из Литвы (преимущественно из Вильнюса) в Польшу было депортировано большое число поляков (около 200 тыс. чел.). В результате доля поляков в Вильнюсе резко сокращается и в 1989 г. равняется всего 19%. Однако и в 1989 г. численность славян в этом городе лишь немногим уступает числу литовцев (269 и 292 тыс. чел.).

Приведенные данные показывают, что в столицах бывших союзных республик к 90-м годам XX в. проживает значительное русское и русскоязычное население. В 30–60-е годы оно преобладало во многих столицах. Сейчас русские составляют большинство в Москве, Риге, Алма-Ате, Бишкеке, Таллине. Однако в большинстве столиц республик (в Закавказье, Средней Азии, Украине) после 1917 г. происходит резкое падение удельного веса и даже численности русских. На первое место вышли жители коренной в каждой республике национальности. Кроме Москвы — все это не русская этническая территория. После распада СССР процесс этот стал необратимым, и в ближайшие годы мы будем наблюдать продолжающееся падение в рассмотренных столицах и удельного веса и численности русских, а в еще большей мере — русскоязычных жителей.

Русские в столице России — Москве

Производимые в Москве исчисления населения не позволяют качественно определить национальный состав проживающего в ней населения. Однако и они содержат интересные сведения по этому вопросу. Так, подворная перепись 1701 г. показывает, что иностранцы (в основном, немцы) составляли почти 1% жителей города. Население Москвы проживало тогда в 16,4 тыс. дворов. Считая примерно по 6 чел. на двор, мы получаем почти 100 тыс. чел. Иностранцев среди них было 800–1000 чел. Подавляющую часть жителей города составляли посадские (42%), дворяне и чиновники (39%), духовенство (9%) и т.д.[98]. К концу 30-х годов XVIII в. население города выросло (по церковному исчислению) до 140 тыс. чел. Число иностранцев осталось таким же. Почти 40% населения города пришлось на долю дворовых людей и крепостных крестьян[99].

Табл. 66 показывает, что в XIX–XX вв. с 1840 по 1989 гг. абсолютная численность русских в Москве возросла с 338,4 до 7963,2 тыс. чел., а удельный вес снизился с 97,6 до 89,7%. С начала XVIII в. доля русских в Москве упала

с 98 до 90% Это было обусловлено столичным статусом города. В досоветский период она являлась второй столицей России, а с 1918 г. — вновь сделалась единственной столицей СССР и с 1991 г. — России.

Это вызвало интенсивный приток в Москву как жителей различных регионов империи и СССР, так и выходцев из-за рубежа. Интересно, что до 1939 г. удельный вес русских в Москве снижался (1840 г. — 97,5%, 1897 г. — 95%, 1926–1939 гг. — 87,5%) и в 30-е гг. опустился до самого низкого в ее истории уровня. Это было обусловлено интенсивным притоком в город нерусского населения в условиях отсутствия прописки. С 40-х годов отмечается уже обратная тенденция — рост удельного веса русских (по национальности). Ассимиляционные процессы (особенно при отсутствии школ с нерусским языком преподавания), а также нередко непреодолимые трудности с переездом на жительство в Москву, повысили здесь долю русских до 90%. И все же и теперь каждый десятый житель города принадлежит к числу других этносов бывшего СССР, так как иностранцев (не считая приезжающих на короткое время) здесь живет немного.

Вторым по численности народом в Москве являются евреи. Первоначально их тут было совсем мало (в 1840 г. — 0,1% населения города). К концу XIX в. доля евреев в Москве, несмотря на гонения на них, повысилась до 1%. В 20-е годы отмечается массовое переселение евреев с Украины и Белоруссии в города России и, в первую очередь, в Москву. В 1926 г. они составили здесь почти 6,5% всего ее населения (более 130 тыс. чел.). К 1939 г. доля их снизилась до 5,8%, хотя численность и выросла до 265 тыс. чел. А затем уже быстро падают и численность, и процент. По последней переписи 1989 г. евреи достигали только 2% общего числа жителей Москвы (174 тыс. чел.). Это было вызвано как массовой ассимиляцией их в Москве, так и усилившимся выездом за границу. Отъезд евреев из СССР в небольших количествах стал заметным уже в 50-е годы. Он усилился в 70-е годы (выбыло 215 тыс.), но достиг своего максимума в конце 80 — начале 90-х годов. Недавно в Израиле отметили случай прибытия туда 500-тысячного еврея из бывшего СССР.

Число украинцев в Москве первоначально также было незначительно. Они быстро переходили здесь на русский язык, а затем меняли и свою национальную принадлежность. Перепись 1897 г. учла в Москве только 4,5 тыс. чел. с украинским родным языком, что составило только 0,4% населения города. В 1926 г. украинцы достигли уже 0,8% жителей Москвы. Затем их численность и удельный вес быстро растут (1939–1959 гг. — 2,3%, 1979 — 2,6%, 1989 г. — 2,8%). Ныне украинцы численно опередили евреев и являются самым многочисленным после русских народом в Москве. Их здесь более 250 тыс. чел.

На третьем месте находятся татары. Это было старинное население города, хотя абсолютная численность их долгое время оставалась небольшой (в XVIII в. — 0,1 тыс., в 1840 г. — 0,2 тыс., в 1897 г. — 4,4 тыс.). В 20–80-е годы и численность (с 17,7 тыс. в 1926 г. до 157,4 тыс. в 1989 г.) и удельный вес (соответственно с 0,9 до 1,8%) татар в Москве сильно повышаются.

Белорусов в Москве немного. Их число с 1897 по 1989 г. увеличилась с 1 до 73 тыс. чел., а доля — с 0,1 до 0,8%.

Сильно сократились в Москве за анализируемый период численность и удельный вес поляков (0,8% в 1840 г. и 0,1% — в 1989 г.) и особенно немцев (1,5% в 1840 г. или более 5 тыс. чел. и всего несколько сотен в 1989 г.).

Немецкое население в XVIII–XIX вв. в Москве было довольно многочисленно. Немцы начали селиться здесь в заметных количествах еще в XVI в. и к 1897 г. достигли почти 2% народонаселения Москвы. Однако затем численность их быстро падает, что связано с депортацией немцев в 30–40-е годы и целым рядом других факторов.

Среди других этносов можно назвать армян, которые издавна селились здесь (в 1840 г. — 0,1%, в 1989 г. — 0,5% жителей города — более 44 тыс. чел.), мордву, чувашей и др. Можно сказать, что в Москве в большем или меньшем числе проживали представители всех народов нашей бывшей большой родины, но самыми многочисленными после русских были и остаются евреи, украинцы и татары.

Население Москвы быстро увеличивается за счет притока из других регионов. Рождаемость здесь всегда была понижена, а смертность — относительно высока. С 1987 г. смертность здесь вообще превышает рождаемость, так что без притока новоселов со стороны население Москвы начало бы довольно быстро «усыхать». В 1991 г. здесь больше умерло, чем родилось, на 27 тыс., в 1992 г. — на 51,6 тыс., в 1993 г. — на 76,8 тыс. чел. Судя по тенденции демографических процессов (естественный прирост в первом квартале) в 1994 году естественная убыль достигнет 100 тыс. чел. за счет вымирания, в первую очередь, мало обеспеченных слоев населения и пенсионеров. Во всяком случае, в первой половине 1994 г. смертность превысила рождаемость на 43,2 тыс. чел. (родилось 32,8 тыс., а умерло 76,0 тыс. чел.)[100].

В XVIII–XIX вв. в Москве проживало менее 1% всех жителей России, в 1917–1926 гг. — 2,2%, в 1939–1959 гг. — 4,2%, в 1979 г. — 5,8% и в 1989 г. — 6,1%.

В 1871–1911 гг. механический прирост достиг в Москве почти одного млн. человек, однако за все время с 1871 по 1921 гг. отток превысил приток из-за огромного числа лиц, уехавших из Москвы в 1918–1920 гг.

В 1921–1941 гг. механический прирост в Москве превысил 1 млн. чел., а в 1941–1987 гг. достиг почти 5,5 млн. чел. Таким образом, все ограничения на въезд в Москву смогли лишь несколько затормозить темпы роста ее населения. В противном случае в Москве сейчас проживало бы не более 2,5–3 млн. чел.

Заключение

Наше исследование показывает, что в XVIII–XX вв. абсолютная численность русского населения на территории недавно обретшей независимость России выросла с 11,1 до 119,9 млн. чел. или более чем в десять раз. Удельный вес русских на этой территории, однако, снизился с 84,1 до 81,5%. Он неуклонно понижался до 1917 г. (72,4%), потом рос до 1959 г. (83,3%), так

и не достигнув уровня начала XVIII в., а затем — начал быстро и неуклонно снижаться.

На землях же всего недавно упраздненного Союза ССР удельный вес русских повысился с 42,7 до 50,8%, а численность выросла с 11,1 до 145,2 млн. чел., более чем в 13 раз. При этом доля русских здесь повышалась неуклонно до 60-х годов XX в., когда он достиг своей наивысшей точки (54,7%), а затем начала быстро снижаться.

В целом, отмеченная тенденция вызывалась несколько пониженным естественным приростом русского населения в основных регионах его исконного проживания. В свою очередь, это объяснялось сильнейшим феодально-крепостническим гнетом именно в центральных великороссийских регионах, его пережитками в пореформенный период, содержанием в основном из русских огромной армии для завоевания окраин. В советский период на этот процесс решающее влияние оказало то, что бесчеловечные и непрерывные эксперименты коммунистического строя сильнее всего били именно по центральным регионам с преимущественно русским населением. На окраинах «до власти было далеко» и это имело свои положительные стороны.

До 60-х годов XX в. значительное смягчающее влияние на этнодемографические процессы в Российской империи и СССР имело то, что русский этнос частично ассимилировал какую-то (впрочем, бесспорно, довольно значительную часть) совместно проживающих с ним представителей других этносов (белорусов, украинцев, мордвы, евреев, немцев и т.д.), а также сильнейшее миграционное движение русских как на окраины современной России, так и в созданные здесь суверенные республики. На окраинах уровень естественного прироста у русских отнюдь не был понижен или не очень существенно уступал существующему у других этносов. Кроме того, русский этнос (в отличие от литовцев, евреев, поляков, украинцев, немцев) почти не принимал (кроме краткосрочного периода «белой эмиграции») участия в эмиграционных процессах так называемого теперь «дальнего зарубежья».

Поэтому удельный вес и численность русских в других республиках СССР почти повсеместно росли до 60-х годов XX в. (небольшое снижение доли отмечается только в Туркмении, Азербайджане и Армении.

В 60-е годы уровень жизни в России снижается сильнее, чем на окраинах. Естественный прирост в Центре и на Западе СССР быстро падает, а на востоке и юге, напротив, растет. И это приводит к тому, что доля русских, в условиях прекращения ассимиляционных процессов, начинает снижаться не только в России, но и в большинстве других республик, и в СССР в целом. Она продолжает расти фактически до ликвидации СССР только на Украине, в Белоруссии, Молдавии и республиках Прибалтики, но на общую картину это уже не могло оказать решающего влияния. В 90-е годы в момент распада СССР и сразу же после этого наступает новый важный этап в демографической и этнодемографической истории России: смертность у русских (в первую очередь) начинает превышать рождаемость, причем размеры естественной убыли возрастают каждый год без каких-либо шансов хотя бы на стабилизацию. В результате начинается абсолютное сокращение численности жителей

России и русских в частности. И, сверх того, приобретает поистине огромные размеры наметившееся еще в 70-е годы выталкивание русского населения из обретших независимость республик назад в Россию. Тем не менее, удельный вес русских за пределами нынешней России к 1989 г. еще не начал снижаться. Это происходит именно сейчас и широкие масштабы прибретает с 1991 г.

В 1719 г. в России проживало 99,4% всех русских. Кроме того, небольшое их число находилось на Украине (0,5%) и в Казахстане (0,1%). В 1989 г. в России уже было учтено 82,6% всех русских СССР, а в других республиках — 17,4%. Однако по сравнению с 1959 г. доля русских к общему их числу в СССР выросла: на Украине — с 4,9 до 7,8%, в Белоруссии — с 0,5 до 0,9%, в Казахстане — с 2,4 до 4,3% и т.д. По сравнению же с 1979 г. она увеличилась только на Украине (с 7,6 до 7,8%), и в Белоруссии (с 0,8 до 0,9%), а в остальных республиках либо уменьшилась, либо осталась неизменной. Сокращение отмечается в Узбекистане, Туркмении, Казахстане, Грузии.

Оскудение Центра было поистине колоссальным. Вряд ли удастся в ближайшие годы как-то исправить ситуацию, которая действовала постоянно и неуклонно уже с XVII в. В 4-х истинно великороссийских регионах (Центрально-Промышленном, Центрально-Земледельческом, Северном и Озерном) в 1678 г. проживало почти 88% всех русских страны, в 1719 г. — 80%, а в 1989 г. — только 35%. Было более трех четвертей, а осталось немногим более одной трети, хотя абсолютная численность и выросла с 7,1 до 50,3 млн. чел. В Центрально-Промышленном регионе в 1678 г. проживало 47,8% всех русских, в 1719 г. — 40,8%, а в 1989 г. — только 17,6%. В Земледельческом центре в 1678 г. было 20,9%, в 1719 г. — 25,2%, а в 1989 г. — только 8,8% всех русских.

Удельный вес русских резко повысился в заселяемых окраинных регионах: Северном и Южном Приуралье, Нижнем Поволжье, Северном Кавказе и Новороссии. В 1678 г. здесь было учтено только 3,6% всех русских, в 1719 г. — 6,8%, а в 1989 г. — 30,4%, то есть почти треть русского этноса.

В Казахстане и Средней Азии в дореформенный период почти не было русских, а в 1989 г. здесь размещалось почти 8% всех русских. В Сибири и на Дальнем Востоке русских оказалось в 1678 г. — 1,9%, в 1719 г. — 2,9%, а в 1989 г. — 17,9% общего их числа.

Для спасения Центра, возрождения его экономики и культуры необходимо расселить здесь многомиллионную армию русских и русскоязычных беженцев, возвращающихся или тех, которые хотели бы вернуться на свою историческую родину. В настоящее время в республиках ближнего Зарубежья и на землях субъектов федерации России проживает 37 млн. этнических русских (в том числе 25,3 млн. — в республиках ближнего зарубежья) и 50 млн. русскоязычных жителей. Это составляет почти 23% всего населения этих территорий и 26% всех русских, размещающихся за границами русских областей — огромная величина, которая могла бы ускорить возрождение России. В свое время вовзращение в Германию 13 млн. этнических немцев, отток в 1914–1917 гг. в глубь России почти 7,5 млн. беженцев в немалой мере способствовали развитию экономики Германии и России.

В XVIII–XIX вв. на территории Российской империи и России в ее нынешних рубежах шел длительный процесс формирования русской этнической территории, то есть земель, где русский этнос абсолютно преобладал над другими этносами.

В 1919–1925 гг. в СССР происходил процесс формирования политических образований: союзных республик, автономных республик, автономных областей и национальных округов. В ходе этого размежевания была рассечена русская этническая территория и многие чисто или почти чисто русские земли попали в состав союзных республик (Украины, Казахстана) и государственных образований на территории России. Частично некоторые русские земли Псковской, Новгородской и Ленинградской областей в начале 20-х годов были переданы в состав Эстонии и Латвии. Наконец, в 50-е годы населенный в основном русскими Крым, был включен в состав Украины.

Это привело к большому несоответствию между русскими этническими и политическими границами. Правда, до распада СССР это не имело принципиального значения. Казалось бы, при распаде СССР необходимо было либо опираясь на результаты последней переписи 1989 г., либо путем референдума привести в соответствие этнические и политические границы всех государственных образований, существующих на этой территории, включая и границы русского этноса. Сохранение в неприкосновенности старых сталинско-хрущевских политических рубежей было совершенно недопустимо. Именно это привело к целому ряду межэтнических конфликтов на территории бывшего СССР и чревато новыми конфликтами.

В XVIII–XX вв. русский этнос заселил и превратил в русскую этническую территорию Нижнее Поволжье (в 1719 г. — русские составляли 33,0%, а в 1989 г. — 82,8% всего населения), Южного Приуралья (соответственно 10,5 и 62,1%), Северного Кавказа (0,7 и 68,6%), Восточной Сибири и Дальнего Востока (44,0 и 83,3%). Русский этнос возобладал на значительной части Казахстана и Новороссии (область Войска Донского, Крым). Кроме того, русские преобладали в Нарвской области и части Латгалии (Двинский уезд). Наконец, уже после Отечественной войны 1941–1945 гг. русские заселили Калининградскую область, Южный Сахалин и Курильские острова.

Украинские переселенцы более успешно заселяли Новороссию, Слободскую Украину, которые и были в основном потеряны Россией. Кроме того, уже в пореформенные годы украинский этнос возобладал на Дальнем Востоке и части Северного Кавказа, однако последующая ассимиляция здесь украинцев русскими сохранила эти территории для русского этноса. В сущности, в результате миграций русский этнос утратил с XVII в. Слободскую Украину, уступив ее украинскому этносу, территорию будущей Екатеринославской губернии (ему же) и будущую Уральскую область (казахам).

Были сохранены на 1989 г. как русские в этническом отношении, но утрачены в политическом в ближнем зарубежье: земли Нарвской области (отошли к Эстонии), территории Даугавпилского уезда (к Латвии), Крыма, части Донбасса и бывшего Путивльского уезда (включены в состав Украины), а также Северо-Казахстанская, Карагандинская, Восточно-Казахстанская,

Алма-Атинская, Кустанайская, Павлодарская и Целиноградская области Казахстана.

На территории собственно России на землях субъектов федерации ныне проживает почти 12 млн. русских и 10 млн. других этносов. Бесспорно, что все они имеют право на существование своей государственности, но только на своей этнической территории. Русские составляют 74% населения Карелии, 70% — Бурятии, 61% — Мордовии, 59% — Удмуртии, 58% — Коми, 50% — Якутии. Около половины населения приходится на долю русских в Мари и Татарии. Они не доминируют в населении Башкирии (39%), Калмыкии (38%), Кабардино-Балкарии (32%), Тувы (32%), Северной Осетии (30%), Чувашии (27%) и Чечено-Ингушетии (23%).

В абсолютном большинстве бывших автономных областей и округов русских более 60%. Они не доминируют лишь в Карачаево-Черкессии (42%), Агинско-Бурятском (41%) и Коми-Пермяцком (36%) округах. Как было показано выше, территория этих образований легко может быть разделена по этническому признаку. Поскольку все субъекты России и бывшего СССР стремятся к суверенитету и уже его обрели, закономерна такая постановка вопроса. Пусть суверенитет имеют все политические образования бывшего СССР, но только на своей собственной этнической территории. Так, например, в Крыму русских почти 70% и они преобладают почти повсеместно. В Карелии карелы являются преобладающим этносом только в 3 районах, а всего их в республике менее 10%. Очень мало бурят в Бурятии, евреев — в Еврейской автономной области и т.д. Но можно легко выделить территории, где все эти этносы имеют абслютное или хотя бы относительное преобладание.

Тем не менее, эти соображения носят чисто умозрительный характер. Речь может идти только об установлении истории формирования русской этнической территории и выяснении того, какие земли мы потеряли в результате «беловежских соглашений» и продолжающейся суверенизации субъектов Российской Федерации (договоры с Татарстаном, Башкирией). Это позволит сделать расчеты того, сколько млн. этнических русских могут вернуться в Россию и способствовать ее национальному возрождению. Настоящая работа позволила установить, что мы потеряли из наших русских земель и кого мы можем благодарить за это. Мы также убеждаемся, что в истории человечества нет прецедентов, подобных случившемуся. Как правило, этнические территории утрачивались в результате военных поражений или вековых этнических процессов. Передача же добровольно земель, где размещается 37 млн. этнических русских и 50 млн. русскоязычных жителей не имеет исторических прецедентов. И никакое сравнение с Францией или Англией здесь неуместно. По примеру этих стран русские должны уйти из Средней Азии, Закавказья, Южного Казахстана, Западной Украины, Литвы и большей части Латвии и Эстонии. Однако абсолютно новыми являются призывы покинуть земли, где русские преобладают или которые они в течение многих лет совместно заселили с представителями других этносов. Почему-то у нас об этом забыли. Так, на Украине получил широкое распространение лозунг «Украина для украинцев». С определенными сомнениями его можно принять, если речь идет о

Малороссии, Правобережной Украине, Восточной Галиции (применительно к русскому этносу). Но поскольку Слободская Украина являлась русской провинцией, куда украинцы стали переселяться в большом числе только с 30-х гг. XVII в., поскольку Новороссия заселялась русскими и украинцами после изгнания оттуда русскими турок, и украинцы и русские имеют равные права проживания на этих землях, даже если украинцы здесь теперь и преобладают.

Всю это необходимо знать, чтобы защитить права наших соотечественников от несведущих людей, которых так много в нашем отечестве.

1. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 247–249.

2. Максудов С. Потери населения СССР. С. 202.

3. Там же.

4. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992. С. 4.

5. Lorimer F. The population of the Soviet Union: history and prospects. Geneva: League of Nations, 1946, P. 42.

6. Всесоюзная перепись населения 1937 г. ... С. 166–173; Всесоюзная перепись населения 1939 года... С. 229–240.

7. Хорев Б. Россия перед лицом демографической катастрофы..., С. 32.

8. Там же. С. 32.

9. Владимирова О. ЗАГС – зеркало души. – Вечерняя Москва от 18 марта 1994 г. С. 4.

10. Хорев Б. Указ. соч. С. 33.

11. Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926.

12. Урланис Б.Ц. Война и народоиаселение Европы. М., 1960.

13. Kulischer A., Kulischer E.M. Kriege und Wanderzüge: Weltgeschichte als Völkerbewegung. Berlin, 1932; Idem. The Displacement of population in Europe. Montreal, 1943; Idem. Europe on the Move: war and population changes. 1917–1947. N.Y., 1948.

14. Lorimer F. The population of the Soviet Unions..., 1946, p. 42.

15. Rimscha H. Der russische Bürgerkrieg und russische Emigration. 1917–1921. Jena, 1924; Simpson S.J.H. The refuges problem: report of a survey. London, 1939.

16. Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. С. 168–169; Комин В.В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977. Ч. 1. С. 30, 32; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1981. С. 17–18; Мухачев Ю.В. Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. С. 41.

17. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 98–100, 117–120.

18. Максудов С. Потери населения СССР. Вермонт, 1989. С. 202–203.

19. Очень широко он привлекает труд советского демографа Л.Я. Боярского. «Население и методы его изучения» Сб. статей. М., 1975. С. 226 и др.).

20. Население СССР. 1987. М. 1988.

21. Zagadnienie demograficzne Polski. Ruch naturalny ludnosci w latach 1895–1935. Warszawa, 1936, s. 28.

22. Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskej. Rok 1–8. Warszawa, 1921–1930; Maly Rosznik Statystyczny. Rok 1–X. Warszawa, 1930–1939.

23. Zarychta A. Emigracja polska. 1918–1931 i jej znaczenie dla panstwa. Warszawa, 1933.

24. Марианьский А. Современные миграции населения. М., 1966.

25. International Migrations..., p. 783.

26. Эйдинтас А. Литовская эмиграция в страны Северной и Южной Америки в 1868–1940 гг. Вильнюс, 1989. С. 150–153.

27. Лубны-Герцык Л.И. Указ. соч. С. 23–24.

28. Там же.

29. Волков Е.З. Динамика народонаселения России за 80 лет. М., 1930. С. 15, 169.

30. Там же.

31. Rocznik. Statystyki Rzeczypospolitej Polskej. Rok 1. 1922–1923; cz. 2. Warszawa, 1923, s. 338.

32. Landan G. Metody porownywania spisow ludnosci z 1897 i 1921 r. – Kwartalnyk statistyczny. Rok 1926, t. 3. Warszawa, 1927, s. 111.

33. Maly Rocznik Statystczny. Rok 10. 1939. Warszawa, 1939, s. 43.

34. Rocznik Statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. Rok IV. 1925–1926. Warszawa, 1927, s. 103.

35. Skipitis R. Nepriklansoma Lietuva statant: Atsiminimai-Chicago. 111, 1961, p. 265.

36. Rocznik Statystyki Rzeczypospolitej... Rok V. Warszawa, 1927, s. 541; Марчайтис А. Литовская Советская социалистическая республика – Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 226.

37. International migrations..., p. 783.

38. Unger-Sternberg R. Die Bevölkerung Verhältnisse in Estland, Lettland, Litauen und Polen. Berlin, 1939; S. 18.

39. Пуллат Р.Н. История Таллина. 1860–1970. Таллин, 1972. С. 41.

40. Волков Е.З. Указ. соч. С. 185; Максудов С. Потери населения СССР... С. 203.

41. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны... С. 117–119; Максудов С. Потери населения СССР... С. 202 (Через Константинополь проехало 190 тыс. чел. эмигрантов, в Польшу до 1 июля 1921 г. прибыло 570 тыс. чел., на Дальний Восток в 1922 г. въехало 150 тыс. чел. и т.д.).

42. Kulischer By Eugene M. Europe on the Move..., p. 53–56.

43. Ibid. P. 56.

44. Народонаселение стран мира. Справочник. Изд. 2. М., 1978. С. 445.

45. Эйдинтас А. Указ. соч. С. 153, 160.

46. Zagadnienie Demograficzne..., s. 28.

47. Maly Rocznik Statystyczny. Rok 10, 1939, Warszawa, 1939, s. 53.

48. Берзина М.Я. Указ. соч. С. 70; Maly Rocznik Statystyczny. Rok 10, табл. 1; Wirtschaft und Statistik. Jg. 7, 1927, 7, S. 309.

49. Pflugel R.V. Die überseeische österreichische Wanderung in den Jahren 1904 und 1905. – In: Statistische Monatsschrift, Neue Folge, Jg. 11, Brünn, 1906, S. 601–607.

50. Wirtsschaft und Statistik. 1937. Jg. 17, 23, S. 966.

51. Мы не касаемся здесь пока внутренних перемещений на восток немцев Поволжья, крымских татар, греков, армян, так как это были внутренние миграции в пределах СССР.

52. Перковський А.Л. Пирожков С.У. Демографічні втрати народонаселення Української РСР у 40-х рр. – Український Їсторичний журнал. 1990. № 2. С. 16.

53. Внешняя политика Советского Союза. 1945. М., 1949. С. 145.

54. Соколов Б.В. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны. – Вопросы истории. 1988. № 9; Максудов С. Указ. соч. С. 202, 209.

55. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1958. Т. 6. С. 250.

56. Марианьский А. Указ. соч. С. 66.

57. Берзина М.Я. Указ. соч. С. 70, 76, 77, 79.

58. Sobczak J. Hitlerowskie przesiedlenia ludnosci niemieckej w dobie II woyny Swiatowej. Poznan; 1966, s. 321.

59. Марианьский А. Указ. соч. С. 117.

60. Там же. С. 132, 193.

61. Там же. С. 128–130.

62. Там же. С. 134; Kulischer By Eugene M. Europe on the move..., P. 302–330.

63. Марианьский А. Указ. соч. С. 130.

64. Здесь и далее см.: Кабузан Н.В. Украинское население Галиции, Буковины и Закарпатья в конце XVIII – 30-х годах XX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1986. С. 119–152.

65. Марианьский А. Указ. соч. С. 131.

66. Там же.

67. Там же. С. 134. (Из Сирии – 35 тыс., из Греции – 18 тыс., из Ирана – 20 тыс., из Болгарии, Франции и Египта по 5 тыс., из Румынии и Иордании – по 3 тыс., из Ирака – 1 тыс. чел.).

68. Максудов С. Указ. соч. С. 194.

69. Правда, № 138 (26221) от 18 мая 1990 г. С. 6.

70. Известия, № 166 (23069) от 24 июня 1990 г. С. 4.

71. Благов К. Выезд из бывшего СССР все же растет. – Иностранец, № 1 (29) от 12 января 1994 г. С. 18 (в 1991 г. прибыло в Германию 390000 немцев, в 1992 г. – 195576, в 1993 г. – 207347 человек).

72. Kulischer By Eugene M. Europe on the move..., p. 83.

73. Платунов Н.И. Влияние миграций на численный рост населения северных и восточных районов СССР в 20–30-е годы. – Проблемы исторической демографии (период социализма). Кишинев, 1985. С. 43, 47, 50.

74. Население мира. Справочник. М., 1965. С. 78.

75. Максудов С. Указ. соч. С. 167.

76. Перковсвкий А.Л., Пирожков С.У. Демографічні втрати... С. 32; См. также табл. 1.

77. Перепись населения. 1937 год. Краткие итоги. М., 1991. С. 166–173; Всесоюзная перепись населения. 1939 год. Основные итоги. М., 1992. С. 229–240.

78. Kulischer By Eugene M. Europe on the Move..., p. 302–304.

79. Перковсткий А.Л., Пирожков С.У. Вказ. праця. С. 15–16.

80. Население мира. Справочник. М., 1965. С. 78.

81. Демографическое развитие Украинской ССР (1959–1970). Киев, 1977. С. 14–15.

82. Народонаселение мира. Справочник. М., 1978. С. 464.

83. Аргументы и факты. № 19 (708). Май 1994. С. 11 (данные за 1991–1992 гг.); Вечерняя Москва, № 122 (21267) от 4 июля 1994 г. С. 1.

84. Аргументы и факты. № 38–39. Октябрь 1992. С. 7; Агрументы и факты. № 16 (708). Май 1994. С. 11.

85. Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справоочник. М., 1986.

86. Численность и расселение народов мира. М., 1962. С. 250.

87. Межгайлис Б.Я. Латвийская ССР. – Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 217–218.

88. Brambe R. Rigas ledzivotaji feodalisma perioda beigas. Riga, 1982, 128–131 Lp.

89. Пуллат Р.Н. Городское население Эстонии с конца XVIII века до 1940 г. Таллин, 1976. С. 119.

90. Sobszak J. Hitlerowskie przesidlenia ludnosci niemieckij..., s. 137, 194, 320, 321 (из Эстонии выехало 18 тыс. лиц немецкой национальиости).

91. Kulischer By Eugene M. The Displacement of population in Europe. Montreal, 1943, p. 114–115.

92. Idem. Europe on the move..., P. 302–304.

93. Земсков В. О числе лиц, находящихся на спецпоселении к 1.1.1953 г. АиФ № 39 от 30 сентября – 6 октября 1989 г. С. 8.

94. История Таллина с 60-х годов XIX столетия до 1970 года. Таллин. 1972. С. 324.

95. АиФ. Октябрь 1992. № 38–39. С. 7.

96. Mitteilungen aus Justus perthes geographischer Austalt. Jg. 85, Gotha, 1939, S. 73.

97. Табак И.В. Русское население Молдавии в послевоенный период (этнодемографический обзор). – Проблемы исторической демографии СССР (Период социализма). – Кишинев, 1985. С. 138.

98. Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. II. М., 1873. С. 184–185.

99. Описание документов и дел, хранящихся в архиве... Синода. Т. XX. СПб., 1908. С. 891–894.

100. Вечерняя Москва от 16 августа 1994. № 153 (21299). С. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Табл. 1. Численность и удельный вес русского населения Российской империи и СССР в XVIII—XX вв. в границах современных государств бывшего СССР (1719—1989 гг.) (тыс. чел. и %)*

Государства	1719 Число	%	1795 Число	%	1858 Число	%	1897 Число	%	1917 Число	%	1926 Число	%	1939 Число	%	1959 Число	%	1989 Число	%
Россия	11058	84,1	19713	81,6	33547	80,6	50956	75,5	68855	72,4	72611	77,5	89928	83,0	97864	83,3	119866	81,5
Украина	54	0,9	249	2,4	759	4,5	2833	9,6	3620	9,3	2707	7,3	4886	11,8	7091	16,9	11356	22,1
Белоруссия	-	-	40	1,2	69	1,5	414	6,2	1461	14,5	485	5,9	536	6,0	660	8,2	1342	13,2
Узбекистан	-	-	-	-	-	-	30	0,9	90	2,1	244	4,5	744	11,7	1092	13,5	1653	8,3
Таджикистан	-	-	-	-	-	-	8	1,0	45	4,4	6	0,7	135	9,1	263	13,3	388	7,6
Туркмения	-	-	-	-	-	-	28	3,0	40	3,8	75	7,7	233	18,6	263	17,3	334	9,5
Казахстан	13	1,2	84	5,6	237	8,0	505	11,7	1281	21,7	1280	20,6	2447	40,2	3972	42,7	6228	37,8
Киргизия	-	-	-	-	-	-	17	2,6	92	10,7	116	11,7	303	20,8	624	30,2	917	21,5
Грузия	-	-	-	-	-	14	1,0	109	5,7	189	7,5	96	3,6	309	8,7	408	10,1	341	6,3
Азербайджан	-	-	-	-	-	12	0,9	96	5,3	224	8,4	220	9,5	528	16,5	501	13,5	392	5,6
Армения	-	-	-	2	0,1	6	1,1	38	4,8	29	2,2	21	2,3	51	4,0	56	3,2	52	1,6
Литва	-	-	-	27	3,1	36	2,0	139	5,1	175	5,9	67	2,6	101	3,4	231	8,5	344	9,4
Латвия	0,3	0,3	-	27	3,1	72	6,0	155	8,0	228	9,6	194	10,3	187	9,6	556	26,6	906	34,0
Эстония			-	4	0,8	19	2,6	38	3,94	47	4,2	38	3,8	48	4,6	240	20,1	475	30,3
Молдавия	-	-	-	-	-	12	1,5	91	6,4	132	6,5	218	9,4	173	7,1	293	10,2	562	13,0
ИТОГО:	11128	42,7	20118	44,8	34783	45,9	55457	44,2	76507	44,3	78375	46,9	100609	52,5	114114	54,7	145162	50,8

* Составлена по источникам, рассмотренным в историографическом разделе.

Табл. 2. Численность и удельный вес русских в бывших автономных республиках на территории СССР (тыс. чел.)

Республики	Год основания	1762		1920		1926		1939		1959		1970		1979		1989	
		Число	%	Чнсло	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
Россия	1917					72611	77,5	89928	83,0	97864	83,3	107748	82,8	113522	82,6	119866	81,5
в том числе:																	
- Башкнрия	1919	29	15,7	1053	36,3	1072	39,8	1283	40,6	1418	42,4	1546	40,5	1548	40,3	1548	39,3
- Бурятия	1922	19	25,9			205	52,7	373	72,0	503	74,6	597	73,5	648	72,0	726	69,9
- Дагестаи	1921					98	12,5	133	14,3	214	20,1	210	14,7	190	11,6	166	9,2
- Кабардиио-Балкария	1922					83	36,0	129	35,9	163	38,7	219	37,2	234	35,1	241	32,0
- Калмыкия	1920			52	37,9	15*	12,1	101	45,7	103	55,9	123	45,8	126	42,6	122	37,8
- Карелия	1920	53	26,0	100	43,9	154	57,1	297	63,2	413	63,4	486	68,1	522	71,6	582	73,7
- Коми	1921	6	11,9	32	16,6	16*	6,6	70	22,0	390	48,4	512	53,1	630	57,2	722	57,7
- Мари	1920	14	18,7	135	40,0	210	43,6	268	46,1	310	47,8	321	46,9	335	47,5	356	47,6
- Мордовия	1934	97	69,7	720	60,0	756	60,5	720	60,5	591	59,1	607	58,1	591	59,7	586	60,8
- Сев. Осетия	1924					10*	6,6	123	37,2	179	39,7	202	36,6	201	33,9	189	29,9
- Татария	1920	148	48,1	1205	41,2	1119	43,1	1252	42,9	1254	43,9	1329	42,4	1516	44,0	1575	43,2
- Тува	1944						17,5		17,2	69	40,1	88	38,3	97	36,2	99	32,0
- Удмуртия	1920	94	47,4	281	41,2	328	43,3	683	55,7	759	56,8	810	57,1	870	58,3	945	58,8
- Чечено-Ингушетия	1922					10*	2,6	201	28,8	348	49,0	367	34,5	336	29,1	294	23,1
- Чувашия	1920	27	12,9	83	11,7	179	20,0	242	22,4	264	24,0	299	24,5	338	26,0	357	26,7
- Якутия	1922	3	4,0	15	6,2	30	10,4	147	35,5	215	44,2	314	47,3	430	50,4	550	50,3
- Немцев Поволжья	1918				8*	1,8	117	30,7	156	25,7							
- Крымская**	1921			318	44,1	301	42,3	559	49,6	858	71,4	1221	67,3	1461	68,4	1630	67,0

* Границы ие сопоставимы.
** С 1954 г. в составе Украиины.

Табл. 3. Численность и удельный вес русских в автономных областях и автономных округах России.

Наименование автономных областей и автономиых округов	Год образования	1939		1959		1970		1979		1989	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Адыгейская	1922	173	71,1	20	70,4	277	71,8	286	70,6	294	68,1
Горно-Алтайская	1922	115	70,5	110	69,8	110	65,5	109	63,3	115	60,2
Еврейская	1934	75	68,9	127	78,1	144	83,7	159	84,1	178	83,2
Карачаево-Черкесская	1922	124	49,4	142	51,0	162	47,0	166	45,1	176	42,4
Хакасская	1930	209	75,7	315	76,5	349	78,3	396	79,5	450	79,4
Агинский-Бурятский	1937	16	44,3	29	58,9	29	43,2	29	42,2	32	40,8
Коми-Пермяцкий	1925	49	29,1	71	32,9	76	35,8	60	34,1	57	35,8
Корякский	1929	21	53,2	17	60,7	20	63,1	23	64,5	25	62,5
Ненецкий	1930	31	68,0	31	68,8	25	64,1	31	65,9	36	65,9
Таймырский (Долгано-Неиецкий)	1930	7	47,7	22	65,3	25	66,9	31	68,0	37	66,1
Усть-Ордынский, Бурятский	1937	74	56,3	75	56,4	86	58,9	77	58,0	77	56,6
Ханты-Мансийский	1930	67	72,6	90	72,5	209	76,9	424	74,2	850	66,3
Чукотский	1930	5	24,2	28	60,6	71	70,3	96	68,9	108	65,9
Эвеикийский	1930	5	51,5	6	58,2	8	60,6	10	65,0	17	67,3
Ямало-Неиецкий	1930	21	43,8	28	44,6	38	46,9	94	59,1	293	59,2

Табл. 4. Изменения доли русского населения в границах бывших республик СССР в XVIII–XX вв.
(в %, все русские бывшего СССР = 100,0%)

Республики	Годы										
	1719	1795	1858	1897	1917	1926	1939	1959	1970	1979	1989
Россия	99,4	96,9	96,4	91,9	90,0	92,7	89,4	85,8	83,5	82,6	82,6
Украина	0,5	2,4	2,4	5,1	4,7	3,5	4,9	6,2	7,1	7,6	7,8
Белоруссия	-	0,2	0,2	0,7	1,9	0,6	0,5	0,6	0,7	0,8	0,9
Узбекистан	-	-	-	-	0,1	0,3	0,8	1,0	1,1	1,2	1,1
Таджикистан	-	-	-	-	0,1	-	0,1	0,2	0,3	0,3	0,3
Туркмения	-	-	-	-	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,3	0,2
Киргизия	-	-	-	-	0,1	0,1	0,3	0,5	0,7	0,7	0,7
Казахстан	0,1	0,4	0,7	0,9	1,7	1,6	2,4	3,5	4,3	4,4	4,3
Грузия	-	-	-	0,2	0,2	0,1	0,3	0,4	0,3	0,3	0,2
Азербайджан	-	-	-	0,1	-	0,2	0,5	0,4	0,4	0,3	0,3
Армения	-	-	-	0,1	-	-	0,1	-	0,1	-	-
Литва	-	-	0,1	0,3	0,2	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2
Латвия	-	0,1	0,2	0,3	0,3	0,3	0,2	0,5	0,5	0,6	0,6
Эстония	-	-	-	0,1	0,1	0,1	-	0,2	0,3	0,3	0,3
Молдавия	-	-	-	0,2	0,2	0,3	0,2	0,3	0,3	0,4	0,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Табл. 5. Удельный вес русских в Российской империи и бывшем СССР в XVIII–XX вв. по крупным регионам и губерниям в % к общей численности населения (в границах рубежа XX в.)

Регионы, губернии, области	Годы									
	1719	1795	1858	1897	1917	1926	1979	1926	1979	1989
	Национальность			Язык				Национальность		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Европейская Россия	45,6	47,9	48,1	46,4	48,0	49,7	58,6	46,2	52,4	51,4
Центрально-Промышленный	97,7	96,2	95,4	97,1	97,8	96,6	97,2	95,3	93,5	92,9
Московская	99,9	99,7	99,5	97,6	98,0	96,0	96,9	93,3	91,7	91,3
Владимирская	100,0	100,0	100,0	99,7	99,7	99,6	97,9	99,0	96,6	95,8
Калужская	99,7	99,6	99,5	99,4	99,6	99,1	97,8	98,4	97,5	93,8
Ярославская	99,8	99,8	99,8	99,4	99,7	99,3	98,7	98,8	97,2	96,4
Костромская	100,0	99,7	99,6	99,6	99,8	99,6	98,6	99,3	97,4	96,3
Нижегородская	96,6	92,9	87,6	93,2	92,6	93,4	96,5	93,1	94,6	94,7
Тверская	84,5	83,2	85,2	92,8	96,8	93,5	97,3	93,0	94,7	93,5
Центрально-Земледельческий	90,6	87,4	86,8	87,3	86,8	90,5	98,6	88,5	96,2	93,5
Воронежская	69,4	62,1	61,7	63,3	63,6	70,2	96,9	66,8	93,4	93,4
Рязанская	99,1	99,5	99,6	99,4	99,8	99,5	98,5	99,4	97,4	96,1
Тамбовская	95,1	95,0	94,7	95,5	95,0	99,4	98,9	99,1	98,0	97,3
Орловская	98,8	97,9	97,8	99,0	99,1	98,5	98,7	94,4	97,1	85,5
Курская	69,5	79,2	77,5	77,3	77,8	82,4	98,4	80,4	95,9	94,9
Тульская	100,0	99,9	100,0	99,5	99,6	99,6	98,1	99,2	95,8	95,4
Северный	92,0	91,3	90,1	90,1	90,8	91,0	90,1	90,8	83,8	83,1
Архангельская	94,6	89,2	86,7	86,0	85,0	96,5	95,9	96,0	92,4	88,2
Вологодская	91,0	92,0	91,1	91,4	91,2	89,7	85,5	89,5	78,6	77,3

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Озерный	89,4	92,1	88,4	88,7	90,6	91,9	96,2	89,1	89,5	89,1
Петербургская	68,8	86,5	78,9	82,1	85,3	88,1	96,9	83,2	89,9	89,6
Новгородская	95,5	95,2	95,6	96,8	98,9	97,7	98,3	97,4	96,3	94,7
Псковская	99,2	98,8	98,2	94,7	96,0	97,2	98,1	94,8	95,8	94,3
Олонецкая	75,7	78,6	76,2	78,5	81,9	58,4	86,6	57,1	82,3	73,7
Среднее Поволжье	59,7	63,2	62,8	59,8	60,8	58,9	58,7	58,0	55,2	54,6
Казанская	42,2	40,3	42,3	38,3	38,9	43,4	46,5	43,1	44,0	43,2
Пензенская	80,6	82,6	81,3	83,0	83,6	79,1	81,1	77,1	78,8	76,2
Симбирская	65,4	71,9	71,4	68,0	68,6	56,9	56,0	56,5	50,1	50,2
Нижнее Поволжье	33,0	66,7	67,5	65,4	65,9	75,6	88,6	74,2	84,1	82,8
Самарская	98,2	68,0	66,8	64,5	65,2	76,5	89,1	75,1	83,6	83,4
Астраханская	5,7	32,9	37,0	40,8	42,9	63,9	69,8	60,6	66,9	63,6
Саратовская	99,0	72,7	77,2	76,8	75,6	76,8	92,9	75,5	88,5	87,3
Северное Приуралье	90,8	84,0	85,1	83,9	83,1	85,9	85,7	85,6	81,1	81,0
Вятская	85,0	76,2	79,7	77,4	76,3	77,9	75,0	77,8	70,6	70,0
Пермская	95,7	91,9	90,7	90,3	89,9	94,8	91,2	93,4	86,6	86,8
Южное Приуралье	10,5	40,2	47,5	51,8	54,0	-	68,3	-	62,4	62,1
Оренбургская	53,2	65,3	68,8	70,4	70,4	-	84,6	-	77,8	77,7
Уфимская	-	24,6	30,2	38,2	42,5	-	44,9	-	40,3	39,3
Белоруссия и Литва	4,5	9,5	9,9	16,9	23,7	24,6	29,8	19,1	17,8	18,5
Смоленская	36,5	47,2	47,1	91,6	97,0	97,9	98,0	96,6	96,7	94,1
Витебская	-	3,8	5,5	13,3	23,4	24,4	30,9	7,5	13,5	15,2
Могилевская	-	1,0	2,0	3,4	32,9	31,7	27,2	10,5	16,7	12,9
Минская	-	0,4	0,5	3,9	7,6	16,5	33,4	5,7	14,6	15,3

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Виленская	-	-	3,0	4,9	4,7	2,1	11,2	2,1	8,9	9,4
Ковенская	-	-	2,1	4,5	5,9					
Гродненская	-	-	0,3	4,6	0,3	0,7	23,0	0,7	9,0	10,3
Прибалтика	0,3	1,1	3,6	4,8	6,3	9,6	37,5	9,6	31,0	31,9
Лифляндская	0,6	0,7	4,2	5,2	8,2	10,5	40,6	10,5	32,8	34,0
Эстляндская	0,4	1,6	2,2	5,0	4,9	8,2	32,2	8,2	27,9	30,4
Курляндская	-	1,5	3,3	3,8	3,8	*	*	*	*	*
Левобережная Украина	2,2	5,2	6,1	13,3	13,3	15,7	27,5	8,8	18,0	19,6
Харьковская	6,3	11,0	11,7	17,7	12,9	21,8	38,3	16,0	25,5	27,0
Полтавская	-	0,6	1,0	2,6	1,2	3,7	12,0	2,2	9,0	10,2
Чериговская	1,8	5,9	6,7	21,6	29,5	24,9	13,0	7,5	5,8	6,8
Правобережиая Украина	-	0,1	0,6	4,3	3,4	3,9	14,5	2,2	8,7	9,3
Киевская	-	-	0,4	5,9	5,8	6,6	23,1	3,2	13,0	13,3
Подольская	-	0,3	0,8	3,2	3,0	2,5	7,8	1,7	5,2	5,6
Волынская	-	-	0,7	3,5	1,0	1,6	8,2	1,2	5,6	5,9
Новороссия	15,6	19,5	21,6	29,8	30,7	32,6	53,3	23,3	39,5	41,2
Екатеринославская	80,4	11,2	8,2	17,3	18,6	29,5	54,3	19,2	36,1	36,8
Херсонская	-	1,8	16,9	21,0	20,0	20,9	33,1	12,4	20,0	25,3
Таврическая	-	6,1	20,1	27,9	30,1	43,0	44,3	33,5	68,4	67,0
Войска Донского обл.	100,0	57,9	66,0	66,8	69,0	69,9	95,3	51,8	90,8	89,6
Бессарабская	-	3,2	3,7	8,1	5,9	12,3	21,7	12,3	12,8	13,0
Царство Польское	-	-	0,1	3,2	1,3	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Варшавская	-	-	0,1	5,4	1,8	-	-	-	-	-
Калишская	-	-	-	1,1	0,5	-	-	-	-	-
Келецкая	-	-	-	1,2	0,4	-	-	-	-	-
Ломжинская	-	-	-	5,6	1,0	-	-	-	-	-
Люблинская	-	-	-	4,1	2,2	-	-	-	-	-

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Петраковская	-	-	-	1,6	0,8	-	-	-	-	-
Плоцкая	-	-	-	3,2	0,5	-	-	-	-	-
Радомская	-	-	-	1,4	0,5	-	-	-	-	-
Сувалкская	-	-	0,6	4,2	2,2	-	-	-	-	-
Седлецкая	-	-	-	2,5	2,0	-	-	-	-	-
Финляндия	0,1	0,3	2,1	0,4	1,2	-	-	-	-	...
Нюландская	-	-	0,4	0,8	0,1	-	-	-	-	-
Тавастгуская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Абоская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Санкт-Михельская	-	-	0,1	-	-	-	-	-	-	-
Куопиоская	-	-	3,2	-	-	-	-	-	-	-
Вазаская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Улеаборгская	-	-	-	0,5	-	-	-	-	-	-
Северный Кавказ	0,7	6,9	16,9	42,5	46,8	59,4	85,7	43,0	81,1	88,6
Кубанская обл.	-	-	-	43,2	44,9	63,9	92,3	45,2	87,7	85,1
Терская обл.	1,3	5,6	13,7	29,0	42,5	41,5	34,6	32,6	31,9	27,3
Ставропольская	-	50,0	56,5	55,3	56,5	84,9	84,9	62,5	81,4	77,9
Черноморская	-	-	94,7	42,5	47,3	55,0	**	**	**	**
Закавказье	-	-	0,9	4,7	6,2	7,5	9,8	6,5	7,0	5,4
Бакинская	-	-	2;7	9,4	14,2	10,4	11,6	9,5	7,9	5,6
Елисаветпольская	-	-	1,5	2,0	4,0					
Дагестанская	-	-	0,1	3,1	4,6	12,8	12,9	12,5	11,6	9,2
Карсская	-	-	-	7,7	3,9	-	-	-	-	-
Кутаисская	-	-	0,5	0,9	1,5	12,0	10,6	11,5	7,4	6,3
Сухумский округ	-	-	-	5,7	11,4					
Батумская обл.	-	-	-	6,9	4,0					
Тифлисская	-	-	1,1	8,8	9,8					
Закатальскнй округ	-	-	-	0,5	0,3					
Эриванская	-	-	1,5	1,9	1,2					

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Казахстан и Средняя Азия	-	-	1,0	7,6	13,6	20,7	35,5	18,8	29,5	24,7
Акмолинская обл.	-	-	5,7	25,5	27,2	38,6	73,1	32,5	62,1	60,7
Семипалатинская	-	-	4,5	9,5	13,7	35,8	62,5	30,4	52,6	50,4
Семиреченская	-	-	2,5	7,8	19,4	12,3	39,3	11,7	34,3	29,8
Уральская	-	-	-	24,9	41,4	21,0	34,4	20,0	29,9	28,1
Тургайская	-	-	-	6,7	16,0	13,6	54,2	9,3	37,3	36,2
Сыр-Дарьинская	-	-	-	2,2	6,6	9,3	27,0	7,1	21,9	19,4
Ферганская	-	-	-	0,5	2,7	3,1	12,1	2,9	9,9	5,6
Самаркандская	-	-	-	1,4	2,4	4,0	8,5	3,7	6,6	5,0
Закаспийская	-	-	-	7,3	7,5	8,4	17,8	8,2	14,9	9,5
Сибирь	66,9	68,9	74,1	76,9	78,2	82,8	91,5	76,0	85,8	84,6
Западная Сибирь	83,1	85,5	90,1	87,3	88,0	90,0	93,1	82,7	88,4	86,1
Тобольская	86,0	86,4	92,5	87,6	87,6	91,5	88,1	88,4	83,8	77,5
Томская	73,3	83,5	86,5	86,2	88,6	86,1	94,8	80,5	89,9	89,8
Восточная Сибирь и Дальний Восток	44,0	47,3	53,9	62,5	62,3	78,4	90,2	70,1	87,3	83,3
Иркутская	49,5	58,1	65,0	72,8	77,7	94,9	93,1	91,1	88,0	86,9
Якутская обл.	10,2	3,4	3,8	11,4	10,3	10,4	56,7	11,1	50,4	50,3
Енисейская	82,3	82,0	84,4	83,0	81,9	86,8	92,4	74,7	86,9	86,3
Забайкальская обл.	33,8	48,8	60,6	65,5	70,3	71,6	92,7	66,1	89,6	82,4
Камчатская обл.	-	8,4	26,9	11,7	11,6	12,4	89,4	12,0	66,9	76,4
Амурская	-	-	35,2	68,5	44,6	73,9	94,6	62,4	88,7	86,8
Приморская	-	-	41,2	40,0	30,8		95,3		86,1	86,5
Сахалинская	-	-	-	54,3	62,4	67,8	92,8	65,3	81,7	95,7
Аляска	-	-	1,8	-	-	-	-	-	-	-

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ВСЕГО										
в России	40,9	43,2	43,4	43,5	45,9	48,5	56,0	44,9	50,1	48,7
в СССР***	42,7	44,8	45,9	44,2	44,3	50,7	58,6	46,9	52,4	50,8

* Дана с Лифляндской губернией.

** Дана с Кубанской областью.

*** Сверх того в 1979 г. в бывшей Галиции: в Станиславской области русских по национальности 3,7%, по языку – 4,6%; в Львовской обл. соответственно 7,6 и 9,2%; в Тернопольской – 2,2 и 2,6%; в Закарпатской области – 3,6 и 4,6%; в Черновицкой – 6,6 и 10,4%. Всего по Западной Украине – 5,2 и 6,9%.

В 1989 г. русских по национальности в Станнславской области было 4,0%, в Львовской – 7,2%, в Тернопольской – 2,3%, в Закарпатской – 7,5%, в Черновицкой – 6,7%. Всего в Западной Украине – 5,8%.

На территории Бухарского эмирата русских по национальности в 1979 г. – 5,6%, по языку – 6,8%. В бывшем Хивинском ханстве соответственно 2,1 н 3,1%. В целом в Хиве и Бухаре – 4,7 и 5,8%. В 1989 г. на территорни бывшего Бухарского эмирата русских по национальности 4,2%, в бывшем Хивинском ханстве – 1,5%, а в целом – 3,4%.

В Калининградской области в 1979 г. – 78,3 н 90,7%; в Тувинской АССР – 36,2 и 38,0%, а н 1989 г. – в Калиннинградской области русских – 78,5%, а в Тувинской АССР – 32,0%.

В целом за пределами СССР в граннцах начала XX в. было в 1979 г. русских по национальности – 9,6%, по языку – 11,7%.

В 1926 г. в Хиве и Бухаре русских было 46,9 тыс. чел., в Западной Украине – 7,2 тыс. чел. В 1989 г. русских на этих землях – 1510,3 тыс. чел. (8,9% от общей численности населения).

Табл. 6. Размещение русского и русскоязычного населения Российской империи и бывшего СССР в 70-Х годах XVII в.— 1989 г. (в % к общему числу русских и русскоязычных жителей в административных границах рубежа XX в.)

Регионы	Годы														
	1678	1719	1782	1795	1815	1834	1850	1858	1897	1917	1926	1979	1926	1979	1989
	Национальность								Язык				Национальность		
Европейская Россия	98,1	97,1	96,2	95,9	94,3	94,0	93,6	93,4	91,0	88,3	84,6	74,6	85,5	74,5	74,4
Центрально-Промышленный	47,8	40,8	32,0	30,3	27,7	25,9	24,5	23,6	19,0	18,1	17,5	16,3	18,6	17,6	17,6
Центрально-Земледельческий	20,9	25,2	26,2	26,1	26,3	25,9	24,4	24,6	20,1	18,8	17,8	8,6	18,8	9,4	8,8
Северный	7,9	4,6	3,9	3,6	3,3	3,2	3,2	3,2	2,7	2,6	2,6	2,8	2,8	3,0	3,1
Озерный	11,0	9,4	10,1	9,5	9,6	8,4	7,9	7,7	7,9	7,3	7,2	5,2	7,5	5,5	5,6
Среднее Поволжье	5,7	8,4	7,4	7,0	6,8	6,9	7,0	7,0	5,5	5,1	4,9	3,3	5,2	3,4	3,4
Северное Приуралье	3,3	5,0	7,8	8,1	8,5	9,0	10,1	10,2	9,2	8,0	7,6	6,3	8,2	6,7	6,7
Нижнее Поволжье	-	0,9	3,2	4,5	5,1	6,7	6,6	7,1	7,2	7,2	7,1	5,4	7,5	5,7	5,7
Северный Кавказ	-	0,03	0,1	0,6	0,7	0,9	1,0	1,1	2,9	3,6	3,9	4,8	3,0	5,1	5,0
Закавказье	-	-	-	-	-	-	-	0,1	0,5	0,6	0,6	1,0	0,6	0,8	0,7
Южное Приуралье	-	0,2	0,9	1,3	1,5	1,9	3,1	2,8	3,5	3,9	3,0	4,2	3,2	4,2	4,2
Белоруссия и Литва	1,0	1,5	2,4	2,4	2,2	2,1	2,0	1,8	3,5	4,6	4,2	2,7	3,5	1,8	1,9
Прибалтика	-	0,02	0,07	0,07	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,3	1,0	0,4	0,9	0,9
Финляндия	-	-	-	-	-	0,1	0,1	0,1	-	-	-	-	-	-	-
Левобережная Украина	-	0,4	0,9	0,9	0,8	0,8	0,7	0,9	1,8	1,6	1,7	1,4	1,0	1,0	1,1
Правобережная Украина	-	-	-	-	-	0,05	0,05	0,1	0,7	0,6	0,6	1,2	0,4	0,8	0,9
Новороссия	0,3	0,7	1,2	1,5	1,7	2,1	2,5	3,0	5,8	5,9	6,1	10,5	4,7	8,6	8,8
Царство Польское	-	-	-	-	-	...	0,2	-	0,5	0,2	0,1	-	0,1	-	-
Средняя Азия и Казахстан	-	-	-	-	-	...	0,1	0,1	1,1	2,0	3,0	8,3	2,8	7,7	7,7
Сибирь и Дальний Восток	1,9	2,9	3,8	4,1	5,7	6,0	6,3	6,5	7,9	9,7	11,8	16,0	11,7	16,8	17,9
Сверх того: Западная Украина, Хива, Бухара, Тува, Калининградская область	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1,0	-	1,0	1,0
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Табл. 7. Абсолютная и относительная численность русскоязычного населения в столицах союзных республик СССР в отдельные годы XIX–XX вв. по данным исчислений и переписей (тыс. чел., %)

Название городов	Всего	В том числе славян					
		коренное население	русские	украинцы	белорусы	поляки	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8
Таллин [1]							
1820	12,9	4,5	2,3	-	-	-	2,3
%	100,0	34,9	17,8	-	-	-	17,8
1897	58,8	40,4	6,0	-	-	-	6,0
%	100,0	68,7	10,2	-	-	-	10,2
1917	156,4	90,0	40,0	-	-	-	40,0
%	100,0	57,7	25,6	-	-	-	25,6
1989	499,4	233,7	207,5	24,2	13,8	1,3	246,8
%	100,0	46,8	41,5	4,8	2,8	0,3	49,4
Рига [2]							
1767	19,5	6,7	3,0	-	-	1,3	4,3
%	100,0	34,1	15,2	-	-	6,8	22,0
1802	28,8	6,7	4,0	-	-	2,7	6,7
%	100,0	23,2	13,9	-	-	9,3	23,2
1854	54,5	10,1	15,1	-	-	1,9	17,0
%	100,0	18,6	27,7	-	-	3,5	31,2
1881	169,3	55,7	32,1	-	-	5,2	37,3
%	100,0	32,8	19,0	-	-	3,1	22,1
1914	518,0	218,0	100,0	-	-	47,0	147,0
%	100,0	42,1	19,3	-	-	9,1	28,4
1989	910,5	331,9	430,6	43,6	43,6	16,7	534,5
%	100,0	36,4	47,3	4,8	4,8	1,8	58,7
Вильнюс [3]							
1897	154,5	3,2	31,0	-	6,5	47,8	85,3
%	100,0	2,1	20,1	-	4,2	30,9	55,2
1909	205,3	2,5	42,6	-	-	77,5	120,1
%	100,0	1,2	20,8	-	-	37,8	58,6
1931	195,1	1,6	7,4	0,2	1,7	128,6	137,9
%	100,0	0,8	3,8	0,1	0,9	65,9	70,7
1989	576,7	291,5	116,6	13,6	30,3	108,2	268,7
%	100,0	50,5	20,2	2,3	5,3	18,8	46,6

Продолжение табл. 7

1	2	3	4	5	6	7	8
Ташкент [4]							
1896	118,4	103,2	8,4	1,1	0,3	0,2	10,0
%	100,0	87,2	7,1	0,9	0,3	0,2	8,5
1939	585,0	221,0	248,6	15,8	1,4	1,8	267,6
%	100,0	37,8	42,5	2,7	0,2	0,3	45,7
1989	2060,2	910,3	701,3	60,0	10,7	1,3	773,3
%	100,0	44,2	34,0	2,9	0,5	0,1	37,5
Алма-Ата [5]							
1870	10,0	0,7	5,5	1,2	-	-	6,7
%	100,0	7,0	55,0	12,0	-	-	67,0
1939	230,5	25,6	166,4	16,7	1,5	0,6	185,2
%	100,0	11,1	72,2	7,2	0,7	0,3	80,4
1989	1121,4	252,1	663,3	45,6	7,5	10,0	726,4
%	100,0	22,5	59,1	4,1	0,7	0,9	64,8
Фрунзе [6]							
1939	92,8	6,1	60,8	11,4	-	-	72,2
%	100,0	6,6	65,6	12,3	-	-	77,9
1989	619,9	141,8	345,4	34,3	4,1	-	383,3
%	100,0	22,9	55,7	5,5	0,7	-	61,9
Кишинев [7]							
1834	39,1	16,0	3,4	4,2	-	0,6	10,9
%	100,0	40,9	8,7	10,7	-	1,5	27,9
1861	91,5	17,9	39,7	12,6	-	0,8	54,5
%	100,0	19,6	43,4	13,8	-	0,9	59,6
1897	108,5	19,1	29,3	3,4	-	3,3	56,0
%	100,0	17,6	27,0	3,1	-	3,0	51,6
1930	114,9	46,7	25,4	-	-	0,9	26,5
%	100,0	40,7	22,2	-	-	0,8	23,1
1989	714,9	366,5	181,0	98,2	6,4	1,1	286,7
%	100,0	51,3	25,3	13,7	0,9	0,2	40,1
Баку [8]							
1916	405,8	187,6	104,6	-	-	-	104,6
%	100,0	46,2	25,8	-	-	-	25,8
1939	808,7	235,8	343,6	10,5	-	-	354,1
%	100,0	29,2	42,5	1,3	-	-	43,8
1989	1794,0	1184,2	295,5	18,3	3,9	-	317,7
%	100,0	66,0	16,5	1,0	0,2	-	17,7

Продолжение табл. 7

1	2	3	4	5	6	7	8
Душанбе [9]							
1939	82,6	9,9	47,0	4,9	-	-	51,9
%	100,0	12,0	57,0	6,0	-	-	63,0
1989	601,5	235,4	194,7	21,3	3,2	-	219,2
%	100,0	39,1	32,4	3,5	0,5	-	36,4
Ашхабад [10]							
1939	126,6	14,8	78,4	5,8	0,3	0,3	84,8
%	100,0	11,7	61,9	4,6	-	-	67,0
1989	403,2	205,4	130,2	11,0	2,1	-	143,3
%	100,0	50,9	32,3	2,7	0,5	-	35,5
Тбилиси [11]							
1896	162,4	34,6	29,0	-	-	-	29,0
%	100,0	21,3	17,9	-	-	-	17,9
1939	519,2	228,4	93,3	7,4	-	-	100,7
%	100,0	44,0	18,0	1,4	-	-	19,4
1989	1246,9	824,4	124,9	16,1	1,1	-	142,1
%	100,0	66,1	10,0	1,3	0,1	-	11,4
Ереван [12]							
1896	20,3	8,9	1,6	-	-	-	1,6
%	100,0	43,8	7,9	-	-	-	7,9
1939	200,4	174,5	15,0	-	-	-	15,0
%	100,0	87,1	7,5	-	-	-	7,5
1989	1141,0	1100,4	22,2	3,8	0,4	-	26,4
%	100,0	96,4	1,9	0,3	0,1	-	2,3
Киев [13]							
1897	247,7	55,1	134,3	55,1	2,8	16,6	209,8
%	100,0	22,2	54,2	22,4	1,1	6,7	84,7
1917	467,6	76,8	231,4	76,8	1,9	42,8	329,2
%	100,0	16,4	49,5	16,4	0,4	9,2	70,4
1939	846,7	450,6	139,5	450,6	10,8	16,4	617,3
%	100,0	53,2	16,5	53,2	1,2	1,9	72,8
1989	2752,2	1863,7	536,7	1863,7	25,3	10,4	2436,1
%	100,0	67,7	19,5	67,7	0,9	0,4	88,5
Минск [14]							
1920	110,9	45,3	8,1	1,6	45,3	4,6	59,6
%	100,0	40,8	7,3	1,4	40,8	4,1	53,6

Продолжение табл. 7

1	2	3	4	5	6	7	8
1939	238,9	124,1	28,7	6,7	124,1	5,8	165,3
%	100,0	51,9	12,0	2,8	51,9	2,4	69,1
1989	1607,1	1154,0	325,1	53,2	1154,0	18,5	1550,8
%	100,0	71,8	20,2	3,3	71,8	1,2	96,5
Москва [15]							
1840	347,2	338,4	338,4	-	-	2,8	341,2
%	100,0	97,5	97,5	-	-	0,8	98,3
1920	952,2	870,9	870,9	2,3	3,3	14,6	891,1
%	100,0	94,5	91,5	0,2	0,3	1,5	93,5
1939	4137,0	3614,4	3614,4	90,5	25,0	12,4	3742,3
%	100,0	87,4	87,4	2,2	0,6	0,3	90,5
1989	8875,6	7963,2	7963,2	252,7	73,0	6,9	8295,8
%	100,0	89,7	89,7	2,9	0,8	0,1	93,5

Источники для составления таблицы:

1. Пуллат Р. История Таллина с начала 60-х годов XIX столетия до 1970 года. Таллин, 1972. С. 41, 327.

2. Brambe R. Rigas jedsivotaji feodalisma perioda beigas. Riga, 1982, 130-131 lp; Ozolina Dz. Par Latvijas pilsetu burzuazijas nationalo grupu... – Известия АН Латвийской ССР 1971, № 12 (293), С. 51–52.

3. Гаучас П., Вудугирис А. Этнолингвистическая ситуация литовско-белорусского пограничья с конца XVIII по начало XX вв. – География XIX, Вильнюс, 1983, С. 56, 63.

4. ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 33. О племенном составе населения губерний, лл. 200–201; Архив Госкомстата СССР, Ф. Перепись 1939 г., Оп. 1. Д. 41. Л. 178–181.

5. Архив Госкомстата СССР, Ф. Перепись 1939 г. Оп. 1. Д. 11. Л. 208–211; Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 1. СПб., 1872. С. 126–127, 134–135.

6. Там же. ЛЛ. 301–302.

7. ЦГА МССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4126. Л. 123–124. В 1834 г. в составе славян в Кишиневе учтено 2,7 тыс. болгар; Murgoci G. La population de la Bessarabie, Paris, 1926, t. III (данные за 1861 г., в итоговую численность славян включено 1,4 тыс. болгар и гагаузов); Кустрябова С.Ф. Положение трудящихся и демографические процессы в городах Бессарабии (1918–1940). Кишинев. 1977. С. 230–231 (в итоговое число славян включены болгары).

8. Кавказский календарь на 1917 год. Тифлис, 1916, С. 178–275; Архив Госкомстата СССР, Ф. Перепись 1939 г. Оп. 1. Д. 41. ЛЛ. 67–70.

9. Архив Госкомстата. Ф. Перепись 1939 г. Оп. 1. Д. 41. Л. 331.

10. Там же. Л. 325.

11. ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 33. Л. 125 об. – 126; Архив Госкомстата. Ф. Перепись 1939 г. Оп. 1. Д. 41. Л. 58.

12. ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 33. Л. 156 об. – 157; Архив Госкомстата. Ф. Перепись 1939 г. Д. 41. Л. 103.

13. Климко А.И., Шевчейко А.А. Динамика этнического состава населения Киева. – Этнические группы в городах европейской части СССР. М., 1987. С. 74.

14. Шибаев В.П. Этнический состав населения Европейской части Союза ССР. Л., 1930. С. 220; Архив Госкомстата СССР. Ф. Перепись 1939 г. Оп. 1. Д. 42. Л. 124.

15. Журнал МВД. 1841. Ч. 41. № 7. Смесь. С. 1–5 (Отчет Московского полицмейстера за 1840 год), Шибаев В.П. Указ. соч. С. 125–237; Архив Госкомстата СССР, Ф. Перепись 1939 г. Оп. 1. Д. 42. Л. 379–380.

Табл. 8. Изменения численности русских в России в 1678–1989 гг. (тыс. чел.)

Регионы	1678	1719	1795	1858	1897	1917	1926	1937	1939	1959	1979	1989
Центрально-Промышленый	3880,0	4522,2	6010,5	8204,0	10499,1	13757,6	15127,5	18417,4	20095,1	20941,6	24120,6	25176,2
Центрально-Земледельческий	1700,0	2805,0	5241,2	8560,0	11215,7	14381,9	14832,0	16211,5	15071,8	13096,9	12974,9	12705,9
Североный	644,0	515,4	739,0	1104,9	1520,8	2006,0	2170,8	2789,4	2915,3	3321,4	4075,2	4435,4
Озерный	900,0	1050,7	1915,5	2683,6	4406,0	5627,5	5913,4	5776,2	6978,5	6141,0	7508,5	8043,0
Северное Приуралье	270,0	561,1	1626,3	3553,0	5052,5	6104,2	6476,6	6284,6	6771,6	8500,1	8851,3	9245,8
Среднее Поволжье	462,0	987,9	1537,1	2676,8	3091,0	3917,8	4108,8	2385,5	4864,4	4596,7	5034,6	5186,9
Нижнее Поволжье	-	29,1	698,7	1707,8	4031,6	5553,2	5890,4	6010,8	5107,7	6086,8	7858,0	8164,3
Североный Кавказ	-	4,0	111,4	372,5	1583,9	2668,6	2433,2	4129,1	5057,4	5874,3	7152,1	7390,5
Южное Приуралье	-	36,5	329,5	1470,5	1965,7	3007,2	2516,9	4707,4	3868,4	5086,9	5842,8	6046,9
Северо-Запад	83,0	165,0	453,2	527,9	1397,9	1850,7	2213,9	2596,1	1901,0	1113,6	1069,0	1085,2
Новороссия	26,7	58,0	231,6	598,1	1712,9	2429,8	1445,4	2459,9	2613,6	3023,7	3706,6	3844,3
Российская Прибалтика	-	-	-	-	-	-	-	-	-	473,9	632,7	683,6
Российское Закавказье *	-	-	-	12,1	42,4	110,8	280,0	-	-	-	-	-
Сибирь	154,0	321,3	819,0	2259,6	4436,5	7439,8	9202,1	12818,2	14683,0	19607,2	24695,6	27856,0
ИТОГО:	8119,7	11058,5	19713,0	33730,8	50956,0	68855,6	72611,0	84886,1	89928,0	97864,1	113521,9	119866,0

* С 1937 г. вместе с Северным Кавказом.

Табл. 9. Этнический состав населения России в XVIII—XX вв. (1719—1989 гг.) (тыс. чел.)

Народы	1719	1795	1858	1897	1917	1926	1937	1939	1959	1979	1989
ВСЕГО:	13350	24613	43111	65815	88736	92416	103968	108379	117534	137410	147022
в том числе:											
русские	11058	19713	33731	50956	68555	72611	85361	89856	97864	113522	119866
татары	418	763	1677	2197	2763	2825	3608	3683	4074	5006	5522
украинцы	263	924	2092	4141	6435	6876	3087	3204	3359	3658	4364
чуваши	218	352	522	844	1127	1113	1158	1364	1436	1690	1774
башкиры	172	192	600	1321	1733	712	753	825	954	1291	1345
белорусы	347	620	780	136	41	612	349	452	844	1052	1206
мордва	107	345	710	982	1188	1307	1214	1376	1211	1111	1073
чеченцы	-	-	218	227	253	296	348	400	261	712	899
немцы	-	39	282	583	856	707	651	811	820	791	842
удмурты	48	135	251	421	535	504	563	600	616	686	715
марийцы	62	145	254	375	459	438	396	476	498	600	644
казахи	-	-	2	283	377	138	292	356	382	518	636
аварцы	-	-	-	213	-	197	232	236	250	438	544
евреи	-	-	20	143	227	518	780	891	855	692	537
армяне	0,6	26	49	67	130	195	163	205	256	365	532
буряты	48	115	243	289	279	238	217	221	252	350	417
осетины	-	(0,2)	(7)	172	145	155	173	196	248	352	402
кабардинцы	-	-	36	99	103	140	150	161	201	319	386
якуты	35	103	204	225	227	241	239	242	233	327	380
даргинцы	-	-	-	130	-	126	145	152	153	280	353
коми	41	54	92	154	181	226	259	288	283	320	336
азербайджанцы	-	-	-	33	-	28	53	43	71	152	336
кумыки	-	-	46	83	35	95	104	110	133	236	277
лезгины	-	-	-	95	-	135	102	100	114	203	257
ингуши	-	-	-	47	57	72	87	91	56	166	215
тувинцы	(25)	(30)	(45)	(50)	(60)	(65)	70	72	100	165	206
народы Севера	46	60	144	143	140	140	177	141	130	156	182
молдаване	-	-	-	0,2	-	21	20	22	62	102	173
калмыки	200	88	99	191	159	129	124	130	101	140	166

Народы	1719	1795	1858	1897	1917	1926	1937	1939	1959	1979	1989
цыгане	-	4	9	37	4	61	2	59	72	121	153
карачаевцы	-	-	-	27	-	56	70	75	71	126	150
коми-пермяки	9	36	69	105	126	150	121	127	143	146	147
грузины	-	2	2	6	8	21	8	44	58	89	131
узбеки	3	5	10	-	-	-	3	16	30	72	127
карелы	81	144	197	208	145	248	231	250	164	133	125
адыгейцы	-	-	109	46	59	64	78	86	79	107	123
корейцы	-	-	-	26	-	87	167(?)	11	91	98	107
лакцы	-	-	-	-	-	40	50	54	58	91	106
поляки	-	1	31	113	187	190	92	143	118	100	95
табасараны	-	-	-	-	-	32	33	34	34	73	94
греки	-	-	-	30	41	35	73	66	47	70	92
хакасы	-	-	-	-	-	46	48	52	56	69	79
балкарцы	-	-	-	-	-	33	38	42	35	62	78
иогайцы	-	-	48	64	57	36	33	36	38	59	74
алтайцы	-	-	-	29	33	51	46	52	45	59	69
черкесы	-	-	50	25	-	-	-	-	29	45	51
рутульцы	-	-	-	-	-	11	-	9	7	15	20
агулы	-	-	-	-	-	8	-	8	7	12	18
шорцы	-	-	-	-	-	13	15	16	15	15	16
вепсы	8	18	36	26	18	33	30	31	16	8	12
цахуры	-	-	-	-	-	19	-	13	4	5	7
китайцы	-	-	4	57	-	10	38	23	19	15	-
финны	40	56	90	143	126	135	136	139	72	56	47
чехи	-	-	-	0,2	-	10	0,2	8	-	-	-
латыши	0,2	0,5	3,5	32	38	126	54	105	92	67	47
литовцы	-	-	-	5	12	42	4	21	-	67	70
эстонцы	2	9	20	107	123	149	90	131	90	56	46
ижорцы	15	16	18	14	11	17	9	8	1	1	1
венгры	-	-	-	0,5	-	-	-	-	-	4	6
румыны	-	-	-	-	-	-	0,1	3	-	4	6
болгары	-	-	-	1,2	-	7	15	8	25	-	33
саами	1,5	2	3	2	3	3	1,8	1,8	1,8	1,6	1,8

Табл. 10. Численность и удельный вес основных этносов Крыма в конце XVIII–XX вв. (1792–1989 гг.) тыс. чел. и %

Год	Все население	В том числе						% к общему числу русских и украинцев - 100%	
		русских	%	украинцев	%	татар	%	русских	украинцев
1792	127,8	6,4	5,0	0,9	0,7	112,2	87,8	98,8	1,2
1795	156,3	6,9	4,4	2,1	1,3	136,9	87,6	97,7	2,3
1816	212,6	10,3	4,8	7,8	3,6	182,7	85,6	56,9	43,1
1834	279,5	12,3	4,4	8,6	3,1	222,1	79,5	58,9	41,1
1850	343,5	22,7	6,6	24,0	6,9	267,4	77,8	48,7	51,3
1858	330,7	41,6	12,6	13,2	4,0	242,0	73,2	75,9	24,1
1897	546,7	183,3	33,5	64,5	11,8	194,3	35,5	74,0	26,0
1920	719,9	317,8	44,1	53,5	7,4	186,6	25,9	85,6	14,4
1926	713,8	301,4	42,2	77,4	10,8	179,1	25,4	79,6	20,4
1939	1123,8	557,4	49,6	153,5	13,7	218,5	19,4	78,4	21,6
1959	1201,5	858,3	71,4	267,7	22,3	1,1	0,0	76,2	23,8
1970	1813,5	1220,5	67,3	480,7	26,5	6,5	0,3	71,7	28,3
1979	2135,9	1461,0	68,4	547,3	25,6	15,1	0,7	72,7	27,3
1989	2430,5	1629,5	67,0	625,9	25,8	38,4	1,6	72,2	27,8

Табл. 11. Этнический состав населения Казахстана в 30-х гг. XIX – 80-х гг. XX вв. (тыс. чел.)

Народы	1834	1850	1858	1870	1897	1917	1926	1937	1939	1959	1979	1989
Всего	1358	1463	1659	2344	3965	6381	6198	5127	6081	9310	14684	16464
в том числе:												
казахов	1319	1351	1537	2053	3127	3863	3627	2182	2307	2795	5289	6535
%	97,1	92,3	92,6	87,6	78,9	60,5	58,5	42,6	37,9	30,0	36,0	39,7
русских	39	111	122	244	505	1291	1275	1918	2447	3974	5991	6228
%	2,9	7,6	7,4	10,4	12,5	20,2	20,6	37,4	40,2	42,7	40,8	37,8
украинцев	-	-	-	-	84	750	860	550	656	762	858	896
%	-	-	-	-	2,1	11,8	13,9	10,7	10,8	8,2	5,8	5,4
немцев	-	-	-	-	6	52	51	81	92	660	908	958
%	-	-	-	-	0,2	0,8	0,8	1,6	1,5	7,1	6,2	5,9
узбеков	-	-	-	23	75	170	129	110	102	137	263	332
%	-	-	-	1,0	1,9	2,7	2,1	2,1	1,7	1,5	1,8	2,0
татар	-	-	-	3	51	83	80	91	117	192	313	328
%	-	-	-	0,1	1,3	1,3	1,3	1,8	1,9	2,1	2,1	2,0
уйгуров	-	-	-	-	56	77	70	33	35	60	148	185
%	-	-	-	-	1,5	1,2	1,1	0,6	0,6	0,6	1,0	1,1
белорусов	-	-	-	-	-	-	26	28	31	107	181	183
%	-	-	-	-	-	-	0,4	0,5	0,5	1,1	1,2	1,1
корейцев	-	-	-	-	-	-	-	-	96	74	92	103
%	-	-	-	-	-	-	-	-	1,6	0,8	0,6	0,6
азербайджанцев	-	-	-	-	-	-	-	-	12	38	73	90
поляков	-	-	-	1	2	11	4	50	55	53	61	60
турок	-	-	-	-	-	-	-	-	3	10	26	50
греков	-	-	-	-	-	-	-	-	1	56	50	47
башкир	-	-	-	-	-	-	-	-	3	9	32	47
молдаван	-	-	-	-	-	-	-	-	3	15	30	37
дунган	-	-	-	-	5	7	7	7	7	10	22	30
мордвы	-	-	-	-	11	25	27	22	25	25	31	30
таджиков	-	-	-	-	-	-	-	-	3	8	19	26
курдов	-	-	-	-	-	-	-	-	2	6	18	25
чувашей	-	-	-	-	-	-	2	5	6	11	22	22
ингушей	-	-	-	-	-	-	-	-	-	48	18	20
армян	-	-	-	-	-	-	-	-	7	9	14	19
евреев	-	-	-	4	2	5	4	18	19	28	23	18
удмуртов	-	-	-	-	-	-	-	-	2	4	15	16
киргизов	-	-	-	-	33	47	11	5	4	7	9	14
грузин	-	-	-	-	-	-	-	-	8	3	8	9
литовцев	-	-	-	-	-	-	-	-	1	10	11	11
латышей	-	-	-	-	-	-	-	-	4	4	4	3
туркмен	-	-	-	-	-	-	-	-	3	3	2	4
эстонцев	-	-	-	-	-	-	-	-	4	4	4	3
болгар	-	-	-	-	-	-	-	-	3	8	10	10
прочих	-	1	-	16	18	-	25	27	23	180	99	129

Табл. 12. Численность и размещение русских в Казахстане в 20-х — 80-х гг. XX в. (тыс. чел. и %)

Области	1926 г.		1939 г.		1959 г.		1970 г.		1979 г.		1989 г.	
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
Актюбинская	45,2	8,9	82,4	24,4	105,2	26,2	145,2	26,4	158,3	25,1	173,3	23,7
Алма-Атинская	73,8	18,3	287,3	54,2	546,4	55,4	764,1	53,0	881,4	50,4	957,5	45,6
Восточно-Казахстанская	223,7	45,0	368,9	68,7	521,1	70,9	587,5	69,5	594,7	67,7	613,8	65,9
Гурьевская	42,1	11,3	67,9	23,6	59,7	20,7	136,3	27,3	167,9	26,9	170,5	22,8
Джамбульская	23,8	7,7	104,5	29,5	176,2	31,4	257,4	32,4	283,1	30,4	275,4	26,5
Карагандинская	10,0	2,6	168,3	46,3	482,7	47,4	785,6	50,6	858,7	50,4	703,6	52,2
Кзыл-Ординская	28,5	10,1	67,5	23,6	50,2	15,3	91,7	18,6	86,1	15,3	86,0	13,3
Кокчетавская	88,8	24,4	130,2	39,4	205,7	41,7	238,0	40,5	249,1	40,4	261,8	39,5
Кустанайская	137,2	37,7	111,6	39,2	291,1	41,0	408,1	45,9	444,3	47,1	534,7	43,7
Павлодарская	47,3	16,1	73,3	33,1	178,8	39,3	310,0	44,4	370,9	45,9	427,7	45,4
Северо-Казахстанская	192,7	47,3	227,8	61,4	294,9	64,5	352,7	63,5	361,1	63,4	372,3	62,1
Семипалатинская	125,9	38,6	200,0	49,0	235,0	45,2	292,2	40,9	302,6	39,1	300,5	36,0
Талды-Курганская	64,6	15,8	115,1	42,7	188,0	45,1	249,5	40,9	246,5	37,2	235,3	32,9
Тургайская	*		97,2	36,8	*	-	74,6	33,7	85,9	31,8	172,3	34,9
Уральская	82,4	36,1	87,6	23,1	158,2	41,5	197,2	38,4	217,7	37,2	216,5	34,4
Целиноградская	64,3	14,8	111,4	41,4	271,9	42,7	349,2	46,3	380,6	47,0	447,8	44,7
Чимкентская	24,7	5,6	146,1	22,9	209,2	22,7	282,6	22,0	300,4	19,2	278,5	15,3
ВСЕГО:	1275,0	20,6	2447,1	40,2	3974,3	42,7	5521,9	42,5	5991,2	40,8	6227,5	37,8

* С Кустанайской обл.

Табл. 13. Численность и удельный вес переселенцев в основных заселяемых районах России в 80-х годах XVIII — 50-х годах XIX вв. (1782–1858 гг.) (тыс. чел.)*

Районы и губернии	1782–1795 гг. IV–V ревизии		1796–1815 гг. V–VII ревизии		1816–1835 гг. VII–VIII ревизии		1836–1850 гг. VIII–IX ревизии		1851–1858 гг. IX–X ревизии		1782–1858 гг. IV–X ревизии	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Новороссия	180,1	56,5	437,1	47,8	532,8	50,9	272,0	28,6	88,5	27,4	1510,5	42,5
Херсонская	54,7	17,7	108,2	11,8	138,5	13,2	60,8	6,4	64,2	19,9	426,4	12,0
Екатеринославская	53,5	16,8	82,2	9,0	62,1	6,0	88,4	9,3	23,4	7,2	309,6	8,7
Таврическая	40,1	12,6	90,0	9,8	18,5	1,8	12,5	1,3	6,5	2,0	167,6	4,7
Бессарабская	-	-	75,0	8,2	251,6	24,0	22,0	2,3	-29,0	-9,0	319,6	9,0
Земля Войска Донского	31,8	10,0	81,7	9,0	62,1	5,9	88,3	9,3	23,4	7,3	287,3	8,1
Северный Кавказ	51,3	16,1	100,9	11,0	139,3	13,3	185,2	19,4	88,0	27,3	564,7	15,9
Кавказская (Ставропольская)	51,3	16,1	56,4	6,1	88,0	8,4	169,6	17,8	53,6	16,6	418,9	11,8
Земля Войска Черноморского	-	-	44,5	4,9	51,3	4,9	15,6	1,6	34,4	10,7	145,8	4,1
Нижнее Поволжье	56,4	17,7	205,1	22,4	101,2	9,7	117,5	12,3	13,2	4,1	493,4	13,9
Саратовская	41,3	13,0	76,3	8,3	94,7	9,1	107,6	11,3	10,3	3,2	330,2	9,3
Астраханская	15,1	4,7	128,8	14,1	6,5	0,6	9,9	1,0	2,9	0,9	163,2	4,6
Южное Приуралье (Оренбургская губ.)	30,8	9,7	138,7	15,2	132,8	12,7	144,4	15,2	22,8	7,1	469,5	13,2
Сибирь	-	-	33,2	3,6	140,6	13,4	232,9	24,5	110,1	34,1	516,8	14,5
Всего	318,6	100,0	915,0	100,0	1046,7	100,0	952,0	100,0	322,6	100,0	3554,9	100,0

* Брук С.И., Кабузан В.М. Миграция населения России... С. 3.

Табл. 14. Воспроизводство населения России по республикам и регионам в 1762–1916 гг. (тыс. чел. и ‰)*

Республики, регионы	1762–1781		1804–1810		1811–1820		1821–1830		1831–1840	
	число	‰	число	‰	число	‰	число	‰	число	‰
РСФСР										
Центр.-Промышл.	770,0	7,1	667,1	15,0	769,5	11,0	990,8	11,3	663,6	19,0
Центр.-Земледельч.	1026,1	12,6	1033,3	22,8	1472,0	19,0	1748,5	22,1	1130,1	14,0
Северный	75,8	5,5	84,3	15,0	63,3	7,5	121,7	11,3	86,4	9,0
Озерный	255,1	8,2	107,2	7,0	154,3	6,5	262,6	11,0	165,1	6,0
Среднее Поволжье	353,3	9,3	256,5	18,0	364,7	16,0	456,5	18,0	446,4	16,0
Нижнее Поволжье	213,8	19,5	93,1	15,0	158,5	15,5	205,1	17,5	301,0	17,5
Северный Кавказ									43,8	10,3
Закавказье	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Северное Приуралье	388,0	14,0	246,6	17,5	307,4	13,0	447,4	17,5	469,9	16,0
Южное Приуралье	68,7	10,5	69,4	32,5	125,1	31,5	153,1	28,0	214,5	30,0
Северо-Запад	173,6	11,2	95,9	15,0	106,4	10,5	155,3	15,8	63,4	6,5
Новороссия	-	-	-	-	143,0	28,4	130,0	22,4	196,9	28,0
Сибирь										
Западная	200,1	14,7	152,6	29,8	205,5	26,8	231,4	24,0	372,4	29,4
Восточная	97,5	15,1	24,4	11,8	28,6	7,5	83,2	15,4	43,0	7,0
Всего:	3622,0	11,8	2830,4	17,0	3898,3	14,5	4985,6	17,5	4190,5	13,5
Украина										
Левобережная	82,7	5,4	328,6	13,5	386,1	10,0	568,3	11,4	379,8	9,0
Правобережная	-	-	232,9	13,0	321,3	11,0	353,4	11,1	191,3	5,5
Новороссия	277,9	44,7	64,7	7,9	236,6	18,9	216,1	14,9	271,8	15,5
Всего:	-	-	621,6	12,9	944,0	12,0	1137,8	13,0	842,9	9,5
Вост. укр. Галиция	-	-	91,9	5,2	104,4	6,2	224,9	10,9	119,0	5,2
Молдавия	-	-	-	-	54,4	19,8	69,0	20,2	115,6	27,0
Белоруссия и Литва	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Эстония и Латвии	-	-	-	10,5	-	12,0	-	11,2	-	8,7
Евр. России	3685,0	10,8	3373,2	15,5	4725,1	13,0	6046,0	15,0	4846,2	12,0
По империи:	3982,6	10,9	3550,2	16,0	4959,2	13,8	6892,6	15,1	6311,1	11,0
Царство Польское	-	-	-	9,3	-	-	300,0	8,9	440,0	11,2
Средняя Азия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Продолжение табл. 14

Республики, регионы	1841–1850		1851–1860		1861–1870		1871–1880	
	число	‰	число	‰	число	‰	число	‰
РСФСР								
Центр.-Промышл.	557,9	7,1	664,5	8,0	666,3	6,4	743,8	8,0
Центр.-Земледельч.	970,5	11,9	1291,7	13,5	1416,9	13,1	1666,0	14,9
Северный	112,8	10,7	71,8	6,2	69,6	5,5	170,3	12,6
Озерный	115,6	4,1	193,8	6,5	154,2	4,9	227,7	6,5
Среднее Поволжье	293,5	8,9	481,4	13,0	479,9	11,7	630,9	14,5
Нижнее Поволжье	204,3	6,9	495,5	14,5	627,0	15,5	727,5	16,2
Северный Кавказ	52,8	10,5	93,4	12,0	119,8	12,3	245,3	14,4
Закавказье	...	...	-	-	-	-	44,1	6,9	30,0	6,5
Северное Приуралье	474,7	13,9	551,6	13,8	434,8	9,9	669,5	13,7
Южное Приуралье	290,0	19,0	286,0	15,8	251,1	11,5	472,7	19,3
Северо-Запад	99,7	10,3	103,6	9,4	110,3	9,4	138,6	11,5
Новороссия	147,1	17,6	158,2	16,5	216,2	20,6	325,5	26,5
Сибирь								
Западная	339,7	23,1	326,2	19,8	258,8	13,7	307,3	15,0
Восточная	60,8	8,5	88,0	7,6	102,0	8,0	136,5	8,9
Всего:	3714,1	10,0	4805,7	12,0	4951,0	11,2	6489,2	12,1
Украина								
Левобережная	310,8	7,5	502,6	10,9	780,6	14,7	822,2	14,1
Правобережная	325,0	7,0	505,4	10,0	889,2	15,4	902,0	14,4
Новороссия	217,0	9,7	436,3	16,9	635,7	20,0	708,2	18,2
Всего:	852,8	7,7	1444,3	11,8	2305,5	16,2	2432,7	15,5
Вост. Укр. Галиция	152,6	6,2	300,0	13,5	323,6	11,3	235,9	7,7
Молдавия	105,8	12,2	137,9	13,9	219,9	20,3	123,0	11,0
Белоруссии и Литва	442,5	9,0	582,2	10,8	1010,9	15,3	1135,5	15,9
Эстония и Латвия	126,9	8,0	133,5	7,9	165,2	8,9	227,8	11,1
Евр. Россия	4788,8	9,1	6596,0	11,9	8120,8	12,5	9690,6	13,9
По империи:	5636,6	9,6	7472,3	11,5	9694,0	12,5	11990,8	13,5
Царство Польское	394,5	8,5	215,3	4,5	869,3	16,7	902,0	14,0
Средняя Азия	-	-	-	-	-	-	201,3	6,5

Продолжение табл. 14

Республики, регионы	1881–1890		1891–1900		1901–1910		1911–1916	
	число	‰	число	‰	число	‰	число	‰
РСФСР								
Центр.-Промышл.	1007,3	10,0	1282,0	11,0	1675,0	12,5	1097,0	11,5
Центр.-Земледельч.	1693,0	13,6	1773,3	12,5	2782,3	18,0	1594,6	15,0
Северный	188,8	12,4	239,5	13,6	268,6	14,0	171,8	13,5
Озерный	344,7	8,9	489,5	10,3	575,2	10,5	316,4	8,0
Среднее Поволжье	704,2	14,1	597,5	10,5	1057,8	17,4	540,1	13,5
Нижнее Поволжье	868,4	16,2	723,9	11,5	1265,4	17,9	717,3	14,2
Северный Кавказ	447,8	19,0	607,2	19,0	971,3	22,3	657,1	20,0
Закавказье	17,6	3,3	4,6	-	24,4	3,8	24,6	4,0
Северное Приуралье	655,4	12,3	800,2	13,0	1067,1	15,4	453,9	10,5
Южное Приуралье	555,0	18,6	640,7	17,3	984,0	21,3	479,2	15,0
Северо-Запад	195,2	14,5	239,3	15,7	273,4	15,0	173,4	14,0
Новороссия	370,8	22,8	465,2	20,6	573,4	20,0	377,4	18,5
Сибирь								
Западная	404,2	16,3	529,6	17,4	906,0	22,3	606,7	17,1
Восточная	181,9	10,9	288,3	14,0	421,7	15,3	376,1	14,5
Всего	7634,3	12,5	8671,6	13,9	13545,6	15,8	7498,3	13,2
Украина								
Левобережная	1119,2	16,2	1413,7	17,4	1552,5	16,4	959,0	16,0
Правобережная	1351,7	18,3	1605,3	18,2	1833,7	17,3	983,0	13,1
Новороссия	940,3	20,9	1378,5	24,7	1556,0	20,3	951,1	17,8
Всего:	3411,2	18,3	4407,5	19,7	4942,2	17,9	2893,1	15,5
Вост. Галиция	394,1	11,2	543,4	13,8	573,4	13,0	-	-
Молдавии	302,3	20,3	301,6	17,7	381,3	17,0	136,5	9,1
Белоруссия и Литва	1299,7	15,9	1694,0	17,1	1741,1	15,1	874,5	11,6
Эстония и Латвия	195,8	8,9	199,8	8,1	175,0	6,9	45,3	2,9
Евр. Россия	11791,8	14,5	13844,0	14,6	17761,8	16,2	9783,2	13,2
По империи	14947,6	14,5	18037,6	14,5	23764,2	16,0	13715,1	14,0
Царство Польское	1120,7	14,5	1502,2	15,5	1699,7	14,4	745,7	9,1
Средняя Азия	325,1	8,1	619,0	10,3	1126,5	12,8	910,7	14,0

* Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.), М. 1956, С. 155–156; Куркин П.И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. М., 1938. Табл. 17; Военно-

статистический сборник. Вып. IV. Россия. СПб., 1871. С. 54–66; Статистический временник Российской империи. Серия II. Вып. 12-14, 17-25; Серия III, Вып. 3, 7, 20, 21, 23, 24. СПб. 1877-1889 (Ведомости о числе родившихся, умерших и браков в Европейской России за 1867-1884 гг.); Статистика Российской империи. Вып. 11, 12, 18, 21, 24, 33, 40, 41, 45, 47, 48. Табл. 1 (Движение населения Европейской России за 1885–1896 гг.). Отчеты медицинского департамента МВД за 1880-1895 гг. СПб. 1881–1897. Табл. 1 (О числе жителей, родившихся и умерших по губерниям Российской империи за 1880–1895 гг.); Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1896–1901 гг. СПб. 1905. Табл. 1. С. 1–109; ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 1-450; Труды Варшавского статистического комитета по 10 губерниям царства Польского. Вып. XIII, Варшава. 1896. С. 146–163; Отчеты о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1896–1914 гг., табл. 1. СПб. (с 1914 г. – Пг.). 1910–1916; Отчет о состоянии народного здравия... за 1915 год – ЦГИА СССР. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 2851. Л. 24; То же за 1916 год – ЦГИА СССР. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 2858. Л. 71–75.

Табл. 15. Численность, места выхода и уезды вселения переселенцев-крестьян, поселившихся в Кавказской губернии в 1783–1794 гг. по данным IV ревизии (душ мужского пола)*

Из каких губерний	В какие уезды					
	Кизляр-ский	Моздок-ский	Георгиев-ский	Александ-ровский	Ставрополь-скнй	Всего
1	2	3	4	5	6	7
Курской	-	777	1321	850	4695	7643
Воронежской	2	1394	286	317	827	2826
Тамбовской	-	27	1207	764	14	2012
Харьковской	-	36	319	18	6	379
Орловской	-	7	1059	1540	-	2606
Рязанской	-	79	383	494	-	956
Пензенской	-	11	1893	1026	-	2930
Калужской	-	773	551	203	-	1527
Тульской	-	93	133	128	-	354
Казанской	-	37	2	232	-	271
Костромской	1	-	-	-	-	1
Вятской	-	-	12	12	-	24
Нижегородской	-	-	347	16	-	363
Владимирской	-	2	7	-	-	9
Московской	-	-	-	366	-	366
Симбирской	-	22	11	-	-	33
Екатеринославской	-	3	62	2	-	67
Саратовской	-	1	16	-	-	17
Астраханской	-	-	7	-	-	7
Войска Донского	-	6	14	-	-	20
Чернигонской	-	3	22	58	-	83
Новгородско-Северской	-	-	12	-	-	12
Ярославской	-	24	17	-	-	41
Без указания губерний выхода	683	799	611	134	458	2685
Всего:	685	4097	8393	6160	6000	25232
%	2,7	16,2	33,1	24,3	23,7	100,0
В том числе однодворцев	-	1043	4256	4298	5459	15056
помещичьих крестьяи	586	119	44	8	24	781

* ЦГИА СССР. Ф. 558. Оп. 2. Д. 46. Л. 210–245, 425–429, 488–489.

Табл. 16. Среднегодовой естественный прирост в России и Европе в 60-х годах XVIII — начале XX в. (1762–1920 гг.) на 1000 человек*

Годы	В Европе	России			Франции	Швеции	Англии	Германии	Австрии	Венгрии	Дании	Норвегии	Финляндии	Бельгии	Нидерландах
		Всей	Европейской	Европейской православной											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1762–1781	-	10,5	10,8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1801–1810	6,4	16,0**	-	16,6	4,0	3,0	13,6	-	-	-	7,4	2,3	11,4	-	-
1811–1820		13,8**	-	13,5	5,7	7,6	-	14,0	-	-	9,3	8,7	11,0	-	-
1821–1830	9,6	15,2**	-	15,2	5,8	11,0	-	10,0	10,4	11,0	9,4	14,4	13,8	-	-
1831–1840	7,4	12,1**	-	12,0	4,2	8,7	...	9,2	5,7	8,0	7,1	9,4	5,2	7,6	-
1841–1850	6,9	9,6	9,1	10,3	4,1	11,5	10,2	9,3	5,2	7,0	10,1	12,6	12,0	6,1	6,8
1851–1860	7,3	11,5	11,9	13,0	2,4	11,1	11,9	8,9	6,2	8,7	11,9	15,8	7,3	7,6	7,7
1861–1870	8,9	13,0	12,5	13,3	2,7	11,2	12,7	10,3	8,0	11,0	10,8	12,9	2,2	8,3	10,4
1871–1880	9,3	13,9	13,2	14,0	1,7	12,2	14,0	11,9	7,5	7,5	12,0	14,0	14,8	9,8	11,9
1881–1890	10,6	14,5	14,5	14,9	1,8	12,2	13,4	11,7	8,4	11,5	13,4	13,9	13,9	9,6	13,2
1891–1900	11,1	14,5	14,6	15,0	0,7	10,7	11,7	13,9	10,5	10,7	12,7	14,0	12,5	10,1	14,1
1901–1910	12,3	16,0	16,2	16,0	1,2	10,6	11,8	14,3	11,0	11,1	12,0	12,9	13,2	9,7	15,0
1911–1916	-	14,0	13,2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1911–1920	3,5	3,0	-	-	-7,0	8,0	7,0	4,0	-	3,5	12,0	11,0	8,1	3,0	14,0

* ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 58. Д. 771/4342. Л. 794–1025; Jaeckel R.J. Die Geburten, Heirats, Sterbe – und Geburten uberschussziffern in hauptsaclhichsten kulturstaaten der Welt. 1801–1911. – In: Jahrbucher fur Nationalokonomie und Statistik. III Folge. Bd. 48. Jena, 1914, S. 86–90; Maly Rocznik Statystyczny. 1939. Rok X. Warszawa, 1939, S. 46. Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX вв. В сб.: Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 90; Корсаков С. Движение православного населения 1804–1849 –Вестник Русского географического общества иа 1852 год. Кн. 5. СПб., 1852. С. 181–184; Зяблоцкий А.П. Движение народонаселения в России с 1838 по 1847 год. Сборник статистических сведений о России. Кн. 1. СПб., 1851. С. 81; Кабузан В.М. О достоверности учета населения России (1858–1917) – Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982. С. 106–108, 110–112.

** Только православное население.

Табл. 17. Сальдо внешних миграций в Российской империи в 30-х годах XIX – начале XX в. (1828–1915 гг.) тыс. чел.*

Годы	Всего	Российских подданных	В том числе: из каких государств														
			иностранцев	Германии	Австро-Венгрии	Болгарии	Румынии	Сербии	Персии	Китая	Турции	Франции	Великобритании	США	Швейцарии	Швеции	Италии	Японии
1828–1830	+4,1	+0,4	+3,7	+2,8	+0,6	-	+0,2	-	-1,3	-	-0,3	+0,1	-	-0,1	+0,1	-	+0,1	-
1831–1840	+57,9	+35,0	+22,9	+8,4	+11,1	-	+1,1	-0,2	+4,8	-	-2,4	+0,8	-0,4	-0,1	+0,4	-	+0,8	-
1841–1850	+43,3	+5,0	+38,3	+13,5	+2,4	-	+3,2	-	+11,6	-	+4,8	+1,6	-0,3	-0,1	+0,2	-	-	-
1851–1860	-67,7	-262,8	+195,0	+64,4	+42,9	-	+7,3	-	+40,7	-	+26,8	+4,7	+3,0	+0,1	+0,8	-0,1	+1,4	-
1861–1870	+336,7	-196,3	+533,0	+271,1	+145,7	-	+6,0	-	+15,9	-	+69,7	+1,8	+3,1	+0,1	+0,8	-	+1,0	-
1871–1880	+399,5	-378,8	+778,3	+292,3	+267,9	+0,2	+12,0	+0,5	+90,7	+0,1	+52,8	+6,9	+7,8	+0,8	+2,1	+0,7	+1,8	-
1881–1890	+449,7	-414,0	+863,7	+439,3	+308,0	+0,1	+7,4	+0,1	+73,1	-0,4	+33,0	+4,1	+2,6	+1,8	-	+1,1	+2,4	-
1891–1900	-256,6	-722,2	+465,6	+118,4	+37,8	+1,6	+1,6	+0,7	+200,4	+6,8	+51,9	+0,8	+8,8	+4,6	+1,6	+3,8	+5,8	-0,1
1901–1910	-851,1	-1559,1	+708,0	+193,4	-29,1	+6,8	+11,7	-	+194,4	-15,8	+107,6	+5,0	+11,6	+3,6	+0,4	+3,1	+1,7	+11,5
1911–1915	-471,6	-1014,9	+543,3	+58,6	+40,0	+1,1	+7,0	-0,2	+214,5	+132,4	+58,5	+3,8	+5,2	+2,5	+1,4	+2,1	+0,4	+5,6
Итого:	-355,8	-4507,7	+4151,9	+1462,5	+827,3	+9,8	+58,0	+0,9	+844,8	+123,1	+402,4	+29,6	+41,4	+33,2	+17,8	+10,7	+15,4	+17,0

* International Migrations..., P. 261–272, 794–797.

Здесь не учтены земледельческие мигранты Персии, Турции в 30–60-х годах XIX в. (амряне, татары, ногайцы, горцы Западного Кавказа).

*Табл. 18. Сальдо внешних миграций в странах Европы в XIX — начале XX в. (тыс. чел.)**

Государства	1841-1850	1851-1860	1861-1870	1871-1880	1881-1890	1891-1900	1901-1910	1911-1920
Германия	-568,7	-895,0	-871,5	-783,7	-1309,3	-354,7	-107,4	+681,2
Австрия	-130,0	-156,5	-334,5	-68,7	-200,6	-394,8	-683,9	-554,8
в том числе:								
Галиция	-54,8	+156,7	+108,4	+4,1	-54,5	-305,2	-496,6	-338,0
Богемия	-157,8	-15,3	-259,9	-175,9	-191,4	-121,2	-171,5	...
Венгрия	-	+3,7	-0,5	-240,3	-114,3	-216,4	-571,1	-345,0***
Россия**	+43,3	-67,7	+336,7	+399,5	+449,7	-256,6	-851,1	-471,6
в том числе российских подданных	+5,0	-262,8	-196,3	-378,8	-414,0	-722,2	-1559,1	-1014,9
Финляндия	+6,3	-12,0	-16,2	+10,9	+11,3	+66,4	+7,5	+2,8
Франция	+136,0	+48,4	+88,7	+106,8	+58,6	+268,3	+743,8	+2192,2
Бельгия	+51,2	-69,2	-54,1	-29,0	-12,1	+56,0	+32,4	-143,0
Нидерланды	-7,5	-18,1	-68,4	-17,1	-74,3	-96,9	-106,6	+246,3
Дания	-5,9	+12,8	-13,8	-42,0	-76,1	-18,9	-92,0	-47,0
Швеция	-4,0	-26,9	-149,9	-138,8	-347,3	-180,8	-192,0	-54,0
Норвегия	-12,2	-28,2	-86,1	-72,1	-189,2	-31,2	-195,0	-70,4
Англия и Уэльс	+328,6	-128,0	+27,9	-175,3	-602,8	-57,7	-491,9	-1197,0
Шотландия	-21,8	-121,5	-123,9	-96,9	-214,5	-62,9	-257,3	-296,9
Ирландия	-987,0	-736,7	-645,4	-670,0	-741,5	-466,7	-332,5	-104,4
Швейцария	-12,0	-28,4	-23,9	-23,0	-104,5	+101,1	+68,6	-172,3
Испания	-	-260,0	-600,6	-59,9	-299,1	-479,0	-867,7	-439,1
Италия	-	-120,0	-144,5	-326,0	-1136,6	-1212,7	-1386,5	...
Португалия	-	-50,0	-81,3	-124,7	-104,2	-273,1	-317,9	-462,1
Греция	-	-	+19,2	+119,6	-	-	-208,0	-232,6
Сербия (с 1914 г. Югославия)	-	-	+62,7	+22,4	+53,0	+32,9	-15,0	-110,0
Румыния	-	-	-	-	-	-	-62,0	-19,0
Евр. Турция	-	-	-	-	-	-	-90,0	-70,0
Болгария	-	-	-	-	-	-	-1,5	-11,3

* Statistik des Deutschen Reichs. Neue Folge, Bd. 44, Berlin, 1892, S. 53–67; Statistisches Handbuch fur das Deutschen Reichs. Teil 1, Berlin, 1907, S. 43; Statistik des Deutschen Reichs, Neue Folge, Bd. 150, Berlin, 1912, S. 33. 1903, S. 191–196; Osterreichische Statistik. Neue Folge, Bd. 1, Heft 1, Wien, 1912, s. 33. Статистика Российской империи. Сборник сведений по России за 1884 и 1885 гг. СПб. 1887, С. 55–59; Оболенский (Осинский) В.В. Указ. соч., С. 20–22, 84, 107, 110, 119; Хорев. Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М., 1978, С. 127–128.

** В 1831–1840 гг.: +57,9 тыс. чел., в том числе русских подданных +35,0 тыс., а иностранцев +28,9 тыс.

*** Только за 1911–1915 гг.

Табл. 19. Численность и доля механического прироста в общем приросте населения Сибири в 1796–1858 гг.*

Годы и ревизии	Весь прирост (тыс. чел.)	в том числе механический прирост				Доля (%) Сибири в общем миграционном движении
		ссыльных	переселенцев	Итого	% его ко всему приросту	
1795–1815 (V–VII)	699,0	33,2	-	33,2	4,2	3,6
1816–1834 (VII–VIII)	419,3	121,6	19,0	140,6	33,7	13,4
1835–1850 (VIII–IX)	400,0	139,6	93,3	232,9	58,3	24,5
1851–1858 (IX–X)	327,2	55,2	54,9	110,1	33,6	34,1
Итого	1845,5	349,6	167,2	516,8	28,0	14,5

* ЦГИА СССР. Ф. 571. Оп. 9. Д. 1860. Л. 1–53; Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45. Л. 31-32; 303-309. Д. 111. Л. 59. Д. 112. Л. 50. Д. 168. Л. 43; Оп. 6. Д. 143. Л. 58; Д. 119. Л. 7. Д. 153. Л. 4. Оп. 6. Д. 166. Л. 4; Д. 133. Л. 8. Д. 156. Л. 10; Д. 117. Л. 9. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 2. Л. 25; Оп. 1. Д. 701. Л. 1–6; Д. 26. Л. 1–7. Д. 50. Л. 122; Ф. 1284. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–6. Д. 33. Л. 7–12; Д. 34. Л. 1–6. Д. 35. Л. 1–6; Д. 40. Л. 1-6; Д. 42. Л. 1–6. Д. 44. Л. 1–6; Д. 46. Л. 1–6. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1202. Л. 1631. Ф. 1281. Оп. 3. Д. 117. Л. 24; Д. 147. Л. 10; Оп. 4. Д. 17. Л. 5; Д. 134. Л. 8. Д. 168. Л. 8. Оп. 3. Д. 154. Л. 7. Оп. 4. Д. 158. Л. 6. Оп. 6. Д. 141. Л. 7–8. Д. 104. Л. 7. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 2. Л. 15; Журнал МВД, 1835. № 6. С. 385-386; Величко А.П. Сведения о числе преступников, сосланных в Сибирь. Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839. С. 133–137; Колесников А.Д. Указ. соч. С. 344–345; 369–379.

Табл. 20. Баланс численности легальных имигрантов, покинувших губернии Центрально-Земледельческого региона в первой половине XIX в. (тыс. ревизских душ мужского пола)

Периоды между ревизиями	Губернии						
	Воронежская	Тамбовская	Рязанская	Курская	Орловская	Тульская	Всего
V–VII	-	2,6	-	11,0	0,2	3,1	16,9
VII–VIII	15,7	12,2	15,0	40,1	22,2	5,5	110,7
VIII–IX	27,9	24,9	4,5	14,5	15,5	19,3	106,4
IX–X	14,5	6,8	0,7	10,0	+3,1	+4,7	19,2
Итого	58,1	46,5	20,0	75,6	29,8	25,2	253,2
%	23,0	18,3	7,9	29,9	11,7	9,2	100,0

Табл. 21. Численность и сословный состав основных категорий мигрирующего населения Центрально-Земледельческого района в первой половине XIX в. (1816–1854 гг.) (тыс. душ. м.п.)

Губернии и категории населения	Прибыло	Убыло	Баланс миграции (+,-)
Курская	18,7	83,5	64,8
в том числе крестьян:			
помещичьих	7,6	19,5	11,9
%	40,8	23,3	18,4
государственных	9,8	62,2	52,4
%	52,6	74,5	80,9
Воронежская	13,6	48,2	34,6
в том числе:			
помещичьих	7,6	8,3	0,7
%	55,9	17,3	-
государственных	0,8	39,0	38,2*
%	-	80,8	110,1
Тамбовская	15,6	59,5	43,9
помещичьих	13,8	23,4	9,6
%	88,0	39,3	22,0
государственных	0,4	29,7	29,3
%	-	49,9	66,8
Орловская	10,6	25,4	14,8
помещичьих	9,5	16,4	6,9
%	90,0	64,6	46,5
государственных	0,1	8,2	8,1
%	-	32,3	54,4
Тульская	8,7	25,5	16,8
помещичьих	7,3	19,9	12,6
%	83,6	78,1	75,2
государственных	0,9	4,5	3,6
%	-	17,6	21,5
Рязанская	6,1	19,3	13,2
помещичьих	5,7	12,0	6,3
%	92,7	61,9	47,6
государственных	0,3	6,2	5,9
%	-	32,3	45,2
Итого:	73,3	261,5	188,2
в том числе:			
помещичьих	51,4	99,5	48,1
%	70,2	38,1	25,6
государственных	12,3	149,8	137,5
%	16,8	57,3	73,1

* Среди прибывших были 2 тыс. удельных крестьян и много мещан, не показанных в данной таблице.

Табл. 22. Численность и сословный состав основных категорий легальных переселенцев Левобережной Украины в первой половине XIX в. (1804–1854 гг.), тыс. душ м.п.*

Губернии и категории населения	Прибыло	Убыло	Баланс миграций (+, -)
Полтавская	12,1	103,3	91,2
в том числе крестьян:			
помещичьих	4,6	14,4	9,8
%	38,4	13,9	10,7
государственных	4,9	87,4	82,5
%	40,3	84,6	90,5
Черниговская	4,0	58,4	54,4
в том числе:			
помещичьих	2,3	10,4	8,1
%	56,5	17,7	14,9
государственных	0,7	45,7	45,0
%	18,4	78,3	82,7
Харьковская**	26,7	35,8	9,1
в том числе:			
помещичьих	24,7	10,3	+14,4
%	92,4	28,7	-
государственных	0,3	24,8	24,5
%	1,0	69,4	-
Итого: 42,8	197,4	154,6	
в том числе:			
помещичьих	31,6	35,0	3,4
%	73,8	17,7	2,2
государствеиных	5,9	157,9	152,0
%	13,7	80,0	98,3

* ЦГИА СССР. Ф. 571. Оп. 9. Д. 1860. 1883–1885, 1–53.

** По Харьковской губернии приводятся данные за 1816–1858 гг.

*Табл. 23. Эмиграция из Европы в страны Нового Света в XIX — начале XX вв. (тыс. чел.)**

Годы	Австрии	Венгрии	Греции	Евр. Турции	Румынии	Германии	Италии	России	Великобритании	Нидерландов	Швейцарии	Франции	Бельгии	Дании	Швеции	Норвегии	Испании	Португалии	Всего
1801–1814	-	-	-	-	-	-	-	-	114,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	114,4
1815–1820	2,9	-	-	-	-	36,9	0,7	-	140,0	-	-	0,4	-	-	-	-	-	-	180,9
1821–1830	16,2	-	-	-	-	62,4	3,3	-	280,0	1,1	3,3	8,5	-	0,2	0,1	0,1	2,5	0,2	377,9
1831–1840	8,6	-	0,1	-	-	239,8	8,3	0,5	790,0	11,4	4,9	50,3	-	1,1	1,2	1,2	7,7	1,8	1116,9
1841–1850	3,0	-	-	0,1	-	658,2	8,5	0,6	1159,0	8,3	5,0	86,7	5,0	0,5	13,9	17,0	4,9	1,3	1972,1
1851–1860	31,0	-	0,1	0,1	-	1127,3	24,7	1,6	1862,7	10,8	27,8	77,6	4,9	3,7	21,4	36,1	12,7	66,7	3309,2
1861–1870	39,7	0,4	0,1	0,1	-	865,3	133,7	4,9	1571,8	9,2	26,0	48,1	7,9	17,1	111,7	98,0	32,0	79,2	3045,2
1871–1880	89,7	16,4	0,2	1,0	-	626,0	261,1	68,0	1678,9	16,6	36,2	112,4	8,1	32,1	116,4	95,3	67,4	131,1	3356,9
1881–1890	249,0	186,9	2,3	5,2	6,3	1342,5	991,4	300,7	2558,5	58,5	95,8	160,3	38,5	89,6	392,9	186,6	639,1	185,4	7489,5
1891–1900	439,2	285,7	16,3	20,0	15,1	529,8	1579,6	692,8	1742,8	27,1	36,8	139,7	21,3	52,8	233,1	95,3	870,4	265,9	7063,7
1901–1910	1111,0	1237,8	170,7	210,1	57,4	279,7	3615,2	1778,4	2841,4	55,5	43,3	145,1	53,2	72,6	266,7	202,1	1295,1	324,0	13759,3
1911–1920	580,0	469,7	189,8	189,2	17,6	91,2	2194,1	1134,1	2437,3	55,3	32,1	123,9	49,2	50,5	110,0	75,1	1469,5	401,8	9670,4
Всего:	2570,3	2196,9	379,6	425,8	96,4	5859,1	8820,6	3981,6	17176,8	243,8	311,2	953,0	188,1	320,2	1267,4	806,8	4401,3	1457,4	51456,3
% к итогу:	5,0	4,3	0,7	0,8	0,2	11,4	17,1	7,7	33,4	0,5	0,6	1,8	0,4	0,6	2,5	1,6	8,6	2,8	100,0

* Wilcox W.E., ed. Jnternational Migrations. National Bureau of Economic Research. Vol 1, New York, 1928, p. 377–383. Tafeln zur Statistik der osterreichischen Monarchie. jg 1–20 (fur 1828–1848), Wien, 1828–1853; Neue folge Bd 1–5 (1849–1865), Wien, 1856–1871, Auswanderung aus den im Reichsrat Vertretenen Konigreichen und Lander in den Jahren 1856–1868. In: Mitteilungen aus den Gibiete der Statistik. Bd 17, Heft 3; Wien, 1870, Auswauderung aus den im Reichsrate Vertretenen Konigreichen und Lander. 1869–1870. In: Mitteilungen aus den Giliete der Statistik. Bd 19, Heft-2, Wien, 1872; English IC, Die osterreichsechen Auswanderungsstatistik. In: Statistische Monatsschrift. Neue felge, Bd 18, Brunn. 1913; Chmelar H. Hohepunkte der osterreichischen Auswandereng 1905–1914, Wien 1974; Bolognese-Leuchtenmuller B. Bevolkerungsentwicklung und Berufs-Struktur Jesundheits -und Fursorgewessen in Osterreich 1750–1918, Wien, 1978, S. 131–138; Schneider L. Die ungarische Auswanderung, Rozsony, 1915; Kolb J.F. Handluch der Vergleichen den Statistik der Volkerzustendes- und Staatenkunde. Aufl. 1–8, Zurich-Leihzig, 1857–1879; Jaeler O. Die Statistik der deutschen Auswanderung. 1819–1851: in. Jahrbuch fur Volkswirtschaft und Statistik, Berlin, 1859, s. 263–274; Statistik des Deutschen Reichs. Neue folge, Bd 44, Berlin, 1892, s. 33–164 (Auswanderung in 1872–1880); Huber O. Geographisch-Statistische Tabellen aller Lander der Erde. Ausgabe 1–66, Wien 1880–1921, Mayr J. Handbuch des osterreichischen Recht. Freiburg, 1897, s. 344–346; Die deutsch Auswanderung uber deutsche und fremde Hafen. In: Statistichisches Handbuch fur das Deutsche Reich; i Teile, Berlin, 1907, s. 111; Winkler w Statistische Handbuch fur das gesamte Deutschtum. Berlin, 1927. Die Deutsche Auswandereng in 1841–1900. In: Statistik des Deutschen Reichs, Band 150, Berlin, 1903, s. 191–197; Engels F. Aus-und Einwanderung von Grossebritanien und Irland - in: Statistiche Monatsschrift. Yg. VII, Wien, 1881, s. 369–370; Янсон Ю.Э. Сравиительная статистика России., С. 125–142; Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1978. С. 444–446.

Табл. 24. Иммиграция в Новый Свет из России и баланс миграций русских и иностранных подданных в России в 20-х годах XIX – начале XX вв. (тыс. чел.)*

Периоды	Число иммигрантов, прибывших в Новый Свет	Баланс миграций		Всего
		российских подданных	иностранцев	
1821–1830	-	0,4	3,7	4,1
1831–1840	0,5	35,0	22,9	57,9
1841–1850	0,6	5,0	38,3	43,3
1851–1860	1,6	-262,8	195,0	-67,7
1861–1870	4,9	-196,3	533,0	+336,7
1871–1880	68,0	-378,8	778,3	+399,5
1881–1890	300,7	-414,0	863,7	+449,7
1891–1900	692,8	-722,2	465,6	-256,6
1901–1910	1778,4	-1559,1	708,0	-851,1
1911–1920**	1134,1	-1014,9	543,3	-471,6
1821–1920	3981,6	-4507,7	4151,9	-355,8
%	88,3	100,0		
В 1821–1920 гг. вернулось	717,0***			

* Оболенский (Осинский) В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 10, 20, 22; International Migrations. National Bureau of Ekonomic Research. Vol. 1; New York., 1929, P. 261–272, 794–797.

** Данные приводятся за 1911–1915 гг.

*** В 1908–1920 гг. вернулось обратно 18% всех лиц, выбывших из России (250,7 тыс. чел.). Если полагать, что такая же доля выбывавших возвращалась и в другие годы, то это составит 717 тыс. чел. Таким образом, чистая убыль миграитов из России составит около 3265,0 тыс. чел.

Табл. 25. Иммиграция в страны Нового Света из России в 20-х годах XIX – в начале XX вв. (тыс. чел.)*

Периоды	Страны прибытия														
	В США из				В Канаду из			Аргентина	Бразилия	Австралия	Уругвай	Африка в целом	Новая Зеландия	Всего	Всего из Европы
	России	русской Польши	Финляндии	Всего	России	русской Польши	Финляндии								
1821–1830	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	377,9
1831–1840	0,2	0,3	-	0,5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,5	1116,9
1841–1850	0,5	0,1	-	0,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,6	1972,1
1851–1860	0,4	1,1	-	1,5	-	-	-	0,1	-	-	-	-	-	1,6	3309,2
1861–1870	2,5	2,0	-	4,5	-	-	-	0,4	-	-	-	-	-	4,9	3045,2
1871–1880	38,9	13,0	0,5	52,4	6,5	-	-	0,4	8,5	-	-	0,2	-	68,0	3356,9
1881–1890	201,4	51,8	11,9	265,1	2,2	-	-	4,1	28,4	-	-	0,7	0,2	300,7	7488,5
1891–1900	454,9	134,7	52,4	642,0	8,8	-	-	17,5	15,8	-	2,9	5,5	0,3	692,8	7063,3
1901–1910	1034,3	433,4	129,6	1597,3	45,8	9,4	13,5	84,5	17,3	2,8	-	7,6	0,2	1778,4	13759,3
1911–1920	602,4	272,6	48,0	926,6	59,9	31,0	9,6	56,8	37,6	7,0	4,5	1,0	0,1	1134,1	9670,4
Всего:	2335,5	912,6	242,4	3490,5	123,2	40,4	23,1	163,8	107,6	9,8	7,4	15,0	0,8	3981,6	51161,0

Табл. 26. Баланс миграций через границы Российской империи (убыло или прибыло в Россию русских и иностранных подданных в 1859–1870 гг. [чел. обоего пола])*

Годы	русских подданных	иностранцев	Итого
1859	-41585	42233	648
1860	-195266	39437	-155829
Итого	-236851	81670	-155181
1861	-27208	53199	25991
1862	-6539	49162	42623
1863	-4785	46270	41485
1864	-119766	-418777**	-538543
1865	-10275	78425	68150
1866	-9458	62486	53028
1867	-8560	67637	59077
1868	-5752	73414	67662
1869	17702	10649	28351
1870	-21630	40441	18811
Итого	-196271	62906	-133368
Всего	-433122	144516	-288549

* Статистика Российской империи. Сборник сведений по России за 1884 и 1885 гг. СПб., 1887. С. 5–56 («Число русских подданных, проследовавших через границу империи с 1856 по 1885 год» и «Число лиц, проследовавших с паспортами через границу империи с 1856 по 1885 год»).

** За 1864 г. использованы данные о числе эмигрантов с территории Западного Кавказа, не включенного еще в состав России. (См. Всеподданнейший отчет Главнокомандующего кавказской армией по военно-народному управлению за 1863–1869 годы. СПб., 1870. С. 37. 109–113).

Табл. 27. Движение населения Таврической губернии в 60-90-х годах XIX в. (мужской пол на 1 января каждого года, тыс. чел.)*

Уезды	1859 г.	1860 г.	% прироста	1861 г.	% прироста	1870 г.	% прирост	1874 г.	% прироста	1896 г.	% прироста	% прироста в 1859--1896 гг.
Бердянский	73,1	77,5	6,1	60,2	-22,3	92,2	28,5	97,5	5,7	169,9	74,3	132,6
Днепровский	37,6	36,6	-2,7	35,5	-3,1	47,7	34,4	54,7	9,0	113,7	107,9	202,3
Евпаторийский	17,0	18,1	7,0	13,7	-24,5	17,8	30,0	18,0	1,0	34,3	90,6	102,1
Мелитопольский	72,9	75,4	3,4	72,0	-4,5	93,3	29,6	102,9	10,2	190,1	84,8	160,5
Симферопольский	65,9	66,3	0,6	41,6	-37,3	48,1	15,6	45,0	6,2	81,2	80,5	23,2
Перекопский	34,0	34,3	1,0	8,3	-75,7	9,1	9,7	9,9	7,9	20,7	108,5	-39,2
Ялтииский	16,5	16,9	2,0	13,5	-10,1	15,5	15,1	17,7	14,3	31,1	75,3	88,0
Феодосийский	38,4	39,4	2,5	26,5	-32,8	24,8	-6,2	29,9	20,5	61,7	106,0	60,4
Всего:	355,5	364,6	2,6	271,3	-25,6	348,6	28,5	375,6	7,7	702,6	87,1	97,7
В том числе у татар и ногайцев												
Бердянский	17,9	18,4	2,9	-	-	-	-	-	-	0,1	-	-99,7
Днепровский	7,5	7,6	1,2	-	-	-	-	-	-	0,2	-	-97,7
Евпаторийский	13,8	14,7	6,5	10,1	-31,0	12,9	27,6	10,8	-16,2	16,7	53,9	21,0
Мелитопольскй	3,3	3,3	-	-	-	-	-	-	-	0,3	-	-93,5
Перекопский	31,7	32,5	2,4	5,6	-82,6	4,0	-29,3	4,2	4,9	4,4	5,9	-86,0
Симферопольский	35,7	41,1	15,0	23,1	-43,8	22,4	-2,7	22,6	0,6	32,7	45,0	-8,3
Ялтинский	14,0	15,9	13,8	11,7	-26,5	12,8	-9,8	14,8	15,0	23,5	58,8	67,8
Феодосийский	30,1	28,5	-5,2	14,7	-48,4	13,1	-10,8	13,9	6,0	26,0	86,9	-15,6
Всего:	153,9	161,9	5,2	65,3	-59,7	65,4	0,1	66,4	1,5	103,7	56,3	-32,6

* РГИА в Петербурге. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 52. Л. 85, 88; Д. 20. Л. 82, 86; Д. 48. Л. 75-81; Ф. 1284. Оп. 67. Д. 252. Л. 38. об.- 39; Оп. 69. Д. 205. Л. 22. об. - 23; Оп. 223. Д. 176. Л. 49. об.-50.

Табл. 28. Движение татарского и ногайского населения Таврической губернии в 60-90-х годах XIX в. (душ мужского пола на 1 января каждого года; 1860 г. — 100%)*

Уезды	1859 г.	1860 г.	1861 г.	1862 г.	1863 г.	1864 г.	1870 г.	1874 г.	1896 г.
Движение в абсолютных цифрах:									
Бердянский:	17902	18422	21	11	-	8	1	43	52
Днепровский	7462	7551	43	40	14	14	14	12	174
Евпаторийский	13792	14692	10139	8601	8412	8085	12932	10843	16683
Мелитопольский	3313	3318	11	12	14	15	32	28	215
Перекопский	31711	32470	5644	2524	3330	3874	3988	4184	4430
Симферопольский	35685	41050	23060	10179	21755	21608	22442	22579	32738
Ялтинский	13974	15899	11691	10835	11820	11086	12839	14768	23451
Феодосийский	30088	28516	14712	9116	11218	12633	13120	13910	25993
Всего	153927	161918	65321	41318	56563	57323	65368	66367	103736
Движение в %	1859	1861	1862	1863	1864	1870	1874	1896	
Бердянский	97,2	0,1	-	-	-	-	0,2	0,2	-
Днепровский	98,8	0,6	0,5	0,2	0,2	0,2	0,2	2,3	-
Евпаторийский	93,9	69,0	58,5	57,3	55,0	88,0	73,8	113,6	-
Мелитопольский	99,9	0,3	0,4	0,4	0,5	1,0	0,9	6,5	-
Перекопский	97,7	17,4	7,8	10,3	11,9	12,3	12,9	13,6	-
Симферопольский	86,9	56,2	24,8	53,0	52,6	54,7	55,0	79,8	-
Ялтинский	87,9	73,5	68,2	74,4	69,7	80,8	92,9	147,5	-
Феодосийский	105,5	51,6	32,0	39,3	44,3	46,0	48,8	91,2	-
Всего:	95,1	40,3	25,5	34,9	35,4	40,4	40,9	64,1	-

* РГИА в Петербурге. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 52. Л. 88; Д. 20. Л. 82, 86; Д. 48. Л. 75, 81; Д. 47. Л. 123 об.-124; Д. 29. Л. 109; Оп. 7. Д. 38. Л. 144; Ф. 284. Оп. 67. Д. 252. Л. 38 об.-39; Оп. 63. Д. 205. Л. 22. об.-23; Оп. 223. Д. 176. Л. 49. об.- 50.

Табл. 29. Эмиграционное движение татар и ногайцев Таврической губернии в 1860–1862 гг. (душ мужского пола)*

Уезды	В 1860 г.**	В 1861 г.	В 1862 г.	Всего	% к общему числу
Симферопольский	19454	977	215	20646	19,8
Перекопский	25023	2018	287	27328	26,2
Феодосийский	17491	1694	94	19272	18,5
Бердянский	17780	9	3	17792	17,1
Евпаторийский	4507	2603	366	7476	7,2
Диепровский	7241	13	9	7263	7,0
Мелитопольский	2771	42	-	2813	2,7
Ялтинский	1580	-	37	1617	1,6
Всего	95847	7356	1011	104214	100,0
%	91,9	7,1	1,0	100,0	-

* Сергеев А.А. Указ. соч. С. 207–211.

** С учетом примерно 6 тыс. душ м. п., которые получили паспорта на выезд в 1860 г., но эмигрировали в 1861 г.

Табл. 30. Полнота регистрации текущим полицейским учетом миграционных процессов в Российской империи (без Финляндии). Сведения о неместных уроженцах по данным переписи 1897 г. = 100%*

Районы	Число мигрантов по данным		% данных текущего учета к сведениям по переписи (= 100%)
	текущего учета в 1871–1896 гг.	переписи 1897 г.	
Европейская Россия			
Центральио-Промышленный	423,8	-265,2	-
Центрально-Земледельческий	-344,1	-1655,3	25,6
Северный	-0,4	-69,2	0,6
Озерный	-620,9	726,3	85,5
Среднее Поволжье	-100,5	-435,4	23,1
Нижнее Поволжье	-36,6	-12,0	305,0
Северное Приуралье	-85,1	-284,7	29,5

Продолжение табл. 30

1	2	3	4
Южное Приуралье	176,2	248,7	70,9
Белоруссия и Литва	203,7	-363,8	-
Прибалтика	-79,5	-84,8	93,8
Левобережная Украина	-298,7	-726,5	41,1
Правобережная Украина	5,2	-15,7	-
Новороссия	408,4	883,0	46,3
Итого:	893,3	-2054,4	
Царство Польское	856,4	149,6	572,5
Казахстан и Средняя Азия			
Казахстан	278,3	327,8	84,9
Средняя Азия	57,7	73,4	78,7
Итого:	336,0	401,2	83,8
Сибирь и Дальний Восток			
Западная Сибирь	673,5	696,5	96,7
Восточная Сибирь	131,0	219,5	59,7
Дальний Восток	123,4	282,7	53,0
Итого:	927,9	1148,7	80,8
Кавказ			
Северный	1082,5	868,2	124,7
Закавказье	54,9	265,4	20,7
Итого:	1137,4	1133,6	100,3
Империя в целом:	4151,0	778,7	533,1
Сальдо миграции	724,2	724,2	-

* Статистический временник Российской империи. СПб., 1881–1884, сер. 2. Вып. 17–25. С. 2–16; СПб., 1884–1889, сер. 3, Вып. 3, 7, 20, 21, 24. С. 2–16; Статистика Российской империи. СПб., 1890–1899, Вып. 11, 12, 18, 21, 24, 33, 40, 41, 45, 47, 48. Табл. 1; Аленицин В. Население и прирост в Европейской России за 1891–1900. – Ежегодник России. 1905. СПб., 1906. С. 45–66; ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 1–456.

Табл. 31. Баланс миграций и направления миграционных потоков в России в 1871–1916 гг. (тыс. чел. обоего пола)*

Годы	Районы вселения						
	Новороссия	Южное Приуралье	Северный Кавказ	Закавказье	Сибирь и Дальний Восток	Казахстан и Средняя Азия	Всего
1871–1896	883,0	248,9	868,2	265,4	1148,7	401,2	3815,4
%	23,15	6,52	22,76	6,96	30,10	10,51	100,00
1897–1916	318,9	-8,2	507,1	431,0	2549,9	1428,9	5227,6
%	6,10	-0,16	9,70	8,25	48,78	27,33	100,0
Всего:	1201,9	240,7	1875,3	696,4	3698,6	1830,1	9043,0
%	13,30	2,66	15,21	7,69:	40,90	20,24	100,0

* Составлено по: Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. – История СССР, № 1, 1957. С. 212–213; РГИА в Петербурге, Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 1–387; Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения с 1896 по 1909 гг. СПб., 1916. С. 48-51; Переселенческое движеиие на окраины в прямом и обратном иаправлениях в 1896–1916 гг. – Статистический ежегодник России. 1916 (год 13). Вып. 1. Пг., 1918. С. 94–103; Ставровский Я.Ф., Алексеев В.П. Переселение в Сибирь. СПб., 1906. (за 1885–1904 гг.).

Табл. 32. Численность и направления миграционных потоков в Сибирь и на Дальний Восток в 70-х годах XIX — начале XX вв. (тыс. чел., без вернувшихся обратно)*

Направления миграционных потоков	Прибыло мигрантов					
	1871–1896 гг.		1897–1916 гг.		Всего	
	число	%	число	%	число	%
На окраины в целом	3815,4	100	5227,6	100	9043,0	100
Западная Сибирь	696,5	18,25	1726,2	33,02	2422,7	26,79
В том числе в губернии						
Тобольскую	101,4	2,66	256,1	4,90	357,5	3,95
Томскую	595,1	15,59	1470,1	28,12	2065,2	22,84
Восточная Сибирь	219,5	5,74	456,5	8,73	676,0	7,48
В том числе в губернии:						
Иркутскую	64,2	1,68	176,6	3,38	240,8	2,66
Якутскую	18,2	0,47	-41,1	0,79	-22,9	-0,25
Енисейскую	137,1	3,59	321,0	6,14	458,1	5,07
Дальний Восток						
В том числе в области:						
Амурскую	59,8	1,57	123,6	2,36	183,4	2,02
Приморскую	149,7	3,92	225,0	4,30	374,7	4,11
Забайкальскую	23,2	0,62	18,6	0,37	41,8	0,47
Всего в Сибирь и на Дальний Восток	1148,7	30,10	2549,9	48,78	3698,6	40,90

* РГИА в Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 1–452; Турчаиинов Н. Итоги переселенческого движеиия с 1896 по 1909 гг. 1909 г. СПб., 1910. С. 2–45; его же. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. СПб., С. 48–51; Ставровский Я.Ф., Алексеев В.В. Переселение в Сибирь. СПб., 1906 (за 1885–1914 гг.); Переселенческое движение на окраины в прямом и обратном направлениях в 1896-1916 гг. – Статистический ежегодник России 1916 (год 13). Вып. 1. Пг. 1918. С. 94–103.

Табл. 33. Удельный вес малоземельных крестьян в общей численности наделенных землей крестьян в губерниях Центральной России к началу 1880-х годов*

Губернии	% малоземельных крестьян, имеющих половину и менее узаконенного надела	Приходится крестьян на 100 десятин пахотной земли
Полтавская	23,9	33,2
Саратовская	19,0	20,0
Черниговская	16,7	33,6
Пензенская	13,7	26,3
Нижегородская	12,6	31,8
Симбирская	12,4	25,6
Курская	8,2	30,2
Тамбовская	8,0	26,0
Воронежская	7,9	26,7
Харьковская	7,4	24,4
Рязанская	6,8	34,8
Московская	6,3	62,1
Казанская	5,6	29,2
Ярославская	5,2	45,6
Владимирская	5,0	36,4
Тульская	4,1	27,4
Калужская	3,8	32,6
Орловская	3,1	28,4
Костромская	2,9	35,2
Тверская	2,4	50,5
Итого:	9,1	30,4

* РГИА в Петербурге. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 60–71.

Табл. 34. Доля евреев в общем числе российских иммигрантов в США 70-е годы XIX – начале XX вв. (1870–1920 гг.)*

Годы	Всех российских иммигрантов, тыс. чел.	В том числе евреев тыс. чел.	Доля евреев в числе российских эмигрантов, %
1871–1880	52,4	22,5	42,9
1881–1890	265,1	154,4	58,2
1891–1900	642,0	234,2	36,5
1901–1910	1597,3	704,2	44,1
1911–1920	926,6	330,7	35,7
Всего	3483,4	1446,0	41,5

* Harward Encyclopedia..., p. 571–579; Wilcox W.E. International Migrations..., p. 464, 488.

Табл. 35. Еврейская трудовая эмиграция из Европы и России в США в XIX – начале XX в.*

Годы	Всех еврейских эмиграитов, тыс. чел.	В том числе из России, тыс. чел.	% к итогу
1871–1880	30,0	22,5	75,0
1881–1890	200,0	154,4	77,2
1891–1900	300,0	234,2	78,1
1901–1910	976,3	704,2	72,1
1911–1920	491,2	330,7	67,3
Всего:	1997,5	1446,0	72,4

* Harward Encyclopedia..., p. 571–579, Wilcox W.E. International Migrations..., p. 464, 488.

Табл. 36. Численность сельскохозяйственных рабочих Царства Польского в странах Европы в 90-х годах XIX – начале XX в. (1890–1913 гг.), тыс. чел.*

Год	Всего	В том числе в				
		Германии	Даиии	Фраиции	США	Прочих странах
1890	-	17,3	-	-	-	-
1900	-	119,2	-	-	-	-
1901	-	139,7	-	-	-	-
1902	-	135,7	-	-	-	-
1903	150,3	141,7	0,3	-	8,3	-
1904	149,1	137,7	0,8	-	10,5	0,1
1908	254,9	235,1	4,2	-	12,4	3,2
1909	289,0	260,7	4,1	0,3	20,8	3,1
1910	302,7	275,4	3,6	0,5	20,1	3,0
1911	326,4	296,6	4,4	0,8	20,8	3,8
1912	360,3	322,8	3,7	0,6	28,1	5,0
1913	377,7	343,4	3,5	0,6	25,1	3,1

* Rosznik Statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. Rok 4. 1925/1926; Warszawa, 1927, s. 103.

Табл. 36а. Численность и национальный состав российских сельскохозяйственных рабочих в Германии в 1909–1920 гг. (тыс. чел.)*

Год	Всего	В том числе				
		Поляков	Немцев	Прочих	Всех сельских рабочих	% российских рабочих
1909/1910	259,1	239,9	19,1	0,1	642,9	40,3
1910/1911	276,9	253,1	19,9	3,8	696,6	39,8
1911/1912	308,8	281,8	17,9	0,1	733,3	42,1
1912/1913	317,1	283,4	20,2	13,6	770,5	41,3
1913/1914	322,0	291,5	18,8	11,6	588,2	54,7
1914/1915	351,9	302,3	41,2	8,4	758,6	46,4
1915/1916	445,6	380,1	54,2	10,9	608,3	73,3
1916/1917	474,4	395,1	59,4	19,8	676,6	70,1
1917/1918	502,5	408,9	66,1	27,5	709,9	70,8
1918/1919	167,1	116,1	41,8	9,2	260,1	64,2
1919/1920	157,9	113,9	32,1	11,9	294,8	53,6

* Rosznik Statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. Rok V. 1927, Warszawa, 1927, s. 107; Wirtschaft und Statistik. Jg. 2. № 1; 1922, s. 35–36; International Migrations..., p. 789.

Табл. 37. Размещение выходцев из России и лиц российского происхождения в регионах США по цензам 1890–1920 гг. (тыс. чел.)*

Годы цензов	Всего	В том числе в регионах					
		Новой Англии	Северо-Атлант. штатах	Центральных Сев.-восточных	Центральных Сев.-западных	Южных атлантических	Прочих
1	2	3	4	5	6	7	8
1890							
Выходцев из России	182,6	11,8	81,8	27,7	42,2	5,9	13,9
%	100,0	6,5	44,4	15,2	23,1	3,2	7,6
1900							
Выходцев из России	578,1	63,4	325,1	78,8	65,6	20,5	24,7
%	100,0	11,0	56,3	13,6	11,3	3,5	4,3

Продолжение табл. 37

1	2	3	4	5	6	7	8
Из Финляндии	62,6	6,2	5,4	24,9	11,5	1,3	13,3
%	100,0	9,9	8,6	39,8	18,4	2,1	21,2
1910							
Выходцев из России	1602,8	197,7	893,5	275,0	118,7	49,1	73,8
%	100,0	12,0	55,7	17,2	7,4	3,1	4,6
Финляндии	129,7	14,1	12,8	43,4	28,1	1,5	29,8
%	100,0	10,9	9,9	33,5	21,7	1,0	23,0
Лиц российского происхождения:							
России	2541,7	291,6	1382,5	424,1	233,0	82,0	128,5
%	100,0	11,5	54,4	16,7	9,2	3,2	5,0
Финляндии	211,1	23,1	17,4	76,0	49,2	1,7	45,5
%	100,0	10,1	8,2	36,0	23,3	0,8	21,6
1920							
Выходцев из России:	2675,6	314,2	1328,1	682,7	150,9	76,9	122,8
%	100,0	11,7	49,7	25,5	5,6	2,9	4,6
Финляндии	150,8	19,6	17,4	41,7	31,7	1,3	39,1
%	100,0	13,0	11,5	27,7	21,0	0,9	25,9
Лиц российского происхождения:							
России	3871,1	470,1	1908,8	838,7	301,8	131,6	220,1
%	100,0	12,1	49,3	21,7	7,8	3,4	5,7
Фиинляндии	296,3	35,3	26,8	103,1	67,8	2,0	61,3
%	100,0	11,9	9,0	34,8	22,9	0,7	20,7

* Thirteenth Census of the United States. Taken in the Year 1910. Washington, 1913, p. 193, 204, 208–209; Abstract of the Fourteenth Census of the United States. 1920. Washington, 1923, p. 372–375; Statistical Abstract of the Unitad States, 1921, Washington, 1922, p. 66–70.

Табл. 38. Уроженцы России в регионах США по национальной принадлежности по цензу 1910 г., тыс. чел. (без Финляндии)

Регионы	Всего	В том числе							
		евреев	поляков	литовцев	немцев	«русских»	финнов	украинцев	прочих
Новая Англия* (Массачусетс, Коннектикут и др.)	192,7	97,3	55,6	29,1	3,6	3,3	1,0	0,3	2,5
Средняя Атлантика (Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания)	893,5	560,5	218,9	57,5	14,1	24,6	0,8	1,9	15,2
Северо-Восточный Центр (Огайо, Индиана, Иллинойс, Мичиган, Висконсин)	275,0	100,8	105,9	41,3	15,1	5,3	1,8	0,6	4,2
Северо-Западный Центр (Миннесота, Небраска, Канзас, Айова, Миссури и др.)	118,7	30,9	12,9	3,3	61,5	2,7	0,7	0,3	6,4
Южная Атлантика (Делавэр, Мэриленд, Северная Каролина, Южная Каролина и др.)	49,1	21,5	14,6	3,5	1,3	1,8	0,1	0,1	6,2
Прочая территория	73,8	27,2	10,5	2,3	26,0	2,8	1,5	0,2	3,3
Всего	1602,8	838,2	418,4	137,0	121,6	40,5	5,9	3,4	37,8
%	100,0	52,3	26,1	8,5	7,6	2,5	0,4	0,2	2,4
Лиц недавнего российского происхождения (1-2 поколения)	2567,5	1317,2	655,7	204,1	245,2	65,6	8,9	4,8	66,0
%	100,0	51,3	25,5	7,9	9,6	2,6	0,3	0,2	2,6

* В составе регионов Новой Англии, Северо-Западного Центра и Южной Атлантики указаны только те штаты, где было много уроженцев России. Thirteenth Census of the United States. 1910. Washington, 1911, p. 56–59; Thirteenth Census of the United States. Taken in the Year 1910. Washington, 1922, p. 66–70.

Табл. 39. Размещение уроженцев России в ряде штатов США по ценэам 1900–1920 гг. (тыс. чел).

Штаты	1900 г.				1910 г.			1920 г.				
	Евр. Россия	Финляндия	Польша	Всего	Евр. Россия и Польша	Финляндия	Всего	Евр. Россия	Финляндия	Польша	Литва	Всего
Нью-Йорк	165,6	4,0	37,3	206,9	559,0	8,7	567,7	529,2	12,5	247,5	12,1	801,3
Пеисильвания	51,0	1,0	42,8	94,8	241,0	2,4	243,4	161,1	2,8	177,8	30,2	371,9
Иллиноис	28,7	0,9	17,1	46,7	149,0	2,4	151,4	117,9	3,1	162,4	30,4	313,8
Массачусетс	27,0	5,1	11,0	43,1	117,3	10,7	128,0	92,0	14,5	69,2	20,8	196,5
Нью-Джерси	19,7	0,4	8,7	28,8	93,6	1,6	95,2	73,5	2,1	90,4	6,2	172,2
Коинектикут	11,4	0,4	7,7	19,5	54,1	0,8	54,9	38,7	1,2	46,6	11,7	98,2
Мичиган	4,1	18,9	4,5	27,5	38,0	31,1	69,1	45,3	30,1	103,9	5,5	184,8
Миинесота	5,9	10,7	1,4	18,0	17,5	26,6	44,1	16,1	29,1	18,5	0,7	64,4
Итого	313,4	41,4	130,5	485,3	1269,5	84,3	1353,8	1073,8	95,4	916,3	117,6	2203,1
Всего в США	424,4	63,4	154,4	642,2	1602,8	129,7	1732,5	1400,5	149,8	1139,9	135,1	2825,3
% уроженцев России в 8 указаниых штатах ко всем российским уроженцам в США	73,8	65,3	84,5	75,6	79,2	65,0	78,1	76,7	63,7	80,4	87,0	77,8

* Thirteenth Census of the United States... Washington, 1913, p. 193.

Табл. 40. Размещение в ряде штатов США лиц «недавнего российского происхождения» (1-2 поколения) по ценаам 1910 и 1920 гг. (тыс. чел.)*

Штаты	1910 г.			1920 г.		
	Евр. Россия и Польша	Финляндия	Всего	Евр. Россия и Польша	Финляндия	Всего
Нью-Йорк	1059,5	11,5	1071,0	1168,5	18,2	1186,7
Пенсильвания	387,5	3,7	391,2	512,3	5,1	517,4
Иллинойс	227,9	3,2	231,1	391,4	4,9	396,2
Массачусетс	176,5	16,1	192,6	274,6	26,2	300,8
Нью-Джерси	146,7	2,2	148,9	228,0	3,5	231,5
Коинектикут	83,5	1,3	84,8	150,4	2,1	1525
Мичиган	60,0	55,5	115,5	185,8	70,4	256,2
Миниесота	30,2	44,4	74,6	42,5	61,6	104,1
Итого:	2171,8	137,9	2309,7	2953,5	192,0	3145,5
Всех лиц недавнего российского происхождения	2541,7	211,1	2752,7	3871,1	296,3	4167,4
% к итогу	85,4	65,3	83,9	76,3	64,8	75,5

* Thirteenth Census of the United States. Taken in the year 1910. Washington, 1913, p. 204, 208–209; Abstraht of the Fourteenth Census of the United States. 1920. Washington, 1923, p. 372–375.

Табл. 41. Размещение лиц «недавнего иностранного» (в основном российского) происхождения по национальности по цензу 1920 г. (тыс. чел.)*

Штаты	поляков	«русских»	евреев	финнов	литовцев
Нью-Йорк	404,0	255,3	1903,9	15,4	27,1
Пенсильвания	412,2	107,6	405,0	4,5	91,4
Иллинойс	382,1	38,8	344,0	4,2	74,8
Массачусетс	145,8	32,6	225,6	23,1	44,1
Нью-Джерси	176,3	48,6	225,3	2,7	15,9
Коннектикут	97,3	24,6	91,5	1,4	25,0

Продолжение табл. 41

Штаты	поляков	«русских»	евреев	финнов	литовцев
Мичиган	251,4	23,6	89,5	65,9	12,0
Миннесота	49,5	8,6	51,2	58,7	1,0
Итого:	1918,6	539,7	3110,7	175,9	291,3
Всех лиц этой группы в США (100%)	2436,9	731,9	4228,0	265,5	336,6
% данных по 8 штатам к общему числу	78,7	73,7	73,6	66,3	86,5
В 1910 г. было	1684,1	91,3	1664,1	197,5	207,8

* Abstract of the Fourteenth Census of the United States. 1920. Washington, 1923, p. 392–395.

Табл. 42. Численность выходцев из России в Канаде по цензу 1911 г. (тыс. чел.)*

Категорий населения	Манитоба	Саскачеван	Альберта	Британская Колумбия	Западные провинции	Юкон и северные провинции	Всего
Всех неместных уроженцев (100%)	95,7	102,6	142,7	105,0	506,1	3,4	955,5
в том числе:							
российских	16,4	23,1	10,0	4,0	53,4	0,1	107,0
% к общему числу	17,1	22,5	7,0	3,8	10,6	2,9	11,2
финских	0,2	0,5	1,0	2,1	3,8	0,1	7,7
%	0,2	0,5	0,7	2,0	0,8	2,9	0,8

* The Canada Year Book. 1911–1917. Ottawa, 1917, p. 90.

Табл. 43. Уровень естественного прироста в % на 1000 жителей по ряду стран Европы в 1897–1916 гг.*

Годы	Российская империя	Европейская Россия	Царство Польское	Финляндия	Швеция	Франция	Дания	Бельгия	Англия	Германия	Нидерланды	Австрия	Швейцария	Италия
1897	16,2	16,8	14,5	14,4	11,3	2,8	13,2	11,9	12,2	14,7	15,6	8,0	10,6	12,8
1898	14,6	15,2	15,0	16,6	12,0	0,9	14,7	11,2	11,8	15,6	14,9	8,8	10,2	10,6
1899	16,1	17,2	14,6	13,3	8,7	0,8	12,4	10,2	10,9	14,4	15,0	8,1	11,3	12,0
1900	16,5	17,4	14,8	10,5	10,2	-0,5	12,9	9,5	10,5	13,5	13,8	16,4	9,3	9,2
1901	16,3	16,8	14,5	11,9	10,9	1,9	14,0	12,5	11,6	15,0	15,1	13,7	11,1	10,5
1902	17,1	17,2	17,1	13,1	11,1	2,1	15,1	11,1	12,2	15,7	15,7	14,1	10,2	14,8
1903	17,7	13,9	16,2	16,3	10,6	1,9	14,3	10,5	13,0	13,8	16,0	11,3	9,2	9,8
1904	17,6	18,2	14,4	14,1	10,5	1,5	14,6	10,3	11,6	14,4	15,1	11,6	9,9	11,8
1905	13,9	13,1	13,3	12,3	10,1	0,7	13,2	9,7	12,0	13,2	15,6	8,9	9,5	10,8
1906	16,7	16,7	14,4	13,9	11,3	0,7	15,0	9,3	11,7	14,9	15,6	12,3	10,5	11,1
1907	18,1	18,5	15,2	13,3	10,9	-0,5	14,1	9,6	11,3	14,3	15,4	11,2	10,0	10,6
1908	16,3	16,4	15,3	12,3	10,8	1,2	14,0	8,4	11,8	14,0	14,7	10,9	10,8	12,1
1909	15,2	14,9	14,2	14,6	11,9	0,3	14,9	8,0	11,1	13,8	15,4	10,4	9,5	10,7
1910	14,1	13,7	14,4	13,6	10,7	1,8	14,6	8,5	11,6	13,6	15,0	7,3	9,8	13,4
1911	17,0	17,4	14,7	12,6	10,2	-0,8	13,3	6,5	9,8	11,3	13,3	5,3	8,4	10,1
1912	16,9	16,7	14,8	12,8	9,6	1,5	13,6	7,8	10,6	12,7	15,8	6,9	10,0	14,2
1913	15,5	15,3	13,6	11,1	9,5	1,1	13,1	7,8	10,3	12,5	15,9	5,4	8,8	13,0
1914	16,0	15,7	11,4	11,3	9,1	-1,6	13,1	6,3	9,8	7,8	15,8	5,2	8,7	13,2
1915	9,0	8,5	-0,4	9,5	6,9	-6,9	11,4	3,0	6,1	-1,0	13,8	-3,9	6,2	8,2
1916	4,3	4,2	2,3	7,6	7,6	-8,0	11,0	-0,2	6,7	-4,0	13,7	-6,0	6,0	0,6
1917	-3,7	-2,8**	-0,2	5,5	7,5	-11,4	10,5	-5,0	5,1	-6,6	12,9	-8,5	5,9	0,3
1918	-..	-12,2**	-1,6	-6,6	2,3	-16,8	11,1	-9,5	1,9	-10,4	7,4	-12,0	-2,0	-13,5
1919	-..	-15,0**	3,6	-1,0	5,3	-6,7	9,6	1,2	5,3	4,7	10,8	-2,4	6,0	2,4
1920	-..	-12,1**	5,2	8,3	6,7	4,1	12,5	8,2	13,2	10,8	16,1	3,3	7,9	13,1

* Отчеты о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1896–1914 гг. Табл. 1, СПб. (с 1914 г. – Пг.), 1905–1916; Отчет о состоянии народного здравия... за 1915 год – ЦГИА СССР. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 2851. Л. 2–4; То же за 1916 год – ЦГИА СССР. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 2858. Л. 71–75; Куркин П.И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. М., 1938. С. 82.

** Взяты раасчеты Б.Ц.Урланиса (сб. Воспроизводство иаселения. М., 1983. С. 250–251).

Табл. 44. Коэффициент воспроизводства населения в ряде стран Европы в 1925–1918 гг.%*

Государства	Браков	Родилось	Умерло	Естественный прирост
а) Воюющие**				
Россия	-	-	-	-1,7
Франция	3,8	10,9	25,4	-14,5
Германия	4,6	15,9	21,4	-5,5
Австрия	5,1	15,2	22,4	-7,2
Венгрия	4,4	18,9	24,2	-5,3
Чехословакия	4,2	15,6	20,6	-5,0
Эстония	-	19,3	25,1	-5,8
Бельгия	4,3	12,9	15,8	-2,9
Польша	5,5	27,2	27,9	-0,7
Англия и Уэльс	7,9	19,6	15,5	4,1
Шотландия	6,8	21,8	15,5	6,3
Ирландия	5,1	20,6	17,1	3,5
Италия	7,7	32,5	20,3	12,2
Финляндия	-	27,0	18,9	8,1
б) Нейтральные				
Испания	6,6	29,4	24,7	4,7
Португалия	4,9	30,6	25,6	5,0
Швейцария	5,9	19,0	14,9	4,1
Швеция	6,2	21,0	14,9	6,1
Норвегия	7,1	24,5	14,4	10,1
Голландия	7,1	25,9	13,9	12,0

* Rocznik Statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. 1930. Rok VIII. Warszawa, 1930, s. 599–601; Statistik des Deutschen Reichs Bd. 276. Berlin, 1922, S. VII–IX; Unger-Sternberg R. Die Bevolkerungsverhaltnisse in Estland, Littland, Litauen und Polen. Berlin, 1939, S. 18.

** Без Царства Польского и Великого княжества Финляндского естественный прирост в России: в 1915–1916 гг. – Кабузан В.М. О достоверности учета населения России (1858–1916 гг.) – Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982. С. 112; в 1917 г. – Урланис Б.Ц. Динамика населения России накануне Октября... С. 131; в 1918–1920 гг. – Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны... С. 97–98.

Табл. 45. Различия в уроене естестеенного прироста оседлого и кочевого населения ряда областей Казахстана в 80-е годы XIX — начале XX в. (чел.)*

Годы	Акмолиинская			Турганская			Уральская					
	оседлое иаселение	естеств. прирост	кочевое	естеств. прирост	оседлое население	естеств. прирост	кочевое	естеств. прирост	оседлое	естеств. прирост	кочевое	естеств. прирост
1880	116305	715	337900	981	2270	-	31775	-	109547	1060	412677	-
1890	150862	2442	349312	1547	32853	352	340639	3825	143328	3441	416224	-
1900	323014	6435	435419	3342	44193	868	400886	5564	234676	4026	449131	3995
1910	698474	19452	519360	2810	227760	3834	452750	4815	297963	4496	480023	2734
1914	174090	25065	551493	5071	334968	6841	488917	8787	354909	5714	481019	34

* ЦГИА в Петербурге. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 400-417, 445-459.

Табл. 46. Численность и этнический состав иммигрантое из России в США в 1899-1920 гг. (тыс. чел.)*

Год	Русские, украиицы, белорусы	Поляки	Литовцы и латыши	Немцы	Шведы	Финны	Евреи	Прочие	Всего
1899	1,7	15,5	6,8	5,4	1,0	6,0	24,3	0,3	61,0
1900	1,2	22,5	10,3	5,3	1,9	12,5	37,0	0,1	90,8
1901	0,7	21,5	8,8	5,6	1,0	10,0	37,7	-	85,3
1902	1,5	33,9	10,0	8,5	1,7	13,9	37,8	-	107,3
1903	3,6	39,6	14,2	10,5	1,6	18,8	47,7	0,1	136,1
1904	3,9	32,6	12,7	7,1	0,9	10,1	77,5	0,3	145,1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1905	3,3	47,2	17,6	6,7	0,7	16,7	92,4	0,3	184,9
1906	5,3	46,2	13,7	10,3	0,9	13,5	125,2	0,6	215,7
1907	16,1	73,1	24,8	13,5	1,4	14,3	114,9	0,8	258,9
1908	16,3	37,9	13,3	10,0	0,5	6,3	72,0	0,4	156,7
1909	9,1	37,8	14,6	7,8	0,6	11,2	39,2	0,2	120,5
1910	14,8	63,6	21,7	10,0	1,4	15,0	59,8	0,5	186,8
1911	17,7	40,2	16,2	8,8	0,7	8,9	65,5	0,8	158,7
1912	21,2	51,2	13,6	11,0	0,4	5,7	58,4	1,0	162,4
1913	48,5	112,3	23,9	17,9	0,9	11,2	74,0	2,3	291,0
1914	40,2	66,3	20,8	9,9	0,7	11,0	102,6	4,2	255,7
1915	2,0	4,5	2,2	0,9	0,1	1,7	14,5	0,3	26,2
1916	1,0	0,3	0,1	0,1	0,3	3,8	2,1	0,1	7,8
1917	1,0	0,4	0,1	-	0,5	3,8	6,8	0,1	12,7
1918	0,7	0,1	0,1	-	0,1	1,1	2,0	0,1	4,2
1919	0,4	0,1	-	-	-	0,2	0,5	0,2	1,4
1920	0,3	0,8	-	-	0,1	0,6	4,4	0,3	6,5
Итого:	210,3	747,6	245,5	149,3	17,4	196,3	1096,3	13,0	2675,7
%	7,9	27,9	9,2	5,6	0,7	7,3	41,0	0,4	100,0
В том числе:									
1899–1900	2,9	38,0	17,1	10,7	2,9	18,5	61,3	0,4	151,8
1901–1910	74,6	133,4	151,4	90,0	10,7	129,8	704,2	3,2	1597,3
1911-1920	132,8	276,2	77,0	48,6	3,8	48,0	330,8	9,4	926,6

* Составлено по: Статистический ежегодник России... 1916 (год 13). Пг., 1918. С. 42; Оболенский (Осинский) В.В.; International Migrations..., p. 482, 488; Winkel W. Statistische Handbuch fur das gesamte Deutschtum. Berlin, 1927, S. 318; Rocznik Statystyki Rzeczypospolitej Polskej. R. II, 1923; Warszawa, 1924, s. 30.

Табл. 47. Численность и удельный вес уроженцев России в составе неместных уроженцев в США по ценэам 1850–1920 гг. (тыс. чел.)*

Части Российской империи	Цензы							
	1850 г.	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1920 г.
Европейская Россия	1,4	3,2	4,6	35,7	176,0	424,4	1047,4	1376,2
Литва							137,0	182,0
Финляндия					6,6	63,4	129,7	150,8
Российская Польша		7,3	14,4	48,6	59,0	154,4	418,4	462,2
Итого:	1,4	10,5	19,0	84,3	241,6	642,2	1732,5	2171,4
В т.ч.: лиц недавнего иностранного происхождения (первое и второе поколения иммигрантов)	-	-	-	-	268,6	1046,9	2781,2	4167,4
Всех неместных уроженцев	2210,8	4136,2	5567,2	6700,0	9308,0	10460,0	13345,5	13712,8
Всех лиц «недавнего иностранного происхождения»	-	-	10818,0	14835,0	20625,5	25859,8	32243,4	36398,9
% уроженцев России ко всем неместным уроженцам в США	-	0,2	0,3	1,3	3,5	6,2	13,0	15,8
% лиц «недавнего русского происхождения»	-	-	-	-	1,3	4,0	8,6	11,4

* Statistical Abstract of the United States. 1900. Washington, 1901, p. 400–401; 1910, Washington, 1911, p. 56–59, 121, Washington, 1922, p. 60–70; Abstract of the Fourteenth Census of the United States, 1920, Washington, 1923, p. 366–369, 372–375, 392–395; Thirteenth Census of the United States... 1910, Washington, 1913, p. 193, 204–209.

Табл. 48. Немецкая иммиграция в США в 1899–1920 гг. (тыс. чел.)*

Год	Всех немецких иммигрантов	В том числе из						
		Австрии	Венгрии	Германии	России	Швейцарии	Канады	Прочих стран
1899	26,6	1,5	2,8	15,6	5,4	0,9	-	0,4
1900	29,7	2,6	4,3	16,5	5,3	0,8	-	0,2
Итого	56,3	4,1	7,1	32,1	10,7	1,7	-	0,6
1901	34,7	2,5	5,3	19,5	5,6	1,6	-	0,2
1902	51,7	8,1	8,1	24,8	8,5	1,7	-	0,5
1903	71,8	12,7	10,9	34,2	10,5	2,9	-	0,6
1904	74,8	10,4	12,1	40,5	7,1	3,7	-	1,0
1905	82,4	7,8	25,8	35,3	6,7	3,1	0,1	3,6
1906	86,8	4,2	30,6	31,9	10,3	3,0	0,3	6,5
1907	92,9	2,9	37,6	32,3	13,5	3,0	1,1	2,5
1908	73,0	17,0	10,6	28,2	10,0	2,5	2,5	2,2
1909	58,5	1,5	19,6	22,7	7,8	2,0	3,0	1,9
1910	71,4	6,8	19,5	27,2	10,0	2,6	3,1	2,2
Итого	698,0	73,9	180,1	296,6	90,0	26,1	10,1	21,2
1911	66,5	6,3	15,0	27,8	8,8	2,4	3,9	2,3
1912	65,3	6,3	14,9	24,4	11,0	2,5	4,0	2,2
1913	80,9	8,1	16,0	28,0	17,9	2,9	5,4	2,6
1914	79,9	8,4	20,5	29,0	9,9	3,0	6,3	2,8
1915	20,7	1,1	1,7	6,8	0,9	1,2	5,7	3,3
1916	11,6	0,3	0,4	2,6	0,1	0,4	6,2	1,6
1917	9,7	0,1	0,1	1,7	-	0,6	5,9	1,3
1918	2,0	-	-	0,4	-	0,1	1,2	0,3
1919	1,8	-	-	-	-	0,2	1,5	0,1
1920	7,3	0,1	-	0,8	-	2,7	3,0	0,7
Итого	345,7	30,7	68,6	121,5	48,6	16,0	43,1	17,2
Всего	1100,0	108,7	255,8	450,2	149,3	43,8	53,2	39,0
%	100,0	9,9	23,3	40,9	13,6	4,0	4,8	3,5
Численность немцев**								
1900	74773,5	8628,9	1918,5	51296,3	1768,7	2312,9	310,5	8537,7
1910	85121,1	9427,0	1834,2	59245,0	2443,4	2594,3	403,4	9173,8
1920	85502,5	9477,6	1916,3	60080,0	2579,4	2750,6	294,6	8404,0
%	100,0	11,1	2,2	70,3	3,0	3,2	0,3	9,9

* См. примечание к табл. 46.

** В США лиц «недавнего немецкого происхождения» (1–2 поколений): в 1900 г. – 7961,0 тыс. чел., в 1910 г. – 8646,4 тыс., в 1920 г. – 8164,1 тыс. чел.

Табл. 49. Численность польских иммигрантов из стран Европы в США в XIX – начале XX в. (тыс. чел.)*

Годы	Всего	В том числе из государств				
		России	Австро-Венгрии	Германии	Канады	Прочих
XIX в.	603,2	165,0	288,0	150,2	-	-
%	100,0	27,4	47,7	24,9	-	-
1901–1910	873,7	433,4	398,3	33,0	5,2	3,8
%	100,0	49,6	45,6	3,8	0,6	0,4
1911–1920	474,2	276,2	167,2	11,1	15,9	3,8
%	100,0	58,2	35,3	2,3	3,4	0,8
Всего	1951,1	874,6	853,5	194,3	21,1	7,6
%	100,0	44,8	43,7	10,0	1,1	0,4
В том числе						
1899	28,4	15,5	11,7	1,2	-	-
1900	46,9	22,5	22,8	1,6	-	-
1901	43,6	21,5	20,3	1,8	-	-
1902	69,6	33,9	32,4	3,3	-	-
1903	82,3	39,5	37,5	5,3	-	-
1904	67,8	32,7	30,2	4,9	-	-
1905	102,4	47,2	50,8	3,9	-	0,5
1906	95,8	46,2	43,8	4,1	0,2	1,5
1907	138,0	73,1	59,7	3,9	0,8	0,5
1908	68,1	37,9	26,4	2,3	1,1	0,4
1909	77,6	37,8	36,5	1,3	1,7	0,3
1910	128,3	63,6	60,7	2,2	1,4	0,4
1911	71,4	40,2	27,5	2,2	1,1	0,4
1912	85,2	51,2	30,6	1,7	1,1	0,6
1913	174,4	112,3	55,3	3,7	2,3	0,8
1914	122,7	66,3	49,3	3,2	3,1	0,8
1915	9,1	4,5	2,5	0,3	1,5	0,3
1916	4,5	0,3	1,5	0,1	2,3	0,3
1917	3,1	0,4	0,4	-	2,1	0,2
1918	0,7	0,1	-	-	0,5	0,1
1919	0,7	0,1	-	-	0,6	-
1920	2,5	0,9	-	-	1,3	0,3

* Chmelar H. Hohepunkte der osterreichische Auswanderung. 1905–1914. S. 22–23, International Migrations..., p. 461, 466–468, 483–489, Берзина М.Я. Этнический состав населения США..., С. 42.

Табл. 50. Характеристика состава отдельных национальных групп российской трудовой иммиграции в США, % (1899–1910 гг., реэмиграция 1908-1913 гг.)

	Евреи	Поляки	Русские	Литовцы	Финны
Дети и лица зрелого возраста (до 14 и старше 44 лет)	30,4	11,7	9,7	9,7	11,7
Женщины	43,3	90,5	15,0	29,4	33,9
Ремесленники и имеющие специальность	67,1	6,3	9,1	6,7	6,0
Сельскохозяйственные рабочие, неквалифицированные рабочие, крестьяне, прислуга	25,0	93,2	88,1	92,7	93,3
Торговцы	5,3	0,1	0,9	0,1	0,1
Неграмотные (от 14 лет)	26,0	35,4	38,4	48,9	1,3
Реэмигранты	8,3	21,9	29,2	20,6	18,9
Эмигранты, ранее бывшие в США	2,1	6,9	4,1	3,5	11,3
Денег на одного прибывшего (долларов)	12,8	11,9	19,2	11,1	19,1

* Оболенский (Осинский) В.В. Указ. соч. С. 25; Тудоряну Н.Л. Указ. соч. С. 175.

Табл. 51. Естественный прирост населения России в 20–80-е годы XX в.*

Годы	В России			В СССР прирост
	родилось	умерло	прирост	
1	2	3	4	5
1917	-	-	-	-2,8
1918	-	-	-	-9,5
1919	-	-	-	-15,0
1920	-	-	-	-11,1
1921	33,3	34,6	-1,3	-2,7
1922	27,6	46,3	-18,7	1,2
1923	37,9	21,2	16,7	19,3
1924	43,6	24,2	19,4	21,1
1925	45,6	29,2	16,4	21,5
1926	44,3	21,2	23,2	23,7

Продолжение табл. 51

1	2	3	4	5
1927	43,2	20,8	22,4	21,9
1928	39,2	20,4	18,8	24,8
1929	-	-	-	19,5
1930	39,2	20,4	18,8	18,8
1935	-	-	-	13,3
1936	-	-	-	13,9
1937	38,7	17,5	21,2	19,8
1938	37,5	17,3	20,2	20,5
1939	36,5	17,3	19,2	19,2
1940	33,0	20,6	12,4	13,2
1951–1960	-	-	12,8	17,5
1961–1970	-	-	9,2	11,7
1971–1980	-	-	5,4	8,8
1981–1987	-	-	6,0	9,5
1980	15,9	11,0	4,9	8,0
1981	16,0	10,9	5,1	8,3
1982	16,6	10,7	5,9	8,8
1983	17,5	11,0	6,5	9,4
1984	16,9	11,6	5,3	8,8
1985	16,5	11,3	5,2	8,9
1986	17,2	10,4	6,8	10,2
1987	17,1	10,5	6,6	9,9
1988	16,0	10,7	5,3	8,8
1989	14,6	10,9	3,7	7,6
1990	13,4	11,2	2,2	6,5
1991	12,1	11,4	0,7	-
1992	11,2	12,5	-1,3	-

* Составлена по: Дробижев В.З. У истоков советской демографии... С. 147; Население СССР. 1987.... С. 7, 110–113, 127– ; Максудов С. Потери населения СССР. Вермонт, 1989, С. 202; Хорев Б. Россия перед лицом демографической катастрофы. – Наука и жизнь. 1992, № 11, С. 30–33; Kulischer By Eugene M. Europe on the Move. N.Y., 1948. P. 82.

Табл. 52. Среднегодовой коэффициент естественного прироста населения СССР по республикам в 20-х — 80-х годах XX в. (%)*

Республики	1926	1940	1950	1960	1970	1980	1987
СССР	23,7	13,2	17,0	17,8	9,2	8,0	9,9
РСФСР	23,2	12,4	16,8	15,8	5,9	4,9	6,6
УССР	24,0	13,0	14,3	13,6	6,5	3,4	3,4
БССР	26,0	13,7	17,5	17,8	8,6	6,1	6,2
Узбекская ССР	16,6	20,4	22,1	33,8	28,1	26,4	30,1
Казахская ССР	34,4	19,5	25,9	30,6	17,4	15,8	18,0
Грузинская ССР	23,2	18,6	15,9	18,2	11,9	9,1	9,1
Азербайджанская ССР	21,3	14,7	21,6	35,9	22,5	18,2	20,2
Литовская ССР	13,1	10,0	11,6	14,7	8,7	4,6	6,1
Молдавская ССР	-	9,7	27,7	22,9	12,0	9,8	12,2
Латвийская ССР	7,3	4,9	3,0	6,7	3,3	1,3	3,7
Киргизская ССР	-	16,7	23,9	30,8	23,1	21,2	25,3
Таджикская ССР	-	41,2	32,1	40,1	22,1	22,7	22,9
Армянская ССР	36,4	27,4	23,6	33,3	17,0	17,2	17,2
Туркменская ССР	-	17,4	28,0	35,9	28,6	26,0	29,3
Эстонская ССР	1,3	-0,2	4,0	6,1	4,7	2,7	4,3

* Составлено по: Дробижев В.З. У истоков советской демографии. М., 1987, С. 147; Население Земного шара. Справочник по странам. М., 1988. С. 127–143.

Табл. 53. Среднегодовой коэффициент естественного прироста в ряде регионов бывшего СССР в 70-е – 80-е годы XX в.* (%)

Регионы	1970 г.	1980 г.	1987 г.
Северный	7,2	7,5	9,4
Северо-Западный	2,4	1,5	2,8
Центрально-Промышленный	2,9	1,3	2,4
Поволжье	6,2	4,8	6,8
Центрально-Черноземный	3,1	0,4	2,6
Северный Кавказ	8,0	6,7	8,4
Приуралье	7,3	6,1	8,6
Западная Сибирь	9,8	10,1	12,1
Дальний Восток	10,6	9,7	11,8
Южная Украина	7,0	4,3	5,9

* Население СССР. 1987... С. 160–163.

Табл. 54. Репатриация в Польшу из России и СССР в 1918–1924 гг. (тыс. чел.)*

Народы	1918 г.	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1918-1924	% к итогу
Поляки	22,0	193,2	49,9	112,2	66,6	18,0	7,6	469,5	37,1
Русские	55,0	50,2	3,1	8,2	2,8	2,1	1,4	122,8	9,7
Литовцы	0,1	3,2	1,4	2,2	1,7	0,2	-	8,8	0,7
Украинцы	5,9	32,6	15,1	45,4	22,6	2,1	0,2	123,9	9,8
Белорусы	-	5,6	14,9	300,5	159,9	10,1	0,8	491,8	38,9
Евреи	-	1,5	1,7	13,9	15,3	0,9	0,1	33,4	2,6
Прочие	-	-	-	-	9,9	1,2	3,7	14,8	1,2
Всего	83,0	286,3	86,1	482,4	278,8	34,6	13,8	1265,0	100,0

* Составлена по: Rocznik Statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. Rok III. Warszawa, 1925, S. 32.

Табл. 55. Число беженцев и эмигрантов, прибывших в Польшу в 1918–1922 гг. (тыс. чел.)*

Народы	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	Всего
Поляки	227,1	760,5	332,3	665,6	74,6	2060,1
Русские	321,3	234,5	10,4	16,6	5,7	588,7
Украинцы	15,1	79,9	115,6	76,4	17,2	304,2
Евреи	-	4,4	3,5	18,4	12,7	39,0
Белорусы	1,3	19,9	38,7	451,4	135,3	646,6
Немцы	27,3	15,2	6,5	12,2	4,7	65,9
Прочие	12,8	114,8	53,3	11,2	220,6	412,7
Всего	604,9	1229,2	560,3	1251,8	470,8	4117,2

* Составлена по: Rocznik Statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. Rok 1. 1922–1923. Cz. 11. Warszawa, 1923, S. 338.

Табл. 56. Движение населения Царства Польского, Западной Украины, Западной Белоруссии и Виленской области в 1914–1918 гг. (тыс. чел.)*

Регионы	Население к		Весь прирост или убыль	в том числе	
	01.01.1914	01.01.1919		естественный	механический
Царство Польское	12569,0	10948,0	-1617,0	75,0**	-1652,0
Западная Украина, Западная Белоруссия, Виленская область	5377,0	3852,0	-1525,0	-150,0	-1375,0
Всего	17946,0	14800,0	-3142,0	-75,0	-3067,0

* Maly Rocznik Statystycznj. Rok 8. 1937, Warszawa, 1937, S. 43.

** Фактически за эти пять лет в Царстве Польском естественный прирост составил 135,3 тыс. чел. (убыль отмечалась только в 1915 г. — 5,4 тыс., 1917 г. — 2,1 тыс., 1918 г. - 39,6 тыс.). Однако в данном случае в состав Белостокского воеводства вошла часть бывшей Гродненской губернии с Белостоком, где естественная убыль населения оказалась более значительной (см. Zagadnienia demograficzne Polski. Ruch naturalny ludnosci w latach 1895–1935. Warszawa, 1936, S. 46–125).

Табл. 57. Численность и направления эмигрантов из восточных воеводств Польши за 1927–1938 гг. (тыс. чел.)*

Воеводства	Сезонная миграция				Несезонная миграция					
	Всего	в том числе в				Всего	В том числе в			
		Германию	Латвию	Эстонию			Францию	США	Канаду	Аргентину	Палестину
Виленское	7,2	-	68,3	4,5		22,9	7,8	1,2	0,8	7,0	2,9
Новогрудское	9,9	0,2	8,8	0,2		15,1	3,5	1,1	0,9	3,7	2,6
Полесское	0,4	-	0,4	-		29,2	0,4	2,7	5,4	10,1	4,6
Волынское	0,5	0,1	0,4	-		60,0	1,1	2,5	12,7	22,9	5,9
Львовское	26,8	21,3	5,5	-		128,8	76,1	8,0	17,7	12,9	6,9
Станиславское	3,0	3,0	-	-		27,6	5,2	2,0	7,6	6,6	3,2
Тарнопольское	2,0	0,4	1,6	-		64,5	13,0	2,8	25,1	15,7	2,9
Итого	115,4	26,0	85,0	4,7		348,1	107,1	21,3	70,2	78,9	29,0

* Составлена по: Maly Rocznik..., Rok X, 1939, Warszawa, 1939, S. 553.

Табл. 58. Эмиграция евреев, немцев и армян из СССР в 1951–1987 гг.*

Годы	Евреев	Немцев	Армян**	Итого
1951–1960	15199	16851	12000	44050
1961–1970	10062	5587	-	15649
1971–1980	248929	64197	34083	347209
1981–1987	25698	35681	10500	71879
Всего	299888	122316	56583	478787

* Heifman S. Eine Alternative zur Sprachschwund; Deutsche Auswanderung in komparativer Sicht - Die Deutschen in UdSSR in Geschichte und Gegenwart, Baden-Baden. 1990, S. 267–271.

** В 1951–1960 гг. – во Францию, позже – в США.

Табл. 59. Направление и численность еврейской эмиграции из СССР в 1951–1987 гг.*

Годы	Всего человек	В том числе в страны					
		Израиль		США		Прочие	
		человек	%	человек	%	человек	%
1951–1970	25200	11200	44,4	-	-	14000**	55,6
1971–1980	248900	156300	62,8	83400	33,5	9200	3,7
1981–1987 гг.	25700	10500	40,9	14100	54,8	1100	4,3
Итого:	299800	178000	59,4	97500	32,5	24300	8,1

* Источники даны в примечаниях табл. 58.

** Эмиграция в Польшу, а оттуда в Израиль.

Табл. 60. Механическое движение населения (баланс миграций) в республиках СССР в 1961–1987 гг. (тыс. чел.)*

Республики	1961–1970 гг.	1971–1980 гг.	1981–1987 гг.
Россия	-1114,2	673,1	230,7
Украина	529,8	198,6	-228,2
Белоруссия	-159,7	-84,0	-64,1
Узбекистан	413,5	149,9	-746,0
Казахстан	413,8	-562,2	-689,8
Грузия	-94,2	-161,9	-153,8
Азербайджан	-69,4	-96,4	-298,6
Литва	48,7	67,7	55,6
Молдавия	68,0	-31,4	-134,4
Латвия	144,3	104,3	56,4
Киргизия	69,7	-99,0	-162,5
Таджикистан	119,9	2,7	-215,2
Армения	144,1	85,2	120,9
Туркмения	9,3	-10,4	-134,3
Эстония	92,6	59,9	32,9

* Составлена по: Население СССР. 1987. Статистический справочник. М., 1988. С. 8–15, 110–126.

Табл. 61. Изменения в численности и удельном весе русского и русскоязычного населения в государственных образованиях бывшего СССР в 1762–1989 гг. (без русских областей, млн. чел., % ко всему населению)*

Год	Русских	%	Русско-язычных	%	Коренных	%	В том числе в России			
							русских	%	коренных	%
1762	0,9	5,9	-	-	-		0,8	33,6	-	-
1926	10,9	12,5	14,0	16,1	67,1		5,0	36,9	6,3	46,3
1939	16,8	16,9	-	-	64,3		6,1	35,7	7,1	42,3
1989	37,1	22,5	50,1	30,4	64,1		11,8	45,7	9,8	37,8

* Составлена по данным таблиц 1–3.

Табл. 62. Изменения в численности и удельном весе русского и русскоязычного населения в государственных образованиях бывшего СССР в 1762–1989 гг. (ко всему русскому и русско-язычному населению бывшего СССР = 100%, млн., %)*

Год	Русских	%	Русско-язычных	%
1762	0,9	8,2	-	-
1926	10,9	13,9	14,0	16,5
1939	16,8	16,7	-	...
1989	37,1	25,6	50,1	30,6

* Составлена по данным таблиц 1–3.

Табл. 63. Численность и этнический состав населения на территории республик Прибалтики в XIX–XX вв. (тыс. чел. и %)

Республики и народы	1795	1858	1897	1914-1917	1923-1925	1939	1959	1970	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
В бывшем СССР										
литовцев	896,6	1226,4	1684,6	1853,8	1863,7	2191,9	2326,1	2664,9	2850,9	3067,4
латышей	721,9	975,9	1510,7	1635,2	1510,7	1608,4	1399,5	1429,8	1439,0	1459,0
эстонцев	482,7	719,3	1085,6	1153,9	1085,6	1117,1	988,6	1007,4	1019,9	1026,6
В республиках:										
Литва	1243,2	1768,8	2753,7	3296,7	2599,2	2952,2	2711,4	3128,2	3394,5	3694,8
В том числе:										
литовцев	873,1	1188,5	1594,3	1763,7	1799,0	2133,2	2150,8	2506,8	2712,2	2924,3
%	70,2	67,2	57,9	53,5	69,2	72,3	79,3	80,1	79,9	79,6
русских	1,5	35,9	139,3	174,6	66,9	101,2	231,0	268,0	303,5	344,5
%	0,1	2,0	5,1	5,9	2,6	3,4	8,5	8,6	8,9	9,4
поляков	111,3	109,4	278,9	410,6	340,2	322,4	230,1	240,2	247,0	258,0
%	9,0	6,2	10,1	12,5	13,1	10,9	8,5	7,7	7,3	7,0
белорусов	125,5	168,8	246,1	255,5	19,0	19,4	30,3	45,4	57,9	63,2
%	10,1	9,5	8,9	7,8	0,7	0,7	1,1	1,5	1,7	1,7
украинцев	-	1,7	2,5	-	-	0,3	17,7	25,1	32,0	44,8
%	-	0,1	0,1	-	-	-	0,7	0,8	0,9	1,2
евреев	84,4	192,4	360,4	523,4	217,6	268,8	24,7	23,6	14,7	12,3
%	6,8	10,9	13,0	15,9	8,4	9,1	0,9	0,8	0,4	0,3
латышей	9,9	17,0	35,2	38,0	14,9	18,2	6,3	5,1	4,4	4,2
%	0,8	1,0	1,3	1,2	0,6	0,6	0,2	0,2	0,1	0,1
татар	0,7	0,9	1,6	-	-	-	3,0	3,5	4,0	5,1
%	-	-	-	-	-	-	0,1	0,1	0,1	0,1
цыган	0,3	0,2	-	-	-	-	1,2	1,9	2,3	2,7
%	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
иемцев	35,8	50,2	83,2	127,9	89,0	81,3	-	-	-	2,1
%	2,9	2,8	3,0	3,9	3,4	2,8	-	-	-	-
прочих	0,3	3,8	12,2	3,0	52,6	1,5	16,3	8,8	13,8	13,6
%	-	0,2	0,4	0,1	2,0	-	0,6	0,3	0,4	0,4
Латвия	887,2	1256,0	1929,3	2374,6	1844,8	1947,0	2093,5	2364,1	2502,8	2666,6
В том числе:										
латышей	711,5	945,4	1318,6	1539,1	1354,1	1459,2	1297,9	1341,8	1344,1	1387,8
%	80,2	75,3	68,3	64,8	73,4	74,9	62,0	56,8	53,7	52,0
русских	27,4	71,8	154,7	228,1	196,3	186,6	556,4	704,6	821,5	905,5
%	3,1	5,7	8,0	9,6	10,3	9,6	26,6	29,8	32,8	34,0
белорусов	39,7	51,0	79,5	99,1	38,0	26,9	61,6	94,9	111,5	119,7
%	4,5	4,1	4,1	4,2	2,1	1,4	2,9	4,0	4,5	4,5
поляков	18,0	34,0	65,2	103,6	51,1	70,0	59,8	63,0	63,0	60,4
%	2,0	2,7	3,4	4,4	2,8	3,6	2,9	2,7	2,5	2,3
украинцев	-	-	0,7	1,1	-	2,0	29,4	53,5	66,7	92,1
%	-	-	-	-	-	-	1,4	2,3	2,7	3,5

Продолжение табл. 63

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
литовцев	9,1	7,8	24,3	54,9	23,2	26,4	32,4	40,6	37,8	34,6
%	1,0	0,6	1,3	2,3	1,3	1,4	1,5	1,7	1,5	1,3
евреев	13,0	44,5	122,7	166,3	95,7	93,9	36,6	36,7	28,3	22,9
%	1,5	3,5	6,4	7,0	5,2	4,8	1,7	1,6	1,1	0,9
цыган	-	0,1	-	-	-	4,0	4,3	5,4	6,1	7,0
%	-	-	-	-	-	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3
эстонцев	6,9	15,7	17,4	20,0	7,9	7,8	4,6	4,3	3,7	3,3
%	0,8	1,3	0,9	0,8	0,4	0,4	0,2	0,2	0,1	0,1
татар	-	-	0,4	-	-	-	1,8	2,7	3,8	4,8
%	-	-	-	-	-	-	0,1	0,1	0,2	0,2
немцев	61,4	84,2	136,8	143,8	71,0	62,0	-	-	3,3	3,7
%	6,9	6,7	7,1	6,1	3,8	3,2	-	-	0,1	0,1
прочих	0,2	2,1	9,0	18,7	10,2	8,2	8,7	16,6	13,3	24,8
%	-	-	0,5	0,8	0,6	0,4	0,4	0,7	0,5	0,9
Эстония	491,8	743,0	958,3	1126,4	988,8	1052,0	1196,8	1356,1	1464,5	1565,7
В том числе:										
эстонцев	461,7	683,9	861,8	1011,2	923,0	965,7	892,7	925,2	947,8	963,3
%	84,8	92,0	89,9	89,8	92,4	91,8	74,6	68,2	64,7	61,5
русских	3,8	19,1	37,8	46,8	37,6	48,4	240,2	334,6	408,8	474,8
%	0,8	2,6	3,9	4,2	3,8	4,6	20,1	24,7	27,9	30,3
украинцев	-	-	-	0,2	-	-	15,8	28,1	36,0	48,3
%	-	-	-	-	-	-	1,3	2,1	2,5	3,1
белорусов	-	-	-	-	-	-	10,9	18,7	23,5	27,7
%	-	-	-	-	-	-	0,9	1,4	1,6	1,8
финнов	-	0,1	-	-	-	1,0	16,7	18,5	17,8	16,6
%	-	-	-	-	-	0,1	1,4	1,4	1,2	1,1
евреев	-	-	3,8	6,7	3,8	4,3	5,4	5,3	5,0	4,6
%	-	-	0,4	0,6	0,4	0,4	0,5	0,4	0,3	0,2
латышей	-	3,8	6,9	10,7	-	4,1	2,8	3,3	4,0	3,2
%	-	0,5	0,7	0,9	-	0,4	0,2	0,2	0,3	0,2
поляков	-	0,6	1,9	2,5	-	1,5	2,3	2,4	2,9	3,0
%	-	-	0,2	0,2	-	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2
литовцев	-	-	0,1	0,1	-	-	1,6	2,4	2,4	2,6
%	-	-	-	-	-	-	0,1	0,2	0,2	0,2
татар	-	-	-	-	-	-	1,5	2,2	3,2	4,1
%	-	-	-	-	-	-	0,1	0,2	0,2	0,3
немцев	17,0	29,9	33,3	32,1	17,6	15,8	0,7	-	3,9	3,5
%	3,5	4,0	3,5	2,8	1,8	1,5	-	-	0,3	0,2
шведов	3,8	5,4	5,8	6,0	7,8	7,6	-	-	-	-
%	0,8	0,7	0,6	0,5	0,8	0,7	-	-	-	-
прочих	0,1	0,2	7,4	10,1	9,0	3,5	6,2	15,2	9,3	14,0
%	-	-	0,8	0,9	0,9	0,3	0,5	1,1	0,6	0,9

Табл. 64. Национальная структура населения Молдавии в конце XIX в. — 1989 г. (тыс. чел., %)*

Народы	1897	1930	1939	1940	1959	1970	1979	1989
Молдаван								
в СССР	-	1731,2	1892,7	-	2214,1	2698,0	2968,2	3352,4
%	-	-	1,0	-	1,1	1,1	1,0	1,2
Молдавия								
Все население	1429,4	2332,8	2452,0	2607,6	2884,5	3568,9	3949,8	4335,4
В том числе:								
молдаван	877,1	1567,8	1632,7	1736,1	1886,6	2303,9	2525,7	2794,7
%	61,4	67,2	66,6	66,6	65,4	64,6	64,0	64,5
украинцев	213,9	184,6	239,0	253,5	420,8	506,6	560,7	600,4
%	15,0	7,9	9,8	9,7	14,6	14,2	14,2	13,8
русских	91,1	218,1	173,0	188,3	292,9	414,4	505,7	562,1
%	6,4	9,4	7,1	7,2	10,2	11,6	12,8	13,0
гагаузов	27,7	74,3	84,4	-	95,9	124,9	138,0	153,5
%	1,9	3,2	3,4	-	3,3	3,5	3,5	3,5
евреев	173,2	175,3	193,0	-	95,1	98,1	80,1	65,7
%	12,1	7,5	7,9	-	3,3	3,8	2,0	1,5
болгар	16,1	55,0	61,6	-	61,7	73,8	80,7	88,4
%	1,1	2,4	2,5	-	2,1	2,1	2,0	2,0
цыган	6,4	11,5	12,0	-	7,3	9,2	10,7	11,6
%	0,5	0,5	0,5	-	0,3	0,3	0,3	0,3
белорусов	-	-	0,4	-	6,0	10,3	13,9	19,6
%	-	-	-	-	0,2	0,3	0,4	0,5
поляков	8,7	8,8	9,2	-	4,8	4,9	5,0	4,7
%	0,6	0,4	0,4	-	0,2	0,1	0,1	0,1
румын	-	-	-	-	1,7	-	-	-
%	-	-	-	-	-	-	-	-
армян	1,2	1,3	1,1	-	1,2	1,3	2,0	2,9
%	0,1	-	-	-	-	-	-	-
татар	-	-	-	-	1,1	1,9	2,6	-
%	-	-	-	-	-	-	0,1	-
немцев	11,4	32,0	36,5	-	3,8	9,4	11,4	7,3
%	0,8	1,4	1,5	-	0,1	0,1	0,1	0,1
прочих	2,7	3,6	9,0	429,7	5,7	10,1	13,4	24,5
%	0,2	0,2	0,4	16,5	0,2	0,3	0,3	0,6

* Составлена по: Recansamintul general al populatei Romaniei din 29Decembrie 1930. Vol II. Bucuresti, 1938, p. 28–29, 32. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIII. Украинская социалистическая советская республика... С. 182–184; Архив Госкомстата СССР. Фонд переписи 1939 г., Д. 42. Л. 1–6; Итоги Всесоюзной переписи 1959 года. Молдавская ССР. М., 1962; Итоги Всесоюзной переписи 1970 года. Т. IV. М., 1973; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. IV. М., 1983; Национальный состав населения СССР. По данным всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991.

Табл. 65. Население левобережных районов Молдавии по данным переписей 1926 и 1959 гг. (порайонные сведения)*

Районы	Всего	молдаван	немцев	русских	украинцев	болгар	евреев	Прочих
1926 г.								
Григориопольский	30,1	13,7	6,3	3,9	4,6	-	1,1	0,5
Камеиский	39,2	15,1	0,2	0,4	18,3	-	4,2	1,0
Рыбницкий	47,7	17,0	-	1,8	23,1	-	4,4	1,4
Дубоссарский	42,6	28,1	0,3	2,9	6,1	-	4,6	0,1
Слободзейский	37,6	24,3	-	5,7	6,5	-	0,6	0,5
Тираспольский	64,8	16,8	1,0	21,2	12,6	5,9	6,6	0,7
Итого	262,0	115,5	7,8	35,9	71,2	5,9	21,5	4,2
%	100,0	44,1	3,0	13,7	27,2	2,2	8,2	1,6
1959 г.								
Рыбницкий (с Камеиским)	95,8	36,9	-	7,1	47,3	-	2,6	1,9
Дубоссарский	75,5	47,3	-	9,8	16,2	0,1	-	2,1
Тираспольский (с Григориопольским и Слободзейским)	156,6	52,6	-	46,4	39,8	7,8	6,5	3,5
Итого:	327,9	136,8	-	63,3	103,3	7,9	9,1	7,5
%	100,0	41,7	-	19,3	31,5	2,4	2,8	2,3
Кроме того в районах, отошедших в 1940 г. к Украине. По переписи 1926 г.								
Балтский	98,1	2,3	-	4,5	79,7	-	10,4	1,2
Аиаиьевский	62,3	21,0	0,1	2,1	32,2	-	6,4	0,5
Бирзульский (Котовский)	57,8	18,4	0,3	3,8	30,7	-	2,9	1,7
Краснооки янский	41,2	6,5	2,1	2,2	27,2	-	2,7	0,5
Крупянский	50,9	8,6	0,1	0,4	36,5	-	4,6	0,7
Итого	310,3	56,8	2,6	13,0	206,3	-	27,0	4,6
%	100,0	18,3	0,8	4,2	66,5	-	8,7	1,5

* Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIII. Украинская социалистическая республика. М., 1928, С. 182–184; Архив Госкомстата СССР. Фонд «Перепись 1959 года», д. Молдавская ССР.

Табл. 66. Численность и национальный состав населения Москвы в 40-х годах XIX в. — 1989 г. (тыс. чел. и %)

Год	Всего	В том числе							
		русских	украинцев	белорусов	поляков	евреев	татар	немцев	прочих
1840	347,2	338,4	-	-	2,8	0,5	0,2	5,1	0,2
%	100,0	97,5	-	-	0,8	0,1	-	1,5	-
1897	1038,6	987,1	4,5	1,0	9,2	10,1	4,4	17,7	4,6
%	100,0	95,0	0,4	0,1	0,9	1,0	0,4	1,7	0,5
1926	2025,9	1771,7	16,2	13,2	14,6	131,2	17,1	6,0	55,9
%	100,0	87,5	0,8	0,7	0,7	6,4	0,9	0,3	2,7
1939	4541,5	3974,2	103,8	27,9	13,2	265,0	63,3	8,7	85,4
%	100,0	87,5	2,3	0,6	0,3	5,8	1,4	0,2	1,9
1959	5085,6	4507,9	115,5	34,4	10,2	239,2	80,5	-	97,9
%	100,0	88,6	2,3	0,7	0,2	4,7	1,6	-	1,9
1979	7931,6	7146,7	206,9	59,2	7,9	223,1	131,4	3,2	153,2
%	100,0	90,1	2,6	0,7	0,1	2,8	1,7	-	2,0
1989	8875,6	7963,2	252,7	73,0	6,9	174,8	157,4	4,7	242,9
%	100,0	89,7	2,8	0,8	0,1	2,0	1,8	-	2,7

Оглавление

От редактора 5

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ. ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ 7

THE GOALS AND TASKS OF RESEARCH. HISTORIOGRAPHY. A DESCRIPTION OF THE SOURCES 14

I. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О РУССКОМ ЭТНОСЕ. ЯЗЫК, РЕЛИГИЯ, ТЕРРИТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО ЭТНОСА. РУССКИЕ ЗА РУБЕЖОМ БЫВШЕГО СССР 18

1. Общие сведения о русском этносе 18

2. Язык и языковые особенности у различных этнографических групп русских 20

3. Характеристика религии 23

4. Территория формирования русского этноса 23

5. Русское Зарубежье 29

Русские в «дальнем» зарубежье 30

Русские в «ближнем» зарубежье 32

Русские во «внутреннем» зарубежье 33

II. РУССКИЙ ЭТНОС В XVIII в. (1719–1795 гг.) 36

1. Внутренние миграции в дореформенной России (20–50-е годы XVIII в.). Земледельческие миграции в России в период роста и укрепления феодально-крепостнических отношений (1719–1762 гг.) 36

2. Изменения в численности и размещении русского этноса в Российской империи в 20–60-х годах XVIII в. 40

Этнодемографические процессы в 20–40-е годы 40

Этнодемографические процессы в 40 – начале 60-х годов (1744–1762 гг.) 47

3. Миграционные процессы в России в 60–70-х годах XVIII в. (1762–1781 гг.) 50

4. Воспроизводство населения России в 60–70-е годы XVIII в. 56

5. Миграционные процессы в России в 80-х – первой половине 90-х годов XVIII в. 57

Миграции внутри Российской империи 57

Иммиграция в Россию 67

Эмиграция из России 68

6. Изменения в численности и расселении русского этноса в Российской империи в 60-90-х годах XVIII в. 69

III. РУССКИЙ ЭТНОС В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (1795–1858 гг.) 81

1. Миграционные процессы в России в первой половине XIX в. (1795–1858 гг.) в период кризиса и разложения феодально-крепостнического строя 81

Общее движение населения в конце XVIII – 50-х годах XIX в. Естественный прирост 81

Миграционные процессы в России. Иммиграция немцев и армян 85

Выводы 106

2. Изменения в численности и расселении русского этноса в России в первой половине XIX в. 109

IV. РУССКИЙ ЭТНОС ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (1858–1897 гг.) 122

Движение населения России в 1858–1897 гг. 122

1. Воспроизводство населения в России в 60–90-е годы XIX в. 123

2. Внутренние и внешние миграции в России в эпоху капитализма (1859–1896 гг.) 130

Общая характеристика миграционных процессов в России во второй половине XIX в. ... 130
Виутрениие миграции в России в 60-е годы XIX в. ... 134
Эмиграция из России в 60-е годы XIX в. Выезд крымских татар и ногайцев в 1860–1862 гг. Иммиграция в Россию ... 137
Виутреинняя миграция в России в 70–80-е годы XIX в. ... 142
Межконтииеитальная и сезонная внутриевропейская эмиграция из России в 70–90-е годы XIX в. ... 147
Иммиграция в Россию в 70–90-х годах XIX в. ... 154
Заключеиие ... 155
3. Изменения в численности и размещенне русского этноса в Российской империи во второй половине XIX в. (1858–1897 гг.) ... 157
V. РУССКИЙ ЭТНОС В НАЧАЛЕ XX в. (1897–1917 гг.) ... 177
1. Воспроизводство населения в России в 1897–1916 гг. в эпоху империализма ... 177
2. Внутренние и внешние миграции в России в эпоху империализма (1897–1916 гг.) ... 183
Внутренние миграции ... 183
Виешние миграции. Межконтинентальная и сезоииая миграция. Эмиграция из России в 1897–1917 гг. ... 188
Иммиграция в Россию в 1897–1917 гг. ... 203
Заключеиие ... 205
3. Изменеиия в численности и размещеиии русского этноса в Российской империи в иачале XX в. (1897–1917 гг.) ... 206
VI. РУССКИЙ ЭТНОС В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917–1989 гг.) ... 217
1. Естественный прирост в России и СССР в 20–80-е годы XX в. ... 218
2. Миграционные процессы в СССР и эмиграция из СССР в 20–80-е годы ... 224
Введение, источники, постановка проблемы ... 224
Миграционные процессы в России в годы первой мировой и гражданской войн (1918–1922 гг.) ... 227
Миграциоииые процессы в 20–30-х годах на западных территориях, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг. ... 231
Миграционные процессы в СССР в коице 30-х – 80-х годах XX в. ... 232
Заключеиие ... 242
3. Русский этнос в 20–80-х годах XX в. ... 244
Русские в СССР ... 244
Русские в России ... 247
Русские иа Украине ... 253
Русские в Казахстане и Киргизии ... 254
Русские в Белоруссии ... 257
Русские в Прибалтике ... 258
Русские в Молдавии ... 263
Русские в Средней Азии ... 264
Русские в Закавказье ... 265
Русские в столицах республик бывшего СССР ... 266
Русские в столице России – Москве ... 268
Заключеиие ... 270
ПРИЛОЖЕНИЕ: таблицы 1–66 ... 279

TABLE OF CONTENTS

From the editor 5

THE GOALS AND TASKS OF RESEARCH. HISTORIOGRAPHY.

A DESCRIPTION OF THE SOURCES (English) 14

I. GENERAL INFORMATION ABOUT RUSSIAN ETHNIC COMMONALITIES. LANGUAGE. RELIGION. TERRITORY OF FORMING OF RUSSIAN ETHNIC COMMONALITIES. RUSSIANS OUTSIDE THE BORDERS OF THE FORMER USSR 18

1. General information about Russian ethnic commonalities. 18

2. Language and linguistic peculiarities of various ethnographical groups of Russians. 20

3. Description of the religion. 23

4. Territory of forming of Russian ethnic commonalities. 23

5. Russians abroad. 29

II. RUSSIAN ETHNIC COMMONALITIES IN THE XVIII CENTURY (1719–1795) 36

1. Home migrations in Russia before reforms (1720–1750's).

Agricultural migrations in Russia during development and consolidation of feudal-serf relations (1719–1762). 36

2. Dynamics of number and distribution of Russian ethnic commonalities in the Russian Empire in the 1720–1760's. 40

3. Migratory processes in Russia in the 1760–1770's (1762–1781). 50

4. Birth rate of Russian population in the 1760–1770's. 56

5. Migratory processes in Russia in the 1780's – the first half of the 1790's. 57

6. Dynamics of number and distribution of Russian ethnic commonalities in the Russian Empire in the 1760–1790's. 69

III. RUSSIAN ETHNIC COMMONALITIES IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY (1795–1858). 81

1. Migratory processes in Russia in the first half of the XIX century (1795–1858) in the period of crisis and decay of feudal-serf system. 81

2. Dynamics of number and distribution of Russian ethnic commonalities in the Russian Empire in the first half of the XIX century. 109

IV. RUSSIAN ETHNIC COMMONALITIES IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY (1858–1897). 122

Movements of Russian population in 1858–1897 122

1. Birth rate of population in Russia in the 1860–1890's. 123

2. Internal and external migrations in Russia during the epoch of capitalism (1859–1896) 130

3. Dynamics of number and distribution of Russian ethnic commonalities in the Russian Empire in the second half of the XIX century (1858–1897). 157

V. RUSSIAN ETHNIC COMMONALITIES AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (1897–1917). 177

1. Birth rate of population in Russia in 1897-1916 during the epoch of imperialism. 177

2. Internal and external migrations in Russia during the epoch of imperialism (1897 – 1916). 183

3. Dynamics of number and distribution of Russian ethnic commonalities in the Russian Empire at the beginning of the XX century (1897 – 1917) 206

VI. RUSSIAN ETHNIC COMMONALITIES IN THE SOVIET PERIOD (1917 – 1989) 217

1. Natural increase of population in Russia and the USSR in the 1920 – 1980's. 218

2. Migratory processes in the USSR and emigration from the USSR in the 1920 – 1980's. 224

3. Russian ethnic commonalities in the 1920 – 1980's: 244

Russian population in the USSR. 244

Russian population in Russia. 247

Russian population in republics of the former USSR and their capitals. 253

APPENDIX: Tables 1 – 66. 279

Владимир Максимович Кабузан

РУССКИЕ В МИРЕ.
Динамика численности и расселения (1719–1989).
Формирование этнических и политических границ
русского народа.

Редактор Р.Б. Евдокимов
Компьютерный набор – Л.Л. Подъячева
Компьютерная верстка – Н.Н. Грибещенко

Лицензия ЛР № 070937 от 20 апреля 1993 г.
Сдано в печать с оригинал-макета 20.11.95. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Печ. л. 22. Тираж 1000 экз. Заказ № 3529
Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ».
190000, Санкт-Петербург, Английская наб., 4.

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН.
199034, Санкт-Петербург, ВО, 9-я линия, 12.

Русские в мире